

Пу Сун-лин

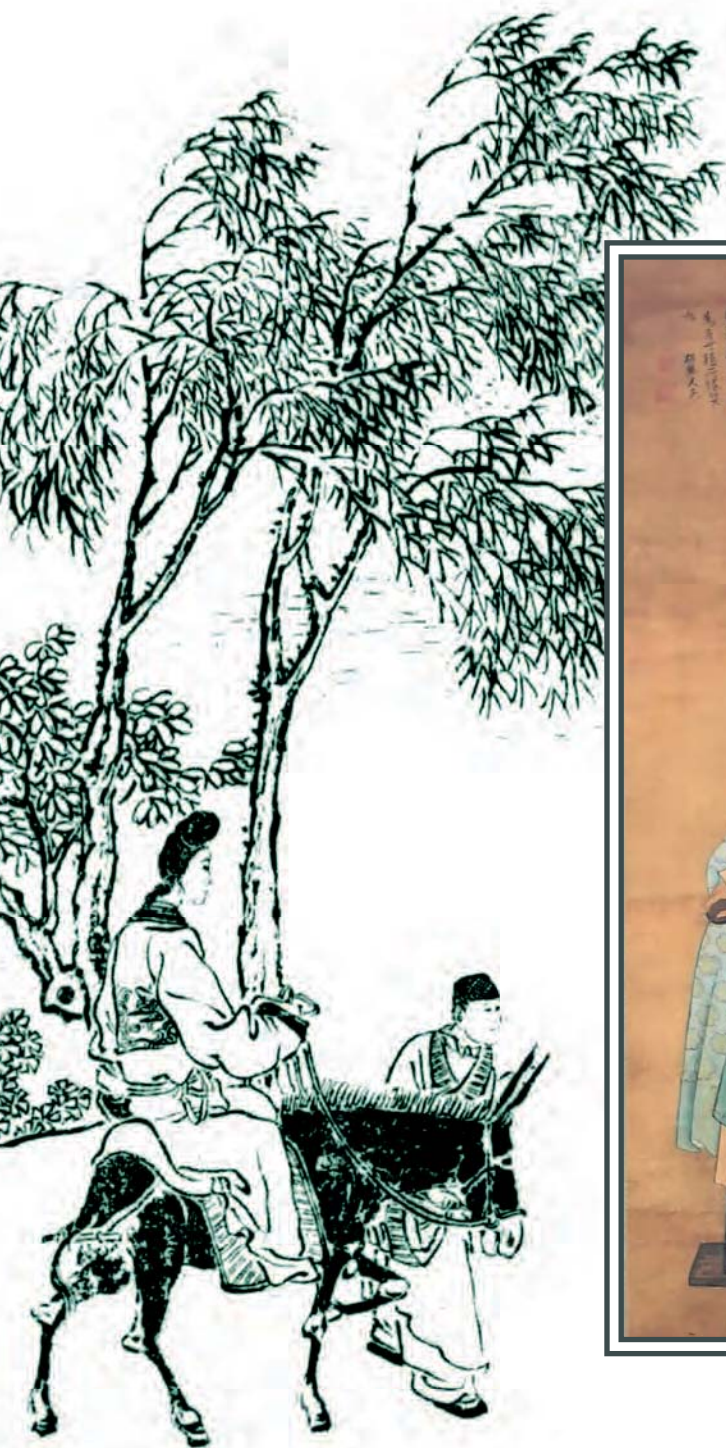
聊齋志異

Ляо Чжай Чжи И
Странные истории
из Кабинета
Неудачника

Том 2

**Санкт-Петербургский
государственный университет**

聊齋志異

ПУ СУН-ЛИН

Лао Чжай
Чжи И

СТРАННЫЕ ИСТОРИИ
ИЗ КАБИНЕТА НЕУДАЧНИКА

Полное собрание в 12 цзюанях
В 7 томах

*В переводах с китайского
академика В. М. Алексеева
и профессора А. Г. Сторожука*

ТОМ 2

Издательство СПбГУ
Санкт-Петербург
2023

ББК 84(5кит)

УДК 82-34

П88

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф., академик РАН *В. С. Мясников* (ИКСА РАН);
канд. филол. наук, проф. *И. С. Смирнов* (Ин-т классич. Востока и антич. НИУ ВШЭ);
канд. ист. наук *Т. И. Виноградова* (Библиотека Рос. акад. наук)

П88 **Пу Сун-лин.** Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника):
Полное собрание в 12 цзюанях. В 7 т. Т. 2 / Сост. А. Г. Сторожук, отв. и науч.
ред. Д. И. Маяцкий, перев. В. М. Алексеева, А. Г. Сторожука. — СПб.:
Изд-во СПбГУ, 2023. — 628 с., ил.

ISBN 978-5-288-06354-1

ISBN 978-5-288-06232-2 (общий)

Полное собрание фантастических новелл Пу Сун-лина (Ляо Чжая, 1640–1715),
известное как «Странные истории из Кабинета Неудачника» (Ляо Чжай чжи и),
является одной из вершин китайской художественной прозы.

Представленный в этом издании первый полный перевод «Странных историй...»
выполнен академиком В. М. Алексеевым (1881–1951) и профессором А. Г. Сто-
рожуком и снабжён обширными и разнообразными комментариями. Семь томов
полностью повторяют структуру классического двенадцатицзюаневого свода «Ляо
Чжая». Во второй том вошли 3 и 4 *цзюани* (свитки) «Странных историй...».

Издание будет интересным как для специалистов, так и для всех интересу-
ющихся китайской литературой, историей и верованиями.

ББК 84(5кит)

УДК 82-34

*Издание осуществлено при поддержке Фонда международного преподавания
китайского языка и Столичного педагогического университета*

На фронтистисе — портрет Пу Сун-лина кисти Чжу Сян-лина (朱湘麟), 1713 г.

Иллюстрации китайских художников из литографических изданий 1886 г.

ISBN 978-5-288-06354-1

ISBN 978-5-288-06232-2 (общий)

© В. М. Алексеев (и его правопреемники), перевод,
комментарии, 1922, 1923, 1928, 1937, 1949

© А. Г. Сторожук, составление, перевод,
комментарии, каллиграфия, 2023

© Санкт-Петербургский государственный
университет, 2023

Составители искренне благодарны:

Профессору Нанькайского университета Янь Го-дуну и профессору Нанкинского университета Дун Сяо за неоценимую помощь в предоставлении важнейших материалов для издания;

А. Ф. Бусыгиной, Е. А. Завидовской, Т. И. Корнильевой, Е. Г. Орловой, Д. А. Потапенко, Ю. Сидоренко, Хань Дань за поддержку и помощь в работе над изданием;

М. А. Азаркиной, С. В. Бычко, Р. Р. Мухаметзянову, Е. Г. Фирсовой за помощь в работе над архивными материалами.

**Титульный лист
иллюстрированного свода «Странных историй»,
изданного в 1888 году в Шанхае,
в издательстве Чжибуцзучжай (知不足齋)**

За основу был взят классический восьмитомник 1886 года, но с другими дизайнерскими решениями. Надпись: «詳註聊齋志異圖詠», то есть: «Иллюстрированное издание Странных историй из Кабинета Неудачника с подробными комментариями», справа от которой стоит пояснение: «丁亥冬月華隱題» — «Зимней луной года Дин-Хай¹ Хуа-инь² написал». Почерки лишу и синишу.

¹ То есть в 1887 году. Дин-Хай (丁亥) — двадцать четвёртый год 60-летнего цикла.

² Хуа-инь (華隱), возможно, «Отшельник Хуа».

От составителей

Цянь янь

前言

光緒十四年
孟春之月
知不足齋
上石摹印

**Оборот титульного листа
иллюстрированного свода «Странных историй»,
изданного в 1888 году в Шанхае,
в издательстве Чжибуцзучжай (知不足齋)**

Надпись: «光緒十四年孟春之月知不足齋上石摹印» —
«В первой весенней луне четырнадцатого года [правления
под девизом] Гуан-сюй¹ гравировано и литографировано
в Чжибуцзучжае». Почерк чжунь.

¹ Т. е. 1888 г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Дорогой читатель! Во втором томе «Станных историй из кабинета неудачника» представлены следующие два — третий и четвёртый — *цзю-ани* классического свода (в основе его лежит Чжусюэчжайский список (鑄雪齋抄本聊齋志異) 1751 года) в переводах академика В. М. Алексеева и профессора А. Г. Сторожука.

Поскольку сборники переводов В. М. Алексеева, выходившие с 1922 по 1937 годы, не придерживались последовательности новелл ни в Чжусюэчжайском, ни в Цинкэтинском собраниях, комментарии к текстам делались исходя из логики построения публиковавшихся подборок, а не китайского оригинала. По этой причине при включении их в полный корпус «Станных историй» в комментариях могут наблюдаться частичные повторы или лакуны. Переводы В. М. Алексеева мы считаем себя не вправе как-то изменять, да и совершенно не хотим этого делать, поэтому они воспроизводятся точно такими, как были опубликованы при жизни академика (по целому ряду причин изменения, внесённые при редакции в тексты посмертных публикаций, в этом

издании отражаться не будут). Переводы А. Г. Сторожука, наоборот, имеют сквозную систему ссылок; во избежание путаницы, как и в первом томе, комментарии В. М. Алексеева даются **синим шрифтом**, комментарии А. Г. Сторожука — **красным**. Единственное дополнение в переводах В. М. Алексеева, привнесённое в этом издании, — это восполненные утраты (послесловия), которые так и не были переложены академиком на русский язык; здесь предлагается перевод этих послесловий со специальным указанием, что он был привнесён отдельно. В названиях новелл, как и в первом томе, авторские привнесения В. М. Алексеева даются в квадратных скобках.

Завершает том предисловие В. М. Алексеева к сборнику рассказов Пу Сун-лина «Монахи-волшебники», опубликованному в 1923 году в Государственном издательстве (серия Всемирная литература, Москва — Петроград).

Предисловие

Сюй янь

序言

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами третий и четвёртый *цзюани* (свитки) из полного корпуса расширенного Чжусюэчжайского собрания, принятого на сегодня в качестве классического. Как и в предыдущем томе, тематика новелл крайне разнообразна — от описания призраков и волшебников до бытовых зарисовок; крайне разнообразен и стиль изложения: от пресного и почти формального до предельно насыщенного образами, метафоричного и поэтичного. Вместе с тем некоторые особенности тематики и стиля изложения в текстах второго тома проявляются много масштабнее и ярче, чем в первом томе, и о них необходимо сказать отдельно.

Прежде всего, стоит отметить большое количество текстов, написанных полностью или в значительной части ритмической прозой. Ритмические вставки, часто протяжённые, встречались и в новеллах 1 и 2 *цзюаней*, но здесь они присутствуют в подавляющем большинстве произведений, а некоторые практически полностью написаны именно ритмической прозой. Переход от обычного повествования к ритмизации иногда как-то обусловлен (например, диалоги ритмизируются, а «слова автора» — нет; ритмически излагаются какие-то возвышенные эпизоды или любовные сцены), но зачастую смена ритма происходит в текстах спонтанно, и, бывает, даже в рамках одного предложения. Всё это создаёт весьма существенные

сложности как для адекватного переложения на русский язык, так и для читательского восприятия. Опираясь на выдвинутые В. М. Алексеевым принципы перевода, мы передаём ритмическую прозу стилем, максимально близким к привычному нарративу этих новелл, сохраняя тем не менее метр, где количество ударений соответствует количеству иероглифов в переводимом пассаже. Смена ритма — количества иероглифов в пассаже — отражается сменой количества ударений в русском тексте, при этом вся содержательная часть оригинала должна быть полностью воспроизведена и число привнесений должно быть либо минимальным, либо, что желательно, стремиться к нулю. Те же принципы соблюдаются нами и в переводе стихотворных текстов, которые в новеллах 3 и 4 *цзюаней* встречаются много чаще, чем в предыдущем томе.

Внешне бесстрастное повествование (авторское отношение подчас можно понять только по особенностям подбора метафор или отсылок к классикам), дополняемое ярким и весьма броско, личностно окрашенным послесловием, представляет собой художественно-композиционную основу большинства новелл, но в некоторых произведениях и структура, и нарратив будут совершенно другими. Так в новелле «Хитрый мухлёж» (4 *цзюань*) авторский комментарий не завершает текст, а непосредственно предваряет его, и дальнейшее изложение событий несёт на себе черты этого глубоко персонализированного постскриптума. Таких произведений в собрании «Станных историй» немного, но они встречаются и, как в случае с описанной новеллой, могут быть весьма значительны по объёму.

Что касается тематики новелл, то необходимо остановиться на следующих важных моментах:

1. В произведениях третьего и четвёртого *цзюаней* имеются тексты, основной или одной из главных характеристик которых выступает комичность; это могут быть краткие зарисовки, подобные новелле «Цяньцзун Ян» (*цзюань* 4), где комическое начало лежит в основе всего повествования; это могут быть масштабные описания неведомых земель и нравов, подобные «Якшиной державе» (*цзюань* 3), где послесловие сводит всё к искусному каламбуру, заставляющему взглянуть на рассказанное под совершенно другим, комическим углом. Особенно значимым обстоятельством является здесь стремление именно к комизму, а не к социальной сатире или самоиронии.

2. Также в новеллах этого тома широко представлена тема дальних странствий в неведомые земли. Областью, где эти земли расположены,

неизменно оказывается юг — не только южные области Китая, но и юг вообще, дальние полуденные страны, существующие неведомо где и полные невероятных чудес. Тема юга как средоточия всевозможных диковин, равно как и описания путешествий туда, будет возникать и в новеллах об оборотнях (например, «Ван Ши-сю», *цзюань* 3), и в героических повестях («Гэн-нян», *цзюань* 3), и в сатирических сочинениях («Ракшасский морской базар», *цзюань* 4). Дальние путешествия и таящиеся в чужих землях чудеса привлекали Пу Сун-лина всю жизнь, но реальной возможности посетить неведомые края так никогда и не выпало (единственное путешествие за пределы родной провинции было предпринято Пу Сун-лином в 1670 году, когда он ездил в Цзянсу); тем невероятнее и красочнее предстаёт тема странствий в текстах «Странных историй».

3. Отдельной и весьма важной для писателя темой также являются рассуждения о запретной однополрой любви; этот вопрос поднимается многожды в разных произведениях («Тянь Седьмой Молодец», «Хитрый мухлѣж» — оба в *цзюане* 4), но ярче и выпуклее всего он представлен в новелле «[Нежный красавец] Хуан Девятый», *цзюань* 3, а особенно в послесловии к ней. В издании 1937 года В. М. Алексеев отказался переводить это послесловие, объясняя свой выбор невозможностью соответствовать нормам цензуры, которые при переложении текста на русский язык непременно были бы нарушены. В нашем издании мы всё-таки приводим максимально точный перевод послесловия, поскольку без него обсуждаемая тема не может быть рассмотрена в творчестве Пу Сун-лина сколько-нибудь полно и доказательно.

Иллюстрации, как и в первом томе, берутся из шанхайских литографических изданий 1886 года, об особенностях которых будет подробно рассказано в седьмом томе собрания. На оборотах шмуцтитолов можно видеть авторские знаки других шанхайских печатен, где также делались литографические оттиски иллюстрированных «Странных историй» в конце XIX века.

Цзюань

3

卷三

江中
 長江天塹
 渡無梁
 南北中分
 此戰場
 無限青燐
 明復滅
 一杯我欲
 吊蒼茫

83.
НА РЕКЕ¹
江中

Ван Шэн-юй² путешествовал на юге да бросил якорь посредине Реки. Собрался уж почивать, смотрит: луна сияет, что белёный шёлк, никак невозможно заснуть; послал за челядинным отроком — размял чтобы да растёр. Вдруг слышит: по крыше ладьи, словно бы дитя прохаживается, ступит на тростниковые циновки — звук идёт; издалёка от кормы движет и понемногу близится к дверям. Встревожился, не разбойники ли, спешно поднялся, спрашивает отрока — отрок тоже это слышит. Посредь вопросов да ответов — глядь: человек какой-то распластался наверху ладейной крыши, свесил голову — подсматривает внутрь каюты. В великой оторопи ухватил меч, кличет всех слуг; целая ладья разом пробудилась. Рассказал, что видел. Кто-то усомнился, не померещилось ли, а внезапно — звук-то наново раздаётся. Все вскочили, смотрят по четырём сторонам — до самой дали никого, лишь редкие звёзды, сияющая луна, безбрежные речные волны — и только. Скопом уселись в ладье, тут же и наблюдают: голубоватые огоньки, словно

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

На Реке — имеется в виду река Янцзы.

² Ван Шэн-юй (王聖俞) — Ван На-цзянь (王納諫), известный эрудит и государственный деятель конца Мин.

фонарики видом, возникают внезапно из водной глади, по воде плывут-движутся, а как помалу приблизятся к судну, так огонь сразу и гаснет. Потом вдруг чёрный человек появился: внезапно вздымается, встаёт твердыней над водой, рукой цап за ладью и шествует. Все тут же в гомон:

— Наверняка эта тварь-то и была!

Хотели в него стрелу пустить, а только лук натянули, как тот-час пал ничком в воды — и разглядеть невозможно, да! Спросили лодочника, а лодочник говорит:

— Это место древней битвы, черти тут временами кажутся да пропадают, ничего в том и удивительного.

84.

ДОЧЬ ГОСПОДИНА ЛУ¹

魯公女

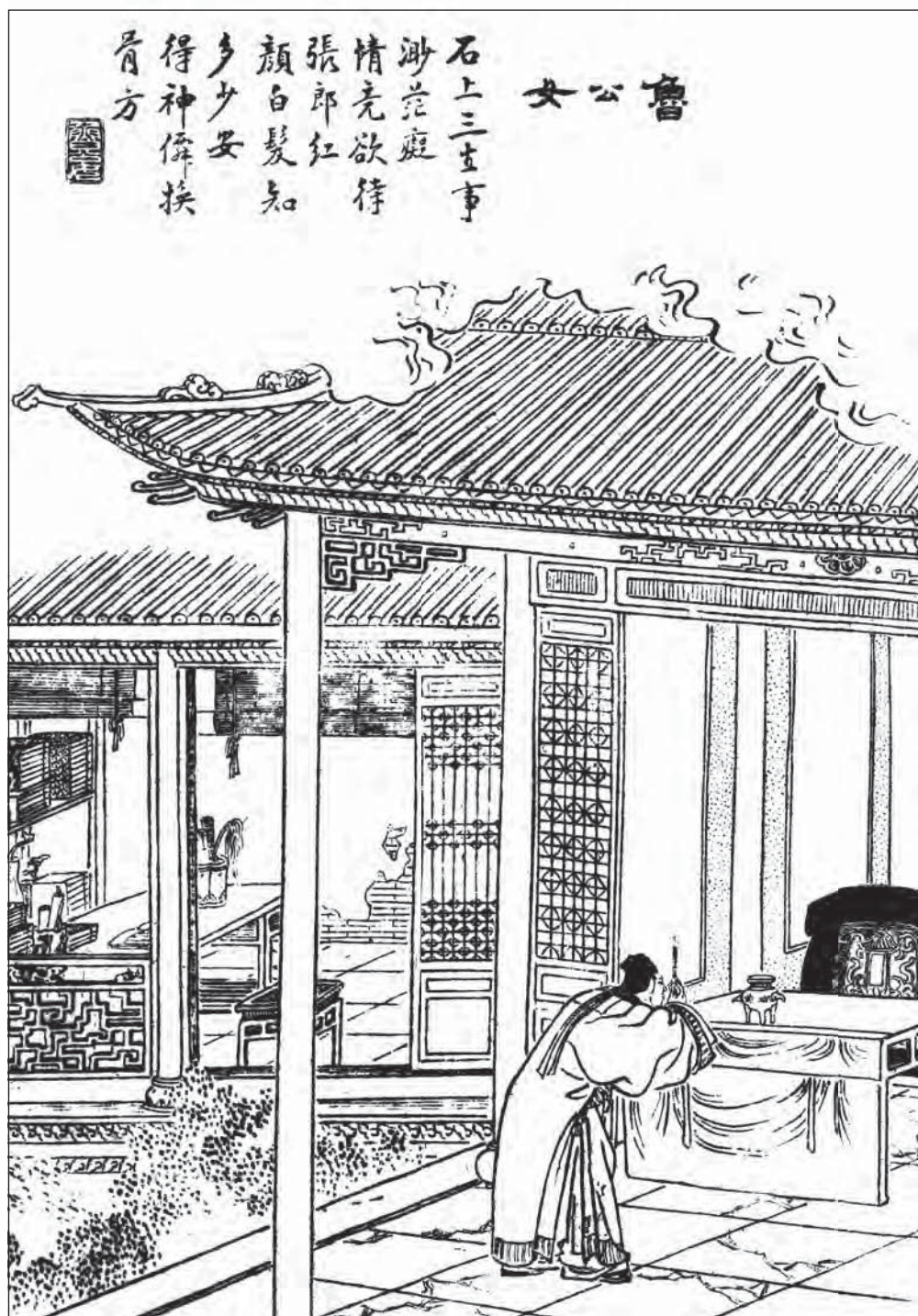
Чжан Юй-дань из Чжаоюаня² натурой был неистов и безудержен, обучение проходил, как говорят, в «попынной обители»³. На ту пору у начальника уезда, господина Лу, родом из земель «Трёх Хань»⁴, имелась дочь, любившая поохотиться. Вот студенту

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Чжаоюань — уезд в северо-западной части Шаньдунского полуострова.

³ Попынная обитель — то есть буддийский монастырь. Традиция восходит к постройке монастыря Лянским У-ди (梁武帝, 464–549 гг.), первым из китайских государей, официально принявшим буддизм. Император велел занимавшему высокие придворные должности выдающемуся каллиграфу и литератору Сяо Цзы-юню (蕭子雲, 487–549 гг.) написать в стиле *фэй-бай* (также *фэй-бо*, 飛白, особый стиль, при котором части иероглифа оставались непрописанными, как если бы не хватило туши) большой иероглиф «сяо» — фамильный знак Сяо Цзы-юня, обозначающий также «попынь». Этот великолепно выполненный каллиграфический знак на протяжении очень долгого времени украшал храм, привлекая посетителей, и впоследствии буддийские монастыри по аналогии стали называться «обителями Сяо» или «попынными обителями».

⁴ Три Хань (кор. Самхан) (三韓) — название для трёх племенных союзов, существовавших на территории нынешней Южной Кореи на рубеже эр — Ма Хань (кор. Махан) (馬韓), Чэнь Хань (кор. Чинхан) (辰韓) и Бянь Хань (кор. Пёнхан) (弁韓).

и случись встретить её в захоlustье, видит: манера и облик прелестны, изящны; одета парчою, собольею шубой; верхом на коне вороном, невысоком; изысканность истая, словно с картины. Вернувшись, всё думал про облик прекрасный, в предельной мечте с восхищением грезил⁵; потом услышал, что барышня внезапно скончалась, и, скорбно вздыхая, погибнуть стремился.

Лу, оттого что родные пределы далече, гроб поручил святилищу, как раз тому, где студент и обучался. Студент ей отдавал почести, словно божеству пресветлому, рассвет — непременно жёг курения, трапеза — непременно нёс жертвования, всякий раз возливая вином, молитвенно прорекал:

— Узревши вашу половину лика — в плену навек; душой во сне лишь грежу. Не помышлял, что красота нефрита так скоро вдруг достигнет превращения⁶. Сегодня рядом вы — шаг да аршин лишь, а чужды, как за реками-горами⁷; с печалью где ж тут совладать? Однако в жизни есть оковы-путы, а умер — нет запретов-страхов, у Девяти истоков дух ваш — так должно лёгкою стопой⁸ прийти утешить мой восторг любовный.

⁵ С восхищением грезил (欽想) — выражение восходит к знаменитому указу Циского Мин-ди (齊明帝, 452–498 гг.), призывающего к службе известного учёного, эрудита и литератора Се Фэя (謝朓, 441–506 гг.). Впоследствии становится устойчивой конструкцией в высоком и эпистолярном стилях.

⁶ Достигнет превращения — цитата из книги «Чжуан-цзы» (莊子), разделы «Рассуждение об уравнивании вещей» (齊物論) и «Нарочитые помыслы» (刻意), где говорится о возникновении и исчезновении как о формах постоянного взаимного превращения. Таким образом, смерть есть не более чем одно из таких превращений, что порождает впоследствии расхожую не только в даосских кругах устойчивую конструкцию «достичь превращения» в значении «умереть».

⁷ Как за реками-горами (邈若河山) — последняя фраза — прямая цитата из поминального текста по начальнику области Вэй Цюну (祭韋府君文) великого танского поэта Чэнь Цзы-ана (陳子昂, 661–702 гг.).

⁸ Лёгкою стопой — в тексте употреблено выражение, первоначально обозначавшее звон нефритовых подвесок при грациозном движении красавицы (珊珊). Впоследствии это выражение стало передавать именно лёгкость и грациозность движений прекрасной дамы.

Днём и ночью так возглашал мало не полмесяца.

Однажды ввечеру, подвесив лампу⁹, предавался ночным штукам; вдруг поднимает голову — ан и барышня с улыбкой стоит под светильником. Студент в потрясении вскочил и ну подробно расспрашивать, а барышня говорит:

— Будучи тронута вашими чувствами, вот не смогла одолеть себя и потому не спаслась от порока к милому тайно бежать.

Студент крайне обрадовался — и сладились у них восторг да любовь. С того времени порожних ночей не случалось.

Вот и говорит студенту:

— Я, недостойная, при жизни пристрастилась к луку да лошади и, пустив стрелу в косулю-рогача, убила оленя забавы ради; грех этот глубок и тяжёл, и после смерти не найти приюта. Если искренне вы полюбили меня, презренную, то обременю вас прочесть за меня «Алмазную сутру»¹⁰ числом канона¹¹ — во всех жизнях и рождениях не забуду того!

Студент почтительно, что называют, принял наставление, всякую последующую ночь перед гробом перекатывал чётки, чтя на память. Вдруг подошло время празднований, хотел вместе с ней навеститься домой, да барышня от тревоги стала в ногах слаба, не смогла, на-

⁹ Подвесив лампу (挑燈) — выражение, в китайской традиции имеющее два значения: 1) привесить лампу повыше, чтобы свет охватывал больше пространства, и 2) вытащить побольше фитиль лампы, добавляя света. Поскольку и то и другое широко использовалось во время ночных занятий, само словосочетание стало устойчивым символом прилежной учёбы, продолжавшейся даже в ночное время.

¹⁰ «Алмазная сутра» («Ваджраччхедика Праджняпарамита сутра», 金剛經) — один из важнейших текстов махаянского буддизма. См. примеч. 12 к новелле 82 «Барышня Линь Четвёртая», цзюань 2, том 1.

¹¹ Числом канона (一藏數) — то есть 5048 раз. В буддийском каноническом своде Трипитаке периода Кай-юань (開元, 713–741 гг.) насчитывалось как раз 5048 цзюаней. Впоследствии это количество превысило 7200, но, согласно традиции, числом канона по-прежнему считается 5048, и при начитывании священных текстов используется именно оно.

зовём так, дать туфлям странничать¹². Студент просил дозволения нести её охапкой и на плечах, барышня, смеясь, согласилась на то. Всё равно как младенца взял на руки, ничуть не тяжело, не утомительно. А потому так и заобычались: и на экзамены носил с собой совместно, однако ж, подвига́лись непременно в ночи. Намерился студент отправиться на осенние палаты¹³, а барышня говорит:

— Счастье ваше скудно, нестишь да погонять — бесплотная надсада. Вот и послушал её речей да остался.

Набежало года четыре-пять, Лу уволился со службы, ан из безденежья не мог переправить гроб её и замыслил здесь же предать его земле; сокрушался, что нет надела под погребение. Тут студент и объявил себя:

— Я, ничтожный, обладаю тщедушной делянкой близ обители; желал бы захоронить вашу, сударь, дочь.

Господин Лу возрадовался, да студент к тому ж всеми силами помог обставить похороны. Лу почёл то за благодеяние и не доискивался до его причин. Уехал Лу — эти двое, говоря общо, шёлком увязались¹⁴, как и велось обиходом.

Однажды ночью склонилась-припала к студентовой груди, роняет слёзы с горошину, говоря:

¹² Дать туфлям странничать (跋履) — устойчивый оборот, восходящий к «Цзо чжуаню» (左傳), цзюань 27, «Тринадцатый год Чэн-гуна» (成公十三年), где так говорится о Цзиньском Вэнь-гуне (晉文公, 636–628 гг.), который в военных походах «давал туфлям странничать» через горы и потоки, пересекал чуждадельные и опасные пределы. Впоследствии выражение приобретает значение «преодолевать долгие пути через земли и воды», то есть предаваться далёким и опасным путешествиям.

¹³ Осенние палаты ([秋]闈) — осенние провинциальные экзамены. См. примеч. 7 к новелле 31 «Студент Е», цзюань 1, том 1.

¹⁴ Шёлком увязаться (綢繆) — стандартное выражение, обозначающее душевную близость. В Китае существовала легенда о том, что ноги будущих супругов с рождения связаны Подлунным Старцем (月下老人) невидимыми шёлковыми нитями, предопределяющими их последующий союз. В ряде местных традиций (например, в Юньнани) обряд бракосочетания также связан с наматыванием в храме символической нити на особую подставку, что знаменует неразрывность заключённого союза.

— Пять лет любви, а вот нынче и расстаёмся, да! За ваши доброту и верность и нескольких жизней не достанет, чтобы воздать.

Студент с тревогой спрашивает её, а она в ответ:

— Милость, что сподобилась удостоиться, достигла до обитательницы края под источниками¹⁵, чтение сутры каноном исполнено, ныне получаю рождение в семье хэбэйского налогового министра Лу. Если не позабудете день сегодняшней, через пятнадцать лет отныне, шестнадцатого дня восьмой луны обеспокою вас прийти на встречу.

Студент возрыдал и говорит:

— Мне уж больше тридцати, да ещё пятнадцать лет — это уж, как говорят, следует «ложиться в деревянное»¹⁶, какая встреча тут будет?

Барышня тоже в слёзы и отвечает:

— Хотела бы стать вашей рабыней-прислужницей, чтобы отблагодарить.

Чуть позже попросила:

— Вы проводите меня, презренную, вёрст шесть-семь: тут уходить — много терний да шипов, а у меня, недостойной, платье долго, трудно перебраться.

Вот обняла студента за шею, тот отнёс — вышли на открытый большак, видит — у дороги скопление лошадей да повозок; на лошадях где по одному, где по двое сидят, в повозках где по трое, по четверо, а где и больше десятка — вразнобой всё. Ан единственный раззолочённый экипаж — расшит бахромой, червон переднюю

¹⁵ Под источниками (泉下) — то есть на том свете, подробнее см. примеч. 33 к новелле 49 «Не Сяо-цянъ», *цзюань* 2, том 1.

¹⁶ Ложиться в деревянное (就木) — то есть ложиться в гроб, готовиться к смерти. Выражение берёт начало из истории, изложенной в «Цзо чжуане» (左傳), *цзюань* 15, «Двадцать третий год Си-гуна» (僖公二十三年), где рассказывается о Цзиньском Вэнь-гуне — Цзи Чун-эре (姬重耳, 697–628 гг. до н. э.), который, собираясь бежать в Ци, предписывал своей супруге ждать его 25 лет и лишь потом снова выходить замуж, а та отвечала, что ей уже двадцать пять, и ещё через двадцать пять думать придётся не о повторном замужестве, а том, чтобы «ложиться в деревянное», поэтому просит разрешения дожидаться его обратно.

шторою — и одна лишь древняя старушка в нём. Видя — барышня подходит, — и окликнула:

— Пришли?

А барышня в ответ:

— Пришла!

Тут оглянулась на студента и речёт:

— На этом всё, теперь ступайте. Да не забудьте, что сказала!

Студент поладил; та подступила близь повозки, старуха, руку протянув, вверх посадила; вот закружились обода — и тронулись, карета, лошади — «тянь-е»¹⁷ — и скрылись прочь.

Студент в досаде-огорчении вернулся, отметил день да время¹⁸ на стене. Поскольку всё размышлял о заслугах от чтения сутр да мантр, продолжал рецитации с ещё большим благочестием. Увидел во сне святого, который говорил:

— Намеренье твоё вельми превосходно, однако ж, должно-необходимо наведаться к южным морям¹⁹.

Тот спрашивает:

— А сколь далеки южные моря?

А в ответ:

— Близко: в области с квадратный вершок²⁰.

¹⁷ Тянь-е (閤咽 или 閤噎) — звукоподражание грохоту, производимому роскошным экипажем. Восходит к «Оде Уской столице» (吳都賦) цзиньского литератора Цзо Сы (左思, ~250~305 гг.), где так описывался гул от пышных крытых выездов.

¹⁸ День да время (時日) — в предсказательных и религиозных текстах так обычно говорится о благоприятном времени исполнения какого-либо предприятия. Здесь имеется в виду назначенный барышней день свидания.

¹⁹ Южные моря (南海) — здесь: согласно простонародным верованиям, место обители Бодхисаттвы Авалокитешвары; называются самые разные резиденции божества, но чаще всего — гора Цзиньтошань (晉陀山) на островке в южной части Ханчжоуского залива, рядом с городом Чжоушань (舟山).

²⁰ Область с квадратный вершок (方寸地) — то есть сердце. Здесь: цитата из книги «Ле-цзы» (列子), глава 4 «Конфуций» (仲尼), где врачеватель Вэнь Чжи, осмотрев мудреца Лун Шу, сказал, что сердце его — это пространство с квадратный вершок, и оно совершенно пусто.

Пробудился — и постиг смысл сказанного; меня сблизиться с бодхи²¹, подвизался с умноженным целомудрием. Спустя три года его второй сын Мин и старший сын Чжэн друг за другом отличились на высших экзаменах²². Студент, хоть внезапно и попал в знатные, но благими делами не ослаб. Вот ночью и снится ему некто в тёмных одеждах — зазывает идти; видит в дворцовом зале сидит человек — наружностью Бодхисаттвы и встречу ему говорит:

— Блага, вершимые вами, отрадны, да жаль, что не наделены вы долгими годами. На счастье, у Высшего Владыки они-таки вымолены, да!

Студент припал к земле, бьёт челом — его окликают подняться, благоразрешают сесть, подносят чаем — вкус ароматен, словно орхидея. Да ещё зовут отрока отвести его, велят омыться в пруду. Вода в пруду чиста и прозрачна, плавающих рыб перечесать можно; вошёл в неё — а тепло, зачерпнул её — благоухает листьями лотоса. Вскоре достиг помалу до глубинных мест, остушился — и ухнул: что называют, переправляясь вброд, ушёл с головой²³. В страхе пробудился и подивился тому. С тех пор тело делалось всё здоровее, а взор всё яснее. Огладил бороду свою — белые волоски подчистую — «су-су»²⁴ — и повыпали; ещё время прошло — повыпали и чёрные. Морщины на лице тоже помалу расправились. И вот уж, спустя несколько лун, подбородок гол, лицом отрок, словно бы лет ему пятнадцать-шестнадцать. Да вдруг вместе с тем полюбил забавы-игры, тоже, будто юнец. Чрезмерно, скажем так, изукрашивал

²¹ Бодхи (菩提) — одно из важнейших понятий буддизма, буквально означающее «пробуждение». В махаянской традиции подразумевает в себе преодоление страстей и иллюзий (заблуждений).

²² Высшие экзамены (高科) — государственные экзамены (科舉) высшей ступени. О самих экзаменах подробнее см. примеч. к новелле 31 «Студент Е» (цзюань 2, том 1).

²³ Переправляясь вброд, ушёл с головой (過涉滅頂) — цитата из разъяснения к 28 гексаграмме «И-цзина» (易經) «Да го» (大過); там же говорится: «Лихо, но несчастья не будет», что подтверждается и текстом новеллы: падение пошло во благо.

²⁴ Су-су (簌簌) — звукоподражание обильно льющемуся или сыплющемуся.

кайму платья²⁵, оба сына всякий раз, как бы определить, выправляли да выручали²⁶ его.

Недолго прошло — супруга от старой болезни скончалась. Сыновья хотели для него просить, как говорят, о преемственности рода²⁷ у «красных ворот»²⁸, да студент им:

— Погодите: я съезжу в Хэбэй, вернусь — потом и женюсь!

Пальцы позагнул — ан уж подходит назначенный срок, вот и велит слугам конно направляться к Хэбэй. Порасспросил там — и верно, есть такой налоговый министр Лу.

А прежде повествуемого родилась у почтенного Лу дочь; родилась — и уж могла говорить, подрастала всё умнее и краше, отец с матерью самую любовь в ней соединили. Знатные дома подносили птиц²⁹, но дочь неизменно не жаждала; с изумлением спросили

²⁵ Чрезмерно изукрашивать кайму платья (過飾邊幅) — устойчивое выражение, означающее «чрезмерно прихорашиваться», не по возрасту модничать.

²⁶ Выправляли да выручали (匡救) — цитата из «Канона сыновней почтительности» (孝經), где это выражение означает «наставлять на путь истинный во грехе». В этом же значении широко употреблялось и в поздней литературе.

²⁷ Преемственность рода (繼室) — то есть новый брак после смерти супруги. Выражение восходит к летописанию Чжао-гуна (昭公, ?–510 гг. до н. э.) в «Цзо чжуане» (左傳), цзюань 24, «Третий год Чжао-гуна» (昭公三年), где рассказывается, что Циский хоу послал государственного деятеля и философа Янь Ина (晏嬰, 578–500 гг. до н. э.) просить «преемствовать род» в Цзинь, то есть вступить в повторный брак.

²⁸ Красные ворота (朱門) — то есть знатное и богатое семейство. Образ восходит к древнему обычаю окрашивать ворота знатных домов в красный цвет; само словосочетание становится символичным по знаменитому стихотворению великого танского поэта Ду Фу (杜甫, 712–770 гг.) «Стихи в пятьсот слов о том, что было у меня на душе, когда я направлялся из столицы в уезд Фэнсянь» (自京赴奉先縣詠懷五百字), где говорится: «У красных ворот смрад от вина и мяса, А вдоль дорог кости замёрзших насмерть».

²⁹ Подносить птиц (委禽) — особый вид ритуального подношения во время сватовства; подробнее см. примеч. 3 к новелле 70 «А-бао» (цзюань 2, том 1).

о том — сполна и поведала об их прежнем со студентом договоре. Сообща почли года ему, да со смехом и говорят:

— Безголовая челядка³⁰! Господину Чжану выпадает ныне годов уж с полсотни, дела людские меняются-двигутся, да и кости его давно истлели. А пусть бы он и жив ещё: власами плешив да зубами щелист³¹, да!

Барышня и не слушала. Мать, видя, что намеренье её неколебимо, посоветовалась с почтенным Лу и наказала привратнику не пускать проезжих гостей, чтобы срок прошёл и утратила она надежды. Недолго минуло — прибывает студент, а привратник ему — отставку; тот вспять поворотил на постоялый двор, в досаде и огорчении ничего не может измыслить. Праздно бродит по пригородам-предместьям, держится намеченного да секретно выведывает, как там оно. Барышня посчитала, что студент пренебрёг уговором, — в слезах перестала снедать. Мать говорит:

— То, что этот не явился, — верно, он уж помер да сгинул. Да если и не так, то вина в разрыве зарока, опять же, не на тебе.

Барышня не разговаривает, только целыми днями лежит. Лу оттого встревожился и задумал раз взглянуть, каков человек этот студент. Тогда, прикинувшись, что праздно гуляет³², повстречал студента в глушинах. Поглядел на него — ан юноша. Изумился

³⁰ Челядка (婢) — здесь: уничижительное именование, чаще всего применявшееся при разговоре в Старом Китае женщинами по собственному адресу, но возможное и как вариант выражения критики по адресу нижестоящей собеседницы.

³¹ Власами плешив, а зубами щелист (髮童而齒墜) — цитата из «Разъяснения к продвижению в учёбе» (進學解) танского поэта и новеллиста Хань Юя (韓愈, 768–824 гг.), где так печально рисуется будущность человека, всю жизнь посвятившего учёным занятиям и не нажившего богатств и успешности.

³² Праздно гуляет (遊遨) — цитата из «Книги песен» (詩經), раздел «Нравы царств» (國風), «Песни княжества Бэй» (邶風), песня «Кипарисовый челнок» (柏舟), где молодая вдова жалуется, что не может обрести покоя, и причина тому вовсе не скудность в вине или праздных увеселениях. Впоследствии это словосочетание становится устойчивым обозначением для досуговых удовольствий.

тому. Как зовётся, подстелив терновник³³, перемолвились кратко — тот крайне раскован-нестеснён³⁴! Почтенный возрадовался, пригласил к себе домой. И как лишь собрался разведать-порасспросить, Лу тотчас спешно встал, означил гостю куда посидеть одному, спешно-второпях ринулся во внутренние покои рассказать барышне. Барышня возликовала, сама резво вскочила, подсмотрела-проверила, а наружностью он и не сходится; облилась слезами да воротилась, попеняла отцу на обман-сумятицу. Почтенный упорно разъясняет-де: то он и есть, а барышня — ни слова, только плачет беспрестанно. Почтенный вышел, мысли да чувства в досаде-печали, с гостем крайне, что называется, не расположен к кривде³⁵. Студент спрашивает:

— В вашем драгоценном роду имеется ли служивший налоговым министром?

Почтенный отвечает невпопад, глядит куда-то в сторону, будто с гостем не совместен. Студент ощутил его небрежение, простился и был таков. Барышня прорыдала несколько дней и скончалась.

³³ Подстелив терновник (班荊) — цитата из «Цзо чжуаня» (左傳), раздел хроник Сян-гуна (襄公, ?–766 г., до н. э.), *цзюань* 37, «Двадцать шестой год Сян-гуна» (襄公二十六年), где рассказывается, как чуский сановник У Цзюй (伍舉), скрываясь в княжестве Чжэн (鄭), в предместье столицы неожиданно встретил старого друга по имени Шэн-цзы (聲子); они, постелив терновник, уселись на землю, трапезничали и обсуждали, как бы вернуть всё по-старому. Впоследствии выражение «подстелить терновник» стало метафорой дружеской душевной беседы, которую можно вести, даже сидя на голой земле.

³⁴ Раскован-нестеснён (倜儻) — выражение, обычно употреблявшееся по адресу непринуждённых последователей социально-философского течения «ветра и потока» (風流), имеющее также и коннотацию молодой порывистости.

³⁵ Не расположен к кривде (不款曲) — цитата из «Поздниханьской истории» (後漢書), где о будущем императоре Гуань-ди (光武帝, 5 г. до н. э. — 57 г. н. э.) говорили, что он был с юных лет «почтителен и честен, с людьми не попускал кривды». Впоследствии, из-за многозначности иероглифов в этом выражении, оно обрело смысл быть нерадушным, неприветливым к гостям и часто употреблялось уже в этом смысле.

Студенту ночью снится: барышня явилась, говорит:

— Так низошедший визитом действительно были вы? Годам облик несовместен-несходен, встретив в лицо, потому отгородилась-обособилась. Я, презренная, уж от печали и скорби почилла. Обеспокою вас: коли направиться в храм Бога местности³⁶ и спешно призвать мою душу³⁷ — ещё можно оживить, а промедлите, так и не поспеть будет!

Тут же и проснулся да тотчас наведася к дверям господина Лу: и верно, дочь того уж два дня как преставилась. Студент в великом горе вошёл и оплакал её в приюте успения³⁸, а после изложил Лу свой сон. Лу сделал как тот сказал, призвал душу и воротился, развернул её покрывало, коснулся праха, окликнул её и вознёс молитву. Вдруг слышит: в горле заклокотало: «гэ-гэ». Внезапно глядь: алые вишни³⁹ враз отверзлись, навис ком слюны, словно сосулька. На руках перенёс на лежанку — потихоньку вновь, застонав, задышала. Почтенный Лу возрадовался, призвал гостя заходить, выставил вино да устроил пир. Детально расспросил о чинах и заслугах, вызнал, что тот из сановного рода, пуще возликовал, выбрали счастливый день и свершили церемонию.

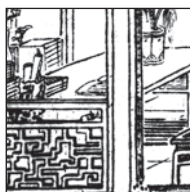
³⁶ Бог местности (土地) — одно из главных божеств простонародной религии Китая. Дух-покровитель деревни или области, а также и городского района, ведающий всеми основными вопросами жизнеустройства вверенной территории. Является и защитником, и подаателем, и советчиком; также, что важно для описываемого в новелле, Бог местности ведёт учёт всех умерших и препровождает их души на предварительное судебное следствие к Богу-покровителю города Чэнхуану.

³⁷ Призывать душу (招魂) — обряд окликанья умершего с целью вернуть душу обратно к жизни. Подробнее см. примеч. 7 к новелле 70 «А-бао» (цзюань 2, том 1).

³⁸ Приют [успения] (室) — в тексте содержится скрытая цитата из «Книги песен» (詩經), раздел «Нравы царств» (國風), «Песни царства Тан» (唐風), песня «Лиана разрослась» (葛生), где жена, оплакивая безвременно почившего мужа, надеется, что через многие годы они совместно упокоятся в «приюте [успения]».

³⁹ Алые вишни (朱櫻) — распространённая метафора женских губ.

Прожили полмесяца — обок с барышней возвратился к себе; Лу проводил их до дому, через полгода лишь уехал. Супруги зажили совместно, точь-в-точь как юная чета, не знавшие зачастую принимали ошибочно их сына и сноху за свёкра и свекровь. Почтенный Лу спустя год упокоился. Самый юный из сыновей его от произвола⁴⁰ впал в лишения, фамильное достояние практически исчерпалось, студент позвал его и содержал, вот и обрёл семью-то!

⁴⁰ Произвол (豪強) — употреблённое в тексте выражение часто обозначает произвол, чинимый властями на местах.

85.

ДАОС [УГОЩАЕТ]¹

道士

Студент Хань происходил из древней известной семьи и отличался гостеприимством. Некий Сюй, живший в той же деревне, часто сидел у него за вином. Как-то раз, когда он был у Ханя, у дверей дома появился неизвестный даос со своей чашкой и просил милостыни. Ему бросили денег, потом крупы — он, однако, не брал и при этом всё же не уходил. Слуга рассердился и ушёл в дом, не обращая на него более никакого внимания.

Хань, слыша всё продолжающийся стук в дверь, спросил слугу, в чём дело, и тот стал рассказывать. Но не окончил он ещё своих слов, как даос уже был в комнате. Хань пригласил его сесть с собой. Даос поднял руки вверх² и сделал приветствие сначала хозяину, а потом и гостям. Затем он сел. Хань стал его расспрашивать и узнал, что он только что поселился в заброшенном храме, находившемся в восточном конце деревни.

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1923 года.

² Даос поднял руки вверх — церемония приветствия в Китае, как известно, состоит в том, что приветствующий складывает руки кулаками внутрь и поднимает их снизу вверх, не говоря при этом ни слова.

— Скажите, — изумлялся Хань, — когда вы успели, как говорят, «дать приют святому журавлю»³ в этом храме? Я ровно ничего об этом не слышал и не знаю. Простите, что я не сделал, что полагается хозяину по отношению к прибывшему гостю!

— Простите и вы, — отвечал даос, — меня, человека полей и лесов, за то, что, прибыв недавно сюда и не имея ни друзей, ни знакомых, я осмеливаюсь попросить вас напоить меня вином... Я слышал о вашей широкой натуре и щедром гостеприимстве...

Хань предложил ему свою чарку. Оказалось, что он мог пить сколько угодно.

Суй, видя на монахе грязную и рваную одежду, отнёсся к нему с весьма заметным высокомерием и еле с ним говорил. Хань тоже держал себя с ним, как с заморским торговцем. А тот быстро выпил одну за другой более двадцати чарок и тогда только откланялся и ушёл.

С этой поры каждый раз, как у Ханя были гости, даос уже был тут. За обедом обедал, за вином пил. Ханю его назойливость стала надоедать. И вот раз, сидя за вином, Суй, желая поиздеваться над ним, сказал:

— Послушайте, даосский настоятель, вот вы тут каждый день в гостях. Что ж вы ни разу не пожелаете быть сами нашим хозяином?

— Даос, — отвечал тот, смеясь, — в этом смысле совершенно похож на вас, почтеннейший: у того и другого над парой плеч имеется по глотке. Так ведь?

³ Святой журавль, одинокий, не стоящий с прочими птицами, считается символом и спутником даосского святителя. Рассказывают, что в VI в. по Р. Х. один буддийский и один даосский монах пожелали поселиться в горах, славящихся красотой природы. Они оба просили их ходатайство доложить государю, который также был монах. Государь велел им обоим описать эту местность по знамению выше. И вот даос вдохновился святым журавлем, прилетевшим на то место, а буддист-хэшан — посохом Бодисатвы (Будды-человека), стоявшим среди гор. Государь дал, конечно, предпочтение буддисту, ибо и сам был буддист. В данном рассказе говорится, разумеется, о водворении даоса на место.

Сюю стало стыдно, и он не нашёлся ничего возразить.

— Впрочем, — продолжал даос, — я уже очень давно об этом думаю. Придётся воспользоваться данным случаем, чтобы как-нибудь понатужиться и угостить вас смиренной чаркой воды, что ли...

Когда они кончили пить, монах твердил им:

— Завтра в полдень, надеюсь, вы осчастливите меня своим высоколестным посещением!

На следующий день Хань и Сюй решили идти вместе, думая, что он, конечно, ничего не устроит. Однако монах уже ждал их по дороге к храму. Когда они вошли в двери, то увидели, что все дворы и здания были отделаны совершенно заново и целый ряд строений прихотливо извивался, одно за другим, словно тучи или лианы. Оба приятеля сильно изумились этому зрелищу.

— Действительно, — говорили они монаху, — мы уже давно здесь не были. Но когда же вы начали все это строить?

— Да не так давно закончили мы работы, — отвечал даос.

Теперь вошли в келью и увидели, что мебель блещет красотой и ни у какого магната в доме такой не найти. Хань и Сюй приняли серьёзный вид и засвидетельствовали монаху своё почтение.

Сели за стол, и сейчас же стали подавать вино и носить блюда. Смотрят: суетятся проворные юноши лет шестнадцати, не более, одетые в атласные халаты и красные сапоги. Вино и яства чудесно пахнут, великолепны. Наставлено притом же всего в крайнем изобилии.

Когда кончили обедать, подали ещё лёгкий десерт. Тут были какие-то дорогие фрукты, причём гости большинству их не знали даже названий.

Фрукты лежали в чашах, сделанных из горного хрусталя и дорогих камней, так и сиявших на весь стол. Пили из стеклянных чар, чуть не больше фута в обхват.

— Позвать сюда сестёр Ши! — сказал даос.

Слуга ушёл, и сейчас же появились две красавицы. Одна была высокая и тонкая, нежная, словно ива. Другая была ростом пониже и, очевидно, очень молоденькая. Обе были бесконечно привлекательны и грациозны.

Даос велел им петь и угощать гостей вином. И вот младшая ударила в кастаньеты и запела, а старшая вторила ей, играя на сквозной флейте. И голос, и звук их были чистые, тонкие...

Когда они кончили, даос поднял в воздух свою чару и настаивал, чтобы гости пили до конца, а потом велел налить всем снова.

— Вы, кажется, давно не танцевали, — обратился он к красавицам. — Не разучились ещё?

Сейчас же появился мальчик, который разостлал на полу, у самого стола, большой ковёр, и обе певицы, став друг против друга, начали танцевать. Теперь их длинные платья веяли вокруг по воздуху, и душистая пыль неслась всюду.

Кончив танцевать, они небрежно облокотились на расписные ширмы. У Ханя и у Сюя в сердце стало свободно и хорошо, и душа их куда-то полетела. Незаметно для себя они окончательно охмелели. Впрочем, даос тоже не обращал на своих гостей внимания, перестал поднимать свою чару и приглашать их пить, поднялся и сказал:

— Будьте любезны, наливайте себе тут одни, а я пойду прилягу. Потом приду.

Отошёл от стола и поставил к одной из стен диван, сделанный из прихотливого перламутра, а девушки сейчас же постлали ему тут парчовую постель. Затем они помогли ему лечь.

Даос притянул к себе старшую и лёг с ней на одной подушке, приказав младшей стать у постели и чесать ему спину.

Видя такую картину, приятели потеряли всякое хладнокровие.

— Слушай, ты, даос, — кричал на него Сюй, — так бесчинствовать нельзя!

С этими словами он направился к монаху и хотел его растормошить, но тот быстро вскочил и убежал. Сюй подошёл к дивану и видит, что младшая из сестёр всё ещё стоит у постели. В пьяном раже он схватил её и потащил к дивану, стоявшему у стены напротив, и, обняв её, улёгся вместе с нею. Затем, увидя, что красавица, лежавшая на расшитой постели даоса, всё ещё спит, он посмотрел на Ханя и сказал:

— Послушай, что ты за диковинный чудак!

Хань мигом бросился к кровати, лёг на неё и хотел вступить с красавицей в бесстыдную близость, но та крепко уснула, и, как он ни расталкивал её, она даже не повернулась. Делать нечего — Хань обнял её и уснул с ней вместе.

Рассвело. Пьяный сон проходил. Хань чувствовал у своей груди какой-то холодный, леденящий всё тело предмет. Взглянул: оказывается, он обнял какой-то длинный камень и лежит под крыльцом.

Он бросился теперь искать Сюя. Тот ещё не проснулся, и Хань увидел, что он лежит головой на камне, полным испражнений, и сладко спит в развалинах отхожего места. Толкнул его ногой — тот поднялся... Посмотрели друг на друга, полные недоумения, а вокруг них был двор, весь заросший бурьяном, развалины дома в две комнатки — и больше ничего.

86.

[ОСКОРБЛЁННЫЙ] ХУ¹

胡氏

В Чжили² жила богатая семья, в которой хотели нанять учителя. Вдруг является некий *сюцай*³, входит в ворота и рекомендует; хозяин приглашает его войти. У *сюца* открытая, живая речь, и он хозяину становится дружески-приятным.

Сюцай назвал себя Ху. Хозяин вручил ему плату и поместил у себя в доме.

Ху вёл уроки с большим усердием и отличался сочным проникновением, — не чета какому-нибудь начётчику низшего типа. Однако, случилось, что он уйдёт гулять, а придёт лишь поздно ночью. Запоры у дверей явно-явно наложены, а он, не постучав даже, уже сидит у себя в комнате. Все тогда высказали друг другу тревогу, решив, что это лис.

Тем не менее, было ясно, что мысли у Ху определённо не злые, и его ублажали, чтили; не нарушали в отношении к нему строгой вежливости из-за того только, что это было странное, неестественное существо.

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1928 года.

² Чжили — губерния Северного Китая, в которой находится столица Пекин (Бэйцзин — «Северная Столица»).

³ *Сюцай* — первый кандидатский разряд студентов. Поэтому, на предыдущих страницах эти слова переводятся попросту: студент.

Ху знал, что у хозяина была дочь. Он стал домогаться брака и неоднократно давал это понять, но хозяин делал вид, что не догадывается.

Однажды Ху отпросился в отпуск и ушёл. На следующий день появился какой-то гость, привязавший у ворот чёрного осла. Хозяин встретил его и ввёл в дом. Лет ему было за пятьдесят. Одет он был в свежее, чистенькое платье и такие же туфли. У него был вид тихого и утончённого человека. Сели. Гость сказал о себе, и хозяин, наконец, узнал, что он, как говорится, стал для Ху льдом⁴.

Хозяин молчал. Прошло довольно много времени.

— Ваш покорный слуга, — сказал он, наконец, — с господином Ху уже друзья, и такие, про которых говорят, что между ними нет встречных огорчений. К чему непременно вступать в брак? Кроме того, скажу вам ещё, что моя дочурка уже обещана другому. Позвольте попросить вас потрудиться передать господину мои извинения!

— Я определённо знаю, — сказал гость, — что прекрасный предмет вашей любви⁵ ещё лишь ждёт помолвки. Зачем вы так усердно отказываете?

Повторил это дважды, трижды, но хозяин всё твердил: нельзя. Гостю было, видимо, стыдно.

— Мы, Ху, — сказал он, — тоже, как говорится, родовитая семья⁶... Разве уж так мы ниже вас, сударь?

⁴ Стать льдом — то есть сватом. Один человек видел во сне, что он стоит на льду и говорит с кем-то подо льдом. Снотолкователь объяснил, что мир над льдом — это мужской мир света (Ян), а подо льдом — женский мир мрака. Он же, как посредник между двумя мирами, мужским и женским, будет сватом между будущими мужем и женой.

⁵ Прекрасный предмет вашей любви — то есть ваша дочь. В китайском вежливом языке личные местоимения изо всех сил избегаются, заменяясь описательными выражениями, в которых всё лестное относится к собеседнику, а всё унижительное — к говорящему.

⁶ «Родовитыми семьями» считались сначала только владетельные княжеские роды, а затем уже и всякие семьи, в которых были крупные сановники.

Хозяин тогда заявил определённо:

— Сказать по правде, у меня никаких нет прочих соображений, кроме одного только: я ненавижу его породу.

Гость, услыша это, разгневался. Рассердился и хозяин, и они стали нападать друг на друга всё резче и резче. Гость вскочил и вцепился ногтями в хозяина. Хозяин велел слугам взять палку и прогнать его. Гость убежал, оставив своего осла.

Посмотрели на осла. Видят — шерсть у него чёрного цвета, придавленные уши, длинный хвост... Тварь огромная. Взяли его за узду, потянули — не двигается. Стали бить, а он под ударами так и упал: жж-жж... запело в траве насекомое.

Хозяин понимал, что, судя по его гневным речам, он непременно явится отомстить; велел быть настороже. На следующий день и в самом деле огромной толпой явилось лисье войско, кто верхом, кто пеший, кто с копьём, кто с луком; лошади ржали, люди шумели; звуки, жесты — всё смешалось в дикий-дикий хаос.

Хозяин не решился выйти из дому. Лис во всеуслышание сказал, чтобы подожгли дом. Хозяин пугался всё сильнее и сильнее. Один из наиболее крепких повёл за собой домашних слуг и с громким криком выбежал из дома. Залетали камни, дошли до стрел, — с обеих сторон так и били, поражая и раня друг друга.

Лисы стали понемногу слабеть. Их увели беспорядочной толпой. На земле был брошен нож, блестящий ярко, словно иней или снег. Подошли, чтоб подобрать. Оказалось — это лист гаоляна⁷. Все смеялись.

— Ах, значит, вся их сноровка только в этом, — говорили вокруг.

Однако, из опасения, что они появятся снова, караулили ещё строже.

На следующий день сидели и разговаривали, как вдруг с неба сошёл какой-то великан, ростом в сажень с лишком и в несколько аршин поперёк себя. Размахивая огромным ножом, величиной в дверное полотнище, стал убивать одного человека за другим. Тут все схватили в руки стрелы и камни и кто чем принялись

⁷ Гаолян — высоко растущее грубое просо. Стебель идёт на топливо.

бить великана. Он свалился и издох. Оказывается — соломенный призрак⁸.

Публике теперь это казалось всё более и более лёгким, несерьёзным. Лисы в течение трёх дней не появлялись, и публика тоже стала полениваться.

Как-то раз, только что хозяин влез в ретираде на рундук, как вдруг увидел лисье войско, появившееся с натянутыми луками и со стрелами подмышкой. Начали в него беспорядочно стрелять. Стрелы уселись ему в задние места. Хозяин, страшно перепугавшись, что было силы стал кричать, чтоб люди бежали драться, и лисы ушли. Вытащили стрелы — смотрят, а это стебли лопухов.

И в таком роде продолжалось с месяц, а то и больше. Лисы то приходили, то уходили. Особенного вреда, положим, они не наносили, но всё же ежедневно люди несли строгий караул.

Однажды появился студент Ху⁹ во главе своих войск. Хозяин вышел к нему сам. Ху, увидя его, скрылся в толпе. Хозяин окликнул Ху. Делать нечего — пришлось выступить.

— Ваш покорный слуга, — сказал хозяин, — считает, что он ни в чём не ошибся в смысле вежливого внимания к вам, сударь. Зачем же, скажите, вы подняли войска?

Толпы лис хотели стрелять, но Ху остановил их. Хозяин подошёл, взял его за руку и пригласил войти в его прежнюю комнату. Тут он поставил вина и стал его угощать, разговаривая с ним тихо и свободно.

— Вы, сударь, человек умный и должны меня извинить. При моём к вам чувстве и расположении, неужели я не был бы доволен вступить с вами в брачное родство? Только судите же сами: у вас всё — и повозки, и лошади, и здания, большею частью не те, что у людей. Моей дочери, находящейся в столь нежном возрасте, идти за вас — вы должны это понять — невозможно. К тому же, знаете, пословица гласит: «Сорвёшь тыкву сырой — во рту неприятно». Что вам в ней, сударь?

⁸ Соломенный призрак — соломенное чучело, изображающее слуг, жён и т.д. покойника, и бросаемое с ним в могилу, или сжигаемое.

⁹ Ху — теперь можно сказать читателю, что лиса, по-китайски «Ху», созвучна с фамилией (очень распространённой) Ху.

Ху сильно смутился.

— Не беспокойтесь, — сказал хозяин, — прежняя наша приязнь остаётся в силе. Если вы не отвергаете ещё меня и не считаете мусором, то вот видите, младшему сыну в моем доме уже пятнадцать лет, и я хотел бы позволить ему, как говорят в таких случаях, «с распоясанным чревом лежать в кровати»¹⁰. Не знаю, насколько найдётся ему подходящая?

— У меня, — сказал радостно Ху, — есть молоденькая сестрёнка. Она моложе вашего почтенного сыночка на год и очень даже недурна. Вот её и отдать, как говорят, «в услуженье по выметальной части»¹¹, — что вы на это скажете?

Хозяин встал и поклонился. Ху сделал ответный поклон. Затем хозяин стал потчевать Ху и был в отличном настроении. Предыдущая ссора целиком была забыта. Он велел поставить вино и другие напитки для угощения тех, что пришли с Ху. И बारे, и люди веселились и тешились всю.

Хозяин расспросил подробнее о местожительстве Ху, желая, как водится, поднести гуся¹², но Ху отказался. Вечерело; зажгли, продолжая пир, свечи, и Ху ушёл совершенно пьяным. С этих пор всё стало спокойно.

Прошёл с чем-то год. Ху не появлялся. Кое-кто уже думал, что его сговор одно вранье, но хозяин был твёрд и ждал его.

Прошло ещё полгода, и вдруг Ху пришёл. Поговорили о погоде. Затем Ху сказал:

¹⁰ «С распоясанным чревом лежать в кровати» — один человек III в. до н. э. послал своего ученика выбрать в семье Ван зятя. Тот велел ему выбирать любого и пройти в помещение сыновей. Вернувшись, ученик доложил, что все сыновья Вана прекрасны. Но все строго выдержанны и горды. Только один из них, при его приходе, лежал себе у кровати совершенно распоясанный, словно ему ничего не известно. «Этот-то и есть настоящий», — сказал тот, кто посылал. Настоящий оказался знаменитым писателем и каллиграфом Ван Си-чжи. Отсюда жених и зять называются в вежливом языке распоясанными.

¹¹ «В услуженье по выметальной части» — то есть в жёны.

¹² Поднести гуся — по древнему обычаю одним из предбрачных действий является подарок семье невесты гуся.

— Сестра моя совсем взрослая. Прошу вас подождать, когда будет счастливый день¹³, в который можно послать её служить свёкру и свекрови.

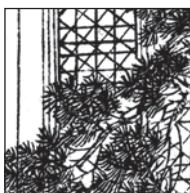
Хозяин был крайне доволен. Тут же уговорились о сроке, и Ху ушёл.

С наступлением ночи и в самом деле появились носилки и кони, привёзшие молодую жену. Её приданое было богатое, роскошное. Поставили — так заняло почти всю комнату. Молодая жена представилась свекрови. Она была мила и красива на редкость. Хозяин был очень доволен.

Приехали проводить сестру Ху и два младших брата. Оба они говорили очень тонко и умно. Да и пить умели тоже ловко. Ушли только на рассвете.

Молодая жена, оказывается, умела предсказывать урожайные и плохие годы. Поэтому во всех хозяйственных предприятиях с ней считались.

Братья Ху и их мать иногда являлись проводить молодую, и каждый их видел.

¹³ То есть нанять гадателей, которые, на основании хитрых чертежей и ещё более хитрых книг, вычислят и определяют счастливый для брака день.

87.

ФОКУСЫ¹

戲術

Бочка, с которой играл фокусник, могла в себе вместить целый *шэн*². Она была без дна и внутри пуста — одним словом, как у всех фокусников.

Фокусник разостлал на улице две циновки, взял *шэн* и всунул его в бочку, затем вынул — и сейчас же у него оказался полный *шэн* белого риса. Этот рис он стал высыпать на циновки. В мгновение ока обе они стали полны риса. Тогда он меру за мерой стал всыпать рис обратно в бочку. Окончив это, он поднял её: опять пустая бочка!

Примечательным здесь было обилие риса.

А вот ещё один фокус.

Ли Цзянь-тянь из Лицзиня, в бытность свою Яньчжэньским правителем, как-то бродил по гончарному заводу, желая купить большой жбан. Он долго торговался с гончаром, но дело не вышло, и он ушёл.

К ночи гончар открыл горн — глядь, а там пустота, и шестьдесят с лишком ещё не вынутых жбанов пропали. Гончар страшно перепугался и подумал на Ли. Проследил, где его дом, и пришёл просить. Ли отказал, но гончар не уходил и слёзно умолял отдать.

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1937 года.

² *Шэн* — мера ёмкости, в литр с небольшим.

戲游第二

魁星樓隔路迢迢

巨甕安能自出

窰便使陶人

費傭值一宵

搬運亦

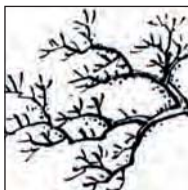
無聊

— Да, я за тебя вынул их, — сказал Ли. — Ни одного жбана не испортил. И все они стоят под башней Куйсина³. Разве не так?

Гончар пошёл смотреть, где было сказано, и впрямь — один за другим жбаны так и стоят полным счётом. А башня находилась на Южной Горе этого посада и была от гончарного завода в трёх с чем-то *ли*.

Гончар нанял рабочих и стал перетаскивать жбаны. Только через три дня перенос был закончен.

³ Обожествлённая звезда Куйсин («Звезда Первых») представляется в изображениях в виде демона с «ковшом» созвездия Большой Медведицы в одной руке и кистью в другой; демон стоит на фантастическом чудовище, которое должно изображать собою космическую черепаху, выходящую из волн. Это изображение, означающее, как ребус, достижение первой высшей учёной степени на государственном экзамене, ставится в особой башне на экзаменационном дворе или, по обету, где угодно.

88.

НИЩИЙ ХЭШАН¹

丐僧

В Цзинане² жил какой-то *хэшан*³. Откуда он, никто не знал. Ходил босой, весь в лохмотьях и каждый день сидел в ресторанах, то в «Ненюфаре», то в «Светлом озере», бубнил свои молитвы и вещал о судьбе, собирая милостыню.

Однако, когда ему давали вино, кушанья, деньги, рис, — всего этого он не брал. Спрашивали, что же ему нужно, — он не отвечал, и целый день никто не видел, чтобы он ел или пил.

— Послушай, учитель, — говорили ему, — если ты не ешь скромного и не хочешь вина, тебе бы надо идти за милостыней куда-нибудь в горную деревушку или в какой-нибудь глухой переулок. Что за смысл тебе каждый день шляться по шумным местам, куда все льнут, словно муравьи на баранье сало?

Хэшан продолжал сидеть, сложа молитвенно свои ладони и бормоча напевы молитв. Ресницы по-прежнему были опущены, — длинные-длинные, с палец, если не больше. Сидел и делал вид, что не слышит.

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1923 года.

² Цзинань — ныне административный центр провинции Шаньдун.

³ *Хэшан* — буддийский монах.

Через некоторое время ему повторили вопрос. Тогда он вдруг раскрыл глаза и грозным голосом сказал:

— А я хочу просить именно так!

Потом опять принялся за бесконечный напев. Посидев ещё довольно долго, вышел и поплёлся прочь. Кто-то решил идти за ним и стал настойчиво от него домогаться, почему именно так он желает просить. Монах шёл, не отвечая. Человек спросил его раза четыре. Тогда он опять резко ответил:

— Этого тебе знать не дано. Старый монах хочет именно так просить!

Через несколько дней он вдруг вышел за ворота южного города и улёгся у дороги, как чурбан, не шевелясь в течение целых трёх дней. Жители, боясь, что он умрёт с голоду и доставит предместью хлопоты, пришли толпой уговаривать его перейти куда-нибудь в другое место. Если он хочет есть, его покормят, денег захочет — дадут! Но *хэшан* лежал с закрытыми глазами и не отвечал.

Тогда толпа стала его тормошить. *Хэшан* рассердился, выхватил из своих лохмотьев короткий нож и распорол себе живот. Залез туда рукой и разложил кишки рядами по дороге. Вслед за этим испустил дух.

Толпа ахнула от ужаса. Побежали в местное правление сообщить о случившемся. Затем похоронили монаха в бурьянных зарослях.

Потом как-то прорыли яму собаки, и рогожа обнажилась. Наступили на неё ногой — она была словно пустая. Разрыли — смотрят: нет, рогожа зашита по-прежнему и всё же словно пустой кокон.

伏狐

珥羊丹墀祿特從
每因春恨歎途窮
鈴醫新授房中藥
玉碎花殘一瞬中

龍
中

89.

УСМИРЯЕТ ЛИСИЦУ¹

伏狐

Некий учёный сановник терпел от лисьих наваждений и заболел сухоткой. Были исчерпаны все средства — и талисманы, и молебны. Тогда он попросил отпуска и поехал домой, на родину, рассчитывая, что хоть там можно будет укрыться и отделаться от лиха. Сановник поехал, а лиса с ним. Он сильно перепугался и не знал, что предпринять.

Однажды он остановился за воротами города Чжо². Появился врач с колокольчиком³, уверявший, что умеет усмирять лисиц. Сановник пригласил его к себе. Лекарь дал ему снадобье, оказавшееся не чем иным, как средством, употребляемым в супружеских спальнях. Лекарь велел ему поскорее принять снадобье, идти к себе и вступить с лисой в сношение.

Сановник почувствовал прилив острой, непреодолимой силы. Лиса давай уклоняться, переменять место, жалобно плакала и просила перестать, но он не слушал её и наступал всё храбрее и храбрее. Лиса вертелась, ворочалась, стараясь высвободиться, и от невозможности уйти сильно страдала. Через некоторое вре-

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1937 года.

² Чжо — уезд и город в провинции Хэбэй.

³ Врач с колокольчиком — странствующий знахарь.

мя звуки прекратились. Посмотрел — она проявилась в лисьем образе, но была уже мертва.

Один из моих земляков был известен как Лао-ай⁴. Он уверял, что во всю свою жизнь ни разу ещё не был приятно удовлетворён. Как-то он спал ночью в уединённом помещении. Кругом не было никаких соседей. Вдруг пробежала какая-то девица. Глядь — двери не открывались, а она уже к нему проникла. Он догадался, что это лиса, но и ей был рад: радостно устремился к ней и едва успел положить матрац и одеяло, как прямо вошёл, прорывая кожу. Лиса от испуга и боли закричала, завывала жалобно и остро, словно сокол, старающийся сорваться с петли. Пробила окно и выбежала.

Земляк всё смотрел из окна, издавая страстные любовные звуки, умолял её, призывал её: всё надеялся, что она вернётся. Но повсюду было уже тихо.

Вот это так настоящий, грозный воевода против лисиц! Следовало бы ему прибить у своих ворот вывеску: «Изгоняю лисиц». Можно сделать из этого профессию!

⁴ Лао-ай — китайский Приап (историческое лицо III в. до н. э.).

90.

ЗАТАИВШИЙСЯ ДРАКОН¹

蟄龍

Улинский² канцлер по челобитным³, почтенный Цюй⁴, наверху терема предавался занятиям. Пали хмурь и дождь, мгла да сумерки, глядь: что-то маленькое теплится, как светляк, ползком-извивами продвигается. Где проползёт — черно, и будто след слизневый. Вот помалу — и петляет на свитках⁵, а свитки тоже подгорают. Решил,

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Улин (於陵) — название древнего города, впоследствии стало общим названием волости Чаншань. В настоящее время — название уезда в провинции Шаньдун. Иероглиф 於 имеет здесь необычное чтение У.

³ Канцлер по челобитным (銀臺) — здесь: то же, что *тунчжэньши* (通政使), название чиновничьей должности заведующего одноимённой управой, отвечавшей за сбор прошений и жалоб на высочайшее имя.

⁴ Почтенный Цюй (曲公) — здесь имеется в виду Цюй Цянь-цяо (曲遷喬), позднесунский сановник, сам родом из Чаншаня, в конце XVI века как раз служивший в Канцелярии по сбору челобитных.

⁵ Свиток (*цзюань*, 卷) — здесь: фактически обозначение для книг. Традиционная китайская книга изготавливалась из сложенного особым образом и прошитого листа бумаги; такие листы первоначально хранились в виде свитков, поэтому тетрадь — основа печатного издания в Китае, равно и отдельная часть произведения, соизмеримая с одной тетрадью, — по традиции называется свитком. В самом тексте фигурируют, конечно, уже сшитые книжные тетради, но Пу Сун-лин всё равно называет их традиционно «свитками».

龍蟄
 不游海國因書城豈是蛟龍
 蟄未驚一旦出為天下望終
 教霖雨慰蒼生

что это дракон, вот взял свиток да и спровоживает его, вынеся за двери; держит, стоит — и долго так, а тот скрутился пяденицей⁶ и нимало не шевелится. Почтенный говорит:

— Неужто ж вы сочли меня непочтительным?

На руках внёс свиток обратно, снова расположил на столике, что называют, в шапке и кушаке до земли кланялся⁷ — да и сопровождал. Лишь оказались под навесом крыши — ан глядь: тот воздел голову да вдруг расправился, оставив свиток, — и воспарил. Звук издал, будто фыркнул; луч полыхнул, словно бы нить. На несколько шагов отдалился — поворачивает голову к почтенному, а голова уж с чан, да тулово в десятки обхватов. Снова свернул вспять, грянул громом, кинув в трепет, вознёсся в небо и исчез. По возвращении поглядели, где он полз — должно быть, извивами да изгибами из книжного футляра вылез.

⁶ Скрутиться пяденицей (蠖曲) — имеется в виду особый вид гусеницы — пяденица или землемер, которая при продвижении вертикально складывается пополам, подобно пальцам, отмеряющим пяди (откуда и идёт название). Эта особенность продвижения пяденицы отражена уже в одном из знаменитейших комментариев к «Книге перемен» — «Комментарии связанных слов» («Сицычжуани», 系辭傳). Скрутиться пяденицей — то есть изогнуться, вертикально вытянувшись и уперев голову в окончание хвоста.

⁷ Кланяться в шапке и кушаке (冠帶長揖) — совершать глубокие церемониальные поклоны со сложенными руками (揖), будучи облачённым в официальное платье со знаками регалий. Говорится о долгих и торжественных церемониях, подобных тем, что здесь канцлер устроил дракону.

91.

БЕССМЕРТНАЯ СУ¹

蘇仙 (僊)

В то время, когда почтенный Гао Мин-ту правил областью Чэньчжоу², жила одна крестьянка из рода Су, стирала на реке одежду. А посредине реки имелся огромный камень, женщина и уселась на него. И явись тут прядка мха: зеленеет-лоснится очаровательно, плывёт по воде — рябь бежит, обмотала камень тремя витками. Женщина посмотрела на неё — сердце дрогнуло. Вот воротилась — да и понесла, утроба помалу раздалась; матушка тайком порасспросила её — та обо всём рассказала, а матушка никак и не постигнет. Через несколько лун, наконец, и принесла сына; хотела было, бросить, как говорят, средь узких закоулков³, ан не смогла того вынести; вот и затаила его в коробе, да и взрастила. А вослед и дала клятву

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Чэньчжоу (郴州) — область, расположенная на территории современной провинции Хунань.

³ Бросить средь узких закоулков (真隘巷) — почти дословная цитата из «Книги песен» (詩經), раздел «Большие оды» (大雅), песня «Рождён народ» (生民), где говорится о чудесном рождении бога земледелия Хоу-цзи (后稷), зачатого, когда Великая праматерь наступила на след Верховного Владыки. Поскольку Хоу-цзи появился на свет необычным образом, от него решили избавиться, оставив его средь «узких закоулков», но быки и бараны защищали и вскармливали его.

не идти замуж, чтобы изъявить свою нераздвоенность, да! Однако ж, без мужа да забеременеть — поголовно почиталось за срам. Сын достиг до семи лет, а никогда и не вылезал ещё с людьми-то пови-даться. Вдруг сын и говорит матери:

— Чадо ваше понемногу подрастает, скрывать да удерживать как же возможно столь длительно? Покину вас, дабы не изнурять матушку.

Спросила, куда направится, а он:

— Я не человеческой породы, пойду — так воспарю к небесам да вознесусь над падыми — всего-то лишь.

Мать плачет, спрашивает о сроке возврата, а в ответ:

— Вот как придёт пора матушке, как говорят, прикладывать шёлковую вату⁴, — так сын ваш и воротится. А уйду, коли будет чего надобно, — можно бы раскрыть короб, где вы сына таили, да поискаться в нём — непременно и сможет, как желается!

Закончил говорить, поклонился матушке и уж был таков. Выбежала взглянуть на него — ан и след-то простыл. Рассказала она всё матери — мать тому немало подивилась. Женщина та крепко держалась за прежние чаяния; полагались с матерью друг на дружку — семья всё больше и никла. Вдруг не достало съестного к утренней стряпне: как говорится, взглянешь на потолочину, а нечего измыслить⁵. Негаданно припомнились сыновьи слова, пошла, растворила короб — и правда отыскала рису вдосталь, чтобы, скажем так, огонь затеплить⁶. С этой поры, что называют, лишь испросит — а непре-

⁴ Прикладывать шёлковую вату (屬續) — проверять, дышит ли ещё умирающий. См. примеч. 6 к новелле 63 «Досточтимый Чжу», *цзюань* 2, том 1.

⁵ Взглянешь на потолочину, а нечего измыслить (仰屋無計) — устойчивое выражение, восходящее к *цзюаню* 41 «Позднеханьской истории» (後漢書), «Жизнеописание Хань Лана» (寒朗傳), означающее вздымать очи горе в бессилии что-либо изменить.

⁶ Огонь затеплить (舉火) — выражение, уже в старых текстах имеющее двойную трактовку: приготовить пищу (Чжуан-цзы (莊子), *цзюань* 9 (2), глава 28 «Уступление княжения» (讓王)) и жить, поддерживать жизнь (Янь-цзы чунь-цю (晏子春秋), *цзюань* 6, внутренний раздел, глава 12). Здесь обыгрываются оба эти значения.

менно и отзывается⁷. Минуло три года, мать по болезни скончалась, так вся погребальная снасть целиком обрелась щедротами из короба. После похорон женщина та прожила в одиночестве тридцать лет и ни разу, общо говоря, не подглядывала у ворот⁸. Однажды соседка, одалживаясь огнём, повидала её, восседавшую стройно посередь пустой спаленки; побеседовала недолго да ушла. Проведя малое время, вдруг глядит: цветные облака⁹ окутали дамы той жилище, дыбятся-высятся — что шатёр¹⁰, а в серёдке стоит некто в роскошных одеяниях. Присмотрелась тщательно — а то самая Су и есть. Кружила-парила этак долго, возносясь всё выше, да и исчезла. Соседи купно тому подивились, подглядели в её обиталище, видят: нарядна и прибрана, сидит в оцепенении, а дыхание уж и отлетело. Сообща по бесприютности её¹¹ уговорились, что зовётся, насчёт гроба и савана ей¹², а внезапно заходит тут некий молодец, манерой и наружностью исключителен и блестящ, и собравшимся расточает

⁷ Лишь испросит — а непременно и отзывается (有求輒應) — стандартная формула, говорящая обычно о сильном божестве, мгновенно откликающемся на искренние моления верующих.

⁸ Не подглядывала у ворот (未... 窺戶) — выражение, восходящее к цитате из известного письма великого танского поэта Ван Вэя (王維, 698(701?)—759(761?) гг.) своему другу Ли Цзуню (李遵, 710?–767 гг.) (與工部李侍郎書), впоследствии приобретшее смысл «не показываться на люди и не интересоваться обществом».

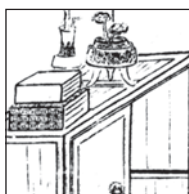
⁹ Цветные (или радужные) облака (彩雲) — распространённый и в поэзии, и в верованиях символ высшей небесной благодати; счастливое знамение, свидетельствующее о божественном присутствии.

¹⁰ Дыбятся-высятся — что шатёр (亭亭如蓋) — чуть изменённая цитата из стихотворения великого поэта Цао Пи (曹丕, 187–226 гг.), цикл «Разные стихи» (雜詩), где говорится: «С запада, с севера ли всё плывут облака, Дыбятся-высятся — что колесницы шатёр».

¹¹ Бесприютность (無歸) — стандартная формула, описывающая положение пожилых и незамужних. Обретением приюта считался переезд в дом мужа.

¹² Гроб и саван (殯殮) — формула, восходящая ещё к книге «Позднеханьской истории» (後漢書), цзюань 63, «Жизнеописание Ду Цяо» (杜喬傳), где так описываются малые похороны, то есть облачение в погребальные одежды и положение во временный гроб. Впоследствии выражение стало обозначать похороны вообще.

благодарства. Соседи дотолѣ уж украдкой ведали, что есть у неё сын, потому не стали ему дивиться. А молодец, как говорят, вытащил металл¹³, похоронил мать, посадил два персика на могиле, затем простился и был таков. Прошёл немного шагов — под ногами зародилось облако, да вот и не стал виден более. Потом персики дали плоды: сладкие, ароматные; местные называли их «персиками бессмертной Су»; деревца год из года цвели да пышнели, нimalo не чахли, не вяли. Управлявшие той местностью неизменно брали с них плоды, чтобы поднести родственникам и друзьям.

¹³ Вытащил металл (出金) — древняя формула, обозначающая «достать деньги» и восходящая к знаменитым комментариям к «Книге преданий» (書經), составленным ханьским Кун Ань-го (孔安國, 156–74 гг. до н. э.); трактуя раздел «Наказания по Люю» (呂刑), глава 55, Кун Ань-го пишет, что при недостоверных свидетельствах применять пять наказаний нельзя, а при верном применении пяти взысканий следует «вытащив металл, искупить проступок», то есть исправно заплатить штраф. Впоследствии выражение «вытащить металл» стало в обиходе обозначать «раскошелиться».

92. ЛИ БО-ЯНЬ¹ 李伯言

Книжник Ли Бо-янь из Ишуя² был прям и честен, обладал, что называют, печенью да желчью³. Вдруг люто захворал, домашние подносят лекарство, а тот отрекается, говоря:

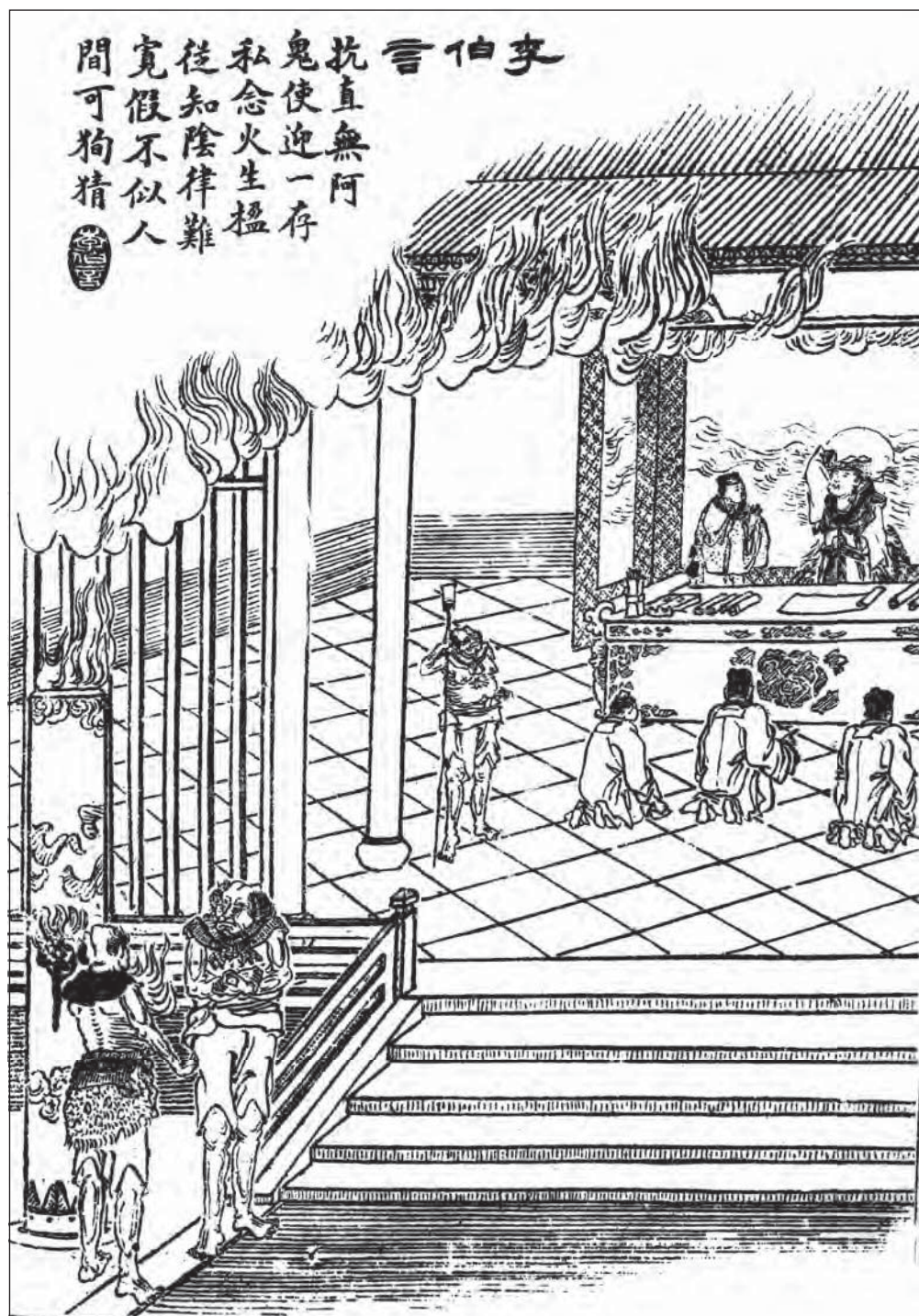
— Моему недугу лекарствами да съестным не пособить. В загробных управах недостало одного Ямараджи⁴, хотят, чтобы я времен-

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Ишуй (沂水) — название уезда на территории нынешней провинции Шаньдун.

³ Печень и желчь (肝膽) — по традиционным китайским представлениям хранилища мужества и отваги. Характеристики решительных и бесстрашных людей как наделённых «печенью и желчью» встречаются уже в «Исторических записках» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 45(135?)–86(85?) гг. до н. э.), *цзюань* 92 «Жизнеописание Хань Синя» (淮陰侯列傳). Подробнее о печени как хранилище тонких вибраций см., например, примеч. к новеллам 47 «Прокурор Лу» и 49 «Не Сяо-цян» из 2 *цзюаня* 1 тома.

⁴ Ямараджа (閻羅) — первоначально царь мёртвых и загробный судья из индийских верований, представления о котором приходят в Китай вместе с проникновением буддизма. Впоследствии становится в системе загробных управ судебной должностью, и самих Ямараджей насчитывается десяток, хотя остаётся вера и в верховного управителя преисподней с тем же именем (подробнее см. комментарии к новелле

но, как говорится, принял ту печать⁵, вот и всего-то. Как помру, не закапывайте меня, а надобно бы подождать.

В тот же день и правда умер.

Ведомый свитой верховой, вступил в дворцовые покои; несут корону, ризу⁶; чиновные и приказные в почтении полном. А на столе — реестров-записей завал-нагромождение. Один подбор: некий N из Цзяннани⁷ проверенно за жизнь свою соблазнил восемьдесят две женщины из хороших семей. Дознали его — свидетельства и улики безошибочны, по загробным законам повинен казни *паоло*⁸. Пред залом имелась бронзовая колонна, высотой стоп в восемь-девять да окружностью где-то в обхват. Опорожнили её середку да разожгли там уголья, снаружи да внутри сплошь заалела. Толпа бесов, хлеща железными терниями, загнала того и заставила залезать: руками

19 «Собачий блуд» 1 *цзюаня* и 59 «Гэн Восемнадцатый», *цзюань* 2, том 1).

⁵ Принять печать (攝篆) — то есть занять должность.

⁶ Корона и риза (冕服) — символы высшей власти полагались всем Ямараджам загробного суда, поскольку те официально наделены титулами правителей (князей), и в особенностях иконографии это передаётся через облачения императоров древности, присущие этим божествам. В облачение обычно входят корона (тиара) *мян* (冕) с драгоценными подвесками или другой официальный головной убор Сына Неба, а также парадный халат (часто с пятипальными драконами). В руках Ямараджи держат ритуальные нефритовые жезлы *гуй* (圭).

⁷ Цзяннань (江南) — территории южнее Янцзы. См. также примеч. 1 к новелле 34 «Жених», *цзюань* 1, том 1.

⁸ *Паоло* (炮烙) — вид казни, упоминающийся в числе неистовых нововведений последнего иньского царя Ди-синя (紂帝辛, XI в. до н. э.). Описывается по-разному: то как горизонтально положенная металлическая труба, смазанная жиром, внутри и под которой разводили жар и заставляли людей ходить по ней, что неминуемо заканчивалось падением и мучительной медленной смертью от ожогов; то как раскалённая вертикальная колонна, на которой зажаривали приговорённых. В китайском аду мучения на вертикальном раскалённом столбе *паоло* уготованы развратникам обоих полов. В тексте Ляо Чжая *паоло* какого-то необычного фасона, очевидно, соотносимого не столько с традицией, сколько с фантазией автора.

перебирая да ногами оплетая, взобрался он и только достиг верхушки, как чадной порыв взметнулся-взмыл, громыхнув раскатом, что твоя петарда — человек-то тут и свались. Скорчившись, полежал ничком какое-то время да стал вновь оживать. Опять его загнали, взорвалось — свалился, как и прежде. А третий раз свалился — так за клубил по земле, словно дым, да рассеялся, не смог снова сложиться в форму, так-то!

Ещё один ухватил: о некоем Ване из его же уезда, которого отец рабыни винит, что тот-де силою захватил его родную дочь. А Ван этот приходился самому Ли свойственником. Прежде случилось так: некто продавал рабыню, а Ван, зная, что заполучена она неправедным путём, прельстился дешёвизной цены её, да и купил. А вот и выпадит этому Вану внезапно помереть; спустя день друг его — книжник Чжоу — встречается с ним на улице и, догадавшись, что тот обратился нежитью, бросается укрываться дома, а Ван с ним же и заходит. Чжоу в страхе молитвует, спрашивает, что тот сотворить намерен, а Ван и говорит:

— Обеспокою вас трудом достоверно свидетельствовать в загробных управах, и только-то.

Тот смятенно спрашивает:

— Что ж за дело?

А в ответ:

— Рабыня моя подлинной ценою куплена, да ныне вот облыжно обвинён; дело это вы лично наблюдали, так заимствуюсь лишь, как говорится, одним речением Цзи-лу⁹, а других просьб и нету.

Чжоу решительно от того отрёкся, а Ван, уходя, говорит:

— Боюсь, по-вашему не выйдет, вот!

Недолго и прошло — Чжоу и вправду помер. Так вместе и отправились к Ямарадже на допрос да следствие. Ли, как увидал Вана, тайком и преисполнился мыслей, чтобы, как говорят, выпростать левое¹⁰. Вдруг глядь: наверху павильона занимается огонь, пламя

⁹ Цзи-лу (季路) — второе имя Чжун Ю (仲由, 542–480 гг. до н. э.), ученик Конфуция, прославленный своей правдивостью и преданностью долгу.

¹⁰ Выпростать левое (左袒) — прямая цитата из «Исторических запи-

опалает балки да опоры. Ли в великой тревоге встал, что называют, на кренящиеся ноги¹¹, а приказный, спешно приблизившись, и разъясняет:

— Загробный суд инаков, чем в людском мире, и одной мысли пристрастия не может принять. Спешно рассейте сторонние думы — огонь сам и погаснет.

Ли, собравши дух, хладнокровно позадумался — огонь тут же и потух. Вслед тому допросил по жалобе: Ван и отец рабыни снова да опять друг друга хулят. Спросил у Чжоу — Чжоу по правде отвечивал; Вану за нарочитое беззаконие присудили батоков. Расплата свершилась — отрядил людей купно проводить и вернуть к жизни; Чжоу и Ван оба через три дня снова ожили.

Ли же ведение дел завершил, подали выезд — и возвращаться. По пути глядит: лишённые голов да с отрезанными ногами — несколько сот таковых, лежат на земле и скорбно стенают. Остановил экипаж изучить-дознаться, — а то призраки из другого уезда, хотят отправиться в родные края, да опасаются, что на заставах-кордонах остановят и задержат, молили-выпрашивали подорожную. Ли говорит:

— Я служил временно три дня и уж оставил пост, да! Чем же смогу здесь поусердствовать?

А те скопом в ответ:

сок» Сыма Цяня, *цзюань* 9 «Основных записей» (本紀), «Основные записи о вдовствующей императрице Люй и Люй Чжи» (呂太后呂雉 (本紀)). После смерти вдовствующей императрицы Люй начальник военного приказа Чжоу Бо (周勃, ?–169 гг. до н. э.), чтобы завладеть поддержкой армии в споре между наследниками трона, объявил по войскам, что те, кто поддерживает род Люй, должны «выпростать правое [плечо]», а те, кто поддерживает род Лю, — левое; и всё войско обнажило левое плечо. Впоследствии выражение «выпростать» или «обнажить левое» стало символом предвзятой поддержки или неприязни к одной из сторон тяжбы.

¹¹ Кренящиеся ноги (側足) — скрытая цитата из «Позднеханьской истории» (後漢書), *цзюань* 18, «Биографии» (列傳), раздел 8, «Жизнеописание У Ханя» (吳漢傳), где говорится о правителе в смятении, чьи ноги от душевного волнения подкашиваются. Впоследствии данное выражение становится устойчивым письменным штампом.

— В южной деревне книжник Ху намерен, так скажем, воздвигнуть алтарь¹², за нас поручение можно бы подать.

Ли на то согласился. Достиг дома, конная свита скопом удалилась, Ли тут и ожил.

Книжник Ху, второе имя Шуй-син, водил с Ли дружбу и, услышав, что Ли повторно ожил, тотчас прибыл навестить-проведать. Ли тут и спроси:

— Чистое возлияние¹³ когда будет?

Ху в изумлении отвечает:

— После военных разрушений жена и чада остались, назовём так, целой черепицей¹⁴, вот и хотел с домашними осуществить это намерение сердца¹⁵, да ни одному человеку ещё про то не рассказывал, как же вы дознались?

¹² Алтарь (道場) — здесь имеется в виду особый Молебен о спасении духов воды и земли (水陸道場) в помощь неупокоенным призракам. Проводится обычно во время больших религиозных праздников, но подобные обряды могут устраиваться и в любое другое время, правда, требуют существенных затрат и организационных усилий. См. примеч. 4 к новелле 28 «Бесов плач», *цзюань* 1, том 1.

¹³ Чистое возлияние (清醮) — возлияние в честь божества, церемония религиозного подношения. Здесь: скрытая цитата из оды великого поэта Сун Юя (宋玉, 290?–222? гг. до н. э.) «Гаотан» (高唐賦), где говорится, что возливают всем духам и чествуют божество Тай-и.

¹⁴ Целая черепица (瓦全) — то есть живой и здоровый среди военных лишений. Выражение восходит к известной цитате из «Североциской истории» (北齊書), *цзюань* 41, «Жизнеописание Юань Цзин-аня» (元景安傳): «Великий муж лучше уж станет разбитым нефритом, но не сможет [превратиться] в целую черепицу», то есть благородный человек предпочтёт, отстаивая свои идеалы, погибнуть, нежели, отступившись от них, беззаботно прозябать. Ху называет свою семью «целой черепицей», памятуя, сколько невинных жизней унесли сражения конца Мин — начала Цин.

¹⁵ Намерение сердца (願心) — здесь игра слов: так называют и искреннее движение души, и ритуальные приношения Будде, и религиозные обеты, и намерение Будды спасти живые существа, равно как и стремление верующих стать Буддой. Высказывание объединяет в себе всё это множество оттенков значения.

Ли всё ему и поведал. Ху со вздохом говорит:

— Каждое слово из опочивальни тут же доходит до загробных управ, вот уж жутко!

Тут почтительно повиновался да и отбыл.

На другой день Ли направился в жилище Вана, Ван всё ещё лежал в немощи, да, завидев Ли, в благоговении поднялся почтить, изъявлял признательность за покровительство и защиту. Ли говорит:

— В законах и правилах невестны снисходительность и по-
блажки. Нынче, на счастье, уж не недужите?

Ван в ответ:

— Уж нет прочих хворей, лишь рубцы от батогов гноит да про-
рывает, вот!

Ещё только через двадцать с гаком дней пошёл на поправку, мясо на заду подгнило да сошло, шрамы да отметины остались, как после порки.

Автор этих строк заметит:

Казни в загробных управах жестоконравнее, чем в мире земном, а ответ лютее, чем средь живых. Однако ж, коли, что зовётся, сочувственные речи¹⁶ не проходят, то претерпевший свирепую беспощадность — не в обиде! Кто сказал, что в полуночную башню¹⁷ не заглянет солнце? Единственно досадую, что нет огня, чтобы запалить близ мирских судов да присутствий!

¹⁶ Сочувственные речи (關說) — то есть ходатайства, заступничества перед властями. Выражение берёт начало из «Исторических записок» Сыма Цяня, *цзюань* 125, «Биографии» (列傳), раздел 65, «Биографии фаворитов» (佞幸列傳), и становится широко употребительным в письменной культуре.

¹⁷ Полночная башня (夜臺) — поэтическая метафора могилы. Восходит к стихотворению поэта Лу Цзи (陸機, 261–303 гг.), но становится повсеместно знаменитой благодаря стихотворению великого поэта Ли Бо (李白, 701–762 гг.) «В стихах оплакиваю Сюаньчэнского прекрасного винодела старца Цзи» (哭宣城善釀紀叟詩), где говорится: «В башню полночную солнце с зарёй не заглянет, С кем же теперь доведётся вином торговать?»

93.
[НЕЖНЫЙ КРАСАВЕЦ]
ХУАН ДЕВЯТЫЙ¹
黃九郎

Хэ Ши-цань, по прозвищу Цзы-сяо, имел свою студию в восточном Тяоси. Её двери выходили в совершенно открытое поле. Как-то к вечеру он вышел и увидел женщину, приближавшуюся к нему на осле. За ней следом ехал юноша. Женщине было за пятьдесят. В ней было что-то чистое, взлетающее². С неё он перевёл глаза на юношу. Тому было лет пятнадцать-шестнадцать. Яркой красотой своей он превосходил любую прекрасную женщину.

Студент Хэ отличался пристрастием к так называемому «отрыванию рукава»³. И вот, как только он стал смотреть на юношу,

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1937 года.

² Что-то... взлетающее — как в звуке, полученном от удара по прекрасному камню: гудит и куда-то улетает.

³ «Отрыванье рукава» — в основе этого намёка лежит следующее историческое повествование:

Дун Сянь (I в. до н. э.) попал во дворец путём протекции и по заслугам отца. Он вошёл в необыкновенный фавор у государя, который стал его быстро выдвигать и отличать и, наконец, не расставался с ним ни днём, ни ночью. Однажды днём они оба спали рядом. Дун повернулся и лёг на рукав государя. Тому нужно было встать, но Дун не просыпался. Тогда государь оторвал рукав, чтоб его не беспокоить,

душа его вышла из своего, так сказать, жилища, и он, поднявшись на цыпочки, провожал юношу глазами до тех пор, пока не исчез его силуэт. Только тогда он вернулся к себе.

На следующий день он уже спозаранку принялся поджидать юношу. Солнце зашло, в темноте полил дождь. Наконец он проехал. Студент, всячески выдумывая, бросился любезно ему навстречу и с улыбкой спросил, откуда он едет. Тот отвечал, что едет из дома деда по матери. Студент пригласил зайти к нему в студию слегка отдохнуть. Юноша отказался, сказав, что ему недосужно. Студент стал настойчиво его тащить, и тот наконец зашёл. Посидев немного, он встал и откланялся, причём был очень твёрд: удержать его не удалось. Студент взял его за руку и проводил, усердно напоминая, чтобы он по дороге заезжал. Юноша, кое-как соглашаясь, уехал.

С этих пор студент весь застыл в думе: у него словно появилась жажда. Он всё время ходил взад и вперед, усердно всматриваясь, и ноги его не знали ни остановки, ни отдыха.

Однажды, когда солнце уже охватило землю полушаром, юноша вдруг появился. Студент сильно обрадовался и настоял на том, чтобы юноша вошёл в дом. Слуге подворья было приказано подать вино. Студент спросил, как его фамилия и прозвание. Он отвечал, что его фамилия Хуан; он девятый по счету; прозвания, как отрок, ещё не имеет.

— Наша милостивица⁴ живёт у дедушки и временами сильно прихварывает. Поэтому я часто навещаю её.

Вино обошло по несколько раз. Юноша хотел проститься и уехать, но студент схватил его под руку и задержал. Затем закрыл дверь на ключ. Юноша не знал⁵, что делать, и с раскрасневшимся лицом снова сел.

и поднялся, оставив его спать. С этих пор в китайской литературе существует такой образ для обозначения предосудительной любви мужчин друг к другу.

⁴ Наша милостивица — то есть мать; отец называется «наша строгость». Вежливый язык в старом Китае, при общем самоуничижении, не позволял называть старших общими наименованиями.

⁵ Юноша не знал — везде в дальнейшем Ляо Чжай называет его Девятым. Переводчик думает, что по-русски это будет звучать плохо.

Студент заправил огонь и стал с ним беседовать. Юноша был нежен, словно теремная девушка. Как только речь переходила на вольные шутки, его сейчас же охватывал стыд, и он отворачивался лицом к стене.

Не прошло и нескольких минут, как студент потащил его с собой под одеяло. Юноша не соглашался, под предлогом дурноты во сне. Дважды, трижды заставлял его студент. Наконец он снял верхнее и нижнее платье, надел штаны и лёг на постель.

Студент загасил огонь и вскоре подвинулся к нему; лёг на одну с ним подушку, согнул руку, положил её на бёдра и стал его похотливо обнимать, усердно прося его об интимном сближении. Юноша вскипел гневом.

— Я считал вас, — сказал он, — тонким, просвещённым учёным. Вот отчего я так к вам и льну... А это делать — значит считать меня скотиной и по-скотски меня любить.

Через некоторое, весьма малое время утренние звёзды уже еле мерцали. Юноша решительным шагом вышел.

Студент, боясь, что он теперь порвёт с ним, стал опять его поджидать. Переминаясь с ноги на ногу, он устремлял взор вдаль, и глаза его, казалось, пронизывали Северный Ковш.

Через несколько дней юноша наконец появился. Студент бросился ему навстречу, стал извиняться за свой поступок и силком втащил его в студию, где торопливо усадил и стал весело с ним разговаривать. В глубине души он был крайне счастлив, что юноша, как говорится, не помнит зла. Вслед за тем он снял туфли, влез на кровать и опять стал гладить его и умолять.

— Ваша привязанность ко мне, — сказал юноша, — уже, можно сказать, врезана в мои внутренности. Однако близость и любовь разве ж непременно в этом?

Студент сладко говорил о том, как бы они сплелись, и просил только разок прикоснуться к его яшмовой коже. Юноша позволил. Студент подождал, пока он уснул, и стал потихоньку учинять легкомысленное бесчинство. Юноша проснулся, схватил одежду, быстро вскочил и под покровом ночи убежал.

Студент приуныл, словно что-то потерял. Забыл о еде, покинул подушку и с каждым днём всё более и более хирел. Он теперь

только и знал, что посылал своего слугу из студии ходить повсюду и посматривать.

Однажды юноша, проезжая мимо ворот, хотел прямо направиться дальше, но мальчик-слуга ухватил его за одежду и втащил. Юноша, увидя, как начисто высох студент, сильно испугался, стал его утешать и расспрашивать. Студент рассказал ему всё, как это было. Слёзы крупными каплями так и падали одна за другой вслед его словам.

Юноша прошептал:

— Моим маленьким мыслям всегда представлялось, что, сказать по правде, эта любовь не принесёт вашему младшему брату⁶ пользу, а для вас будет гибельной. Вот почему я не делал этого. Но раз вам это доставит удовольствие, — разве мне жалко?

Студент был сильно обрадован, и, как только юноша ушёл, болезнь сейчас же пошла на убыль, а через несколько дней он вполне оправился.

Юноша пришёл опять, и он крепко-крепко к нему прильнул.

— Сегодня я, пересиливая себя, поддержал ваше желание, — сказал юноша. — Сделайте милость, не считайте, что так будет всегда.

Затем он продолжал:

— Я хотел бы кое о чём вас попросить. Готовы ли вы мне посодействовать?

— В чём дело? — спросил студент.

— Мать моя, видите ли, страдает сердцем. Её может вылечить только «Первонебная» пилюля Ци Е-вана. Вы с ним очень хороши, так что можете её у него попросить.

Студент обещал. Перед уходом юноша ещё раз ему напомнил. Студент пошёл в город, достал лекарство и вечером передал его юноше. Тот был очень рад, положил ему на плечо руку и очень благодарил.

Студент опять стал принуждать его соединиться с ним.

— Не пристращайтесь ко мне, — сказал юноша. — Позвольте мне подумать для вас об одной красавице, которая лучше меня в тысячи и тысячи раз.

⁶ Вашему младшему брату — то есть мне; ударение здесь, конечно, на слове «младший», что соответствовало требованиям вежливости.

— Кто такая? Откуда? — любопытствовал студент.

— У меня, видите ли, есть двоюродная сестра — красавица, равной которой нет. Если бы вы могли снизить к ней своим вниманием, я бы, как говорится, «взялся бы за топориче и топор»⁷.

Студент слегка улыбнулся, но не ответил. Юноша спрятал лекарство и ушёл. Через три дня он пришёл и опять попросил лекарства. Студент, досадуя, что он так опоздал, сказал ему много бранных слов.

— Я, видите ли, не могу допустить себя до того, чтобы принести вам несчастье, и поэтому отдаляюсь... Если же мне не удаётся дать себя понять, то, пожалуйста, не раскаивайтесь.

С этих пор они сходились и наслаждались, не пропуская ни одного вечера.

Каждые три дня юноша непременно хоть раз просил лекарства. Ци показалось очень странным, что так часто требуется.

— Это лекарство, — сказал он студенту, — таково, что не бывало ещё человека, который принял бы его более трёх раз. Как это так вышло, что долго нет выздоровления?

Ввиду этого он завернул тройную порцию и сразу вручил её студенту. Затем, посмотрев на него, Ци сказал:

— Вот что, сударь, вид ваш и выражение лица что-то темны и бледны. Больны вы, что ли?

— Нет, — сказал студент.

Ци пощупал пульс и пришёл в ужас.

— Да у вас в пульсе бесовщина! — вскричал он. — Болезнь сидит в «малом потайном»... Кто не остережётся — беда.

Студент вернулся и передал юноше эти слова.

— Отличный врач, — сказал тот, вздыхая. — Я действительно лис и боюсь, что не принесу вам счастья.

Студент, боясь, что он обманет, спрятал лекарство и вручил ему не всё: думал, что он не придёт. Прошло совсем немного дней, и он действительно заболел. Позвал Ци освидетельствовать.

⁷ «Взялся бы за топориче и топор» — то есть стал бы сватом. В древней книге од («Шицзин», I, XV, 5, 1) читаем: «Обрубают топориче — как? / Без топора нельзя! // Берут жену — как? / Без свахи не получишь!

— Вот видите, — сказал тот, — в прошлый раз вы не сказали мне всей правды, и вышло, что теперь дыхание вашей жизни уже блуждает по пустырям... Даже Цинь Хуань⁸ и тот разве может вам помочь?

Юноша приходил каждый день проводить его.

— Вот, — говорил он, — не слушали вы моих слов — и действительно дошли до этого состояния!

Студент тут же умер. Хуан ушёл, горько плача.

До этих ещё происшествий в уездном городе, где умер студент, жил некий большой сановник с придворным званием. В молодости он делил со студентом Хэ, как говорят, кисть и тушь, по семнадцати лет уже был выдвинут и назначен в «Лес Кистей»⁹.

В то время Циньским *фаньтаем*¹⁰ был человек, жадный до насилия и взяток. Никто из придворных чинов об этом не говорил царю, но новый академик имел решимость написать доклад, обличающий злоупотребления *фаньтая*. Однако так как здесь было то, что называется «переходом через жертвенные кубки»¹¹, то он потерял должность, а *фаньтай*, наоборот, был повышен в должность дворцового министра¹². И вот он стал ежедневно следить, не потерётся ли где-нибудь молодой учёный.

⁸ Цинь Хуань — знаменитый врач древности.

⁹ «Лес Кистей» — «собрание достойнейших и просвещёнейших литераторов», стоящих во главе государственного делопроизводства и особенно историографии, — своеобразная академия былой китайской науки.

¹⁰ Циньский *фаньтай* — финансовый комиссар от центрального правительства в какой-либо губернии, один из олигархов с весьма большой властью, правивших громадной губернией в дореформенном Китае.

¹¹ Переход через жертвенные кубки — превышение своей компетенции. Образ идёт из притчи философа Чжуан-цзы (IV в. до н. э.), где читаем: «Хотя бы повар и не наладил к жертвоприношению своей кухни, однако тот, кто изображает и представляет покойника, не пойдёт через все сосуды и блюда, чтобы сделать это вместо него», то есть каждый из них должен знать своё дело.

¹² Дворцовый министр — губернатор, который называется так в литературном языке, потому что по своему значению и происхождению этот чин соответствовал древнему придворному цензору, блюстителю государственного порядка.

А наш учёный сызмальства слыл за храбреца и в своё время пользовался, как говорится, «взглядом тёмных зрачков»¹³ взбунтовавшегося против династии князя. Зная это, бывший *фаньтай* приобрёл покупкой старые письма от одного к другому и предъявил нашему учёному в письме угрозу. Тот испугался и покончил с собой. Его супруга тоже умерла, бросившись в петлю.

По прошествии ночи учёный вдруг воскрес:

— Я — Хэ Цзы-сяо, — заявил он.

Стали спрашивать, и всё то, что он говорил, действительно происходило в доме Хэ. Тогда только поняли, что Хэ вернулся своей душой в чужое, заимствованное тело. Стали его удерживать, но он не счёл это для себя возможным, вышел и побежал в своё старое жилище.

Губернатор, заподозрив обман, захотел непременно его унижить, погубить и послал к нему человека с требованием тысячи *лан*. Учёный сделал вид, что соглашается, но от горечи и досады он готов был порвать с жизнью.

Вдруг ему докладывают о приходе юноши — он обрадовался, заговорил с ним, и сразу явились к ним и радость и горе. Только что он захотел снова учинить непристойность, как юноша спросил его:

— Скажите, сударь, у вас три, что ли, жизни?

— Мои раскаянья в своей жизни и мучениях не стоят этой смерти-блаженства!

И рассказал ему свои обиды и горечи. Юноша погрузился в глубокое, далёкое раздумье и через некоторое время сказал:

— К счастью, вот я снова встретился с вами вновь живым, но вам пусто ведь так, без подруги. Помните, я тогда ещё говорил вам о своей двоюродной сестре. Так вот, она умна и прелестна, у ней большая изобретательность. Она-то уж непременно сумеет разделить с вами неприятность!

¹³ Взглядом тёмных зрачков — то есть взглядом прямо устремлённых зрачков симпатизирующего человека, в противоположность «белым глазам» — глазам, не желающим глядеть на неприличного и недостойного человека и потому повёртывающим к нему белки, а не «тёмные зрачки».

Наш учёный пожелал взглянуть хоть раз на её лицо.

— Это нетрудно устроить, — сказал юноша. — Завтра я возьму её с собой к старой матери, и она пройдёт по этой самой дороге. Сделайте вид, что вы мой старший брат, а я, под предлогом жажды, попрошу у вас напиться. Вы, положим, скажете так: «Осёл убежал!» — так это будет знаком согласия!

Условившись, они расстались. На следующий день, только что солнце стало на полдень, как юноша и в самом деле прошёл у ворот в сопровождении молодой девушки. Наш учёный сделал ему приветственный жест и стал с ним тихо-тихо шептаться, причём бросал на девушку беглые и косые взгляды. Перед ним была милая, привлекательная, стройная, очаровательная девушка — самая настоящая фея!

Юноша попросил чаю. Хозяин попросил войти, чтобы напиться в доме.

— Ты не удивляйся, сестрица, — сказал юноша, — это мой старший брат по клятвенной дружбе. Не беда, если мы несколько отдохнём у него!

С этими словами он помог ей слезть, а осла привязал к дверям. Вошли. Хозяин сам поднялся, чтоб заварить чай, и сказал, смотря на юношу:

— То, что ты, милый, намерен говорить, — недостаточно исчерпывает дело! Сегодня мне здесь приходит конец!

Девушка, видимо, догадалась, что он говорит о ней, встала с дивана и, стоя, сказала брату, словно шепеча.

— Уйдем!

Наш учёный, выглянув за дверь, сказал:

— Осёл-то, гляди, убежал!

Юноша с быстротой огня выбежал. Учёный обнял девушку и просил сойтись с ним. У той по лицу пошли пунцовые переливы, вся съёжилась, словно попала в тюрьму. Громко закричала, но юноша не отозвался.

— У вас, сударь, есть ведь жена, — сказала она, — к чему вам губить у человека честь и стыд?

Он объяснил ей, что не женат.

— Можете ли вы поклясться мне Рекой и Горой¹⁴? Не дайте осеннему ветру¹⁵ увидеть ко мне пренебрежение!.. А тогда только прикажите, и я послушаюсь!

И он поклялся блистающим солнцем. Девушка более не сопротивлялась.

Когда дело было сделано, явился юноша. Девушка, сделав строгое лицо, гневно забранилась.

— Это, милая, Хэ Цзы-сяо, — сказал он, — в прежнее время известный литератор, а ныне придворный учёный. Со мною он в наилучшей дружбе. Это человек надёжный. Сейчас мы доведём об этом до сведения тётки, и она, конечно, тебя не обвинит!

Солнце было уже к вечеру. Хэ хотел удержать их, не позволяя уходить, но девушка выразила опасение, как бы тётка не напугалась и не подумала чего-нибудь особенного. Но юноша с острой решительностью взял это на себя, сел на осла и помчался.

Прожили так несколько дней. Появилась какая-то женщина за руку с прислугой. Ей было за сорок лет; одухотворённостью своей и своим общим видом она совершенно напоминала девушку. Хэ крикнул ей, чтобы та вышла... Действительно, это была её мать.

¹⁴ Поклясться мне Рекой и Горой — то есть так, как клялись в торжественных случаях в древности, а именно: «Пока Жёлтая река не станет с пояс, пока гора Тай не источится...» и т. п.

¹⁵ Не дайте осеннему ветру... — намёк на знаменитое стихотворение поэтессы I века до н. э. Бань Цзеюй «Осенний ветер»:

Только что сделанный из циского чистого шёлка,
Он бел, он чист, словно иней иль снег.
Выкроен в виде веера слитой радости:
Круглого-круглого — словно светлая луна.
Он то выйдет, то уйдёт к груди иль в рукав государя,
Веет и машет... Нежный ветерок появляется.
Всего боюсь, что, с приходом осенней поры,
Холодные бури унесут яркую жару..
Бросит его он, кинет в сундук иль в корзину:
Благодатное чувство прерывается в своём пути.

В этом стихотворении изображается боязнь фаворитки утратить расположение государя с приближением её к возрасту, более напоминающему осень, чем жаркое лето.

Посмотрев на дочь прищуренными глазами, она спросила с крайним удивлением, как это она очутилась здесь. Дочь, застыдившись, не могла ответить. Хэ пригласил мать зайти, сделал ей поклон и объявил, как и что. Мать засмеялась.

— Мой Девятый, — сказала она, — юная душа... Зачем, как говорится, «он оба раза не спросил»¹⁶?

Девушка сама пошла в кухню, поставила кушанья и угощала мать. Поев, старуха ушла.

С тех пор, как Хэ получил красавицу-подругу, все его сердечные стремления были в высокой степени удовлетворены. Однако нить зла так и кружила в его душе, и он всё время ходил надутый, недовольный, с видом страдальца. Жена спросила его, что это значит, и он рассказал ей всё от начала до конца, что только пришло на память. Она засмеялась.

— Ну, это-то мой девятый братец и один может распутать, — сказала она. — Чего горевать?

Хэ спросил её, как это может быть.

— Я слышала, — отвечала жена, — что господин губернатор тонет в песнях и музыке, да и к глупеньким мальчикам весьма неравнодушен. Во всём этом мой девятый братец, как известно, отличается. Пусть он приглянётся губернатору, а мы и подарим... Его злоба может таким образом пройти. Кроме того, можно ещё будет ему отомстить за его зло.

Хэ выразил опасение, что брат не согласится на это.

— Вы только, пожалуйста, умолите его, — сказала она.

Через день Хэ, увидя юношу, встретил его, идя на локтях. Тот был ошарашен.

— Как? — вскричал он. — В двух ваших жизнях я был вам друг... Везде, где только можно было это проявить, я не посмел бы пожалеть себя от головы до пят... Откуда вдруг взялась эта манера обращаться ко мне?

¹⁶ Оба раза не спросил — женщина говорит словами книги «Цзочжунань», приложенной к летописи Конфуция. Там рассказывается о двух героях, которых их возничий не спросил, как поступить ни перед боем, ни во время боя, а поступил по-своему. Здесь мать намекает, очевидно, на двоякую деятельность её сына около Хэ.

Хэ изложил ему всё, что было надумано. Юноша изобразил на лице трудную борьбу.

— Я от этого человека потеряла свое тело, — вмешалась женщина. — Кто, скажи по правде, это сделал? Если теперь ты дашь ему завянуть и погибнуть среди его жизненного пути, то куда ты меня-то денешь?

Юноше не оставалось ничего другого, как согласиться. И вот Хэ тайно уговорился с ним и отправил спешное письмо к своему приятелю, сановнику Вану, прислав с письмом и самого юношу. Ван понял, чего хочет Хэ, устроил большой обед, на который пригласил и губернатора. Затем он велел юноше нарядиться женщиной и исполнить на обеде танец Небесного Мо¹⁷. Получилось полнейшее впечатление прелестной женщины.

Губернатор так и одурел. Стал тут же настойчиво просить Вана отдать ему юношу, причём готов был дать за него крупные деньги, и единственно чего боялся, так того, что ему не удастся за них получить его. Ван притворился, что это его вводит в глубокое раздумье и сильно затрудняет. Помешкав довольно продолжительное время, он наконец отдал юношу, но уже от имени Хэ. Губернатор был в восторге, и старая ссора сразу была разрешена. Получив теперь

¹⁷ Танец Небесного Мо — то есть дьявола, владыки шестого чувственного неба, младшего брата всех будд и злейшего их врага. Он старается всеми силами вредить буддийскому учению и буддийской вере. Он действует на человека через чувства, омрачая его мысли, искушает и обольщает подвижников, принимая разные виды, например, прелестных женщин, даже отца и матери. «Мо» — китайское сокращение из Моло (санскритского Мара). Танец Мо зародился, по-видимому, ранее VIII века, ибо у знаменитого поэта этого времени Ван Цзяня в его «Ста дворцовых песнях» эта тема уже встречается. Но окончательное его развитие относится к концу владычества в Китае монголов, больших покровителей буддизма. Последний император монгольской династии Юань был неумеренно пристрастен к «благам цивилизации», особенно отрицательного направления. Пируя дни и ночи, он выбрал шестнадцать наиболее красивых наложниц из своего гарема, нарядил их в наилучшие украшения, придав им вид святых бодисатв, искушающих подвижника всеми своими прелестями. Таким образом, это своего рода танец сатанинского наваждения (христианские миссионеры отождествляли Мару с сатаной, дьяволом-искусителем).

юношу, он от него уже не отходил; где бы ни был, что бы ни делал, двигался ли, сидел ли. У него было более десятка обслуживавших его девиц. На них он смотрел теперь, как на пыль и грязь.

Юноша стал у него пить и есть и пользоваться всяческой услугой, словно князь. Кроме того, губернатор подарил ему более десяти тысяч *лан* монет.

Через полгода губернатор захворал. Юноша, зная, что он уже совсем на дороге в тьму, сложил на повозку золото и парчу и временно поместил всё это в доме Хэ. Вслед за этим губернатор умер. Юноша извлёк деньги и выстроил целые хоромы, завёл мебель и утварь, нанял слуг и служанок. Мать, братья, тётки — все пришли жить с ним вместе.

Когда юноша выходил из дому, на нём была великолепная шуба, его везли превосходнейшие кони.

Никто не знал, что он лис.

У меня (Ляо Чжая) есть некоторое посему поводу сужденьице. Позвольте, улыбнувшись, приписать его сюда же¹⁸.

Есть у меня и «Насмешливый вывод», его тут я и изложу¹⁹

Когда муж с женой проживают совместно, то в этом большая мораль²⁰ надлежит для супруга с супругой. Коль сухость и влага

¹⁸ Идущее дальше «сужденьице» написано самым богатым литературным стилем. Однако иногда то, что может быть легко изложено на китайском, не слышимом для уха языке, никоим образом не может быть переведено на русскую, всегда слышимую речь. Переводчик решительно отказывается передать это послесловие. Для восстановления всей его литературности не помогут никакие примечания, и останется лишь то, что вовлечет читателя в превратное суждение о Ляо Чжае, который здесь является в роли жестокого обличителя порока.

¹⁹ Перевод А. Г. Сторожука.

Несмотря на нежелание В. М. Алексеева знакомить читателя с этой частью новеллы, полный перевод «Станных историй...» требует всецелой передачи оригинала, поэтому мы добавляем здесь недостающую часть.

²⁰ Большая мораль (大倫) — выражение из книги «Мэн-цзы», глава 10 «Вань Чжан» (萬章), часть 1 (上), где говорится, что совместное проживание мужчины и женщины в покое (то есть семьею — А. С.)

взаимно проникнут, то это чрез *иньские-янские* верные хóды пойдёт. Коль ветру навстречь ожидаешь луну²¹, то всё ж осуждение будет засилию нравов развратных; а коль отрываешь рукав или делишься персиком²², то сложно избежать здесь смрада такого — хоть нос зажимай. Будь ты непременно могучий силач — и птичьи проходы²³ тогда пред тобою открыться посмеют; в пещеру ту Персиков ключ²⁴ не ведёт — так шест рыбака как же мог по ошибке сюда

является большим моральным [принципом]. В самой книге «Мэн-цзы» таких принципов указывается пять — это взаимоотношения отца и сына, государя и подданного, мужа и жены, старшего и младшего, двух друзей, равных между собой.

²¹ Ветру навстречь ожидать луну (迎風待月) — парафраз на отрывок из знаменитой новеллы Юань Чжэня (元稹, 779–831 гг.) «Повесть об Ин-ин» (鶯鶯傳), где героиня назначает студенту Чжану тайное свидание, прислав четверостишие, начинающееся: «Луну ожидаю я нынче, где западный флигель, И ветру навстречь там створка полуоткрыта». Впоследствии в высокой литературе парафраз на эти строки служит символом секретно назначаемой любовной встречи.

²² Отрывать рукав и делиться персиком (斷袖分桃) — два литературных штампа, обозначающие предосудительную любовь мужчины к мужчине. «Отрывание рукава» (斷袖) пояснено в примеч. 3 к данной новелле. Выражение «делиться персиком» (分桃) восходит к известному историческому анекдоту, изложенному, в частности, в книге «Хань Фэй-цзы» (韓非子), цзюань 4, глава 12 «Сложности изложения» (說難), где повествуется о фаворите вэйского Лин-гуна (衛靈公, 540–493 гг. до н. э.) по имени Ми Цзы-ся (彌子瑕), который вёл себя с государем, попирая все привила приличия, а тот всё ему прощал. Однажды Ми Цзы-ся передал правителю свой надкушенный персик, чтобы тот отведал, сколь он сладок. Впоследствии выражение «делиться персиком» становится символом вседозволенности, проистекающей из порочной страсти облечённых властью к пригожим юношам.

²³ Птичьи проходы (鳥道) — выражение из стихотворения великого танского поэта Ли Бо (李白, 701–762 гг.) «Трудна дорога в Шу» (蜀道難), обозначающее узкие труднодоступные тропы. В данном случае употребляется в иносказательном смысле.

²⁴ Персиков ключ (桃源) — «Персиковый источник», название поэмы Тао Юань-мина (陶淵明, 365–427 гг.), где повествуется о том, как рыбак случайно приплыл к источнику реки, по берегам которой росли персиковые деревья (к Персиковому источнику), за которым он

забрести? Есть ныне такие, что нижним течением только плывут, позабывши вернуться, а истинный путь отвергают и следовать им не стремятся. Тучка с дождём²⁵ ещё не сотворились — ведь неизменно-упорно руками то вверх, а то вниз; *инь* и *ян* спинами коль развернулись, значит, всему вопреки, и внутри, и снаружи лишь срам. Раз пруд цветущий²⁶ отринул в ту волость, какой не найти приложения, — абсурдно твердить, дескать, старый монах в созерцание впал²⁷. Пещера дикарская²⁸ — это ведь место, где даже трава не растёт²⁹, а вот понуждает вождя одноглазого³⁰ вздыбить клевец!

увидел пещеру, где в благоденствии жили люди, некогда сбежавшие сюда от бесчинств циньского двора. Здесь игра слов, подразумевающая: только в пещеру у Персикового источника можно проникнуть случайно.

²⁵ Тучка с дождём (雲雨) — отсылка к оде «Гаотан» (高唐賦) древнего поэта Сун Юя (宋玉, 290?–222? гг. до н. э.), где повествуется о встрече чуского царя с прекрасной небожительницей. Само выражение становится впоследствии метафорой супружеского соития. См. примеч. 9 к новелле 19 «Собачий блуд», *цзюань* 1, том 1, и 24 к новелле 58 «Учёный муж из Фэнъяна», *цзюань* 2, том 1.

²⁶ Цветущий пруд (華池) — традиционно этот образ, применительно к метафорическому описанию анатомических статей, обозначал уста (как, например, в сунском «Трактате о взращивании жизни» (養生經), составленном основателем школы Лунмэнь (龍門) Цю Чу-цзи (丘處機, 1148–1227 гг.)); в тексте Пу Сун-лина это словосочетание подразумевает основу женской сущности.

²⁷ Впасть в созерцание (入定) — термин буддийских практик, вхождение в *самадхи*, то есть в глубокое недвойственное сосредоточение и слияние с объектом практики; связано с утратой ощущения собственной личности, стиранием граней внешнего и внутреннего, что внешне воспринимается как утрата связей с окружающим.

²⁸ Пещера дикарская (蠻洞) — здесь: пещера в безлюдной дали (где обитают лишь не имеющие культуры племена), метафора порочного влечения.

²⁹ Место, где даже трава не растёт (不毛之地) — устойчивое выражение, обозначающее бесплодную пустыню, не способную породить ничего живого. В тексте Пу Сун-лина является метафорой порочного влечения мужчины к мужчине, не способного породить новую жизнь.

³⁰ Одноглазый вождь (眇帥) — намёк на воеводу Ли Кэ-юна (李克用, 856–908 гг.), лишившегося глаза в бою и получившего в народе

Привяжет ведь Красного Зайца³¹ у самых ворот бивака, как будто намерен стрелять в алебарду³²; Большой лук себе обнаружит в казне государственной тайно³³, и прямо вождедея засов прорубить; иль вот ещё угорь найдётся, да в Школе Сынов Государя³⁴, что к другу ходил закадычному ночью вчерашней как раз³⁵. Ведь ясно предельно: те красные сливы³⁶, что Ван продавал, — пробиты они, и на жизнях

прозвание «Одноглазый Дракон». В новелле же это словосочетание обыгрывается в иносказательном плане.

³¹ Красный Заяц (赤兔) — имя невероятного по красоте и скаковым качествам коня древнего воина и полководца Люй Бу (?–199 гг.). Впоследствии Красный Заяц перешёл к генералу Гуань Юю (關羽, ?–220 гг.); в новелле имя коня употребляется в аллегорическом смысле.

³² Стрелять в алебарду (射戟) — намёк на легенду о Люй Бу (см. примеч. 11), согласно которой он смог примирить собравшихся биться насмерть Цзи Лина (紀靈) и Лю Бэя (劉備, 161–223 гг.), поставив условие: если он попадёт стрелой в лезвие алебарды на ста пятидесяти шагах, то битвы не будет. Стрела Люй Бу попала в цель, и сражение отменили.

³³ Большой лук... — намёк на историю из «Цзо чжуаня» (左傳), цзюань 55, «Восьмой год Дин-гуна» (定公八年), где рассказывается о Ян Ху (楊虎), служившем правящему роду царства Лу (魯) и тайно проникшем в государственную казну, откуда он украл драгоценный нефрит и Большой лук (大弓), знаменитое оружие древности.

³⁴ Школа Сынов Государя (國子監) — высшее учебное заведение старого Китая, столичная академия Гоцзыцзянь, где готовили к прохождению экзаменов на высшую учёную степень.

³⁵ Угорь найдётся... — намёк на историю из собрания «Внимаю беседам» (耳談) минского литератора Ван Тун-гуя (王同軌, 1535–1615?), где описывается связь Вана, Возливающего жертвенное вино (祭酒, название официальной должности — А. С.) из Нанкинской академии Гоцзыцзянь, и студента этой академии. Студенту как-то ночью приснилось, что в промежности у него вылез угорь, о чём потом сложили шуточное стихотворение: «Как-то раз кое-кому снился странный сон: Зад буравит угорь — тут уж будешь удивлён! Надо думать, это Гоцзыцзяня академик, Полночью к милу-другу явился в гости он».

³⁶ Красные сливы (朱李) — вид слив, то же, что и 杏李, абрикосовая слива, или слива Симона, *Prunus simonii* Carrière. В «Новом изложении рассказов, в свете ходящих» (世說新語) Лю И-цина (劉義慶, 403–444 гг.), раздел 29 «Скупцы» (儉嗇), повествуется о государственном

грядущих расплата за это. И тем вон, что в чёрную чашу сосновую яростно мчат на коне боевом, — им, несомненно бы, поуспокоиться. Ведь если, допустим, в местечке Хуанлунфу³⁷ воды прибоя внезапно подступят, то чем же тогда им противостоять? Следовало б обрубить эту ярость, что всё пронизает-буравит, а также вдобавок забить этот тракт, что всех провожает-встречает.

деятеле и поэте Ван Жуне (王戎, 233~305 гг.), в доме которого растили прекрасные красные сливы на продажу. Боясь, как бы другие не стали выращивать этот сорт, Ван Жун пробивал косточки слив перед тем, как их продавать. Таким образом, проданные им сливы не могли дать потомства, то есть расплата за его скаредность лежала на «грядущих жизнях» этого сорта плодов. Здесь Пу Сун-лин говорит о расплате «на жизнях грядущих», которая настигнет за однополую любовь — не будет потомства, что является для традиционно воспитанного китайца подлинной трагедией.

³⁷ Хуанлунфу (黃龍府) — местность на территории провинции Цзилинь. Сунский генерал Юэ Фэй (嶽飛, 1103–1141 гг.) во время похода против чжурчжэней призывал «ударить по столице Жёлтого дракона», то есть по столице неприятеля, имея в виду как раз эту местность. Здесь Пу Сун-лин использует данную метафору как противовес предыдущей фразе о яростном натиске, которому следовало бы «поуспокоиться».

94.

ЦЗИНЬЛИНСКАЯ БАРЫШНЯ¹

金陵女子

В Ишуе² проживал некий Чжао, что, возвращаясь по делам из города, увидел барышню в белых одеждах, плакавшую у обочья дороги весьма горестно. Покосился на неё — красива; зачаровавшись ею, застыл, уставившись, и дальше не идёт. Барышня, проливая слёзы, и говорит:

— Вот ведь, сударь, дорогою не следуете, а на меня таращитесь! Чжао ей:

— Я, понеже в пустынном захолустье ни души, а вы рыдаете столь скорбно, истинно сокрушаюсь сердцем.

Барышня в ответ:

— Муж мой скончался, некуда деваться, вот оттого-то и печалюсь я.

Чжао убеждает её сызнова выбрать, как говорят, прекрасного спутника, а в ответ:

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

Цзиньлин (金陵) — название древнего уезда, расположенного на территории нынешней провинции Цзянсу. Позже эта местность, где расположился город Нанкин, продолжала неофициально называться Цзиньлином.

² Ишуй (沂水) — название уезда на территории нынешней провинции Шаньдун.

— Малоприметна слишком плоть сия, кого ж она тут выбирать способна? Каб обрести кому препоручиться — наложницей ему бы быть могла.

Чжао с восторгом себя присоветовал — барышня с ним и направились. Чжао, так как от дома были отдалённо, намерился сыскать «замену поступи»³, а барышня ему:

— Нужды нет, — да и зашагала первой, порхая, словно то бессмертная спешит. Достигли до дому — стала, что называют, проворить у колодца и ступки⁴ с великим тщанием.

Набежало два года с лишком — и говорит она Чжао:

— Почувствовав ваши любовь и влечение, с вами пошла до поры, а вот уже вдруг и три года минуло, и нынче как раз надлежит уходить.

Чжао ей:

— Прежде сказала, что нету семьи, нынче куда же пойдёшь?

А в ответ:

— В прежние поры из сумасбродства сказала я так. Разве бывает, что нету семьи? Батюшка кровный лекарством торгует в Цзинлине. Коль захотите опять повидаться, можно с поклажей лекарств к нам прибыть: сладим покрыть путевые расходы⁵.

Чжао распорядился по хозяйству да одолжил ей повозку с конём — барышня от неё отреклась. Вышла из ворот и шествует прочь, погнался вослед — не настиг, глазом моргнул — и уж нету её.

Долго так прожил, а весьма затягивало его скукой-тоской; потому приобрёл лекарств и наведалься в Цзиньлин. Пристроил товар на постоялом дворе и ну доискиваться её в торговых кварталах. Вдруг старец один из аптечных рядов узрел его издали и говорит:

³ Замена поступи (代步) — общее название для любого транспорта. См. также примеч. 10 к новелле 58 «Учёный муж из Фэнъяна», *цзюань* 2, том 1.

⁴ Проворить у колодца и ступки (操井臼) — устойчивое выражение, обозначающее хлопоты по хозяйству.

⁵ Путевые расходы (資斧) — здесь: скрытая цитата из «Книги перемен» (易經); см. примеч. 13 к новелле 12 «Ван Шестой Молодец», *цзюань* 1, том 1.

— Зятёк прибыл!

Зовёт его войти, а барышня как раз во дворике бельё стирает. Видит его — ни слова, ни улыбки, стирает неотрывно. Чжао, затаив досаду, тотчас и вон; старец наново тянет его вернуться — барышня и бровью не ведёт, как прежде. Старец велит собирать на стол да готовить трапезу, намерен щедро его одаривать. Барышня же останавливает со словами:

— Счастье его ледащее, много — так и не сдюжит. Следовало бы помалу утолить его убогость-нужду, да к тому ж выписать десяток с лихвой ярлыков рецептурных да вручить ему, вот и не станет у него исходу в съестном.

Старик спрашивает, где же сгружённые лекарства, а барышня на то:

— Уж распроданы все, а уплата вот она.

Старец тогда выписал рецепты, вручил деньги да проводил Чжао возвращаться.

Попробовали эти рецепты — поразительный эффект у них. В Ишуе ещё остались те, кто помнит эти рецепты. Собрать в чесночную ступку дождевой воды с соломенной стрехи, промыть бородавки-разрастания — как раз один из таковых, отлично действенный!

95. ПОЧТЕННЫЙ ТАН¹ 湯公

Почтенный Тан, по имени Пинь², в году под знаками Синь-Чоу³ стал *цзиньши*⁴. Охвачен болезнью, был при смерти. Вдруг чует: горячее *ци*⁵ в нижней части постепенно восходит и поднимается. Достигло бёдер — ноги омертвели, достигло утробы — бёдра омертвели. Достигло сердца — а сердцу-то мертветь труднее всего. Все с юности-малолетства копившиеся, да обрывочные-ничтожные,

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Тан Пинь (湯聘) — реальный исторический персонаж, сдавший государственные экзамены сначала на степень *цзюйжэня* (1657 г.), потом на степень *цзиньши* (1661 г.), был начальником уезда Пиншань.

³ Синь-Чоу (辛丑) — циклические знаки, соответствующие 38 году 60-летнего цикла по традиционному китайскому календарю. В описываемые поры это был как раз 1661 год (см. предыдущее примечание).

⁴ *Цзиньши* (進士) — высшая учёная степень в традиционной системе государственных экзаменов *кэцзюй*. Подробнее см., например, примеч. 1 к новелле 26 «Три жизни», *цзюань* 1, том 1; примеч. 35 к новелле 47 «Прокурор Лу», *цзюань* 2, том 1.

⁵ *Ци* (氣) — одна из ключевых категорий китайской философии, толкующаяся по-разному в различных школах и различных работах. В данном случае имеется в виду необходимая для жизни сила, черпаемая из самых различных источников; истощение этой силы или серьёзный дисбаланс в ней приводит к болезням и гибели.

давно позабытые дела — разом с кровью сердца и подоспели, и одно за другим накатывают. Ежели какое хорошее, то на сердце чисто, покойно, мирно да устойчиво; ежели дурное — то досадливо, смятенно, тревожно да муторно, будто в масле ты, что клокочет в треножнике⁶, — такое же непереносимое состояние, которому и словами ничего не уподобишь. Вот вспомнилась история: когда было лет семь-восемь, то выискивал воробьиных птенцов да губил их; только один этот случай — а к сердцу да голове кровь жаркая прилила-забурлила; минул срок, чтобы потрапезничать⁷, — тут и схлынула. Этак тянулось, пока всё, что за жизнь сделано, по одному накатывая, не исчерпалось. Тогда чует: горячее *ци* по прядке, по клочку через глотку проникает в мозг и из маковки-темени выходит, воспаряет вверх, словно бы стряпают тут. Так перевалило за срок в несколько десятков *кэ*⁸ — душа стала отдаляться, так сказать, от отверстий⁹, пренебрегая телесною скорлупою¹⁰.

Так в необъятной безбрежности, без пристанища, что называют, поплыл по воле волн¹¹ посреде предместных трактов. Тут является

⁶ Треножник (鼎) — здесь: древний сосуд для приготовления жертвенной пищи. Пу Сун-лин упоминает здесь именно его, поскольку имеется весьма схожее выражение «треножник с кипящей водой», одно из значений которого относит к древнему способу казни. То есть к общей картине постоянно сменяющихся пузырей на поверхности кипящей жидкости, которым уподобляются мысли умирающего, добавляется и коннотация лютого страдания, причиняемого тяжкими воспоминаниями.

⁷ Срок, чтобы потрапезничать (食頃) — устойчивое выражение, обозначающее короткий промежуток времени. См. также примеч. 26 к новелле 73 «Чжан Чэн», *цзюань* 2, том 1.

⁸ Кэ (刻) — здесь: единица времени, одна сотая суток (~14,5 минут).

⁹ От отверстий (竅) — то есть от органов чувств, с которыми при жизни была неразрывно связана.

¹⁰ Телесная скорлупа (軀殼) — стандартная метафора для обозначения брэнного тела, восходящая к текстам сунских философов, в частности к работам Чжу Си (朱熹, 1130–1200 гг.).

¹¹ Поплыл по воле волн (漂泊) — распространённая фигура речи, обозначающая вообще свободное странствование без границ и препонов; встречается уже в танской поэзии, в частности в стихотворениях

исполин¹² высотой в несколько полных сажень, подобрал-сгрёб его да припрятал в рукав¹³. Очутился он в рукаве, да, скажем так, плечи громоздятся и бёдра упираются¹⁴: людей там зело непрово-рот, муторно-тяжко, спёрто-удушливо, почитай, перенести нельзя. Тут Почтенный и подумай-рассуди, что Будда может избавлять от тягот, вот и начал возглашать его величание¹⁵. Всего лишь трижды-четырежды огласил — а вылетел-выпал из рукава. Исполин его снова припрятал; трижды прятал — трижды тот и выпадал, исполин тогда и бросил его.

Стоит Почтенный наособицу в сомнениях-колебаниях да и не придумает, куда же лучше податься. Рассудил, что Будда в западных землях¹⁶, вот и направился к западу. Недолго прошло — видит: с краю дороги сидит монах, заложив ноги крестом¹⁷; поспешил

великого Ду Фу (杜甫, 712–770 гг.).

¹² Исполин (巨人) — в данном случае не поясняется, что именно это был за дух, но и внешний вид, и функционал однозначно свидетельствуют, что Пу Сун-лин имеет здесь в виду одного из «духов, забирающих душу» (勾魂鬼), а именно Белого У-чана (白無常), наделённого огромным ростом и облачённого в просторные белые одежды из грубой ткани.

¹³ Рукав — традиционно в Китае в рукавах носили различные мелкие предметы, такие как веер, визитные карточки и пр. Подобная практика существовала вплоть до XX века.

¹⁴ Плечи громоздятся и бёдра упираются (疊肩壓股) — китайская идиома, значащая примерно «яблоку негде упасть»: огромное скопление народу, толчею и тесноту.

¹⁵ Величание Будды (佛號) — именование Будды, являющееся самостоятельной практикой, подобной начитыванию мантр или возношению молитв. Чаще всего в Китае возглашалось имя Будды Амиабхи, звучащее по-китайски «Амитофо».

¹⁶ Будда в западных землях (佛在西土) — один из наиболее почитаемых в Китае Будд — Амиабха — является владыкой Западной «Чистой земли», особого мира Вечной радости — *Сукхавати*. Владыкой Восточной «Чистой земли» — *Вайдурья-нирбхасы* — является Будда медицины. В философском буддизме понятия востока и запада вполне абстрактны, но в народных верованиях они понимаются конкретно и географически.

¹⁷ Заложив ноги крестом (趺坐) — в позе лотоса, полагавшейся в буддиз-

поклониться да спросить дорогу. Монах и говорит:

— Что о записях жизни и смерти государевых людей — то Вэнь-чан¹⁸ и Совершенномудрый Конфуций ведают ими. Надобно в обоих присутствиях погасить упоминания, тогда можно и куда-нибудь ещё отправляться.

Почтенный спросил об их пребывании — монах указал, как пройти. Тот поспешно и ринулся.

Недолго прошло — достиг храма Совершенномудрого, видит: Совершенномудрый Сюань¹⁹ сидит лицом к югу²⁰; бил ему челом и возносил моления, как прежде. Совершенномудрый Сюань речёт:

— Исключать из именных списков, как и всегда, имеет полномочия Владыка²¹.

Вот сообщил ему дорогу, Почтенный сызнова и заторопился туда. Глядит: дворцовые палаты, словно княжеский двор. Склонившись, вошёл — и правда Пречистый там, таков, как в миру описывают Владычный облик. Распростёрся молитвенно перед ним, Владыка имя сверил и говорит:

ме самым умиротворённым из всех способов сидения (Махапраджня-парамита-шастра, *цзюань* 7), см. примеч. 3 к новелле 2 «Человечек в ухе», *цзюань* 1, том 1.

¹⁸ Вэнь-чан (文昌), или Владыка Вэнь-чан — бог-покровитель литературы и государственного служения в поздних верованиях Китая.

¹⁹ Совершенномудрый Сюань (宣聖) — Конфуций. При Хань Конфуцию был пожалован посмертный титул Почитаемого за свершения князя Сюань-ни (褒成宣尼公), и иероглиф *сюань* сохранялся в дальнейшем в различных поздних почтительных именовании мудреца.

²⁰ Сидеть лицом к югу (南面坐) — истинное ритуальное положение благородного правителя или божества, способствующее низливанию в Поднебесную высшей силы *дэ*.

²¹ Владыка — то есть Вэнь-чан (см. примеч. 18).

— Сердце твоё честное и прямое, следовало бы наново обрести жизненное естество. Да кожаный мех²² подгнил, вот что! Коли не Бодхисаттва²³, так никто не сможет помочь!

И означил путь да велел спору поспешать; Почтенный и сделал как учили. Вдруг глядь: пышный лес да рослый бамбук, хоромы да чертоги блистательно-прекрасные. Зашёл, видит: узел-пучок²⁴ торжественен-строг, лик золотеет полной луной, в сосуд окунается ивовая ветвь²⁵ — берильно-лазурная стелется дымка. Почтенный в благоговении склонился земно, учтиво излагает слова Владыки. Бодхисаттва затруднилась²⁶ ими, а Почтенный молит скорбно до невозможности. Подле некий Досточтимый²⁷, разъясняя, говорит:

— Бодхисаттва благодетельствует Великой силою Дхармы, щепотка земли может стать плотью, а обломок ивовой ветки может стать костью.

Бодхисаттва тогда, как просили, собственноручно обломила ивовую ветвь, склонив, излила воды из сосуда, смешав с чистой

²² Кожаный мех (皮囊) — распространённая метафора бренного тела.

²³ Бодхисаттва — здесь имеется в виду Бодхисаттва Авалокитешвара, см. примеч. 9 к новелле 73 «Чжан Чэн», *цзюань* 2, том 1.

²⁴ Узел-пучок (螺髻) — по ряду комментариев здесь имеется в виду *уинишиа*, особо изображаемая макушка Будды, в простонародных описаниях часто соотносимая просто с плотным узлом волос на темени. Однако Авалокитешвара не изображается с *уинишей*, а в женской ипостаси носит высокий узел волос, прикрытый лёгкой тканью и украшенный изображением Будды Амитабхи; очевидно, именно он и имеется здесь в виду.

²⁵ Ивовая ветвь (楊柳) — один из важнейших атрибутов Бодхисаттвы Авалокитешвары, см. примеч. 12 к новелле 73 «Чжан Чэн», *цзюань* 2, том 1. Этой ветвью Авалокитешвара кропит страждущих волшебным эликсиром из сосуда, который держит в руках.

²⁶ Затруднилась — описанные атрибуты Авалокитешвары (ивовая ветвь, сосуд с *амритой*) характерны для женской ипостаси Бодхисаттвы, в поздних верованиях ставшей основной.

²⁷ Досточтимый (尊者) — перевод санскритского *ачарья* — учитель, наставник. Употребляется как обозначение и обращение к наиболее просветлённым и мудрым учителям Дхармы.

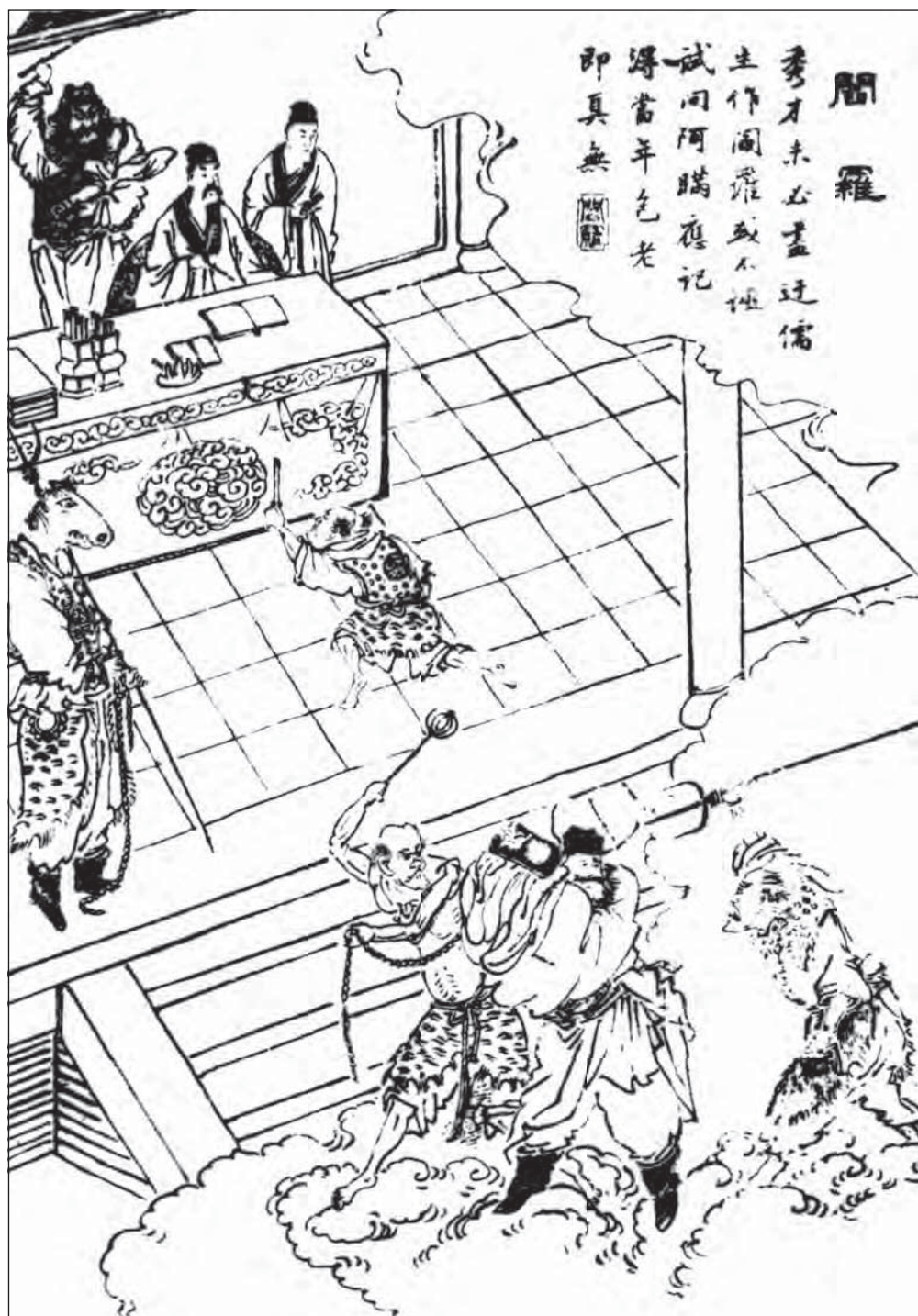
землѣй²⁸ сделала брение, пришлѣпнула-приложила к телу Почтенного. Послала отрока²⁹ отвести-сопроводить к месту, где гроб с телом, втолкнуть и соединить с ним. В гробу раздались стоны и шевеление, домашние в испуге собрались, поддерживая, вытащили его — отсчитывая, как дыхание прервалось, завершилась Разделяющая седмина³⁰!

²⁸ Чистая земля (淨土) — здесь обыгрывается многозначность понятия: это и взятая божеством чистая почва, и земля из рая Будды Амитабхи, от которого и эманурует Авалокитешвара.

²⁹ Отрок (童子) — имеется в виду Судхана, буддийское божество, описываемое в Аватамсака-сутре. В китайском буддизме, особенно в простонародном, один из двух главных спутников Авалокитешвары в женской ипостаси.

³⁰ Разделяющая седмина (断七) — то есть последняя из 7 недель (49 дней), отведѣнных по буддийским представлениям для переноса кармической информации в другое тело. В простонародных верованиях это срок, после которого душа уже не сможет вернуться обратно в тело. Окончание Разделяющей седмины отмечают особыми поминальными обрядами.

96.

ЯМАРАДЖА¹

閻羅

Сюцай Ли Чжун-чжи из Лайу² нравом был прям, честен и справедлив. Раз в несколько десятков дней непременно помирал, оченел этак, исто покойник, а дня через три-четыре и опоминался. Спрашивали, чего видал, — так таил-секретничал, не выбалтывал. В ту пору в уезде имелся некий студент Чжан, тоже на несколько дён как-то сделался мёртв, вот он людям и сказал:

— Ли Чжун-чжи — он Ямараджа, я, как попал в загробные приказы, так все они были подвластными ему управам.

Даже парные надписи³ у дверей тех полностью смог им обсказать. А один и спроси:

— Ли вчера отправился в загробные службы — по какому же делу? Чжан говорит:

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Лайу (萊蕪) — название уезда, находившегося на территории современной провинции Шаньдун.

³ Парные надписи (對聯) — особый вид каллиграфических надписей, составленных по правилам параллелизма и вешавшихся по обе стороны входа либо какой-то важной части интерьера.

— Точно изъяснить не могу, да только вчера истребовал на допрос Цао Цао⁴ и всыпал ему двадцать батогов!

Автор этих строк заметит:

Что до дела А-маня⁵, то, думаю, оно прошло уже через десятки Ямараджей. Перерождения в животных, Гора Мечей⁶ — всё оно уж было тут, и что же это за злодеяние такое, которое не исчерпаешь никак? В несколько же тысяч лет не разрешится — отчего оно? Разве повинный смерти острожник не радуется, что называют, быстро рассечению⁷? Так заставлять его молить о смерти и вотще? Престранно это.

⁴ Цао Цао (曹操, 155–220 гг.) — знаменитый царедворец, военачальник и поэт конца Хань — периода Троецарствия, прославившийся не только литературным и военным талантом, но коварством и вероломством.

⁵ А-мань (阿瞞) — детское имя Цао Цао, то есть такое, которым его могли звать только родители и жена. Употребление его другими — знак крайней непочтительности.

⁶ Перерождения в животных, Гора Мечей — виды загробных кар, заключающиеся в обретении новой жизни в неблагоприятном обличии или в страданиях на горе, щетинящейся лезвиями, и пр.

⁷ Быстрое рассечение (速割) — то есть проведение казни максимально быстро, с одного удара (см. новеллу 66 «Наточенный клинок», *цзюань* 2, том 1).

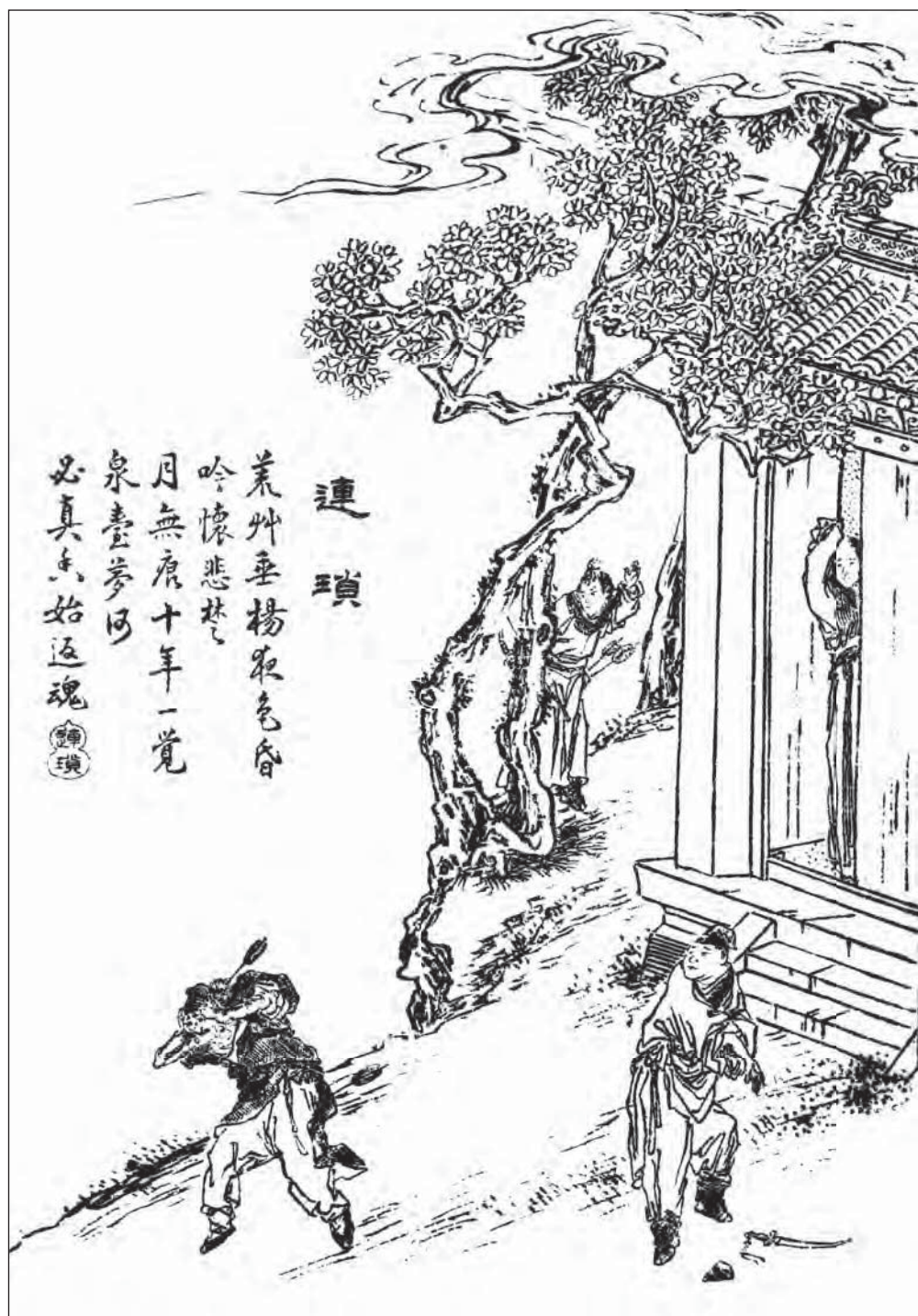
97.
ЛЯНЬ-СО¹
連鎖

Ян Юй-вэй переселился на берега Сышуя². Дом стоял обок с широкой пустошью, за стенами было много древних могил; ночью слышалось, как тополя шелестят «сяо-сяо»: звук, словно волны накатывают. В ночную позднь, держа свечу, как раз опять был в скорбном удрученье³, как тут внезапно кто-то за стеной читает нараспев:

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Сышуй (泗水) — название реки в провинции Шаньдун.

³ Как раз опять был в скорбном удрученье (方復淒斷) — близкая к тексту цитата из известного *цзы* «На склоне жизни в мрачном захолустье» (老景蕭條) сунского поэта Мао Пана (毛滂, 1056–1124? гг.), написанной на мелодию «Тень от свечи дрожит багряным» (燭影搖紅), где говорилось: «На склоне жизни в мрачном захолустье вас провожаю уезжать, и добавляет это скорби-удрученья». О цитировании свидетельствует и предыдущая фраза про свечу.

連瑣

荒州垂楊暮色昏
 吟懷悲楚
 月無痕十年一覺
 泉臺夢何
 必真如始返魂

彈璣

Теменью полночной леденящий ветер⁴ вновь повеял вспять,
Светляки в паренье травы задевают, липнут на подол.

Снова да опять чтёт-возглашает, и голос тот скорбен и горек.
Прислушался — тонкий он да нежный, словно девичий. Изумился
тому. На другой день поглядел за стеной: отнюдь нет человеческих
следов, а имеется только пурпурный поясok, ленточка, затерянная
среди терний-колючек; подобрал её, отнёс домой да повесил на
окно. К ночи, страже во второй⁵ или около, снова возглашают,
как и вчера. Ян табурет сместил, воздвигся посмотреть — чтение
вдруг и прервалось. Уразумел, что это бес, да сердце так к нему
и тянет.

Ближайшей ночью скрылся, карауля на стенном гребне; первая
стража к исходу приспела — а тут вдруг барышня — шань-шань⁶ — из
гущи трав выходит, рукой о маленькое деревце опёрлась, голову
склонив, печально возглашает. Ян тихо кашлянул — она вдруг
ринулась в чащобу трав — и нету. Ян посему следить стал от под-
ножия стены; чу — вот она взыванья прекратила, тогда чрез стену
он ей в продолжение молвит:

⁴ Леденящий ветер (淒風) — цитата из «Книги песен» (詩經), раздел «Нравы царств» (國風), «Песни царства Чжэн (鄭風), песня «Ветер и дождь» (風雨): «Ветер и дождь леденят-леденят». На этой строке строится смысловое богатство двустийшия: тот же иероглиф (淒), кроме значения «ледяной», может также означать «скорбный, печальный», что привносит в стихотворение оттенок грусти и безотрадности. В то же время «леденящий» означает холодный и влажный, что переключается со второй строкой: те же иероглифы могут читаться не только «светляки липнут на подол», но и «светляки парят, а подол [юбки] намок [в росе]».

⁵ Вторая стража (二更) — время с 9 до 11 часов вечера. Тёмное время суток измерялось двухчасовыми отрезками, соответствующими времени смены страж (см. также примеч. 5 к новелле 34 «Новобрачный», *цзюань* 1, том 1, и примеч. 24 к новелле 49 «Не Сяо-цян», *цзюань* 2, том 1).

⁶ Шань-шань (珊珊) — звукоподражание либо звону нефритовых подвесок, либо шуршанию росы, издаваемым при ходьбе. Здесь задействуются оба смысловых пласта, передавая изящество походки героини.

Страсти сокровенные, горечь чувств заметить кто бы снизошёл?
Рукава лазурные⁷ зябки-одиначны⁸ — час луне вставать.

Длительно безмолвье затянулось, Ян тогда ушёл в опочивальню. Лишь присел — вдруг глядь: красавица снаружи-то и входит, одёрнув полы⁹, говорит:

— Хоть вы и муж превысших нрава и манер¹⁰, да я, презренная, скрываюсь всё из страха.

Ян в радости привлёк её садиться. Бесплотна-слаба, цепенеет от стужи и словно не выдюжит тяжесть одежд¹¹. Спросил вот:

⁷ Лазурные рукава (翠袖) — рукава бирюзового цвета в поэзии являются атрибутом тонкой девичьей одежды. В стихотворении великого танского поэта Ду Фу (杜甫, 712–770 гг.) «Красавица» (佳人) говорится: «Холод пришёл, а тонок лазурный рукав».

⁸ Зябки-одиначны (單寒) — здесь содержится двойной смысл: указание на лёгкость одежды красавицы (рукава без подкладки), отчего той холодно в предрассветный час, и на её одиночество и бесприютность (что также могут значить эти же иероглифы).

⁹ Одёрнув полы (斂衽) — то есть придерживаясь церемониального этикета. Ещё в книге «Планы Борющихся царств» (Чжаньго цэ, 戰國策), цзюань 14, «Чуские планы, часть 1» (楚[策]一), упоминается необходимость, кланяясь, приводить в порядок полы одежды (по другим комментариям — рукава). В Старом Китае это выражение чаще употребляется именно в отношении женского приветствия.

¹⁰ Муж высшего нрава и манер (風雅士) — выражение также означает и «постигший высокую учёность» [равную трём составляющим «Канона песен»], что сообщает высказыванию дополнительный оттенок почтения перед литературным талантом героя.

¹¹ Не выдюжит тяжесть одежд (不勝衣) — здесь: распространённая метафора хрупкости и утончённости, одновременно исторически имеющая и коннотацию деликатной учтивости. Последняя восходит к употреблению этого выражения в «Записях ритуала» (禮記), где оно означает вежливость и скромность (например, см. цзюань 10, главу «Сандаловый лук» (檀弓), часть 2). В первом же значении это выражение встречается в самых различных текстах; первоначально так говорит Сюнь-цзы (荀子, 313–238 гг. до н. э.) в своём трактате (глава 5 «Против физиогномики», 非相) о чуском военачальнике и государственном деятеле Е Цзы-гао (葉子高, VI в. до н. э.), который был subtilным с виду и «едва выдюживал тяжесть одежд», но проявил чудеса воли, мужества и военного таланта. Впоследствии так часто

— Из каких вы мест-обитателей? Как долго тут вы пребываете?

В ответ речёт:

— Я — вам прислуга — родом из Лунси¹²; вслед за отцом пристанища меняла¹³. В семнадцать жесточайше захворала — скончалась-отошла, и ныне двадцать с лишним лет тому уж будет. Девять истоков безлюдны-пусты¹⁴, сира-беспарна я, дикая утка¹⁵. Что распевала — так лично, презренная, строки сложила, желая им вверить глубины досады своей. Давно размышляла — ничто не идёт к ним, но, ваше снискав продолжение-замену, ликует бытьё моё подле истоков.

Ян возжелал с ней, так сказать, восторга — нахмурившись, речёт ему:

— Башни полночной¹⁶ истлевшие кости — нет им сравненья с живым человеком, если ж достигнуть тайных восторгов — срежет людское оно долголетье; я же, чернавка, снести не смогу вам причинённой утраты.

говорят об утончённости и изнеженности красавиц; в частности, любимая наложница императора Сюань-цзуна (玄宗, 685–762 гг.) Ян Гуй-фэй (楊貴妃, 719–756 гг.) часто описывается столь хрупкой, что едва выносила тяжесть тонкой шёлковой накидки, которую набрасывала после купания.

¹² Лунси (隴西) — название уезда на территории провинции Ганьсу; в обиходе западная часть провинции часто общо называется Лунси в честь древней области, располагавшейся как раз на этой территории.

¹³ Менять пристанища (流寓) — выражение из книги «Чжоуской истории» (周書), *цзюань* 41, где так говорится об учёных людях, в поисках службы странствующих по княжествам. Впоследствии стало синонимом жизни в разъездах вдали от родных мест.

¹⁴ Девять истоков (или источников, 九泉) — загробный мир, царство мёртвых (см. примеч. 33 к новелле Не Сяо-цян, *цзюань* 2, том 1).

¹⁵ Дикая утка (鶩) — отбившаяся от стаи одинокая утка — распространённый в китайской словесности символ неприкаянности и бесприютности.

¹⁶ Полночная башня (夜臺) — метафора могилы, см. примеч. 17 к новелле «Ли Бо-янь», *цзюань* 3.

Ян лишь тогда пристал. Шутливо вот рукой груди коснулся — так скажем, плоть «куриной головы»¹⁷ точь-в-точь, как и у девственниц. К тому ж ещё желал увидеть у неё под юбкой парные крючки¹⁸ — та, голову склонив, смеясь, в ответ:

— Неистовый книжник, уж слишком напористы вы в притязаньях!

Ян, ножки приняв, с ними тешиться стал, да смотрит: парчовый чулок цвета лунного блеска узорчатой нитью одной перевит; взгляделся тогда уже, как там другой — ан лентой пурпурною он перевязан-затянут. Спросил:

— А что ж на пару не на лентах?

В ответ:

— Прошлою ночью вас испугалась и убежала, так и не помню, где я оставила иль обронила.

Ян говорит:

— Так вот же вам тогда на смену!

И тотчас снял с окна, вручает барышне. Та в изумлении спрашивает, где обрёл, — он всё правдиво и обсказал. Барышня тогда направилась повязать-закрепить ленту, да перелистнула написанья на столе, видит: «Строфы о Дворце Вечного Благоденствия»¹⁹ и со вздохом говорит:

¹⁷ Плоть «куриной головы» (雞頭肉) — сложная метафора сосков юной красавицы, распространённая в классической китайской поэзии и восходящая к истории императора Сюань-цзуна и его любимой наложницы Ян Гуй-фэй (см. примеч. 11). Согласно «Неофициальным историям [годов правления] Кай-юань и Тянь-бао» (開元天寶逸事), однажды после купания Ян Гуй-фэй прихорашивалась у зеркала, когда одежды соскользнули, обнажив её соски, и их немедленно стал ласкать император, тут же сочинивший первую часть парной надписи, где сцену любовной игры описал как открывание плоти (сердцевины) прекрасной кувшинки — эвриалы, называемой в Китае «куриной головой».

¹⁸ Парные крючки (雙鉤) — или парные витки: крохотные бинтованные ножки красавицы, считавшиеся самым интимным и желанным объектом любования в эстетике китайского эротизма XII — начала XX вв. См. также примеч. 28 к новелле «Не Сяо-цян», цзюань 2, том 1.

¹⁹ Строфы о Дворце Вечного Благоденствия (連昌宮詞) — поэма танского поэта и новеллиста Юань Чжэня (元稹, 779–831 гг.), посвящённая так

— При жизни я — раба вам — так читать её любила! Гляжу теперь — и словно бы я в дрёме-сновидении.

Стали тут с ней говорить о стихах-написаньях — видно: умна, даровита и дивно прелестна. Сняли нагар со свечей подле западных окон²⁰, будто нашли, наконец, настоящую дружбу.

С этих пор каждую ночь лишь послышится тихий напев, через малое время и объявлялась. Неизменно наставляла, говоря: «В тайне держите, не разгласите; ваша рабыня труслива-робка, боязно, что лиходеи посторонний узрит-покусится». Ян в том поладил. Оба они были в равном блаженстве — что рыба с водою²¹, и хоть у них не дошло

называемому «походному дворцу» (行宮) близ Лояна, на примере которого рассказывается история любви Сюань-цзуна и Ян Гуй-фэй и катастрофы, в которую оказалась ввергнута страна из-за недальновидного правления периода Тянь-бао (天寶, 742–756 гг.). Походный дворец — уменьшенная копия императорской резиденции; такие копии возводили в провинциальных центрах на случай, если монарх решит почтить своим присутствием этот край. При Сюань-цзуне в походных дворцах имелись не только аналоги всех столичных удобств и изысков, но и огромные гаремы, в которые помещали девушек из хороших семей, как правило, до конца жизни так ни разу и не увидавших императора.

²⁰ Сняли нагар со свечей подле западных окон (翦燭西窗) — несколько измененная цитата из стихотворения танского поэта Ли Шан-иня (李商隱, 813–858 гг.) «В ночной дождь посылаю на север» (夜雨寄北), где поэт тоскует по супруге и мечтает, что они снова встретятся и будут всласть беседовать ночами, при свече, под шум дождя в Башаньских горах: «Когда же совместно нагар со свечей у западных окон снимем И будем болтать, пусть льёт на дворе полночный башаньский дождь?» Впоследствии выражение стало крылатым и в обиходе означает дружески беседовать ночи напролёт с дорогим и просвещённым другом. Здесь явно цитата воспринимается в первоначальном смысле: так говорится о задушевном и возвышенном общении с прекрасной и талантливой собеседницей.

²¹ Рыба с водою (魚水) — аллюзия на историю из книги «Гуань-цзы» (管子), глава «Малые вопросы» (小問), цзюань 51, где Нин Ци (甯戚, VII в. до н. э.), за которым посылал циский Хуань-гун (齊桓公, ?–643 гг. до н. э.), ссылаясь на «Канон песен» (詩經), говорит о желании создать семью; супружеская гармония уподобляется там воде и рыбе, что неразлучны. Впоследствии это сравнение становится

до беспутства, но в сердцевине закрытых домашних покоев истинно большее было у них, чем, как молвят, бровей рисованье²². Барышня всякий раз под лампою переписывала Яну, и обличье знаков было строгим и пленительным. Вдобавок отобрала сотню «придворных строф»²³, перебелила и чла враспев. Побудила Яна урядить шахматную доску, обзавестись лютней *puna*²⁴, еженощно наставляла Яна в игре, а нет — так перебирала-бряцала по струнам-кордам. Играла ли напев «Дождь моросит на банане у окон»²⁵ — кручинились с того душа и мысли, Ян выдержать не мог, чтобы дослушать. А коль бралась за песню «Иволги голос в саду предрассветном»²⁶, так тут же чуял: в думах-желаньях привольно да ладно. Лампу подвесив, чинили забавы, в радости часто зарю забывали; глядь: а на окнах рассветные краски уже проступили — тут лишь в смятенье-испуге бежала-скрывалась.

расхожим в описании душевного единства супругов.

²² Бровей рисованье (畫眉) — образ восходит к сюжету из «Ханьской истории» (漢書), *изюань* 76, «Биографии» (列傳), раздел 46, «Биография Чжан Чана» (張敞傳), где говорится, что Чжан Чан, правитель столичного округа, рисовал своей супруге брови, помогая прихорашиваться, в чём недоброжелатели усмотрели нарушение декорума и подали на него жалобу. Отвечая правителю, Чжан Чан заявил, что в закрытых внутренних покоях муж и жена занимаются делами личными, много превосходящими рисование бровей. Впоследствии выражение «рисовать брови» становится метафорой очень душевно близких, доверительных семейных отношений.

²³ Придворные строфы (宮詞) — жанр дворцовой поэзии, возникший в конце династии Тан.

²⁴ *Puna* (琵琶) — вид щипкового музыкального инструмента, первоначально перенятого у тюркских народов, но уже в танскую эпоху прочного вошедшего в культуру Китая как один из важнейших атрибутов образованного человека.

²⁵ «Дождь моросит на банане у окон» (蕉窗零雨) — традиционная мелодия, передающая впечатление от капельных ударов по широким банановым листьям, разросшимся подле окна; известна своим печальным и жалобным звучанием.

²⁶ «Иволги голос в саду на рассвете» (曉苑鶯聲) — традиционная мелодия, передающая впечатление от прекрасного птичьего пения в парке на восходе; известна радостным и весёлым звучанием.

Как-то однажды студент Сюэ нанёс визит — как раз Ян за полдень опочивал. Оглядел его кабинет: лютня, шахматная доска — всё там, а знал же, что он в том не силен. Да перелистнул записи — отыскал «Придворные строфы», глядит: символы-знаки всецело прекрасны, и ещё пуще тому подивился. Ян пробудился — Сюэ вопрошает:

— Орудия забав чего ж возникли?

В ответ:

— Хочу учиться им.

Спросил к тому ж о стихотворных свитках — отговорился, дескать, у друга одолжил. Сюэ снова да опять изучает-обсматривает, углядел на последней из страниц надпись из малюсеньких знаков, гласившую: «В такой-то месяц-день Лянь-со поначертала». Со смехом говорит: «Ведь это барышнине детское прозвание²⁷, что ж ты меня морочишь так безмерно?» Ян крайне тем смешался, не мог держать ответа. Сюэ о том всё горше дознаётся, да Ян отчёта не даёт. Сюэ листы скрутил, под мышку прячет — Ян тут ещё сильнее потерялся, да и вослед всё обсказал ему. Сюэ взалкал раз увидеть — Ян сообщил тогда, мол, возбранили. Сюэ восторг излил вельми правдиво — вот Яну выбора не стало, согласие дал. В ночную пору барышня явилась — стремленья те ей и адресовал. Барышня гневно вещает:

— Наказанное мной — к чему ж? Уж раструбили-разболтали людям!

Ян, повествуя, как всё приключилось, себя обеляет; барышня молвит:

— Наша совместная доля на том завершилась.

Ян сотней речений покоит её, утешает — да всё безотраднa она. Вот встала да, простясь, уходит, говоря:

²⁷ Детское прозвание (小字) — то же, что и детское имя (小名, 乳名), домашнее прозвище, которое получает младенец от родителей, употребляемое в домашнем обиходе до вступления в подростковый возраст. Является весьма интимным; кроме родителей оно может называться лишь во время супружеской близости как признак предельного родства. См. также примеч. 4 к новелле «Ямараджа», цзюань 3. Само имя Лянь-со означает небольшую цепь из нефритовых колец, издающую при движении чистый и мелодичный звон; бесспорно, такое имя может быть только женским.

— На время от него укроюсь.

На следующий день Сюэ явился, Ян передал ему адресование, что-де нельзя; Сюэ мнит: мол, тут уклоненье-морока; и ввечеру же в компании двух оконных собратьев²⁸ нагрязнул. Тянули, засели, а прочь всё не шли, бесчинства нарочно чинили, длиной во всю ночь тарарам завели, премного же этим всем Яна доведши до глаз белизны²⁹, — а вот ничего с этим и не поделатъ. Сворой изрядно ночей стерегли — ан ни следа; помалу возникло решение уйти; уж гомон-галдёж потихоньку затихли. Вдруг тут доносится пения звук; скопом ну слушать его — нежен, печален, чувственен вкрай. Сюэ только ухо как раз наострил и дух присобрал, да здесь же случившийся воинский выучень, Ван там какой-то, камень здоровый схватил да туда и швырнул и громогласно вещает:

— Жеманно ломалась, да так и не вышла к гостям, и сколько бы там ни доспела речений прекрасных — а всё хны да хны, да унынье-печаль, а людям с того лишь тоска-утомленье!

Напев тут мгновенно прервался; все разом взгневились на Вана безмерно, и Яновы злоба-досада в словах и обличии явно излились.

Днём наступившим как раз все они купно вон убрались. Ян в сирости ночи провёл в кабинете пустынном, мечтая, что барышня снова вернётся, а вот же тому ни малейших и тени-следа. Два дня с этих пор пролетело — а барышня вдруг и приходит, и с плачем вещает:

— Зазвали к себе вы злоторных гостей, меня — вам рабу — напугавших бесовски³⁰.

²⁸ Оконный собрат (窗友) — выражение, означающее «соученик», «товарищ по учёбе» и восходящее к практике занятий подле окон при естественном свете (для экономии свечей), то есть утренних и дневных штудий в общих классах в отличие от самостоятельного корпения над книгами ночью при лампе.

²⁹ До глаз белизны (白眼) — до состояния бессильного гнева и презрения, вынуждающих благородного мужа лишь подкатывать глаза. Согласно легенде, цзиньский поэт и музыкант Жуань Цзи (阮籍, 210–263 гг.), когда сталкивался с пошлостью и вульгарностью, лишь подкатывал глаза.

³⁰ Напугавших бесовски (嚇煞) — здесь сложная игра слов: в выражении «перепугать до смерти» (嚇殺) второй иероглиф может заменяться

Ян второпях — пред нею виниться в проступках, она ж — прочь немедля спешит со словами:

— Ничтожная прежде сказала, что наша доля к концу подошла, с этой минуты мы и расстаёмся!

Он — удержать её — а уж исчезла. С поры той месяц с лихвой миновал, но уже больше и не появлялась. Ян всё о ней вспоминал — обликом высох, проглянули кости³¹, да не настигнешь — неохранишь.

Однажды вечером как раз в одиночку бражничал — вдруг барышня поднимает полог, входит; Ян возрадовался крайне, говорит:

— Ужто ж одарите вы милосердием?

Слёзы у барышни каплют на грудь, всё лишь молчит и ни слова не молвит. Скорее её обспросить — хотела ответить, да вновь не решилась. Но вот речёт:

— Гнев унося, убежала, а спешность опять — и молю человеческой услуги; трудно избежать смущенья-позора.

Ян снова трижды вгрызся-распросил, тогда в ответ:

— Невесть откуда взялся замызганный паршивенький холоп, неволит к услуженью содержанкой. И зная — правых-истых я потомство, — неужто ж спину гнуть пред бесом, черню-холуём³²?

на омонимичный (煞), в свою очередь означающий также грозного монстра, мучающего неупокоенные души на том свете и препровождающего их к загробным наказаниям. Здесь Пу Сун-лин намеренно употребляет второй вариант, поскольку Лянь-со уже призрак и «испугать до смерти» её невозможно, а вот повергнуть в трепет, подобно этому замогильному духу, кажется осуществимым.

³¹ Обликом высох, проглянули кости (形銷骨立) — цитата из «Истории южных династий», *цзюань* 7, «Основные записи царства Лян» (梁本紀), *цзюань* средний (2), «[Царствование] У-ди Сяо Яня, часть 2» (武帝蕭衍下), где говорится, что по прибытии в столицу государь «обликом высох, проглянули кости», вскоре перестал что-либо помнить и кого-либо узнавать и скончался.

³² Чернь-холуй (興臺) — в тексте употребляются иероглифы, обозначающие низшие классы древнекитайской табели о рангах (подробно описывающихся в «Цзо чжуане» (左傳), *цзюань* 44, «Седьмой и восьмой годы Чжао-гуна» (昭公七至八年)); впоследствии эти два ранга становятся в классической литературе стандартным обозначением

Да только вот слаба, ничтожна; способна разве дать я им отпор?! Коль вы меня, презренную, почтёте средь тех, кто словно гусли с цитрой³³, — никак не попускайте жизнь мою на самотёк!

Ян крепко разъярился, гнев ладится до смерти довести, ан мыслит: человек и бес на разных тропах, не выйдет силу приложить. А барышня ему:

— Ночью грядущей раньше ложитесь, я же, презренная, с вами во сне — и повстречаюсь!

После того снова оба всецело отдались беседе, так и сидели до самой зари. Барышня пред тем, как уходить, предостерегла от снов полднённых³⁴, чтоб оставаться-дождать вышло до ночного уговора. Ян поладил в том.

Поскольку пополудни немного возливал, то, лишь хмельным поднялся на лежанку, — в одежде прямо рухнул и заснул. Вдруг видит: барышня пришла, вручает поясной клинок, за руку тянет прочь. Достигли каких-то жилища-двора; лишь створы закрыли, чтоб обсудить, — слышат, как кто-то, камень схвативши, ломится в дверь. Барышня в испуге говорит:

— Супостат как раз и подоспел!

Ян ворота открыл и стремглав наружу. Глядит: некто в алой шапке и тёмном платье³⁵, как говорят, ежовыми иглами³⁶ пасть огорожена. Гневно прикрикнул молчать, — а челядинец злобным взором ему в ответ; слова изрыгает, свирепо бесчестя. Ян зело

для самого низшего разряда челяди.

³³ Гусли с цитрой (琴瑟) — распространённая метафора супружеского союза (см. также примеч. 9 к новелле 82 «Барышня Линь Четвёртая», *цзюань* 2, том 1).

³⁴ Полднённый сон (晝眠) — традиция китайской жизни, идущая из глубины веков. Привычка чрезвычайно рано вставать и приступить к работе компенсировалась в традиционном китайском быту непременно послеобеденным сном, к которому отходили примерно в 12:30–13:00.

³⁵ Алая шапка и тёмное платье (赤帽青衣) — одежда приказных в официальных присутствиях Старого Китая.

³⁶ Ежовые иглы (蝟毛) — распространённая метафора жёсткой, торчащей в стороны бороды, что, по представлениям китайцев, указывает на злобный и свирепый нрав её хозяина.

огневался и бросился на него. Челядинец же ухватил камень да метнул — жажнул, как порыв грозовой, угодил Яну в обручье — вот нельзя и удержать клинка. Тут, в самый раз, как гибель нависла, видит вдали человека какого-то: у пояса стрелы, в предместье охотится. Пристально в него взгляделся — а то студент Ван! Громко заголосил, моля о подмоге. Ван, лук натянувши, тотчас приспел: пустил стрелу — поразил в бедро, пустил снова — и насмерть. Ян радостно его благодарит, Ван вопрошает, что случилось, — тут всё ему и рассказал. Ван сам возликовал, что прошлую вину можно загладить, вот они купно и заявили к барышне в покои. Барышня трепещет от испуга, сжалась от неловкости, стоит поодаль, слова не сказав. На столике — коротенький клинок, длиною лишь в стопу да чуть опричь, а изукрашен золотом-нефритом, вытащил его из ножен — сияет-лучится зеркальным отсвётом. Ван в восхищении вздохнул, из рук не выпуская. С Яном потом побеседовал чуть, видит, что барышня в страхе-смущении, жалобен вид, — да направился прочь: пораспростившись, ушёл.

— Ему полюбился слуги вашей меч поясной. И верно: клинок тот отец мой когда-то, посланцем отправившись в земли Юэ³⁷, ценой сотни слитков³⁸ благоприобрёл. Презренная также любила его и хранила, златою парчой обвивала его, сверканьем жемчужин его унижала. Почтенный отец, сострадая моей безурочной кончине, со мною в могиле его схоронил. Сегодня ж хочу, отрывая от сердца, его подарить: смотреть на клинок — это словно бы как и смотреть на меня.

Днём наступившим это намерение Ян передал — Ван был в большом ликованье. Ночь подошла — барышня вправду с клинком при себе появилась и молвит:

³⁷ Юэ (粤) — древнее название южных областей на территории нынешних провинции Гуандун и Гуанси-Чжуанского автономного района. В китайской традиционной культуре этот регион, будучи важным портовым и торговым центром, считался особым местом, где можно добыть самые невероятные заморские диковины.

³⁸ Сотня слитков (百金) — здесь имеется в виду сто мер серебра; иносказание огромной суммы, недоступной большинству живущих (см. примеч. 16 к новелле «Дин Цянь-си», цзюань 2, том 1).

— Лишь накажите лелеять-ценить, творение это не принадлежит Цветущей Средине³⁹!

И стала потом уходить-появляться, как и вначале.

Минуло изрядно лун, вдруг, под лампою смеясь, обернулась к Яну, словно что сказать желает; лицом зарделась да пристала — и так три раза. Ян обнял да спросил о том, она ж в ответ:

— Давно снискавши милость и заботу, презренная впитала *ци*⁴⁰ людское. Что день — вкушаю от огня и дыма⁴¹, и в костной бели вдруг возникла воля к жизни. Однако ж мне нужны живые кровь и семя — тогда воскреснуть можно будет.

Ян ей с улыбкой:

— Вы сами ж были не согласны, неужто я бы стал скупиться тут?

А барышня:

— Связь-единенье минует — вам пригрядёт непременно лютый недуг дней на двадцать и даже с лихвой. Всё же лекарствами можно его одолеть.

Вослед тому и предались восторгу. Свершилось — вот, платье накинув, встаёт она, вновь говоря:

— Также потребна мне крови живой капля одна; вы не могли бы болью своею жертву любви воздать?

Ян взял наточенный клинок, ужалил к локтю — кровь проби-лась, она же, легши на кровать, все капли приняла в пупок. Затем, поднявшись, говорит:

³⁹ Цветущая Средина (中華) — то есть Китай; одно из наиболее исторически устойчивых и традиционных наименований Китая как культурного феномена.

⁴⁰ Ци (氣) — одна из базовых категорий китайской философии, опосредованная манифестация высшего закона мироздания, проявляющаяся в ощущаемом и мыслимом. В узком смысле трактуется по-разному в зависимости от контекста, в том числе и как жизненная основа всех созданий; тогда разговор идёт о конкретном проявлении этой основы: *иньской* или *янской*, присущей человеку, животному и пр.

⁴¹ Вкушать от огня и дыма (食煙火) — термин, часто встречающийся в даосской литературе и означающий «принимать горячую пищу».

— Я больше не приду уже. Запомните ж: как выйдет сроку ровно сотня дней, глядите: пред моей могилой лазурной птицы⁴² пенье вдруг раздастся в кроне древ. Тотчас же холм и разрывайте.

Ян исто принял поученье. Та ж, выходя, вторично наставляет:

— Запомните же крепко, не забудьте! Здесь медлить иль спешить никак нельзя!

С тем удалилась.

Прошло опричь десятка дён — Ян вправду захворал: утроба вздулась — хоть помри. Вот доктор снадобье поднёс — исторглась погань через низ, что грязь. Круг дней⁴³ истёк — и уж здоров.

Считал, как истекло сто дён, — послал домашних: на плечах лопаты; выжидают. Солнце склонилось на вечер — и вправду видят они птицу лазурную, дважды пропевшую. Ян радостно речёт:

— Да, можно!

Тогда изрубили терновник и всхолмье разрыли; глядят: древесина у гроба уж вся разложилась, однако же, барышня обликом точно живая. Вот тронул её — а чуть-чуть тепловата; укутали платьем, снесли на носилках, в нагретый покой поместили. Чу — задышала: сю-сю⁴⁴, тоньше, чем шелковинок союз. По капле давали из риса отвар — полночи минуло, да и ожила!

И всякий раз Яну потом говорила:

— А те два десятка с прибавкою лет — все были как будто одно сновиденье.

⁴² Лазурная птица (青鳥) — в китайском фольклоре легендарная спутница и посланница богини Запада Си-ван-му. Птица эта похожа на благовещую луань (鸞) — фантастическую предвестницу замужества. Впоследствии выражение «лазурная птица» становится устоявшимся символом гонца, приносящего добрую весть.

⁴³ Круг дней (浹辰) — цикл из 12 суток, служивший расчетной единицей времени в древнем Китае. Упоминается уже в «Цзо чжуане» (左傳), цзюань 26, «Девятый год Чэн-гуна» (成公九年).

⁴⁴ Сю-сю (啾啾) — звукоподражание шумному дыханию, часто в описании тяжелобольных или храпящих во сне.

單諧士

妙術不傳紈綺子神
仙游戲本無求城門
顏闢人雖香去到青
州市上游

98.

[ФОКУСЫ] ДАОСА ДАНЯ¹

單道士

Господин Хань принадлежал к родовитой семье нашего уезда. Некий даос Дань умел ловко делать фокусы, и этот барин любил его за искусство, так что принимал его как гостя среди прочих.

Каждый день случалось так, что Дань, бывало, сидит или гуляет с другими людьми — и вдруг становится невидимым. Наш магнат всё хотел, чтобы Дань передал ему эту тайну, но даос не соглашался. Хань настаивал, умолял, но Дань говорил ему на это следующее:

— Я не скуп на своё искусство. Боюсь только погубить путь моей правды. Если б тот, кому я вручу мою тайну, был благородный, достойный человек, то я не прочь. Иначе, же некоторые возьмут да воспользуются этим средством для воровства... Вы, сударь, конечно, вне всяких на этот счёт подозрений... А всё же, может статься, что вы, выйдя из дому и увидев какую-нибудь красавицу, влюбитесь и, скрыв своё тело, проникнете в чужую спальню... Тогда, значит, я помог преступлению и сею разврат! Нет, я не смею исполнить ваше приказание.

Магнат не мог принудить Дая силой, но в душе затаил злобу и тайком подговорил своих слуг побить даоса и осрамить его. Однако, боясь, что он убежит и скроется, Хань велел по всему пшеничному полю

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1923 года.

посыпать мелкой золой. Он рассуждал так, что если, как говорится, «левые пути» (нечистая сила) и могут скрыть человеческое существо, то, во всяком случае, от его туфель непременно останутся отпечатавшиеся следы, по которым можно будет нагнать его и жестоко избить.

Затем он зазвал к себе Даня и велел своим слугам взять бычьи кнуты и выдрать его. Дань вдруг стал невидимым, но на золе действительно оказались следы туфель. Слева и справа набросились и стали бить, где попало, — но через минуту следы уже смешались... Хань вернулся домой. Пришёл и Дань.

— Мне больше жить здесь нельзя, — сказал он, обращаясь к слугам. — Всё это время я утруждал вас хлопотами... Теперь я пока расстанусь с вами, но думаю, что следует чем-нибудь вас отблагодарить.

С этими словами он вытащил из своего рукава полный кувшин чудесного вина. Полез опять и достал целую корзину закусок. Всё это он расставил на столе, а затем опять стал искать в рукаве, и так искал там раз десять. На столе уже было полным-полно... Вслед за этим даос пригласил собравшихся выпить. Все напились допьяна. Дань брал теперь одну вещь за другой и совал их в тот же рукав.

Хань, услыша об этом необычайном фокусе, велел ему проделать ещё что-нибудь. Дань нарисовал на стене город. Ткнул рукой — и городские ворота разом открылись. И вот он взял свой мешок с одеждами, сундук с вещами и бросил всё это в ворота, а затем сделал прощальное приветствие, сказав:

— Я ушёл!

С этими словами он впрыгнул в город, и городские ворота сейчас же захлопнулись. Даос сразу исчез.

После этого были слухи о том, что он в Цинчжоу на улице учил ребят рисовать тушью на ладони кружки и затем, шутя, бросать их в шедших навстречу. И вот эти кружки, куда бы их ни направляли — на лицо или на одежду, — сейчас же отделялись от ладони, падали там и отпечатывались.

Говорили также, что он был мастер на шутки по части супружеских спален. Мог, например, сделать так, что нижние части пили горячее вино, осушая целый кувшин. Хань как-то раз лично это испробовал.

99.

[ЧАРЫ И ФЕИ] БО ЮЙ-ЮЯ¹

白於玉

У Юнь, по прозвищу Цин-гань, с ранних лет уже был известен, как учёный стилист, и сановник первого класса Гэ, просматривая его сочинения, смотрел и умилялся. Он передал студенту через одного из друзей приглашение побывать у него, и когда тот явился, то сановник, внимая его блестящим, живым и одухотворённым речам, воскликнул:

— Как это может быть, чтобы такой талантливый человек, как студент У, постоянно терпел лишения и был так беден?

Затем он велел кое-кому из соседей и друзей довести до сведения студента, что если У, как говорится, «взлетит вместе со своей мечтой к тучам в небесах»², то он даст свою родную дочь для прислуживания ему, так сказать, при мытье и причёсывании³!

Сановник действительно в это время растил дочь, необыкновенную красавицу, и студент, услышав такие слова, пришёл в большой восторг и стал крепко в себя верить. Однако на осенних экзаменах он провалился и велел передать сановнику следующее:

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1923 года.

² Взлетит вместе со своей мечтой к тучам в небесах — то есть выдержит все экзамены и станет важным чиновником — правителем народа.

³ Для прислуживания ему... при мытье и причёсывании — то есть в жёны.

— То, что я буду знатным и богатым, совершенно несомненно. Единственно, что мне неизвестно, — это когда именно, скоро или нет. Прошу вас ждать меня три года⁴. Если у меня опять не выйдет, пусть девушка выходит замуж за другого!

С этих пор он стал ещё суровее, ещё более подвижнически заниматься, напрягая всю свою волю.

Однажды ночью, когда он сидел под луной, к нему явился какой-то студент, с белым-белым благородным лицом и маленькими усиками. У него была тонкая талия и длинные ноги. У спросил, откуда он. Студент назвался Бо Юй-юем. Стали понемногу беседовать, разоткровенничались, и новый знакомец так и раскрывал У душу, так и веял свободой в его грудь. У полюбил его и оставил у себя ночевать. Уже поздним утром тот собрался уходить, и У наказывал ему заходить при случае почаще. Бо был очень тронут оказанным ему расположением, искренним и сердечным, и тут же пожелал нанять у студента помещение. Условились о сроке и на этом распрощались.

В назначенный день первым явился слуга с кухонными принадлежностями, а за ним вскоре и сам Бо, сидевший на породистом скакуне, настоящем драконе. У поместил приятеля в отдельном доме, а Бо отдал слуге коня, веля его увести, и стал проводить с У дни и ночи. Оба нашли друг друга и были полны радости.

У заглянул в книги, которыми занимался Бо, — все они были какие-то необыкновенные, во всяком случае не из тех, что постоянно встречаются или упоминаются. Между прочим, у него совершенно не оказалось так называемых сочинений нового стиля⁵. Это вызвало со стороны У крайнее изумление, и он спросил, чем объяснить это странное отсутствие.

⁴ Ждать... три года — то есть до следующих экзаменов, которые могут быть только через три года.

⁵ Сочинений нового стиля — то есть экзаменационных тем. Эти сочинения называются «современными», в противоположность «старинному стилю», подражающему непосредственным знаменитым мастерам древности, не знавшим никаких экзаменационных стеснений и, конечно, редко-редко кому доступным, в смысле подражания.

— У каждого из учёных, — отвечал с улыбкой Бо, — свои интересы. Я не из тех людей, что живут славой и почестями.

По ночам он приглашал У с ним пить. Раз как-то он достал книгу и вручил У. В ней проповедовалось искусство «выдыхания и вдыхания»⁶, и многое для У было совершенно непонятно. Считая все это ненужным чудачеством, У отложил книгу, решив просмотреть её как-нибудь потом.

Однажды Бо сказал ему:

— То, что я вам, помните, как-то раз дал, — главное положение «Жёлтого Дворца»⁷. Это лестница и спасительный корабль святителей!

— То, что мне нужно, — смеялся на это У, — находится совсем не здесь. Кроме того, тот, кто ищет святительства, должен непременно отрешиться, раз и навсегда, от чувств и связей мира, чтобы достичь полного замирания миллионов волнующих человека дум. К сожалению, этого я пока не могу!..

Бо спросил, почему он этого не может. У сказал, что его тревожит и занимает мысль о продолжении своего рода.

— Хорошо, — сказал Бо, — почему же вы тогда так долго не женитесь?

— «Смиранный аз недостаток имею; смиренный аз женщин люблю»⁸, — смеялся в ответ У.

⁶ «Выдыхать старое и вбирать в себя новое» — вот искусство, руководящее высшим стремлением и питающее жизнь человека, — восклицает даосский мистик IV в. до Р. Х. Чжуан Цзы. Это учение огромной сложности имеет колоссальную литературу.

⁷ «Яшмовая книга о внутреннем виде человека, написанная в Жёлтом Дворце Величайше Высшего Божества» — анонимное сочинение неизвестной даты, трактующее о трансцендентальной медицине и вызвавшее обширную литературу. Написано стихами и почитается содержащим самые великие откровения.

⁸ У говорит словами известного древнего мыслителя Мэн Цзы (IV в. до Р. Х.), рассказывающего о том, как он наставлял князя в древней доблести, поощряя его стремиться к ней, по примеру древних царей. На это князь, именовавший себя, по обычаю того времени, «Малый (добродетелью) человек» отвечал: «Смиранный аз» и т. д.

— Ваше высочество, попрошу отрешиться от любви к мелкой красоте⁹, — хохотал Бо в свою очередь. — А какова же та, кого изволите любить?

У изложил тут ему все свои дела. Бо выразил сомнение в том, чтобы девушка была действительно красива.

— Ну, положим, — сказал ему на это У, — про то знают все — и ближние, и дальние. Нельзя сказать, чтобы в этом был только мой личный жалкий вкус и глаз!

Бо хихикнул ещё разок и замолк.

На следующий день он неожиданно начал торопиться с укладкой вещей и пришёл откланяться. У, полный грусти, беседовал с ним, — слово за словом, — так и не могли друг от друга оторваться. Тогда Бо велел слуге идти с багажом вперёд, а сам стал с приятелем беседовать дальше, прикинув к нему всем своим любящим существом.

Вдруг У увидел, как на стол с криком упала зелёная цикада, и Бо стал сейчас же прощаться:

— Экипаж уже подан. Позвольте теперь проститься. Если вспомните обо мне, смахните с моей постели и лягте на неё...

Только что У хотел его порасспросить, как Бо во мгновение ока стал маленьким, с палец величиной, вспорхнул, сел верхом на цикаду и унёсся в её жужжании прямо к тучам, где и пропал. У понял теперь, что это был необыкновенный человек, и в долгом раздумье и недоумении предался бесконечной грусти.

Прошло несколько дней. Было ненастье, сыпал мелкий дождь. У сильно раздумался о своем Бо. Взглянул на его кровать; там были мелкие следы мышей. Вдохнул глубоко и, быстро смахнув с кровати, положил постель и лёг спать. Вдруг видит мальчика — слугу Бо, пришедшего, чтобы его пригласить к хозяину. С радостью сейчас же за ним пошёл. Тут же появился феникс с *удуна*¹⁰ и сел у его ног. Мальчик схватил его и сказал:

— По чёрной тропе нам будет трудно идти. Можете сесть на эту птицу, и пусть она заменит вам пешее хождение!

⁹ Игра цитатами продолжается.

¹⁰ *Удун* — дерево, излюбленное фениксом (*фынхуан*).

У выразил опасение, что такая хрупкая и малая птица не сумеет справиться с ношей, но мальчик твердил ему:

— Сядьте, попробуйте!

Студент сделал, как его просили, и вдруг стало просторно-просторно: места ещё сколько угодно! Мальчик тоже примостился на хвосте птицы, крикнул, и они взвились в воздух. Не прошло и нескольких минут, как показались какие-то красные ворота. Мальчик слез первый. Потом помог слезть и студенту, который спросил, что это за место.

— Это врата в небо, — ответил мальчик.

У ворот студент увидел огромного тигра, лежащего на лапах, и был объят ужасом, но мальчик заслонил его собою. Теперь что ни шаг, то картины природы были совершенно не похожи на те, что видны в мире... Мальчик вводил его в просторный Студёный Дворец Луны.

В этом дворце каждое крыльцо было сделано из горного хрусталя, и идущий по ним человек был как бы среди зеркал. Два коричневых дерева¹¹ стремились ввысь и были еле-еле в обхват. Аромат цветов вслед ветру веял всюду без перерыва. Дома и павильоны были снабжены красными окнами. Через них всё время выходили и входили красивые женщины, прелестные лица которых и стройный тонкий стан во всём мире, конечно, не имеют себе равных. Мальчик сказал студенту, что во дворце Ван Му¹² есть женщины ещё красивее этих. Однако, он тут же выразил опасение, что хозяин давно уже их ждёт и что им, следовательно, нельзя задерживаться. Вслед за этим мальчик вывел его из дворца, и они пошли дальше.

Через некоторое время У увидел Бо, который ожидал его у ворот, взял за руки и ввёл в дом. У взглянул в окно: перед ним, за домом, расстилались чистые воды и белый песок. Слышно было

¹¹ По преданию, на луне растут коричневые деревья, цветущие, как и на земле, осенью. «Достать до ветвей корицы», то есть достать до луны — значит подняться вверх по лестнице чинов и почестей, выдержав экзамены.

¹² Ван Му, или Си Ван Му, царица фей, героиня китайского предания, идущего, по-видимому, с запада, но доселе учёными не разгаданного.

нежное-нежное журчание струй. Лестница была из дорогого камня, балюстрады все в резьбе — положительно всё напоминало знаменитый Коричный Дворец¹³.

Только что гость сел, как сейчас же явилась очаровательная служанка, лет так на две восьмины, и подала ароматный чай. После этого Бо велел принести вино. Появились четыре красавицы с подобранными платьями¹⁴ и с поющими мелодию камнями на поясе. Они стали справа и слева и прислуживали. Стоило У почувствовать, что спина у него как будто слегка чешется, как красавица сейчас же полезла к нему под платье своими тонкими пальцами с длинными ногтями и стала ему чесать. У испытал такое ощущение, словно всё, что было в душе и сердце, закачалось и куда-то потянуло, приведя его в полное беспокойство. Он стал слегка хмелеть и мало-помалу перестал себя сдерживать, посмотрел с улыбкой на красавицу, обнял её, прильнул и стал беседовать. Но та сейчас же со смехом вырвалась...

Бо велел теперь петь песни и приглашать гостя пить. И вот одна из красавиц, одетая в коричневый шёлк, подняла свою чару и обратилась к гостю, потом подошла к столу и стала кокетливо петь своим чистым голосом, а остальные красавицы, кто на флейте, кто на других инструментах, вторили ей со всех сторон, как бы откликаясь эхом.

Когда она кончила, другая девушка в платье цвета зимородковых перьев точно так же налила гостю вина и тоже запела. Оставались ещё две красавицы, одна в лиловом платье, другая в бесцветно-белом нежном шёлке. Они всё время пересмеивались и потихоньку, чтоб никто не видел, друг дружке уступали очередь, не желая

¹³ Коричный Дворец — название древнего дворца I в. до Р. Х. и другого, VII в. по Р. Х., устроенных как бы на темы, сообщаемые преданием о лунных чертогах. Во дворцах росли коричневые деревья, от которых и идёт их название.

¹⁴ Древний обычай требовал, чтобы сановник, являясь к государю, подбирал свои длинные платья, из почтения и, вероятно, готовности служить, как раб. Стильное выражение «подобрать платье» в приложении к женщине означает почтительное безмолвное приветствие.

идти вперед. Бо велел одной из них петь, а другой наливать. Тогда девушка в лиловом подошла к У с чаркой. Студент, сделав вид, что он берет от неё чарку, игриво схватил её за тонкую руку. Она засмеялась, разжала руку — чарка с вином упала и опрокинулась. Бо принялся бранить её. Девушка подобрала чарку и, вся полная смеха, наклонила голову и прошептала:

«Лапой холодной, словно ручищей беса,
Взял и силком руку мою ухватил»¹⁵.

Бо захохотал и в наказание велел ей самой и петь, и танцевать. Когда она протанцевала, то другая, в белом шёлке, в свою очередь взмахнула перед У чаркой, но тот отказался, сказав, что не в силах опорожнить свою. Девушка с вином в руке имела сконфуженный вид, и У через силу выпил. Теперь он стал внимательно разглядывать всех четырёх девушек и нашёл, что все они имеют какой-то порхающий, летучий вид, и притом ни одну из них нельзя было не признать совершенно исключительною для земных женщин.

— Такое чудесное, особое среди людей создание, — сказал У хозяину, — я бы хотел, чтоб было у меня, пусть даже одно, — и то как трудно! А вы собрали тут у себя целый прекрасный букет. Не можете ли вы, как говорится, дать мне «настоящую душеубийцу»¹⁶?

¹⁵ Говорит чужими стихами.

¹⁶ Анекдотическое предание рассказывает, что талантливый поэт Чжань Тянью, увидав на пиру красавицу гетеру, по имени Фынь Эр, вдохновился и сказал следующие стихи:

«Вот гора весной вся нежно-бледная! И темнеют в ней лишь две точки!
Есть и мило-застенчивое пятнышко — вишня вхóдика-рóтика!
Челночок из яшмы — и целое гнездо туч...
В аромате белых лotosовых зёрен вижу красавицу Си (Ши).
Под цветком белой розы вижу красавицу Чжао-цзюнь...
Она, правда, не те настоящие... Но тоже отнимет душу!»
Хозяин тогда подарил поэту гетеру и сказал: «Пусть для Тянью это будет настоящей душеубийцей!»

Примечание. Перевод стихов, написанных на тему слов Фынь Эр (или Фыр), рассматриваемых в виде каламбура, как грамматическое

Бо засмеялся.

— Послушайте, — сказал он, — ведь у вас и так в голове сидит красotka! Разве может эта девица угодить такому взыскательному вкусу?

— Теперь только я познал, — отвечал У, — как неширок был мой кругозор!

Тогда Бо созвал всех дев и дал ему самому выбирать. У сходил с ума и не мог остановиться сам ни на одной. Бо решил, что он, схватив за руку лиловую деву, очевидно, почувствовал влечение именно к ней, тут же велел ей постлать ему постель и услужить. Она постлала, и любовь среди подушек и одеял свилась у них всепоглощающим, бесконечным клубом...

У потребовал, чтобы она что-нибудь ему подарила. Дева сняла золотое запястье и отдала ему.

Вдруг вошёл мальчик и сказал:

— Пути бессмертных и смертных различны. Вам нужно сейчас же уйти!

Девушка быстро поднялась и убежала. У спросил, где хозяин.

— Он рано утром ушёл во дворец «ждать часов»¹⁷ и, уходя, велел мне проводить гостя.

У с грустным чувством пошёл за мальчиком, который повёл его по прежнему пути. Только что они подошли к Небесным Воротам, как У оглянулся, а мальчик уже, оказывается, ушёл, и неизвестно когда. Тигр с рычанием быстро вскочил... У в страхе помчался прочь. Глядь — бездна! А ноги уже бегут: упал...

В сильном испуге У проснулся. Смотрит: утреннее солнце уже краснеет. Только что начал встравливать и оправлять платье, как на постель упал, скользя по складкам, какой-то предмет. Глядь — браслет! Душа его всё более и более исполнялась недоумения перед чудесными явлениями, и с этих пор его прежние мечты остыли, как зола; ему хотелось теперь только отыскать себе второго

явление, и создающих сразу, как бы, два языка, может считаться, при всей своей внешней точности, только приблизительным.

¹⁷ «Ждать часов» — то есть, когда пробьют часы и раскроются двери дворца для впуска сановников на аудиенцию к государю.

Чи-суна¹⁸ и идти с ним блуждать. Однако мысль о продолжении рода его всё ещё мучила.

Прошло десять месяцев. Однажды он днём спал и только что разоспался, как во сне увидел лиловую фею, явившуюся к нему откуда-то со стороны с ребёнком на груди.

— Это ваша кость и ваша кровь, — сказала она. — На небесах трудно эту вещь держать, и я с полным почтением вручаю её вам.

С этими словами она положила младенца на постель, подтянула одежду студента и накрыла. Потом заторопилась уходить, но У насильно заставил её дать ему удовольствие.

— Первый раз это случилось, — говорила ему теперь фея, — в виде, так сказать, брачной чаши; теперь ещё раз — в знак вечной разлуки. Муж и жена на сотню лет — этим исчерпаны. Впрочем, если у вас будет желание, мы ещё, пожалуй, свидимся!

Студент проснулся. Смотрит — ребенок лежит на тюфяке. Запеленал его и сообщил своей матери. Та обрадовалась, наняла ему кормилицу... Дали младенцу имя Мэн-сянь — Фея во сне.

Теперь студент послал к сановнику Гэ сообщить, что он собирается уйти в горы на пустынножителство и предоставляет ему искать для своей дочери другую подходящую пару. Тот не соглашался, но студент стоял на своем и отказывался. Гэ сказал об этом дочери. Та дала такой ответ:

— И далёкие, и близкие — все уже об этом знают, и я уже обещала отдать себя господину У. Теперь изменить это — значит, как говорится, создать два неба¹⁹.

Старик довёл об этом до сведения студента.

— У меня, — отвечал тот, — не только пропало всякое стремление к почестям и славе, но вместе с этим исчезли чувства,

¹⁸ Чи-сун — древний святой даосского предания, ушедший из Китая на запад в горы Куньлунь и там поселившийся в чертогах царицы фей Ван Му. Ему приписывается особое сочинение.

¹⁹ Обычный смысл выражения «два неба» совершенно положительный: небо природное и небо — благодеяние человека. Здесь этого смысла, конечно, нет.

влекущие к любви и милованиям. И если я не уйду сейчас же в горы, то не почему-либо другому, как потому, что жива ещё моя старуха-мать.

Старик Гэ опять стал говорить по этому поводу с дочерью.

— Господин У беден, — отвечала она, — но я охотно буду есть его горох и бобы. Господин У уходит — я буду служить его матери. Я твёрдо решила ни за кого другого замуж не выходить.

Посланный для переговоров ходил туда и сюда раза три-четыре, но к окончательному результату так и не пришли. Тогда, дав гадателю выбрать счастливый день, приготовили лошадей и экипажи, наряды и подарки и водворили девушку в качестве наложницы в дом студента. Студент был очень растроган её доблестным поведением и сосредоточил на ней и любовь, и уважение. Она же начала служить свекрови с чисто дочерним благоговением, всячески стараясь угодить ей и сделать по её вкусу. И, работая на неё, она оставляла за собой любую женщину из бедного дома.

Через два года старуха умерла. Молодая женщина заложила своё приданое и приготовила всё, что нужно для погребального обряда.

— Вот какая ты у меня милая! — сказал ей после этого студент. — Чего же мне теперь горевать? Меня заботит только, как бы мне, достигшему лично дао, «тащить, как говорится, за собой весь дом, взлетающий в воздух»²⁰. Я собираюсь уйти далеко и всё здесь передаю в твои руки.

Женщина выслушала его совершенно спокойно, отнюдь не стараясь его удерживать, и студент ушёл. И вот она стала управляться с делами студента и учить его осиротевшего сына, проявляя во всём этом образцовый порядок и систему.

А Мэн-сянь тем временем рос, был умным и способным, из ряда вон. Четырнадцати лет он уже получил на экзаменах вторую кандидатскую степень, по праву гениального, исключительного

²⁰ То есть сделать бессмертными всех членов семьи. Рассказывается про одного бессмертного, что он вознёсся в небо со всей семьёй, и только повозки и парчовые занавески упали обратно на землю.

мальчика, а пятнадцати лет уже входил в состав академии ученых. Однако, всякий раз, как, повышаясь в чинах, он получал для своей матери почётные титулы, он, не зная её фамилии, ограничивался тем, что писал ей фамилию Гэ.

В день, когда с наступлением холодных рос и инея поминают усопших, Мэн-сянь спросил, где находится отец. Мачеха сообщила ему всё, и он хотел сейчас же бросить службу и отправиться на поиски, но она сказала ему:

— Твой отец ушёл от нас и из мира вот уже более десяти лет тому назад. Я думаю, что он уже отошёл в бессмертие. Где ты будешь его искать?

Впоследствии Мэн-сянь по высочайшему повелению поехал приносить жертву Южной Горе²¹ и как-то на дороге подвергся нападению разбойников. В общей панике и смятении вдруг появляется какой-то даос с мечом в руке и врывается в толпу. Все разбойники тут сейчас же полегли, как трава, и нападение было отбито. Мэн-сянь, восхваляя даоса и чувствуя к нему почтение и благодарность, стал давать ему на прощание деньги, но тот не хотел брать и только вынул конверт с письмом, вручая его со словами:

— У меня есть один старый друг, живущий с вашим превосходительством в одном селе. Позвольте побеспокоить просьбой вас передать ему как-нибудь этот мой привет.

— А как его имя и фамилия?

— Ван Линь.

Молодой учёный стал по этому поводу рыться в памяти, но такого имени не знал.

— Он незаметный, незнатный, совсем простой деревенский человек, — сказал ему на это даос. — Конечно, где вашему превосходительству знать его!

²¹ Китайский царь приносил сам или же посылал своих сановников приносить жертвы так называемым Пяти Горам, почитаемым священными хранительницами счастья государства и династии. Эти горы чаще всего называются по их положению: Северная, Южная, Восточная, Западная и Центральная.

Перед тем как уйти, даос вынул какой-то золотой браслет.

— Эта вещь, — сказал он, — относится к женским украшениям, а человек дао, видите, подобрал её, хотя она ему совершенно не нужна. Позвольте мне поднести вам её в благодарность за услугу.

Мэн-сянь посмотрел на браслет: на нём были наложены и награвированы украшения тонкости совершенно исключительной. Он спрятал в карман, а вернувшись домой, вручил жене. Той вещь сильно полюбилась, и она заказала хорошему мастеру сделать браслету точную пару²².

Однако, этой тонкости искусства мастер так и не мог достичь.

Мэн-сянь опросил в селе решительно всех, но никакого Ван Линя не было. Тогда он позволил себе вскрыть конверт. В письме стояли прежде всего следующие слова:

Феникс с подругою жили три года,
Врозь разлетелись, каждый в свой край...
Мать схоронить мою, сына воспитывать
Это лишь ты, дорогая, могла.
Нечего дать мне тебе в благодарность:
Вот разве шарик волшебный возьми,
Надвое взрежь, проглоти, как лекарство;
Сможешь бессмертною феей ты стать!

В конце же письма было написано:

— Вскрыть собственными нарядными руками госпоже Линь.

Мэн-сянь, прочтя письмо, так и не понял, о ком здесь речь. Взял и показал мачехе.

Та держала письмо и плакала.

— Это известие от твоего отца, — говорила она. — Линь — это моё имя!

²² Известна страсть китайцев к парным предметам, вазам, мебели, даже часам. Считается особенно тонким сделать рисунок на предмете так, чтобы он давал симметричную антитезу.

Лишь теперь Мэн-сянь понял, что слова Ван Линь были только шарадой²³. Раскаянию и досаде его не было конца. Он тут же показал мачехе и браслет.

— Это наследие твоей матери, — сказала она. — Когда твой отец ещё жил в этом доме, он мне его как-то показывал.

Потом стали рассматривать шарик. Он был с горошину.

— Мой отец — святой человек! — вскричал Мэн-сянь в восторге. — Если, значит, эту штуку съесть, то непременно получишь долгую жизнь!

Однако, мачеха не стала есть шарик сейчас же, а припрятала его. Как-то раз сановник Гэ пришёл повидать дочь и её пасынка. Она прочла ему письмо У и затем поднесла ему шарик с пожеланием долговечности. Сановник разрезал и съел его пополам с дочерью. Мгновение — и силы старика вдруг ярко взыгрались. Ему было уже семь десятков, и он был очень дряхл. Теперь же внезапно он почувствовал, как в мясе и коже налились до полна силою жилы. Сейчас же он оставил экипаж и пошёл пешком, и притом так бодро и быстро, что слуги могли его догнать лишь с учащённым дыханием.

Так прошёл год. В столице как-то произошёл пожар. Огонь целый день не могли унять, и ночью никто не смел лечь спать, а все собрались во дворе и смотрели, как сила огня всё разбрасывается и разбрасывается... Вот уже огонь начинает задевать соседские строения. Весь дом Мэн-сяня не знал, что предпринять, и все метались из стороны в сторону. Вдруг золотой браслет на руке у хозяйки дома как-то хрустнул, сорвался с руки и улетел. Все воззрились на него, а он стал большой-большой, в несколько, пожалуй, десятков десятин и со всех сторон накрыл дом У, приняв вид, напоминающий лунообразную ограду, причём его отверстие было повёрнуто к юго-восточному концу и было отчётливо заметно. Все были необычайно поражены. Вдруг огонь подошёл к дому с запада, но, приблизившись к ограде, скопился, перескочил через неё и пошёл дальше на восток.

²³ Шарادا заключалась, значит, в следующем. Знак Линь состоит из двух частей, читаемых (с известной натяжкой) одна Ван, другая Линь, что легко может быть принято за фамилию Ван и имя Линь.

Когда огонь ушёл уже далеко, Мэн-сянь подумал про себя, что браслет потерян безвозвратно. Но вдруг видит, как радужное сияние сократилось, и браслет со звоном упал к его ногам. Оказалось, что в столице выгорели тысячи и десятки тысяч домов. Вокруг дома У со всех сторон были лишь пепел и зола, и только он один остался неповреждённым, за исключением, впрочем, пристройки в юго-восточном конце — там именно, где было отверстие браслета и прорыв общей ограды и заслона.

Мачехе Мэн-сяня Гэ было уже за пятьдесят, а те, кто видел её, давали ей по виду всего лет двадцать с небольшим.

夷叉國
深山蒼莽
少人蹤習俗幾
疑類毒龍不是徐生還
故國安知海外卧眉岑

100.

ЯКШИНА ДЕРЖАВА¹

夜叉國

Некий Сюй из Цзяочжоу² бороздил моря, купечествуя, да вдруг ураган и сдуй его прочь. Глаза отверз — ан достиг он местности: горная глубь зеленеет зарослями³. Понадеявшись, что есть тут народ населившийся, привязал тогда ладью да и взошёл на берег, таща на плече хлебные да мясные сушения⁴. И только углубился — глядит:

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

Якши (夜叉) — гневные божества, преобразовавшиеся в Китае в фантастических чудовищ, предания о которых приходят вместе с распространением буддизма. В древних индийских верованиях были свитскими бога земли и богатства Куберы; в буддийских легендах становятся воинственными и гневными воинами Вайсраваны. В простонародных верованиях страшилища, часто связанные с представлениями о загробных мытарствах в аду. См. примеч. 6 к новелле 2 «Человечек в ухе», *цзюань* 1, том 1.

² Цзяочжоу (交州) — название области на юге Китая и в северных и центральных областях Вьетнама.

³ Зеленеть зарослями (蒼莽) — цитата из произведения сунского поэта Су Чжэ (蘇轍, 1039–1112 гг.) «Фу о Жёлтой башне» (黃樓賦), где говорится: «Горы да потоки явятся и скроются, зеленеют заросли на тысячи вёрст». Впоследствии становится расхожей метафорой бескрайнего простора, открывшегося глазу.

⁴ Хлебные да мясные сушения (糗臘) — упоминающиеся ещё в древнейших текстах приготовления для долгого путешествия: прожаренная и высушенная зерновая снедь (высушенные каши, хлебцы и пр.) и завяленные мясные (или рыбные) кусочки.

на кручах с обеих сторон сплошь зевы пещер, обильно, что пчелиные соты, а во внутренней потаённости слышны человечесьи голоса. Достиг пещеры снаружи, пристал и вглядывается — а в серёдке двое якшей: зубы густятся алебардными рядами⁵, глаза блистают парным огнём, когтями раздирают живого оленя и жрут. Со страху аж души разлетелись⁶, споро решил припустить вниз, да якши его уж заметили, прервали трапезу — тащат внутрь. Обе твари объясняются, словно птичьим-звериным кликом, да наперебой дерут на Сюе платье: похоже, намерены сожрать-проглотить. Сюй сильно устранился, вытянул из куля крупную прожарку, да с говяжьей сушениной им и поднёс. Порознь умяли с чрезвычайным вкусом. Сызнова переворотили Сюев куль — Сюй руками машет, показывая: нету там. Якши огневались, паки ухватили его. Сюй, жалоба их, взывает:

— Отпустите меня! У меня на лодке чан да паровар⁷, можно стряпать-кухарничать.

Якши его речей не разбирают да по-прежнему лютуют. Сюй вдругорядь с ними руками объясняется — якши вроде понемногу уразумели. Сопроводили до лодки, взяли утварь — отнесли в пещеру. Увязал хвороста, разжёл огонь, сварил изодранного ими оленя; доспело — и подаёт им. Эти двое уписа́ли поданное с удовольствием. Ночью здоровенным камнем завалили вход, видать, опасаясь, что Сюй сбежит, а Сюй, скрючившись, в отдалении прилёг, крепко робея, что не избегнет лиха.

⁵ Алебардные ряды (列戟) — имеется в виду древнее оружие *цзи*, представляющее собой объединение топора и пики. В описываемое время применялось только в различных ритуалах, в том числе в храмовых мистериях, для чего перед залами храма можно было увидеть как раз чрезвычайно густые и высокие «алебардные ряды», оружие из которых задействовалось в религиозных церемониях.

⁶ Души разлетелись (散魂魄) — *иньские* и *янские* души, общим числом 10, отвечают по традиционным китайским представлениям за витальное, ментальное и духовное начала человека; при сильном потрясении способны отделяться от тела, что крайне опасно и может привести к смерти. См. примеч. 7 к новелле 2 «Человечек в ухе», *цзюань* 1, том 1.

⁷ Чан да паровар (釜甑) — специальные котлы для варки и паровой готовки соответственно. Второй обычно был керамическим.

Небо просветлело — обе твари ушли, а его опять завалили. Через малое время притаскивают оленя и вручают Сюю. Сюй шкуру ободрал, из пещерных глубин наносил проточной воды, начерпал да наварил много котлов. Вдруг уйма якшей заявляется, заглоти-ли-умяли без остатка и купно кажут на котёл, словно сетуют, что он маловат. Минуло три-четыре дня, якша проволок здоровен-ный чан, подобный тому, что у людей в обиходе. После этого все якши — каждый тащит волка или рогача⁸, вот поспело — зовут Сюя совместно трапезничать. Прожил порядком дней — якши помалу к Сюю пообвыкли; уходят — не чинят запрета-полона, разом живут, словно домочадцы. Сюй потихоньку смог разбирать голоса да понимать смыслы, неизменно повторял их звучания да выговаривал по-якшиному. Якши ещё пуще обрадовались, привели самку Сюю жениться. Сюй по первости боялся да страшился, никак не смел, так сказать, расправиться; самка тогда своелично бёдра развела да придвинулась к Сюю — Сюй тут с ней и слился, к самкиному вели-кому восторгу да радости. Неизменно оставляла мяса подкормить Сюя, словно бы цитра и гусли⁹ слюбились.

Однажды Якши скопом пораньше поднялись — с шеи каждого свисает вязка чистого жемчуга, поочерёдно выходят наружу, вид такой, словно ожидают высокого гостя. Велели Сюю побольше наварить мяса, Сюй о том и спроси свою другиню, а та отвечает:

— Это Праздник Небесного долголетия¹⁰!

Вышла другиня и ко всем якшам взывает, говоря:

— У господина Сюя костяных кап¹¹ нету!

⁸ Рогач (麋) — в данном случае название особой породы оленей, так называемого оленя Давида, китайского эндемика, в настоящее время практически не встречающегося в дикой природе.

⁹ Гусли и цитра (琴瑟) — метафора любящей семейной пары (см. примеч. 9 к новелле 82 «Барышня Линь Четвёртая», *цзюань* 2, том 1, и примеч. 33 к новелле 97 «Лянь-со»).

¹⁰ Праздник Небесного долголетия (天壽節) — древнее именование дня рождения государя.

¹¹ Костяные капы (骨突子) — в строгом смысле разрастания кости, подобные апофизам. В дворцовом этикете так назывались круглые наверху церемониальных посохов, своего рода ритуальных булав.

Собравшиеся — каждый снял своих по пяти да вручил другине. Другиня вдобавок от собственных отвязала десять штук — вот всего и набралось пятьдесят числом; из дикой крапивы¹² сладили верёвку, нанизали да подвесили Сюю на шею. Сюй её обсмотрел — каждая жемчужина ценой, знамо, в сто десятков серебряных мер¹³! Через короткое время все удалились. Сюй сварил мясо сполна — другиня является, зазывает уходить, говорит:

— Встречай Небесного князя!

Достигли огромной пещеры широтой-обхватом во много *му*¹⁴, в середине камень — гладкий да ровный, вроде стола. С четырёх сторон сплошь имелись каменные сидения; верхнее сидение покрывала барсова шкура, а прочие все покрывали олени. Якши сворами по двадцати-тридцати расселись чинно, заполнили всё. Через малое

Ритуальный характер и округлая форма жемчужин на церемониальных ожерельях рождает эту метафору, судя по всему, принадлежащую именно Пу Сун-лину. Впоследствии так начинают называть ритуальные бусы из жемчуга, но, поясняя это выражение, авторы всегда ссылаются на новеллу «Якшина держава» из «Ляо Чжая».

¹² Дикая крапива (野苧) — здесь: особый вид китайской крапивы *рами*, одна из старейших прядильных культур.

¹³ Сто десятков серебряных мер (百十金) — *цзинь* в поздние эпохи обозначал в Китае весовую меру серебра в 1 *лян*, то есть примерно 37,3 г чистого серебра. См. также примеч. 40 к новелле 97 «Лян-со» и примеч. 16 к новелле «Дин Цянь-си», *цзюань* 2, том 1. Хождение крупного жемчуга в Китае цинского времени строжайше регламентировалось. Сразу после установления новой династии были учреждены специальные службы, ведающие этим вопросом. Начиная с 1660-х годов хранение и ношение крупного жемчуга среди неименитых запрещалось. На заставе Шаньхайгуань был учреждён специальный пост для досмотра въезжающих и выезжающих на предмет провоза жемчуга, и контрабанда влекла за собой жесточайшие наказания. Крупными жемчужинами можно было владеть только царственному роду и тем, кому эти жемчужины высочайше пожалованы; крупные ровные жемчужины украшали чиновничьи шапки высшего ранга. Аналогично строго регламентировалось и обращение драгоценных самоцветов. Поэтому дарение жемчуга, описанное Пу Сун-лином, имеет весьма глубокий подтекст, понятный его современникам.

¹⁴ *Му* (畝) — традиционная китайская мера площади, примерно 7 соток. См. примеч. 11 к новелле 51 «Землетрясение», *цзюань* 2, том 1.

время могучий ветер взметнул песок, в смятении-разладе — все и вон. Глядят: огромная тварина близится, тоже вроде якшей статью, да внезапно и ринься в пещеру. Уселся враскоряку¹⁵, ястребино озирается¹⁶. Толпою за ним последовали, с востока да запада рядами и выстроились; все головы позадирали, а обе руки переплели крестом. Великий якша поголовно обсмотрел да спрашивает:

— Вомэйшаньские¹⁷ сполна-цельно ли тут?

Вкупе гулом на то отозвались. Оглядев Сюя, говорит:

— А этот откуда взялся?

Другиня: «Благоверный» — отвечает, а все к тому ж славословят его стряпню. Тотчас два-три якши бросились — тащат сваренное мясо, разложили на столе. Великий якша черпал да уминал до полной сытости, весьма нахваливал, как отлично-превосходно, да к тому ж вменил в постоянное подношение. Снова глянул на Сюя и спрашивает:

— Костяные капы что ж коротки?

Все в ответ:

— Только прибыл, не подготовили.

Тварина с шеи стаскивает жемчужную вязку, изымает десять штук и вручает ему — сплошь размером с пальцевый вершень, круглые, точно арбалетные пули; другиня тут же прибавила да за Сюя на шею ему надела-навесила. Сюй, сложивши руки, на якшином языке благодарствует. Тварина тогда — уходить; догоняя ветер, понёсся;

¹⁵ Уселся враскоряку (踞坐) — имеется в виду вольготная поза, при которой сидящий выпрямляет ноги и широко их раздвигает, что говорит о его заносчивости и высокомерии. Описана уже в древних текстах (см., например, «Цзо чжуань» (左傳), цзюань 35, «Двадцать четвёртый год Сян-гуна» (襄公二十四年)).

¹⁶ Ястребино озираться (鶚顧) — глядеть хищно, дерзко. Метафора несёт двойной смысл: во-первых, глядеть прямо, кровожадно, как ястреб (здесь употреблён иероглиф 鶚, означающий ястреба-рыболова); во-вторых, тот же иероглиф 鶚 означает также и одарённость, яркий талант. Таким образом, всё выражение говорит об уподоблении смелому и дерзкому хищнику, наделённому вместе с тем недюжинным талантом.

¹⁷ Вомэйшань (臥眉山) — судя по всему, придуманный самим Пу Сун-лином топоним для обозначения горы и соседней территории в стране якшей.

быстр стал он — будто летит. Вкупе тогда насладились обедами после него, да и разошлись.

Прожил так четыре года с гаком — другиня-то вдруг и разродись: единоутробно принесла двух мальчиков и девочку, все человечесьего обличия, а не наподобие их мамы. Якши цельно-дружно радовались этим деткам, неизменно миром нянчились да возились. Однажды все ушли добывать снеди, только лишь Сюй сидел в одиночестве, вдруг из другой пещеры заявляется самка, желает с Сюем интимного, да Сюй не согласен. Якша озлилась, сбила Сюя ничком на землю. Сюева жена заходит снаружи, взъярилась гневно да сцепилась — откусила ей ухо. Немного спустя и муж её навещается — изъяснили всё ему да велели убираться. С этой поры другиня всякий раз караулила Сюя — ни ходу, ни дыху в отлучке. Ещё три года — и сыновья с дочкой равно могли уже ходить, Сюй завсегда обучал их человечесьему языку, постепенно научились говорить, в их щебете-чириканье человечесьий дух слышался. Хоть и несмышлёныши, а по горам носятся, будто, что называют, по гладкому вышагивают¹⁸, к Сюю льнут-ластятся, как у детей с отцами водится.

Как-то раз другиня с сыном и дочкой ушли да полдня не возвращались. А северный ветер зело разошёлся — Сюй со скорбью и припомни родные места; повёл сына на морской берег, глядит — старая ладья ещё на месте, да замыслил воедино уплыть назад. Сын хотел сообщить матери, да Сюй его удержал. Отец с сыном поднялись в ладью, день да ночь — и достигли Цзяочжоу. Пришли домой — а супруга уж, как говорится, возлила¹⁹. Продал две жемчужины — доспел каз-

¹⁸ Как по гладкому вышагивают (履坦途) — несколько изменённая цитата из «Книги перемен» (易經), гексаграмма 10 «Ли (履, Продвижение, поступь)», второе толкование, где говорится, что по Пути «ступаешь гладко-спокойно».

¹⁹ Возлила (醢) — здесь означает «официально пригубила из чаши с супругом», вышла замуж (см. также примеч. 26 к новелле 47 «Прокурор Лу», цзюань 2, т. 1). Практика повторного замужества, несмотря на устоявшийся стереотип, была чрезвычайно распространена в Китае с глубокой древности, существовал и официальный институт развода (см. также примеч. 10 к новелле 56 «Водяной бадьян», цзюань 2, том 1).

ны круглые миллионы²⁰, семья премного обогатилась. Сыну нарёк имя Бяо²¹, лет четырнадцати-пятнадцати мог поднимать сто пудов, был грубым, неотёсанным, любил драться. Цзяочжоуский воевода увидал да подивился ему, назначил его тысяцким²²; послужил во время приграничных мятежей: куда б ни направился — везде стяжал победу, в восемнадцать стал спешником генерала²³.

А тем временем некий купец бороздил моря, тоже угодил в шквал и с вихрем достиг до Вошани. Только поднялся на берег — глядь: некий юноша, узрел его и изумился. Как разведал, что он из Китая — тут же расспрашивать, где его исконные проживание-селение; купец ему поведал. Юноша повлёк в дальнее ущелье, в маленькую пещерку; снаружи от пещерки всё терновником заросло, да ещё и наказал, что нельзя выходить. Удалился ненадолго, возвращается с олениной под мышкой, угощает купца. Сам и толкует:

— Отец мой тоже из Цзяочжоу.

Купец спрашивает кто, и, узнав, что это Сюй, — а купец в странствиях некогда с ним знакомствовал, — вот и говорит:

— То мой старинный приятель! Сын его — генеральский спешник.

²⁰ Круглые миллионы (盈兆) — устойчивое выражение, в котором задеиствуется не совсем типичная для китайской традиции числовая единица; традиционно сотни тысяч и миллионы исчисляются в Китае, опираясь на десяти тысячный разряд (萬). Сто тысяч, таким образом, будет «десять по десять тысяч» (十萬), миллион — «сто по десять тысяч» (一百萬), и только для ста миллионов существует следующий числовой раздел, называемый по-китайски «и» (億). Однако в древности слово «и» обозначало сто тысяч, а десять «и» давали «чжао» (兆), то есть миллион. Впоследствии общепринятые математические обозначения меняются, сам иероглиф 兆 обретает значение «триллион», но старое его толкование остаётся в языке, в частности в идиомах вроде той, которую приводит здесь Пу Сун-лин.

²¹ Бяо (彪) — иероглиф обозначает как молодого тигра, так и могучего телом детину, богатыря.

²² Тысяцкий (千總) — здесь: военный чин; при династии Мин довольно высокий, в цинское же время утративший первоначальную значимость и приравнявшийся к офицерскому званию ниже 5-го класса.

²³ Спешник генерала (副將) — здесь: военный чин, примерно соответствующий полковнику.

Юноша не постиг, что за прозвище такое; купец и объясняет:
— Это наречение китайского чиновника.

Тот — снова вопрос:

— А что такое чиновник?

А в ответ:

— Коль убывает — так выезд с повозкой, коли вернётся — высокая зала. Сверху лишь окрик один — ну а внизу сотни в угодую; видят его — искоса взгляд бросают, станут — а ноги кривятся²⁴; вот кто такой зовётся чиновником!

Юноша восхитился и растрогался. Купец говорит:

— Если почтенный ваш батюшка в Цзяочжоу, отчего ж так надолго застряли здесь?

Юноша рассказал, как дело было. Купец убеждает на юг возвращаться, а тот:

— Я и сам часто раздумывал о таком. Но матушка — не китаянка, речь и вид весьма различны; да и однородцы дознаются об этом — непременно изломают-погубят. Оттого и кручусь с боку на бок²⁵.

С тем и удалился, сказав:

— Дождёмся, пока северный ветер поднимется, — сам приду проводить вас в путь. Обеспокою вас: как достигнете, где отец и брат, передайте, как тут у нас.

Купец в пещере тайлся почитай полгода; временами из-за терновника подглянет наружу, видит: в горах одни якши расхаживают — крепко убоится, не смеет и мало сдвинуться. Однажды

²⁴ Искоса взгляд бросают, станут — а ноги кривятся (側目視側足立) — распространённый образ, передающий страх и подобострастие перед высоким начальством, на которое нельзя прямо взглянуть из робости и перед которым от страха подгибаются ноги.

²⁵ Кручусь с боку на бок (輾轉) — цитата из «Книги песен» (詩經), раздел «Нравы царств» (國風), «Песни царства Чжоу и царств к югу от него» (周南), песня «Встреча невесты» (關雎), где говорится о томлении юноши, грезящем о возлюбленной и без сна крутящемся на ложе (см. также примеч. 4 к новелле 58 «Учёный муж из Фэнъяна», цзюань 2, том 1). Впоследствии употреблялась и для обозначения беспокойства и душевного смятения в целом.

северный ветер зашелестел: «цэ-цэ». Юноша вдруг тут и объявился, тянет с собой — улепётывать споро. Заповедуя, говорит:

— Что сказал, нипочём не забудьте!

Купец обещался в том. Наново разложил мясо на столе — купец тогда и отправился назад.

Прямиком достиг Цзяочжоу, наведаясь в присутствие спешника главенствующего, сполна обсказал, что видел. Бяо выслушал и опечалился, хотел отправиться искать их. Отец рассудил, что валы морские да бесовы сборища опасны-пагубны да неподступны, силою останавливал его. Бяо, бия себя в грудь, горько возрыдал — отец и не смог остановить. Тогда тот, доложив цзяочжоускому воеводе, с двумя солдатами и отправился в море. Встречный ветер заперечил ладье, тащились-качались в море полмесяца — с четырёх сторон нет берегов, и в шаге да аршине смутно-неясно, неоткуда различать, где здесь север, где юг. Тут вдруг вздыбилась волна — достигла пути Хань²⁶, ладья, что везла, опрокинулась-перевернулась, Бяо свалился в море, вослед волнам грузнул-выныривал, и долго так; ан вот какая-то тварь — и выволоки его. Достигли места, где, наконец, есть стены да кров. Бяо обсмотрел его — а тварь наружностью, как якша. Тогда Бяо на якшином языке заговорил, якша, поразившись, — расспрашивать его, а Бяо вот и поведал, куда путь держит. Якша радостно объявляет:

— Вомэй — это мой родимый уезд, и дерзость-небрежение мои к вам повинны каре! Вы отклонились от прежней дороги уж на восемь тысяч вёрст. Это путь в Царство Злочинных Драконов²⁷, а в Вомэй и не ведёт!

Тогда изыскал ладью, пришёл проводить Бяо. Якша среди вод подвигает-катит, словно стрела, моргнёшь-вздохнёшь — тут

²⁶ Путь Хань (漢) — то есть Млечный Путь; древнее название, восходящее ещё к «Книге песен» (詩經), раздел «Малые оды» (小雅), ода «Великий Восток» (大東).

²⁷ Злочинные драконы (毒龍) — вполне возможно, что здесь имеет место игра слов, и этот термин (по-китайски произносится *дулун*) употребляется Пу Сун-лином как скрытое обозначение для произносящегося точно так же народа дулун (獨龍), проживающего в провинции Юннань, то есть тоже на юге, в экзотических для шаньдунцев местах, но значительно севернее Цзяочжоу.

и тысяча вёрст; ночь миновала — ан уж достигли северных берегов. Глядь — некий отрок у потока зрит-всматривается. Бяо ведал, что в горах нет человеческого рода, заподозрил: то его младший, подошёл к нему — и точно брат! Ухватились за руки да в слёзы. Потом и спрашивает о матушке и сестрице — обе, говорит, здоровы-благополучны. Бяо желает сообща пойти, а брат его останавливает, да в спешке-смятении и прочь. Вернулся, чтоб поблагодарить якшу, — а тот уж отбыл. Недолго прошло — матушка с сестрой на пару являются, увидали Бяо — и ну разом плакать. Бяо излагает, что надумал, а матушка ему:

— Боюсь, поеду — а от людей обиды натерплюсь.

Бяо ей:

— Сын ваш в Китае весьма славен-сановит, люди уязвить не посмеют!

Планы вернуться уже утвердили, да удручались, что против ветра трудно перебраться. Вот мать и сыновья как раз колебались в сомнении, вдруг видят: парус тряпичный движется к югу да шелестит «сэ-сэ»²⁸. Бяо с радостью и говорит:

— Это Небо нам помогает!

Друг за дружкой поднялись в ладью; волны, словно стрела, взметнули — в три дня и достигли берегов. Увидавшие их — все наутёк; Бяо с этими тремя снял-поделился халатом да штанами. Добрались до дому — матушка-якша, увидев папашу, разгневалась-забранилась, досадовала, что он не уговорился тогда, а Сюй за просчёт винился без роздыху. Домашние явились поклониться-представиться хозяйке-владычице — не было, кто бы не колотился — не трепетал. Бяо убедил матушку учиться владеть китайским наречием, одеваться в парчу, снедать пшено и мясо²⁹ — и наступили великие

²⁸ Сэ-сэ (瑟瑟) — звукоподражание шуму ветра, встречающееся уже в стихотворении ханьского литератора Лю Чжэня (劉楨, ?–217 гг.) «Посвящая двоюродному младшему» (贈從弟): «Дыбятся-высятся сосны среди выси гор, Сэ-сэ — ветер в долине свистит».

²⁹ Одеваться в парчу, снедать пшено и мясо (衣錦厭粱肉) — выражение восходит к книге «Ле-цзы» (列子), глава 6 «Сила и судьба» (力命), где об облаканном Небом говорится, что он «...одевается — так в узорную

покой и радость. Мать и дочь — обе обряжались в мужское, сродни маньчжурскому фасону. Несколько лун — и понемногу различали говоримое-толкуемое, а у брата и сестры также помаленьку выбеживалась кожа.

Младшего нарекли Бао³⁰, а сестру — Е-эр³¹, оба были сильны да могучи. Бяо стыдился, что, как говорят, не превзошёл письмён³², вразумлял младшего учиться; Бао же был самым смышлёным, каноны ли, хроники: проглядит раз — да и постиг! Однако ж не захотел копаться в конфуцианских учёностях, посему и направили его натягивать крепкие арбалеты, мчать на норовистых скакунах — сдал на военного *цзиньши*³³, сосватал дочь *юцзи*³⁴ по фамилии А. Е-эр по своей инаковости никого не имела для замужества. А вот случилось, что подкомандный Юань До-бэй лишился супруги — силою на ней и женили. Е-эр натягивала, скажем так, лук в сотню *даней*³⁵, в ста с лишним шагах стреляла в маленькую пичужку, и никогда

парчу, питается — так пшеном и мясом, живёт — так [в тереме] с балюстрадой и высоким коньком, выезжает — так [в колеснице], запряжённой четвёркой». Питаться пшеном и мясом — общее описание пиршеств с изысканной, богатой снедью.

³⁰ Бао (豹) — прямое значение имени — Барс.

³¹ Е-эр (夜兒) — диалектное слово, означающее, в зависимости от местности, «вчера» или «ночка».

³² Не превзошёл письмён (不知書) — цитата из древней «Детской песенки времён [ханьских] Хуань[-ди] и Лин[-ди]» (桓靈時童謠), где говорилось: «Выдвигался на *сюця* (秀才, в конце Хань — одна из ступеней высшей учёной номенклатуры — А. С.), а не превзошёл письмён, Притязал на *сяоляня* (孝廉, в тот период — особое звание, дававшее привилегии и связанное с ярко проявленными добродетелями, прежде всего с сыновней почтительностью; позже становится именованием *цзюйжэня* — А. С.), а с отцом поврозь жил он». Означает: «Не был выучен книжной премудрости и этикету».

³³ Военный *цзиньши* (武進士) — высшее учёное звание в военной области.

³⁴ *Юцзи* (遊擊) — в описываемый период военное звание; низший чин из старших офицеров.

³⁵ Лук в сотню *даней* (百石弓) — буквально: лук, весом примерно в 700 кг. Идиома, обозначающая невероятно большой и тяжёлый лук.

впустую. Юань в каждый поход неизменно отправлялся с супругой купно; когда ж дослужился до старшего генеральского спешника³⁶, то половина исключительных заслуг его отходила, скажем общо, женской стороне. Бао в тридцать четыре года стал пограничным воеводой; мать, бывало, сопровождала его в южных походах. Всякий раз, сблизившись с могучим врагом, неизменно, что называется, облачалась в броню и брала секиру³⁷. Видавшие — никто не пре-возмог, чтобы не убежать — не изменить³⁸. Рескриптом пожаловали ей титул *Мужа*³⁹, Бо от имени матери писал на высочайшее имя доклад, отказываясь; тогда пожаловали титулом *Супруги*⁴⁰.

Автор этих строк заметит:

Якша-Супруга — и правда редко услышишь! Хотя, коли подумать крепко, не так уж и редко-то. Что ни семья, а у изголовья постели⁴¹ — сидит там якша⁴²!

³⁶ Старший генеральский спешник (同知將軍) — в минское время одно из официальных именовании заместителя командующего.

³⁷ Облачалась в броню и брала секиру (擐甲執銳) — чуть искажённая цитата из «Цзо чжуаня» (左傳), цзюань 25, «Второй год Чэн-гуна» (成公二年); вставала в ряды воинов с оружием.

³⁸ Убежать-изменить (辟易) — цитата из «Исторических записок» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145?–86? гг. до н.э.), цзюань 7, седьмая часть «Основных записей» (本紀), «Записи о Сян Юе» (項羽本紀), где говорится о том, как в перепуге люди и лошади «бежали и меняли [первоначальное расположение]», отдалившись на много вёрст.

³⁹ Муж (наньцзюэ, 男爵) — пятый из высших древних титулов.

⁴⁰ Супруга (фужэнь, 夫人) — здесь: древний титул для жён высоких вельмож.

⁴¹ У изголовья постели (床頭) — в обиходе «человеком у изголовья» (床頭人) в Китае называли супругу, на что и намекает эта фраза.

⁴² Сидит там якша (有個夜叉在) — игра слов: сварливая и злобная жена, фурия, в простонародье именовалась «самкой якши», то есть «чёртовой бабой». Общий смысл фразы может быть прочитан так: «Что ни семья — то вместо дражайшей половины непременно сидит там фурия!»

101.
МАЛЕНЬКИЙ ШИНЬОН'
小髻

К некоему чаншаньскому² насельнику, когда случалось у того досужие житьё, неизменно заявлялся коротышка-чужак и долго с ним судачил-толковал. Никогда и не знали с ним в целую жизнь, из чего крепко проистекли сомнения-подозрения. Чужак говорит:

— Денька через три или около аккурат намерен сменить обиталище, буду с вами, что называют, в тесном соседстве³.

Минуло четыре-пять дней — снова объявляет:

— Ныне уж одноземцы мы, с рассвета до вечера могу, как говорят, внимать вашим поучениям.

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Чаншань (長山) — название уезда на территории провинции Шаньдун.

³ В тесном соседстве (比鄰) — выражение, часто употребляемое в классической китайской поэзии в смысле декларируемой близости с чем-то, воспринимаемым в обиходе как недостижимая даль. В «Стихах, подносимых Белоконному Государю Бао» (贈白馬王彪詩) Цао Чжи (曹植, 192–232 гг.) расстояние в десять тысяч вёрст называется для мужа великих устремлений «тесным соседством»; а в «Стихах к отъезду [господина] Ду в Шучжоу на службу помощника уезда» (杜少府之任蜀州詩) Ван Бо (王勃, ~649–676 гг.), одного из «Четырёх выдающихся» поэтов ранней Тан, «тесным соседством» полагается уже расстояние до «небесного берега», то есть до края света.

Тот спрашивать:

— Переселились проживать в какие пределы?

А тот, опять же, неясно излагает, только рукой на север кажет. С этой поры, что день — беспреренно разок заявится; времена-ми одалживал людям утварь да снасти, кто из скаредности не отдаст — у того сами и исчезали. Вот скопом и заподозрили, что это лис. А на север от деревни имелся древний могильный провал глубины неизмеримой. Решили — непременно обосновался там. Вот миром ухватили оружие да дубины и направились. Залегли и прислушиваются: долго ни малейшей приметности. Первая стража⁴ близится к исходу — послышались в яме голоса: «цзи-цзи», словно много десятков и сотен людей на ухо нашёптывают. Все замерли, не шевелятся. Вдруг маленькие человечки — в стопу где-нибудь — неисходным валом и повывлезли, до неисчислимости достигают. Все с гоном — как подскочут, да и напали на них. Куда дубиной не шарахнут — везде полыхнёт, а те в мгновение ока — и на четыре стороны врассыпную. Единственно остался крохотный шиньон — что скорлупка от царского ореха⁵: с кисейным убранством, в золотых нитях. Принюхались к нему — а смердит-зловонит — словами не выразить!

⁴ Первая стража (一更) — время с 7 до 9 часов вечера. См. также примеч. 4 к новелле 34 «Новобрачный», *цзюань* 1, том 1, и примеч. 24 к новелле 49 «Не Сяо-цян», *цзюань* 2, том 1.

⁵ Царский орех — старое название грецкого ореха.

102.

МОНАХИ С ЗАПАДА¹

西僧

Двое монахов пришли из Западных пределов², один держал путь к горам Утай³, другой стремился, что называется, водрузить посох⁴ на Тайшане. Их одежда, черты, речь и манеры — всё с китайскими начисто разнилось. Сами они говорили:

— Миновали Гору Пламенных Полыханий⁵; гора — ряд над рядом дыбится, в воздухе всё клубит-воспаряет, словно в печи-очаге.

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Западные пределы (西域) — в узком смысле в исторических китайских сочинениях так назывались земли западнее застав Юймэньгуань (玉門關) и Янгуань (陽關) в провинции Ганьсу, восточнее Памирского нагорья, озера Балхаш и к югу от Синьцзяна. В широком смысле под этим термином понимались территории «к западу от Китая», то есть Средняя Азия, Индия и т. п.

³ Утай[шань] (五臺[山]) — название одного из четырёх священных горных массивов Китая, место проявления чудодетственной силы Бодхисаттвы Манджушри. Находится в провинции Шаньси.

⁴ Водрузить посох (卓錫) — поместить на покой особый посох с оловянными кольцами, на который опирались странствующие монахи, то есть пристать в пути, поселиться.

⁵ Гора Пламенных Полыханий (火焰山) — гора с таким названием (Хояньшань) действительно существует в Синьцзяне. Однако здесь имеется в виду фантастическая гора, описанная в романе У Чэн-эня

Спокон: идти — так уж непременно после дождя; сердце собрав и глаза наострив, лёгкой поступью да пешим ходом: ошибкой зацепишь за камень горы — так летучий пламень взовьётся-опалит оттуда. Да ещё пересекали Реку Зыбучих Песков⁶: посреди реки есть Хрустальная гора, отвесные кручи вонзаются в небесный предел, с четырёх сторон сияние да прозрачность, словно бы ничего и не загораживают. Есть там и перевал, одна лишь телега втиснется — так два дракона, переплетя рога, пасть к пасти его охраняют-берегут. Проходящий сперва кланяется драконам, и коли драконы разрешат проследовать, то сами расцепят пасти и рога. Драконы цветом белы, а чешуя да гривы⁷ — сплошь будто хрустальные.

Монахи говорили:

— В пути перемогли восемнадцать смен холода и жары⁸, да! Покинули Западные земли двенадцать человек, а достигло Китая едва ли двое уцелевших. В Западных землях говаривают, что в Китае прославленных гор четыре: Тайшань, Хуашань⁹, Утай,

(吴承恩, 1500~1582 гг.) «Путешествие на Запад» (西遊記), но восходящая к древним легендам об Огненной горе (火山), совместно с кипящим морем (湯海) или Слабой водой (弱水, см. ниже) непреодолимо преграждавшим путь любому смертному.

⁶ Река Зыбучих Песков (流沙河) — также баснословная река из романа «Путешествие на Запад», чей прообраз — Слабая Вода (см. примеч. 5) — существует уже в древних преданиях, в частности в рассказах о путешествии Стрелка И (羿) к Владычице Запада Си-ванму (西王母).

⁷ Чешуя да гривы (鱗鬣) — китайский дракон описывается по принципу «девяти подобий» (九似), согласно которому, в частности, на теле у него чешуя, как у карпа. Также общим суждением о внешнем виде дракона является описание его густой гривы. В данном случае обе эти приметы обретают нестандартную характеристику — похожесть на горный хрусталь, то есть сверкание и прозрачность.

⁸ Холод и жара (寒暑) — имеется в виду смена тёплого и холодного времён, то есть год.

⁹ Хуашань (華山) — один из Пяти священных пиков, расположен в провинции Шэньси, в 120 км к востоку от столицы провинции — Сианя.

Лака¹⁰. Судачат также, что повсеместно на этих горах золото, что Гуань-инь¹¹ и Манджушри там, словно живые. Коли сможешь достичь до этих мест, то сам сразу сделаешься Буддой, будешь жить долго и не умрёшь.

Послушали, что они описывают, — так сродни тому, как мирские превозносят Западные края¹², вот! Кабы случилось, что паломник на запад да столкнулся бы с перебирающимся на восток на середине пути, и каждый изложил, что у них там имеется, то непременно, поглядев друг на друга, зашлись бы в смехе, и оба избежали бы, как говорится, пеших да водных скитаний!

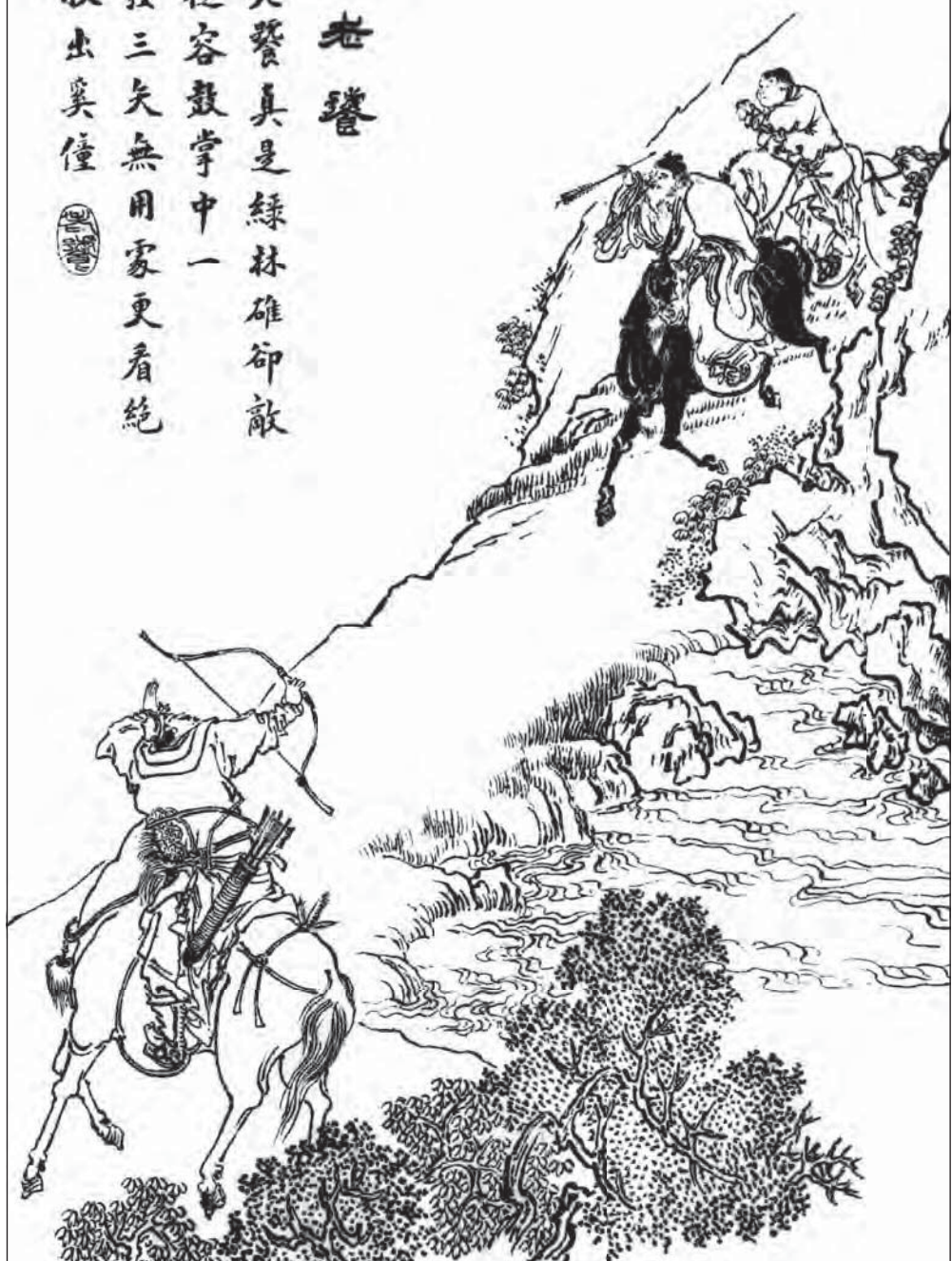
¹⁰ Лака — точнее Поталака (普陀落伽) — санскритское название горы Мэйцэньшань (梅岑山) или Потошань (普陀山) в провинции Чжэцзян, уезд Путосянь (普陀縣). Гора связана с легендами о проявленности чудодейственной силы Бодхисаттвы Авалокитешвары — китайской богини Гуань-инь.

¹¹ Гуань-инь (觀音) — то же, что Гуань-ши-инь (觀世音), Великий Бодхисаттва Авалокитешвара, одно из главных божеств китайского буддийского и простонародного пантеонов. См. также примеч. 10 к новелле 73 «Чжан Чэн», *цзюань* 2, том 1.

¹² Западные края — здесь имеются в виду особенно распространённые в китайских простонародных верованиях рассказы о Западном рае Будды Амитабхи — Сукхавати (極樂世界), вдохновлённые последователями буддийской школы Чистой земли (淨土宗), в которых описывается мир без страданий, где перерождаются архатами самые достойные последователи Дхармы.

老聶

老聶真是綠林雄卻敵
從容數掌中一
發三矢無用家更看絕
技出奚僮

103.

СТАРЫЙ ПРОЖОРА¹

老饕

Син Дэ был цзэчжоуцем², что называют, храбрецом из зелёных лесов³, умел натягивать тугой арбалет⁴, пускал стрелы сплошняком⁵ и прозывался величайшим мастером своего времени. Однако жизнь вёл привольную-необузданную, не сноровист был в промыслах да расчётах. Выйдет за ворота — неизменно и прогадает свои капиталы. Крупные торговцы из обеих столиц⁶ раз из разу ликовали, коли вместе с Сином купно ехали, — в пути уповали, де, бояться-то и нечего.

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Цзэчжоу (澤州) — название уезда на территории провинции Шаньси.

³ Зелёные леса (綠林) — буквальный перевод географического названия, горы Люилинь (Зеленолесной), где в начале I века пребывали повстанцы, свергшие правление династии Синь. Впоследствии понятие «храбрец из зелёных лесов» становится обозначением вообще для благородных разбойников, удальцов вне закона.

⁴ Тугой арбалет (強弩) — особый вид метательного оружия, требовавший больших усилий при зарядке, но по дальности полёта превосходивший обычные луки.

⁵ Стрелы сплошняком (連矢) — направлять стрелы нескончаемым градом, одну за другой; устойчивое выражение, употребляется во многих китайских произведениях, содержащих описания битв, например, в романе Ши Най-аня (施耐庵, 1296–1372 гг.) «Речные заводы» (水滸傳).

⁶ Обе столицы (兩京) — в описываемый период под этим названием подразумевались северная столица Пекин и южная столица Нанкин.

А случилось самое начало зимы⁷: нашлось двое-трое барышников, что тоще одолжили казною, пригласив совместно покупать-продавать. Син наново вычерпал свои мехи, намерившись сообща, так сказать, запасти продажного⁸. Был у него приятель, что искусно гадал, — вот и наведался к нему; приятель раскинул и говорит:

— Эти черты⁹ означают «раскаяние»¹⁰: в затеваемом деле не только первородного¹¹, а и приплода лишитесь.

Син не возразовался, хотел на половине пристать, да верители силою дружно торопили его ехать. Достигли столицы — и верно: совпало всё, как нагадано.

Месяц *ла*¹² подходил к середине; одиноко выехал он на коне из столичных ворот, а думы, что не будет в новом году средств,

⁷ Начало зимы (冬初) — по традиционному китайскому календарю наступает после «Установления зимы» (立冬), приходящегося на 7–8 ноября по григорианскому исчислению.

⁸ Запасти продажного (居貨) — имеет двойное значение: во-первых, может значить запасти денег для торговли; во-вторых — провести махинацию, попридержав товар, чтобы потом спекулятивно на нём нажиться.

⁹ Черты (爻) — имеются в виду черты гексаграммы. Одним из классических вариантов китайского гадания является предсказывание по «Книге перемен» (周易) с помощью пятидесяти стеблей тысячелестника либо других вспомогательных средств, способных указать на отдельные черты, составляющие в результате в общую гексаграмму.

¹⁰ Раскаяние (悔) — здесь может быть либо трактовка отдельной черты гексаграммы, либо одной из составляющих триграмм, склонной при гадании к изменению. Такая триграмма в гадательном лексиконе носит название «триграммы раскаяния» (悔卦).

¹¹ Первородное (母) — буквально «мать», вкладываемые в предприятие деньги. Прирост в таком случае будет называться «приплодом» (子).

¹² Месяц *ла* (臘) — последний месяц года по китайскому календарю. В древности считался наиболее грозным и тревожным, что приводило ко множественным жертвоприношениям духам и божествам, а также к другим ритуальным действиям, направленным на защиту от открывающихся в это время проходов между мирами живых и мёртвых. Впоследствии обрядовая сторона месяца *ла* была изменена и переосмыслена, но общий настрой на укрепление защитных мер от потусторонних сил (особенно в последнюю неделю) остались в традиционном китайском обиходе.

кратно надавали досады-тоски. На ту пору рассветный туман кутал-обволакивал — вот и устремился покамест в придорожное заведение, как говорится, распустиť амуницию¹³ да выискать питья. Глядь — старик, голова с седи́нами¹⁴, разом с двумя молодцами возливает у северного окна, да челядинец прислуживает — волосы жёлтые¹⁵, косматый-растрёпанный. Син уселся южнее, напротив старца раздохнул-пристал¹⁶. Челядинец, обнося вином, по ошибке перевернул блюда-посудины, замарал старцу платье. Малый огневался, тотчас ухватил его за ухо — служка поднёс плат, затеял тереть, всё старцу оттёр-вычистил. Ан глядь: у служки на больших пальцах равно имеется по железному лучному перстню¹⁷,

¹³ Распустить амуницию (解装) — выражение восходит ещё к текстам литературной антологии VI века «Вэнь сюань» (文選), где так говорилось о Сыне Неба, решившем устроить привал, остановившем колесницы и спешившемся для отдыха. В танское время выражение приобретает уже смысл «дать волю разгулу»: именно в этом смысле в стихотворении Чжэн Юя (鄭嵎, IX в.) «Стихи о воротах Цзиньянмэнь» (津陽門詩) гости питейного дома подвигают «распустить амуницию», в то время как перед столом рядами стоят чаши и кубки. В последующей литературной традиции выражение стало обозначать «дать роздых, устроиться на привал».

¹⁴ Голова с седи́нами (頽白) — цитата из «Мэн-цзы» (孟子), цзюань 1, глава 1 «Лянский Хуй-ван, статьи, часть первая» (梁惠王章句上), где, вразумляя правителя, Мэн-цзы говорит о необходимости просвещения и поддержки почтительности к старшим, чтобы люди, чьи головы с седи́нами, не изнурялись, таская тяжести по дорогам.

¹⁵ Волосы жёлтые (黃髮) — обычно так говорят о древних стариках, у которых седина из белой стала отливать жухлой желтизной. Здесь же, согласно дальнейшему повествованию и комментариям, имеется в виду, наоборот, совсем ещё юнец.

¹⁶ Раздохнуть-пристать (休止) — остановиться на отдых, устроить привал. Выражение восходит к «Историческим запискам» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145?–86? гг. до н.э.), цзюань 10, «Основные записи» (本紀), часть 10, «Записи о Сяо-вэнь-ди Лю Хэне» (孝文帝劉恒本紀), где процессия, достигнув уезда Гаолин, «раздохнула-пристала», то есть остановилась на привал.

¹⁷ Лучный перстень (箭鐲) — кольцо для стрельбы из лука, с помощью которого натягивали тетиву. Носилось на большом пальце рабочей

толщиной в полвершка, каждый весом в пару унций с лишком. Закончили трапезничать — старец велит молодому из кожаного меха вынимать, что называют, шнурованную утварь¹⁸; сгрудили горкой на столе — взвешивают, на пальцах прикидывают; где-нибудь через время, чтобы несколько чаш осушить, стали исполна заматывать-завёртывать. Малый вывел из стойла чёрного хромого мула, пособил старцу взгромоздиться верхом, служба тоже, оседлав дряхлого одра, последовал подле, выехали из ворот да и были таковы. И молодые — у каждого при поясе луки да стрелы, — правя конно, убыли разом.

Син подсмотрел зело металла платёжного — истощая зрачки, по сторонам косится, скаредный запал словно прижаривает. Прервал питание и спешно — хвостом за ними. Глядь — старец со служкой прежним порядком волочатся-плетутся впереди; тогда кривой дорожкой¹⁹ скосил да и вылетел перед стариком, натянув удила, выгнув лук да гневно вперившись. Старец, склонившись, снял с левой ноги сапог и со смешком говорит:

— Неужто не признал ты Старого Прожору²⁰?

Син сполна натянул да и пустил стрелу. Старец навзничь повалился на седло, выпростал ногу, раздвинул два пальца, словно клещи, и стрелу ими зацебил. Со смехом говорит:

руки. То, что здесь челядинец носит кольца на обеих руках, говорит о том, что он одинаково свободно стреляет с обеих рук.

¹⁸ Шнурованная утварь (鑼物) — то есть финансы. Шнуровка упоминается здесь из-за традиции нанизывать монеты, имевшие отверстия по центру, на шнур для ношения. В целом выражение обозначает любые платёжные средства, не только монеты.

¹⁹ Кривая дорожка (下道) — это выражение в китайском языке может значить как «обходной, не прямой путь», так и «бесчестный, злой промысел»; многозначность выражения как раз и использует здесь Пу Сун-лин.

²⁰ Старый Прожора (老饕) — выражение восходит к знаменитому «Фу о Старом Прожоре» (老饕賦) великого сунского поэта Су Ши (蘇軾, 1037–1101 гг.), где он говорил: «Видимо, сладость и пышность всех тварей совместно — Старого чтобы прожору — меня — напитать!» Впоследствии выражение становится крылатым.

— Коли мастерство таково, то что ж мне, почтенному²¹, за нужда руками противоборствовать?!

Син взъярился, явил свою исключительную искусность: первую стрелу только пустил, а задняя стрела уж вослед догоняет. Тот же выволок руку, сграбастал первую, словно вовсе не остерегаясь его «сплошняка», а задняя стрела ровнёхонько и попади ему в рот. Пал ничком — да и повалился долу, прикусив стрелу, в окаченелом забытии. Спешился и челядинец. Син возрадовался, почитая его уже покойником, приблизился вплотную. Старец, выплюнув стрелу, — да и вскочи на ноги; ударил в ладоши, возвещает:

— Вот первый же раз видимся, что же сразу так шалить-то?

Син крепко перетрусил — на лошадь и ну в ужасе мчаться, уразумев тут, что старец диковинный, и не осмеливаясь возвращаться наново.

Отъехал вёрст на тридцать-сорок да наткнулся на приспешника областного правителя — с мешками добра в столицу направляется. Застил ему путь да отобрал — отхватил, похоже, с тысячу слитков²²; мысли да чувства начали обретать приподнятость. Тут, посреди стремительной скачки, слышит позади топот копыт. Оглянулся — а это челядинец, пересевши на хромого мула, поспекает, мчит — что летит. И с разномом ему:

— Не торопись, молодец! Из товара, что в добычу взял, следует маленько откroить-поделиться!

Син же:

— А ведом ли тебе «Некто Син — стрелы сплошняком»?

Челядин в ответ:

²¹ Мне, почтенному (翁) — старец намеренно оскорбляет собеседника; в традиционном Китае вежливость в беседе выражается в самоуничижении и одновременно в возвеличивании оппонента. Поэтому, говоря, «я, почтенный», герой новеллы одновременно даёт понять, что визави его презренный и не достоин деликатности.

²² Тысяча слитков (千金) — то есть тысяча лянов (примерно 37,3 кг) серебра. Обычно в текстах фигурирует просто как обозначение большого богатства. См. также примеч. 40 к новелле 97 «Лян-со» и примеч. 13 к новелле 100 «Якшина держава» из этого цзюаня, а также примеч. 16 к новелле «Дин Цянь-си», цзюань 2, том 1.

— Да как раз уже, как говорится, внимал наставлениям-то!

Син же, поелику челядинец видом был невзрачен и, опять же, лука и стрел не имел, презрел его да залпом запустил три стрелы — одна к другой, без остановки, словно соколиная стая в воздух взметнулась. Челядинец, нимало не спеша — не суетясь, руками поймал две да ртом прикусил ещё одну. Смеясь, и говорит:

— Этакое-то мастерство-умение только опозорит-изничтожит вусмерть. Вот старец нынче спешил-торопился, не имел досуга изыскать лук, так эти штуки ему и вовсе без надобности, позвольте немедленно пустить-воротить!

Тотчас снял с пальца железный перстень, просунул в его серёдку стрелу, рукой с силой запустил — лишь ветер запел: «у-у». Син тотчас — отбивать луком, ан тетива лишь коснулась железного кольца, «кэн!» — и порвалась-лопнула, да и лук треснул-расселся. Син изумился крайне, не успел глянуть-схорониться, как стрела пронеслась-пронзила ухо, Син невольно — кувырком-то — и низринулся. Челядин спешился, нацелил обыскать-реквизировать. Син луком, как лежал — хлестанул его; челядин лук отобрал, разломал-разъял надвое, снова разломал начетверо да и выкинул наземь. Закончив с этим, одной рукой зажал оба синових локтя да одной ногой притиснул оба синових бедра. Локти — как скрутило, бедра — как раздавило, всей силой не мог и малость шевельнуться. На поясе повязанный двухслойный кушак — пальца в три сложенных или около — челядин рукой защипнул — тот под пальцами и распался, словно головешка догорелая. Вот кончил обирать металл — да, скажем общо, вскочил в колесницу²³, вскинув руку, прорёк:

— Груб я и неотёсан²⁴!

²³ Вскочить в колесницу (超乘) — цитата из «Цзо чжуаня» (左傳), *цзюань* 17, «Тридцать третий год Си-гуна» (僖公三十三年), где так говорилось о воинах, подготовившихся к битве в трехстах военных экипажах. Впоследствии выражение в классической литературе стало превысненным вариантом фразы «сесть верхом» или «подняться в экипаж», неся коннотацию энергичности и воинственности.

²⁴ Груб и неотёсан (孟浪) — куртуазная форма извинения за причинённые неудобства. Сама фраза берёт начало из книги «Чжуан-цзы» (莊子), *цзюань* 1, часть 2, глава 2 «Рассуждение об уравнивании»

И тотчас был таков.

Син вернулся — и стал, в конце концов, мужем добродетельным. Всякий раз излагал людям прошлые дела без утайки. Это, кажется, с историей Лю Дун-шаня²⁵ имеет сходство!

(齊物論), где говорится, что Конфуций суждения Цюйцзяо-цзы почёл бы «речами грубыми и неотёсанными».

²⁵ Лю Дун-шань (劉東山) — герой досужих историй, бытовавших в Китае во время правления Мин и Цин. В частности, эти истории изложены в сочинениях Сун Мао-чэна (宋懋澄, 1569–1620 гг.); в его своде «Собрание в девяти тубах» (九諭集), цзюань 2, есть повествование о Лю Дун-шане, разбойнике, мастере пускать «стрелы сплошняком», полагавшем, что во всём свете нет ему соперников. Однажды он повстречал на дороге юношу в жёлтой рубаше (знак щёгольского легкомыслия) и войлочной шляпе, чьё мастерство и сила многожды превосходили способности самого Лю Дун-шаня. Юноша, доказав своё неоспоримое превосходство, отнял у Лю Дун-шаня деньги и был таков. Неудачливый разбойник с этих пор забросил лук и стрелы и стал жить тихо, кормясь продажей вина. Через три года юноша (называемый далее Восемнадцатым братцем, 十八兄) в окружении друзей навестил его лавку и оставил в подарок тысячу унций серебра. Как видно из сказанного, фабула повествования очень во многом повторяет изложенное в новелле Пу Сун-лина.

104.
ЛЯНЬ-ЧЭН'
連城

Студент Цяо был цзиньнинцем², в молодые годы сподобился славы за свой талант. Было ему лет двадцать с чем-нибудь, а всё ещё, как говорится, валился да хромал³, но к людям проявлял, что называют, тайники своих печени да желчи⁴. Со студентом Гу был он дружественен и, когда Гу представился, временами споспешествовал его жене да детям. Уездный начальник за образованность чтит-уважал, а, как на-больший сей скончался на посту, — домашние застряли в недвижности,

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Цзиньнин (晉寧) — название уезда на территории провинции Юньнань.

³ Валился да хромал (偃蹇) — выражение, в классической литературе означающее «прийти в упадок, утратить надежду». Трактуются в смысле «долго пребывать в застое» — быть не в состоянии сдать экзамены на чиновничий пост даже первой ступени.

⁴ Печень да желчь (肝膽) — по представлениям китайцев движения души ассоциировались с деятельностью органов грудной и брюшной полости, а не центральной нервной системы. В частности, *янские* души и всё связанное с ними (ментальная деятельность, духовные способности) ассоциировались с печенью, храбрость и решительность — с желчным пузырём. Таким образом, печень да желчь — имеются в виду благородство и доблесть. См., напр., примеч. 41 к новелле 7 «Прокурор Лу», *цзюань* 2, том 1.

не могли вернуться в отчий край. Студент, назовём так, обрушил свои доходы, ан сопровождал гроб до дому⁵, путь туда и обратно вылился в две с лишним тысячи вёрст. По этому случаю в учёных пуцах⁶ его всё более почитали, а семья с того всё более скудела.

У кандидата второй ступени⁷ Ши имелась дочь, звавшаяся Лянь-чэн — Чреда городов⁸; искусно низала вышивки, превзошла письмена⁹. Отец её любил-баловал, показал как-то вынизанную ею «Картину истомы от шитья»¹⁰, спрашивал у молодых надписать

⁵ Сопроводить гроб (扶柩) — по традиционным китайским представлениям погребать усопшего нужно было непременно в родном уезде либо же в фамильном склепе, расположенном по месту проживания рода в предыдущие эпохи. Иногда транспортировка гроба с телом предполагала путешествие через всю страну в некий крайне отдалённый уезд.

⁶ Учёные пуци (士林) — то есть образованные круги, сообщество учёных литераторов.

⁷ Кандидат второй ступени — здесь: *цзюйжэнь* (舉人), то есть обладатель второй из трёх основных учёных степеней в рамках системы государственных экзаменов (*кэцзюй*, 科舉). В литературе обладатель этой степени часто называется метафорически — «почтительным и честным» (*сяолянь*, 孝廉). См. также примеч. 2 к новелле 26 «Три жизни», *цзюань* 1, том 1.

⁸ Чреда городов (連城) — история имени восходит к эпохе Борющихся Царств (戰國, 475–221 гг. до н. э.), когда циньский правитель предлагал за драгоценный нефритовый диск отдать в обмен пятнадцать городов из собственных владений. Отсюда выражение «нефритовый диск, стоимостью в череду городов» (連城璧) становится метафорой некоей редчайшей драгоценности, а само словосочетание «череда городов» со временем приобретает смысл «небывалое сокровище» в различных контекстах. Как раз этот смысл и подразумевается в имени героини новеллы.

⁹ Превзойти письмена (知書) — то есть получить образование, но, помимо того, выражение подразумевает и общую культурность, воспитанность того, о ком говорится. См. также примеч. 32 к новелле 100 «Якшина держава».

¹⁰ «Истома от шитья» (倦繡圖) — стихотворение знаменитого минского поэта Тан Иня (唐寅, 1470–1523 гг.), где повествуется о красавице, среди ночи откладывающей вышивку в измождении и тоске; и хотя цветы на картине поражают искусностью и живостью, но изображённая утка-мандаринка — символ супружеского верного союза — никак не

стихотворно, мысля выискать среди них зятя. Студент и преподнёс стихи, что гласили:

Высокой причёски шиньон в небрежении иззелена¹¹
взбит-взъерошен —

Ранёшенько близ орхидейных окон¹² лотосы шьёт в лазури.
В низанье дошла до четы мандаринок — и вот уже дух встревожен,
И тайно иголку и нить придержала, бабочек пару¹³ нахмутив.

Да к тому ж, славословя мастерство выстёгивания-вышивки,
прибавил:

Нить, вышивая, стежок добавляет — будто б с натуры писала:
Все на картине птицы-цветы Небесного полны начала.
Выткать в парче, как во время былое, — нет в том великих умений,
К счастью, хотя б палиндромная надпись¹⁴ мудрого света¹⁵ снискала!

обретёт себе пару. И само стихотворение, и его живописные воплощения становятся символом одинокой красавицы, не нашедшей ещё себе верного спутника.

¹¹ Иззелена (綠) — в китайской колористке глубокий чёрный цвет передаётся сравнением с особенно густым оттенком зелёного; буквально говорится об «иззелена-чёрном» цвете.

¹² Орхидейное окно (蘭窗) — то есть «окно в обители орхидей»; поэтическое название окна в спальне молодой красавицы.

¹³ Пара бабочек (雙蛾) — поэтическая метафора бровей красавицы.

¹⁴ Палиндромная надпись (回文) — имеется в виду удивительное по сложности и немыслимому таланту исполнения произведение поэтессы IV в. Су Жо-лань (蘇若蘭) «Карта Небесных сфер» (璿璣圖), сочинённое и самолично запечатленное ею в тканой парче с вышивкой. Текст состоит из 841 иероглифа, читающихся по горизонтали, вертикали, диагонали, с пропусками определённого количества знаков, задом наперёд и т. д., вплоть до спиралевидной траектории, рождая таким образом к жизни 7958 различных по форме и содержанию стихотворений (трёх-, четырёх-, пяти-, шести-, семисловных и далее). Не только это поразительное поэтическое творение, но и парча, в которой текст был исполнен, и украшение вышивкой — дело рук Су Жо-лань. В танское время императрица У Цзэ-тянь (武則天, 624–705 гг.) восхищалась творением Су Жо-лань и лично написала к нему предисловие.

¹⁵ К счастью (幸)..., мудрый свет (聖明) — здесь: оба выражения означают внимание императорской особы. См. примеч. 14.

Дочь, получив стихи, возрадовалась и отцу хвалебно превознесла. Отец же держал его за оборванца, а дочь всякому встречному неизменно нахваливала-расписывала да ещё послала старуху, будто по велению родителя, одарить платёжным металлом, чтобы, как говорится, пособить на лампу и фонарь¹⁶. Студент, восхищённо вздохнув, изрёк:

— Лянь-чэн — это та, кто понимает меня¹⁷!

В нахлынувших чувствах мечтал неотвязно так, как голодный мечтает о пище.

Недолго прошло — барышню просватали за сына солеторговца Ван Хуа-чэна. Студент оттого лишился надежды, но в сновидениях души по-прежнему чтит и благоговел перед нею. Вскоре барышня занедужила чахоткой, глубоко и затяжно — не вставала. Нашёлся из Западных пределов¹⁸ странствующий монах¹⁹ — объявил, что может лечить, однако ему нужен золотник мяса с груди юноши — истолчёт и с лекарством разотрёт²⁰. Ши послал людей наведаться в дом Вана и сообщить зятю, а тот со смехом говорит:

¹⁶ Лампа и фонарь (燈火) — помощь на «издержки по освещению», то есть на расходы по образованию. Так иносказательно называли государственную стипендию или же частные субсидии. См. примеч. 6 к новелле 31 «Студент Е», *цзюань* 1, том 1.

¹⁷ Понимает меня (知己) — часть высказывания из «Исторических записок» » (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145(135?)–86(85?) гг. до н. э.), *цзюань* 86, «Жизнеописания» (列傳), часть 26, «Жизнеописание мстителей» (刺客列傳), где говорится: «Муж умирает за того, кто его понимает, а женщина прихорашивается для того, кто её радует» [другая трактовка — прихорашивается для того, кому она нравится] (士為知己者死女為悅己者容). Впоследствии в обиходе выражение «тот, кто меня понимает» становится синонимом «родной души», «верного товарища». См. примеч. 23 к новелле 31 «Студент Е», *цзюань* 1, том 1.

¹⁸ Западные пределы (西域) — здесь: территории к западу от Китая. См. примеч. 2 к новелле 102 «Монахи с запада».

¹⁹ Странствующий монах (頭陀) — *дхутта*, как правило, иноземец — частый персонаж китайских новелл, обладающий магическими способностями и тайными знаниями. В этом качестве он перенимает большую часть функционала, первоначально закреплённого исключительно за даосскими мистиками.

²⁰ Лекарство (藥) — в традиционной китайской медицине это прежде всего растение, свежее или высушенное, в растёртом, заваренном

— Сумасшедший старик намерился у меня, как говорится, вырезать плоть сердца²¹, вот что!

Посыльные и вернулись. Ши тогда возвестил меж людьми:

— Найдётся кто сможет вырезать мяса — женится на ней!

Студент услышал — да и отправился; сам выволок, что называют, светлый клинок²², взрезал грудь — и вручает монаху. Кровь измочила халат да порты²³, монах наложил снадобье — вот тогда престала. Скатал лекарства три пилюли, в три дня выпила начисто — болезни как и не бывало.

Ши собрался выполнить что возвещал, да прежде сообщил Вану. Ван огневался, хотел жаловаться властям. Ши тогда устроил пир, позвал студента, выложил на стол тысячу слитков²⁴ и говорит:

— Тяжко осрамил я высокое благодеяние, позвольте этим вас вознаградить!

Да тут же обстоятельно разъяснил, отчего нарушает уговор. Студент — с негодованием в ответ:

и пр. виде входящее в состав пилюль, мазей, капель. В данном случае целитель предлагает соединить традиционные перетёртые травы с необычным ингредиентом — плотью молодого человека.

²¹ Плоть сердца [моего] (心頭肉) — выражение из стихотворения танского Не И-чжуна (聶夷中, 837–871 гг.) «Воспеваю крестьянина» (詠田家詩), где говорится, что тот во второй луне продал весь только выработанный шёлк, а в пятой луне — всё зерно на год; это как если бы лекарь, врачуя видимый гнойник, отрезал для этого лоскуты от сердца, то есть латал видимое, умерщвляя при этом весь организм. Выражение «плоть сердца» впоследствии становится широко употребляемым и приобретает в обиходе значение «нечто жизненно важное, плоть и кровь». Здесь же Ван Хуа-чэн так называет кусочек плоти с собственной груди, которую предлагает взять для снадобья лекарь.

²² Светлый клинок (白刃) — то есть обнажённое, бликующее на свету лезвие.

²³ Халат да порты (袍褲) — общее обозначение одежды вообще. Выражение восходит к «Дворцовым строфам» (宮詞) танского поэта Сюэ Фэна (薛逢, IX в.).

²⁴ Тысяча слитков (千金) — примерно 37,3 кг серебра. Обычно просто метафора огромной суммы. См. также примеч. 13 к новелле 100 «Якшина держава», примеч. 40 к новелле 97 «Лян-со» и примеч. 22 к новелле 103 «Старый прожора» из этого *цзюаня*, а также примеч. 16 к новелле «Дин Цянь-си», *цзюань* 2, том 1.

— Потому ваш покорный слуга не пожалел плоти с груди своей, что хоть чем-то желал воздать той, кто меня понимает, и только лишь. Неужто ж я плоть бы продавал²⁵, а?!

Взмахнул рукавами²⁶ — и прочь.

Барышня прослышала о том, помыслами-честью не стерпела, послала старуху утешить-оповестить да к тому ж сказать:

— Что ж до таланта его блестящего — должно, чтоб был он недолго в ущербе. Ведь в Поднебесной чего ж опасаться, мол, не найдется красавиц? Мне же приснилась зловещая доля: в троицу лет непременно погибну. Нету нужды, чтоб с людьми состязаться из-за создания, чьё место пребудет внизу у истоков.

Студент передал старухе вот что:

— Как известно, «Муж умирает за того, кто его понимает»²⁷, а не за внешность. Искренне опасаясь лишь, что Лянь-чэн не то чтобы непременно подлинно обо мне постигала; а коли и вправду удостоился я настоящего её постижения, то и не выйдет лад²⁸ — так что ж с того за беда?

Старуха от имени барышни поклялась истинно — открылась ему. Студент говорит:

— А коли так оно, то, как сойдёмся где мы, пусть улыбнётся мне — умру без сожаленья!

²⁵ Продавал бы плоть — отношение к телу в Старом Китае во многом отличалось от современных взглядов: любое увечье, а тем более утрата части плоти, полученной при рождении, считалось помимо прочего высшей непочтительностью к предкам, и в загробных мытарствах за это следовали суровые кары. Поэтому одной из задач при погребении было максимальное сохранение цельности тела, которое обматывали шёлковой ватой, бальзамировали, помещали в два герметичных гроба — внешний и внутренний — с целью не допустить распада целостности. Таким образом, в пожертвовании студента Цяо сокрыто много большее, чем готовность перетерпеть боль и залечить раны, — он добровольно обрекает себя на суровые загробные наказания и гнев душ предков, и эта жертва, конечно, не может окупиться никакими деньгами.

²⁶ Взмахнуть рукавами (拂袖) — выражение, означающее «удалиться в гнев», «уйти в негодование».

²⁷ Муж умирает за того, кто его понимает — см. примеч. 17.

²⁸ Не выйдет лад (不諧) — не сладится брачный союз.

Старуха с тем и ушла. Миновало несколько дней, студент по случаю отлучился да и столкнулся с барышней, что возвращалась из дядиного дома. Скосил на неё взор — а её, что называют, осенние волны²⁹ оборотили взгляд — разъяла зубки, улыбаясь. Студент с превеликим восторгом объявил:

— Лянь-чэн и правда понимает меня!

И вот случись — господин Ван явился условиться о счастливой поре³⁰; прежний недуг барышни наново открылся, в несколько месяцев и снискала кончину. Студент отправился оплакивать да соболеznовать, изошёл скорбью, иссяк; Ши на носилках препроводил его домой.

Студент и сам понимал, что уже мёртв, да вот не нашлось, о чём сетовать. Вышел прочь из деревни, всё ещё надеясь разок увидеть Лянь-чэн. Издали примечает с юга на север огромную дорогу, люди движутся по ней рядами — что муравьи, посему так же, скажем общо, смешался сам и переплёл средь них следы. Вдруг в момент — заходит в официальное присутствие да и натывается на студента Гу, а тот в изумлении и спроси:

— Как же случилось, что вы прибыли?

Тут же ухватил за руку, намерился проводить — обязать вернуться. Студент с тяжким вздохом разъясняет:

²⁹ Осенние волны (秋波) — метафора чистых и блестящих женских глаз (особенно их блеска в темноте). Выражение широко известно по второму стихотворению великого сунского поэта Су Ши (蘇軾, 1037–1101 гг.) из маленького цикла «Два стихотворения о паводке в сто шагов» (百步洪詩二首), где говорится о барышне Гао, отвадившей назойливого ухажёра тем, что швырнула в него ткацкий челнок и выбила ему зубы [эпизод позаимствован из «Цзиньской истории» (晉書), цзюань 49, «Биографии» 19, «Биография Се Куня» (謝鯤傳)], и сама она характеризуется так: «Дева прекрасная не соглашается, вторит „осенними волнами“».

³⁰ Счастливая пора (吉期) — особенные временные рамки для осуществления важных событий, в данном случае — бракосочетания. Определяется при помощи особых гадателей в зависимости от циклических знаков в гороскопе молодожёнов, времени года, места проведения церемонии и пр.

— Есть, как бы назвать, сердечная забота³¹, что никак не исполнится. Гу ему:

— Ваш слуга покорный тут ведает реестрами, премного забрал власти-влияния; коль смогу понатужить силы — не поскуплюсь, да!

Студент спросил о Лянь-чэн — Гу тотчас и увлеку студента кружить-вертеться по многим присутствиям, глядь: Лянь-чэн с какой-то барышней в белом — в слезах ресницы и в печали брови, на коврике сидит в углу прохода. Увидела, что студент пожаловал, — стремглав вскочила, видно, от восторга, детально вопрошает, что ж явился? Студент говорит:

— Вы скончались, как же покорный слуга ваш посмел бы жить? Лянь-чэн со слезами в ответ:

— Меня такую, долгом пренебрегшую, ещё вы не отвергли, не презрели, но жертвовать собой к чему? Уж невозможно в этой жизни мне вам союзом обещаться, хотела б в будущей поклясться только.

Студент и сообщает Гу:

— Заботы ждут — прошу же вас, ступайте! Слуга покорный смерти рад и жизни не желает. Однако ж озабочу вас разведать, где выпало Лянь-чэн переродиться: пошли б мы разом с нею, да и только.

Гу согласился, да и был таков. А барышня в белых одеждах — с вопросом: что за человек студент; Лянь-чэн подробнее ей изложила. Барышня выслушала — и не в силах сдержать печаль. Лянь-чэн изъясняет студенту, сказавши:

— Она одного рода со мною, презренной. Детское прозвание³² её Бинь-нян³³, дочь Ши, правителя области из Чанша³⁴. Вместе брели по дороге, вот и пожалели-привязались друг к другу.

³¹ Сердечная забота (心事) — тайная, заветная надежда. Выражение стало крылатым после того, как появилось в стихах великого поэта эпохи Шести Династий Се Лин-юня (謝靈運, 385–433 гг.).

³² Детское прозвание (小字) — то же, что детское имя, прозвище, употребляемое родителями по отношению к ребёнку в домашнем обиходе (см. также примеч. 27 к новелле 97 «Лянь-со»). Вместе с тем так могли назвать и собственное имя в знак самоуничтожения и почтения к собеседнику.

³³ Бинь-нян (賓娘) — буквально: «Гостящая барышня», «Явившаяся в гости».

³⁴ Чанша (長沙) — город в провинции Хунань.

Студент рассмотрел её — облик и манеры располагают к приязни. Только собрался подробно расспросить, как Гу уж воротился, студенту речёт приветственно:

— Все для вас устроения уж спрочились, сиречь разрешается барышне, сопровождая вас, возвратить душу³⁵, не отлично ль?

Каждый из двоих возликовал; лишь дошло до прощаний-расставаний, как Бинь-нян, горько возрыдав, говорит:

— Сестрица уйдёт, а мне куда ж податься? Молю снизойти жалостью и вызволить, я презренная за сестрицей, что называют, платок поднесу³⁶, и только!

Лянь-чэн пригорюнилась, не нашла, что бы измыслить, да переложила раздумывание на студента. Студент — вновь жалобить Гу, а Гу почёл дело трудным, решительно отказал, полагая невозможным. Студент — твёрже его понуждать; тогда говорит:

— Попробуем наудачу это проверить.

Ушёл, а через срок, чтобы потрапезничать³⁷, и возвращается, рукой отказно машет, объявляя:

— Что ж поделать? Истинно никоим образом не могу пособить, да!

Бинь-нян услышала это, согнулась-свилась, возрыдала чувственно, да только придерживает Лянь-чэн пониже локтей, страшась, что та вот-вот удалится. Страдание-горе, а нет решения; все смотрят друг на друга молчаливо и, глядя на её печальный лик — горестный вид,

³⁵ Возвратить душу (返魂) — то есть возвратить душу в тело. Выражение часто встречается в фантастических новеллах о воскрешении, и, хотя буквально называется только одна душа (по китайским традиционным представлениям у человека их десять), подразумевается возврат всех элементов тонкого тела обратно в плоть и воскрешение для жизни.

³⁶ Поднести платок (捧帨) — то есть стать младшей женой или наложницей. Существовала практика, когда младшая родственница невесты сопровождала её в браке в качестве наложницы (妾媵), считавшейся частью приданого. Для такого рода отношений существовали различные иносказательные обозначения: «поднести [за невестой] платок», «прислуживать при умывании» и пр.

³⁷ Срок, чтобы потрапезничать (食頃) — через короткое время. См. примеч. 27 к новелле 73 «Чжан Чэн», *цзюань* 2, том 1.

только, как говорится, в груди и утробе тоску да слабость множат. Студент Гу в сердцах и скажи:

— Прошу увести с собой Бинь-нян; если ж найдут в том проступок-вину, то я, недостойный студент, на собственный страх за неё отвечу!

Бинь-нян тогда радостно и последовала прочь со студентом. Студент, тревожась, что путь её долг, не берёт в пару, а Бинь-нян ему:

— Я, презренная, с вами пойду, а домой возвращаться не желаю.

Студент говорит:

— Почтенная великий вздор городит! Ежели не вернётесь, то как же оживёте-то? В дни иные, как достигну я Хунани, коль не станете вправду скрываться-избегать, так премного тем осчастливите!

Как раз нашлось двое старушек, с реестрами отправлявшихся в Чанша, студент вверил им Бинь-нян, со слезами расстались — и убыла.

По дороге Лянь-чэн подвигалась препинаясь-небыстро, верста с небольшим — и непременно роздых; всего раз десять с лишним передохнули — вот показались, как говорят, квартальные ворота³⁸. Лянь-чэн и говорит:

— Как вдругорядь оживу, опасаясь, сызнава повторится. Прошу наведаться испросить мои презренные, скажем так, кости-останки; я, недостойная, оживу у вас дома — так уж не будет о чём печалиться.

Студент на том согласился. Совместно возвратились к студенту домой — барышня в тревоге-беспокойстве, будто ступить не может. Студент пристал, её поджидая, барышня говорит:

— Как я, ничтожная, прибыла сюда, так во всех четырёх членах дрожь-смятение, словно бы не на чем установиться. Страшно, коль чаянья мы не достигнем; наново нужно наметить расчёт. Ежели нет — воскрешенье придёт, но кто ж свободу тогда обретёт?

Сообща решили направиться в боковой флигель. В молчанье-покое недолго прошло — Лянь-чэн рассмеялась да и говорит:

³⁸ Квартальные ворота (里門) — выражение восходит ещё к текстам Мэн-цзы (孟子). В Китае с древности уездные домовладения объединялись в кварталы, имевшие внешнюю стену и ворота. Впоследствии выражение «квартальные ворота» приобретает смысл «ворота родного квартала», то есть «родная деревня», «дорогие сердцу места».

— Неужто гнушаетесь мною, презренной?

Студент изумился и спрашивает о причине того. Та же, зардевшись, в ответ:

— Боюсь, коль с делами не выгорит лад — так сызнава вам лишь изменой воздам. Позвольте как духу мне прежде вас вознаградить.

Студент взликовал — и предельно свершился любовный восторг. Поскольку колебались-сомневались, не отваживаясь немедля ожить, то провели во флигеле три дня. Лянь-чэн и говорит:

— Среди пословиц есть такая: «Уродливой снохе, а всё ж придётся как-то свёкрам показаться». И так вот сетовать-тужить — совсем не замысел далёкий.

Студента торопит в покои войти, и только достиг погребально-го ложа³⁹, как в то же мгновение он сразу очнулся. Домашние все в изумлении дивятся, подносят, чтоб выпил бульона-отвара. Студент тогда отправляет посыльных: призывает Ши пожаловать да просит доставить тело Лянь-чэн, объясняя так, что может оживить её. Ши возрадовался, сделал как сказано. Лишь носилки водворили в зал, глядь — а уж пробудилась и говорит отцу:

— Дитя ваше доселе препоручалась господину Цяо, и нет толку наново возвращаться домой. Если ж перемените-пересмотрите, так опять умру!

Ши вернулся, послал челядинок служить да ухаживать.

Ван услышал — изготовил иск к судебному разбору, чиновник принял мзду да и приговорил вернуть Вану. Студент от гнева-удручения смерти жаждет, да вот ничего и не поделаешь. Лянь-чэн, как прибыла в дом к Вану, от огневленья не пила, не ела, единственно алкала скорой смерти. Как не было людей в покоях, так пояс свой на балку повязала. День миновал — изможденье всё пуще: верно вот-вот удалится-угаснет. Ван перетрусил — услал её обратно к Ши, и Ши наново носилки отправил к студенту. Ван прознал про то, а выхода-то и нет, так с этим и смирился.

³⁹ Погребальное ложе (靈寢) — место временного размещения гроба. См. примеч. 3 к новелле 63 «Досточтимый Чжу», *цзюань* 2, том 1.

Лянь-чэн выздоровела — всякий раз, вспоминая Бинь-нян, желала послать гонца разведать о ней, да от протяжённости пути затруднялась с отправкой. Однажды домашние вбегают со словами:

— У ворот экипажи да лошади!

Супруги вышли поглядеть — а то Бинь-нян уж заходит во двор. Встретились — печаль с радостью мешаются. Правитель области сам пожаловал сопровождать дочь; студент пригласил входить. Правитель говорит:

— Дочурка обязана вам возвращением к жизни и поклялась не идти за другого. Нынче исполняю её чаяния.

Студент в благодарности бил челом, как этикет велит. Второй кандидат Ши тоже прибыл, побеседовали о родственных путях⁴⁰. Имя студенту было Нянь, второе имя⁴¹ — Да-нянь.

Автор этих строк заметит:

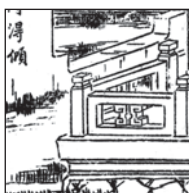
С одной улыбки — и понять, ввериться ему всецело — кто-то из народа житейского почтёт это безумством. А те вот — пятьсот людей Тянь Хэна⁴² — неужто поголовно дураки, а? Это ведь «понимаю-

⁴⁰ Побеседовали о родственных путях — правитель области и отец Лян-чэн из одного рода Ши, только отдалённых его ветвей. Теперь, после замужества дочерей, они оказываются в более тесных отношениях не только по родству, но и по свойству.

⁴¹ Второе имя (字) — бралось в Китае уже в пору самостоятельности и сообщало что-то важное о склонностях и устремлениях его носителя. См. примеч. 4 к новелле 12 «Ван Шестой Молодец», цзюань 1, том 1.

⁴² Пятьсот людей Тянь Хэна — имеются в виду события, описанные в «Исторических записках» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145?–86? гг. до н. э.), цзюань 94, «Биографии» (列傳), раздел 34, «Биография Тянь Дая» (田儋列傳). Тянь Хэн (田橫, ?–202 гг. до н. э.) происходил из правящего рода Тянь княжества Ци (齊國). Дал отпор Сян Юю, отбил княжество, где воцарился сам. После провозглашения Лю Баном (劉邦, 256(247?)–195 гг. до н. э.) самого себя императором Тянь Хэн с верными пятьюстами приближёнными бежал на морской остров. Лю Бан, опасаясь того, что Тянь Хэн поднимет мятеж, пригласил его служить, пожаловав титулом и наделами. Тянь Хэн, не доехав до

щих мало, оттого и ценен»⁴³: мудрец выдающийся — проникнется кем, привяжется и уж не может сам по себе. Оглянись на безбрежность-бескрайность меж морей⁴⁴: хоть бы, скажем так, златотканый да вышивной талант⁴⁵ — а только лишь всё сердце своё устремит за улыбку той, чьи брови высоки. Печально, эх!

Лояна, в уезде Ши, устыдившись перспективы стать вассалом Лю Бана, покончил с собой. Узнав об этом, все пятьсот его приближённых, оставшихся на острове, также покончили с собой. Здесь Пу Сун-лин намекает на произнесённую студентом Цяо цитату: «Муж умирает за того, кто его понимает», говоря, что все пятьсот сподвижников Тянь Хэна поступили именно так.

⁴³ Понимающих мало, оттого и ценен (知希之貴) — первоначально цитата восходит к семидесятому *чжану* «Книги о Дао и Дэ» (道德經), где говорится: «Понимающих меня мало, значит, есть во мне ценное». Впоследствии выражение было переосмыслено в литературной традиции, приобретая смысл: «Трудно встретить того, кто тебя понимает, оттого этот человек особенно ценен». См. примеч. 17 и 27.

⁴⁴ Меж морей (海內) — то есть Поднебесная, расположенная меж четырёх морей.

⁴⁵ Златотканый да вышивной талант (錦繡才人) — парафраз на строку великого танского литератора Лю Цзун-юаня (柳宗元, 773–819 гг.) из эссе «Моление о мастерстве» (乞巧文), где говорится о «златотканом сердце и вышивных устах» (錦心繡口).

105.
СТУДЕНТ ХО¹
霍生

Студент Хо из Вэньдэна² со студентом Янем в юности были весьма взаимно дружны, постоянно друг друга подначивали, как говорится, противоборствовали в остроловии³. Единственно боялись, что выйдет не хитроумно. С Хо по соседству жила старуха, что некогда у жены Яня принимала роды. По случаю, беседуя с супругой Хо, рассказала, что имелись у той в секретных частях лишние наросты, а супруга и сообщи о том Хо. Хо посоветовался с сообщниками, подглядел, когда Янь вот-вот придёт, да украдкой и сообщает:

— Некая супруга со мною чрезвычайно близка!

Те скопом не верят, Хо тогда и выдумал-настряпал от начала до конца да добавляет:

— А коль не верите — у неё по бокам сраму имеются два нароста!

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Вэньдэн (文登) — название уезда в провинции Шаньдун.

³ Противоборствовать в остроловии (口給交禦) — поздняя вариация на цитату из «Бесед и рассуждений» (論語) Конфуция, глава «Гунье Чан» (公冶長), где говорится: «Противоборствующий с людьми остроловием — зачастую людям ненавистен».

Янь стоял по-за окном, выслушал это да и сообразил; в покои не вошёл, а тотчас прочь; достиг до дому и горько исказнил жену. Жена не признавалась — порол ещё безжалостней; жена не снесла мучений да и удавилась. Хо тогда зело засетовал, но всё не решался Яню изъяснить свою клевету-то.

Жена Яня, как померла, — призрак её ну ночами рыдать, вся семья покоя с того не находила. Недолго прошло — Янь внезапно преставился; призрак тогда больше уж не рыдал. А жене Хо снится женщина — волосы распущены — и голосит:

— Я умирала страсть тяжко, а вам — мужу да жене — как же можно веселиться-радоваться, а?!

Та пробудилась да захворала, несколько дней — и кончину нашла. Хо тоже приснилась женщина, что, указуя, обвиняла, поносила-бранила да ладонью влепила ему по губам. В ужасе проснулся, чует — у края губ затаилась боль. Ощупал — высоко вздулось, три дня прошло, и оборотилось парой наростов. Потом переросло и в затяжной недуг: не смог громко говорить да смеяться, растворит губы слишком резво — такая боль, аж терпеть нельзя!

Автор этих строк заметит:

Бесом⁴ по смерти смогла обратиться — значит, душа от обиды страдала. А чтоб болезнь секретную да переместить на рот-уста — изумительно и сродни озорству, да!

Господин Ван из уезда был дружен со своим товарищем по учёбе Н. Супруга его, что называется, «вернулась с успокоениями»⁵, а Ван знал, что осёл её очень пуглив, вот и притаился заранее среди зарослей-чащобы. Подкараулил, когда супруга подъедет, и внезапно выскочил. Осёл напугался, супруга свалилась; только один

⁴ Бес (厲) — в данном случае имеется в виду неупокоенная злокозненная душа; обычно о превращении в такого беса говорится по отношению к тем, кто не оставил после себя мужского потомства.

⁵ Вернуться с успокоениями (歸寧) — широко распространённая практика, когда жена возвращалась на время к родителям, чтобы «успокоить» их чувства.

челядинец её сопровождал — вот и не смог поддержать супругу-то в седле. Ван тогда с заботой-усердием приобнял и попридержал⁶ этак весьма, а супруга и не распознала, кто да что. Ван тем ублажился-утешился в довольстве и рассказывал, что челядинец следом за ослом бросился, а он вот и сподобился блудить с этой благоверной прямо средь чащобы; описывал исподницу, штаны да туфли весьма подробно. N услышал, крепко усмирился и пошёл прочь. Через малое время в оконном просвете видит: N, в одной руке сжимая клинок, а другой ухватив жену, подступает; намерениями весьма гневен да свиреп. Превелико оробел, перемахнул через стену⁷ — и удирать. А N за ним, две-три версты гнался — не достиг да подался обратно. Ван все силы отдал бегству, лёгочные доли вздуло-вспучило, заполучил от того одышливую хворь — во много лет не оправился.

⁶ Приобнял и попридержал (抱控) — то есть приобнял супругу и попридержал осла, помогая оседлать.

⁷ Стена (垣) — в данном случае имеется в виду высокая ограда вокруг жилища, глинобитная или из необожжённого кирпича.

106.

ВАН ШИ-СЮ¹

汪士秀

Ван Ши-сю родом из Лучжоу² — суровый, отважный да силою оделённый — мог поднять каменную крупорушку³. Отец любил играть с ним в ножной мяч⁴; когда отцу было чуть больше сорока, он, переправляясь через Цяньган⁵, утонул.

Набежало восемь-девять лет — Ван по делам наведася в Хунань. Ночью причалил на озере Дунтин⁶; как раз полная луна вставала

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Лучжоу (廬州) — название области на территории современного города Хэфэя, провинция Аньхуй.

³ Каменная крупорушка (石舂) — имеется в виду изготавливавшаяся из камня и дерева конструкция для толчения зерна, состоявшая из каменной опорной рамы, деревянного рычага, каменного песта и каменной ступы. Общий вес всей конструкции вполне мог превосходить пару центнеров.

⁴ Ножной мяч (蹴鞠) — игра «цуцзюй», описанная ещё в текстах «Планов Борющихся царств» (戰國策) и «Исторических записок» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145?–86? гг. до н. э.). Игра сперва входила в число воинских забав, полезных для армейской подготовки; впоследствии стала популярна в народе. Некий древний предшественник футбола.

⁵ Цяньган (錢塘) — река в провинции Чжэцзян.

⁶ Дунтин[ху] (洞庭湖) — озеро в провинции Хунань, считается одним из крупнейших и красивейших озёр Китая. Озеро овеяно множе-

на востоке, и была зеркальна река, словно шёлк отбелённый⁷. Вот в самую пору любоваться-заглядываться вдруг и явись пятеро каких-то прямо из озера: тащат огромную циновку да ровно её стелют на водную гладь — где-то примерно с половину *му*⁸ вышло. В изобилии расставили вино да закуски; посуда для снеди — тронешь-заденешь — звук издаёт, да голос богатый-роскошный, никак не сродни глиняным черепкам. Вот справили, да трое на циновке расселись, а двое прислуживают возливанью. Из сидящих один обряжен в жёлтое, двое — в белое. Повязки на головах все аспидного цвета — дыбятся высоко-высоко, а спускаясь, льнут к плечам да спине — фасон крайне редкий-удивительный, да свет луны туманен-слаб, не особо-то и разберёшь. Прислуживающие все в сермяжном платье, один из них вроде как отрок, а второй, похоже, старец. Да слышно вот, тот в жёлтом одеянии речёт:

— Нынешней ночью свет от луны дивно хорош, годен, чтоб вышла весёлой попойка!

Тот же, что в белой одежде, в ответ:

— Нынешней ночи образы-виды очень похожи на те, что у Князя Гуан-ли⁹ на Острове Груш¹⁰ средь застолий когда-то бывали.

ством легенд: в частности, в одной из впадающих в него рек — Мило (汨羅江) — покончил с жизнью великий древний поэт Цюй Юань (屈原, 340–278 гг. до н. э.), поэтому на реке Мило и на озере Дунтинху зародилась традиция праздника Лодок-драконов.

⁷ Зеркальна река, словно шёлк отбелённый (澄江如練) — слегка изменённая строка из стихотворения Се Тяо (謝朓, 464–499 гг.) «Вечером поднялся на Саншань, оглядываясь, смотрю на град столичный» (晚登三山還望京邑): «Зеркальна река и тиха, словно шёлк отбелённый».

⁸ *Му* (畝) — традиционная китайская мера площади, приблизительно 0,07 га. См. примеч. 11 к новелле 51 «Землетрясение», *цзюань* 2, том 1.

⁹ Князь Гуан-ли (廣利王) — официальный титул божества-покровителя Южного моря, пожалованный ему ещё при танском императоре Сюань-цзуне (玄宗) в 751 году. Об этом имеется знаменитая запись великого танского литератора Хань Юя (韓愈, 768–824 гг.) «Стела в храме божества-покровителя Южного моря» (南海神廟碑).

¹⁰ Остров Груш (Остров грушевых цветов, 梨花島) — Хайнань, на котором имеется гора Лишань (буквально: Грушевая гора, 梨山). Хайнань

Трое ну друг друга потчевать, кубки вздымая и состязаясь в чашах штрафных. Однако же речи чуть тиховаты, и вот уж расслышать и вовсе нельзя. Люди в ладьях, замерев, затаились и не решаются дрогнуть-вздохнуть.

Ван тщательно взгляделся в прислуживающего старца — крепко сходен с отцом; прислушался к его речам — ан не отцовский голос.

Вторая водная стража¹¹ близится к концу, вдруг один и говорит: — На выгоду это сиянье луны — мы в мяч хоть однажды сыграть удовольствия ради вольны!

Тут же глядь — прислужник, зачерпнув из воды, достаёт наружу сферу, размером где-то в цельный обхват, в сердцевине — словно ртути¹² сполна запасено, снаружи-внутри сплошь светится. Сидевшие — все поднялись, облачённый в жёлтое кликнул старца, чтобы сообща перебрасываться; тот подкинул ногой на сажень с лишком — сияет колеблясь-подрагивая, бьёт людям в глаза. Вдруг с грохотом «хун!» метнулось далеко, прилетело-свалилось в ладью. У Вана, что называется, мастерство зазудело¹³, со всей силы отбил ногой, чуя — невероятная там лёгкость да мягкость. Отбил столь яростно, что, похоже, изломал: взвилось на десяток саженей — из середины рванул проблеск, ударив вниз, что радуга — и с треском «чи» стремительно всё рухнуло. Да, словно бы комета, прочертив небо, прямо врезалась в воду — взбурлило-всклокотало, родив кипучий-вреющий звук, и угасло.

расположен по китайским традиционным воззрениям в Южном море, то есть в подвластной Дракону Южного моря (божеству-покровителю Южного моря) области.

¹¹ Водная стража (漏) — то же, что и «ночная стража», двухчасовой промежуток времени от 19 до 5 часов. Вторая — то есть с 21 до 23 часов. «Водная», поскольку отмерялась на водяных часах — клесидре.

¹² Ртуть (水銀) — здесь игра слов: кроме значения «ртуть» у того же сочетания иероглифов имеется и ещё один смысл — метафорическое описание луны и лунного света.

¹³ Мастерство зазудело (技癢) — цитата из стихотворения великого танского поэта Ду Фу (杜甫, 712–770 гг.), цикл «Восемь печалей» (八哀): «В гуще сует где ж зазудеть мастерству?» В обиходе выражение стало означать: «Вдруг возникло желание продемонстрировать своё умение».

Сидящие на циновке вкупе гневно ропщут:

— Что за тварь живая разрушила наш незамутнённый восторг?!

А старец с улыбкой отвечает:

— Недурно, недурно, это наш семейный «финт падающей звезды»¹⁴!

Облачённый в белое озлился на его словесное зубоскальство и возмущённо речёт:

— Пока все в омерзении досадают, как же смеет старый раб забавляться? Немедля с Воронокожим Малышом¹⁵ изловите-добудьте этого сумасброда, а не то дождутся голени да стегна, что отведают батогов-то!

Ван пораскинул, что бежать некуда, да к тому ж и страха нет, выхватил меч и встал посередь ладьи. В мгновение глядь — отрок да старец с оружием в руках подбираются; Ван пристально всмотрелся — а то и вправду его отец, да зычно возопил:

— Батюшка! Сынок ваш здесь!

Старец крепко оторопел, оглядывается в крайнем удручении.

Отрок тут же развернулся и прочь. Старец говорит:

— Сынок, немедленно схоронись, а не то все погибнем!

Не успел договорить, как те трое негаданно уж и в ладью лезут: лица сплошь смоляно-чёрные, глаза поболее граната, сграбастали старца — и вон. Ван — силою у них отнимать; раскачали ладью — швартовы оборвались. Ван рубанул мечом — рука у того и грянулась; в жёлтое обряженный тогда — бежать! Один из одетых в белое бросился на Вана — Ван отхватил ему череп; тот в воду отлетел — гул пошёл: «хун» — всё и исчезло. Только измыслил по ночи переправиться, как тут же видит: огромная пасть возникает из водной глади, глубокая — что колодец, озёрная вода с четырёх сторон стремительно в неё хлещет, только гремит «пэн-пэн». Вдруг

¹⁴ Финт падающей звезды (流星拐) — приём из традиционной китайской игры в ножной мяч. Состоит из обманного движения вверх левой ногой и одновременного удара по мячу сзади правой.

¹⁵ Воронокожий Малыш (小烏皮) — в поздних комментариях полагают, что прислуживающий отрок, как и другие озёрные призраки, был оборотнем чернорыбицы (黑魚), называемой иначе «воронокожей рыбой» (烏皮魚).

как взметнёт фонтаном — инда вал до звёздных ковшей¹⁶ достиг. Все ладьи раскачало-подбросило, люди на озере вкрай перепугались. На лодке была пара каменных барабанов¹⁷, каждый весом в сотню *цзиней*¹⁸; Ван поднял один да и швырнул туда — воды взбурлили с громовым раскатом, вал понемногу осел. Ещё один швырнул — ветер да волны полностью и стихли.

Ван усомнился, не стал ли отец бесом, а старец и говорит:

— Я, правду сказать, никогда и не умирал. Утонувших в реке было девятнадцать человек, всех их навьи твари пожрали. Я же из-за умения «бить ногой по круглому»¹⁹ остался целёхонек. Твари провинились перед Цяньтанским властителем²⁰, оттого перебрались, чтобы скрыться на Дунтине, только и всего-то. Эти трое — рыбы-оборотни, а то, чем играли — рыбий послед²¹.

Отец с сыном оба возрадовались, средь ночи, что называют, ударили в вёсла — и долой. Небо развиднелось, глядь — в ладье валяется рыбий плавник, шириной в четыре-пять стоп или около; тогда и догадались: то отрубленная в ночи рука!

¹⁶ Звёздные ковши (星斗) — по традиционным представлениям китайцев на небе имеются пять созвездий ковшей — Северный из семи звёзд, Южный из шести, Восточный из пяти, Западный из четырёх и Серединный из трёх. Некоторые из ковшей видны всем (например, Северный ковш — созвездие Большой медведицы и Южный ковш — шесть звёзд в созвездии Стрельца). Возможность видеть другие обретают только особенно просветлённые даосские маги. В целом выражение «достигнуть звёздных ковшей», таким образом, означает «достигнуть звёзд», «достигнуть небосвода».

¹⁷ Каменный барабан (石鼓) — здесь: круглый каменный блок, применяемый в традиционной китайской архитектуре (например, в опорах ворот).

¹⁸ *Цзинь* (斤) — мера веса, примерно 500 г. См. примеч. 6 к новелле 55 «Почтенный сановник Чжан», *цзюань* 2, т. 1.

¹⁹ Бить ногой по круглому (蹋圓) — то есть играть в ножной мяч.

²⁰ Цяньганский властитель (錢塘君) — здесь: дух реки Цяньтан.

²¹ Рыбий послед (魚胞) — народное название плавательного пузыря у рыб.

商三官

小娥心事龐娥膽更見
三官智有餘易服報讐
沈恨雪兩兄應愧女專諸

107.

ШАН САНЬ-ГУАНЬ¹

商三官

В былые дни в городке Чжугэ² жил такой Шан Ши-юй, человек образованный. Пьяной шуткой родил разлад с местным мироедом, мироед подбил домашнюю челядь бить его как придётся; отнесли на носилках домой — тот и помер. Осталось от него двое сыновей: старшего звали Чэнь, а второго — Ли, да дочь по имени Сань-гуань³. Когда исполнилось Сань-гуань шестнадцать лет, уже назначили ей срок, так сказать, покинуть палаты⁴, да из-за ставшегося с отцом и не выгорело. Двое братьев затеяли тяжбу, ан в круглый год решения не дождались. Семья жениха прислала человека потолковать с матушкой, просить, скажем так, чрезвычайным манером

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Чжугэ (諸葛城) — название города на территории провинции Шань-дун.

³ Сань-гуань (三官) — говорящее имя; буквально «Три [божественных] чиновника», то есть три верховных духа, управляющих Небом, Землёй и Водой. Они же по традиционным верованиям являются главными начальниками в системе загробных банков.

⁴ Покинуть палаты (出閣) — первоначально так обозначалось замужество принцессы царствующего дома, после чего она «покидала царские палаты», отправляясь в дом супруга. Впоследствии выражение стало общеупотребительным литературным штампом для замужества вообще.

завершить дела свадебные⁵ — матушка на том поладила. Дочь к ней и приступила, говоря:

— Где же бывало, чтобы тело отца ещё не остыло, а уж вершили праздничные чины? Они что ж, наособицу — ни отцов, ни матерей, что ли?

В доме жениха услышали про то — помаленьку и отступились. Недолго прошло — оба брата в тяжбе не добились правды да, влача бесславие, и воротились, всю семью ввергнув в горе и гнев. Братья задумали оставить тело отца непогребённым как повод для вторичной тяжбы; Сань-гуань и говорит:

— Когда убили кого, а и заботы нет — из того дела текущие уразуметь можно. Что ж, Небо для вас, братья, особо родит сродного Ямарадже Бао почтенного⁶? А кости-прах наги-непокрыты — это сердцу-то как выдержать?

Оба брата её речам уступили да и погребли отца. Вот похороны завершились, Сань-гуань ночью и исчезла — неизвестно, куда и направилась. Матушка в позоре-смущении боится лишь, как бы семья жениха не прознала, не решается поведать родне-ближникам да наказывает обоим сыновьям тихо-скрытно разведать-сыскать её. Почитай полгода — а безвестно. И не найти.

А вот подоспело у мироеда время родин⁷ — созвали лицедеев для потехи. Комедиант Сунь Чунь, прихватив двух своих выучней, отправился исполнить-преподнести. Один из них — Ван Чэн — вида-наружности хоть и заурядной, а запоёт-заговорит — чисто да про-

⁵ Чрезвычайным манером завершить дела свадебные (從權畢姻事) — в Старом Китае после смерти отца было положено выдерживать трёх-годичный траур, во время которого никакие свадебные мероприятия в семье производиться не могли. Семья жениха здесь просит отойти от заведённого порядка «по чрезвычайности событий», что в ряде случаев допускалось, но общественной моралью однозначно не поощрялось.

⁶ Сродный Ямарадже Бао почтенный (閻羅包老) — имеется в виду знаменитый своей пронизательностью и неподкупностью судья Бао Чжэн (包拯, 999–1062 гг.), столь искусный в расследовании преступлений, что его сравнивали с верховным загробным судьёй — Ямараджей.

⁷ Время родин (誕辰) — употреблённое в тексте выражение обозначает в китайской литературной традиции день рождения некоего

никновенно — все восхищаются — нахваливают его. Ещё один — Ли Юй — обликом прелестен-изыскан, словно девица пригожая. Кликнули, велели петь — отрекается, де, не вызрел. Поднажали; в том, что вывел мелодически, вплетались-путались юначьи да девичьи посконные припевки. Все сидящие ему в ладоши плещут, а Сунь, премного конфузясь, разъясняет хозяину:

— Отрок сей в учении состоит пока недолго, лишь уразумел поднесение кубков, да и только. Уповаю, что не станете бессудить-виноватить.

И повелел тут обнести вином. Юй отойдёт-вернётся, подавая-обнося, да всё ловко примечает уклон хозяйского намерения; мироед тому возрадовался. Вино иссякло, все разошлись — а его оставил, чтобы вместе возлечь. Юй мироеду обмахнул лежанку, снял туфли с заботой и старанием всецело предельными. Пьяными речами заигрывают с ним — лишь только в улыбке расплывётся, а мироед чаруется всё пуще да крепче. Поголовно отослал начисто слуг вон, оставил только Юя. А Юй улучил, как все слуги уйдут, створы замкнул и щеколду на них опустил. А слуги купно в другом зале возливают.

Через небольшое время, так сказать, в главном присутствии⁸ раздаётся клёкот: «гэ-гэ»; один слуга направился подсмотреть. Глядит: в глубине комнаты мрачно-черно, тихо — ни звука. Вот решил поворачивать назад — вдруг шум-грохот великой зычности, словно бы висело тяжёлое чего-то, а верёвка и оборвись. Спешно с расспросами — да никакого ответа. Созвал всех, отжали щеколду, ворвались — а хозяйское тело и голова поврозь лежат; Юй удавился: верёвка оборвалась — он и грянулся оземь, меж балками и на шее вроде как остатки бичевы. Все зело оторопели, передали-сообщили,

уважаемого лица. Нужно иметь в виду, что возраст в Старом Китае отсчитывался не от момента рождения, а от времени зачатия, поэтому это праздник не начала жизни, как он понимается на Западе, а время начала самостоятельного земного воплощения.

⁸ Главное присутствие (廳事) — первоначально название зала заседаний в судебной управе. Впоследствии так стали называть и главное помещение в жилых домах.

назовём общо, ко внутренним дверям⁹, скопом собрались — никто не постигает. Гуртом понесли тело Юя во двор, чуют — в его чулке да туфле пусто, словно нет ноги. Сняли их — а там траурные котурны¹⁰ наподобие крючков¹¹, видать, барышня это. Ещё пуще ужаснулись. Кликнули Сунь Чуня, чтобы расспросить, Чунь перетрусил вкрай, не знает, что ответить, только твердит:

— Юй месяц назад поступил ученичествовать, желал служить на родинах у хозяина; да вот право не ведаю, откуда пришёл!

По одёжному трауру заподозрили — не убийца ли от семейства Шан? Предписали двоим её надзирать-караулить. Барышня с виду, словно живая, тронешь члены да тулово — тёплые, мягкие; те двое тайком и удумали поблудить с нею. Вот один, обхвативши тело, поворотил на бок, только намерился ослабить её узлы-завязки, вдруг по черепу будто чем шарахнули: кровь изо рта без удержу хлынула, миг-мгновение — а уж и помер. Второй в великом ужасе всем поведал — а все и стали почитать, словно божество просветлённое, да к тому же сообщили о деле уездным властям. Уездный чин расспросил Чэня и Ли, оба говорят:

— Не ведаем. Однако сестрица пропала-исчезла уж полгода как!

Велели идти осмотреть-проверить — и верно Сань-гуань. Чиновник подивился тому, присудил двум братьям получить и захоронить тело, а семье мироеда высочайше предписал не мстить.

⁹ Ко внутренним дверям (內閤) — в буквальном смысле — к малому дворцовому входу. В обиходе это выражение стало обозначать внутренние (женские) покои богатого дома или, как в тексте Пу Сун-лина, женскую родню, жён и наложниц.

¹⁰ Траурные котурны (素烏) — особая обувь на высокой многослойной подошве, в данном случае белого (траурного) цвета. Иногда термином «си» (котурны) в китайской литературе обозначается обувь вообще, но в данном случае, очевидно, слово имеет прямое значение, поскольку героине новеллы, чтобы выдавать себя за мужчину, нужно было не только научиться уверенной мужской походке, но и прибавить себе росту.

¹¹ Наподобие крючков (鉤) — [лотосовыми] крючками в Китае традиционно называли крохотные бинтованные ножки красавиц (см., например, примеч. 29 к новелле 49 «Не Сяо-цянь», цзюань 2, т. 1).

Автор этих строк заметит:

Есть в семье дочь — Юй Жан¹², а безвестна, а уж братья-то, поелику мужи, натурально известны. А Сань-гуань-то таковой человек, что, как говорится, ветром обдуваемые воды Ишуй¹³ со стыда бы перестали течь, чего уж говорить о безликих бездарях, которые в суетности то притонут, то вынырнут?! Желал бы, чтобы все насельницы женских покоев Поднебесной накупили шёлку да вышивали её образ, ибо заслуга в том встанет не меньшая, чем чинить подношения Грозному да Величественному *хоу*¹⁴!

¹² Юй Жан (豫讓) — древний мститель эпохи Вёсен и Осени, стремившийся отплатить Чжао Сян-цзы (趙襄子) за смерть своего благодетеля Чжи Бо (智伯), для чего даже изуродовал себя, покрывая кожу лаком и вызывая нарывы, глотая уголь и вызывая хрипоту, чтобы неузнанным подобраться к врагу. Когда покушение не удалось, Юй Жан покончил с собой (см. «Исторические записки» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145(135?)–86(85?) гг. до н. э.), *цзюань* 86, «Жизнеописания» (列傳), глава 26, «Жизнеописание мстителей» (刺客列傳), «Юй Жан» (豫讓)).

¹³ Ветром обдуваемые воды Ишуй (蕭蕭易水) — парафраз на известную строку из классической истории (в частности, об этом говорится в «Исторических записках» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145(135?)–86(85?) гг. до н. э.), *цзюань* 86, «Жизнеописания» (列傳), часть 26, «Жизнеописание мстителей» (刺客列傳), «Цзин Кэ» (荊軻), и в «Планах Борющихся царств» (戰國策), *цзюань* 31 «Планы Янь», часть 3 (燕策三)): отправляясь, чтобы убить Циньского вана, храбрец Цзин Кэ (荊軻) слагает песню провожавшему его наследнику Даню, где говорится: «Ветер задувает — сяо-сяо — ах! Холодна река Ишуй. Молодец-герой уходит — эх! И ведь не вернётся он назад». Здесь под «водами Ишуй» Пу Сун-лин как раз подразумевает Цзин Кэ, который бы устыдился собственных несовершенств рядом с Сань-гуань.

¹⁴ Грозный да величественный *хоу* (壯繆) — имеется в виду герой Троецарствия Гуань Юй (關羽, ?–219 гг.), бесстрашный полководец, которому после смерти был пожалован ранг *хоу* (侯) и присвоен титул «Грозный и Величественный». Впоследствии Гуань Юй был обожествлён, получил множество официальных титулов вплоть до императорского и стал одним из важнейших небесных покровителей в пантеоне народных верований. Второй иероглиф в приведённом именовании (繆) в поздних трактовках не имеет значения «величественный», однако по разъяснению из «Записей ритуала» (禮記) в древности он употреблялся одинаково с иероглифом 穆, как раз означающим «величественный».

108.
ЮЙ ЦЗЯН¹
于江

Некий селянин Юй Цзян — отец его ночевал в поле и попал волкам в пищу. Цзян на ту пору летами достиг шестнадцати — получил, скажем так, оставшиеся от отца туфли², с тоски да печали смерти жаждет. Ночью дождался, пока мать заснёт, украдкой взял железную колотушку и отправился туда, где отец смежил очи, чая поквитаться за батюшку. Немного времени прошло — является волк, опасливо обходит да нюхает его, а Цзян не шелохнётся. Вскоре вот волк хвостом завилал — по челу ему метёт да помалу голову клонит — стёгна ему лижет, а Цзян и по сию пору не шелохнётся. Тогда тот радостно — скок как раз насупротив, вознамерился вгрызться ему в шею. Цзян мгновенно кистенём ихвати волка по голове — тотчас и пришиб. Встал да переложил его в гущу трав. Через короткое время ещё один волк заявляется прежним же манером — пришиб и его. Так подвалило уж к полуночи, а никто больше и не пожаловал.

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Оставшиеся от отца туфли (父遺履) — намёк на историю из «Цзо чжуаня» (左傳), цзюань 24, «Четырнадцатый год Сюань-гуна» (宣公十四年), где рассказывается о Чуском ване, чей посол был убит в землях Сун; обратно доставили лишь его туфли, меч и повозку. Впоследствии выражение «оставшиеся туфли» приобретает в письменной культуре Китая значение «бренные останки».

Вдруг вздремнулось, и видит во сне отца, который говорит:

— Прикончил этих двух — уже в досталь, чтобы утолить мою досаду, однако ж, изголовно меня погубивший — у него нос белый, а у этих двух нет.

Цзянь пробудился и, замерев, залёг, чтобы подкараулить такого. Вот и развиднелось, а ничего больше не добыть. Хотел уж возвращаться с волками на плечах, да побоялся испугать матушку, а потому скинул их в пересохший колодец — и домой. Настала ночь — на-ново отправился, да опять никто не показывается. Таким манером три-четыре ночи провёл; вдруг нагрянул волк, ухватил его за ногу и волочёт за собой. Оттащил на несколько шагов — а шипы-то в тело впиваются, камни кожу мозжат, да Цзянь точно мёртвый. Вот волк пристроил его на земле, вознамерился вгрызться в утробу — тут Цзянь стремглав и подскочи да шарахни его кистенём; тот опрокинулся — а он вдобавок ну ещё молотить его смычно — тот и кончился. Пристально осмотрел его — и точно с белым носом! Крепко обрадовался, взвалил его на спину — и домой, да обсказывает всё матери. Мать, роняя слёзы, пошла с ним; пошарили в засохшем колодце — выискали два волчьих трупа.

Автор этих строк добавит:

Среди крестьянской-то породы и есть вот такие героические особы, да! Преданность да верность из единокровного добродетеля³ проистекают, а не просто это отвага. Мудрость здесь тоже редчайшая!

³ Единокровное добродетель (血誠) — здесь Пу Сун-лин так описывает высшее выражение принципа сыновней почтительности (孝).

109.

[ЧУДЕСА] ВТОРОЙ ДЕВОЧКИ¹

小二

Чжао Ван из Тэна вместе со своей женой был предан почитанию Будды². Они не ели ничего скоромного, ничего кровоточащего, и в селе за ними установилась репутация людей благонравных, хороших. Считалось, что у них есть кое-какие достатки.

У них была дочь, Вторая девочка³, отличавшаяся необыкновенною сообразительностью и красотой. Оба Чжао любили и берегли её, как жемчужину. Когда ей исполнилось шесть лет, отец отправил

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1928 года.

² Как выясняется из дальнейшего, этот культ не имел ничего общего с философски-религиозным проникновением, а был только всего лишь одной из форм предрассудочного суеверия.

³ Вторая девочка — девочки в старом Китае чаще всего назывались порядковыми числительными (Первая Девочка, Вторая и т. д.) с присоединением для посторонних фамильного имени (Чжан Первая, Ли Вторая и т. д.). Очень редко давались какие-либо причудливые имена (цветов, мотыльков, отливов бабочки и др.). Но гетеры, актрисы и поэтессы, а равно девушки, начитанные в литературе (редкость в старом Китае), всегда имели своё особое имя и прозвание в противоположность массам неграмотного женского Китая, которым не полагалось выходить и быть неизвестными за порогами своей патриархальной сатрапии.

её к учителю заниматься вместе с её старшим братом Чан-чунем. И вот за пять лет она уже одолела Пятикнижие⁴.

Ее однооконником⁵ был некий студент Дин, имевший прозвание⁶ Цзы-мо, старше её на три года. Он блистал литературным дарованием, отличался подвижностью ума и нрава. Он эту девочку полюбил всей душой и сообщил об этом по секрету своей матери, прося её добиваться у семьи Чжао согласия на их брак. Чжао отказали, рассчитывая просватать дочь за кого-нибудь из видной семьи.

Так прошло некоторое время. Чжао были совращены в верование Белых Лотосов, и когда Сюй Хун-жу⁷ поднял мятеж, то все родные Чжао перешли на его сторону и стали, таким образом, преступниками.

Сяо Эр (Вторая девочка) понимала смысл в их книгах⁸, которые умела ловко толковать. Кроме того, стоило ей лишь раз увидеть, как делаются фокусы с бумажными солдатами и гороховыми

⁴ Священное пятикнижие конфуцианцев включает в себе «Ицзин» — книгу «Перемен» (гадательную и философскую), книгу Песен и Гимнов — «Шицзин», книгу исторических сказаний — «Шуцзин», Летопись удела Лу, составленную Конфуцием, и «Лицзи», или трактат о «Церемониале и Благодетельности». Вся эта материя была далеко не по мозгам начинающим малышам, хотя они перед этими пятью усваивали ещё четыре книги самого Конфуция и о нём его учеников и последователей (*Сышу* — Четверокнижие). Поэтому вся эта масса текста, вместе с элементарным, непосредственно примыкающим к нему комментарием, усваивалась наизусть, без особых пояснений, вплоть до возраста, когда ключ к разумению отыскивался из общего развития ребёнка. Конечно, отметить такое раннее одоление китайской библии маленькою ученицей следовало как явление исключительное.

⁵ Однооконником — товарищем по школе, сидевшим, так сказать, вместе у света для чтения книг.

⁶ Прозвание — как мальчик, перед которым открылось общение с очень многими людьми, — наоборот девочке, в будущем всего лишь гаремной затворнице, он имел не только имя, но и прозвание, данное тут же в школе.

⁷ Сюй Хун-жу — один из первых главарей «Белых Лотосов».

⁸ То есть в литературе суеверных и фантастических преданий, талисманов, рецептов и т. д., которые распространялись среди сектантов.

лошадьми⁹ — как она уже овладевала этим искусством в совершенстве. У Сюя¹⁰ было шесть маленьких девочек, служивших ему, как ученицы учителю¹¹, но Эр считалась самой лучшей, ей удалось вполне овладеть его искусством. Отец же её, Чжао, за заслуги дочери получил у Сюя значительную и ответственную должность.

В это время Дину исполнилось восемнадцать лет, и он уже гулял у Тэнского Полупруда¹². Несмотря на это¹³, он не давал своего согласия на просватанье, так как не мог забыть своей Сяо Эр.

Он тайком скрылся от родных и перебежал под знамена Сюя. Увидя его, девочка была очень рада, встретила его с необычайной для прочих торжественностью и лаской. В качестве высокодостоятельной ученицы Сюя она распоряжалась всеми войсковыми делами, выходила и возвращалась днем и ночью, когда хотела, так что отец и мать никаких ей преград ставить не могли.

Дин же виделся с ней по ночам. Она тогда прогоняла прочь солдат — и они вдвоем оставались до третьей стражи¹⁴.

⁹ Бумага, вообще, играет большую роль в китайской симпатической магии. Элементарным её проявлением надо, кажется, считать всем известные фигуры, деньги, вещи и т. д., вырезанные, выклеенные из бумаги и употребляемые, как спутники умершего в его могилу. При сожжении они незримо превращаются в фигуры и предметы и служат ему в его загробной, материалистически понимаемой жизни. Оживление картонных фигур руками колдуна — обычный сюжет китайского народного предания.

¹⁰ У Сюя — то есть Сюй Хун-жу.

¹¹ Китайский этикет выработал строжайшую систему повиновения учителю и обращения с ним, очень сильно напоминающую сыновнее благочестие, являющееся основной добродетелью патриархального Китая.

¹² Гулял у Тэнского Полупруда — то есть, вступил, как успешный кандидат, в списки учеников уездного училища конфуцианцев, имевшее при храме Конфуция, полубассейн особой формы, завещанный преданием.

¹³ Несмотря на то, что ему, как молодому талантливому учёному сватали наперерыв наилучших девиц.

¹⁴ До третьей стражи — до часу ночи.

Дин говорил ей шёпотком:

— Знаешь ли ты, моя милая, зачем, собственно, я сюда пришёл, каковы мои скромные-скромные мечты?

— Не знаю, — отвечала девочка.

— Я, видишь ли, не тщеславен, не рассчитываю, как говорится, «ухватиться за дракона»¹⁵... Уж если я на то пошёл, то, скажу на чистоту, только ради тебя! Нет, милая, спасения в левых путях¹⁶. Единственно, чего можно от них ожидать, — это только гибели. Ты ведь, милая моя, такая умница: неужели ты об этом не думаешь? Если б ты могла бежать отсюда со мной, то, уверяю тебя, дюймовое сердечко¹⁷ это не останется неблагодарным!

Совершенно растерявшись от подобных речей, девочка молчала. И вдруг у неё в уме совершенно прояснилось, и она как будто пробудилась от сна.

— Убежать за спиной родителей бессовестно, — сказала она после долгого молчания. — Позволь мне сказать им об этом!

¹⁵ Ухватиться за дракона — историческое предание рассказывает, что, когда первый государь второй династии Хань (с 25 г. наш. эры) взойшёл на престол, один из наиболее преданных ему сподвижников выступил с такой речью:

«Государь, — сказал он, — те, кто пошли за вами, бросив родных, бросив свою насиженную землю и ринувшись за вас среди стрел и камней, — все эти люди определённо рассчитывают ухватиться за чешую дракона или же прильнуть к перу феникса, для выполнения своих планов и мечтаний».

Отсюда фигурное выражение «ухватиться за (собственно, дотянуться до...) дракона», в смысле искания честолюбивых людей у сильных мира сего.

¹⁶ Левых путях — то есть еретических, изуверски-фанатичных.

¹⁷ Дюймовое сердце, то есть самая сердцевина, так сказать, сердца. Читаем у поэта:

«Мои думы о тебе нельзя тебе послать:
Они только тут, в этом дюйме сердца!»

Или у другого:

«Древность тысячи лет в изящном слове,
Её светлое, её тёмное понимает дюйм сердца».

И она пошла к своим родителям, стала доказывать им, где настоящая выгода и где беда. Но Чжао её не понимал.

— Наш учитель, — говорил он, — человек-бог. Какие могут быть у него превратности мыслей и заблуждения?

Девочка поняла, что доказать ему ничего не удастся. Тогда она сменила свою детскую причёску-чёлку на шиньон замужней женщины, извлекла два бумажных змея-коршуна и села с Дином на них.

Змеи издали свист ветра, взмахнули крыльями и полетели рядышком, словно птицы *цзянь-цзянь*¹⁸.

На рассвете долетели до Лайу¹⁹. Тут девочка свернула коршунам шеи, и они вдруг съёжились и упали. Тогда она их подобрала, а вместо них сделала двух ослов. Те побежали и донесли их до затерявшейся в глуши гор деревушки.

Дин и Сяо Эр сказались там бежавшими от мятежа и наняли в деревушке помещение. Выходить на люди они стали кое-как, не обращая на себя внимания и стараясь в нарядах быть поскромнее.

У них был недостаток в дровах и припасах, что приводило Дина в глубокое уныние. Пошёл было он занять крупы у соседей, но никто не согласился дать ему ни меры. Эр же не проявила ни малейшего огорчения. Взяла лишь да заложила свои булавки и серьги, заперла дверь, уселась с Дином вместе и давай загадывать и отгадывать «загадки лампы»²⁰.

¹⁸ *Цзянь-цзянь* — фантастическая птица, описываемая древним словарем изжитых старинных слов Эр-я. Она не летает иначе, как соединив свои крылья с подругой.

¹⁹ Лайу — название одного из уездов губернии Шаньдун.

²⁰ Загадки лампы — вечерние развлечения в виде загадок. Кроме типов, известных европейским народам, китайская загадка начётчиков превращается в иероглифические шарады, остроумием своим постольку же превышающие всё известное в этом роде, поскольку китайская письменность сообщает языку раздвоение на литературный и разговорный, этим самым уже приготовляя целую сеть загадок и каламбуров. В отличие от европейских, эти шарады могут быть сочиняемы более или менее остроумными людьми буквально из каждого слова.

Не то они принимались вспоминать из своих забытых книг и на этом поприще состязались, кто ниже, кто выше²¹. Того, кто проигрывал, другой бил по руке сложенными двумя пальцами.

Их сосед с запада²², некто Вэн, был отважный человек по части «зеленого леска»²³. Однажды, когда он возвращался после набега домой, Эр сказала мужу:

— Раз мы богаты таким соседством, чего нам тужить? Возьмём у него в долг тысячу серебром... Даст он нам, как ты полагаешь?

Дин сказал, что это трудновато допустить.

— А я так заставлю его, знаешь, с радостью нам эти деньги внести! — сказала Эр.

И с этими словами она схватила ножницы и вырезала из бумаги фигуру Судного Чина²⁴. Затем поставила её на пол и накрыла куриной клеткой. Сделав всё это, она схватила Дина за руку и полезла с ним на кровать.

²¹ Как указано выше, вся китайская библия усваивалась главным образом памятью, которая с течением времени могла и изменять, хотя обыкновенно не дальше несущественных деталей.

²² Китайцы не любят обозначений при посредстве левой и правой сторон, но точно ориентируются по странам света. Поэтому в их поэзии европейцу странно встречать такие выражения: «Надпись к востоку от кресла», «Рву на южном прудке лилии», «Живу беспечно в северном подворье» и т. д. Ещё страннее фразы разговорного языка: «Эй, слепой, к востоку иди, слышишь?», «Прибей-ка этот гвоздь севернее», «Я живу к югу от дороги» и др.

²³ То есть горный грабитель. Горы Зелёной Рощи были очагом повстанческих орд в смутное время начала I в. н. э.

²⁴ Судный Чин — это древнее название употребляется для обозначения исполнительных органов подземного правосудия. В руках этого судьи власть над душой грешника. Он изображается в китайском талисманном искусстве, как страшного вида военный или гражданский чиновник, с вытаращенными от гнева глазами и поднятой ногой, помогающей принять позу для страшного удара мечом по бесу, искушающему человека. Бесы стараются всячески его умиловить, а грешники умоляют о защите и предстательстве.

В этом образе слилось, вообще, много разных верований, — он эклектичен, но для народа ясен, как заклинатель и укротитель бесов, а следовательно, действительнее любого божества.

Разогрели запасённое вино²⁵ и стали рыться в «Чжоуских Церемонных Статутах»²⁶ для чарочной конституции²⁷. Говорили наобум: такая-то книга, лист, строка, и тотчас же принимались вместе искать. Тот, кому попадались знаки с боковиком²⁸ еды²⁹, воды³⁰, уkisания³¹, — пил. Тот же, кто натыкался прямо на вино, пил вдвое.

Эр сразу же наткнулась на «Виночерпия»³². Дин взял большую чару, налил её доплна и заторопил Эр выпить её до дна. Эр произнесла тоном заклтия:

— Если удастся извлечь эти деньги, ты, сударь, пусть набредёшь на главу выпивки!

Дин раскрыл книгу и нашёл главу о «Черепаховоде»³³.

— Вот и вышло, — засмеялась Эр.

Накапала вина и передала Дину. Тот не соглашался и не уступал.

²⁵ Китайцы всегда пьют вино нагретым. Вино, о котором здесь идёт речь, вернее всего, не из риса (это слишком дорогой сорт), а из проса гаоляна и соответствует нашей самогонке.

²⁶ Древняя книга, считающаяся классической, но не в числе Пятикнижия, почему муж и жена могли её наизусть и не знать. Многие же знали её, как входящую в состав 13 классиков позднейшего счёта.

²⁷ То есть для положений о наказаниях для погрешающего в этом или ином условленном пункте. Наказуемый пьёт, напивается и становится предметом общих насмешек.

²⁸ То есть, с детерминативом, определителем, указывающим приблизительно основную группу понятий, в которую входит данное слово: например, стол, стул, груша, топориче — к группе «дерева», с его характерным боковиком; печаль, радость, мечты, планы — к группе «сердца» и т. д.

²⁹ С этим детерминативом-боковиком пишется и слово «пить» (инь).

³⁰ С этим боковиком пишется «вино» (цзю).

³¹ С этим пишутся все слова, называющие вино.

³² Название одной из глав в «Чжоуских Статутах», по которым производится гадание выпивающих.

³³ Черепаховод — тоже один из древних персонажей, помеченных в вышеозначенной книге.

— Нет, слушай, — говорила она, — ты теперь водяной воин³⁴ и должен пить по-черепаши³⁵.

Только что они этак поспорили и пошумели, вдруг слышат, как в клетке кто-то крикает. Эр вскочила с кровати.

— Пришёл, — вскричала она.

Раскрыла клетку, смотрит — а мешок набит огромными серебряными слитками. Дин ошалел от радости и долго не мог прийти в себя.

Немного спустя нянька Вэнов пришла к ним поболтать с младенцем на руках и шёпотком передавала, что вчера их барин только что вернулся и сидел, накрыв свечу, как вдруг земля под ним разверзлась и до такой глубины, что не чудилось дна. И оттуда вдруг вылез Судный Чин. Вылез и сказал:

— Я один из управляющих подземного дворца. Бог и повелитель Тайской горы³⁶ на совещании с властителями тёмного царства набрёл на злостный лист «жестоких гостей»³⁷... Придётся им поставить тысячу серебряных лампад, по десяти *лян* весом³⁸ каждая. Если ты дашь денег на сотню, то грехи твои и преступления могут быть вычеркнуты.

— Хозяин наш, — продолжала рассказывать нянька, — перетрусил, испугался, бросился зажигать курительные свечи³⁹ бить лбом

³⁴ В царстве царя драконов.

³⁵ Из истории знаменитых китайских древних пьяниц известны, например, следующие пьяные изуверства:

- «Пить как бес» — то есть пить ночью без свечей.
- «Пить с пониманием» — то есть во время выпивания петь похоронное и рыдать.
- «Пить по-тюремному» — то есть обнажить голову и стать всем в кружок.
- «Пить по-черепаши» — то есть завернуться в ковёр, вытянув шею и пить. Выпив, снова съёжиться и уйти в ковёр.
- «Пить по-журавлиному» — то есть, выпить чарку и лезть на дерево. Слезть и пить снова; и т. д. и т. д.

³⁶ Бог Тайской горы (Тайшаня) заведует всем подземным судилищем, распределяя награды и наказания всем мёртвым душам.

³⁷ То есть грабителей, в числе которых и ты.

³⁸ *Лян* — около фунта.

³⁹ Курительные свечи употребляются при молениях, втыкаемые в пепел, образовавшийся от сгоревших, вернее, истлевших свеч.

о пол и молиться. Затем покорно и благоговейно поднёс ему тысячу серебром, тогда Судный Чин как-то незаметно влез обратно в землю, которая тут же сомкнулась.

Муж и жена, слушая всё это, притворно покрикивали, выражая своё крайнее изумление.

После этого происшествия они стали прикупать себе то корову, то лошадь. Стали заводить прислугу и оборудовали себе целый большой дом.

Один из местных негодяев, высмотрев все их богатства, стакнулся с такими же, как и он, беспутными парнями, вместе с ними перелез к Динам через забор и начал их грабить. Муж с женой не успели ещё очнуться от сна, как грабители с пучками горящей соломы в руках наводнили всю комнату. Двое из них схватили самого Дина. Жена, как была, голая, вскочила и, тыча в злодеев пальцем, словно пикой, закричала:

— Стой, стой!

И все тринадцать воров стали, одереvenев, с высунутыми языками. Вид у них был глупый-преглупый, словно то были не люди, а деревянные идолы.

Тогда только молодая надела штаны⁴⁰ и слезла с кровати. Затем она крикнула и собрала всех слуг, велела им одному за другим скрутить за спину руки грабителям и вынудила принести повинную, говоря всё, как есть, начистоту. Она стала их корить.

— Послушайте, — говорила она, — к вам издалека пришли люди спрятать, как говорится, свою голову в ручьи и долы. Пришли и рассчитывали встретить здесь помощь и поддержку. К чему же такое безжалостное бесстыдство? Бывает ведь, что человеку становится иногда очень и очень трудно, но кто ему мешает просто сказать нам об этом... Разве мы какие-то скопидомы, скряги, кулаки? За такие действия вас, шакалы, волки вы такие, следовало бы, по справедливости, всех казнить... Только я не могла бы вынести этого. Так вот, вас пока что я отпущу, а уж если ещё раз попадетесь, не помилую!

⁴⁰ Женщины из простонародья в Китае не носили юбок или надевали их редко.

Воры поклонились Эр в ноги, поблагодарили и ушли.

Через некоторое время Хун-жу⁴¹ попался. Оба Чжао с сыном и невесткой были казнены. Студент взял с собой серебро и пошёл выкупать малолетнего сына Чан-чуня. Выкупил и принес его домой. Мальчику было три года. Дин стал воспитывать его под своей фамилией, как своё собственное детище, и дал ему имя Чэн-тяо⁴².

Через это односельчане мало-помалу прознали, что Дины — потомки Белых Лотосов.

Как раз в это время случилось, что напала саранча, нанося вред посевам. Тогда Эр сделала из бумаги стокрылого коршуна и пустила в поле. Саранча ринулась вдаль и уже не появлялась на их поле, которое осталось неповреждённым. Это вызвало среди деревенских общую зависть. Они явились толпой к правителю и выдали Динов с головой, как сообщников Хун-жу.

Правитель, позарившись на богатство Динов, как на вкусное мясо, схватил Дина и арестовал. Дин сунул ему солидный куш и в конце концов был освобождён, но жена говорила ему:

— Богатство наше пришло к нам, не правда ли, зря. Значит, и правильно, что ему суждено распылиться. Всё это так, но жить со змеями и скорпионами в одном месте долго нам нельзя!

И вот они задёшево продали всё, что имели, и ушли оттуда. Осели теперь они в западном пригороде уездного города.

Молодая отличалась феноменальной сноровкой и ловкостью. Она умела экономно вести хозяйство, а в деловом отношении далеко оставляла за собой мужчину.

Попробовали они открыть стекольное дело. И что же? Она каждому поступившему рабочему собственноручно всё показывала, шашки-шахматы⁴³ или лампы — что бы то ни было, всё это блистало

⁴¹ Хун-жу — Сюй Хун-жу, упомянутый выше главарь «Белых Лотосов».

⁴² Смысл имени мальчика: «Продолживший линию моих жертв предкам», то есть усыновлённый.

⁴³ Китайские шахматы (не для экспорта за границу, а для домашнего употребления) похожи на наши шашки, но с китайским цветным иероглифом «воеводы», «слона», «пешки» и т. д., надписанным на одной стороне.

оригинальностью формы и блеском росписи. Никто на всём рынке не мог за ней угнаться.

Это привело к тому, что ей удавалось быстро сбывать товар, даже по повышенным ценам.

Так прожили они несколько лет. Богатством стали славиться ещё пуще прежнего. Тем не менее молодая сама смотрела за работами и с прислугой была очень строга. В доме у них сидело едоков прямо-таки несколько сот, а лишнего рта не было ни одного.

Когда она освобождалась от хлопот, то садилась с мужем варить чай и играть в шахматы. А то брались за классиков или историков и с удовольствием их разбирали.

Все денежные и продовольственные выдачи и поступления, а равно дела прислуги и рабочих отчитывались раз в пять дней, причем Эр сама держала в руках палки⁴⁴, а Дин за нею отмечал, выкрикивая имена и цифры. Наиболее усердных награждали, одних больше, других меньше — по заслугам. Ленивых же наказывали розгой, плетью, бранью, простаиваньем на коленях.

В этот отчетный день давался всем отпуск и ночных работ не производилось. Муж и жена, хозяева, ставили вино и угощенье, сзывали прислугу, велели ей петь деревенские песни и хохотали.

Хозяйка была прозорлива, как фея. Никто не смел её провести. Но так как её награды плыли всегда поверх заслуженного, то дела было вести легко.

В селе размещалось более двухсот дворов. Тем, кто был победнее, она помогала, смотря по их достатку, ссужая на оборот. И вышло из этого то, что в селе не стало ни гулящих, ни ленивых.

Случилась как-то большая засуха. Эр велела жителям села поставить в поле алтарь. Сама же села в повозку и ночью туда выехала. Вышла из повозки и давай делать Юевы шаги⁴⁵ — заклинательные

⁴⁴ Обычная система учёта рабочих по палочкам, даваемым им и приносимым обратно.

⁴⁵ Великий Юй, мифический государь глубокой древности. Борясь с потоком, хлынувшим на Китай, он до такой степени был изнурён и изранен непосильной работой, что ноги его не могли заходить одна за другую. Отсюда, особые шаги, которые делают заклинатели

приемы. И полил ливень сладкого, благодатного дождя... В районе пяти *ли*⁴⁶ все поля были досыта увлажнены. Люди стали ещё пуще обожать Эр, как божество.

Она, выходя из дому, никогда не закрывалась, и всякий селянин её видел. Бывало, что молодёжь соберется меж собой и свободно выражается о её красоте. Стоило, однако, им лично с нею встретиться, как сейчас же принималась самая подобоострастная поза, и никто не смел даже поднять на неё глаз.

Осенью она давала деньги местным мальчишкам, которые ещё не умели пахать, за то, что они рвали ей тмин. Рвали они чуть не двадцать лет, заполнив тмином целый дом. Люди про себя смеялись над ней, осуждали.

Вдруг в Шаньцзо⁴⁷ наступил большой голод, и люди поедали друг друга. Тогда Эр извлекла запасы, смешала их с крупой и стала раздавать голодающим.

Благодаря этому близлежащие деревни сберегли себе жизнь, и никто не спасался бегством.

Историк этих чудес скажет теперь так:

То, что делала Эр, сообщено ей небом. Это не зависит от усилий человека.

И, однако, не будь отрезвления от одного слова, — и ей давным-давно пришла бы смерть.

Из этого видим, что в мире, должно быть, немало людей, одарённых совершенно необычными талантами, но по оплошности попавших к негодным проходимцам и через них погибших.

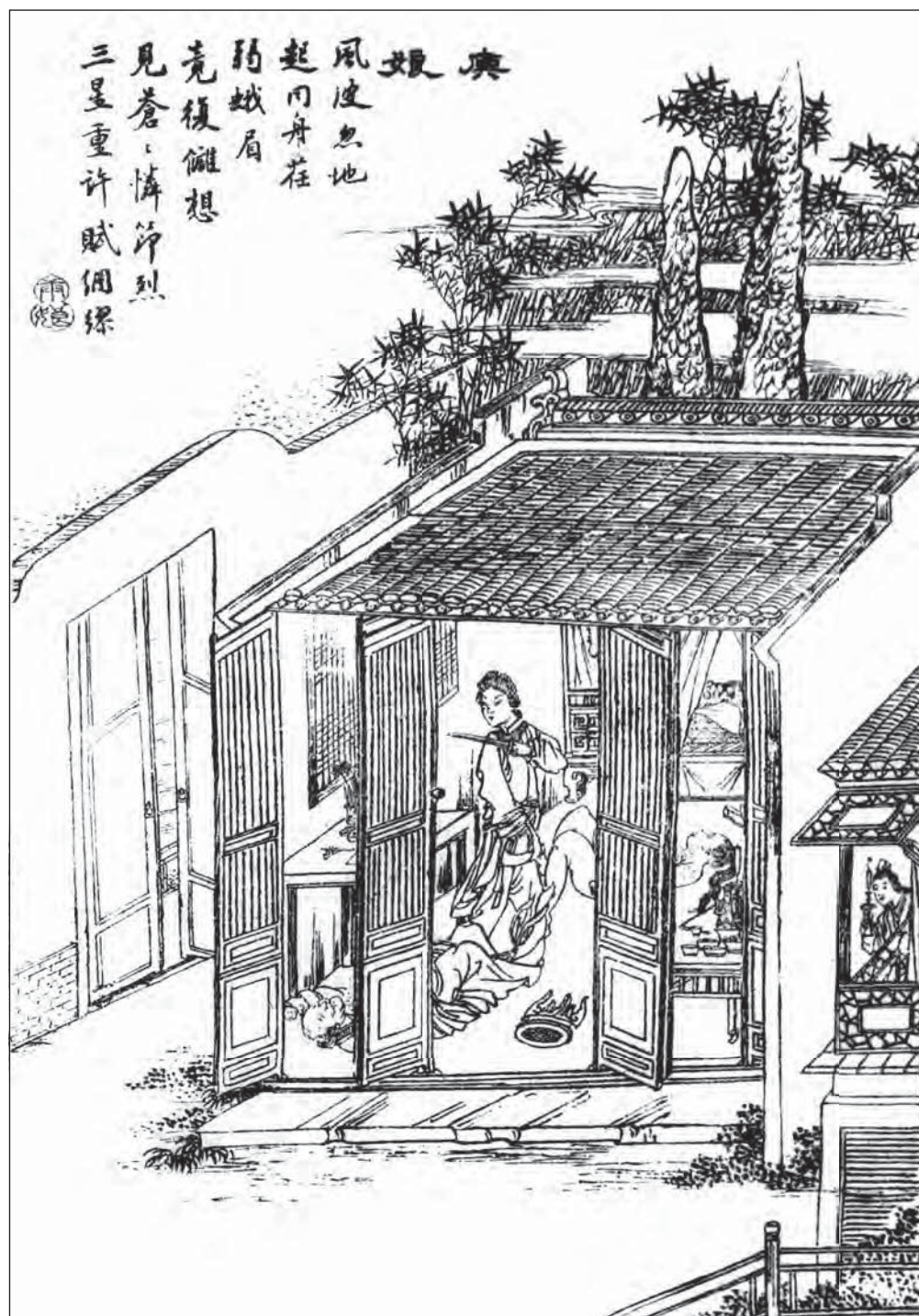
Как нам знать, неужели среди учившихся с нею шестерых совершенно не было подобных ей?

И это соображение заставляет меня предаться досаде, что им не встретился свой Дин!

Китай при своих магических операциях, носят название «Юевых шагов».

⁴⁶ *Ли* — 2,5 версты.

⁴⁷ Шаньцзо — литературное название губернии Шаньдун.

110.
ГЭН-НЯН¹
庚娘

Цзинь Да-юн, отпрыск старого рода² из Центральной равнины³, сосватал дочь Ю — правителя области; прозывали её Гэн-нян⁴, была она прекрасна и добродетельно-мудра⁵, любовь в чете⁶ царила самая сердечная. Из-за мятежа бродячих татей⁷ семья, как говорится,

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Старый род (舊家) — иносказательное именование богатых и влиятельных семей.

³ Центральная равнина (中州) — здесь: древнее название нынешней провинции Хэнань.

⁴ Гэн-нян (庚娘) — то есть «Седьмая барышня»; в традиционных семьях нередко детям давали прозвища по порядку старшинства в поколении.

⁵ Добродетельно-мудрый (賢) — один из высочайших эпитетов, которым наделяют великих конфуцианских подвижников, знаменитых высокой нравственностью, учёностью и прозорливостью; выше него только совершенномудрый или божественно-мудрый (聖).

⁶ Любовь в чете (好逑) — почти точная цитата из «Книги песен» (詩經), раздел «Нравы царств» (國風), «Песни царства Чжоу и царств к югу от него» (周南), песня «Встреча невесты» (關雎), где говорится: «Прелесть-краса, добродетельна дева — славному мужу чета и любовь».

⁷ Бродячие тати (流寇) — так власть имущие называли во времена крестьянских бунтов повстанческие отряды. В данном случае имеется

изверглась в дали⁸; Цзинь с домочадцами скрывался на юге. В дороге повстречал юношу, что также союзно с супругою был в бегах; себя тот объявил Ваном Восемнадцатым из Гуанлина⁹, вызывался служить передовым разъезжим¹⁰. Цзинь возрадовался: придержали ход да с ними и сомкнулись. Достигли до речного берега — барышня тайно Цзиню и речёт:

— Не должно бы с тем юношей делить ладью: он многожды на меня поглядывал, да глаза бежали, и с лица менялся; сердцевину его не постигнешь.

Цзинь с тем согласился. Ван же с заботой-старанием выискал¹¹ огромную ладью, за Цзиня перетащил поклажу, усердно надрывался в исключительности предельной, Цзинь и не смог отказать. Да ещё помнил, что в сопутствие ему имеется молодая супруга, потому пуще уверился, как говорится, в нековарности¹².

в виду крестьянская война 1628–1647 годов в 1636 году возглавленная Ли Цзы-чэном (李自成, 1605–1645 гг.).

⁸ Извергнуться в дали (離逃) — почти точная цитата из «Шуцзина» (書經), цзюань 17, глава «[Правителям] многих краёв» (多方), где говорится: «Я тогда исполню Небесную кару, извергну вас вдаль от ваших земель».

⁹ Гуанлин (廣陵) — древнее название города в провинции Цзянсу, сегодня известного как Янчжоу.

¹⁰ Передовой разъезжий (前驅) — цитата из «Книги песен» (詩經), раздел «Нравы царств» (國風), «Песни царства Вэй (衛風), песня «О супруг [мой]» (伯兮), где, в частности, говорится о том, как храбрый и добродетельный муж в военном походе служит передовым разъезжим у государя. Впоследствии выражение вошло в обиход в значении «показывающий дорогу», «едущий впереди, служа провожатым».

¹¹ С заботой-старанием выискал (殷勤覓) — цитата из поэмы великого танского поэта Бо Цзюй-и (白居易, 772–846 гг.) «Песня о бесконечной тоске» (長恨歌), посвящённой истории любви императора Сюань-цзун (玄宗, 685–762 гг.) и его любимой наложницы Ян Гуй-фэй (楊貴妃, 719–756 гг.). Там так говорится о даосе-волшебнике, согласном «с заботой-старанием выискать» путь и отправиться в страну бесмертных, чтобы встретить в ней душу возлюбленной императора и помочь ему преодолеть неизбывную печаль.

¹² Нековарность (無他) — здесь этот термин имеет двоякое толкование: во-первых, означая верность и преданность, а во-вторых, восходя

Супруга же с Гэн-нян разделила кров, мыслями и манерой тоже крайне мягка и прелестна. Ван уселся на судовом носу, с лодочником безраздельно в беседе — верно, крепко они знакомы-коротки родственно-дружески.

Вскоре и солнце уже закатилось, водной стезёю далёко уходят, мало-помалу и не разберёшь: юг или север. Цзинь оглянулся окрест — всё сокрыто коварно¹³; премного пришёл в изумление-смятение. Миг миновал — ясной луны началось восхождение, глядь — открываются взору сплошь тростники с камышами. Причалили вот; Ван Цзиней — родителя с сыном — позвал прогуляться-развлечься и, случай взнуздавши, столкнул Цзиня, в воду свалив¹⁴. У Цзиня имелся отец престарелый: увидев то, было намерился вскрикнуть, да лодочник, взявши багор, тут его и шарахнул — да тоже на дно. Родимая матушка¹⁵, шум услышавши, разведывать вышла — в придачу, огрев, и её утопили. Ван же затеял взывать о спасении.

к древнему написанию этого выражения (無它), где второй иероглиф писался вместо 蛇, «змея». Таким образом, древнее пожелание «нековарности» подразумевало безопасность предприятия, защищённость от разных возможных угроз, в том числе природного характера. Впоследствии сам термин приобретает в обиходе значение «безопасность», «надёжность».

¹³ Сокрыто коварно (幽險) — скрытая цитата из книги конфуцианского философа Сюнь-цзы (荀子, 313–215 гг. до н. э.), глава «Истинное рассуждение» (正論), где говорится, что если скрытность и коварство царят в верхах, то низы постепенно приучаются ко лжи.

¹⁴ В воду свалив — кроме среды профессиональных пловцов и ныряльщиков, умение плавать в Старом Китае не было распространено, поэтому обычный человек, упав в воду, практически не имел возможности самостоятельно спастись.

¹⁵ Родимая матушка (生母) — поскольку в традиционных китайских семьях могло быть несколько жён и наложниц, также участвовавших в воспитании детей, имелось много обозначений для различных «матушек» — кормилиц, младших жён отца и т. п. В противовес им лишь понятие «родимая матушка» (как и в славянской традиции) обозначала именно биологическую мать, родство с которой осмыслялось не только на физическом, но и на духовном уровне: все так называемые «животные души» тонкого тела человека непосредственно переходили при зачатии от матери.

В ту пору, как мать выходила, Гэн-нян у неё позади оказалась и всё это тайно тогда подсмотрела. Когда ж услышала, что разом семейство её затонуло, так уж нимало тем не устрашилась, однако же, плача, речёт:

— Свёкор-свекровь потонули совместно, мне-то к какому приюту¹⁶ податься?

Ван ну приступать с уговорами:

— Вы, барышня, не печальтесь, а прошу, сопровождайте меня в Цзиньлин¹⁷, в семействе полей да усадеб достанет сполна, чтоб обильно питать; ручаюсь, не будет прискорбия, вот!

Барышня слёзы уняла и отвечает:

— Коль удостоюсь такого, так чаянья будут исполнены, да!

Ван зело возликовал, надарил-поднёс с премногим обилением. Вот свечерело — он барышню тянет, алкая восторга; барышня — в отповедь, регулы, мол; Ван потому у супруги и заночевал.

Первая стража¹⁸ вот-вот завершится, а благоверные ссорятся в голос, и неизвестно, какая причина. Только слышать, что супруга сказала:

— Что же до соделанного, то, боюсь, удар грома разmozжит тебе маковку-то!

Ван тогда супругу и прибил, а супруга в крик:

— Да пусть и смерть-разлука¹⁹, а воистину не желаю быть женою убийцы-злодея!

¹⁶ Приют (歸) — здесь: иносказание родного дома, семьи; эти же слова могут быть переведены: «К кому мне податься в [семейные] спутницы?»

¹⁷ Цзиньлин (金陵) — древнее название местности, на которой расположен город Нанкин, провинция Цзянсу.

¹⁸ Первая стража (初更) — время от 7 до 9 часов вечера. См. также примеч. 5 к новелле 34 «Новобрачный», *цзюань* 1, том 1, примеч. 24 к новелле 49 «Не Сяо-цян», *цзюань* 2, том 1, примеч. 11 к новелле 106 «Ван Ши-сю», *цзюань* 3.

¹⁹ Смерть-разлука (死休) — здесь имеется скрытый смысл, проистекающий из многозначности иероглифов: второй иероглиф означал в Старом Китае также «развод», отказ от супруги, поэтому разлука, о которой говорит героиня новеллы, может пониматься не как физическая гибель, а как разрыв семейных отношений, что подтверждается и второй частью её высказывания.

Ван взлупотвал до рыка, выволок прочь супругу. Вот и послышался всплеск «гу-дун»²⁰, следом же шум-причитания, что потонула жена. Недолго минуло — достигли Цзиньлина — приводит Гэн-нян к себе в дом, возводит на залу²¹ предстать перед маменькой, а маменьке дивно: не прежняя это супруга! Ван разъясняет:

— Супруга, низвергнувшись в воду, погибла; по новой на этой женился — и только!

Вернулись в покои — ан сызнава жаждет разврата. Гэн-нян со смехом говорит:

— Тридцать или около кавалеру, неужто никогда не познавал человеческой стези²², а? Народцу с торга при зачине, так скажем, единения чаш²³ и то пристала чара вадкой браги²⁴, твоя ж семья

²⁰ Гу-дун (骨董) — звукоподражание всплеску воды при падении чего-то большого и тяжёлого.

²¹ Зала (堂) — здесь: зальное возвышение, главное помещение в традиционном китайском жилище. См. примеч. 8 к новелле 34 «Новобрачный», *цзюань* 1, том 1.

²² Человеческая стезя (人道) — первоначальное именование истинного пути древних мужей, основанного на человеколюбии, из философских текстов перешедшее в обиход и приобретшее новое значение, став эвфемизмом плотских любовных утех. В классическом комментарии к «Книге песен» (詩經), раздел «Большие оды» (大雅), песня «Рождён народ» (生民), где повествуется о зачатии бога Хоу-цзи (後稷), случившегося, когда Великая праматерь наступила на след Верховного Владыки, Чжэн Сюань (鄭玄, 127–200 гг.) замечает, что при этом сердце у неё зашло от восторга, «словно бы человеческой стезёю прочувствовала [соитие]», после чего понесла в утробе. Интересно, что в романе «Повествование о брачных узах, мир пробуждающих» (醒世姻緣傳), приписываемом рядом исследователей Пу Сун-лину (см. Предисловие к 1 тому), в главе 44 есть сентенция, прямо соотносящаяся со сказанным в новелле: «Древние мужи женились в 30 лет, а девы шли замуж в 20 лет, что давало их *ци* и крови полноту и избыточность, после чего следовали они своей человеческой стезёю».

²³ Единение чаш (合卺) — центральная часть традиционного свадебного обряда, когда новобрачные пили из чаш, сделанных из половин одной тыквы. В обиходе выражение означает начало законной семейной жизни. См. примеч. 10 к новелле 34 «Новобрачный», *цзюань* 1, том 1.

²⁴ Вадкая брага (薄漿酒) — то есть разведённое, второсортное хмельное. Обычно эта формула в традиционной китайской культуре присут-

тучна-богата, так и подавно нет помех. А с чистой трезвостью друг к другу — какое ж в этом устройство?

Ван взликовал, срядил хмельного — парой возливают. Гэн-нян поднимет кубок свой — склоняет выпить, крепко молит. Ван понемногу опьянел — отрёкся и не пьёт. Гэн-нян, воздев огромнейшую чашу, упорной лестью убеждает — Ван, не стерпевши отпираться, опричь испил её. И вот, в безудержном похмелье, раздет-разут, торопит спать. Гэн-нян, убрав посуду, гасит свечи; да под предлогом излиянья из спальни вышла и с ножом вернулась. Среди сумрака давай рукой искать, где Вана шея; а Ван ещё всё за руки хватает, о близости гласит. Гэн-нян с силою резанула его — не помер, завопил и вскочил; снова в него отмахнула — тогда кончился. Маменька будто бы что-то расслышала, поспешила спросить о том — барышня и её убила. Ван Девятнадцатый²⁵ почувал тут неладное, а Гэн-нян, понимая, что не спастись, — второпях ну себя прирезывать, да нож притупился-загнулся, никак не войдёт. Распахнула двери и бежать, а Девятнадцатый за ней вдогонку, вот и кинулась в пруд-то. Крикнул-созвал насельников, вытащили её — а уж померла, хоть видом и прекрасна, как живая. Скопом обозрели тело Вана, глядь — на окне письмо, открыли посмотреть — а это барышня сполна изложила свою безвинную обиду. Все почли то за доблесть, замыслили собрать средств, устроить погребение. Небо развиднелось — сошлось проведователей несколько тысяч человек, и, глядя на облик её, все ей поклон отдавали. За полный день собрали сотню *цзиней*²⁶, вот и похоронили её в южном предместьи. Доброхоты изготовили ей жемчужный венец да парадное платье, погребли с богатством и пышностью.

ствует в самоуничижительных определениях, которые хозяин даёт собственному угощению, уверяя, что оно никчёмно и недостойно высоких гостей.

²⁵ Ван Девятнадцатый (王弟十九) — поскольку соседство порядковых прозвищ внутри одного поколения семьи указывает на самое близкое родство, Ван Девятнадцатый должен приходиться младшим братом Вану Восемнадцатому, зарезанному Гэн-нян.

²⁶ Сотня *цзиней* (金百) — то есть серебро весом в сто мер. Обычно понимается просто как «огромная сумма». См. примеч. 16 к новелле 53 «Дин Цянь-си», *цзюань* 2, том 1.

А прежде книжник Цзинь, когда тонул-то, — ан выплыл на щеплёной доске и — так вышло — не погиб. Перед самой зарёй достиг верха реки Хуай²⁷ и маленькой лодчонкой был спасён. Лодку эту богач — почтенный И — специально урядил, чтобы спасти тонущих. Цзинь, как пришёл в себя, наведаясь к И, непрерывно благодарил; И принял его любезно и щедро, оставлял обучать своего сына, да Цзинь, поскольку не имел известий о родных, целил направиться, дабы выискать-прознять, потому и не решался. Вдруг говорят:

— Выловили мёртвых старца и досточтимую.

Цзинь заподозрил, что это отец и мать его, бросился проверить — так и есть. Почтенный за него справил гробы²⁸; книжник как раз скорбел-убивался, как вновь объявляют:

— Спасли тонущую госпожу, говорит, что книжник Цзинь супруг ей.

Книжник смахнул слёзы, в изумлении вышел — а барышня уж подросла, да только никак это не Гэн-нян, а супруга Восемнадцатого! Оборотясь к Цзиню, вельми рыдает, просит не прогонять её. Цзинь говорит:

— Мой, как говорится, квадратный вершок в смятённости²⁹, как же ласкосердствовать с кем бы то?!

²⁷ Верх реки Хуай (淮上) — северный берег реки Хуайхэ, а точнее, согласно комментариям, имеется в виду район города Хуайань (淮安) в провинции Цзянсу.

²⁸ Гробы (棺木) — в старом Китае были весьма дороги, поскольку делались из лучшей древесины, имели очень толстые стенки и были покрыты множеством слоёв лака для сохранности тела. Полный комплект включал внешний и внутренний гробы. См. также примеч. 36 к новелле 31 «Студент Е», *цзюань* 1, том 1.

²⁹ Квадратный вершок в смятённости (方寸已亂) — то есть сердце и мысли в беспорядке. Здесь почти точная цитата из «Записей о Трёх царствах» (三國志) Чэнь Шоу (陳壽, 233–297 гг.), *цзюань* 35, «Пятая часть записей [царства] Шу» (蜀書五), «Жизнеописание Чжугэ Ляна» (諸葛亮傳), где советник Сюй Ши (徐庶, ?–230 гг.), потеряв мать, отказывается обсуждать государственные планы, объясняя, что для этого нужна работа «квадратного вершка», то есть сердца, а «нынче лишился старой матушки, и квадратный вершок в смятённости, нет пользы от меня в делах...». См. также примеч. 20 к новелле 84 «Дочь господина Лу».

Супруга ещё пуще печалится. Тогда И выяснил её поводы, с радостью почёл за Небесное воздаяние и уговаривает Цзиня принять супругу. Цзинь по причине траура отрекается, к тому же мыслит отплатить мщением и в тревоге, что, скажем так, малые и слабые³⁰ будут обузой. Супруга говорит:

— Коли следовать вами сказанному, то, буде Гэн-нян ещё жива, нужно бы ради мести и траура было её спровадить, да?

Почтенный изречённое ею почёл отменным, просил временно взять под опеку. Цзинь тогда на это сладился. Погадали о погребении³¹ отца и матушки, супруга оделась в траур дерюжный, плачет-рыдает, словно скорбит по свекрови да свёкру.

Вот похоронили, Цзинь спрятал клинок да выставил патру³² — собрался уже отбывать в Гуанлин, супруга, его осаждая, речёт:

— Я, жалкая, — Тан по рождению; мой род проживает в Цзиньлине, как раз с этим сыном шакала в уезде одном; что прежде говаривал про Гуанлин — одно надувательство, так-то! Вдобавок: на водах тех рек и озёр душегубы — из них половина с ним в шайке совместно. И мщением тут отплатить невозможно, а лишь навлечёте несчастья, и только!

Цзинь и так и сяк, а всё не придумает, что измыслить. Вдруг разносится весть, как барышня покарала обидчиков: безудержно хлещет по рекам-каналам, с фамилией, именем — крайне подробно. Цзинь лишь услышал её — тотчас возликовал, ан же и закручинился крепче. Отказал супруге, говоря:

³⁰ Малые и слабые (細弱) — то есть жёны и дети. Здесь дана точная цитата из «Истории Цзинь» (晉書), цзюань 76.

³¹ Погадали о погребении (蔔葬) — по идущей с древности традиции в Китае захоронения осуществлялись только в благоприятное время и в благоприятном месте, которые могут открыться лишь во время особого обряда гадания; иногда предсказанный таким образом срок и место могли быть чрезвычайно отдалены, что привело к особой практике бальзамирования тел и изготовления прочных и герметичных гробов (см. примеч. 28).

³² Выставил патру (托鉢) — то есть протянул для подаяния чашу, с которой собирали милостыню странствующие буддийские монахи. Здесь Цзинь пытается выдать себя за богомольного скитальца.

— К счастью не загрязнил-опорочил. Коли в семействе имелась подобной отваги супруга, разве терпимо, отрекшись сердечно³³, внове жениться?

Супруга же, понеже дело слажено да условлено, не соглашается бросать на полпути, желает притязать и в наперсницы. Тут вышло так, что помощник воеводы — досточтимый Юань — с И был в давнем приятельстве; как раз, собираясь выступить на запад, навестил И, увидал книжника, высоко его оценивал и проникся, просил стать письмоводителем. В скором времени бродячие тати³⁴ подняли смуту, Юань стяжал великие заслуги³⁵, Цзинь за участие в важных свершениях³⁶ был, что называется, аттестован по трудам, пожалован чином объездного атакующего³⁷ и вернулся. Супруги тогда и учинили обряд единения чаш³⁸.

Прожили несколько дней — совместно с супругой отправились в Цзиньлин, намерившись обозреть могилу Гэн-нян. Вот, проезжая Чжэньцзян³⁹, вздумали подняться на гору Цзиньшань⁴⁰. Как загребали в ладье посредине течения — вдруг проплывает челночок, а на нём старушка и молодая барышня; и невероятно, но барышня крепко походит на Гэн-нян. Лодка стремительно пронеслась, а барышня

³³ Отрекшись сердечно (負心) — предав веление сердца; в классических текстах выражение означает «поправ дружеские [или родственные] чувства», «отступившись от долга друга [или родственника]».

³⁴ Бродячие тати (流寇) — см. примеч. 7.

³⁵ Великая заслуга (大勳) — в исторических документах, например в «Исторических записках» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145(135)–86(85) гг. до н. э.), так обозначались особые свершения перед тронном, страной и высшими небесными покровителями.

³⁶ Участие в важных свершениях (參機務) — так на официальном языке в Старом Китае обозначалось участие в боевых действиях.

³⁷ Объездной атакующий (遊擊) — во время Цин военный чин, приблизительно соответствующий званию майора.

³⁸ Единение чаш — см. примеч. 23.

³⁹ Чжэньцзян (鎮江) — город в южной части провинции Цзянсу.

⁴⁰ Цзиньшань (金山) — гора в провинции Цзянсу, на северо-западе от Чжэньцзяна. Буквально: «Золотая гора», названная так во время Тан, когда странствующий монах Пэй на её берегу нашёл золото.

из окошка посматривает на Цзиня и манерой-повадкой ещё пуще сходна. В ошеломлённом изумлении не решился преследовать-вопросать, а лишь тотчас и прокричи:

— Глянь, утиная-то стая полетела в небеса!

Барышня услышала это и тоже кричит:

— Жадный пёс собрался выжрать у котёнка все мяса!⁴¹

А это в прежние годы у них на женской половине такая секретная подначка имела. Цзинь премного поразился, развернул вёсла, приблизился к ним — и вправду Гэн-нян. Тёмноряженная⁴², поддерживая, перевела в ладью — обнялись и горько расплакались, язвя чувства проезжих странников. Госпожа Тан с этикетом как перед старшей женой предстаёт перед Гэн-нян; Гэн-нян с изумлением вопрошает — вот Цзинь в подробностях и изложи, в чём причина. Гэн-нян, беря её за руку⁴³, говорит:

— Беседа, что в лодке совместно вели, — в сердце навечно, её не забыть; вот не гадала, что У и Юэ⁴⁴ будут единой семьёй. Помощи дар в погребении свёкра-свекрови — первой должна я за то бить челом, что же с такой церемонностью нам меж собой обращаться?

Тогда и условились по старшинству: Тан была младше Гэн-нян, уступая ей в возрасте год, — младшей сестрёнкою стала.

А прежде, Гэн-нян когда схоронили, сама не знала, сколько миновало весен-осеней. Вдруг кто-то громогласно речёт:

— Гэн-нян, твой муж не умер, снова надлежите вы повторному союзу.

⁴¹ Глянь, утиная-то стая... — шуточный паравраз на *юэфу* северных династий «Песня о скакуне Цзы-лю» (紫駟馬歌辭).

⁴² Тёмноряженная (青衣) — служанка, как правило, носившая тёмную одежду. См. также примеч. 14 к новелле 70 «А-бао», *цзюань* 2, том 1.

⁴³ Взять за руку (執手) — в старом Китае выражение подлинной душевной близости и/или самой глубокой благодарности. См. также примеч. 12 к новелле 1 «Экзамен на Чэнхуана», *цзюань* 1, том 1.

⁴⁴ У и Юэ (吳越) — название постоянно враждовавших царств в эпоху «Весен и Осеней». Впоследствии в обиходе их совместное упоминание стало метафорой закоренелых противников.

После же — словно от сна пробудилась. По четырём сторонам поискалась — стены сплошные — тут понимает, что померла и уже погребли. Чувствует только тоску-удручение, нету, однако ж, о чём сокрушаться. Нашлись порочные юнцы, чтоб выведать, сколь утварь похоронная её богата и роскошна, — курган разрыли да и гроб взломали, намерились уже искать и грабить, а видят, что Гэн-нян ещё жива, и разом все в испуге оробели. Гэн-нян, остерегаясь вреда от них себе, их жалобя, речёт:

— Удача, что ваш выводок пришёл, позволит это мне увидеть в небе солнце. На голове все шпильки и подвески — всецело должно прочь их. Прошу продать меня в удел монахинь⁴⁵ — вдобавок можно будет чуть нажиться, а я же никому не разглашу.

Разбойники, челом ударив, молвят:

— Вы, барышня, честны и славны, почёт вам равен со святыми. Мы ж, племя низкое, понеже в нищете-нужде не знали ходу, — и учинили это зверство. Коль речь о том вовне не просочится — и счастье, да! Как тут посметь в монахини продать?!

Гэн-нян в ответ:

— На этом я возрадуюсь сама.

Тут вновь разбойник говорит:

— Чжэньцзянская почтеннейшая Гэн — вдова, и нет у ней детей, как повидает барышню — беспорно возликует!

Гэн-нян за то благодарила. Сама сняла венец жемчужный — вцеле разбойникам отдать; разбойники принять не смеют. Настойчиво вверяла им — тогда с поклоном общим взяли. Вослед, с собой забравши, удалились. Когда же достигли до дома почтеннейшей Гэн, сказались, что будто ладью сдуло ветром и путь потерялся. В надзоре почтеннейшей Гэн необъятно подворье, что безмужняя старица держит одна. Увидела только Гэн-нян и весьма взлико-

⁴⁵ Монахиня (尼) — здесь Гэн-нян или ошибается, или говорит общо. В монахини (прежде всего, буддийские) продать было невозможно, зато вполне обычным делом была продажа в монастырские рабыни. Последние не имели духовного сана и не принимали прибежища, но трудились на благо монастыря. Именно это и имеется в виду в новелле.

вала, почесть рассудила своею родимой. Так вот как раз матушка с дочкой дорóгой с Цзиньшаня назад возвращались тогда. Гэн-нян тут развёрнуто всё изложила, как выпало так; тогда уж и Цзинь на ладю поднимался да кланялся матушке; матушка же принимала его, словно зятя. В дом погостить позвала; несколько дней оставались, а после назад воротились, только сношения далее больше уж не прерывались.

Автор этих строк заметит:

Перед большим переломом представ, порочные коли — так и выживают, а истые коли — так и погибают. От выживших — очи людей разрывает, о сгинувших — слёзы народ утирает. Коли ж дойдёт, что болтает-смеётся бесстрашно, чтоб своеручно зарезать врага-лиходея, — в древности тысячелетней мужей дерзновенных разве же много найдётся, кто был бы ей ровней? Кто ж теперь скажет, что барышня, мол, никак не способна всецело равняться с такими, как был достославный Янь-юнь⁴⁶?

⁴⁶ Янь-юнь (彦雲) — второе имя Ван Лина (王凌, 171–251 гг.), военачальника и эрудита эпохи Троецарствия, убитого за сопротивление захвату власти кланом Сыма. В «Новом изложении [рассказов,] в свете ходящих» (世說新語) Лю Ицина (劉義慶, 403–444 гг.), в разделе 19 «Добродетельные дочери» (賢媛) рассказывается о дочери генерала Чжугэ Дая (諸葛誕, ?–258 гг.), второе имя Гун-сю (公休), вышедшей замуж за сына Ван Лина — Ван Гуана (王廣, второе имя Гун-юань, 公淵, ?–251 гг.). Когда новобрачные вошли в жилые залы и заговорили, Ван Гуан сказал жене, что она видом и манерами мелка и низка, никак не походит на своего родителя. На это супруга ответила, что Ван Гуан ничем не подобен своему отцу Ван Лину, что же он требует от жены, чтобы она шла вровень с великими героями? Аллюзия именно на эту сентенцию и присутствует в тексте Пу Сун-лина.

111.

[ЧАРОДЕЙ] ГУН МЭН-БИ¹

宮夢弼

Лю Фан-хуа из Баодина был богачей на всю округу. Человек он был задушевный, любил принимать гостей, так что за столом у него всегда сидело человек сто. Он живо входил в нужду человека и не скупился дать ему хоть тысячу *лан*. Гости и приятели занимали у него деньги и никогда не отдавали.

Однако, среди них был некто Гун Мэн-би, родом из Шэнь-си, — этот за всю свою жизнь ни у кого ничего не просил. Бывало, он придёт — и весь год проведет у Лю. Речь у Гуна была изящная, живая; Лю сидел и спал с ним чаще, чем с другими.

У Лю был сын, звали его Хэ. Ко времени, о котором сейчас разговор, ему ещё завязывали на голове рожки². Он звал Гуна дядей, а тот тоже охотно с ним играл. Бывало, Хэ придёт из школы домой, а Гун сейчас же начнёт с ним отламывать из пола кирпичи и куски их закапывать в землю, словно клад серебра, — всё это смеясь и шутя. Было пять комнат, и они почти все полы пораскопали и понаделали кладов. Над Гуном смеялись, ставя ему на вид ребячество, но Хэ это

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1928 года.

² Ему ещё завязывали на голове рожки — ребенку до шести лет пробивали голову, оставляя маленькие островки волос, связываемых в пучки.

нравилось: он любил Гуна, несмотря ни на что, и привязался к нему больше, чем к кому другому из посещавших дом гостей.

Прошло лет десять. Дом начал мало-помалу опустошаться. Уже не хватало на нужды большого гостеприимства, и гости стали понемногу редеть. Тем не менее человек с десять всё ещё засиживались до поздней ночи за беседой, как и в былое время.

Года Лю завечерели, а дела с каждым днем всё падали и падали, но он всё ещё нет-нет да отрежет, бывало, от себя земли, чтобы на вырученные деньги готовить дома кур да каши. А Хэ тоже был из транжир. Глядя на отца, и он тоже заводил себе компании мальчуганов-приятелей. Отец никаких запретов на это не налагал.

Немного времени ещё прошло, Лю захворал и умер. А к этому времени дело дошло до того, что не на что было устроиться с похоронной обстановкой. Тогда Гун достал денег из собственной мошны и справил Лю весь обряд. Хэ проникся к нему ещё большим чувством и стал теперь доверять дяде Гуну решительно всё — и малое и крупное.

А Гун, как, бывало, ни придёт к ним откуда-нибудь, непременно тащит в рукаве черепок. Придёт в комнату и, глядишь, бросит его куда-нибудь в тёмный угол. Зачем это он делал, теперь уже решительно никто не мог понять.

Хэ всё время жаловался Гуну на свою бедность.

— Нет, — возражал ему Гун, — ты не знаешь, как трудно бывает человеку в горе. Что тут говорить о безденежье? Дай тебе хоть тысячу *лан* — ты сейчас же всё спустишь!.. Настоящий мужчина мучится только тем, что он себя ещё не утвердил, а тревожиться о бедности — стоит ли?

Однажды Гун стал прощаться с Хэ, сказав, что собирается домой. Хэ заплакал и всё твердил, чтобы Гун поскорее приходил назад. Гун обещал и с этим ушёл.

Хэ всё беднел и не мог уже себя прокармливать. Всё, что было получено за заклады, понемногу исчезало... Хэ со дня на день ждал прихода Гуна, рассчитывая, что тот сразу всё устроит. А Гун, как говорится, стёр свои следы, скрыл свою тень, ушёл — словно жёлтым журавлём улетел...

Ещё при своей жизни Лю сосватал Хэ в семье некоего Хуана из Уцзи. Это была старая, видная, состоятельная семья. Время шло. Прослышав, что Лю обеднел, Хуан начал про себя каяться в своём решении. Когда Лю умер, ему послали траурное оповещение, но он даже не явился на похороны, а всё старался теми или другими словами извинить себя дальностью расстояний и прочим.

Когда у Хэ траур кончился, мать послала его к тестю, чтобы лично уговориться о свадебном сроке. Она рассчитывала на то, что Хуан пожалеет мальчика и окажет ему внимание.

Хэ пришёл. Хуан, услышав, что он одет в рваное платье и что на ногах у него дырявые туфли, крикнул привратнику, чтобы тот не смел его принимать. При этом он велел передать пришедшему следующее:

— Иди домой и достань сто *лан*. Достанешь — приходи, нет — так, будь добр, с этих пор между нами всё кончено.

Когда Хэ это передали, он громко зарыдал. Соседка-старуха, жившая насупротив Хуанов, пожалела мальчика и предложила ему поесть. Затем она подарила ему триста мелких монет³, приласкала и отправила домой.

Мать Хэ и плакала, и волновалась, но ничего поделать не могла. Тогда она вспомнила, что в былое время восемь и даже девять человек из десяти гостей, собиравшихся у них, были им должны. И вот она послала его просить у них помощи, выбирая для этой цели наиболее богатых и солидных.

— Нет, — отвечал ей Хэ, — те, кто раньше с нами знался, знались из-за нашего богатства. Вот дай мне сесть в высокую повозку, запряжённую четвёркой коней, то даже тысячу *лан* занять у них — и то было бы нетрудно. Но при таком моём положении кто из них станет помнить о прежнем добре и о старой дружбе? Да вот ещё что: отец давал деньги, никогда не требуя ни расписок, ни поручительств. Взыскивать долги трудно: нечем доказать!

Однако, мать настаивала, и Хэ послушался. Прошло больше двадцати дней, а он не мог достать ни монетки. Впрочем, нашёлся

³ Сумма, незначительная даже и по тому времени.

некий богач Ли Четвертый, видевший в своё время много добра и ласки у них в доме, — так тот, узнав про эти их обстоятельства, подарил им с чувством исполняемого долга одну *лану*.

Мать и сын горько рыдали и с этих пор перестали на что-либо надеяться.

Дочь Хуана была уже в возрасте причёски. Услыхав о том, что её отец отстранил Хэ, она решила про себя, что это неправильно. Когда Хуан захотел, чтобы она вышла за другого, она заплакала.

— Молодой Лю, — сказала она, — не бедным же родился! Представьте себе, что он был бы ещё богаче прежнего, разве его мог бы вырвать у нас какой-либо наш соперник? А теперь, раз он беден, так и бросить его? Это бессовестно!

Хуану эти речи не нравились, и он принялся на сотни ладов этак и так её убеждать, но девушка так и не поддалась его словам. Старик и старуха разгневались на неё и с утра до вечера плевались и бранились. Девушка притихла.

Вскоре после этого на Хуанов ночью был сделан набег грабителей, которые чуть не до смерти запытали калеными прутьями мужа с женой, а всё домашнее имущество, что называется, в рогожку свернули — забрали начисто.

Три года старики кое-как существовали, а дом всё разрушался и падал. Появился с запада какой-то торговец, который, прослышав, что девушка Хуанов — красавица, выразил желание просватать её за пятьдесят *лан*. Хуан, позарившись на такие деньги, дал согласие, рассчитывая насильно отнять у дочери её собственную волю. Но дочь, разузнав про эти его планы, оделась в рваные лохмотья, выпачкала грязью лицо и под покровом ночи убежала.

По дороге она шла, прося милостыню, и месяца через два, наконец, добралась до Баодина. Там она разузнала, где живёт Хэ, и явилась прямо к нему в дом. Мать Хэ сочла её за жену нищего и крикнула ей, чтобы убиралась, но девушка всхлипнула, зарыдала и стала ей себя называть. Тогда мать взяла её за руки и тоже расплакалась.

— Дитя моё, — говорила она, — как это ты дошла до такого вида?

Тогда девушка, вся полная грусти, рассказала ей, как всё это случилось. И мать с сыном плакали.

Потом ей дали помыться, и краса её сочно засверкала; брови, глаза заискрились и загорелись. Мать с сыном ликовали.

Тем не менее в доме стало три рта, так что пришлось в день есть только по разу. Мать плакала и говорила:

— Мне с сыном, что ж, — так и полагается... Уж кого жаль мне, так это его достойную жену, которую мы так плохо содержим!

Молодая улыбалась и успокаивала старуху:

— Когда ваша молодая невестка была в нищенках, это состояние ей было хорошо знакомо. Сравнить с нынешним днём мое прошлое — это значит понять, что существует разница между небесным райским чертогом и подземной адской тюрьмой.

У матери разнимались в улыбку скулы.

В один прекрасный день молодая как-то забрела в нежилое помещение. Там она увидела груды нарезанной травы, закрывавшей весь пол без малейшего промежутка. Она стала потихоньку продвигаться вперёд, к внутренним комнатам. Там были груды пыли и грязи, а в тёмном углу лежала куча каких-то вещей. Она тронула кучу ногой — нога отскочила. Подняла, посмотрела — все сплошь «чжутийское»⁴!

Поражённая этой находкой, она побежала сказать Хэ. Хэ побежал с ней осмотреть как следует и обнаружил, что все те черепки, которые в свое время бросал в угол Гун, превратились теперь в белое серебро.

Теперь, в связи с этим, Хэ вспомнил, как в детстве он с Гуном хоронил обломки в комнатах. «Уж не превратились ли и они в серебро», — подумалось ему. Но их старое жилище было уже заложено соседу с восточной стороны. Хэ мигом выкупил и взял себе. Видит, лежат кое-какие обломки кирпичей, а запрятанные черепки вышли наружу, так и валяются. Он уже совершенно было потерял всякую надежду, но вот раскопал под другими кирпичами, а там ярко-ярко засверкали сплошь белые плитки. В мгновение ока у него уже были сотни тысяч.

Вслед за этим он выкупил все свои уголья, всё своё хозяйство, приобрел слуг — и в доме стало красивее и наряднее, чем в былые дни.

⁴ Чжути — название уезда, где в древности добывалось прекрасное серебро.

Теперь Хэ в приливе чувств воскликнул:

— Если я не установлюсь прочно, я оскорблю этим моего дядю Гуна!

И вот он заставил себя, как говорится, спустить шатёр⁵. Через три года он уже прошёл на областных отборных испытаниях.

Тогда он взял с собой сто *лан* и отправился благодарить старую соседку Хуанов. На нём было новое платье, прямо-таки стрелявшее в глаза. С десятков, а не то и больше, рослых слуг сидели на ретивых конях, похожих на драконов... А у старушки была всего одна комнатка!

Хэ уселся на диван. Люди кричали⁶, лошади бесились — шум их заполнил всю деревенскую улицу...

После того как дочь Хуанов исчезла, торговец с запада начал наседать на старика, требуя обратно деньги, выданные на свадьбу. Но чуть ли не половина их была уже истрачена. Пришлось, чтобы только выплатить долг, продать старый дом. И от этого Хуаны обеднели, стали терпеть лишения, как в свое время Хэ. Теперь, слыша, как великолепно шествует их бывший зять, они закрылись, предались скорби — и только.

А старая соседка Хуанов купила вина, приготовила обед и давай угощать Хэ. Угощала и рассказывала, какая девушка была достойная и как жаль, что она убежала.

— Ну, а ты женат или нет? — спросила она у Хэ.

— Женат, — отвечал тот.

После обеда он потащил старуху посмотреть его молодую жену, посадил её в повозку и вместе с ней вернулся домой.

Дома к ним вышла нарядная молодуха, которую, словно фею, поддерживала толпа слуганок.

Увидели друг дружку — и были донельзя поражены. Потом стали рассказывать о происшедшем.

Молодая участливо спросила, как поживают родители.

⁵ Спустить шатёр — предаться учению, не видя никого, даже близких, как делал великий учитель древности Дун Чжун-шу.

⁶ Люди кричали... — в привычки китайского магната входило окружать себя целым штатом слуг, даже в чужом доме. Стоит ему крикнуть, как они хором откликаются, свидетельствуя о своей неусыпной бдительности.

Старуха прожила у них несколько дней. За ней ухаживали, её угощали изо всех сил самым радушным образом. Сшили ей отличное платье, и вообще сверху донизу одели во всё новое. Наконец, отправили её восвояси.

Старуха, вернувшись, явилась к Хуанам и сообщила им все подробности о дочери и передала о её участливом за них беспокойстве. Муж и жена были прямо-таки ошеломлены.

Старуха советовала им идти к дочери, но Хуан изобразил на лице затруднение... Наконец, холод и голод стали невмоготу — делать нечего: пошёл в Баодин.

Дойдя до ворот, увидел высокие красивые хоромы. Привратники засверкали на него сердитыми глазами, и целый день ему не удалось дать о себе знать. Но вот вышла какая-то женщина, и Хуан, сделав ласковое лицо и говоря самыми подобострастными, холопскими словами, заявил ей о себе и просил её тихонько от всех сообщить о нём госпоже.

Через несколько времени женщина эта вышла к нему и проводила в боковое помещение.

— Барыня очень хочет с вами свидеться, — сказала она, — но боится, как бы не узнал барин. Надо будет пока ещё подождать удобного момента. Вы, почтенный человек, сюда пришли невесть когда, уж не голодны ли?

Хуан стал рассказывать про свои горести. А женщина поставила перед ним полный сосуд вина и два блюда закусок. Кроме того, положила ему пять *лан*, сказав при этом так:

— Барин наш, видите ли, сейчас обедает в жениных покоях, и барыня боится, что ей не удастся выйти к вам. Завтра с утра вам следует пораньше отсюда уйти, так чтобы барин не услышал!

Хуан обещал. Утром встал спозаранку и собрался в путь, но замки ещё не были открыты. Старик остановился в воротах, сел на свой узел и стал ждать.

Вдруг раздались крики, выходит барин, и только Хуан хотел спрятаться, как Хэ уже увидел его и спросил, что это за человек. Слуги ничего не могли ответить. Хэ вскипел гневом.

— А, так это, наверное, какой-нибудь мерзавец. Ну-ка, свяжите его да отправьте к властям!

Слуги гаркнули в ответ и прикрутили его к дереву короткими веревками. Хуан, горя от стыда и ужаса, не знал, что сказать. Но тут же вскоре вышла вчерашняя женщина, встала на колени и сказала, обращаясь к Хэ:

— Это мой дядя, господин! Он пришёл вчера поздно вечером, я вашей милости и не доложила!

Хэ велел развязать старика, а женщина проводила его за ворота.

— Забыла я сказать привратнику, — сказала она. — Вот и получились из-за меня эти неровности... Барыня говорит, чтобы вы, когда надумаете, направили сюда старую барыню под видом продавщицы цветов и чтобы она пришла вместе с соседкой.

Хуан обещал, пришёл домой и рассказал всё это старухе. Та, соскучившись по дочери, сейчас же сказала соседке, и та действительно пошла вместе с ней в дом Хэ. Им открыли дверей с десяток, а то и больше, пока они не добрались до апартаментов молодой.

А на молодой была надета накидка; она носила высокую причёску; жемчуга и изумруды кружили тонкими узорами; запах духов так и ударял в вошедшего. Стоило ей издать звук, как старые и малые служанки уже бежали к ней, окружая её со всех сторон плотной толпой. Они придвигали к ней золотые кресла и диваны, клали двусторонние подушки. Проворные девочки уже заваривали чай.

Обе женщины шёпотом спрашивали друг друга о здоровье и самочувствии, смотрели друг на дружку, и в их глазах блестели слезы.

К ночи молодая велела отвести старухам комнату и уложить их там спать. Матрацы и подкладки были нежные, мягкие, никогда не виданные у них даже в прежние, богатые дни...

Так они прожили здесь дня три-четыре. Молодая выказывала им самое полное внимание. Старуха, отведя дочь в пустую комнату, плакала и сознавалась в своей прошлой неправоте.

— Ну, — возражала ей молодая, — между нами, матерью и дочерью, какой грех не забудется? Вот только гнев мужа всё ещё не утих. Берегитесь, чтобы он не узнал!

И как только приходил Хэ, старуха сейчас же скрывалась. Но вот однажды, только они с дочерью уселись колени к коленям, как вдруг вошёл Хэ, увидел и рассердился.

— Это что ещё за тварь, деревенщина? — ругался он. — Смеет ещё пододвигаться к барыне и сидеть с нею рядом! Вытаскать у нее волосы до последнего!

Соседка Хуанов бросилась к нему.

— Это, — залепетала она, — моя, как говорится, «тыква и конопля»⁷, старуха Ван... Она цветами торгует... Будьте добры, уж не взыщите! Хэ поднял руки и извинился⁸. Затем сел.

— Вы, почтеннейшая, пришли, оказывается, вот уже несколько дней, а я всё занят, так и не успел ничего узнать... Ну, что, эти старые скоты Хуаны живы ещё или нет?

— Оба вполне хорошо поживают, — отвечала старуха. — Только вот бедны так, что жить невозможно. А вы, барин, такой богатый, такой знатный... Отчего бы вам хоть разок не вспомнить об отношениях зятя к старому тестю?

Хэ ударил кулаком по столу.

— Как? — вскричал он. — Да ведь если бы в те дни не вы, старушка, если б вы не дали мне из жалости чашки кашицы, то разве я мог бы вернуться к себе домой? А теперь, вдруг, я захотел бы ещё дать им себя обдирать и на себя сесть! Что за мысль пришла вам?

Говорил и, рассердись, в ярости топнул ногой, вскочил и давай браниться.

Молодую взял гнев.

— Пусть они недобрые, нехорошие люди, — сказала она, — но это мой отец и моя мать. Вспомни, как я еле-еле издалека приплелась сюда к вам, с нарывами и обмороженными частями рук, со сквозными язвами на ногах... Я считала ведь, что ни в чём не провинилась перед тобой. Как же это ты теперь в присутствии дочери бранишь отца, заставляя её невыносимо страдать?

Хэ смирил свой гнев, встал и вышел. Старуха Хуан была мертва от стыда, в лице ни кровинки... Запрощалась и собралась уходить. Дочь дала ей тайком от всех двадцать *лан*.

⁷ «Тыква и конопля» — то есть родня, ползучая и цепкая, как эти растения.

⁸ Поднял руки и извинился — сделал приветствие, сложив руки и подняв их на уровень своей груди или лица.

Старуха вернулась к себе, и все сношения между семьями прекратились. Молодую это глубоко заботило. Тогда Хэ послал им приглашение. Муж с женой явились, полные стыда и не имея слов для извинений.

Хэ принялся извиняться.

— В прошлом году, — говорил он им, — вам угодно было осчастливить меня своим посещением. Но вы не сказали мне открыто о себе и вот заставили меня дать волю многим, многим грехам!

Хуан только бормотал: «Да-с, да-с»...

Хэ велел переодеть их, дать им другую обувь и оставил их жить.

Они прожили этак с месяц, но у Хуана на душе покоя не было, и он неоднократно заявлял о том, что собирается домой. Хэ подарил ему сто *лан* белого серебра и сказал при этом так:

— Купец с запада дал пятьдесят. Я теперь эту сумму удваиваю!

Хуан принял деньги с лицом, вспотевшим от стыда. Хэ проводил его в повозке и с конной свитой.

В вечерующие годы Хуан считался у себя довольно-таки зажиточным человеком.

Автор этих строк дополнит⁹:

Когда истощатся Юнмэневы слёзы¹⁰, жемчужные туфли¹¹ бесследно исчезнут; и это заставит от гнева-досады захлопнуть ворота

⁹ Перевод А. Г. Сторожука.

¹⁰ Юнмэнь (雍門) — имеется в виду легендарный циский мастер игры на цитре (琴) периода Борющихся царств Юнмэнь Чжоу (雍門周), который, согласно легенде, однажды был на аудиенции у первого министра Мэнчан-цзюня (孟嘗君, ?–279 гг. до н. э.), и тот спросил, сможет ли игра на цитре вызвать у него слёзы. Юнмэнь заиграл, и Мэнчан-цзюнь, возрыдав, объявил, что звуки музыки повергли его в такую глубокую печаль, словно бы рухнула держава и погибла столица (см. об этом в сочинении «Сад историй» (說苑), составленном Лю Сяном (劉向, 77–6 гг. до н. э.), цзюань 11, «Искусность в речениях» (善說)). «Когда истощатся Юнмэневы слёзы» — то есть когда покровительствовавший [таким, как Юнмэнь — А. С.] знатный богач окажется в бедности и бесславии.

¹¹ Жемчужные туфли (朱履) — то же, что и 珠履, исторически — приживалы, так называемые «гости» (客), при дворе князя Чуншэня (春申君,

и не возжелать принять вновь хотя б одного приживалу. Однако же искренний друг — он и прах похоронит, и камни он в золото перетворит, и тут невозможно сказать, что щедрости-великодушия нет у славного «гостя» в его воздаянии. А в женских покоях жилицы сидят, принимая высокие дани, и важны собой, почитай, — государевы жёны¹²; но если б не редкая истовость, как у Хуан-госпожи, то разве б случилось обрести достижения, и чтобы бесчестия не было вовсе-то, а? Кто всё сотворяет¹³ — тот ведь никогда как попадая ни-спосылать счастье-милость не будет таким вот манером.

Был в нашем уезде один богатей: копил-сберегал и взимал полной мерой, расчётливость-въедливость врезались в кости¹⁴. Снизал-закопал он так многие сотни, да всё опасался, что люди прознают; рядился нарочно в рваньё да очёски, вкушал лишь пустую мякину, чтоб ясно всем было, мол, беден. Родные с друзьями внезапно нагрянут — так он всё равно никогда не чинил затей, так скажем, про курицу с просом¹⁵. А если кто скажет, что дом у него отнюдь

?—238 гг. до н. э.), о которых рассказывается в 78 *цзюане* «Исторических записок» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145(135?)–86(85?) гг. до н. э), «Биографии» (列傳), раздел 18, «Биография князя Чуншэня» (春申君傳); их имелось более трёх тысяч, и все они носили расшитые жемчугом туфли (то есть предавались безудержной и бездумной роскоши), отсюда и закрепившееся в истории прозвище. В новелле под этим прозванием имеются в виду ищущие выгод от сильных мира сего, но отворачивающиеся от своего благодетеля сразу же, как только положение того пошатнётся.

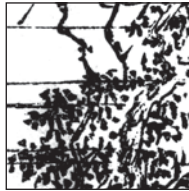
¹² Государевы жёны (嬪嬙) — в самом тексте употребляются два иероглифа, обозначающие придворных фрейлин и младших жён императора.

¹³ Кто всё сотворяет (造物) — творец сущего; выражение восходит к книге «Чжуан-цзы» (莊子), внутренний раздел (內篇), глава 6 «Великий учитель» (大宗師).

¹⁴ Врезаться в кости (入骨) — устойчивое выражение, означающее «стать частью натуры», «проникнуть до мозга костей».

¹⁵ Курица с просом (雞黍) — выражение, широко употреблявшееся в классических текстах (например, в произведениях философа и литератора Фань Юня (範雲, 451–503 гг.)), но ставшее крылатым после стихотворения великого танского поэта Мэн Хао-жэня (孟浩然, 689–740 гг.) «Проезжаю через деревню старого друга» (過故人莊詩), где говорится о том, что старый друг поэта приготовил курицу с пше-

не убогий, — так тотчас же вылупит очи и гневом исходит, врагом того числа, как будто под небом единым им жить несовместно. Года свечерели — а в день он съедает лишь вяза толчёного¹⁶ меру одну, да и на руках его кожные складки свисают уже аж на целый вершок¹⁷; однако же то, что зарыл, ни в какую извлечь не решается он. Потом понемногу ослаб-истощал; пред самой кончиной его оба сына стоят, обступив, вопрошают, а он всё ещё не спешит рассказать. Достигло — и вправду почуял: угроза приспела, хотел рассказать сыновьям; сыны-то явились, а тут уж язык — запнулся и звука издать не способен. И только всползает он да раздирает, где сердце; «хэ-хэ», — лишь хрипит, да на этом и всё. А после, как помер, сыны да внучата изладить ему не смогли домовину, как должно; в солому его обернув, схоронили. У-ху! Ведь золото коль закопаешь и будешь считать ты, что этим богат, то перед великой казною¹⁸, где много десятков миллионов, с чего б невозможно тогда посчитать, мол, это моё достояние, а? Вот дурь, да и только!

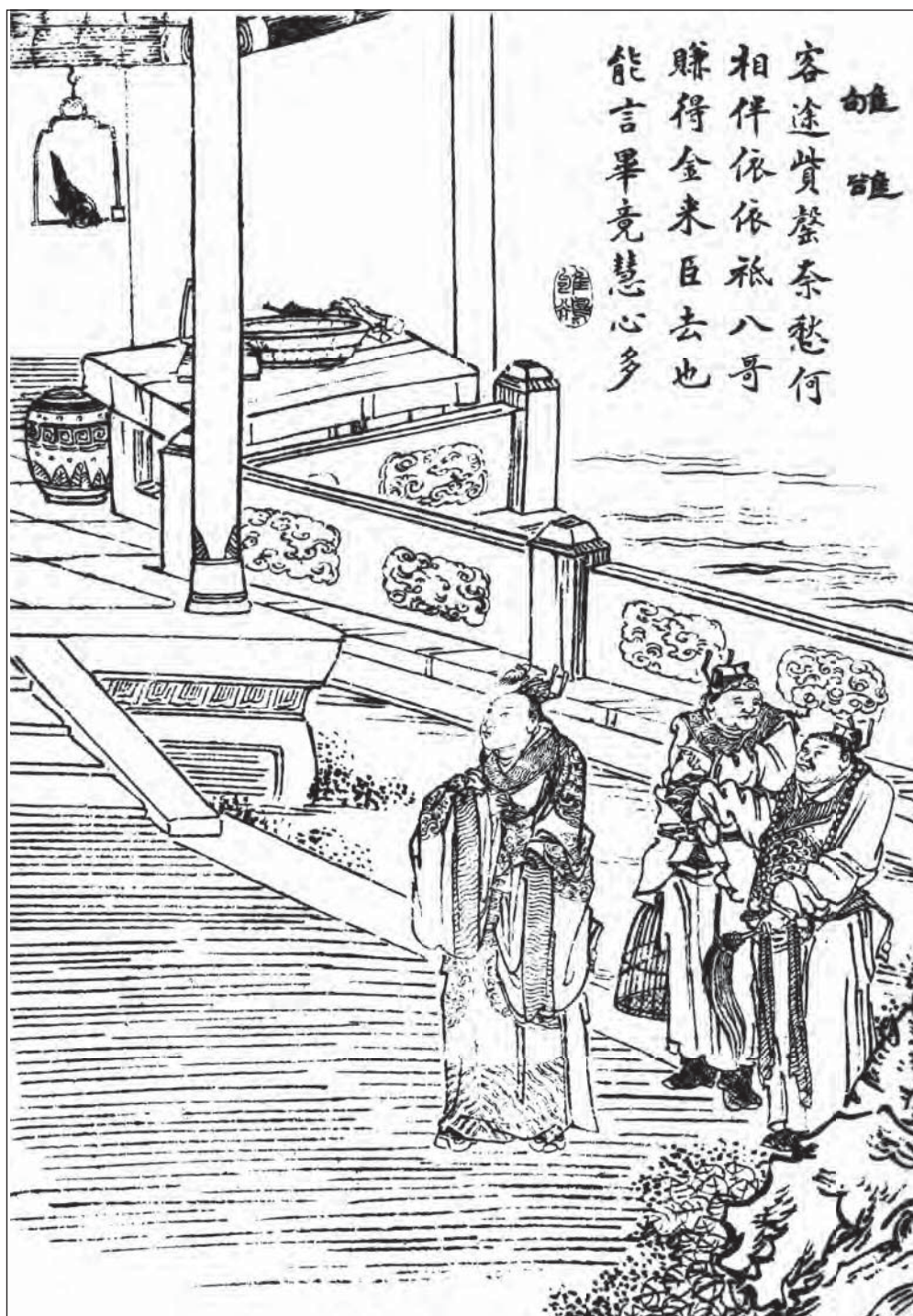

ном и пригласил его в свой сельский домик. Пшено — «основа пищи» (主食) по традиционным китайским кулинарным представлениям, курица — «вкусное наполнение» (菜), таким образом, всё выражение имеет смысл небогатого, но от души приготовленного угощения для приёма дорогого гостя.

¹⁶ Толчёный вяз (榆屑) — по разным комментариям может значить либо перемолотые «вязовые орешки» — ильмовые плоды, либо вообще измельчённую вязовую кору. Зелёные плоды вяза традиционно употреблялись в Китае в пищу, заменяя небольшие салатные листья; зрелые плоды могут послужить основой для приготовления некоторых блюд, но в любом случае питание только семенами, а тем более корой вяза никак нельзя признать достаточным для поддержания нормальной жизнедеятельности человеческого организма.

¹⁷ Да и на руках его... — вся фраза означает, что от истощения кожа свисает на исхудавших руках длинными складками.

¹⁸ Великая казна (大帑) — государственная сокровищница.

112.

ХОХЛАТЫЙ СКВОРЕЦ¹

鴿鴿

Ван Фэнь-бин рассказывал: в его уезде был один, кто держал «восьмого братца»², научил его разговаривать; премного сроднился-обвык: отпраплялся куда — так непременно с ним разом, вот и были сообща много лет, да! Как-то раз проезжали Цзянчжоу³, от дома весьма далеко, а, что называется, средства-капиталы⁴ уж иссякли. Вот человек тот и закручинься-затужи в бессилии. А птица говорит:

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

Хохлатый скворец (鴿鴿) — или Хохлатая майна; простонародное название «восьмой братец» (багэ, 八哥, или бабар, 八八兒), очевидно, по происхождению звукоподражательны. Птица из семейства скворцовых, способна воспроизводить множество звуков, в том числе копировать человеческую речь. Хохлатых скворцов разводили и держали в клетках, подобно попугаям

² Восьмой братец — см. примеч. 1.

³ Цзянчжоу (絳州) — во время Мин и Цин название области на территории нынешнего уезда Синьцзян (新絳), провинция Шаньси.

⁴ Средства-капиталы (資斧) — обиходное название сумм на путешествия. Само название восходит к трактовке четвёртой черты гексаграммы Люй (旅), «Странствие» («Книга перемен» (周易), цзюань 5), где говорится: «Найдёшь средства-капиталы [на странствие]».

— Отчего бы меня не продать? Отнеси меня в государеву резиденцию⁵ — непременно выручишь хорошую цену, и нечего будет горевать, что на дорогу домой денег нет.

Человек тот и говорит:

— Как же я такое допущу?

А птица разъясняет:

— Нету лиха. Ты, хозяин, как цену получишь, спешно и уходи, да жди меня к западу от города в двадцати верстах, под большим деревом.

Человек тот так и сделал. Отнёс его в город — и давай они беседовать, а глазающих помалу-то столпилось! Один из, так сказать, серединной знати⁶ увидал их, довёл о том до слуха князя, князь призвал их к себе, желая совершить покупку. Тот человек и говорит:

— Мы, презренные, друг другу в жизни опора, не хотел бы про-давать.

Князь спрашивает у птицы:

— А ты хотел бы остаться, а?

А в ответ:

— Хотел бы.

Князь возрадовался, а птица снова речёт:

— Дай цену в десять мер⁷, да не давай лишку.

Князь ещё пуще возрадовался, тотчас пожаловал десять мер. Тот человек изнароком скроил раскаянную да сожалеющую мину — и прочь.

Князь ну с птицей беседовать — ответы даёт проворно-складно. Крикнул мяса да потчует его. Вот трапезничать кончили, птица и говорит:

⁵ Государева резиденция (王邸) — имеется в виду княжеская резиденция в Линцю, построенная для Чжу Жун-шуня (朱榮順), шестого сына Дай-вана, тринадцатого отпрыска основателя империи Мин Чжу Юань-чжана (朱元璋, 1328–1398 гг.), в 1424 году ставшего Линцюским ваном.

⁶ Серединная знать (中貴) — здесь: лицо, наиболее приближенное к монаршему дому; фаворит августейшей семьи. В определённых контекстах так именовали дворцовых евнухов.

⁷ Мера (金) — здесь: *цзинь*, мера веса серебра в один *лян*, то есть в ~37,3 г.

— Покорный слуга ваш желал бы омыться.

Ван приказал золотой таз, полный воды, открыл клетку, позволил омываться. Тот закончил мыться — и порх на стреху, вычёсывает хвост, да отряхивает перья, да покамест с князем болтает-лопочет без роздыху. Вскорости перья высохли — взмыл-воспарил⁸ и, перейдя на Цзиньский говор⁹, объявляет:

— Покорный слуга ваш удаляется!

Лишь оглянулись — а уж из виду пропал. Князь со внутренними прислужниками¹⁰, задрав лицо, вздохнули восхищённо — да тотчас и человека того выискивать, а его уж и след простыл.

После был один — в Цинчжун¹¹ направлялся, — так видал этого человека с птицей в руках на сианьском¹² торге. Всё это записал господин Би Цзай-цзи¹³.

⁸ Взмыть-воспарить (翺躩) — выражение употреблялось в «Литературном изборнике» (文選) Сяо Туна (蕭統, 501–531 гг.), где в «Оде о столице Шу» (蜀都賦) Цзо Сы (左思, ~250~305 гг.) так описывались колебания длинных рукавов танцовщицы. Впоследствии в обиходе эти образы соединились, приобретя значение либо стремительного и невесомого полёта птицы, либо парящих танцевальных движений.

⁹ Цзиньский говор (晉音) — диалект провинции Шаньси.

¹⁰ Внутренний прислужник (內侍) — приближённый чин. Иногда это же словосочетание употребляется для обозначения дворцовых евнухов.

¹¹ Цинчжун (秦中) — древнее название территории в центральной части нынешней провинции Шэньси.

¹² Сиань (西安) — бывшая древняя столица Китая, сейчас — столица провинции Шэньси.

¹³ Би Цзай-цзи (畢載績) — то есть Би Цзи-ю (畢際有, 1623–1693 гг.) сын минского министра Би Цзы-яня (畢自嚴, 1569–1638 гг.), в начале Цин продвинувшийся по службе и служивший некоторое время в Шаньси. Сам Би Цзы-янь родом происходил из Цычуаня, родного уезда Пу Сун-лина. Би Цзай-цзи неизменно оставался в уезде одним из самых влиятельных людей. С Би Цзай-цзи Пу Сун-лин был очень дружен, много лет в его имении он держал свою небольшую школу и наставлял учеников.

113.
ЛЮ ХАЙ-ШИ¹
劉海石

Лю Хай-ши, родом из Путая², спасался от смуты в Биньчжоу³. На ту пору было ему четырнадцать лет, и с биньчжоуским студентом Лю Цан-кэ они, что называется, купно составляли сажень⁴, а потому друг к другу расположились и условились считаться старшим да младшим братьями. Немного времени прошло, Хай-ши утратил свою, скажем так, опору и поддержку⁵ и, для совершения похорон,

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Путай (蒲臺) — название уезда на территории провинции Шаньдун. Сейчас входит в состав уезда Пусин.

³ Биньчжоу (濱州) — древнее название уезда на территории нынешнего города Биньчжоу, провинция Шаньдун.

⁴ Составлять сажень (函丈) — то есть сидеть на циновках, расстояние от которых до циновки наставника по требованиям «Записей ритуала» (禮記) составляла китайскую сажень *чжан* (3,33 м). Требование это сформировалось в древности, и в описываемый период обучение происходило уже не на циновках, а за письменными столами, но учитель по-прежнему почтительно именовался «[тот, расстояние до чьей циновки] составляет сажень». «Купно составлять сажень» — учиться у одного учителя.

⁵ Опора и поддержка (怙恃) — родители; выражение восходит к «Книге песен» (詩經), раздел «Малые оды» (小雅), ода «Высока полынь» (蓼莪), повествующая о скорби по ушедшим родителям, где говорится: «Нет у отца — на кого ж обопрёшься, матери нету — так кто же поддержит?» Впоследствии выражение «поддержка и опора» вошло

вернулся домой, письма-известия следом оскудели. Семья Цан-кэ была премного зажиточна, когда стало ему сорок лет, то растил он двух сыновей; старшему сыну Цзи было семнадцать лет, был он видным эрудитом в уезде; да и второй сын тоже здравоумствовал. Цан-кэ к тому ж женился на дочери господина Ни из уезда и крайне её лелеял. После, через полгода, старший сын занемог мозговым недугом да скончался — муж и жена жестоко скорбели. Немного спустя и супруга по болезни также скончалась. Миновало несколько месяцев — а и старшая сноха тоже преставилась, и служанки с прислужниками помирали-гибли один за другим. Цан-кэ скорбел-сокрушался, с крайностью не мог совладать.

Вот однажды, как раз когда сидел он в удручении, внезапно привратник и докладывает: «Хай-ши прибыл!» Цан-кэ возрадовался, выступил из дверей, приглашает входить. Только собрался излагать, так скажем, про смену холода и тепла⁶, как Хай-ши вдруг тревожно и спроси:

— У тебя, старший брат, тут бедствие родовой гибели⁷, разве не знаешь?

Цан-кэ оторопел, не уразумевает, откуда что. Хай-ши объясняет:

— Давно прекратились письма-известия, вот я, ничтожный, и засомневался, де, намереннейшее положение не то, чтоб непременно было прекрасным.

Цан-кэ прослезился да всё сложившееся и разъяснил. Хай-ши всхлипнул «си-сю», а вдруг с улыбкой и заявляет:

— Напасти да беды ещё не иссякли, и я первым делом старшему брату в том соболезную; однако ж счастье, что повстречал меня, слугу покорного, за что прошу дозволения брата и поздравить!

в обиход именно в значении «отец и мать», часто в контексте траура по невосполнимой утрате.

⁶ Смена холода и тепла (寒溫) — то же, что и разговоры о стуже и жаре (寒暄) — досужая светская беседа. См. также примеч. 15 к новелле 58 «Учёный муж из Фэнъяна», *цзюань* 2, том 1.

⁷ Бедствие родовой гибели (滅門之禍) — сам термин имел в Старом Китае широкое хождение, обозначая самый суровый вид уголовного наказания, заключающийся в тотальном уничтожении семьи до последнего отпрыска. Здесь имеет не юридическое, а мистическое толкование.

Цан-кэ говорит:

— Давно не видались, неужто ж подступился к существу, назовём так, «искусства Юэ-жэня»⁸?

Хай-ши в ответ:

— Не в этом я силён; а вот понимать светлое начало жилищ⁹ да натуру в зеркале¹⁰ — весьма искусен я такое применять!

Цан-кэ обрадовался, тотчас предлагает, как говорится, аттестовать жилище¹¹. Хай-ши зашёл в дом, внутри да снаружи везде его осмотрел, закончил и просит позволения обозреть всех едоков семейства. Цан-кэ исполнил, как он велит, приказал всем — сыну, снохе, служанкам да наложницам скопом предстать в главной зале. Цан-кэ одного за одним указывает-объявляет; дошло до госпожи Ни — Хай-ши задрал лицо к небу и глядит, хохочет — не остановишь. Только все изумляться-поражаться, как глядь — а госпожу Ни озноб сотрясает, лица на ней нет, тело стремительно ссохлось-ужалось едва ли до двух стоп¹² с чем-нибудь. Хай-ши краевым прессом¹³

⁸ «Искусство Юэ-жэня» (越人術) — медицина. Древний великий врач эпохи «Вёсен и Осеней», впоследствии обожествлённый как один из покровителей медицины и получивший прозвище Бянь Цюэ (扁鵲) в честь мифического лекаря — сподвижника Жёлтого императора, в миру прозывался Цзи Юэ-жэнь (姬越人) или Цинь Юэ-жэнь (秦越人), а потому в его честь наука врачевания общо именуется «искусством Юэ-жэня».

⁹ Светлое начало жилищ (陽宅) — то есть правильное течение *ян*ской (животворящей) силы в доме. Человеческое жилище по традиционным представлениям должно быть исполнено силы *ян*, поэтому и называлось «*янским* домом» (陽宅) в противоположность могиле, именовавшейся «*иньским* домом» (陰宅).

¹⁰ Натура в зеркале (風鑒) — то есть суть естества, отражённая в зеркале [души] — облик; описательное название для физиогномистики.

¹¹ Аттестовать жилище (相宅) — путём магических практик определить, добрые или злые силы преобладают в доме, и дать советы, как и что исправлять. Данная практика лежала в основе китайской геомантии *фэншуй* (風水).

¹² Две стопы (二尺) — две меры длины по стопе; вместе приблизительно 60 см.

¹³ Краевой пресс (界方) — особая письменная принадлежность, предназначенная для выравнивания и придавливания края бумаги во время

и приложи её по голове — звук пошёл, как от каменного жбана. Хай-ши хватё её за волосы, поискался на потылице, глядь — несколько белых шерстинок; намерился вырвать их, а госпожа шею втянула¹⁴, павши в ноги, рыдает, говорит, что тотчас исчезнет, только молит не вырывать. Хай-ши гневно речёт:

— С твоим-то злодейским нутром да всё ещё не подохла, а?!

Те, что были на зашеине, и выдрал. Госпожа тут тотчас и переменись — черна окрасом и вроде дикой кошки. Все вельми оторопели, а Хай-ши прибрал её да спрятал в рукав; оборачиваясь к супруге сына, говорит:

— Сноха набралась яду, и уж глубоко; на спине должны иметься перемены, прошу их осмотреть.

Супруга смущалась, не дерзая обнажиться-показать, да сын Лю твёрдо вынудил её; глядь — на спине белые волоски длиной пальца в четыре где-то. Хай-ши иглою выковырял их и говорит:

— Эти волоски уж старые, ещё семь дней — и уж нельзя бы спасти.

Потом обозрел сына Лю — а тоже имеются волоски, но только на два пальца. Вот и говорит:

— Когда этак — то где-нибудь через месяц с небольшим помирают, и всего-то.

Цан-кэ, а равно и служанок-прислужников купно обследовал — и объявляет:

— Кабы ваш слуга покорный, случись вдруг, не заявился, то во всём роду, сказать можно, не осталось бы таких, кто кормится¹⁵, да!

Его спрашивают:

письма. Выглядит как тяжёлый, обычно парный брусок, вытянутый в длину. Изготавливается из дерева, поделочных камней, металла, кости и пр.

¹⁴ Втянуть шею (縮項) — стандартная формула в китайской литературе при описании чьего-то ужаса и паники.

¹⁵ Не осталось бы таких, кто кормится (無噍類) — цитата из «Ханьской истории» (漢書), цзюань 1 «[Записи о] Гао-ди Лю Бане, часть 1» (高帝劉邦上), где, разговаривая о воеводе Сян Юе, старые генералы ужасаются его свирепости и вспоминают, что когда тот атаковал Сян-чэн, то в городе не осталось никого, кто кормится, то есть не осталось ни одной живой души. Впоследствии выражение вошло в обиход со значением «истребить поголовно», «не оставить никого в живых».

— А что же это за тварь?

Он в ответ:

— Тоже лисьего роду. Высасывает из человека дух да силу¹⁶, создаёт себе душу¹⁷; особенно ловка губить людей.

Цан-кэ говорит:

— Давно с вами не видались, где же сподобился чудесных див таких-то?! Не иначе как стал бессмертным?

А тот со смехом:

— Да единственно, следуя за учителем, наловчился в мелком трюкачестве — и всего-то! Чего ж так сразу говорить: «Бессмертный»?!

Спросили, кто же его учитель, тот в ответ:

— Даосский мастер Горный Валун. Вот эта тварь как раз — не могу я её убить, а должен вернуться и вручить пленённую учителю.

Договорил — стали прощаться. Чует — в рукаве пустым-пусто, встревожено речёт:

— Упустил её, эх! На конце хвоста оставались длинные волосы, которые не выдернул, вот и сбежала-укрылась!

Все скопом пришли в ужас, а Хай-ши объясняет:

— Волосков на шее уже нет — не сможет превратиться в человека. Сможет только перекинуться зверем и сбежала, верно, недалеко.

Тогда зашёл в палаты — оглядел их кошку, вышел из дверей, подкликнул их собаку — везде, говорит, её нет. Отворил хлев и со смехом объявляет:

¹⁶ Дух и сила (神氣) — в данном случае имеется в виду *янская* первооснова, питающая содержащийся в сердце дух (神) и связанную с умом и духовностью часть жизненной силы (氣). Не имеющим по природе *янской* первоосновы навьим тварям, в число которых входят и многочисленные оборотни, легче прочего добывать эту тонкую материю, высасывая её из живых людей, чтобы самим продолжать существование в подлунном мире.

¹⁷ Душа (靈) — в данном случае термин никак не связан с пониманием души в западной культуре; здесь имеется в виду создание полноценного тонкого тела, формируемого из двух первооснов нашего мира — *иньской* и *янской*. Сам же употреблённый Пу Сун-лином термин многозначен и в даосских мистических текстах, например, имеет совершенно другой смысл: так там называется средоточие *иньской* энергии, необходимой для функционирования животных душ *по* (魄).

— Тут она!

Цан-кэ глядит — а прибавилась одна свинья; как услышала смех Хай-ши, повалилась ничком, не смеет и чуть шевельнуться. Ухватил за ухо, вывел наружу — видит: на хвосте белая волосина, твердая, как игла. Лишь собрался пресечь-вырвать, а свинья ну изворачиваться-юлить, жалобно голосить — не даёт рвать. Хай-ши говорит:

— Ты натворила зла уже премного, вырвать один волосок и то не срядишься?

Прихватил да и выдрал его — да тотчас снова и обратилась дикой кошкой. Спрятал в рукав, хотел уходить, да Цан-кэ всеми силами удерживает; тогда уступил потрапезничать. Спрашивают о следующей встрече, а он:

— Это сложно заранее наметить. Мой учитель дал обеты грандиозные, часто посылает таких, как я, бродить в этом мире, вызывать-спасать всех живых тварей. Нет непреложности, что придёт время следующей встрече.

После того как расстались, Цан-кэ поразмышлял пристально над тем именем да, прозревши, воскликнул:

— Хай-ши и верно бессмертный, да!

«Горный Валун» — соедини вместе, и будет иероглиф «Утёс»¹⁸, а это как раз запретное имя¹⁹ Патриарха Люя²⁰!

¹⁸ «Горный Валун»... — при соединении графических элементов 山 (гора) и 石 (валун) получается иероглиф 岩 (утёс), который был именным знаком Люй Дун-биня (см. примеч. 20).

¹⁹ Запретное имя (諱) — прижизненное имя почитаемого усопшего; в данном случае — прижизненное имя святого бессмертного. См. примеч. 2 к новелле 1 «Экзамен на Чэнхуана», *цзюань* 1, том 1.

²⁰ Патриарх Люй (呂祖) — Люй Дун-бинь (呂洞賓) или Люй Янь (呂岩), один из Восьми Бессмертных (八仙), пожалуй, самый почитаемый в народе даосский святой, помощник во всех делах и защитник нации. Именно его считали своим покровителем, например, *ихэтуани* во время Боксёрского восстания. О Люй Дун-бине имеется множество литературных произведений; он также считается божественным основателем Школы Всеобщей Истины (全真道), одной из основных школ религиозного даосизма в Китае.

114.
РАЗЪЯСНЯЕТ ЧЕРТЯМ¹
諭鬼

Цинчжоуский² министр Ши Мао-хуа³, когда состоял ещё в ученичестве⁴, то за воротами уездной столицы имелся большой омут — дождей не было, а не высыхал. В городе согнали отъявленных злодеев несколько десятков да у омута и казнили. А бесы⁵ собрались —

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Цинчжоу (青州) — уезд в провинции Шаньдун.

³ Ши Мао-хуа (石茂華) — минский государственный деятель родом из Цинчжоу. Второе имя Цзюнь-цай (君采), прозвище И-ань (毅庵, 1521–1583 гг.). В 1544 году сдал экзамен на степень *цзиньши*. Был наместником государя в трёх приграничных районах (三邊總督), военным министром, возглавлял цензорат в Нанкине. Был пожалован постом младшего опекуна наследника престола.

⁴ В ученичестве (諸生) — в данном контексте это выражение обозначает уже обладание первым из распространённых при Мин и Цин учёных званий, то есть *сюцяя*.

⁵ Бесы (鬼) — здесь: злокозненные неупокоенные души, остающиеся близ места гибели и способные причинять различные бедствия живым. Такого рода демон по представлениям китайцев являет собой неразделённое на составляющие тонкое тело человека; имея значительный запас *янской* и *иньской* силы подобный злотворный призрак существует крайне долго, не переселяясь в мир мёртвых и не перерождаясь.

и ну чинить неистовства, проходивших неизменно затягивали к себе. Как-то раз некий NN столкнулся с такой тяжелой напастью, вдруг слышит — все бесы в страхе прочь со словами:

— Министр Ши прибывает!

Недолго прошло — прибыл досточтимый, NN и подал жалобу. Досточтимый известью начертал на стене директиву, гласившую:

— Ши директива безвестного⁶ о деле запрета и сдержек: в свете открывшихся ваших неблагонравных стремлений вы навлекли на себя громовой разрушительный гнев. Что затевали — устои пограло, вот и сподобились вы наказания секирой на плахе. Так остаётся лишь поворотить от бесовских-ванлянских⁷ стремлений, друг прежде друга виниться и каяться; иль уповать, мол, с прогневших уже черепов кровь долой отмывая, сбросите тяжесть, что тянет на дно. Ваше ведь племя при жизни ещё лютой казни стяжало — в смерти ж вы снова столпились для зла. Выскочив-выпрыгнув, вы предстаёте — космы распушены — целой толпою; топчетесь-маетесь спереди где-то, бия себя в грудь, упырей⁸ представляя. Жёлтая глина уши заткнула⁹ — ан же всегда мироволите дьявольским лютым злодействам; средь бела дня вы чертями являетесь и, почитай, прерываете странникам встреченным путь. Ваших холмов-усыпальниц на три

⁶ Безвестный Ши (石某) — в данном случае министр Ши самоуничижительно называет себя «безвестный» из приличествующей благородному мужу скромности, вошедшей в норму эпистолярного этикета.

⁷ Ванлянский (岡兩) — присущий бесам ванлянам (пишется также 魍魎), горной нечисти, крайне опасной для человека. См. примеч. 10 к «Ляо Чжая собственному написанию» и 27 к новелле 49 «Не Сяо-цзянь», цзюань 2, том 1.

⁸ Упырь (厲) — в данном случае имеется в виду отсылка к тексту «Цзо чжуаня», цзюань 26, «Десятый год Чэн-гуна» (成公十年), где описывается, как Цзиньский хоу во сне увидел огромного голодного беса ли, которыми становятся после смерти не имеющие мужского потомства; распущенные волосы его достигали до земли; бес ударял себя в грудь и метался со словами: «Убил моих внуков, несправедливо!»

⁹ Жёлтая глина уши заткнула (黃泥塞耳) — то есть похоронен в земле давно и почва забила уже все отверстия.

аршина¹⁰ опричь — всё в подчиненье-подвластьё людей; разве ж у двух величайших — у Неба с Землёю промеж¹¹ — злобным-сви-репым вам сыщется роль? Вслед разъяснению каждому должно следы свои спрятать, прежним путём не упорствовать в зле; ну а костям, что лежат у реки Удинхэ на побережье¹², — ждать без сует поворота сансары¹³; душам, о ком ещё грезят во сне средь покоев златых¹⁴, — вправду вернуться к родимой земле. Кто же к былым прегрешеньям подастся, неотвратимо о том пожалеет!

С этой поры бесовская напасть сразу и прекратилась, омут также иссяк и высох.

¹⁰ Три аршина (三尺) — обиходное название для законов и правил. История названия восходит к древности, когда законы писали на особых бамбуковых планках длиной в три китайских аршина *чи*, то есть примерно в метр. В целом фраза означает: «То, что выходит за правила и установления в ваших могилах...»

¹¹ У двух величайших... — в тексте явная отсылка к «Книге перемен» (周易), где символом Неба выступает гексаграмма *цян* (乾), символом Земли — *кун* (坤), а между ними место отводится третьему члену Великой Триады — Человеку.

¹² Костям, что лежат у реки Удинхэ на побережье (無定河邊之骨) — цитата из *юэфу* танского поэта Чэнь Тао (陳陶, 812–885 гг.) «Песнь о Лунси» (隴西行), где о жертвах войны говорится: «Жалостны кости, что ныне лежат у реки Удинхэ на побережье, Это ведь те, о ком в Вешних покоях [женских опочивальнях — А. С.] по-прежнему грезят во снах».

¹³ Сансара (輪回) — здесь: буддийский круг перерождений, колесо бытия.

¹⁴ Златые покои (金閨) — то же, что и Вешние покои, женская половина дома; см. примеч. 12.

115. ГЛИНЯНЫЙ ЧЁРТ¹ 泥鬼

Академик Тан Цзи-у² из моего уезда, когда был в невеликих ещё годах, то некий NN из свойственников и возьми его с собой в храм развезься³. Академика в юные лета чистосердечие преисполняло, храбростью равнялся с самыми доблестными. Глядь — в галерее глиняный чёрт таращит глаза из глазури⁴: шибко сверкают и огромные; понравились они ему, он тайком пальцами поковырял

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Тан Цзи-у (唐濟武) — уроженец уезда Цзычуань Тан Мэн-лай (唐夢賚, 1628–1698 гг.), второе имя Цзи-у, ещё одно второе имя Баоянь (豹岩), в 1649 году сдал экзамен на степень *цзиньши*, в 1651 году стал академиком Ханьлинь. В поздние годы вернулся в родной уезд и предался даосским практикам, гадая на горе Баошань недалеко от столицы уезда.

³ В храм развезься — в Китае храмы, а особенно буддийские, часто имели на своей территории пейзажные парки, живописные павильоны и множество других объектов, привлекающих толпы посетителей. Также при них обычно имелись хорошие гостиницы, трактиры и лечебницы.

⁴ Глазурь (琉璃) — особый вид стекла, производство которого в Китае превратилось в отдельный вид ремесла и искусства. Разноцветное, прочное и редкое по красоте, это стекло представлено в скульптуре, ювелирных изделиях, архитектуре, культовых предметах.

да достал, припрятал — и домой. Только добрались до дому, NN внезапно занедужил, не говорит. Прошло какое-то время — вдруг встаёт, суровым голосом вопрошает:

— Чего ради вырвали мне очи?!

Крик-галдёж не утихает. Никто ничего не поймёт, а академик тут и разъясни, что сделал. Домашние тогда молитвенно взывают:

— Ребёнок мал, да и не ведал, в игре попортил глаз почтенный, немедленно поднесём обратно!

Тогда громогласно и объявляет:

— Коли так, мне, вестимо, надлежит удалиться.

Речи закончил — наземь свалился да отошёл; долго минуло — лишь и очнулся. Ну его спрашивать, что говорил, — да всё туманно, не помнил себя. Тогда отнесли очи да наново вставили чёрту в глазницы.

Автор этих строк заметит:

В зал, так сказать, поднялся⁵ искать очи — глиняный идол ну до чего же разумен-то, да! Да только ведь академик очи-то вынул, так, получается, ради чего ж гнев вымещать на спопутнике этом? Видимо, стала причиной нефритных палат⁶ сановитость⁷, а и к тому ж совершенной натуре⁸ прочность-упорство⁹; глядя, как он пода-

⁵ Подняться в зал (登堂) — в буквальном смысле «взойти в святая святых»; как правило, говорится о достижении высот мастерства в каком-то умении или навыке. В обиходе это выражение со временем стало означать просто «явиться с визитом»; именно в этом смысле оно употреблено здесь и у Пу Сун-лина.

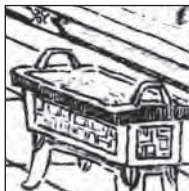
⁶ Нефритные палаты (玉堂) — общепринятое именование академии Ханьлинь, вошедшее в обиход после того, как Сунский Тай-цзун (宋太宗, 939–997 гг.) лично начертал над входом в академию каллиграфическую надпись, гласившую: «Управа нефритных палат» (玉堂之署).

⁷ Сановитость (貴) — намёк на высокое положение, которое впоследствии занял академик.

⁸ Совершенная натура (至性) — в конфуцианских текстах так обычно определяли выдающиеся искренность и благородство.

⁹ Прочность-упорство (觥觥) — скрытая цитата из «Поздниханьской истории» (後漢書), цзюань 82, «Биографии», раздел 72 (1), «Жизне-

вал докладные Северной вышке¹⁰ и взмахнул рукавами¹¹ в Южных горах¹², — тут и святые его устроятся, что уж тогда говорить про чертей?!

описания магов» (方術傳), «Жизнеописание Го Сяня» (郭憲傳), где государь сказал о своём дерзком советнике Го Сяне, не раз демонстрировавшем способности к предсказаниям: «К востоку от [заставы Шаньхай]гуань [царит] прочность-упорство, а в Го Сяне — дерзновенность». Впоследствии выражение «прочность-упорство» стало метафорой непоколебимых духом подданных, способных говорить властям нелюбимые вещи.

¹⁰ Северная вышка (北闕) — здесь: иносказательное именование дворцовых палат. Подле неё ожидали утренней аудиенции и туда же подавали обращения к трону. Академик Тан Мэн-лай не раз писал весьма смелые челобитные государю, отстаивая свою точку зрения или заступаясь за попавших в опалу придворных. См. также примеч. 12.

¹¹ Взмахнуть рукавами (拂袖) — распространённая метафора, означающая выразить своё недовольство, гнев. Здесь имеется в виду самовольное прошение об отставке и уход со службы Тан Мэн-лая, вызванные его неприятием происходившего при дворе.

¹² Южные горы (南山) — имеются в виду горы Чжуннаньшань, находящиеся к югу от танской столицы — Чанъаня. О них не раз упоминали в стихах танские поэты; в данном случае имеется в виду отсылка к стихотворению великого Мэн Хао-жэня (孟浩然, 689–740 гг.) «На склоне лет возвращаюсь в Южные горы» (歲暮歸南山), где говорится: «К Северной вышке закончил носить прошения, К Южным горам возвращаюсь, к разбитой лачуге». См. примеч. 10.

116.

ВО СНЕ РАССТАЛИСЬ¹

夢別

Ван-чунь, родитель господина Ли², с покойным двоюродным дедом, досточтимым Юй-тянем³, был особенно дружен. Однажды ночью снится ему, что досточтимый приходит к нему домой и в удручении с ним беседует. Тот с вопросом:

— С чем пожаловали?

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Родитель господина Ли (李先生之祖) — имеется в виду отец близкого друга Пу Сун-лина Ли Яо-чэня (李堯臣) по имени Ли Сянь (李憲), второе имя Ван-чунь (王春). В 1646 году он сдал экзамен на степень *цзиньши*, до самой своей кончины был начальником уезда Сяофэн (孝豐縣) в Чжэцзяне.

³ Юй-тянь (玉田) — имеется в виду младший брат деда по отцу Пу Сун-лина Пу Шэн-вэнь (生汶), второе имя Чэн-фу (澄甫). В 1592 году он сдал экзамен на степень *цзиньши*, служил начальником уезда Юйтянь (玉田縣) в провинции Чжили (直隸省, нынешняя провинция Хэбэй). В «Описании уезда Цзычуаня» (淄川縣誌) рассказывается, что, рано потеряв отца, он всю жизнь был особенно почтителен к матушке и, когда та тяжело заболела, рыдал и убивался, «изверг несколько ведер крови» и скончался. В тексте новеллы он называется, как это часто можно видеть в классической литературе, прозвищем по месту службы — Юй-тянем.

А в ответ:

— Ваш слуга покорный должен пуститься в дальний путь⁴, потому и явился проститься с вами — и только-то.

Спрашивает:

— Куда направляетесь?

А тот:

— Далече, да.

И вышел. Провожал — достигли до ущелья, глядь: на скальных отвесах имеется разрыв-расщелина; тут досточтимый, сложив руки⁵, распрощался и, повернувшись спиной к расщелине, потоптался-помедлил да, пятясь, и вошёл. Окликал его — без ответа, инда в тревоге и пробудился от дрёмы. Как развиднелось — доложил о том прадеду Цзин-и⁶ да к тому ж велел приготовить поминальную утварь, говорит:

— Досточтимый Юй-тянь оставил резиденцию⁷, так-то.

Прадед просил прежде вызнать про то; верно — так после и поминать; ан не послушал — вопрекор отправился в некрашеном платье⁸, достиг ворот — а уж и поднимают вывешивать полотнища⁹, да.

⁴ Пуститься в дальний путь (長往) — распространённая метафора ухода из жизни, вечной разлуки.

⁵ Сложив руки (拱手) — сделав особый приветственный жест руками: левая ладонь поверх сложенной правой, большие пальцы прижаты друг к другу и устремлены вверх, руки приподняты чуть выше груди. См. примеч. 11 к новелле 49 «Не Сяо-цян», *цзюань* 2, том 1.

⁶ Цзин-и (敬一) — отец Ли Сяня Ли Сы-юй (李思豫), второе имя Цзин-и.

⁷ Оставить резиденцию (捐[館]舍) — цитата из «Планов Борющихся царств» (戰國策), *цзюань* 19, «Планы Чжао, часть 2» (趙策二), где про скончавшегося Фэнъянского правителя Ли Дуя (奉陽君李兌, IV–III вв. до н. э.) Чжаоский князь иносказательно говорит, что тот «ныне оставил [свою] резиденцию». Впоследствии выражение стало почтительной аллегорией понятия «скончаться, уйти в мир иной».

⁸ Некрашеное платье (素服) — то есть белые траурные одежды.

⁹ Вывешивать полотнища (幡掛) — по обычаю на воротах дома новопреставленного в Старом Китае вывешивали особые вертикальные полотнища из бумаги.

У-ху!¹⁰ Люди древности с друзьями — умер ли он или жив — вот так друг другу и доверяли: погребальные носилки дождались Цзюй-цина и лишь тогда, скажем так, отправились¹¹, и неужто абсурд это, а?!

¹⁰ У-ху (嗚呼) — китайское восклицание, зафиксированное уже в текстах периода «Вёсен и Осеней». Выражает досаду и сожаление. См. также примеч. 4 к новелле 19 «Собачий блуд», *цзюань* 1, том 1.

¹¹ Погребальные носилки... — отсылка к повествованию из «Поздниханьской истории» (後漢書), *цзюань* 81, «Биографии» (列傳), раздел 71 «Биографии одиночек» (獨行列傳), «Биография Фань Ши» (範式傳), воспроизведённому впоследствии в «Записках о поисках духов» (搜神記) Гань Бао (幹寶, ?–336 гг.). Фань Ши, второе имя Цзюй-цин (巨卿), был с юности дружен с Чжан Шао (張劭), второе имя Юань-бо (元伯), хотя они впоследствии не виделись по многу лет. Когда Чжан Шао умер, то он явился Фань Ши во сне и сообщил о своей кончине, попросив приехать проводить его в последний путь. Фань Ши тотчас отправился в дорогу, но опоздал — погребальная процессия уже отбыла на кладбище. Гроб доставили к усыпальнице, но он никак не проходил внутрь. Тогда мать умершего предположила, что это Чжан Шао кого-то ждёт. Тут показался траурный экипаж с Фань Ши, и, лишь когда Фань Ши попрощался с прахом друга и сказал: «Отправляйся же, Юань Бо, у мёртвых и живых разные пути, навеки тут расстаёмся!», погребение смогло завершиться.

117.

ФОНАРЬ-ПЁС¹

犬燈

Слуга министра Хань Да-цяня² спал ночью в передней и увидел, что в верхнем этаже появился, словно светлая звезда, какой-то фонарь.

Прошло совсем короткое время, фонарь спорхнул вниз и на полу превратился в пса. Слуга смотрит — а пёс уже уходит, завернув за дом.

Быстро вскочил и, стараясь быть незамеченным, пошёл за ним следом. Пёс вбежал в сад и превратился в женщину. Поняв, что это лисица, слуга вернулся и улёгся на своё прежнее место.

Вдруг сзади него появилась женщина. Слуга притворился спящим, чтобы наблюдать её дальнейшие превращения. Она наклонилась к нему и принялась расталкивать. Сделав вид, что он только что проснулся, слуга спросил:

— Кто тут?

Женщина не отвечала.

— Слушай-ка, — продолжал слуга, — этот фонарь там, наверху, не ты ли была?

— Раз знаешь, — ответила она, — к чему спрашивать?

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1937 года.

² Хань Да-цянь — современник Ляо Чжая.

И улеглась с ним спать. Днём они разлучились, ночью сошлись — и так у них пошло навсегда. Хозяин, узнав про эти вещи, велел ещё двум другим слугам лечь, обняв его с обеих сторон. Когда же те проснулись, то оба лежали под кроватью, причём не помнили, когда именно с неё свалились.

Хозяин сильно рассердился.

— Когда она придёт, ты её схвати и удержи, — сказал он слуге. — Иначе получишь плетей и палок!

Слуга не смел ничего возразить, сказал: «Хорошо» — и удалился. Он стал раздумывать, как ему быть. Задержать её — трудно, не задержать — боязно провиниться. Ворочался с боку на бок, совершенно не зная, что предпринять.

Вдруг ему пришло в голову, что у женщины есть красная рубашка, плотно-плотно прилегающая к телу, которую она не хочет скинуть ни на минуту. Наверное, думалось ему, здесь-то у неё самое главное и заключается. Стоит лишь забрать рубашку и можно будет заставить её явиться к хозяину.

В полночь женщина пришла.

— Скажи, — спросила она, — тебе хозяин велел меня задержать, не правда ли?

— И очень даже, — отвечал слуга. — Тем не менее мы с тобой так дружим, так любим друг друга, что соглашусь ли я сделать это?

Когда они улеглись, он впотьмах зажал в кулак её рубашку. Женщина разразилась плачем, с силою вырвалась и убежала.

С этого дня между ними всё было прервано.

Впоследствии слуга, возвращаясь откуда-то домой, издали завидел свою женщину, сидевшую у дороги. Когда он поравнялся с ней, то она подняла рукав и закрыла себе лицо. Слуга слез с коня и крикнул ей:

— Это ещё что за манеры?

Женщина поднялась и взяла его за руку.

— А я уж думала, — сказала она, — что ты забыл нашу прежнюю любовь. Ну, а раз любишь, да ещё и относишься ко мне по-дружески, то любовь нашу можно восстановить. А то, что ты тогда сделал, так это вышло по приказанию твоего хозяина. Я тебе не удивляюсь.

А всё-таки положенной нам судьбе уже пришёл конец! Сегодня я устрою маленькую пирушку... Пожалуйста, зайди ко мне, и мы устроим прощанье.

Дело было в начале осени. Гаолян только что загустел. Женщина взяла слугу за руку и повела за собой. А в гаоляне оказалось высокое здание. Слуга привязал лошадь, вошёл. В гостиной уже были накрыты столы, полные разных блюд и напитков.

Только что он сел, как толпа служанок стала обносить жарким. У слуги было дело, об исполнении которого он обязан был своему хозяину донести. Он простился и вышел.

Смотрит — поле, как и раньше, всё то же.

118.

МОНАХИ-ИНОЗЕМЦЫ¹

番僧

Хэшан Ти-кун рассказывает, что в Цинчжоу он видел двух монахов-иноземцев. Их наружность была причудливая какая-то, несовременная. В ушах висело по кольцу. Одеты были в жёлтый холст. Волосы вились кудрями.

По их собственным словам, они пришли из западных стран и явились к тамошнему губернатору, так как слышали, что он чтит Будду.

Губернатор послал двух курьеров из канцелярии, чтобы они проводили монахов в монастырь. Настоятель Лин-пэй встретил их не очень-то приветливо. Тогда курьеры, видя, как необыкновенно странны эти люди, угостили их на свой счет и остались с ними ночевать.

Один из них спросил иноземцев:

— В ваших западных краях много необыкновенных людей... Вот что, *архаты*², нет ли у вас в запасе каких-нибудь фокусов — нам показать?

Один из монахов раскатисто захохотал. Потом высунул из рукава руку, и на ладони у него оказалась маленькая пагода,

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1923 года.

² *Архаты* — прямые ученики Будды, первосвятители. Здесь, конечно, преувеличенная вежливость.

высотой еле-еле до фута! Она была вся в резьбе — прелесть, что за вещь!

На стене, в самой отдалённой и высокой части комнаты, был маленький киот для фигуры божества. Монах бросил туда пагоду — и она прямёхонько, ровно и определённо туда встала, нисколько не скосясь, не наклонись... Смотрят теперь: на пагоде лежат мощи Будды и излучают свет, ослепительно сияя на всё помещение. Затем он поманил пагоду к себе рукой, и она снова упала в ладонь.

Другой монах засучил рукав и вытянул левую руку, да так, что она удлинилась футов на шесть, на семь. Зато правая рука стала сокращаться и сошла на нет.

Затем он вытянул правую руку, и с ней произошло то же, что с левой.

119.

ЛИСА-НАЛОЖНИЦА¹

狐妾

Лю Дун-цзю из Лайу (губернии Шаньдун) был правителем Фынчжоу (в Шэньси). Раз он сидит один в канцелярии и вдруг слышит смех и говор, приближающиеся к нему со двора. Когда смеющиеся вошли, они оказались четырьмя женщинами, из которых одной было за сорок, другой лет тридцать, третьей около двадцати четырех — двадцати пяти, а самая последняя ещё носила чёлочку. Все они встали перед столом, глядя на Лю, и смеялись. Лю отлично знал, что в его дворце много лисиц, и поэтому оставил их без внимания. Так прошло несколько минут. Затем девушка с чёлкой вытащила красный платок и шутливо бросила Лю в лицо. Тот схватил платок и выбросил в окно, продолжая не обращать на девушку никакого внимания. Они все захохотали и ушли.

В один прекрасный день к Лю явилась та, что была постарше, и сказала ему следующее:

— Моя сестрёнка имеет с вами свою судьбу. Я хотела бы, чтобы вы не погнушались ею и не выбросили, как негодную траву.

Лю вяло обещал, и та ушла, чтобы сейчас же явиться со служанкой, причём обе они вели под руку девушку с чёлкой. Затем они усадили её плечо к плечу с Лю, и старшая сказала:

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1922 года.

— Чудесная вы, право, пара жар-птиц! Сегодняшней ночью устройте себе получше узорную брачную свечу. Ты же, милая, постарайся услужить господину Лю. А теперь мы уйдём.

Лю стал рассматривать девушку пристально; красота сияющая, второй такой, конечно, нет, — и давай с ней миловаться. Затем стал расспрашивать, откуда она.

— Я, конечно, не человек, — сказала она, — но в то же время всё-таки человек. Дело в том, что я дочь твоего предшественника по службе; меня стала губить лиса, и я скоро умерла, а затем была похоронена здесь в саду. Однако, другие лисы собрались и оживили меня, после чего мне сообщилась лисья летучая подвижность.

Лю после этих её слов стал щупать у ней в конце спины. Почувствовав это, девица улыбнулась и спросила:

— Ты уж не думаешь ли, что у лисицы есть хвост?

Повернулась и сказала:

— Пожалуйста, пощупай.

С этих пор она так и осталась у него жить.

Лю стал теперь проводить со своей маленькой любовницей всё время: ходил ли, сидел ли — всё с ней. Домашние отнеслись к ней как к малой госпоже. Когда служанки явились к ней на поклон, она их одарила очень щедро.

Тут подошёл день рождения Лю. Явилась масса гостей. Пришлось накрыть на тридцать персон, понадобилось очень много поваров. Ещё до этого дня Лю дал приказ набрать их, но пришли один-два, и он не знал, куда деваться от раздражения. Дева, узнав об этом, велела ему не беспокоиться.

— Если поваров всё равно не хватает, — сказала она, — то не лучше ль будет отпустить и тех, что пришли. Я, конечно, не из очень-то способных, но на тридцать человек приготовить нетрудно.

Лю был очень доволен и отдал распоряжение, чтобы всю рыбу, мясо, специи — одним словом, всё перетасили в помещение господжи. Затем весь дом в течение целого дня только и слышал, что дробный стук ножей, не прекращавшийся ни на минуту.

Во дворе накрыли стол и только что поставили подносы, глядь — а они уже полны самыми разнообразными кушаньями.

Десять, даже больше, человек суетливой бесконечной чередой тянулись к столу — всё время брали и уносили кушанья, а им не было конца краю. Наконец, пришёл слуга с требованием пирожков. Из дома ему говорят, что ведь хозяин не заказывал их. Разве можно их изготовить по приказу: раз-два?

— Впрочем, — сказали оттуда, подумав, — нечего делать. Давай возьмем в долг.

Через несколько минут зовут взять пирожки. Глядь, а тридцать блюд так и дымятся на столе. Когда гости ушли, дева говорит Лю:

— Благоволи дать денег на уплату кой-кому за пирожки.

Лю послал человека отнести деньги. Оказалось, что в одном доме как раз исчезли пирожки, и все были в крайнем недоумении, которое разъяснилось, конечно, когда пришёл человек от Лю.

Однажды вечером Лю сидел и пил. И вдруг ему захотелось своего горьковатого шаньдунского винца. Дева попросила разрешения пойти взять его и вышла из дому. Потом вернулась и сказала, что у дверей стоит жбан, которого ему хватит на несколько дней. Лю посмотрел, — и в самом деле, вино: настоящее домашнее, молодое «в жбане весеннее».

Через несколько дней госпожа Лю отправляет из дому двух слуг к мужу в Фынь. На пути один из них говорит другому:

— Я слышал, что госпожа лиса дает на водку очень щедро. Сходить вот теперь да получить от неё, — можно будет и шубу купить.

Дева, сидя у себя, уже узнала об этом и говорит Лю:

— Придут люди из дому. Меня злость берет на одного из них, мерзавца, невежу. Ну, уж я ему отплачу!

На следующий день, только что слуга вошёл в город, как у него сильно разболелась голова, а когда он дошёл до дворца, то схватил голову обеими руками, выл от боли и кричал. Все советовали позвать врача, дать лекарства, но Лю смеялся и говорил:

— Не стоит лечить. Придёт время, сам поправится.

Многие выразили опасение, уж не прогневил ли он маленькую госпожу. Слуга подумал и сказал, как это и чем именно он, который только что пришёл и ещё не снял дорожной сумки, мог провиниться.

Впрочем, что тут разговаривать и кому жаловаться: нехотя пополз на коленях и стал упрашивать госпожу.

— Ты назвал меня госпожой, — говорил ему голос из-за занавески, — этого достаточно. Зачем ты назвал меня лисой?

Тогда слуга понял и стал бить поклоны без конца и опять слышит голос:

— Если ты захотел приобрести себе шубу, зачем же всё-таки быть таким невежей?

Потом опять:

— Ну, ты выздоровел!

При этих словах боль у слуги словно куда-то исчезла. Он стал откланиваться и хотел уже уйти, как из-за занавески ему выбросили сверток, сказав:

— Вот тебе шуба из ягненка. Бери и уходи.

Слуга развернул, смотрит: там пять *лан*.

Лю спросил, что нового дома. Слуги отвечали, что особенного ничего, только вот однажды ночью пропал куда-то из кладовой жбан с вином. Высчитал по числам и часам, — как раз оказалось в ту самую ночь, когда лиса пошла брать вино. Все были в ужасе от её чудесной силы и стали называть её святой феей.

Лю нарисовал её портрет. В то время Чжан Дао-и был ученым инспектором. Прослышав про эти чудеса маленькой госпожи, он явился к Лю с визитом, как земляк, и пожелал на неё взглянуть, но дева отказала. Лю тогда показал её портрет. Чжан силком вырвал и унес, повесил у себя и стал молиться с утра до ночи, приговаривая:

— С такою твоей, милая, красотой, куда бы ни явилась ты, везде своё возьмешь. И вдруг — ты отдала себя волосатому, мохнатому старику. Смотри, ведь я не хуже его, Дун-цзю. Почему же ты не подаришь меня ласковым взглядом?

Дева сидела с Лю в канцелярии и вдруг говорит:

— Господин Чжан невежа. Надо будет его слегка проучить.

И вот однажды, как раз когда Чжан молил и заклинал её портрет, ему показалось, что кто-то из пространства хлопнул его по лбу, так что он грохнулся на пол и ощутил сильную боль. Страшно испугавшись, он вернул портрет. Лю стал расспрашивать человека, который

принёс портрет, но тот скрыл настоящую причину и отвечал, что-то присочинив. Лю засмеялся.

— А скажи-ка, — спросил он, — у твоего господина лоб разве не болит?

Слуга не мог больше обманывать и сказал всю правду.

Через несколько времени прибыл зять Лю, студент Юань. Попросил разрешения повидать деву, но та резко отказала. Юань настаивал.

— Зять ведь не чужой, — уговаривал её Лю, — чего ты так упрямишься?

— Когда зять твой явится ко мне, — отвечала та, — надо обязательно ему что-нибудь подарить. Но он надеется на мою щедрость, и, по-моему, мне не удовлетворить его желаний. Вот почему я и отказала ему сейчас. Но раз он так усердно об этом просит, то я согласна принять его дней через десять.

Через десять дней Юань входил к ней, здоровался, кланяясь ей из-за занавеси. Спросил её о здоровье, был скромен во всем, сдержан и не решался внимательно рассмотреть. Когда же уходил, то, сделав несколько шагов, повернул голову и уставился на неё пристальным взглядом, но вдруг услышал:

— Зятёк-то обернулся!

Сказала и захохотала резким, резким смехом, словно сова. Юань услышал этот смех и почувствовал, как ноги его размякли, сознание помутнело, словно он терял и жизнь и дух. Только выйдя от неё и посидев, он начал понемногу приходить в себя.

— Вот сейчас я слышал её смех, — говорил он, — словно раскаты грома. Сам не знаю даже, моё ли это тело, или нет.

Через несколько минут служанка от имени своей госпожи передала подарок в двадцать *лан*. Юань взял и сказал служанке:

— Святая фея каждый день живёт с моим тестем. Разве она не знает, что у меня широкая натура и что я не привык тратить мелочь?

Дева, услышав это, сказала:

— Я ведь знала, что это за человек! Однако моя мошна как раз пуста. Некоторое время тому назад я с одной подругой ходила в Бяньлян, а этот город в то время был занят речным богом, и все наши деньги потонули. Тогда мы вошли в воду, и каждая нашла

часть денег. Но разве могу я насытить его безмерные требования? Пусть даже я сумею его щедро одарить, — всё равно его счастье ничтожно, и даже в этом случае ему не справиться с наградой.

Вообще, дева могла заранее разузнать о чем бы то ни было. Когда встречалось какое-нибудь недоумение и затруднение, Лю всегда с ней советовался, и не было случая, чтобы она не разрешила их. Однажды, когда они сидели вместе, она вдруг взглянула на небо и сильно испугалась.

— Большой мятеж наступает, — сказала она, — как нам с этим быть?

Лю с тревогой спросил о своих домашних, но она успокоила его, говоря, что, вообще, им беды не будет, и только второму его сыну будет худо.

— Здесь, — продолжала она, — в непродолжительном времени будет поле сражений. Тебе следует просить назначения куда-либо подальше, и тогда только, быть может, избежишь беды.

Лю послушался её, подал прошение начальству и получил назначение по продовольственному делу в Юньнань и Гуйчжоу. Дорога предстояла очень дальняя, и все, слышавшие об этом, сочувственно жалели Лю. Одна только дева его поздравляла. Вскоре взбунтовался Цзян Жан, и вся область Фынчжоу погибла, став гнездом мятежников. Второй сын Лю пришёл из Шаньдуна, попал в разгар всех этих восстаний и был убит. Город пал. Всем чиновникам пришлось испытать несчастье, и только Лю, командированному по делам службы, удалось избежать беды.

Когда мятеж был усмирён, Лю вернулся. Однако, тут же, по ошибке, он был привлечён к суду по крупному делу и разорился до того, что не хватало средств на еду. А между тем тот, от кого он зависел, требовал от него уйму денег, так что Лю в безвыходном положении загрузил и хотел смерти.

— Нечего горевать, — сказала ему дева. — Вон возьми эти три тысячи *лан* под кроватью — хватит нам на прожитие!

Лю пришёл в восторг и спросил, где украдены эти деньги.

— В мире есть вещи без хозяина, бери — всего не возьмешь. Зачем непременно красть?

Лю разными махинациями удалось избавиться от преследования и вернуться домой. Дева пошла за ним.

Прошло несколько лет. Вдруг она ушла, оставив в подарок несколько вещей в бумажном конверте. В числе этих вещей был флажок, длиною вершка в два, который вешают на дверях дома, где покойник. Всем это показалось плохим предзнаменованием. И действительно, Лю вскоре умер.

120.

ГРОМОВОЙ УПРАВИТЕЛЬ¹

雷曹

Юэ Юнь-хэ и Ся Пин-цзы — эти двое в детстве купно соседствовали, подросли — купно учились, и в дружеских связях, как говорится, не было перекоров². Ся отроком возмудрел, десяти лет стяжал имя; Юэ с отверстым сердцем слушал его³, а Ся наставлял без устали. Идеи писаний Юэ с каждым днём крепили, а потому имена их совместно прославились. Однако ж, скажем так, злополучно низвергались они в хоромах поприщ⁴,

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Не было перекоров (莫逆) — выражение восходит к книге «Чжуан-цзы» (莊子), «Внутренний раздел» (內篇), глава «Великий мастер» (大宗師), где в двух эпизодах (в первом — четверо собеседников: Цзы-сы, Цзы-юй, Цзы-ли и Цзы-лай, во втором — трое собеседников: Цзы-санху, Мэн Цзы-фань и Цзы Цин-чжан) во время разговора рассмеялись, и «не было перекоров в их сердцах, и они стали друзьями». Впоследствии выражение приобрело смысл «очень близко сдружиться».

³ Слушал его (事之) — в классической литературе это словосочетание буквально означает «слушал его как старшего», то есть считал своим наставником.

⁴ Злополучно низвергаться в хоромах поприщ (潦倒場屋) — устойчивая формула для обозначения неуспеха на государственных экзаменах в системе *кэцзюй*.

в каждой битве⁵ непременно проигрывали. Недолго времени прошло, как Ся наскочил на моровой недуг и преставился. Семья по бедности не могла похоронить, Юэ с отважной решимостью сам за это взялся. Оставленным детям в пелёнках-свивальниках, а также, что называют, ещё не покойной⁶ Юэ своевременно спешествовал у них в доме, каждый раз, добыв меру риса, непременно разделял её надвое. Жена и дети Ся через то и выжили; тогда чиновные да сановные ещё выше оценили добродетельную мудрость Юэ. А у Юэ стойких доходов было немного, да к тому ж от хлопот заместо студента Ся, так сказать, по внутреннему присмотру⁷, семейные учёты что ни день сжимались. Вот он со вздохом и говорит:

— С литературным даром, как у Пин-цзы, — уж коли он-то в обыденности-заурядности⁸ отошёл, то куда там мне? В человеческой доле богатство и знатность нужны ко времени, а в скорбях и горе⁹ закончить годы — боюсь, что вашего, скажем так, пса и скакуна¹⁰

⁵ Битва (戰) — здесь: метафора для экзаменационных испытаний.

⁶ Ещё не покойная (未亡人) — в культурной традиции Китая так говорится о вдове; выражение восходит к тексту «Цзо чжуаня» (左傳), цзюань 26, «Девятый год Чэн-гуна» (成公九年), где мать Чэн-гуна (成公, ?–573 гг. до н. э.) Му Цзянь (穆姜, ?–564 гг. до н. э.), вспоминая своего усопшего супруга Сюань-гуна (宣公, ?–591 гг. до н. э.), называет себя «ещё не покойной». В последующие эпохи, именуя себя, вдовы обычно прибегали именно к этой формуле.

⁷ Внутренний присмотр (內顧) — выражение восходит к тексту «Ханьской истории» (漢書), обозначая материальные усилия по поддержанию благополучия семьи.

⁸ Обыденность-заурядность (碌碌) — здесь: скрытая цитата из «Исторических записок» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145?–86? гг. до н. э.), раздел «Чиновники-тираны» (酷吏), где говорится о назначении заурядных и бесталанных на высшие должности.

⁹ В скорбях и горе (戚戚) — цитата из «Бесед и рассуждений» (論語) Конфуция, глава «Передавать, а не» (述而), где говорится: «Муж благородный покоен в великом просторе, мелкий душою — рождает лишь скорби и горе».

¹⁰ Пёс и скакун (狗馬) — принятая в Старом Китае самоуничижительная формула, означающая «Ваш нижайше покорный слуга».

свалят в овраг-канаву¹¹. Влачить этакую жизнь — не лучше ли заранее поменять планы, а?!

Тогда бросил учёбу и занялся торговлей, промышлял этим с полгода — семейное состояние пришло к «Малой безмятежности»¹².

Однажды гостевал в Цзиньлине¹³, переводил дух на постоялом дворе, глядь — некто высокий да рослый, жилы и кости выпирают-дыбятся, нерешительно-растерянно сидит сбоку, видом мрачен да блёкл, и поличье у него горестное. Спросил его:

— Не хотели бы потрапезничать?

А тот человек и не разговаривает. Юэ подвинул к нему еду, угощает его — так тот рукою хватать в горсть и уписывает, в одно мгновение — и уж подчистую. Юэ снова добавил яств на двоих — съел опять дочиста. Тогда велел хозяину отрезать свиного боку, сложить грудой паровых лепёшек — опять подчистил трапезу на нескольких едоков. Вот набил-таки брюхо и с благодарностью говорит:

— Три года уж, как ни разу я вот так не насыщался вцеле.

Юэ ему:

— Вы ведь муж могучий, что же этак скитаетесь-мыкаетесь?

А в ответ:

— Проступком навлёк небесную кару и не могу о том рассказать. Спросил о его деревне-жилище, а тот:

— На суше нету крыши, на водах нету лодки, утром в селенье, к ночи — в предместье, так-то!

¹¹ Свалят в овраг-канаву (填溝壑) — скрытая цитата из «Планов Борющихся царств» (戰國策), цзюань 21, «Планы Чжао, часть 4» (趙策四), где говорится о том, что человек желает жить и умереть достойно, а не быть после смерти, вместо погребения, сваленным в овраг (по другой трактовке этого же пассажа — в ущелье или пропасть). Впоследствии выражение становится широко употребимым в смысле «окончить жизнь убого и не удостоиться достойного погребения».

¹² Малая безмятежность (小泰) — то же, что Малое процветание (小康), здесь: покой и обеспеченность. См. примеч. 17 к новелле 53 «Дин Цянь-си», цзюань 2, том 1.

¹³ Цзиньлин (金陵) — здесь: город Нанкин. См. также примеч. 2 к новелле 94 «Цзиньлинская барышня».

Юэ прибрал оснастку, намерился в путь — а тот человек с ним направляется, прикипел-привязался, не уходит. Юэ — прощаться с ним, а тот вещает:

— Случись с вами большая невзгода, я не посмею забыть, как говорится, милости единственной трапезы¹⁴.

Юэ подивился этому, да и пошли они вместе. В пути прилучает его совместно потрапезничать — тот в отказ, говорит:

— Я во весь год лишь несколько раз угощаюсь, да и только.

Ещё пуще тому подивился.

На следующий день, как переправлялись через реку, ветер и волны неистово разгулялись — торговая ладья вцелe и перевернись, и Юэ с тем человеком начисто ушли под воду посреди реки. Вдруг ветер стих, а человек тот, таща на спине Юэ, из волн и выступил, воздвиг его на прогулочную ладью да внове пустился рассекать валы. Через малое время является, волоча за собой лодку, пособляет Юэ перебраться, наказывает ему лежать да караулить, и снова скок в реку! В двух руках зажавши, вытаскивает товар, мечет в середину ладьи — и опять нырк; порядком раз нырнул, порядком вылез — и уложил товаром полную ладью. Юэ с благодарностью говорит:

— Того, что вы мне жизнь спасли, уже премного достанет-то; могли надеяться, что, как говорится, жемчуг воротится¹⁵, да!

¹⁴ Милость единственной трапезы (一飯之德) — скрытая цитата из «Исторических записок» (史記) Сыма Цяня, *цзюань* 79, «Биографии» (列傳), раздел 19, «Биографии Фань Цзюя и Цай Цзэ» (范雎蔡澤列傳), где говорится о воздаянии за благо пусть и единственной разделённой трапезы. См. примеч. 18 к новелле 53 «Дин Цянь-си», *цзюань* 2, том 1.

¹⁵ Жемчуг воротится (珠還) — часть устойчивой конструкции «жемчуг воротится в Хэпу» (珠還合浦), восходящей к эпизоду из «Поздниханьской истории» (後漢書), *цзюань* 76, «Биографии» (列傳), раздел 66 «Биографии достойных чиновников» (循吏列傳), «Биография Мэн Чана» (孟嘗傳), где рассказывается о добыче жемчуга в Хэпу (合浦, уезд на территории современного Гуанси-Чжуанского автономного района). Из-за лихоимства чиновников жемчуг в Хэпу совсем иссяк, а жемчужные устрицы переместились в другие области. Уезд пришёл в упадок, начался голод. Когда правителем уезда назначили честного чиновника

Проверил-осмотрел товар-имущество, а никаких утрат-потерь. Ещё пуще обрадовался, в потрясении решил, что, верно, тот небожитель. Отвязал ладью, собрался отчаливать — да человек этот, что называют, спрашивает отставки. Юэ умолил его задержаться; и вот на пару они переправляются, и Юэ со смехом говорит:

— Ан есть здесь одна жалость: потерялась золотая шпилька, да и всё!

А тот человек и намерься наново её искать. Юэ — только угораздит его остановиться, а он уж бросился в воду — и на дно. В ошеломлении-оторопи пребывали долго, вдруг глядь — а тот с улыбкой и появляется, вручает Юэ шпильку и объявляет:

— К счастью, не посрамил повеления¹⁶!

Из людей на реке не нашлось таких, кто бы не оторопел — не изумился.

Юэ вместе с ним вернулся домой, вот и почивают ли, бодрствуют ли — всё сообща. В каждые десять с лишним дней — один раз трапезует, но, как трапезует, — сжуёт-проглотит без счёту. Однажды снова заговорил о расставании, а Юэ его настойчиво утешает. Аккурат день клонился к вечеру, собирался дождь, слышались раскаты грома. Юэ и говорит:

— Среди облаков не знаете ли, каково оно? И гром, опять же, что за штука такая? Как бы сподобиться достичь небесной выси да поглядеть на них — эти сомнения тогда можно бы и разрешить.

А тот человек со смехом спрашивает:

Мэн Чана (II в.), он установил гуманные порядки и исправил ошибки предшественников. Постепенно устрицы вернулись в Хэпу, и благосостояние жителей росло день ото дня. Выражение «жемчуг воротился в Хэпу» означает «вернуть когда-то давно и безвозвратно утраченное богатство и благоденствие».

¹⁶ К счастью, не посрамил повеления (幸不辱命) — стандартная формула, означающая: «Счастлив тем, что смог выполнить ваше повеление в точности»; употребляется в классических текстах, один из наиболее часто цитируемых источников — «Литературный сборник» (文選), составленный в 530 году под руководством Сяо Туна (蕭統, 501–531 гг.).

— А вы хотели бы устроить среди облаков прогулку, а?

Через малое время Юэ утомился крайне, опустил на лежанку передохнуть-вздремнуть. Вот просыпается — чувствует: тело колеблет-колышет, вовсе не так, как на лежанке. Отверз очи — а он посреди облачного курения, обволакивающего тело, словно вата. Оторопело поднялся — укачивает, словно на корабле; топнул — податливо, нет земли. Вверх глянул — звёздные ковши¹⁷, общо сказать, между очами и бровями¹⁸. Вот и усомнился — не сон ли это? Пристально взгляделся — звёзды вправлены в небосвод, словно лotosовые семена в коробочку; большие — со жбан, средние — с горшок, маленькие — с чашку-судок. Рукою пошатал их — большие крепкие, сдвинуть нельзя; а маленькие звёзды колеблются-ходят, похоже, что можно оторвать их и снять; вот и сорвал из них одну да спрятал в рукав. Раздвинул облака, глянул вниз — Серебряная река¹⁹ в безбрежности седой²⁰, виднеются города-предместия, словно горошины. И в ошеломлении опомнился: ежели нога раз оступится, то и о теле сём тогда чего ж можно будет вопрошать? Вдруг видит — два дракона вьются-изги-

¹⁷ Звёздные ковши (星斗) — созвездия; по традиционным китайским представлениям на небе имеется пять созвездий в форме ковша: Северный ковш (Большая медведица, 7 звёзд), Южный ковш (6 звёзд созвездия Стрельца), Восточный ковш (5 звёзд), Западный ковш (4 звезды) и Серединный ковш (3 звезды). Обычный человек может разглядеть только звёзды Северного и Южного ковша, чтобы увидеть остальные, нужно заниматься секретными мистическими практиками, накапливать заслуги и подвижнически постигать *Дао*. Отсюда выражение «звёздные ковши» в обиходе может обозначать вообще все звёзды и созвездия неба, что и наблюдается в тексте новеллы. См. также примеч. 16 к новелле 106 «Ван Ши-сю».

¹⁸ Между очами и бровями (眉目間) — устойчивое сочетание, означающее «перед самым взором», «совсем близко».

¹⁹ Серебряная река (銀河) — Млечный путь.

²⁰ В безбрежности седой (蒼茫) — литературное клише, означающее «безграничный», «теряющийся из глаз в седой [голубоватой] дали»; это сочетание чрезвычайно широко использовалось в китайской классической поэзии, например, в эпоху Тан.

баются²¹, впряжены в ошелкованную колесницу²² — и прибывают; хвостом лишь хлестнут — словно коровьим бичом ляснут. На повозке стоят посудины, каждая обхватом в несколько сажений, запасённая влага их наполняет. Имеется и сколько-то десятков человек, из посуды черпают горстями воду и широко плещут её промеж облаков. Вдруг увидели Юэ и разом ему подивились. Юэ взгляделся, а приятельский ему немал-человек тут, среди них, и разъясняет всем, говоря:

— Это друг мой!

Тогда ухватил одну из посудин и вручает Юэ, велит плескать. А как раз стояла страшная засуха, Юэ принял посудину, облака раздвинул, узрел вдалеке родимый уезд и от всей души опрокинул-окатил. Вот через малое время тот, извещая Юэ, и говорит:

— Я ведь, по правде, Громовой управитель²³; некогда просчитался с отправлением дождей, был наказан-взыскан на три года. Нынче срок мой уж исполнен и прошу позволение на том и расстаться.

²¹ Вьются-изгибаются (天矯) — образ, относящий сразу к двум источникам: «Литературному сборнику» (文選), где в 12 цзюане, в «Оде о Янцзы» (江賦) Го Пу (郭璞, 276–324 гг.) так описываются воспаряющие с поверхности утренней реки утки; и к раннеханьскому даосскому трактату «Хуайнань-цзы» (淮南子), где в главе 19 «Вникая в дела [служебные]» (修務) движения акробатов на деревьях сравнивают с изгибами и извивами дракона. Как следствие, это словосочетание получает сразу две культурные коннотации — воспарять к выси и изгибаться, как это присуще дракону; в тексте новеллы Пу Сун-лин использует многозначность этого образа.

²² Ошелкованная колесница (縵車) — повозка с шёлковым пологом, описанная в «Книге чжоуского ритуала» (周禮), раздел 3 «Блюститель ритуала Весеннего [обрядового] приказа» (春官宗伯), цзюань 27, «Глава колесниц» (巾車), где говорится, что на повозках сановников опускают полог, а в разъяснениях отмечают, что полог должен быть из шёлка без узоров.

²³ Громовой управитель (雷曹) — то есть начальник Громовой управы, ведающей на Небе дождями, грозами, громом, молнией и ветром. В этом качестве китайские народные верования называют различные божества — от одной из ипостасей Жёлтого императора (黃帝) до трёхглазого стража Запада Ма Лин-яо (馬靈曜). В данном случае привязки к конкретному божеству у Пу Сун-лина нет.

Тут и шнур длиною в тысячу сажений, которым повозкой правят, бросил впереди, велит зажать конец и спускаться вниз. Юэ такого страшится, а тот человек со смехом убеждает:

— Урона не будет!

Юэ сделал, как тот велит, прошелестел «лю-лю»²⁴ — и в мгновение ока достиг земли. Глядь — а спустился он и стоит по-за деревней, шнур понемногу прибирается — уходит в облака и вот уж из глаз пропал. В ту пору давно держалась засуха, на десять вёрст окрест дождей едва доставало на палец, и только в деревне Юэ каналы да борозды — все полны.

Вернулся домой, поискал в рукаве — а сорванная звезда всё там. Вытащил, положил на столик — черна да темна, точно камень, а вступит в ночь — так сияет, сверкает, горит и светится; блистает-озаряет четыре стены. Стал ещё пуще ею дорожить, в десяти обмотках²⁵ сохранял, когда случались высокие гости, вынимал, чтобы осветить пиршество. Прямо глянешь на неё, так луч к лучу — слепит глаза. Как-то ночью жена сидела напротив и отжимала волосы, вдруг видит: сияние звезды понемногу сжалось до светляка и потекло-двинулось самовольно летать. Жена только от изумления ахнуть — а уж проскочил ей в рот, откашливает его — ан не выходит; в конце концов и сглотнула. В испуге бросилась рассказать Юэ, Юэ тоже тому подивился. А как заснул, так является во сне Ся Пин-цзы и говорит:

²⁴ Лю-лю (飀飀) — звукоподражание шелесту ветра.

²⁵ В десяти обмотках (什襲) — намёк на историю о глупце, хранившем бросовый камень как великую драгоценность, обернув в десять шёлковых обмоток и спрятав в десять изукрашенных ларцов. История приводится в книге «Позднеханьской истории» (後漢書), цзюань 48, «Биографии» (列傳), раздел 38, «Биографии Ян Чжуна, Ли Фа, Ди Пу, Ин Фэна, Хо Сюя, Юань Яня и Сюй Цю» (楊[終]李[法]翟[輔]應[奉]霍[譚]爰[延]徐[璆]列傳), а также в сунском энциклопедическом собрании «Тайпин юйлань» (太平御覽, «Императорское обозрение годов Тайпин»). В обиходе выражение приобрело смысл «хранить как редчайшее сокровище». См. также примеч. 45 к новелле 49 «Не Сяо-цянь», цзюань 2, том 1.

— Я — звезда из Шаовэй²⁶. Ваши, как говорится, сочувствие-любовь²⁷ в душе моей бессмертны²⁸. К тому же сподобился оказаться перенесённым с небес обратно — можно сказать, что предопределение²⁹ это. Нынче стану вашим наследником, чтобы отплатить за великое благодеяние.

А у Юэ о тридцати годах не было сыновей; увидав сон, он премного возрадовался. И с той поры жена и правда понесла, а перед самым разрешением сияние и блеск наполнили весь покой, как в пору, когда звезда лежала на столе; потому и нарекли имя Син-эр³⁰. Ума-сметливости он был чрезвычайного, шестнадцати лет сдал на степень *цзиньши*³¹.

²⁶ Шаовэй (少微星) — созвездие из четырёх звёзд в северо-западной части неба. В «Исторических записках» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145?–86? гг. до н. э.), *цзюань* 27, «Книга астрономии, раздел 5» (天官書第五), это созвездие связывается с учёным сословием (士大夫), а в комментарии танского историка Сыма Чжэня (司馬貞, 679–732 гг.) из трактата «Объяснение сокровенного в „Исторических записках“» (史記索隱) говорится, что это созвездие учёных-затворников (處士). В «Цзиньской истории» (晉書), 11 *цзюань*, «Первая часть астрономического трактата» (天文志上), обе эти мысли подтверждаются, и каждая из звёзд называется по имени: первая звезда с юга — учёный-затворник (處士), вторая звезда — учёный-прекослов (議士), третья звезда — муж широких познаний (博士), четвёртая звезда — сановник (大夫). Похоже, герой новеллы Ся Пин-цзы как раз олицетворяет учёного-затворника.

²⁷ Сочувствие-любовь (惠好) — цитата из «Книги песен» (詩經), раздел «Нравы царств» (國風), «Песни царства Бэй» (邶風), песня «Северный ветер» (北風), где говорится о необходимости бежать из сурового края, и, если у предмета сердца есть сочувствие и любовь к лирическому герою, то нужно, взявшись за руки, вместе отправляться в путь.

²⁸ Перед этой фразой в рукописном варианте текста есть ещё предложение: «Поскольку мой покойный батюшка утратил единство добродетели, то [тем] сократил годы моего долголетия».

²⁹ Предопределение (緣) — у этого же слова есть и второе значение «связь», «соединяющие [нас] узы». В данном контексте Пу Сун-лин использует эту многозначность.

³⁰ Син-эр (星兒) — буквально: «Сын звезды» или «Маленькая звезда».

³¹ *Цзиньши* (進士) — высшая учёная степень в Старом Китае. См., например, примеч. 2 к новелле 26 «Три жизни», *цзюань* 1, том 1.

Автор этих строк заметит:

Литературный дар досточтимого Юэ прославился в мире, а вдруг и почуял, что где, скажем так, глубокая синь³² меня расположила, — так это не здесь, вот и отбросил, что называют, ворсистый пробойник³³, словно скинул сандалии³⁴ — чем же это меньше, нежели Ласточкино Жерло³⁵ отложил кисть? Что же до того, как Громовой управитель признал за благодеяние единственной трапезы, а Шаовэй воздавал доброму товарищу за дружество, так разве ж то меж святыми и людьми своекорыстная расплата за милости? Нет, это всетворящее вселенское воздаяние за добродетельную мудрость и самоотвержение, так вот!

³² Глубокая синь (蒼蒼) — здесь: метафора Неба, восходящая ещё к текстам Чжуан-цзы (莊子, 369–286 гг. до н. э.) и Цай Яня (蔡琰, 172–? гг.).

³³ Ворсистый пробойник (毛錐) — метафора писчей кисти, основного орудия труда учёного сословия.

³⁴ Скинуть сандалии (脫屣) — распространённое в китайской письменной культуре выражение, означающее легко, без сожаления отбрасывать что-либо. Неоднократно встречается в древних классических текстах, например в «Ханьской истории» (漢書), цзюань 25, часть 1, «Записи» (志), часть 5, «Записи о жертвоприношении Небу и Земле, часть 2» (郊祀志下), Сын Неба, рассуждая о вознесении на Небеса мифологического Жёлтого императора, замечает, что тот оставил жён и детей, «словно скинул сандалии». Также в «Планах Трёх царств» (三國志), цзюань 24, «Вэйская история» (魏書二十四) цзюань 24, «Биография Цуй Линя» (崔林傳), говорится, что начальник округа оставил эту область, словно бы скинул сандалии.

³⁵ Ласточкино Жерло отложил кисть (燕領投筆) — намёк на эпизод из «Поздниханьской истории» (後漢書), цзюань 47, «Биографии» (列傳), часть 37, «Биография Бань Чао» (班超列傳), где рассказывается, как ханьский полководец и дипломат Бань Чао (班超, 32–102 гг.) оставил мысли о чиновничьем служении и предпочёл путь воина. В китайской культуре это запечатлено в устойчивом словосочетании «Бань Чао отбросил кисть и взялся за оружие» (班超投筆從戎). Внешностью Бань Чао обладал грозной и внушительной, что в том же разделе истории описывается так: «Ласточкино жерло и тигриная выя» (燕領虎頸), то есть мясистая нижняя часть челюсти и мощная шея, что потом становится штампом при описании героической стати военачальников. Таким образом, Ласточкино Жерло в тексте Пу Сун-лина — это Бань Чао.

121.

ТАЛИСМАН ИГРОКА¹

賭符

Даос Хань жил в храме Небесного Правителя², находящемся в нашем уездном городе. Он делал много волшебных превращений, и все звали его святым гением. Мой покойный отец был особенно дружен с ним и всегда, когда бывал в городе, его навещал.

Однажды они с покойным дядей направились в город и решили провести Ханя. Как раз он им встретился на дороге, даёт ключ и говорит:

— Пожалуйста, идите вперёд, откройте дверь и усаживайтесь. Через самое небольшое время я тоже приду.

Они делают, как он говорит, являются в храм, отпирают замок — а Хань уже сидит в комнате. И вещей в таком роде было очень много.

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1923 года.

² Небесный Правитель — один из титулов, которыми суеверные монархи Китая награждали в разные времена божество, ведающее всеми делами преисподней и воздающее по смерти каждому из людей то, чего он заслужил. Полный его титул, согласно одному религиозно-мифологическому роману, известному памяти каждого китайца, гласит: «Небесный Правитель, Человеколюбец, Совершенный, Великий Царь». Обычное название этого духа: Дух Восточной Вершины (Тайшань), по месту его пребывания в Шаньдуне.

Один из моих родственников — давно уж это было — имел пристрастие к азартным играм. Через моего покойного отца он тоже познакомился с Ханем. Как раз в это время в храме Небесного Будды появился некий *хэшан*, специализовавшийся на игре в домино. Игру он вел очень широко, и вот мой родственник увидел это и пристрастился. Собрал все свои деньги и пошёл играть. Последовал крупный проигрыш, после которого душа его загорелась ещё сильнее. Переписал, заложил землю и хозяйство — опять пошёл. К концу ночи всё было спущено. Побрёл с унылым, грустным видом неудовлетворённого человека и на пути зашёл к Ханю. Настроение у него было тяжёлое, безрадостное, говорил, теряя нить и порядок мыслей...

Хань стал расспрашивать — и человек рассказал ему всё как есть.

— При постоянной игре, — смеялся Хань, — не бывает без проигрышей. Вот если ты мог бы перестать, закаяться, — я б тебе всё это вернул.

Мой родственник сказал ему тогда:

— Если только удастся, как говорится, «жемчужинам вернуться в залив Хэ»³, то я железным пестом разобью кости вдребезги.

Тогда Хань взял бумагу и написал талисман; вручил его родственнику для ношения в поясе и сделал ему наставление:

— Можешь только вернуть свои прежние вещи, и сейчас же остановись. Не смей, как говорится, взяв Лун, смотреть затем на Шу⁴.

Кроме того, он вручил ему тысячу мелких монет, условившись, что он выиграет и отдаст.

Мой родственник пришёл в полный восторг и отправился играть. *Хэшан*, посмотрев его деньги, нашёл, что это ничтожно и что не стоит

³ Жемчужинам вернуться в залив Хэ — намёк на историческое повествование I в. по Р. Х., рассказывающее о том, как некий Мэн Чан, сосланный в залив Хэ (на южных окраинах китайского побережья), где население занималось ловлей жемчужин, устранил алчные охоты на них прежних правителей, которые мучили народ бесконечными ловлями, согнавшими жемчужницы с места, и вернул драгоценности в родной залив.

⁴ Взяв Лун, смотреть затем на Шу — также намёк на историческое повествование о жадном государе, алкавшем приобретения земель.

по мелочам играть. Однако, тот настаивал, приглашая бросить хоть раз. *Хэшан* с улыбкой согласился. Родственник поставил сразу целиком всю тысячу, как одну монету. *Хэшан* бросил: ни выигрыш, ни проигрыш. Родственник поставил две тысячи — и опять проиграл. Затем стал мало-помалу увеличивать и догнал до десяти с чем-то тысяч. При этом явно лежат черняки, крикнет — и вдруг все они становятся белым жиром.

Родственник прикинул: оказалось, что всё то, что он ранее проиграл, в мгновение ока полностью вернулось. И стал втайне думать, что выиграть ещё несколько тысяч было бы тоже очень хорошо: опять стал играть, но кости уже стали хуже и хуже. Удивился, встал, посмотрел в пояс — талисман, оказывается, уже исчез.

Сильно перепугался и перестал играть. Забрал деньги, пришёл в храм. Оказалось, по общей раскладке, что за вычетом долга Ханю и того, что он проиграл в самом конце, как раз выходит то, что он имел до игры. Обнаружив это, со стыдом стал извиняться перед Ханем за свой грех — потерю амулета.

— Он уже здесь, — сказал с улыбкой Хань, — я ведь крепко наказал тебе не жадничать, а ты не изволил, сударь, слушаться. Вот я и убрал его.

*Историк этих необыкновенных вещей
сказал бы при этом следующее:*

То, что в нашей поднебесной повергает ниц и уничтожает семьи, не знает более быстрого способа, нежели азартная игра. То, что в нашей поднебесной разрушает добродетель, точно так же не знает более сильного средства, чем азартная игра. Войти в неё — это как бы погрузиться в море фантома: где дно — ты ведь не знаешь.

В самом деле, люди торговые, люди сельские — и те и другие имеют своё основное дело. Люди, как их называют, «од и историй»⁵ тем более дорожат, так сказать, «полудюймом тени»⁶. Да, тащить на себе

⁵ Люди... «од и историй» — учёные начётчики.

⁶ Дорожат... «полудюймом тени» — у знаменитого писателя II в. до Р. Хр.

соху или, как говорят, «хватать поперёк книгу»⁷ — несомненно, самый правильный путь к основанию своего дома. Однако, и так называемая «чистая»⁸ беседа за вином — в умеренном количестве — тоже дело хорошее: оно сообщит полёт и даст опору вдохновению.

А ты, игрок, якшаешься, связываешься с порочными друзьями и все ночи напролёт, не отрываясь, как в бесконечной ленте, сидишь за игрой. Выворачивая мошну, вытряхивая короб, ты вешаешь золото на небе опасных утёсов, ломких вершин. Крича чёт, выкрикивая нечет, ты ищешь чуда у блудящей и глупой кости. Вертясь, кружась возле этих пяти деревьяшек⁹, ты мнишь себя шествующим среди круглых жемчужин. Держа в руке несколько костяшек, ты напоминаешь человека с круглым веером. Влево кинешь взгляд на других, вправо заглянешь к себе — просмотришь до дыр, будь хоть дьявольские зрачки. Наружу объявляешь себя слабым, а тайком действуешь, как силач, истрачиваясь до конца на чертовские, сатанинские уловки.

У ворот твоих ждёт гость, а ты всё ещё любовно жмёшься у притона. Над домом твоим вздымаются дым и пламя, а ты остаёшься погружённым, влипшим в свой поднос. Забываешь о еде, разрушаешь сон, надолго втягиваешься и становишься маньяком. Язык лопнул, потрескались губы, посмотреть на тебя — ты словно чёрт!

Хуайнань-цзы читаем: «Человек-совершенство не дорожит яшмой в фут, но придаёт значение тени (солнечных часов) в вершок», то есть каждой минуте. У позднейшего писателя Тао Каня (III–IV вв. по Р. Х.) мысль эта развивается и далее: «Великий Юй (первый династийный государь) был совершенство — и жалел каждый вершок тени. Нам же, простой толпе, следовало бы падать даже полудюйм».

⁷ Хватать поперек книгу — в древних историях упоминается некий знаменитый преподаватель классического канона, ученики которого, приходя издалека, скапливались в таком огромном количестве, что для получения ответа на вопросы и сомнения при первых же ударах колокола, зовущего в класс, они хватали книгу поперёк и, как попало, раскрывали и мчались, боясь не попасть в ряд и пропустить на этот день совет учителя. Следовательно, здесь образное выражение для понятия — учиться с жадностью.

⁸ Чистая — то есть отвлечённая, витающая в глубоких мистических сферах даосских учений, вдали от всяких тем и дел земли.

⁹ Из пяти деревьяшек или костяшек состоит описанная в рассказе игра.

Когда же все твои войска окончательно будут биты, горящие глаза твои напрасно всматриваются... Глядишь на игру — и вдруг рёв и стенания твои рвутся густой, густой струёй.

Взглянешь на дно своей мощны: связки монет¹⁰ исчезли — и, как пепел, мертвеет стужей сердце крупной личности.

И вот, вытянув шею, бродишь, блуждаешь, весь полный сознания беспомощности пустых своих рук. Понурия голову, в тяжком унынии возвращаешься домой уже в глухую ночь...

К счастью, тот, кто будет тебя ругать, спит, и ты боишься разбудить собаку — как бы не залаяла. На горе, в желудке, давно уже пустующем, голод: посмей-ка ворчать, что похлебка вся!

Однако ты уже продал детей, заложил землю и всё ещё надеешься на «возвращение жемчужин в залив Хэ»¹¹. И вдруг неожиданно-негаданно, прежде чем огонь спалит бровинку, окажется, что ты всё время ловил луну в реке Цан¹².

Теперь, после того как ты потерпел аварию, — дай, думаешь, рассужу, как и что, — оказывается, ты уже стал низкого разбора... Спроси-ка у игроков, кто из них наиболее пристрастился, — они хором выдвинут из своей среды беспорточного господина. Самое же скверное — это когда, затрудняясь терпеть в животе своём дупло, ты отдаёшься в гнездо свирепых громил...

И вот, почесав в голове, не зная, что предпринять, ты дойдёшь до мольбы о помощи к коробке с духами¹³.

О, горе тебе! Разрушаешь своё доброе начало, губишь своё честное поведение, уничтожаешь имущество и теряешь сам себя...

Что, как не азарт, является путём ко всему этому?

¹⁰ В старом Китае монеты отливались с квадратной дырой посредине. Через неё пропускалась верёвка, на которую нанизывалась обыкновенно тысяча монет.

¹¹ Смотрите сноску 3.

¹² Поэт Ли Бо, по преданию, провёл свою последнюю скитальческую ночь на реке Цан. Он был совершенно пьян, склонился за борт лодки, желая выловить из воды луну, и, потеряв равновесие, утонул.

¹³ То есть прибегнешь к последнему средству, заставив жену заложить приданое.

122.

А-СЯ¹

阿霞

Вэньдэнский² Цзин Син³ в юности стяжал громкую славу; со студентом Чэнем они в соседстве проживали, и кабинеты разделяла лишь низкая стена. Однажды как-то на закате Чэнь проходил пустынный-позабытый холм, тут слышит: барышня рыдает среди сосен-кипарисов⁴. Приблизился взглянуть, а на водоправой ветке дерева вот ведь — висит кушак, как если б кто собрался удавиться. Чэнь расспросил её, та, смахивая слёзы, отвечает:

— Матушка уехала далече, препоручив презренную меня двоюродному брату по свойству. Кто б знал, как говорят, что дико

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

А-ся (阿霞) — в данном случае говорящее имя, как и большинство женских имён у Пу Сун-лина. Означает «Зорюшка», при этом имеется в виду не просто заря, а волшебное сияние, озаряющее высшей красотой мир бессмертных.

² Вэньдэн (文登) — в описываемый период уезд в провинции Шаньдун.

³ Цзин Син (景星) — говорящее имя; буквально «Благая звезда», появляется на небе, когда в стране правление добродетельно.

⁴ Сосны-кипарисы (松柏) — это сочетание в классической литературе также часто означает «кладбище», «могилы», поскольку по традиции на захоронениях обычно сажали стойкие и неприхотливые хвойные деревья как символ долголетия и высоких моральных качеств. Учитывая, что упомянутый чуть выше холм также одним из основных имеет значение «могила», «захоронение», символизм созданного Пу Сун-лином образа становится вполне ясно читаемым и находит косвенное подтверждение в конце новеллы.

сердце у волчонка⁵, меня не вдосталь кормит он⁶, сиротствовать так одиноко — не лучше ль умереть?

Договорила — снова в слёзы. Чэнь отвязал кушак — увещевает в брак вступать, да дева в мыслях, что некому удел свой вверить. Чэнь пригласил пожить на время дома у него, и дева с ним пошла. Домой прибыв, повесил лампу⁷, рассмотрел подробно — краса-изящность крайне небывалы; премного взликовал, блудить с ней возжелав; та — с гневным криком биться-отпираться, смешенье-суматоха звуков достигла до стены срединной. Тут книжник Цзин, чрез стену перелезши, пришёл разведать — Чэнь лишь тогда её и отпустил. Дева увидела Цзина-студента — очи застыли и взор обездвижел, долго так; после — стремительно прочь! Оба они совокупно за нею вослед, только не знают, сбежала куда.

Цзин воротился; дверь закрыл, собрался спать, как барышня тут, грации полна⁸, из глубины покоев выступает. В испуге спрашивать — она в ответ:

— Тот — добродетелью убог и счастьем скуден; нельзя себя всецело вверить.

⁵ Дико сердце у волчонка (狼子野心) — выражение из «Цзо чжуаня» (左傳), цзюань 21, «Четвёртый год Сюань-гуна» (宣公四年), где чуский Сыма Цзы-вэнь (司馬子文) советует брату Сыма Цзы-лян (司馬子良) убить его новорождённого сына, поскольку вид и голос его свирепы, и, когда вырастет, он может быть опасен; пословица гласит «дико сердце у волчонка», а этот новорождённый, по мнению Сыма Цзы-вэня, вполне и есть волчонок, «и разве можно его одомашнить»? В обиходе выражение обозначает «необузданный и свирепый нрав».

⁶ Меня не вдосталь кормит он (畜我不卒) — цитата из «Книги песен» (詩經), раздел «Нравы царств» (國風), «Песни царства Бэй» (邶風), песня «Солнце и луна» (日月), где молодая супруга жалуется на жестокость мужа и обращается к матери и отцу (по некоторым комментариям — к мужу, которого «почитает, как мать и отца»), говоря, что кормят её не вдосталь.

⁷ Подвесить лампу (挑燈) — добавить света, либо привесив лампу повыше, чтобы светом охватить больше пространства, либо вытащив побольше фитиль. См. также примеч. 9 к новелле 84 «Дочь господина Лу».

⁸ Грации полна (盈盈) — выражение из ханьского анонимного собрания «Девятнадцати древних стихотворений» (古詩十九首), включённого

Цзин крайне взликовал, спросил про род-фамилию. Она:
— Род мой, рабыни вашей, сам из Ци⁹, и Ци же мой фамильный знак, а имя детское А-ся.

К ней приступил с шутливой речью — смеётся и не больно против; вот вместе ложе разделили.

В кабинете много приятелей крутилось там и сям — а барышня неизменно скрывалась, затворившись во внутренних покоях. Минуло несколько дней, и говорит:

— Я, презренная, на время удалось, здесь у вас сумбур-хаос томительный крайне. Отныне продолженья позвольте мне уж к ночи подгадать.

Вопрос ей:

— Где ж семейство ваше?

Она:

— По правде скажем — недалече.

Вот утром уходила, под вечер внове возвращалась, восторг любви был крайне полон. Вновь, спустя несколько дней, говорит Цзину:

— Меж нас двоих привязанность-любовь хоть и прекрасны, в итоге ж — лишь союзный блуд. Родитель мой призван по службе на запад, к границе, и завтрашним днём собираемся с матушкой ехать к нему; мне б нужно тут, пользуясь случаем, скажем, приказ испросить¹⁰, а далее следовать вместе¹¹, согласно ему, до конца.

в «Литературный изборник» (文選), где говорится: «Грации полна дева в высоких покоях, Чисто сиянье у переплёта окна». Употребление этого выражения в других древних текстах (например, в песнях *юэфу*) свидетельствует, что оно призвано передать не только и не столько грацию как хрупкость, сколько как красоту и величавость облика.

⁹ Ци (齊) — здесь: территория в нынешней провинции Шаньдун (называется по исторически располагавшемуся здесь древнему княжеству Ци). См. примеч. 3 к новелле 73 «Чжан Чэн», *цзюань* 2, том 1.

¹⁰ Приказ испросить (稟命) — скрытая цитата из «Цзо чжуаня» (左傳), *цзюань* 11, «Второй год Минь-гуна» (閔公二年), где говорится, что полководец сам отдаёт приказы; если станет спрашивать приказов сверху — потеряет авторитет, если станет не подчиняться приказам сверху — нарушит субординацию. В данном случае под спрашиванием приказа имеется в виду получение родительского благословения.

¹¹ Следовать вместе (相從) — здесь: одна из книжных форм для обозначения законного брака.

Пытает:

— На сколько же дней расстаёмся?

Уговорились в декаду закончить. Вот и уехала, Цзин размышляет: житьё в кабинете сделать нельзя долговечным, внутрь¹² поселить её — тоже забота: станет жена ревновать. Вот и задумал — не лучше ли выгнать жену? Как порешил в этом твёрдо — жену свою вкрай неизменно бранит и терзает, жена же, не в силах снести от него поруганья, льёт слёзы, о смерти мечтая. Цзин говорит:

— Помрёшь — так, боюсь, ещё и впутают, так что прошу уж: заранее вернись к себе домой!

И тут же торопит жену отправляться. Жена, рыдая, говорит:

— Я вам служила десять лет и ни разу не уронила добродетели¹³, отчего же так жестоко порывать со мной?

Цзин и не слушает, ещё лютее гонит; жена тогда вышла за ворота — и прочь. После того выбелил стены, вычистил пыль и, как говорится, вытянув шею — макушку задравши, ждёт, да против чаяния нет и следа вестей от синего *луаня*¹⁴, как будто камень в море канул. Жена после

¹² Внутрь (內) — то есть в жилые помещения дома, в опочивальню.

¹³ Уронить добродетель (失德) — выражение из «Цзо чжуаня» (左傳), цзюань 5, «Второй год Хуань-гуна» (桓公二年), где говорится о потере добродетели чиновниками, что проявляется в склонности к взяточничеству. Само же выражение вошло в обиход в значении «совершить дурной поступок», «повести себя недостойно».

¹⁴ Синий *луань* (青鸞) — баснословная птица, часто фигурирующая в древних китайских легендах. Луань бывает разных цветов; символика его обычно связана с историями о даосских бессмертных. По преданиям, большие синие птицы служат Хозяйке Запада — богине Си-ван-му (西王母), охраняя сад с персиками бессмертия, являясь вестниками и транспортом для небожительницы. В частности, в утерянной ныне и цитируемой по танским и сунским упоминаниям книге «Истории Ханьского У[-ди]» (漢武故事) рассказывается о том, как вдруг с запада показались синие птицы, прилетавшие и собиравшиеся перед государевыми палатами. Придворный учёный и поэт Дунфан Шо (東方朔, 154–93 гг. до н. э.) рассудил, что это Си-ван-му собирается прибыть. И действительно вскоре показалась сама богиня, которую несли две синие птицы, похожие на *луаня*. В обиходе выражение «оседлать *луаня*» имеет две трактовки — стать бессмертным или выйти замуж. В тексте Пу Сун-лина умело обыгрываются все значения этого образа.

Великого Возврата¹⁵ не раз молила дружников ближайших уговорить вернуться снова к Цзину, да Цзин не принял. Тогда пошла женой в семью Сяхоу; а у Сяхоу проживание граничит встык с землёю Цзина, и по причине межевания полей разлад был вековой. Цзин услышал о том — пуще взъярился-возненавидел. Да всё уповал лишь, что, дескать, А-ся повторно вернётся обратно — хватало почти, чтоб себя успокоить.

Минул год с лишним — а никаких следов. Случился тут день морского божества, в святилище и подле мужей да жён — что облаков сошлось¹⁶; Цзин тоже был там. Издалека глядит — одна барышня чрезвычайно на А-ся похожа. Цзин ближе к ней — а скрылась меж людьми. За ней — а уж вышла за ворота; опять за ней — а быстро промелькнула и вконец исчезла. Цзин — гнаться вслед ей, а не достиг, с печалью и досадою вернулся. Спустя полгода как-то шёл по дороге, глядь — а барышня, одета в пурпурный наряд, сопутствуема синеглавым¹⁷, правит чёрным осликом да навстречу движется. Всмотрелся в неё — а то А-ся. Вот и спрашивает у проводителя:

— А барышня кто будет?

В ответ:

— Наследующая в покоях¹⁸ княжича¹⁹ Чжэна из южной деревни.

¹⁵ Великий Возврат (大歸) — возвращение отвергнутой жены в родительский дом.

¹⁶ Что облаков сошлось (雲集) — распространённый художественный образ, восходящий к «Книге песен» (詩經), раздел «Нравы царств» (國風), «Песни царства Чжэн» (鄭風), песня «[Я] выхожу из Восточных ворот» (出其東門), где многочисленность гуляющих дев уподобляется облакам. Впоследствии образ неоднократно встречается в классической литературе (например, в «Литературном изборнике» (文選)) и означает «собираться большими толпами, подобными облакам».

¹⁷ Синеглавый (蒼頭) — слуга; в древности прислужники носили как опознавательный знак синие головные повязки.

¹⁸ Наследующая в покоях (繼室) — вторая жена. Выражение встречается уже в «Цзо чжуане» (左傳), цзюань 42, «Третий год Чжао-гуна» (昭公三年), где философа и острошлова Янь Ина (晏嬰, 578–500 гг. до н. э.) посылали в царство Цзинь (晉), чтобы сосватать Цискому правителю «наследующую в покоях».

¹⁹ Княжич (公子) — в данном случае: общее величание родовитых и богатых; некий аналог русского «барич».

Тот опять с вопросом:

— А женат уже сколько времени?

А тот:

— Да полмесяца только.

Цзин думает: не быть ли тому, что ошибся, а? А барышня, услышав беседу, взор повернула, взгляд метнула — Цзин видит: и правда А-ся! Тут осознание, что она уж вышла за другого, гневом заполнило помыслы-грудь²⁰, и воскричал громко:

— А-ся! Что же забыла былой уговор?

Сопроводитель услышал, что кричат на госпожу-хозяйку, хотел, что называют, воздвигнуть тяжёлый кулак²¹, да барышня спешно его удержала, откинула шёлковую кисею и говорит Цзину:

— У вероломца откуда ж лицо²², чтобы мочь предстать?

Цзин ей:

— Вы сами предали слугу вашего покорного, а я когда же было, чтобы предал вас?

А барышня:

²⁰ Помыслы-грудь (胸臆) — по традиционным китайским представлениям мыслительная деятельность связана не с головой, а с сердцем и грудной клеткой вообще. Это характерно и для классической поэзии, и для прозаических жанров, и для специальной литературы по медицине. См. также, например, примеч. 15 к новелле 47 «Прокурор Лу», *цзюань* 2, том 1.

²¹ Воздвигнуть тяжёлый кулак (奮老拳) — несколько видоизменённая цитата из «Цзиньской истории» (晉書), *цзюань* 105, «Записи о Ши Лэ, часть 2» (石勒載記下), где говорится об основателе династии Поздняя Чжао (後趙) Ши Лэ (石勒, 274–333 гг.), в детстве соседствовавшем с Ли Яном (李陽) и часто дравшемся с ним. Впоследствии, став правителем, Ши Лэ призвал Ли Яна и в шутиливой беседе сказал ему: «Мы в дни ушедшие досыта отведали вашего тяжёлого кулака, да и вы вдосталь наелись наших лютых ударов». Впоследствии выражение «наестся тяжёлого кулака» в обиходе приобрело значение «получить хорошую трёпку».

²² Лицо (顏) — здесь имеется в виду понятие лица как чести, репутации — основы статуса для любых социальных взаимоотношений в традиционном Китае. Потеря лица, связанная с преданием гласности отступления от собственных обещаний, влекла за собой несмываемый позор.

— Вероломство к супруге — это пуще, чем вероломство ко мне! Если с той, что волосы перевязывала²³, вот этак-то, то чего уж с другими и ожидать? В минувшем, понеже добродетель предков изобильствовала, имени надлежало быть бы средь коричных реестров²⁴, потому и препоручила себя, последовав за вами. Теперь же по той причине, что изгнали жену, в царстве духов срезали ваши жалование и чин, и на нынешних экзаменах «Уступивший первым»²⁵ Ван Чан — это замена вашему имени в списке, вот! Я уж, что называют, нашла приют²⁶ в семье Чжэн, не утруждайтесь сызнова поминать!

Цзин, как говорится, и голову склонил, и уши прижал²⁷, уста и слова молвить не способны. Поглядел: барышня подстегнула колченогого²⁸ — и прочь, словно ветер; огорчился-подсадовал, да и всё тут.

²³ Та, что волосы [с тобой] перевязывала (結髮者) — то есть первая и на всю жизнь главная жена. Название идёт от свадебного обряда взаимной перевязки волос. См. примеч. 23 к новелле 47 «Прокурор Лу», *цзюань* 2, том 1.

²⁴ Коричные реестры (桂籍) — список лучших на государственных экзаменах. Восходит к традиции именовать первейших на испытаниях «Веткой из коричневого леса»; эта метафора принадлежит цзиньскому эрудиту Си Шэню (邵詵), в разговоре с государем уподобившему себя «ветке из коричневого леса и нефриту с горы Кунь[лунь]», то есть редчайшей драгоценности, которую держала в руках ещё богиня-прародительница Нюй-ва. Поводом для подобного бахвальства было первое место на государственных испытаниях, которое он получил. После Тан выражение «срубить корицу» стало обозначать успешное прохождение государственных экзаменов, а списки сдавших получили название «коричных реестров».

²⁵ Уступивший первым (亞魁) — шестой из лучших, успешно прошедший государственный экзамен уездного уровня. См. также примеч. 20 к новелле 31 «Студент Е», *цзюань* 1, том 1.

²⁶ Найти приют (歸) — здесь: выйти замуж.

²⁷ Склонить голову и прижать уши (俯首貼耳) — устойчивая формула, обозначающая «покорно сносить», «не сместь прекословить».

²⁸ Подстегнуть колченогого (策蹇) — само выражение, как правило, употребляется в переносном смысле; например «策蹇驢» — погонять колченогого осла, что означает: «дело на спорится, потому что средства

На этих экзаменах Цзина постиг провал, «Уступившим первым» действительно стал некий — Ван по фамилии и Чан по имени. Чжэн тоже победил. Цзин же от этого всего приобрёл славу ветренного в благосклонности²⁹. Сорока лет не имел себе пары, хозяйство всё более угасало, постоянно искал пропитания в домах родственников и друзей. Случайно заявился и к Чжэну, Чжэн принял его радушно и оставил ночевать. Барышня, подглядывая за пришедшими³⁰, увидела и пожалела его да спрашивает у Чжэна:

— Тот гость на зальном возвышении — не Цзин Цин-юнь³¹ ли?

Тот с вопросом, откуда сама знакома, а она:

— Пока ещё не вышла за вас, некогда спасалась от напасти в его доме и глубоко признательна ему, так сказать, за прокорм-содержание. Хотя поступки его и низки, но добродетель предков не иссякла, к тому ж и вам он старый содружник, следовало бы воздать, как говорится, за долг атласного халата³².

негодные». Здесь, употребляя эту устойчивую конструкцию в прямом смысле, Пу Сун-лин, несомненно, имеет в виду и коннотацию, заложенную традицией иносказательного употребления.

²⁹ Ветренный в благосклонности (薄幸) — скрытая цитата из третьего стихотворения танского поэта Ду Му (杜牧, 803–852 гг.), цикл «Разгоняю печаль» (遣懷), где он описывает своё состояние души как воскресение от «десятилетней дрёмы в Янчжоу», где поэт приобрёл славу ветреного в благосклонности «Зелёных теремов», то есть променявшего подлинные чувства на увлечения легкодоступными девицами. Впоследствии это выражение стало нарицательным как для куртизанок, так и для мужей, пренебрегающих глубиной подлинных чувств.

³⁰ Подглядывая за пришедшими (窺客) — по этикету хозяйка дома появлялась перед посетителями только в особо оговорённых правилах приличия случаях и с соблюдением множества писанных и неписанных правил. Во время деловых визитов ей надлежало находиться на женской половине, что и отражено в новелле.

³¹ Цзин Цин-юнь (景慶雲) — судя по этой строке, второе имя (字) Цзин Сина было Цин-юнь, «Благовещие Облака». О втором имени см. подробнее примеч. 4 к новелле 12 «Ван Шестой Молодец», *цзюань* 1, том 1.

³² Долг атласного халата (緋袍之義) — устойчивое выражение, восходящее к эпизоду из «Исторических записок» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145(135?)–86(85?) гг. до н. э.), *цзюань* 79, «Биографии»

Чжэн на том поладил, сменил ему лохмотья-очёски³³, оставил жить на несколько дней.

Ночной порой собрался спать — вдруг челядинка вносит десятка два с лихвою мер металла³⁴ в подарок Цзину, а барышня из-за окна ему вещает:

— Это — что лично скопила; хоть чем-то воздать вам за старые чувства. Нужно б с собою забрать да отыскать вам хорошую пару. Счастье, что предков заслуги обильны, всё ещё вдосталь сынам переходит и внукам. Впредь не губите предписанных норм, чтоб не срезать долголетия себе.

Цзин её чувственно благодарил. Когда ж вернулся, за десять с чем-то мер служанку купил из чиновного дома, чрезмерно уродливую и дерзкую. Принесла ему сына, впоследствии, что называется, прошёл по обоим перечням³⁵.

(列傳), раздел 19, «Биография Фань Цзюя и Цай Цзэ» (范睢蔡澤列傳). Фань Цзюй (範雎, ?–255 гг. до н. э.) некогда служил вэйскому вельможе Сюй Цзя. По доносу последнего Фань Цзюя безвинно подвергли жестоким пыткам и поруганию, но, едва выжив, Фань Цзюй бежал в Цинь, сменил имя и впоследствии стал высшим циньским сановником. Позже Сюй Цзя был направлен в Цинь послом; Фань Цзюй, специально обрядившись в лохмотья, встретился ему, и Сюй Цзя из сострадания подарил встреченному атласный халат, чтобы тот не замёрз. Когда же Сюй Цзя предстал перед первым циньским министром и оказалось, что это Фань Цзюй, он принялся каяться в своих злодеяниях; Фань Цзюй сам перечислил прегрешения Сюй Цзя, но не покарал смертью и отпустил, помня о подаренном из сострадания халате. Выражение «долг атласного халата» становится в китайской традиции символом благодарности за милость, пусть и проявленную злодеем и мерзавцем.

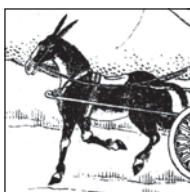
³³ Сменил ему лохмотья-очёски (易其敗絮) — то есть сменил его платье на новое.

³⁴ Десятка два с лихвою мер металла (廿余金, в рукописном своде в том же месте сказано 金二十餘兩) — то есть более двадцати *лян* (более 800 г) серебра. См. также примеч. 13 к новелле 56 «Водяной бадьян», *цзюань* 2, том 1.

³⁵ Пройти по обоим перечням (登兩榜) — то есть попасть в провинциальные списки сдавших государственные экзамены (на степень *цзюйжэня*), а затем в столичные списки сдавших государственные

Чжэн по службе достиг до *лана* Министерства чинов³⁶; когда преставился, барышня, проводив его в последний путь, возвращалась домой. Открыли паланкин — а пусто, нет никого! Тогда лишь догадались, что не человек она была.

Увы! Людская нечестивость-скверна — что старое бросают да о новом лишь мечтают³⁷, а кончат тем, что яйца брякнулись, и птица улетела³⁸; то, чем воздаст однажды Небо, ужасным будет, да!

экзамены (на степень *гуниши*). См. примеч. 28 к новелле 31 «Студент Е», *цзюань* 1, том 1.

³⁶ *Лан* Министерства чинов (吏部郎) — чиновник 6 класса в Приказе личного состава и аттестаций.

³⁷ Старое бросают, да о новом лишь мечтают (舍其舊而新是謀) — пересмысленная впоследствии фраза из «Цзо чжуаня» (左傳), *цзюань* 16, «Двадцать восьмой год Си-гуна» (僖公二十八年), где приводится народная пословица «Когда на пахотном поле [трава] пышна-густа, то старую [вырывают-]отбрасывают, а молодую берут в работу». В толковании этой сентенции в самом «Цзо чжуане» обычно говорится, что трава на высокой равнине пышна и обильна, и цзиньские войска в густоте и великолепии подобны ей, поэтому можно позабыть старые достижения и планировать новые победы. Но те же иероглифы имеют и другое прочтение, которое и лежит в основе многозначности пословицы: вторая её часть может трактоваться, как «старое отбрасывают, да лишь мечтают о новом», то есть, старые душевные связи приносят в жертву новым увлечениям. Впоследствии именно это значение становится основным, и именно так трактуется это выражение в новелле Пу Сун-лина.

³⁸ Яйца брякнулись и птица улетела (卵覆而鳥亦飛) — народная пословица, означающая «остаться ни с чем».

123.

ЛИ СЫ-ЦЗЯНЬ¹

李司鑒

Ли Сы-цзянь², *цзюйжэнь*³ из Юннзя⁴, на двадцать восьмой день девятой луны четвёртого года Процветающего сияния⁵ убил свою жену, госпожу Ли. Местный староста доложил в Гуанпин⁶ — при-
слали в Юннзя проверяющих-судебных. Сы-цзянь, как был уже перед управою, вдруг с мясницкой подкрепы вытянул ско-

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Ли Сы-цзянь — согласно «Описанию уезда Юннзя» (永年縣誌), *цзюань* 23, на 8-й год правления под девизом Шунь-чжи (順治), то есть в 1651 году, он сдал экзамены на учёную степень *цзюйжэня*, учинил себе членовредительство и через месяц с лишним скончался.

³ *Цзюйжэнь* (舉人) — вторая учёная степень, присваивавшаяся в системе государственных экзаменов *кэцзюй*. См. также, например, примеч. 2 к новелле 26 «Три жизни», *цзюань* 1, том 1.

⁴ Юннзя (永年) — название уезда на территории нынешней провинции Хэнань.

⁵ Процветающее сияние (康熙) — Кан-си, девиз правления четвёртого императора династии Цин Айсиньгёро Сюань-е (愛新覺羅玄燁, 1654–1722 гг.). Четвёртый год Кан-си — 1665. См. примеч. 2 к новелле 51 «Землетрясение», *цзюань* 2, том 1.

⁶ Гуанпин (廣平) — название округа на территории нынешней провинции Хэнань, к которому административно принадлежал уезд Юннзя.

тобойный нож, бросился в храм Покровителя города⁷, взобрался на лицедейские подмостки⁸, обернулся к божеству и преклонил колена. Да и говорит:

— Пресвятой корит меня, что не следует внимать-верить плутам-мошенникам, среди своих уездных земляков опрокидывать-переворачивать правду на ложь; должно мне будет срезать ухо!

Тут же левое ухо и отрезал да швырнул под помост. И опять говорит:

— Пресвятой корит меня, что не надлежит обдуривать людей на деньги-ценности; должно мне срезать палец!

Тут же и левый палец оттяпал. И снова говорит:

— Пресвятой корит меня, что не следует блудить-развратничать с жёнами-девицами, подобает мне срезать гонады⁹!

⁷ Храм Покровителя города (城隍廟) — храм Чэнхуана, главного божества, купно с наместником трона управляющего городом и принадлежащими к нему территориями. В храме существовала даже специальная спальня Чэнхуана, где, в случае особенно сложных вопросов, наместник мог провести ночь, чтобы во сне посоветоваться с божеством и принять верное решение. См. примеч. 1 к новелле 1 «Экзамен на Чэнхуана», *цзюань* 1, том 1.

⁸ Взобрался на лицедейские подмостки (登戲臺) — в китайских традиционных храмах, как правило, устраивали сцены, на которых приглашённые актёры разыгрывали мистерии на религиозные темы. Сцены обращались к северу и строились напротив главного зала, в южной части двора, так, чтобы фигурам божеств было удобно взирать на представление. Зрителям из прихожан ставили скамьи во дворе, и, наблюдая спектакль, те сидели лицом к югу, повернувшись спиной к священным изваяниям и вместе с ними внимая игре актёров.

⁹ Гонады (腎) — в данном случае употреблённый в тексте новеллы термин обычно переводят как «почка», что ошибочно: это обозначение мочеполовой системы в целом, разделённой на «внутреннюю» (內腎) и внешнюю (外腎); к последней относят внешние репродуктивные органы. Именно эта трактовка присутствует в классических текстах по традиционной китайской медицине, именно она вытекает и из новеллы Пу Сун-лина.

Тут же себя и оскопил, лишился чувств и в окаменелости повалился. В ту пору глава-наместник Чжу Юнь-мэнь¹⁰ докладывал о намерении «обвинить, снять, лишить и расследовать»¹¹ и успел же получить высочайший эдикт-повеление, а Сы-цзянь уж принимал загробные кары, да! Из «Управительных списков»¹².

¹⁰ Чжу Юнь-мэнь (朱云门) — то есть Чжу Чан-цзо (朱昌祚), второе имя Юнь-мэнь, в четвёртый год правления под девизом Кан-си (1665 г.) назначенный главным наместником в провинциях Чжили (Хэбэй), Шаньдун и Хэнань.

¹¹ Обвинить, снять, лишить и расследовать (參革褫究) — то есть предъявить обвинение, снять присуждённую учёную степень, лишить сановных регалий (как правило, возможности облачаться согласно имевшимся рангам и званиям) и произвести тщательное расследование. Судебная процедура требовала сперва лишить обвиняемого высоких чинов и привилегий и только потом вести расследование.

¹² Управительные списки (邸抄) — здесь: публикуемые с Сунского времени в виде отдельного издания указы, разъяснения и распоряжения двора. Впоследствии стали называться «Столичной газетой» (京報).

124.
ВЕЛИКИЙ МУЖ
ПЯТИ БАРАНОВ¹
五穀大夫

Хэцзиньский² Чан Ти-юань³, второе имя Жу-юй, в ту пору, как был ещё студентом, увидел во сне, как его величают «Великим Мужем Пяти Баранов», и возрадовался, посчитав счастливым предвестием. Когда же нарвался на смуту бродячих татей⁴ — так дочиста содрали с него одежду и на ночь его заперли, поместив

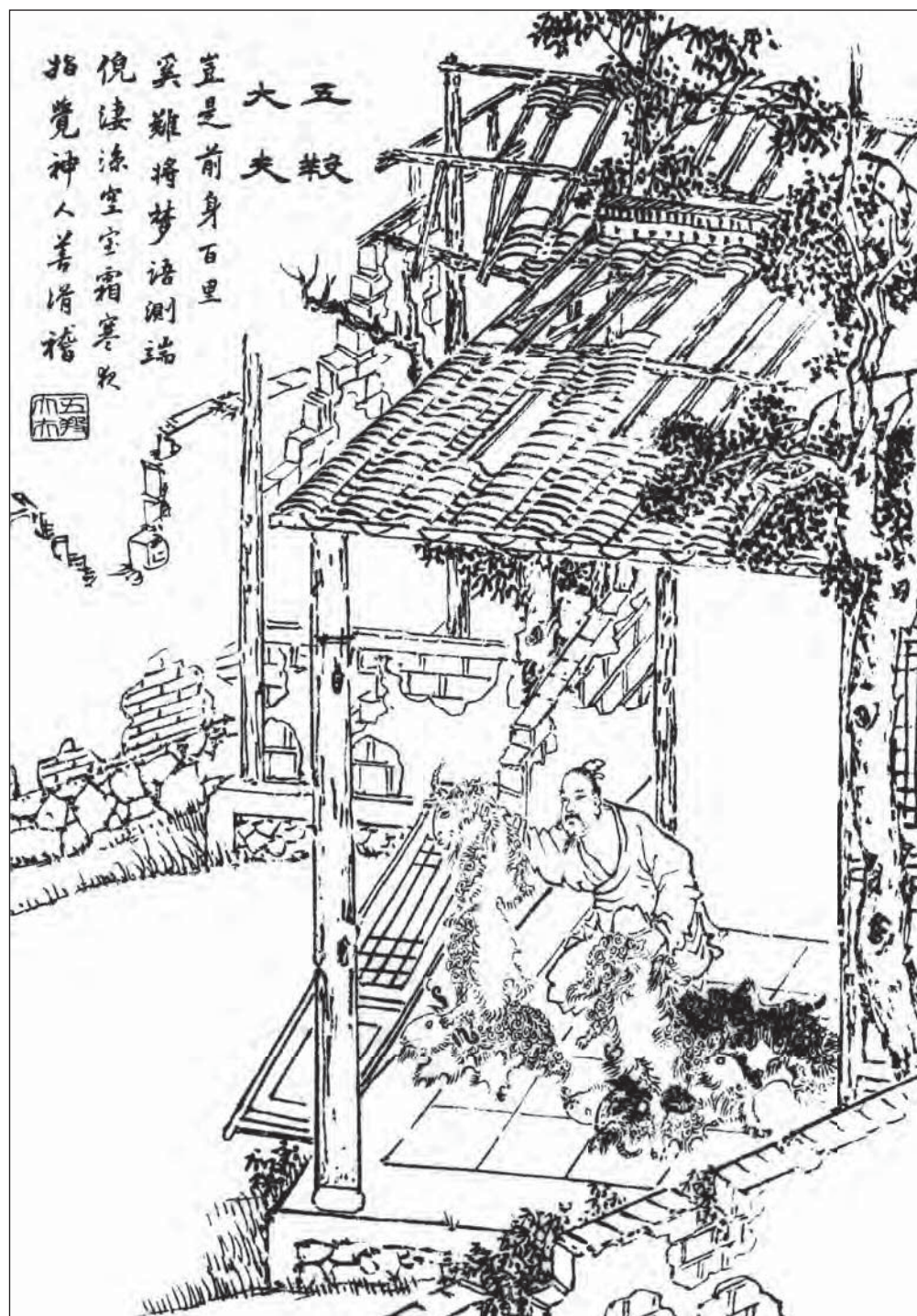
¹ Перевод А. Г. Сторожука.

Великий Муж Пяти Баранов — прозвище государственного деятеля и мыслителя периода Борющихся царств Байли Си (百里奚, ~725–621 гг. до н. э.) премьер-министра при циньском Му-гуне (秦穆公, ?–621 гг. до н. э.). Когда Байли Си попал в плен к чусцам, Му-гун выкупил его, заплатив пять бараньих шкур, что было очень высокой ценой, отсюда и возникло прозвище. В Цинь Байли Си вершил абсолютно всеми важными делами, был любим и почитаем народом.

² Хэцзинь (河津) — название уезда в провинции Шаньси.

³ Чан Ти-юань (暢體元) — подлинный исторический персонаж, в начале правления под девизом Кан-си (康熙) служивший начальником уезда Лонань в провинции Шэньси, о чём есть соответствующие записи в «Описании уезда и территорий Лонани» (雒南縣鄉土志).

⁴ Бродячие тати (流寇) — здесь: участники крестьянских восстаний. См., например, примеч. 7 к новелле 110 «Гэн-нян».

в пустом покое. В ту пору месяцы стояли зимние и мороз крепкий, в темноте пошарил-поискал — обрёл несколько бараньих шкур прикрыть тело; едва лишь не до смерти достиг. Стало светать, оглядел их — как раз напороченные, пять числом. Не удержавшись, над собой и прыснул — как дух его разыграл-то! Потом как Знаток Канона⁵ был пожалован должностью начальника уезда Лонань⁶. Записал господин Би Цзай-цзи⁷.

⁵ Знаток Канона (明經) — во время Цин это было званием официально представленных к государственной стипендии для обучения в училище Гоцзыцзянь — *гуниши* (貢士).

⁶ Лонань (雒南) — уезд на территории провинции Шэньси.

⁷ Би Цзай-цзи (畢載績) — Би Цзи-ю (畢際有, 1623~1693 гг.), второе имя Цзай-цзи, один из самых влиятельных и богатых людей Цзычуаня, большой друг Пу Сун-лина. См. примеч. 13 к новелле 112 «Хохлатый скворец».

125.

МОХНАТАЯ ЛИСА¹

毛狐

Крестьянину Ма Тянь-юну было двадцать с чем-то лет, когда он потерял жену. Он был беден и не мог жениться снова. Как-то раз он полел в своём поле и вдруг увидел молодую, прекрасно одетую женщину, которая проходила прямо по ниве, с одного участка на другой, шагая через межи. Лицо у неё было румяное, и вид живой, элегантный. Ма решил, что она заблудилась. Посмотрел вокруг: в полях никого не было. Пристал к ней, шутя и заигрывая. Женщина тоже улыбнулась. Ма захотел соединиться с ней тут же, но та заметила ему:

— Послушай! В ясный день, под синим небом, разве позволено такое делать? Ты лучше иди домой, запишись и жди меня. Когда стемнеет, я приду.

Ма не поверил, но женщина в этом поклялась, и тогда он подробно рассказал ей, где его ворота и двери и как пройти. Женщина ушла, но действительно, как только наступила полночь, явилась, и они стали весело любовничать. Ма почувствовал какую-то особенную нежность её кожи, зажёг огонь, и действительно, кожа была красная, тонкая, как у новорождённого, но всё тело было покрыто тонкими волосами. Ма подивился этому. Затем решил, что проследить, откуда она, нельзя, и подумал про себя: «Уж не будет ли это лиса?» И начал в шутку её допрашивать, а она сама созналась, даже не подумала скрывать.

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1922 года.

— Раз ты фея, — сказал Ма, — то, как всякое божество, не оставишь ни одной просьбы без уважения. Вот я удостоился чести так близко к тебе прильнуть, — неужели же ты не поможешь мне, не дашь на бедность несколько *лан*?

Женщина обещала. На следующую ночь она опять пришла. Ма потребовал деньги; женщина притворно удивилась и сказала:

— Вот как раз деньги-то я и забыла!

Когда она собралась уходить, Ма опять твердил ей о деньгах и следующей ночью спросил её:

— А то, что я просил, небось опять забыла?

Женщина рассмеялась и просила подождать до одного из следующих дней. Через несколько дней Ма стал опять требовать, и женщина, смеясь, вытащила из рукава два слитка серебра в пять-шесть *лан*, с приподнятыми краями и тонким металлическим отливом, — просто прелесть, так и залюбуешься. Ма пришёл в восторг, схватил деньги и запрятал в сундук поглубже.

Прошло полгода. Как-то случайно ему понадобились деньги, он достал серебро и кому-то показал.

— Да это олово! — сказали ему.

Действительно, куснул зубами — так и откусил: кусок упал... Ма в страшном смятении схватил олово, спрятал и побежал домой. Ночью явилась женщина, и он в сердцах принялся её ругательски ругать.

— Твоя судьба, видишь ли ты, незавидна, — смеялась ему в ответ женщина. — Настоящее-то серебро не по тебе: с ним ты не сумеешь обращаться.

Посмеялась и прекратила этот разговор.

— Я слышал, — продолжал ворчать Ма, — что все феи-лисы редкие в стране красавицы... Совершенно, оказывается, неправильно!

— Мы, — отвечала ему лиса, — являемся и превращаемся, смотря по человеку. Теперь смотри: у тебя нет счастья даже для одного *лана* серебра. Как же мог бы ты пользоваться такой красотой, от которой, как говорят, падают ястребы и ныряют рыбы? Я с моим грубым, подлым видом, конечно, не гожусь для прислуживанья человеку высшего круга, но если сравнить меня с большеногой и горбатой, то я самая первая красавица.

Так прошло несколько месяцев. Вдруг ей вздумалось подарить Ма три *лана*.

— Ты часто требовал денег, — сказала она ему при этом, — но я считала, что твоей судьбе не полагается иметь накопленные деньги. Но теперь пришло время, когда тебе придётся иметь дело со свахой и делать предложение. Позволь подарить тебе вот эти деньги для расходов на одну жену. Кроме того, я пользуюсь этим случаем, чтобы сделать тебе и прощальный подарок.

Ма стал уверять, что у него не было никаких разговоров о приглашении свахи, но женщина подтвердила, что это так и что через день-два сваха непременно появится. Ма спросил, какова собой та девица, о которой она говорит.

— Ты всё думаешь о самой первой у нас красавице, — отвечала она, — ну, значит, это первая красавица и должна быть!

— На это, конечно, я не смею рассчитывать, — скромничал Ма, — однако, за три-то *лана* разве можно купить жену?

— Ну, это уже решено и подписано Лунным Дедом и не зависит от человеческих стараний, — закончила женщина.

Ма спросил ещё, почему же она так скоро заговорила о прощанье.

— Ходить к тебе по ночам, — отвечала она, — с луной в головах и кутаясь в звёзды — это не дело: нет прочного в этом постоянства. Если, как поётся, «милый сам жену имеет», то к чему мне-то тут быть затычкой?

Начало светать, и она ушла, вручив ему дозу жёлтого порошка и сказав при этом, что, чего доброго, он ещё захворает после разлуки с ней, так пускай примет порошок и тогда поправится.

На следующий день и в самом деле пришла какая-то сваха. Ма сразу же стал расспрашивать о том, какова собой невеста. Сваха отвечала, что она ни красавица, ни урод, — а так, средняя. Спросил также насчёт свадебных денег, сколько с него потребуется. Оказалось, четыре или пять *лан*. Ма не возражал против цифры, но настаивал на своём желании хоть раз лично взглянуть на эту особу. Сваха выразила опасение, что девица из порядочной семьи не согласится, вероятно, сама высватываться и показываться. Однако, кончили на том, что условились направиться вместе, а затем действовать

сообразно тому, как продиктуют обстоятельства и удобный случай. Когда подошли к селу, сваха ушла вперёд и велела Ма ждать её за околицей. Ушла — и долго не приходила. Потом явилась и сказала:

— Готово, слажено. Мои родственники живут с ней на одном дворе. Я только что, проходя, видела, что девица наша сидит у них в комнате. Пойдём, пожалуйста, сейчас туда. Ты сделаешь вид, что проходишь через комнату, чтобы повидаться с моими родственниками, и можешь увидеть её на расстоянии, скажем, фута.

Ма пошёл за ней и действительно увидел в комнате девицу, прилёгшую на кровать для того, чтобы ей почесали спину. Ма быстро прошёл мимо, окинув её косым и беглым взглядом: она действительно была такая, как говорила сваха. Затем речь зашла о брачных расходах, причём с ним не стали спорить и только просили дать один-два *лана* на то, чтобы одеть девицу при её выходе из дома. Ма ещё больше остался доволен этой скромной цифрой, вынул деньги, расплатился со свахой и писцом, изготовившим брачный контракт: вышло, в общем, всего ровно три *лана* и ни на медяк больше.

Ма дал погадать и выбрать счастливый день для встречи девицы, идущей к нему. Когда её ввели в двери, то Ма увидел, что у неё был горб и на груди и на спине, и шея скорчилась, словно у черепахи. Посмотрел под юбку, — лotosовые лодочки² были в добрых пол-аршина. Ма понял тогда, что значили слова лисы.

Послесловие рассказчика

«Сообразно данному лицу являемся и превращаемся» — кажется, лиса этим сама пошла навстречу насмешке, и сама всё объяснила, однако её словам о счастье и милостях судьбы можно верить, и даже очень глубоко. Я всегда думал, что если в нескольких поколениях твоих предков не было благородных дел, то ты не достигнешь высокого и сановного поста. Если же и сам ты в поколениях своего потомства не дашь прекрасных дел, — им не иметь красивой жены. Те, кто верят в то, что всякое дело есть следствие своей причины, наверное, не сочтут эти мои слова за туманности Небесной Реки.

² Башмаки искалеченных ног.

126.

ПЯНЬ-ПЯНЬ¹

翩翩

Ло Цзы-фу был из Биньсяня²; отец с матерью — оба рано преставились, и восьми-деяти лет от роду он имел опору лишь в дяде³ Да-е. Да-е служил, что называют, левофлигельным в Училище Гоцзы⁴, богатством обладал — золотом-шелками⁵ — а вот сыновей не было,

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

Пянь-пянь — говорящее имя, буквально «грациозно-утончённая» или «взмывающая-парящая».

² Бяньсянь (邠[縣]) — название округа времён Мин и Цин на территории провинции Шэньси.

³ Дядя (叔) — в Китае родственные отношения весьма конкретизированы, и общих понятий для братьев, сестёр, дядьёв и пр. не существует. В данном случае имеется в виду дядя — младший брат отца.

⁴ Левофлигельный в Училище Гоцзы (國子左廂) — так во время Мин и Цин называли Возливателя жертвенного вина в государственном училище Гоцзыцзянь, где готовили к сдаче экзаменов *кэцзюй* на высшую степень. Во время постройки училища в Нанкине в начале династии Мин служащим там чиновникам предписывалось «не сидеть в среднем зале, не стоять в серединных воротах». Поэтому церемонию возливания вина проводили в Восточном (то есть левом) флигеле.

⁵ Золото-шелка (金縷) — стандартная формула для описания чьего-то весьма крупного состояния. В действительности золото как расчётная единица практически не имело хождения в Китае, будучи либо средством накопления, либо материалом для ювелирных украшений. Платёжным средством неизменно оставалось серебро.

瘡痍餘生无遇偉
 仙人風
 度信翻、他年鼓
 棹重相
 訪洞在白雲何處
 邊

扁羽 扁羽

и полюбил он Цзы-фу, как собственнорождённого. Четырнадцати лет, всяким отребьем соблазнённый, тот предался загулам, скажем общо, по тесному да порочному⁶. Сошёлся как-то с цзиньлинской⁷ певичкой⁸, что проживала в чужедальном округе, студент увлёкся ею и прельстился. Певичка вернулась в Цзиньлин — студент тайком следом за ней сбежал. Прожил в доме у певички полгода — с позволения сказать, у изголовья золото всё исчерпалось⁹, весьма сделался презираем-брезгуем сестрицами-сослуживицами¹⁰, однако ж те всё ещё не торопились с ним порвать. Недолго прошло — «кантонские болячки»¹¹ вскрылись-засмердели, намочили-перепачкали кровать да циновки — тогда и выгнали студента прочь. Попрошайничал на торге, а торговцы увидят — тут же подальше сторонятся. Всё боялся, что помрёт в чужой стороне¹², кланчил еду и продвигался

⁶ Тесное да порочное (狹邪) — обобщённое описание тесных проулков, где располагаются притоны и проживают последние отбросы общества. В литературе выражение это служит метафорой беспорядочных связей самого низкого пошиба.

⁷ Цзиньлин (金陵) — древнее название Нанкина.

⁸ Певичка (娼) — в старой китайской литературе чаще всего эвфемизм для обозначения куртизанок; в то же время этим термином назывались и актрисы — певицы и танцовщицы, что привело ко множеству поздних неверных трактовок и породило бесконечное число ошибок. Здесь Пу Сун-лин употребляет это слово именно как эвфемизм.

⁹ У изголовья золото всё исчерпалось (床頭金盡) — строка из стихотворения «Трудно идти по дороге» (行路難) танского поэта Чжан Цзи (張籍, 767–830 гг.), где говорится: «Сударь, не видите разве — у изголовья золото всё исчерпалось, у смельчака удали больше нет». Строка вошла в обиход в значении «остаться без гроша».

¹⁰ Сестрицы-сослуживицы (姊妹行) — взаимное обращение у профессиональных проституток в Старом Китае.

¹¹ Кантонские болячки (廣創) — сифилитические язвы; называются так, поскольку поветрие распространялось из южных портовых городов, в частности из Гуанчжоу (Кантона).

¹² Боялся, что помрёт в чужой стороне — традиционная установка, прошедшая через века китайской истории, предписывала непременно встречать смерть в родных местах, иначе духи-покровители не смогут должным образом препроводить новопреставленного в царство мёртвых. Несмотря на перемены в мировоззрении, произошедшие

на запад, в день по тридцати-сорока вёрст¹³ покрывал, понемногу и добрался до границ Биньсяня. Однако ж, поразмыслив, что весь в очёсках, лохмотьях, гное и дрязге, решил, что нет у него лица¹⁴ входить в квартальные ворота, да всё неподвижно и околачивался среди ближайших поселений.

День склонился к вечеру — хотел поспешить на ночлег в горную обитель¹⁵, вдруг повстречался с барышней некоей — облик-наружность, как у святой; подходит с вопросом:

— Идёте куда?

Ей студент правду и рассказал. Барышня говорит:

— Я ведь из тех, что оставили дом¹⁶, жильё, чем владею — пещера в скале; там можно, так скажем, возлечь на кровати¹⁷, бояться отнюдь же не следует тигров-волков.

Студент взликовал и подался за ней. Вступили глубоко под горную сень, глядь — там, что зовётся, пещерный чертог¹⁸, вошли — а воротам как раз в поперечье ручей протекает, каменный мост чрез

после широкого распространения буддизма, опасение умереть на чужбине неизменно продолжало существовать.

¹³ Тридцать-сорок вёрст — имеется в виду китайская верста, равная примерно 500 м.

¹⁴ Нет лица (無顏) — нет морального права. См. примеч. 22 к новелле 122 «А-ся».

¹⁵ Горная обитель (山寺) — буддийские монастыри, первоначально не получавшие хороших участков для застройки, превратили это обстоятельство в источник выгоды: в горах, где им давали землю, обустроивали при монастыре постоянные дворы, рестораны, увеселительные парки, так что со временем от летнего зноя целые толпы горожан устремлялись укрыться в монастыри. При монастырях действовали и лучшие лечебницы, имелись и постоянные дворы для странников (в ряде обителей для ночлега предлагались пустующие кельи).

¹⁶ Оставили дом (出家) — стандартная формула для обозначения ушедших от мира; говорится о монахах и отшельниках.

¹⁷ Возлечь на кровати (下榻) — устойчивое сочетание, означающее «остаться на ночлег в гостях», «устроить переночевать».

¹⁸ Пещерный чертог (洞府) — обозначение горной обители святых бессмертных.

него переброшен. Сверх того сколько-то воинских¹⁹ — вот и видны пара каменных гротов: светом и блеском всецело сияют, нет нужды в лампах-свечах. Студенту велит нависающих снять перепёлок²⁰ да и омыться в потоке ручья, наставляя:

— Очиститесь в нём — нарывы тотчас исцелятся.

Вдобавок раздвинула полог, постель обмахнула — торопит ко сну со словами:

— Прошу безотложно вздремнуть, а должно б ещё мне вам, сударь, штаны изготовить.

Тогда взяла огромный лист, сродни банановому дереву, кроит да шьёт — творит одежду; студент на то взирает лёжа. Работала совсем недолго — сложила в головах постели и говорит:

— Утром берите их и надевайте.

Тогда на лежанке напротив и започивала.

Студент после купания чувствует — язвы-нарывы не болят; как проснулся, их потрогал — а струпы плотно завязались. Грядущей зарёю собрался вставать, а в сердце сомнение: в банановый лист ведь никак не возможно одеться. Взял его да рассмотрел кропотливо: а там лишь зелёной парчи беспримерная гладь. Немного прошло — стали стряпать к столу; барышня, горной листвы ухвативши, речёт, дескать, это лепёшки; стал есть их — и правда лепёшки. Потом ещё, выкроив, сделала куриц да рыбу — и ну их готовить, и все оно как настоящее ведь! В углу помещенья в кувшине одном хранилась отличная брага; упорно да снова возьмут, чтобы пить; немного убудет, так, стало быть, тут же водой из ручья и дольют туда, дабы пополнить. Несколько дней — язвы да струпья все и отвалились; давай тут у барышни «клянчить ночлег»²¹. Барышня молвит:

¹⁹ Воинский [шаг] (武) — в литературе образное обозначение обычного шага, основанного на скрытой цитате из «Записей ритуала» (禮記). См. примеч. 3 к новелле «Заклинатель», *цзюань* 1, том 1.

²⁰ Нависающие перепёлки (懸鶉) — метафора латаных лохмотьев. Пестрота заплат на обносках вызывает в памяти перепелиный хвост, что и послужило основой для скрытого сравнения.

²¹ Клянчить ночлег (求宿) — стандартная формула в письменных текстах, употребляемая и в прямом значении, и в смысле «добиваться близости».

— Вздорный беспутный мальчишка! Только сыскал, где главе преклониться, — сразу рождает невместную блажь!

Студент объясняет:

— Только, чтоб как-то воздать за добро.

Тут почивать уж и стали совместно, к взаимным большим любованью-любви.

Однажды какая-то молоденькая госпожа со смехом входит, говоря:

— Пянь-пянь, маленькая чертовка, весела-радостна вусмерть. Монахиня Сюэ сладкий сон когда узрела²²?

Барышня, встретив с улыбкой, в ответ:

— Града Цветов — госпожи Хуа Чэн²³ — стопы бесценные долго сюда не входили, нынче же ветер, что с юго-востока²⁴, плотнее за-

²² Монахиня Сюэ сладкий сон когда узрела (薛姑子好夢幾時做得) — скрытая отсылка к известному тексту IX века: в новелле «История Хо Сяо-юй» (霍小玉傳) танского литератора Цзян Фана (蔣防, 748–827 гг.) имеется фраза «Монахиня Су уж видела ли сладкий сон?» (蘇姑子作好夢也未) — с этими словами сваха обращается к главному герою, собираясь оповестить его об удачно подобранной партии. Предположительно, здесь используется устойчивая словесная формула того времени, означающая «счастливое предзнаменование любовного союза». Вероятно, иероглиф «Су» (蘇) был в тексте ошибочно заменён на «Сюэ» (薛), но генезис самой фразы несомненен. Есть также предположение, что здесь наличествует и отсылка к роману «Продолжение Цзинь, Пин, Мэй» (續金瓶梅) цинского литератора Дин Яо-кана (丁耀亢, 1599–1671 гг.), опубликованному в 1660 году, где, в частности, повествуется о похождениях развратной монахини, но по ряду причин такое предположение выглядит неубедительным. В целом же фраза означает: «Когда ты завела любовную интрижку?»

²³ Хуа Чэн (花城) — имя буквально означает «Цветочный город».

²⁴ Ветер с юго-востока (西南風) — символ связи с дорогим сердцу человеком, пребывающим на чужбине. Образ восходит к юэфу Цао Чжи (曹植, 192–232 гг.) «Семь печалей» (七哀詩), где героиня желала бы стать юго-восточным ветром, чтобы улететь в дальние края к предмету своего сердца. В дальнейшем образ становится широко распространённым и встречается во множестве стихотворений различных эпох в значении «вестник чувств, в разлуке обращённых к любимому».

брал — вот и задул её к нам! Маленьким барином²⁵ вам разрешиться случилось, не так ли?

Та ей:

— Ан ещё раз вышло маленькой только чернавкой²⁶.

Барышня в смех и речёт:

— Вот же девица Хуа — исто подвал черепичный²⁷! Что же её вы не взяли с собой?

И в ответ:

— Только её убаюкала, и почивает ещё.

После того и присела, чтоб угоститься-возлечь. Вдобавок, взглянув на студента, речёт:

— Вы, молодой господин, лучших курений сожгли²⁸, да!

Студент поглядел на неё — лет двадцати трёх-четырёх, грациозна да очаровательна, сердцем её возлюбил.

Плоды очищая, случайно под столик она обронила; нагнувшись к земле, как будто бы плод подобрать, — и тайно притиснул подъятого феникса²⁹; ну а Хуа Чэн лишь в сторону смотрит себе и смеётся, как если б о том и не ведала вовсе. Студент же лишь только тут спутался весь, душа не на месте, как чует внезапно: халат да штаны не приносят тепла. Себя оглядел — что одето на

²⁵ Маленький барин (小公子) — уважительное именование сына собеседника.

²⁶ Маленькая чернавка (小婢子) — уничижительное именование собственной дочери.

²⁷ Черепичный подвал (瓦窖) — шутовское прозвище, которым награждали жён, рожающих только девочек. Образ восходит к «Книге песен» (詩經), раздел «Малые оды» (小雅), «Горный ручей» (斯干), где родившихся дочерей гадатель советует укладывать спать на земле и в качестве игрушки давать им черепицу, в то время как сыновей следует укладывать спать на кровати и давать им играть нефритовым скипетром.

²⁸ Сжечь лучшие курения (焚好香) — то есть умиловить богов настолько, что те даруют удачу и благополучие. В целом выражение значит «обрести счастливую долю».

²⁹ Подъятый феникс (翹鳳) — распространённая метафора крошечной бинтованной ножки, считавшейся самой эротичной частью женского тела. См. также примеч. 29 к новелле «Не Сяо-цянъ», цзюань 2, том 1, примеч. 18 к новелле 97 «Лянь-со».

нём сполна превратилось в осенние листья; едва ли со страху не сгинул. Степенно воссел на какое-то время — помалу сменилось и стало как прежде. Тайком разыграл духом, что барышни обе так ничего из того не видали. Малость позднее, когда возглашали за здоровье, вот и опять же он пальцем проводит по нежной ладони — а Хуа Чэн в безмятежности так же смеётся и шутит да ни на волос не чувствует — не знает. Сердце — тук-тук — в беспокойстве и страхе трепещет, платье опять обратилось листвою, вскоре ж обратно всё сызнова переменялось. После сего на лице понемногу утихли сомненья, больше не смел о беспутном мечтать. Хуа Чэн со смехом речёт:

— В вашем семействе что до супруга молодого, то он весьма не безгрешен-хорош! Коли не быть тебе истинно укусной тыквой-горлянкой³⁰, моя дорогая, то, опасаясь, скакнёт, и следы среди облачной выси растают³¹.

Барышня также с усмешкой речёт:

— Вздорный юнец-вертопрах! Право, достоин того, чтобы на смерть его заморозить.

И обе на пару в ладоши забили³².

Вот Хуа Чэн, покидая застолье, вещает:

— Крошка чернавка проснётся — в плаче, боюсь, аж нутро разорвётся³³, да!

Барышня также встаёт, говоря:

— Всё домогается выманить мужа из дома чужого, а и не думает помнить о том, что крошка Цзян Чэн будет плакать безудержно, так-то!

³⁰ Укусная тыква-горлянка (醋葫蘆) — распространённая метафора, обозначающая яростного ревнивца.

³¹ Скакнёт, и следы среди облачной выси растают (跳跡入雲霄去) — выражение, означающее «унестись невесть куда мечтами», но, благодаря игре слов, также таящее в себе смысл «сбежать, скрыться».

³² Бить в ладоши (鼓掌) — в Старом Китае выражение крайнего веселья, обычно сопровождаемое смехом. Присутствует в описаниях восторга молоденьких барышень.

³³ Нутро разорвётся (腸斷) — буквально «разорвутся кишки» — стандартная формула для описания чего-то душевно непереносимого, например душераздирающего плача или крика.

Лишь Хуа Чэн удалилась — он испугался попасть под укор-по-рицанья, барышня же, как закончилась встреча, той же осталась, что прежде.

После недолго прожили — осень одряхла, да ветер прозяб, иней ниспал, оголивши деревья. Барышня тут собирать стала павшие листья, делать припасы — от стужи спастись³⁴. Смотрит: студент-то знай ёжится-зябнет — так, ухвативши обвязку, сгребла да подъяла у жерла пещерова бель облаков: ладит одёжку двойного подбоя; влез в неё — мягко ему да тепло, в куртке как-будто; да и свободно-легко, точно в обнове на ватной подстёжке.

Год миновал — тут и сын родился, крайне умён да красив. Днями, бывало, в пещере своей с сыном играл он, в том черная радость; всё ж каждый раз вспоминая родные места, вместе вернуться канючил. Барышня молвит:

— Вашей слуге не сопутствовать вам. А коль невмочь — вы в одиночку ступайте.

Так покорялся два или три уже года, сын понемногу подрос, и в продолжение тому вот с Хуа Чэн сговорились о будущем свойстве³⁵. Всякий же раз, лишь студент только дядю помянет — что уже стар, — барышня и говорит:

— Да, годы бдения дяди — верно, высоки весьма³⁶, к счастью ж, ещё он силен и здоров, не утруждайтесь печалью нависшей. Нужно дожидаться: мальчонку поженем, а после к нему переедете — будь ваша воля!

³⁴ Делать припасы — от стужи спастись (蓄旨禦冬) — скрытая цитата из «Книги песен» (詩經), раздел «Нравы царств» (國風), «Песни царства Бэй» (邶風), песня «Восточный ветер» (穀風), где покинутая жена сетует, что теперь одна и припасы, сделанные на зиму, хоть и прекрасно помогут ей спастись от стужи, но радости нет, когда муж пирует с новой семьёй.

³⁵ Сговориться о свойстве (訂為姻好) — договор, который в Старом Китае родители нередко заключали о грядущем браке детей, когда те подрастут и достигнут положенного возраста.

³⁶ Высокие годы бдения (臘高) — заимствованный из буддийской традиции термин, в текстах употребляемый в значении «преклонные лета». См. примеч. 8 к новелле 59 «Гэн Восемнадцатый», цзюань 2, том 1.

Барышня прямо в серёдку пещеры листья извечно брала, чтоб письмом заниматься, сына учила читать; сын пробежит лишь глазами — и уж превзошёл. Барышня молвит:

— Этот мальчонка облищем счастливи³⁷. Кабы случись, что попал бы он в мир омрачённый³⁸, — нет беспокойства: достиг бы до высших приказов³⁹.

Скоро совсем — а уж сыну четырнадцать минуло лет, и Хуа Чэн самолично явилась, чтоб дочь привести. Дочь красоты-чарованья предельных, лика сияньем людей озаряет. Муж и жена в ликова- нье огромном всею семьёй собрались на застолье. Шпилькою такт отбивая, Пянь-пянь песню такую пропела:

Есть у меня и сынок-загляденье,
Его не прельщают ни сан и ни класс⁴⁰.
Есть у меня и сноха-загляденье,
Её не прельщают ни шёлк, ни атлас⁴¹.
Нынешним вечером вместе сошлись мы —
Вот и ликуем совместно за вас!
Мы вам подносим вина в угощенье
И просим, чтоб яств пополняли запас!

³⁷ Облицьем счастливи (福相) — один из древнейших видов предска- зательных практик в Китае — гадание по внешности, когда особенности лица и фигуры наделяются счастливыми или злополучными качества- ми и, по убеждённости последователей, способны точно определить будущее их носителя. В данном случае героиня новеллы констатирует, что черты внешности сына несут печать счастья и удачи.

³⁸ Омрачённый мир (塵寰) — мир скверны, житейских дрызг, под которым мистики понимали жизнь в социуме. В фантастической и религиозной литературе Старого Китая это зачастую является противопоставлением чистому миру небожителей.

³⁹ Высшие приказы (臺閣) — то есть Совет министров Шаншу, прави- тельство в традиционном государственном устройстве Китая.

⁴⁰ Сан и класс (貴官) — высокое почётное звание и чиновничий класс, то есть близость к трону и высокий ранг, официальные ориентиры стремлений традиционно воспитанных молодых людей в конфуци- анском обществе.

⁴¹ Шёлк и атлас (綺紬) — лучшие шелка или богатые одежды, символ достатка и высокого положения.

К концу подошло — вот уж и Хуа Чэн удалилась; они ж поселились с четою сыновней в покоях напротив друг друга. Сноха молодая почтительна, льнёт неотступно к тем, что «у колен»⁴², словно бы их прирождённая дочь. Студент же опять речь завёл, чтоб вернуться. Барышня молвит:

— Что ж — вам костяк заурядный достался, в сумме-конце не бессмертных статей. Да и сынок тоже будет из тех, кто в богатстве-почёте, — можно с собой его взять: я не хочу навредить сыну в предопределении.

Сноха молодая задумала с матушкою распроститься, и вот Хуа Чэн для того прибыла. Сын и сноха льнут с любовью да тягой, каждый глазницы насквозь прорыдал; матушки парюю, чтоб их утешить, вещают:

— Покамест ступайте, возможно, вернётесь ещё.

Пянь-пянь вслед тому им из листьев в дорогу нарезала осликов тут же, велит всем троим забираться на них, дабы вернуться домой.

Да-е уж, выйдя в отставку по старости, жил под кронами⁴³ и полагал, что племянник давно как помер; ан тот вдруг, ведя за собой прекраснейшего внука и красавицу-невестку, и приезжает, — возликовал, как обрёл драгоценность. Входят в ворота, и каждый глядит — всё, в чём одеты, — всецело лишь листья банана. Их разорвешь — так хлопья⁴⁴ «чжэн-чжэн» воздымаются и исчезают. Тогда совместно платье и сменили. Потом уж студент, в своих мыслях Пянь-пянь вспоминая, направился с сыном союзно разведать о ней — а только желтеют листья, заполняя дорожки, а к устью пещеры тропа потерялась; лишь слёзы пролили да и воротились.

⁴² У колен (膝下) — родители; те, у колен которых ты рос. В Старом Китае уважительным обращением к родителям было именно это словосочетание, буквально «[тот,] у чьих колен [я рос]».

⁴³ Под кронами (林下) — метафора, означающая «вдали от мира», «вне общественной жизни».

⁴⁴ Хлопья (絮) — тем же иероглифом обозначается и вата, которой подбивают одежду. В данном случае имеется в виду, что облака, использованные для тёплой подкладки, хлопьями воспаряют обратно к небу.

Автор этих строк добавит:

Пянь-пянь, Хуа-чэн уж не бессмертные ли, а? Питаться листьями, одеваться в облака — до чего же поразительно-то! Однако ж за пологом занавесью хула да шутки, сближение на ложе, рождение крошек — опять же, чем будут разниться с человеческим миром? Средь гор провёл пятнадцать лет, а всё же нет чужины, как говорится, в городах, предместьях да людях⁴⁵; о том же, как в облаках затерялось устье пещеры, нет следов, которые можно было бы сыскать, — взглянешь на эти дела-обстоятельства, воистину, это как когда Лю да Жуань назад загребали⁴⁶, да!

⁴⁵ Города, предместья да люди (人民城郭) — скрытая цитата из собранного Тао Юань-мином (陶淵明, 365–427 гг.) «Продолжения записок о поисках духов» (搜神後記), цзюань 1, где рассказывается об обернувшемся журавлём даосском мистике Дин Лин-вэе, полетевшем через много лет проведать родные края и чуть не сбитым из лука неким юношей. Взлетев после этого в небо, журавль запел, что города и предместья стоят такие же, как были, а люди изменились.

⁴⁶ Лю да Жуань назад загребали (劉阮返棹) — намёк на историю из сборника Гань Бао (幹寶, ?–336 гг.) «Записки о поисках духов» (搜神記), также описанную и в собрании Лю И-цина (劉義慶, 403–444 гг.) «Записи о тайном и открытом» (幽明錄); в истории повествуется о двух друзьях из Чжэцзяна — Лю Чэне и Жуань Чжао, отправившихся к горе Тяньтай и заблудившихся. Двигаясь по горному ручью, они встретили двух прекрасных небожительниц и прожили с ними полгода. Когда оба они заскучали по дому, небожительницы сами их проводили, указав дорогу. Однако же, вернувшись в родные края, друзья обнаружили, что миновало уже огромное количество лет и из родных живы только их далёкие потомки в седьмом поколении. Попытки вернуться в горы и навестить святых бессмертных не увенчались успехом, поскольку дорога потерялась и точный путь позабылся.

127.
ЧЁРНЫЙ ЗВЕРЬ¹
黑獸

Слышал, как дедушка Ли Цзин-и² рассказывал: некий почтенный NN раз в Шэньяне³ застолье собрал на вершине горы. Вот сверху взирают, как там у подножья, — а там заявляется тигр, что-то в пасти волочит, когтями копать принимается землю, зарыл, что принёс, да и прочь. Послали людей разузнать, что он там закопал, — убитый олень, оказалось. Тогда прихватили оленя с собой, а яму ту просто прикрыли. Недолго прошло — тут и тигр: направляет какого-то чёрного зверя сюда; шерсть долгая — в несколько будет вершков. Тигр впереди поспешает — как будто высокого гостя ведёт. Вот и достигли до ямы. Зверь, зыркнув «дань-дань»⁴, присел себе и наблюдает. Тигр поискался — а в яме

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Ли Цзин-и (李敬一) — Ли Сы-юй (李思豫), второе имя Цзин-и, дед друга Пу Сун-лина Ли Си-мэя (李希梅).

³ Шэньян (瀋陽) — город на территории современной провинции Ляонин.

⁴ Дань-дань (眈眈) — скрытая цитата из «Книги перемен» (易經), гексаграмма 27 «Питание» (頤), где четвёртая черта уподобляется тигру, ненасытному в желаниях, вперившему свой грозный взор. Именно этим сочетанием иероглифов и передаётся тяжёлый беспощадный взгляд хищника. См. также примеч. 10 к «Ляо Чжая собственному написанию», том 1.

оленя-то нет; ничком, трепеща, повалился, не смея и чуть шевельнуться. А зверь на тот промах взъярился, своими когтищами по лбу тигриному жажнул — тигр тут же и помер, а зверь вслед тому прямиком удалился.

Автор этих строк заметит:

Зверь — неизвестно, как и зовут-то его. Если же вопрос, каков он на вид, то ничуть не больше тигра. Что ж тогда, так скажем, вытянув шею, принимать кончину⁵; бояться его до таких степеней — тут уж чрезмерность-то, а? Всякая тварь живая — у каждой ведь есть свой притеснитель, и умствованием здесь не разобрать. Так, макаки больше всего страшатся золотой мартышки; издали углядят её — сотнями-десятками собьются в толпу, выстроятся да падут долу, не смея ускользнуть. С застывшим взором, заперев вдох, слышат — мартышка подходит, лапами сплошь ощупает: тучные или тощие. Тучные — так каменными сколами отметит им темени-маковки. Макаки держат камни да лежат, трепещут, как перед деревянным петухом⁶, единственно боятся, что метка

⁵ Вытянув шею, принимать кончину (延頸受死) — стандартная формула, восходящая к придворному этикету, означающая «покорно ждать собственной гибели».

⁶ Деревянный петух (木雞) — цитата из книг «Ле-цзы» (列子), глава 2 «Жёлтый император» (黃帝) и «Чжуан-цзы» (莊子), внешний раздел (外篇), глава 19 «Постигший [сущность] жизни» (達生), где рассказывается о некоем Цзи Син-цзы, воспитывавшем для государя бойцового петуха. Когда полнота совершенств птицы достигла предела, тот стал подобен «вырезанному из дерева», и никакой другой петух не посмел бы соперничать с ним, а при одном лишь виде его пускался наутёк. Впоследствии выражение «деревянный петух» стало метафорой хладнокровного победителя, по всем статьям превосходящего оппонентов, а застыть от ужаса перед таким победителем — «застыть, [как перед] деревянным петухом». В обиходе в дальнейшем это выражение утратило привязку к оригиналу, трансформировавшись в формулу: «Застыть деревянным петухом», то есть окаменеть от страха. В тексте Пу Сун-лина макаки не «застывают», а «трепещут», и здесь, очевидно,

упадёт-свалится. Мартышка ощупывать и метить кончит — да по порядку, согласно камушкам, берёт и жрёт, а остальные тут с шумом и разбегутся. Я некогда сказал, что алчные чиновники подобны мартышкам: тоже ощупают народ — кто тучен, кто тощ — да пометят их и, разодравши, пожирают. А народ, прижав уши, слышит — жрут, да никто не осмелится и вздохнуть громко. У добрых-простодушных⁷ нравы вполне подобны таковым, при- скорбия сие достойно, так-то!

выражение употреблено в его изначальном смысле, а не в последующем переделанном виде.

⁷ Добрые-простодушные (蚩蚩) — простой народ; выражение восходит к «Книге песен» (詩經), раздел «Нравы царств» (國風), «Песни царства Вэй» (衛風), песня «Простолюдин» (氓), где говорится о добром и простодушном юноше, который пришёл к героине песни под предлогом обмена холстины на шёлк. По комментариям Чжу Си (朱熹, 1130–1200 гг.) «добрый и простодушный» следует понимать здесь как «имеющий вид невежественный» (無知之貌). Впоследствии понятие «добрый-простодушный» становится литературной метафорой простолюдинов.

Иллюстрация

4

卷四

128.
ЮЙ ДЭ¹
餘德

У некоего И Ту-наня из Учана² имелись, что называется, опричные палаты³, которые одному *сюцаю* некогда и сдал под жильё, да с полгода или около ни разу не навещивался с визитами. Однажды встретил его у ворот — годами тот совсем юн, а наружность-манеры да, как говорится, меха и скакуны⁴ в свободной грации глядели с большим великолепием. Устремился с ним побеседовать — а к тому ж ещё

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

Юй Дэ — говорящее имя, буквально «Избыток добродетели»; так говорят о тех, кто оставил потомкам наследство в виде доброй славы и множества совершённых благодеяний.

² Учан (武昌) — название уезда, существовавшего на территории нынешнего района Учан города Ухань, провинция Хубэй.

³ Опричные палаты (別第) — жилище помимо основного, того, в котором проживает семья. Чаще всего говорится о загородных имениях или отдельно возведённых павильонах, летних домиках и пр.

⁴ Меха и скакуны (裘馬) — отсылка к тексту «Бесед и рассуждений» (論語), цзюань 6 «Юн таков» (雍也), где Учитель говорит о Цзы-хуа, направлявшемся в царство Ци, «разъезжая на жирных скакунах и одевшись в лёгкие меха», в то время как его мать осталась в лишении, и только ученик Конфуция Жань-цзы помогал ей. Впоследствии выражение «[лёгкие] меха и [жирные] скакуны» становятся символом богатства и успешности.

и глубок-основателен⁵, очаровательно-мил. Подивился тому и, вернувшись, рассказал жене; жена отрядила служанку под предлогом посещения с дарами порассмотреть, что у него в покоях. А в покоях обнаружилась восхитительная красавица, прелестью-пригожестью затмевающая бессмертных. Все цветы, камни, уборы и диковины купно никогда ухо-глаз не постигал⁶. Вот И, не измыслив, что же это за человек, явился пред двери нанести визит, да как раз случись, что тот вовне убыл. А на следующий день, однако ж, явился, что называют, с ответным поклоном; обозрел его «визитное прозвание»⁷ — тогда лишь и узнал, что фамилия ему Юй, а имя Дэ. Во время беседы ну детально расспрашивать о чинах и заслугах — ан излагает всё украдчиво-окольно. Настойчивей пытаться о том — тогда в ответ:

— Желаете со мной общения, и покорный слуга ваш не посмел бы самосильно отстраняться. Должно знать, что не разбойник-вор я, в бега подавшийся, а к чему же непременно выведывать приспевшее былое?

За это И винулся. Велел вина, попотчевал застольно, болтали да смеялись вкрай отрадно. Склонилось к вечеру — нашлась пара куньлуновцев⁸ вести лошадь да нести лампу, приняли и сопроводили отбыть.

⁵ Глубок-основателен (蘊藉) — многозначное выражение, почерпнутое из классических книг, где оно трактуется как «великодушный (по другому толкованию — глубокий, многозначительный) и благовоспитанно-сдержанный». Так, в частности, характеризуется знаменитый конфуцианский мыслитель и высокий сановник Хуань Жун (桓榮, ?~59 гг.) в книге «Поздниханьской истории» (後漢書), цзюань 37, «Биографии», раздел 27, «Биографии Хуань Жуна и Дин Хуна» (桓榮丁鴻列傳). Таким образом, само выражение сообщает не только о благопристойных и располагающих манерах юноши, но соотносят его с высокими моральными авторитетами древности.

⁶ Ухо-глаз не постигал (非耳目所經) — распространённый письменный штамп со значением «видом не видывал, слухом не слыхивал».

⁷ Визитное прозвание (刺呼) — то, что пишут на визитной карточке, вручаемой при посещении. Чаще всего это официальное имя, но может быть второе имя или прозвание, а также титул, профессия и т. п.

⁸ Куньлунец (昆侖 или 崑崙) — название, употреблявшееся в Китае с древности для иноземных рабов с тёмным цветом кожи. Ко времени

На следующий день, что называют, выкроил грамотку⁹, чтобы воздать хозяину. Прибыл И к нему домой, глядь — стены в покоях все блёстчатыми листами оклеены, чистотою — что зеркало; золотые *суань-ни*¹⁰ воскуряют предивные ароматы, в вазе зелёного

Тан это были чаще всего привезённые с южных океанских островов представители местных народностей. В литературе упоминания таких рабов крайне многочисленны, есть знаменитая новелла из сборника «Повествуя об удивительном» (傳奇) Пэй Сина (裴銅, ~860–?) «Куньлуньский раб» (昆侖奴傳), где главный герой Мо Лэ (磨勒) — темнокожий заморский невольник — наделён невероятными способностями и умениями. Говорится о «куньлуньцах» и в сборнике *бицзи* «Из бесед в Пинчжоу» (萍洲可談) сунского Чжу Юя (朱彧). Понятие «куньлунец» широко употреблялось и в быту, когда говорилось о ком-то смуглом. Так в «Цзиньской истории» (晉書), *цзюань* 32, «Биографии» (列傳), раздел 2, «Биографии государынь и наложниц. Часть 2» (後妃傳下), «Биография Сяо-у-вэнь Ли-тайхоу» (孝武文李太后傳), рассказывается, что, когда будущая императрица была ещё дворцовой служанкой, из-за высокого роста и смуглой кожи другие служанки дразнили её «куньлунькой».

⁹ Выкроил грамотку (折簡) — то есть вырезал из большого рулона нужный по размеру лист для краткого письма; само выражение является устойчивым литературным штампом. Таким образом, вся фраза означает «написал [короткое] письмо, чтобы воздать хозяину», то есть чтобы пригласить его в гости и тем отплатить за гостеприимство.

¹⁰ *Суань-ни* (狻猊) — древнее китайское название для львов. С большой вероятностью является китайской транскрипцией санскритского «симха» (или «сингха», सिंह); впоследствии термин сменился на принятый сегодня: львов в Китае стали называть «шицзы» (獅子). Происхождение последнего термина до сих пор спорно, вполне возможно, что это другая версия транскрипции индийского слова (здесь чаще предполагают палийский вариант «сиха»), чтение которого в китайском языке со временем изменилось весьма сильно. Старый же термин обрёл новую жизнь с распространением в Китае буддизма: массивные золотые (чаще золочёные) курильницы в форме львов, называясь по-старому *суань-ни*, дали не только общепринятое название для этого вида утвари, но и породили новое мифологическое животное. Так, изображаемый на курильницах лев стал почитаться как один из девяти сыновей дракона (龍生九子), именуемый *суань-ни*, любящий сидеть и наслаждаться курениями благовоний. Впоследствии львы *суань-ни* стали чаще изображаться на ножках больших курильниц, но встречались и экземпляры, выполненные целиком

нефрита водружены перья — фениксов хвост да павлиньи — по два каждых, и всякое длиною в два аршина¹¹ с лихвой. А в вазу горного хрусталя погружён розовый цветок, незнамо, как и зовут; тоже высотой в два аршина или около, свисающие побеги стелятся опричь столика, листья разрежены, цветы густы, скрытые бутоны ещё не распустились, и цветок видом подобен намокшей бабочке, подобравшей крылья, а стебли тогда — точно усики. На, так сказать, циновке¹² не более восьми кандей¹³, но богатством и роскошью совершенно необычайных. Вот велел отроку «бить в барабан, поторапливая цветы»¹⁴ как застольное указание¹⁵. Звук барабана лишь только потёк, как цветок в вазе вздрогнул-затрепетал, вот-вот раскроется, крылья бабочки понемногу отверзлись;

в виде льва. В старых текстах можно встретить и именование львов (часто фантастических) *суань-ни*, но такие варианты редки.

¹¹ Аршин — здесь имеется в виду «китайский аршин» *чи* (尺), равный примерно $\frac{1}{3}$ метра.

¹² На... циновке (筵間) — то есть на столе с угощениями. В древности яства на пирах расставлялись на циновках, и это обозначение для пиршественного стола осталось стандартным на века.

¹³ Кандея (簋) — здесь обозначение для древнего жертвенного сосуда (*гуй*), первоначально применявшегося при подношениях просом; впоследствии так стали называться чаши для вина и яств на пиру, а в описываемый период — отдельные кушанья на застолье.

¹⁴ Бить в барабан, поторапливая цветы (擊鼓催花) — название застольной игры, во время которой, пока звучит барабан, участвующие передают друг другу цветок; лишь барабан смолкнет, тот, кто не успел передать цветок, пьёт штрафную чашу. Название восходит к эпизоду из танских «Записей о барабане *цзегу*» (羯鼓錄) Нань Чжао (南卓, VIII в.), где рассказывается, как император Сюань-цзун (玄宗, 685–762 гг.) в погожий день второй луны, наблюдая за готовыми раскрыться бутонами ив и абрикосов, велел еврею Гао Ли-ши (高力士, 684–762 гг.) играть на барабане мелодию «Весеннее влечение» (春光好), в то время как всем приближённым поднесли вина. Когда же потом взглянули на бутоны — они как раз все раскрылись. Сюань-цзун преисполнился радости и гордости своей находкой и возглашал-де это, видимо, знак, что он гож в небесные государи.

¹⁵ Застольное указание (令) — игра на пиру, где про штрафившийся обязан выпить чашу вина.

ан вот барабан пристал с гулким ударом¹⁶ — стебли-усики тотчас обезлители, и, превратившись в бабочку, цветок вспорхнул и опустился на одежду И. Юй со смехом встал, воздел огромный винный рог¹⁷; только вино осушили до донца — бабочка тотчас взвилась-улетела. Через малое время барабан снова занялся — две бабочки прилетели, собрались у Юя на шапке. Юй со смехом и говорит:

— Вот уж создал законы себе на погибель¹⁸!

Тогда выпил два винных рога. Как барабан отгремел трижды, цветок в беспорядке осыпал лепестки, и те, грациозно паря, опустились, испятнав рукава и оросив отвороты. Барабанный отрок давай со смехом указывать-пересчитывать: И причиталось девять штрафных бирок¹⁹, Юю причлось четыре. И, будучи уже слегка навеселе, не смог исчерпать штрафы, силою испил три кубка, оставил застолье да улизнул восвояси. С тех пор стал ещё пуще дивиться Юю.

¹⁶ Гулкий (淵) — Пу Сун-лин прибегает здесь к скрытой цитате из «Книги песен» (詩經), «Гимны» (頌), «Шанские гимны» (商頌), «Изобилие» (那), где этим словом описывается громкий и глубокий звук барабанов.

¹⁷ Винный рог (觥) — чаша, первоначально изготавливавшаяся из рога носорога, впоследствии — вообще большая винная чаша (см. примеч. 17 к новелле 58 «Учёный муж из Фэнъяна», *цзюань* 2, том 1).

¹⁸ Создал законы себе на погибель (作法自斃) — несколько изменённая в обиходе фраза, приписываемая государственному деятелю и мыслителю периода Борющихся царств Шан Яну (商鞅, 390–338 гг. до н. э.); в «Исторических записках» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145(135?)–86(85?) гг. до н. э.), *цзюань* 68, «Бографии» (列傳), часть 8, «Биография правителя Шана» (商君傳), рассказывается о бегстве Шан Яна от преследования воцарившегося в 338 году до н. э. наследника престола. Достигнув заставы, Шан Ян хотел остановиться на постоялом дворе, но хозяин не узнал его и не принял, сославшись на закон самого Шан Яна, предписывающий наказание за попытку поселиться без документов. Тогда Шан Ян и сказал: «Увы! Пороки созданных мною законов вот к чему привели!»

¹⁹ [Штрафная] бирка (籌) — специальная фишка для подсчёта штрафных чаш в застольных указаниях; девять бирок означает, что И надлежало выпить девять штрафных чаш.

Тот же, однако, был человеком необщительным, извечно жил, заперев ворота, с, назовём так, единоземцами²⁰ не сходиллся в горестях да радостях. А вот И же, встречаясь с кем-нибудь, непременно оглашал-распространял, и услышавшие про такие дива ну наперебой ходко водиться с Юем; перед воротами, скажем общо, чиновные шапки да крытые экипажи беспрестанно друг дружке казались²¹. Юй люто сего не превозмог, внезапно распрощался с хозяином и был таков. После того, как съехал, И зашёл в его жилище: в пустом дворе вымыто-выметено — ни малейшей пылинки, свечные слёзы²² сгребли грудой под голубыми ступенями²³, меж окон разрозненные лоскуты да обрывки нитей, словно пальцевые оттиски. Лишь за домом оставлена малая корчага белого камня, вмещающая где-нибудь осьминник²⁴ или около. И забрал домой, наполнил водой и стал растить краснопёрых рыб²⁵; миновал год — а вода чиста, будто только что налили. Потом работник-наймит передвигал этот камень да по ошибке разбил, а вода, собравшись, вовсе и не хлынула в бока. Поглядишь на неё — корчага будто бы и на месте, а ощущаешь — порожне да мягко. Руку запустишь ей в серёдку — вода под рукою отступает, вынешь руку — ан опять сходится. В зимние

²⁰ Единоземцы (國人) — первоначально в книге «Чжоуского ритуала» (周禮) так назывались столичные жители, впоследствии выражение стало употребляться для обозначения соотечественников. Здесь этим словом именуются соседи.

²¹ Чиновные шапки да крытые экипажи беспрестанно друг дружке казались (冠蓋常相望) — слегка видоизменённая цитата из «Планов Борющихся царств» (戰國策), *изюань* 27, «Планы Хань, часть 2» (韓策二), где рассказывается об отправке послов в Цинь с просьбой о подмоге, и отправлено их было столь много, что «[чиновные] шапки и крытые [экипажи] друг дружке казались», то есть сановные выезды сменяли один другой.

²² Свечные слёзы (燭淚) — стёкшие наплывы воска на свечах.

²³ Голубые ступени (青階) — ступени из голубоватого известняка, широко применявшегося в строительстве в Китае.

²⁴ Осьминник (石) — здесь имеется в виду китайская мера сыпучих тел (*ши* или *дань*), равная 103,54 л.

²⁵ Краснопёрые рыбы (朱魚) — имеются в виду золотые рыбки красного окраса, весьма распространённые в Китае.

месяцы не замерзает, а однажды ночью вдруг сгустилась в кристалл; рыбы же плавают, как и раньше. И боялся, что люди прознают, обычно держал в потайной камере, кроме сыновей-зятьёв никому не показывал. Долго прошло, а помалу и разошлось — желающих полюбоваться у ворот мешались толпы. В месяце *ла*²⁶ внезапно разлилось водою — тёмной сыростью во весь пол; рыбы тоже в безбрежность канули. Каменные же осколки старой корчаги всё ещё имелись. Вдруг какой-то *даос* является к воротам, их доискивается; И дал посмотреть, *даос* говорит:

— Это сосуд для сбережения воды из Драконьего дворца²⁷.

Рассказал И о диве, когда сосуд разбили, а не растеклось — *даос* в ответ:

— То была душа²⁸ корчаги.

Да ну усердно-рьяно вымаливать, чтоб дали ему немного. Спрашивают его, как употребляется, а он:

— Из осколка изготовить снадобье — можешь достичь вечного долголетия.

Одарили его обломком — радостно благодарил, да и прочь.

²⁶ *Ла* (臘) — последний лунный месяц года; наиболее тревожный и опасный по традиционным понятиям (см. примеч. 12 к новелле 103 «Старый прожора», *цзюань* 3).

²⁷ Драконий дворец (龍宮) — чертог Царя драконов, которые, согласно китайским представлениям, были покровителями водной стихии. Таким образом, предмет из резиденции драконьего царя должен содержать какую-то особенно сильную магию воды.

²⁸ Душа (魂) — здесь в тексте употреблён иероглиф, обозначающий именно *янскую*, возвышенную духовную сущность.

129

ЦЯНЬЦЗУН ЯН¹

楊千總

Финансовый министр, почтенный господин Би², в то время, как, с позволения сказать, близясь к дому³, возвысился до «готового к битве»⁴, — нашёлся такой *цяньцзун* Ян Хуа-линь, что прибыл

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

Цяньцзун (千總) — крупный военный чин минского времени; при правлении Цин точно так же стал называться разряд среднего офицерского уровня, но в описываемый период это — один из высоких и наиболее почитаемых воинских начальников.

² Би (畢) — имеется в виду отец соседа и приятеля Пу Сун-лина Би Цзы-янь (畢自嚴), высокий эрудит и известный сановник, в 1592 году сдавший на звание *цзиньши*. После смерти был пожалован титулом Младшего опекуна наследника престола (少保).

³ Близясь к дому (即家) — эпистолярная формула, означавшая ожидание вакансии на высокую должность.

⁴ Готовый к битве (備兵) — то есть *бинбэйдао* (兵備道), правитель округа с военными полномочиями. В 1613 году Би Цзы-янь из помощника уезда Хэдун в Шэньси был возвышен как лучший кандидат, прошедший переаттестацию по линии местной администрации, и в конечном счёте стал высоким министерским чином по провинции Шэньси, а также *бинбэйдао* по Таочжоу (洮州) и Миньчжоу (岷州), находящихся сегодня на территории провинции Ганьсу.

встретить. Назовём так, шапки да навесы⁵ были уж в пути, вдруг глядь — какой-то человек справляет нужду у края дороги. Ян натянул лук, хотел стрелять в него, да почтенный спешно окриком остановил. Ян говорит:

— Этот холоп вовсе без такта, надо б маленько его припугнуть. Вот и закричал вдаль:

— На дрист исходящий, учтиво дарую вам шпильку гуйцзийской лозы⁶ для укладки шиньона!

Тут же стрелу запустивши в полёт, точно попал ему в узел волос; тот человек — как рванёт наутёк, дразгом да влагою гваздая дол!

⁵ Шапки да навесы (冠蓋) — то есть чиновные шапки и крытые экипажи, выезды высоких сановников. См. примеч. 21 к новелле 128 «Юй Дэ» этого *цзюаня*.

⁶ Гуйцзийская лоза (會稽藤) — шпильки для волос, произведённые в местности Гуйцзи (относящейся сегодня к провинции Чжэцзян), с древности славившиеся своими отменными качествами.

130.

ТЫКВЕННАЯ НЕВИДАЛЬ¹

瓜異

В шестой луне двадцать шестого года Процветающего сияния² на крестьянском огороде к западу от уездного города³ на «жёлтой тыкве»⁴ повторно зародилась лозина и принесла «западную тыкву»⁵ размерами с чашку.

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

В этой маленькой зарисовке всё построено на игре слов: и огурец, и арбуз в китайском языке относятся к понятию «тыква»: огурец — «жёлтая тыква», а арбуз — «западная тыква».

² Процветающее сияние (康熙) — Кан-си, девиз правления четвёртого императора династии Цин Айсиньгёро Сюань-е (愛新覺羅玄燁, 1654–1722 гг.). Двадцать шестой год Кан-си — 1687. См. примеч. 5 к новелле 123 «Ли Сы-цзянь», цзюань 3.

³ Уездный город (邑) — здесь имеется в виду главный город уезда Цзычуань.

⁴ Жёлтая тыква (黃瓜) — огурец; см. примеч. 1.

⁵ Западная тыква (西瓜) — арбуз; см. примеч. 1.

131.

[ВЕРНАЯ СВАХА] ЦИН-МЭЙ¹

青梅

Студент Чэн из Бося² отличался открытым, простым характером и не делал «перегородок и отмежёвок». Однажды, возвращаясь откуда-то домой, он стал развязывать пояс и вдруг заметил, что конец пояса стал какой-то тяжёлый, словно на него что-торосло. Посмотрел — ничего не видать. Обернулся, из-за его одежды выходит какая-то дева. Поправила причёску, улыбнулась. Красоты она была помрачительной. Чэн выразил свое подозрение, что она-де бесовка.

— Нет, я не бесовка, — отвечала она. — Я — лисица!

— Если удалось мне получить красотку, — сказал на это Чэн, — то я и чёрта не испугаюсь, а тем более лисы!

И стал с ней любовничать.

Через два года она родила ему девочку, назвав её «маленьким прозвищем»³ Цин-мэй (Слива).

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1937 года.

² Бося — город Нанкин.

³ ...назвав её «маленьким прозвищем»... — то есть собственным именем, ибо никаких настоящих прозваний, как бывает у мужчин, женщинам не полагалось. Их обыкновенно в простых семьях называли по счёту: Чжан Первая или просто Первая, Вторая и т. д.

— Смотри, — твердила она Чэну, — не женись. Подожди, я тебе скоро рожу мальчика! Чэн ей поверил и жены не брал. Тогда друзья его и родственники стали над ним смеяться и издеваться.

У Чэна воля была, таким образом, отнята, и он сосватал себе деву из Худуна, по фамилии Ван. Узнав об этом, лиса рассердилась, подошла к дочери, покормила её грудью и бросила Чэну.

— Вот он — «убыточный товар» твоей семьи!⁴ Оставь её в живых или убей — это в твоей власти. Но к чему мне-то служить здесь у чужой в кормилицах?

Вышла за ворота и решительным шагом удалилась.

Цин-мэй выросла умненькой, миловидной, изящной, изумительно похожей на свою мать. Затем Чэн умер. Его вдова, урождённая Ван, вышла вторично замуж и ушла из дому, а Цин-мэй жила и воспитывалась у двоюродного дяди. Дядя оказался мотом и безнравственным человеком; он был уже готов продать её и жирно на этом нажиться. И случилось так, что некий Ван, выдержавший последний экзамен «вступающего на службу» и пока ожидавший дома своего назначения, услышал о том, как она умна, купил её за дорогую цену и отдал в услужение своей дочери А Си.

Си было четырнадцать лет. Красоты она была исключительной. Увидя Мэй, она сильно её полюбила, стала вместе с ней есть и спать. Мэй, со своей стороны, умела за ней ухаживать. Она могла, что называется, глазом слушать — бровью говорить. И весь дом её ласкал и любил.

В этом же городе жил некий студент Чжан, по прозвищу Цзешоу. Семья его была очень бедна, не имела недвижимого имущества и сняла себе помещение в доме Вана. Чжан был честный человек и хороший сын, во всем поступавший правильно и ничего не делавший кое-как. Помимо всего этого, он был предан науке. Как-то Цин-мэй зашла к ним в дом и увидела, что студент сидит на камне

⁴ Вот он — «убыточный товар» твоей семьи! — это своеобразное выражение как нельзя более соответствовало положению вещей в дореформенном [старом] Китае, где девочка рассматривалась действительно как убыточный товар, который вскармливается и воспитывается не для себя, а для кого-то другого, кто придёт на готовое и возьмёт его с собой безвозвратно.

и ест похлебку из отрубей. Затем она вошла в комнату и завела долгую, как нить, беседу с матерью студента. Видит — на столе лежат приготовленные свиные ножки.

В это время отец студента лежал больной. Сын вошел, чтобы посадить его и дать сделать свои дела, а жижя испражнений запачкала студенту всю одежду. Старик видел это и злился на себя, но студент, прикрыв следы, быстро выбежал и помыл на себе одежду: боялся, что старик заметит.

Мэй все это повергло в большое удивление. Вернувшись домой, она стала рассказывать, что видела.

— Наш жилец, знаешь ли, — сказала она, обращаясь к Си, — человек недюжинный. Если ты не хочешь себе хорошей пары, то на этом и кончим. Если же хочешь хорошую пару, студент Чжан как раз такой человек.

Си выразила опасение, что отец выкажет презрение к его бедности.

— Неправда, — возразила Мэй. — Это дело в руках моей барышни. Если ты соглашаешься, то я тихонько объявлю это ему, и пусть он тогда ищет сваху. Наша госпожа, конечно, позовет тебя поговорить об этом. Ты только отвечай «да», и дело будет сделано!

Си пугалась мысли, что Чжан будет всю жизнь бедняком и пошмешищем для всего света.

— Я считаю, — возражала Мэй, — что умею угадывать по лицу судьбу будущих выдающихся учёных, ни за что не ошибусь!

На следующий день она отправилась к старухе Чжан и передала ей о деле. Та страшно переполошилась, сочтя такие её слова не предвещающими ничего доброго.

— Моя маленькая барышня, — сказала Мэй, — слыхала о вашем сыне и хвалит его как достойного человека. Я нарочно выведала у ней эти мысли, потому и говорю. Когда этот самый «человек на льду»⁵ придёт к нам, мы обе, как говорится, «обнажим плечи»⁶.

⁵ «Человек на льду» — образное выражение в китайской литературе для свахи, стоящей, как человек на льду, между миром света — мужским, и миром мрака — женским.

⁶ ...мы обе... «обнажим плечи» — это выражение, как часто бывает у Ляо Чжая, ведёт начало из исторического повествования. При кризисе

По моему расчёту, родители должны дать согласие. Но допустим даже, что это не будет так, — разве для вашего барина это будет зазорно?

— Хорошо, — сказала старуха и подрядила идти к Ванам продащицу цветов, некую Хоу.

Госпожа Ван, услышав от неё, в чём дело, засмеялась и сказала Вану. Тот тоже захохотал и велел позвать дочь, которой и сказали о том, чего хочет эта самая Хоу. Не успела девушка ответить, как Цин-мэй стала усердно расхваливать достоинства Чжана, выразив решительную уверенность в том, что он будет знатен.

Госпожа вторично спросила дочь.

— Это для тебя дело на сто лет, — сказала она. — Если ты сможешь жрать отруби, то я даю тебе согласие!

Девушка опустила голову и долго стояла так. Затем, обратив свой взор к стене, она ответила:

— Бедность или богатство — это от судьбы. Если она будет ко мне щедрой, то бедность — ненадолго, а безбедное житьё — на бесконечный срок. Если же судьба будет ничтожной, то ведь разве мало бывало случаев, что даже те самые знаменитые княжеские внуки, что ходили в парче и в вышитых шелках, оказывались лишёнными даже такого клочочка земли, в который можно воткнуть шило? Это дело, отец и мать, в ваших руках!

Ван позвал дочь для разговоров, имея в виду, собственно говоря, хорошенько посмеяться. Теперь же, услышав от неё такие речи, он ощутил в душе неприятное чувство.

— Ты что же, — спросил он дочь, — хочешь, значит, выйти за Чжана?

Девушка не отвечала. Спросил её ещё раз. Она не отвечала и на это. Ван рассердился.

династии Хань во II в. н. э., во время царствования императрицы Люй, которая желала, вырезав род императора, посадить на трон свой собственный, воевода Чжоу Бо, преданный правящей династии, войдя в лагерь войск, предложил всем тем, кто за законного государя, обнажить левое плечо, а тем, кто против, — правое. Всё войско обнажило левое плечо. Отсюда «обнажить плечо» значит поддерживать.

— Слушай, подлая кость, ты, значит, никуда вперёд двигаться не собираешься! Хочешь идти в жёны к нищему и таскаться с коробом? Как это тебя не берёт смертельный стыд?

У девушки по всему лицу разлилась краска и занялось дыхание. Она вышла вся в слезах. Сваха тоже поспешно убежала.

Цин-мэй, видя, что дело не сладилось, решила свататься сама. И вот несколько дней спустя она ночью явилась к студенту. Чжан в это время как раз занимался и спросил её с изумлением, откуда она пришла. Она стала говорить, то глотая слова, то разом всё выговаривая... Студент принял серьёзный вид и стал гнать её прочь. Мэй заплакала.

— Я дочь честных людей, — сказала она, — а вовсе не из тех, что бегают развратничать. Я хочу себя вам вручить только потому, что знаю, какой вы образцово достойный человек.

— Вы любите меня, — сказал студент, — и находите, что я достойный человек. Однако подобных хождений по вечерам и ночам не делают даже просто желающие себе добра, а станут ли это делать так называемые достойные девушки? Послушайте, меня! Ведь благородный человек не согласится, чтобы сначала было бесчинство, а потом честь честью брак. А что, если закончить дело честь честью мы не сумеем? Куда деться, как быть обоим нам?

— Ну, а если, как это говорится, при одном «за» и десяти тысячах «против», — сказала Мэй, — брак может состояться, согласитесь ли вы соизволить и подобрать меня?

— Ещё бы — сказал студент. — Получить такую, как вы, — чего ещё мне искать? Только дело в том, что тут есть три обстоятельства, с которыми ничего не поделать, и поэтому я не смею дать вам легкомысленно своё согласие.

— Что же это за обстоятельства?

— Вы не можете располагать собой. Вот первое безвыходное обстоятельство. Но если бы даже вы могли собой распорядиться, то моему отцу и моей матери это не понравилось бы. Вот вторая безвыходность. Наконец, пусть даже это им доставило бы удовольствие, но плата за вас будет, конечно, значительная, а я беден и не смогу

устроиться с выплатой. Эта безвыходность самая крайняя. Уходите отсюда поскорее. Надо бояться этих, знаете, неприятных историй с тыквами и сливами⁷!

Перед своим уходом Мэй опять твердила студенту:

— Если всё-таки вы согласны, — я буду просить вас поговорить дома и что-нибудь да придумать!

Студент дал своё согласие.

Когда Мэй вернулась домой, Си спросила её, куда это она ходила. Мэй стала на колени и повинилась. Си разгневалась на неё за этот развратный побег и готова уже была в наказание побить, но Мэй заплакала, уверяя её, что этого самого не случилось, — и рассказала ей всё по совести.

Си вздохнула⁸.

— Да, — сказала она, — он не сходится взбалмошно, — вот достойное поведение. Он непременно хочет объявить отцу с матерью, — значит, он хороший сын. Он не даёт легкомысленно своего согласия, — это признак честного и верного человека. Раз у него есть три таких прекрасных качества, ему непременно поможет само небо, и ему нечего бояться бедности!

Потом она ещё спросила Мэй:

— Как же ты теперь будешь?

— Пойду за него!

— Глупая девчонка, — смеялась Си, — разве ты можешь сама себе быть госпожой?

⁷ ...неприятных историй с тыквами и сливами! — намёк на слова из древнего анонимного стихотворения:

Благородный человек — в своей стезе.

Благородный человек предупреждает зло, когда его ещё нет...

Он не живёт среди отвращения и недоверия;

В бахчу тыкв он не вносит своих сапог,

Под сливой он не поправляет своей шапки, —

то есть не желает, чтобы люди думали, что он крадет тыквы или прихорашивается после кражи слив.

⁸ Си вздохнула — «вздыхать» на литературном китайском языке значит, между прочим, искренне благоговеть, уважать кого-либо и выражать это означенным образом.

— Если не помогут, — ответила Мэй, — так продолжит дело моя смерть!

— Я обязательно сделаю то, что ты захочешь! — сказала Си.

Мэй поклонилась ей в ноги. Через несколько дней она опять заговорила об этом с Си.

— То, что ты намеренно говорила, — спросила она, — это как — в шутку было? Или же ты и в самом деле хочешь проявить милосердие и сострадание? Если это серьёзно, то у меня есть ещё одно маленькое дело, в котором я ещё раз буду просить тебя оказать мне сочувствие и внимание.

Си спросила, что же это такое.

— Чжан не в состоянии прислать сваху. Я, твоя служанка, тоже не имею средств откупиться. Если за меня возьмут полную сумму, то выдавать меня замуж — то же, что и не выдавать!

Си погрузилась в глубокую думу, говоря как бы про себя:

— Да, но это не в моих силах! Если даже я скажу, чтобы тебя выдали, и то боюсь, что устроить не удастся; тем более если я ещё скажу, чтобы за тебя никоим образом не брали выкупа: этого наш повелитель не позволит, да я и не посмею этого высказать!

Слыша такие речи, Цин-мэй заплакала, и слёзы потекли в несколько рядов. Она только и просила, что сжалиться и спасти её. Си задумалась и сидела так довольно долго.

— Делать нечего, — сказала она наконец, — у меня тайком накоплено несколько *лан*. Придётся помочь тебе вывернуть кошель.

Мэй поклонилась ей, поблагодарила, а затем тайно объявила об этом Чжану. Чжанова мать ликовала. Пустив в ход множество ухищрений, выпрашивая и занимая, она достала некоторую сумму, припрятала её и стала поджидать хороших вестей.

В это время Вану была дана должность начальника уезда Цюйво. Си, воспользовавшись случаем, сказала как-то матери:

— Цин-мэй уже взрослая. Раз мы теперь собираемся ехать на службу, не лучше ли отпустить её?

Госпожа была всегда уверена в том, что Цин-мэй своей чересчур развитой изворотливостью введёт её дочь в недостойные дела, и всё хотела выдать её замуж, но боялась, что дочери это причинит

неудовольствие. Теперь же, слыша от неё такие речи, госпожа была чрезвычайно рада. Дня через два появилась жена какого-то рабочего, сообщившая о намерениях Чжана. Ван рассмеялся.

— Ему только и пара, что прислуга, — сказал Ван. — А раньше-то он... какой вздор задумал! Тем не менее, когда покупают себе наложницу в высоком доме, то цена должна быть вдвое больше, чем была раньше.

Тотчас же вмешалась Си:

— Цин-мэй давно уже служит мне. Продать её в наложницы было бы очень нехорошо...

Тогда Ван велел передать Чжанам, что он подписывает договор на прежнюю сумму⁹. И Цин-мэй выдали Чжану в наложницы. Когда она вошла к нему в дом, то стала с сыновней заботливостью относиться к старику Чжану и свекрови и даже далеко превзошла студента в изощрённом угождении и покорности. Работала она с особым усердием, а сыта была шелухой и отрубями, не жалуясь на вкус их. И в доме не было никого, кто бы не любил Цин-мэй и не обожал её. Кроме того, Мэй занималась вышиваньем, которое быстро распродавала, так что купцы, бывало, ждали у неё на дому, чтобы скупить рукоделье, боясь лишь, что не захватят. Она выручала столько, что, в общем, можно было бороться с бедностью. Наконец она уговорила Чжана не нарушать своих занятий заглядыванием в домашние дела и взяла на себя всё, что касалось распоряжений по хозяйству.

По случаю отъезда бывшего своего господина на должность она пошла проститься с Си. Си, увидя её заплакала.

— Ты нашла своё место, — сказала она. — Мне, будь уверена, хуже, чем тебе.

— Чьё же это благодеяние, чтобы я вдруг посмела о нем забыть? — возражала Мэй. — Однако, раз ты ставишь себя вне сравнения со мной, боюсь, как бы этим ты не ускорила конца дней своей служанки.

⁹ ...договор на прежнюю сумму — на ту, которую он сам заплатил при покупке Цин-мэй.

Расплакалась и простилась.

Ван поехал в Цзинь¹⁰. Через полгода умерла госпожа. Поставили гроб в храме¹¹. Ещё через полгода Ван попал под суд за взятку и был оставлен в живых, лишь выплатив десятки тысяч пени.

С этих пор он стал беднеть и не мог себя содержать. Тогда вся челядь разбежалась. Как раз в это время сильно свирепствовала чума. Ван заразился и тоже умер. Осталась одна старая прислуга и дочь, но не прошло и нескольких дней, как умерла и старуха. Девушка, оставшись без поддержки, предавалась горю всё больше и больше.

Старуха соседка уговаривала её выйти замуж.

— Я пойду, — сказала девушка, — за того, кто устроит мне похороны обоих моих родителей!¹²

Женщина пожалела её, подарила ей меру риса и ушла. Через полмесяца она снова к ней явилась.

— Я для вас, барышня, — сказала она, — делаю решительно всё, что только в моих силах. А дело, знаете, трудно сладить. Те, кто беднее, не могут устроить вам похороны, а те, кто побогаче, ставят, между прочим, на вид, что вы, так сказать, дочь опального, уничтоженного человека. Как тут быть? Есть ещё один выход, — боюсь только, что вы не сможете его принять.

— Какой же?

— Здесь, видите ли, живёт господин Ли, который ищет себе побочную жену. Если только он увидит ваше лицо, то сейчас же устроит роскошные похороны, на которые, конечно, не поскупится. Девушка зарыдала.

¹⁰ Ван поехал в Цзинь — то есть в губернию Шаньси, на запад.

¹¹ Поставили гроб в храме — наняв для этого одно из храмовых помещений на долгий срок.

¹² ...устроит мне похороны обоих моих родителей! — обычай требовал похоронить родителя на родной земле. Стоимость провоза тяжёлых гробов, старательно сделанных из самого крепкого дерева, чтобы труп сохранялся возможно дольше, и сопряжённые с похоронами расходы были весьма значительны, но традиция требовала обязательного выполнения установленного обряда, и потому не трудно представить себе горе девушки, не имевшей средств.

— Как? Я, дочь образованного государственного деятеля, — и вдруг буду у кого-то наложницей!

Старухе нечего было сказать, и она ушла.

Девушка ела теперь только один раз в день и, затаив дыхание, жила лишь ожиданием себе цены¹³. Прожив так с полгода, она уже дальше держаться не могла.

Однажды, когда пришла женщина, Си заплакала и сказала ей:

— В этой крайности, в этом падении я всё хочу с собою покончить, а между тем страстно держусь за эту никчёмную жизнь. Но это только из-за двух гробов, что у меня на руках. Если я сама скачусь в канаву или ров, то кто же уберёт кости моих родителей? Я думаю, что не лучше ли будет поступить так, как ты говоришь! Тогда женщина привела Ли, который, бросив на девушку беглый взгляд, пришёл от неё в полный восторг; он сейчас же дал деньги на устройство похорон и, когда с обоими гробами было всё кончено, приехал за девушкой и отвёз её к себе. Она вошла в дом, представилась «главной». Та отличалась злым и ревнивым характером, так что Ли сначала не смел даже заговорить о наложнице и сделал вид, что купил прислугу.

Как только жена увидела девушку, вскипела гневом и выгнала палкой, не позволив ей больше войти в дом. Девушка, с растрёпанной причёской, роняя слёзы, не знала, куда ей направиться — ни туда, ни сюда! Проходила какая-то старая монахиня и пригласила её идти к ней жить. Девушка с восторгом согласилась. Пришли в храм; Си поклонилась монахине и просила сделать обряд над её волосами¹⁴. Монахиня не соглашалась.

— На мой взгляд, — сказала она, — ты, барышня, не из тех, кто долго лежит в пыли от вихря. У меня в храме ты будешь из

¹³ ...жила лишь ожиданием себе цены — в «Изречениях» Конфуция (IX, 12) читаем: «Цзы-гун (ученик) сказал: Есть здесь прекрасная яшма. Спрятать ли её в шкаф и хранить или же искать хорошей цены и продать её? Учитель сказал: Продай, продай! Я жду дающего цену». По толкованию, здесь иносказательно выражен упрек Конфуция в том, что он держит свой талант под спудом, хотя и знает себе цену. А Си в нашем рассказе говорит, конечно, о достойном женихе.

¹⁴ ...сделать обряд над её волосами — обрить их начисто, как делают буддийские монахи и монахини.

глиняной чашки есть обрушенную крупу и кое-как продержишься. Поживёшь некоторое время здесь, подождёшь... Настанет время, сама и уйдёшь...

Пожила она так не очень долгое время. Некоторые уличные проходимцы, подсмотрев красоту девушки, стали стучаться в ворота и заигрывать с ней в вольных выражениях. Монахиня не могла ни призвать их к порядку, ни остановить, и девушка, вся в слезах, стонала, готовая к самоубийству. Тогда монахиня отправилась к одному из состоящих при министерстве чинов и просила его вывесить объявление, строго воспрещающее подобное поведение.

Только после этого испорченная молодежь несколько сократила свои вольности. Однако некоторое время спустя кто-то ночью проломал в стене храма отверстие. Монахиня в испуге закричала, и тогда этот человек удалился. Это побудило монахиню снова обратиться к министерскому чиновнику. Тому удалось схватить главаря негодяев, который был препровождён в правление, где ему дали палок. Наконец кое-как буяны присмирели.

Через год с чем-то заехал в храм какой-то знатный молодой человек, увидел девушку и был ею поражён до чрезвычайности; стал приставать к монахине, чтобы та довела до сведения Си об искренней и усердной его симпатии. При этом он подкармливал её щедрыми подарками. Монахиня, стараясь выражаться помягче, говорила ему так:

— Она, видите ли, потомок людей «со шпильками и кистями»¹⁵ и не пожелает добровольно сделаться чьей бы то ни было наложницей! Вы, господин, пока что отправляйтесь домой, подождите, повремените, и у меня, наверное, будет о чём донести вам по поводу исполнения вашей воли.

Когда он ушел, девушка уже решила принять яд, ища смерти, но вот ночью во сне она видит отца с выражением мучительной досады на лице.

¹⁵ ...людей «со шпильками и кистями»... — то есть чиновных людей, надевающих парадную шапку, поддерживаемую фигурными шпильками и увешанную кистями по чину.

— Я, — сказал он, — не исполнил твоего желания и вот довёл тебя до какого жалкого состояния! Каюсь, но уже поздно. Ты всё-таки повремени, не умирай... Твоё давнее желание может ещё исполниться!

Девушка подивилась странному сну. На рассвете, когда она умылась, монахиня поглядела на неё и сказала в изумлении:

— Смотрю я сегодня на твоё лицо и вижу, что вся муть с него совершенно сошла. Ну, теперь никакого наглеца бояться не стоит. Счастье твоё, смотри, уже подходит! Не забудь же меня, старуху!

Не окончила она ещё этих слов, как послышались удары в ворота. Девушка, думая, что это, наверное, пришёл слуга из дома знатного человека, потеряла на лице краску. Монахиня отворила ворота, — так и есть! Слуга бросился к ней с вопросами, как и что она надумала. Та встретила его и старалась ему угодить ласковыми речами, прося ещё повременить три дня. Слуга передал ей слова своего господина, который, в случае если дело сделано не будет, призовет-де её самое к ответу. Монахиня почтительно отвечала, поддакивая и соглашаясь, затем извинилась и уговорила его уйти.

Девушка была в большом горе и опять хотела с собой покончить. Монахиня её остановила, но та ей сказала:

— Боюсь я, что через три дня он снова придёт, а тебе нечего будет ему ответить!

— Раз я, твоя старуха, здесь, то пусть он казнит меня, убивает, — я сама себя ему подставляю.

На следующий день, когда солнце шло уже вниз, полил сильнейший дождь, словно из опрокинутого таза. И вдруг послышалось, как несколько человек бьют в ворота, громко кричат. Девушка решила, что злая беда наступила, и, вся трепеща от испуга, не знала, что ей делать. Монахиня под проливным дождём отворила ворота и увидела перед собой раздушенный паланкин¹⁶, стоящий в воротах; несколько служанок выводили из него под руки какую-то красавицу. Свита её слуг блистала, слепила своим нарядом. Монахиня, в полном изумлении, спросила, кто это.

¹⁶ Раздушенный паланкин — женский.

— Это — «домашняя радость» начальника судебной палаты¹⁷. Она хочет здесь переждать, спрятаться от ветра и дождя.

Монахиня проводила её в храм, пододвинула ей диван, почтительно пригласила её сесть. Служанки гурьбой разбежались по кельям, ища себе убежища. Вбежали они и в комнату девушки, увидели её, нашли её очаровательной и пошли доложить госпоже. Вскоре дождь перестал. Госпожа поднялась и просила разрешения осмотреть монашеское помещение. Монахиня повела её, и она увидела девушку. Удивлённая донельзя, она застыла на ней неподвижными зрачками. Девушка тоже долго на неё глядела: госпожа была не кто другой, как Цин-мэй. Обе зарыдали до потери голоса, потом стали рассказывать о своих приключениях.

Оказалось, что после смерти больного отца Чжан, дождавшись времени, когда можно было снять траур, оказался победителем на ряде экзаменов и получил должность начальника судебной палаты. Устроив на новом месте мать, он теперь перевозил всю семью. Девушка вздохнула.

— Вот теперь я смотрю на тебя, — говорила она грустно, — и мы, не правда ли, как небо и земля?

А Цин-мэй улыбалась.

— Как счастливо это вышло, — сказала она, в свою очередь, — что хотя тебя и крутило и ломало, но в конце концов ты осталась без мужа. Небо, очевидно, хотело, чтобы мы с тобой сошлись уже навсегда. Если бы не этот дождь, что помешал мне ехать дальше, как произошла бы эта наша встреча? Да, во всём это приняли участие боги и духи, — не в человеческих силах это сделать!

С этими словами она достала шапку, унизанную жемчугами, и парчовое платье, передала Си и торопила её переодеться. Девушка, опустив голову, нерешительно топталась на месте, а монахиня встала между ними, ободряла девушку и уговаривала её.

Девушка выразила опасение, что, если она будет жить с ней вместе, то ведь это ей не подойдёт: кем она будет при ней?

¹⁷ «Домашняя радость» начальника судебной палаты — то есть наложница.

— В своё время, — возражала Мэй, — ведь определённо была выражена твоя судьба, и раз это так, то разве я, твоя холопка, посмею забыть твою великую ко мне доброту? И попробуй подумай о господине Чжане, — разве он из тех, кто поворачивает спину долгу чести?

С этими словами она насильно одела Си, простилась с монахиней, и обе отбыли. Когда они прибыли к месту службы Чжана, то и мать и сын были очень рады. Си поклонилась матери Чжана.

— Сегодня, — сказала она, — у меня нет лица, с которым я могла бы вам, матушка, представиться!

Мать Чжана принялась утешать её с улыбкой на губах. Затем стала обсуждать вопрос о выборе счастливого дня для соединения брачных чаш.

— Там, в храме, — говорила на это Си, — дорога моей жизни висела на одной ниточке, а я всё же не шла на это... Вот что: если вы помните ещё старое добро, то дайте мне получить от вас комнатку, в которой помещался бы камышовый круг¹⁸, — и этого с меня довольно!

Мэй смеялась и молчала. Когда же наступил срок, она явилась к ней с ворохом роскошных нарядов. Си, кидая взгляды то влево, то вправо, не знала, что делать. Вдруг до неё донеслись звуки заигравшей музыки. Си ещё более растерялась. Мэй, с помощью служанок и старух, насильно одела её, взяла под руки и вывела за дверь. Перед нею был Чжан, который стоял в парадном придворном костюме и кланялся ей. Она и сама не заметила, как важно и низко поклонилась ему тоже. Мэй потащила её в глубокую спальню.

— Смотри, — сказала она, — я сохранила незанятым это место, давно уже тебя поджидая! Ну, а нынешней ночью, — обратилась она к Чжану, — мне удалось отблагодарить вас за доброту. Можете теперь хорошенько жить с ней.

Цин-мэй повернулась и собралась уходить, но девушка схватила её за рукав платья.

— Не удерживай меня, — сказала Мэй, — в этом-то уж я тебя заменить не могу!

¹⁸ Камышовый круг — молитвенный коврик буддийских монахов.

Отцепила её пальцы, вырвалась и ушла.

Цин-мэй теперь служила Си очень усердно и ни за что не осмеливалась занимать собою её ночи, а та всё не могла успокоиться, стыдилась, затруднялась. Тогда мать велела звать Мэй «госпожой». Тем не менее, она упорно держала себя как положено прислуге и наложнице, ни разу не осмелившись полениться и понебрежничать.

Прошло три года. Чжана вызвали в столицу. Он заехал в храм к монахине и подарил ей, как бы ко дню рождения, пятьсот *лан*. Та не приняла. Чжан настаивал и насильно старался ей вручить их. Наконец она приняла двести *лан*, на которые построила храм Великой¹⁹, воздвигнув при этом плиту в честь госпожи Ван²⁰.

Впоследствии Чжан дошёл до должности товарища министра. Госпожа Чэн принесла ему двух сыновей и одну дочь. Госпожа Ван принесла четырёх сыновей и одну дочь. Чжан подал прошение, в котором изложил все эти обстоятельства.

Обеим женщинам был пожалован титул «госпожи».

Автор этой любопытной истории сказал бы здесь так:

Небо родит прекрасную женщину, — ясно: хочет её привлечь к честному, прославленному учёному.

Но знать нашего пошлого света держит такую красавицу только для того, чтобы подарить её богачу в шёлковых штанах... Создавшее нас (небо) против этого, конечно, будет бороться.

И всё же: какими кривыми, кружными, странно причудливыми путями шла дева, которой небо поручило устройство этого брака!

¹⁹ Храм Великой — Бодисатвы Авалокитешвары.

²⁰ ...воздвигнув при этом плиту в честь госпожи Ван — на гладкой шлифованной плите гравёром вырезывались тексты, говорившие о торжественных моментах в жизни того храма или государственного учреждения, где помещалась эта плита. Если надпись отличалась своим каллиграфическим искусством или представляла собою вообще тот или другой интерес, то с неё делались оттиски на бумаге путём надавливания последней в углубленные места (то есть в вырезанные на плите буквы).

Какую бездну энергии пришлось ей потратить! Творец Космических Эволюций, вероятно, болел этим немало!

Скажу только, что эта госпожа Цин, сумевшая распознать гения в куче пыли и давшая клятву дать ему достойную супругу, хотя бы ценою своей жизни, по духу и энергии, знаете, совершенно какой-то государственный муж, а не женщина!

Ну, а этот государственный муж, учёный, который презрел настоящего человека полноправных качеств и пошёл искать себе в зятя жирного объедалу! Как это вышло, что весь его учёный ум оказался стоящим столь низко по сравнению с его же собственной прислугой?!

132.

РАКШАССКИЙ

МОРСКОЙ БАЗАР¹

羅刹海市

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

Ракшас (羅刹) — злой дух индийских преданий, с буддизмом пришедший в китайскую культуру. Зачастую выступает в роли воплощения всяческого зла вообще (см. примеч. 19 к новелле 49 «Не Сяо-цзянь», *цзюань* 2, том 1). В новелле повествуется о морском базаре в Ракшасской Державе. Такая страна упоминается в своде XIV века «Всеобщее изыскание по письменным свидетельствам» (文獻通考), составленном историком конца Юань (元, 1279–1368 гг.) Ма Дуань-линем (馬端臨, 1245–1325(1340?) гг.). В разделе «Изыскания о четырёх краях света» (四裔考), *цзюань* 188, говорится о Ракшасской Державе, расположенной к востоку от Пури (婆利, старинное название нынешнего Брунея), и люди, проживающие там, на редкость безобразны, «волосами красны, телом чёрны, со звериными зубами и ястребиными когтями. Иногда с *линьисцами* (или *ламапцами*, жителями государства, находившегося на территории нынешнего центрального Вьетнама и преобразовавшегося позже в объединение княжеств Тямпа — А. С.) устраивают торжище, но неизменно ночами, а при свете дня прячут свои лица. Суйский Ян-ди (隋煬帝, 569–618 гг. — А. С.) на третий год правления под девизом «Великое дело» (т. е. в 607 году — А. С.) направил посла Чан Цзюня (常駿) и других отбыть в Страну Красной Земли (赤土國, древнее государство, предположительно, на Малайском полуострове — А. С.), и они достигли Ракшасской Державы». По описаниям в сутрах «Ракшасской страны», отождествляемой со Шри-Ланкой, ряд исследователей полагает, что эта новелла Пу Сун-лина также повествует о Цейлоне, что кажется неубедительным; скорее всего, здесь нет привязки к определённому географическому образованию, а говорится просто о некоей баснословной земле на далёком юге, упоминавшейся в фантастических преданиях на протяжении веков, населённой чудовищами наподобие ракшасов. Морской базар — может обозначать и подлинный торг посреди моря, и, что важно, — мираж, призрачное марево над морем; в тексте обыгрываются оба смысла этого выражения.

Ма Цзи², второе имя Лун-мэй, купеческий сын, прекрасный наружностью и манерами, с юности был волен и незауряден, любил петь и танцевать, постоянно примыкал, скажем так, к питомцам «Грушевого сада»³; парковым платком повяжет голову — красив, что пригожая дева, поэтому вдобавок носил и прозвище «прекрасник». Четырнадцать лет поступил в областное училище — тотчас стяжал славу-известность. Отец одряхлел в старости — закончил торговлю, воротился домой да и говорит сыну:

— Многие свитки писаний: голод ли — их невозможно сварить, стужа ли — их невозможно надеть; сынку моему потому надлежит наследовать отчий торг.

Ма с этих пор мало-помалу стал сводить, так сказать, приплод да первородное⁴. В сопровождении раз плыл морем, да ураганный ветер утанул прочь; через много дней и ночей достиг до какого-то столичного средоточия. Люди там поголовно были на диво уродливы, увидали, что Ма прибыл, — почли за нечисть: разом в гомон

² Ма Цзи (馬驥) — говорящее имя; буквально «лучший скакун», в переносном смысле это выражение обозначает «редкий талант», «выдающаяся личность». Второе имя героя — Лун-мэй (龍媒) — вполне созвучно первому и обозначает «благородный рысак», что также является устойчивым штампом для обозначения редкого таланта.

³ Питомцы «Грушевого сада» (梨園子弟) — первоначально так называли актёров придворной труппы танского императора Сюань-цзун (玄宗, 685–762 гг.), именовавшейся «Грушевый сад». Впоследствии это стало собирательным обозначением для актёров традиционной китайской музыкальной драмы.

⁴ Приплод да первородное (子母) — то есть вкладываемые в коммерцию деньги и получаемый от них прирост. Выражение восходит к «Речам царств» (國語), цзюань 3, «Речи Чжоу, часть 2» (周語下), где говорится о финансовых мерах, предпринимавшихся в древности во время бедствий. Регулируя так называемые «тяжёлые» и «лёгкие» деньги («первородное» и «приплод»), то есть хождение крупных и мелких номиналов, можно было упорядочить денежную систему и улучшить жизнь народа. Впоследствии ведение финансовых операций в обиходе стало называться «сводом приплода и первородного», «первородное» стало пониматься как вкладываемые денежные средства, а «приплод» как прирост средств. См. также примеч. 11 к новелле 103 «Старый прожора», цзюань 3.

и наутёк. Ма сперва, как обозрел такую картину, премного перетрусил, а когда уразумел, что в этом краю все страшатся его самого, так напротив решил через это дурачить местных подданных. Встретит кого пьющего-едящего — так и бросится вперёд; тот в страхе бежать, а он объедков и отведаёт. И продолжительно так; да вот зашёл в горную деревню. В ней притом имелись и такие, кто обличем-наружностью походил на людей, да только в лохмотьях-рванине — что побирушки. Ма — отдыхать под деревом, а селяне, не решаясь подступить, только издали глядят. Долго этак, да и вразумились, что Ма людей не грызёт, стали мало-помалу близиться-подходить к нему. Ма, улыбаясь, завёл с ними речь — говор у них, хоть и чудакват, всё ж половину возможно постичь. Ма тогда о себе изложил, кто да откуда. Селяне обрадовались, окрест огласив землякам да соседям, что пришлый не тот, кто б схватил и сожрал. Однако ж, вконец страхолудные, как говорится, издали поглядели да прочь⁵, так и не решившись подступить; а кто из местных подошёл, — рты да носы у них все помещались-располагались примерно так же, как и в Китае ведётся; купно расставили питьё да вина и подносят Ма. Ма — ну спрашивать о причине, чего они его убоялись, а в ответ:

— Некогда слышали, что деды-отцы сказали: отстоя к западу за двадцать шесть тысяч вёрст, есть такой Китай, тамошние люди-обитатели внешностью-чертами сплошь странны-диковинны. Однако ж, что называют, лишь ушами вкушали⁶ о том, а вот нынче и удостоверились!

⁵ Издали поглядели да прочь (望望即去) — слегка изменённая цитата из книги «Мэн-цзы» (孟子), *цзюань* 3, часть 1, «Главы о Гунсунь Чоу, часть первая» (公孫醜章句上), где Мэн-цзы рассказывает об *иньском* высокоморальном княжиче Бо И (伯夷) и предполагает, что, оказавшись подле селянина, чья шапка надета неровно, он «поглядел бы на него издали» (классическая комментаторская традиция предписывает трактовать эти слова как «поглядел бы с чувством стыда») и «[отошёл] прочь от него, словно бы опасаясь замараться». Здесь Пу Сун-лин обыгрывает эту цитату, повествуя об опасливом и гадливом ощущении, рождаемом Ма Цзи у обитателей страны ракшасов.

⁶ Ушами вкушали (耳食) — цитата из «Исторических записок» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145(135?)–86(85?) гг. до н. э.), *цзюань* 15,

Спрашивает их, отчего так убоги, а они:

— То, что в нашей стране в почёте, — это не учёность-талант, а наружность-обличие. Пригожестью среди всех исключительные становятся высшими вельможами⁷, уступающие им служат, назовём так, народу и алтарям⁸; самые ж из них нижние алчут благосклонности знатных — вот и доспевают стряпанного в треножниках⁹, чтоб содержать жён и детей. А что до таких, как мы, — лишь народятся, так батюшка с матушкой почтут дурным предвестием и сплошь-вчистую бросят и оставят; а кто из них не скрепится тотчас бросить, так поголовно лишь воеже род наследовать, и только.

«Таблицы» (表), часть 1, «Погодные таблицы Шести княжеств» (六國年表), «Предисловие» (序), где, рассуждая об ограниченности знаний среди учёных мужей, историк уподобляет их рассуждения о циньских императорах «вкушению ушами», то есть неподобающему подходу к делу, который не может привести к успеху. Впоследствии «вкушение ушами» в обиходе стало обозначать доверие пустым рассказам, сплетням.

⁷ Высшие вельможи (上卿) — в тексте употребляется название высшего сановного ранга древнего Китая, ко времени написания новелл уже воспринимавшегося лишь в историческом и иносказательном контексте.

⁸ Служат народу и алтарям (任民社) — эпистолярная форма, обозначающая чиновничью службу на местах, сочетавшую в себе утление чаяний простого народа и исполнение сакрального долга перед покровителями земледелия (то есть перед престолом, поскольку покровители земледелия являлись и духами-хранителями царствующего дома и страны в целом).

⁹ Стряпанное в треножниках (鼎烹) — выражение восходит к древнему обычаю приношения великих жертв, осуществлявшегося государем при посредстве наиболее приближённых советников. После церемонии жертвенная снедь из драгоценных треножников могла жаловаться как великий дар наиболее отличившимся. Обычай существовал вплоть до отмены приношений Небу, Земле, Луне и Солнцу в начале XX в. Последнее жертвоприношение Небу было произведено на Алтаре Неба в Пекине на зимнее солнцестояние в декабре 1914 года Юань Ши-каем (袁世凱, 1859–1916 гг.), на тот момент Президентом Бэйянского правительства. В тексте выражение употреблено в иносказательном ключе, означая примерно «добиваются подачек от сильных мира сего».

С вопросом:

— А как эта страна зовётся?

А те:

— Великая Ракшасская Держава¹⁰. Столичный город к северу стоит за тридцать вёрст.

Ма просит проводить туда, чтобы взглянуть. Тогда, как петухи пропели, встали, влеча со всеми, скопом и отбыли.

Небо завиднелось — а уж достигают столицы. Столица обнесена стеною из чёрных камней, цветом, как тушь. Терема-палаты почти по сотне аршин; однако ж, мало черепицы, а кроют красным камнем. Подобрал такого отбитый кусочек, потёр об ноготь — не отличить от рудой киновари. А тут как раз случись — отбывают с высшей аудиенции; из чертога выкатывает, с позволения сказать, этакий в шапке и с навесом¹¹; селяне указуют, говоря:

— То державный министр¹²!

Глянул на него: оба уха вкупе тыльно отросли, нос — три ноздрины, волос ресниц закрывает глаза — что занавесь. Ещё несколько верхами выдвинулись — поясняют:

— То высшие чины¹³!

Указывают по порядку каждого по его чиновному рангу, — а все зверски отвратны, чудовищно причудливы. Однако ж чины понемногу мельчают, и страхолюдство также понемногу слабнет. Вскорости пустился Ма обратно; люди на улицах-дорогах обозреют-увидят его — да с воплями прочь, спотыкаясь да падая, словно б столкну-

¹⁰ [Великая] Ракшасская Держава (大罗刹国) — скорее всего, вопреки мнению ряда исследователей, здесь не говорится о какой-то конкретной стране, а просто повествуется о баснословной земле, населённой страшилищами (см. примеч. 1).

¹¹ В шапке и с навесом (冠盖) — то есть при чиновном головном уборе и в крытом экипаже, выезд высокого чина. См. примеч. 21 к новелле 128 «Юй Дэ» и примеч. 5 к новелле 129 «Цяньцзун Ян» этого цзюаня.

¹² Державный министр (相国) — древний чиновничий ранг времён Борющихся царств; первый министр.

¹³ Высшие чины (大夫) — буквально «Великие мужи», в Старом Китае название для сановников, перед которым обычно помещалось пояснение, какой именно областью они руководили.

лись с чудовищем жутким. Селяне, скажем так, в сто глоток¹⁴ разъяснят-растолкуют — горожане тогда отважатся вдалеке постоять.

Вот воротились — а уж в стране повсеместно прознали: диковинный есть чужеземец; тогда, поясами обвиты, большие вельможи наперебой возжелали расширить, так скажем, что видят и слышат; тут и велели селянам, что, дескать, потребен им Ма. И всякий раз, к кому ни придёт, — привратник¹⁵ извечно ворота заперёт, а мужи, жёны и дети тайно-секретно через дверной зазор подсматривают да переговариваются, так во весь день до исходу не сталоь таковых, кто б отважился встретить-принять. Селяне и говорят:

— Имеется тут некий *лан* — «держатель секиры»¹⁶, некогда при прошлых правителях служил послом в другие земли, народу обозрел множество; пожалуй, вас страшиться не станет.

Явился к *лановым* воротам — *лан* и вправду возрадовался, сложивши руки, кланялся¹⁷, почтя высоким гостем. Рассмотрел его наружность — похож на человека лет восьмидесяти-девяноста, ока зеницы торчат-выступают, бруди скрутились, подобно ежу. Говорит:

— Слуга ваш смолоду больше всех получал государевых приказов отправляться с посольством, единственно, никогда не достигал

¹⁴ В сто глоток (百口) — сокращённо от «в сто глоток одним голосом» (百口同聲), то есть каждый по-своему, но единодушно, согласно.

¹⁵ Привратник (閤人) — в древности особые сторожи при дверях; по «Книге чжоуского ритуала» (周禮) во дворце государя при каждой двери таких полагалось по четверо. В исторической практике часто такими сторожами во дворцах становились рабы из пленных или искалеченные дворцовыми казнями провинившиеся подданные, то есть статус подобного слуги был самым низким. В богатых домах под этим термином понимали охранника при входе.

¹⁶ *Лан* — «держатель секиры» (執戟郎 *цзицзи лан*, 執戟郎) — название придворной должности времён первых империй; придворный офицер охраны. Название идёт от особого вида алебарды *цзи*, сочетавшей в себе свойства копья и боевого топора. Впоследствии это название должности становится просто одним из высоких придворных чинов.

¹⁷ Сложивши руки, кланяться (揖) — церемонно приветствовать, особым образом сложив ладони перед грудью. См. примеч. 7 к новелле 90 «Затаившийся дракон», *цзюань* 3.

Цветущей Середины¹⁸. Ныне мне уж больше ста двадцати лет — вот и привелось увидеть человека, так скажем, Вышней Державы¹⁹, и нельзя это не довести до высокого слуха Сына Неба! Хоть я, что называется, и возлѣг под сенью леса²⁰, десять с лишним лет не попирая придворных ступеней, но на утренней заре вместе с вами отправлюсь разом!

Купно возлизи тогда и откушали, гостеприимства чиня ритуал. Вино многожды обошло — явились барышни-музыкантши, более десятка человек, поочерѣдно поют и танцуют. Внешним обликом якшам²¹ подобны, у всех белой парчою повязаны головы²², стелется платья багрец, достигая земли. Представляют-поют неизвестно какие слова, тон и размер небывалы-странны. Хозяин взирает на них — и радѣшенек, спрашивает:

— А вот в Китае тоже ль подобная музыка есть?

В ответ:

— Есть.

Хозяин испросил изобразить те звучания — вот, ударяя по столу в лад, и вывел мелодию. Хозяин с восторгом говорит:

¹⁸ Цветущая Середина (中華) — одно из традиционных названий Китая, входившее и входящее во многие официальные государственные обозначения.

¹⁹ Вышняя Держава (上國) — так, во-первых, этикет предписывал говорить о стране собеседника (в значении «ваша уважаемая страна»); во-вторых, так официально обозначался Китай по отношению к другим странам. Пу Сун-лин в данном случае обыгрывает оба эти обстоятельства.

²⁰ Возлечь под сенью леса (臥林下) — стать отшельником, уйти от мира; так говорили о себе высокие чины, ушедшие в отставку и оставившие придворные обязанности.

²¹ Якша (夜叉) — страшилище, гневное божество из буддийских легенд (см., например, примеч. 1 к новелле 100 «Якшина держава», *цзюань* 3).

²² Парчою повязаны головы (錦纏頭) — с древности танцовщицам за выступление в качестве дара преподносилась парча, которую те повязывали на голову. Таким образом выражение «голова, повязанная парчой» стало обозначать профессиональную танцовщицу; впоследствии это стало также и одним из распространенных эвфемизмов для гетер.

— Изумительно, да! Звук словно пение феникса и рёв дракона. Никогда такого не слыхивал!

На другой день устремились ко двору представлять его государю. Государь, благоприятствуя, уж спускал на то указ, да нашлись два-три высоких чина, что увещевали, обличие-де у него ужасное, боимся напугать священную персону, — государь тогда всё и прервал. *Лан* вышел и поведал Ма, схватившись крепко за запястье²³.

Прошло с того немало времени, Ма с хозяином как-то пил и опьянел, ухватил меч да пошёл плясать, углём лицо вымазал — представляет Чжан Фэя²⁴. Хозяин почёл это великолепным, говорит:

— Прошу вас в обличии Чжан Фэя встретиться с премьер-министром, тогда щедрого жалования нетрудно будет стяжать.

Ма говорит:

— Как забава-игра ещё бы годилось, но разве же можно с подменной личиной помышлять о славе-именитости?

Однако ж хозяин на том настаивает. Ма тогда и согласился. Хозяин учинил застолье, зазвал, скажем так, преградивших путь²⁵ и велел Ма с разрисованным лицом их принимать. Гости

²³ Схватиться за запястье (扼腕) — здесь: сжать своё запястье пальцами другой руки от разочарования и досады. Выражение восходит к «Историческим запискам» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145(135?)–86(85?) гг. до н. э.), *цзюань* 86, «Жизнеописания» (列傳), глава 26, «Жизнеописание мстителей» (刺客列傳), где циньский военачальник Фань Юй-ци (樊於期, III в. до н. э.) в тревоге обращается к государю «обнажив плечо» (то есть демонстрируя рвение) и схватившись за собственное запястье.

²⁴ Чжан Фэй (張飛) — известный военачальник времени Троецарствия (III в.), один из излюбленных персонажей китайской традиционной музыкальной драмы. Его грим представляет собой сложный узор из напоминающих бабочку чёрных линий на белом фоне, так что герой новеллы вполне мог сотворить его подобие с помощью угля.

²⁵ Преградившие путь (當路者) — наделённые большими полномочиями, стоящие у кормила власти и являющиеся естественной преградой к высшему правителю. Выражение берёт начало в книге «Мэн-цзы» (孟子), *цзюань* 3, часть 1, «Главы о Гун-сунь Чоу, часть первая» (公孫醜章句上), где Гун-сунь Чоу спрашивает Мэн-цзы, окажись он «преградившим путь» в княжестве Ци, смог ли бы он повторить свершения Гуань Чжуна и Янь-цзы.

прибыли — кличет Ма выйти показаться собравшимся. Гости изумляются:

— Поразительно, да! Как так: прежде был отвратен, а ныне вот прекрасен?!

И давай с ним вместе возливать и весьма привечать. Ма, взвиваясь в плясе, спел «Иянскую мелодию»²⁶ — средь всех собравшихся не сыскалось таких, кто б в восторг не пришёл. На следующий день отправляют донесения, рекомендуют Ма. Правитель возрадовался, призвал с верительным бунчуком²⁷; когда тот предстал — вот и вопрошает о путях поддержания спокойствия²⁸ в Китае, а Ма подробно-детально и с почтением излагает; удостоился высочайшего восхищения-похвалы, был пожалован пиром в походном дворце²⁹. Вино распалило — правитель и говорит:

— Слыхал, что вы искусны в изысканных благозвучиях³⁰, не можно ль дозволить нам удостоиться и внять им?

Ма тотчас пустился в пляс, да и по примеру обвивающих голову белым атласом выдал вульгарный-развратный напев³¹. Правитель

²⁶ Иянская мелодия (弋陽曲) — то же, что «Иянский напев» (弋陽腔), произведение для сольного голоса в сопровождении ударных инструментов, ведущее начало из города Иян, провинция Цзянси. Была чрезвычайно популярна во всём Китае и до сих пор широко распространена в ряде областей.

²⁷ Призвать с верительным бунчуком (召以旌節) — отправить посланника с особыми регалиями как символом подлинности приказа, а также особого уважения и милости. Верительный бунчук делался из бамбукового шеста с привешенным бычьим хвостом и пятицветными птичьими перьями.

²⁸ Поддержание спокойствия (治安) — то есть поддержание безопасности в державе. Выражение восходит к тексту книги «Гуань-цзы» (管子), глава 64 «Разъяснение форм» (形勢解).

²⁹ Походный дворец (離宮) — один из дворцовых комплексов, существовавших помимо главной официальной резиденции.

³⁰ Изысканные благозвучия (雅樂) — церемониальная музыка, предназначенная для ритуалов и канонических рецитаций.

³¹ Вульгарный-развратный напев — поскольку в стране раکشасов всё наоборот, низкая и вульгарная музыка воспринимается там как образец утончённости.

премного возликовал и в тот же день поздравил третьим высшим чином³². Постоянно заобычался он на келейных застолях, благоволения и милостей стяжал особых-исключительных.

Время шло, и чиновные-должностные все делоправители во множестве постигли, что наружность-личина его фальшивые; куда ни придёт — неизменно видит, как люди на ухо нащёптывают и не особо с ним радушны-дружелюбны. Ма, как до этого дошло, держаться стал особняком, а всё себя не успокоит. Тогда послал наверх доклад, молил отставки по недугу — не дозволили; повторно испросил, так назовём, отгул для омовения³³ — тогда пожаловали отпуск на три месяца.

Вот, меняя почтовых и загрузив золота-сокровищ, снова вернулся в горную деревню. Селяне, влачась на коленях, приветствовали. Ма раздал-разделил золото-ценности тем, с кем прежде дружил-приятельствовал, и, как говорится, крики радости сотрясали, как гром³⁴. Селяне и сообщают:

— Мы — людишки мелкие, — снискавши даров высокого вельможи, завтрашним днём отправляемся на морской базар: должно улучшить драгоценных безделиц, дабы отблагодарить.

С вопросом к ним:

— А морской базар в каких краях?

А в ответ:

— Посреди моря базар. Люди-акулы³⁵ четырёх морей стекаются торговать жемчугом-самоцветами. Со всех четырёх сторон из две-

³² Третий высший чин (下大夫) — высшие чины в древнем Китае делились на три разряда: первый (上, верхний), второй (中, средний) и третий (下, нижний). Герой новеллы получает именно третий, нижний из них.

³³ Отгул для омовения (休沐) — официальное обозначение для краткосрочных чиновничьих отпусков. По ханским предписаниям такой отпуск составлял 5 дней, по танским — 10.

³⁴ Крики радости сотрясали, как гром (歡聲雷動) — устойчивое выражение, встречающееся уже в танской поэзии и имеющее множество литературных вариантов.

³⁵ Люди-акулы (鮫人) — баснословные существа с человеческим телом и рыбьим хвостом. Упоминаются уже в «Записках о поисках духов»

надцати держав — отовсюду приезжают покупать-выменивать. Среди них и немало небожителей прогуливается-тешится. Хмары в заре небеса преграждают, в волнах-валах происходит всё это. Знатные люди, себя сберегая, и не дерзают изведать тугу да опасность, все вкупе золото, тканье-шёлк ли вручают схожим на нас, чтоб за них покупали жемчуг предивный. Нынче ж всему тому срок уж совсем отстоит недалече!

Тот вопрошает, как это прознали, в ответ:

— Завсе, как только увидим: над морем красная птица порхнёт — да обратно, — через семь дней состоится базар!

Ма вопрошает, когда отбывать, жаждет совместно поехать-взглянуть; селяне склоняют его помирволить своей именитости, Ма говорит:

— Я ведь не больше чем синего моря скиталец, что же бояться ветров да валов?

По малом времени — правда нашёлся такой: явился к воротам, чтоб деньги вручить; тогда, прихвативши поклажу и деньги, сгрузились в ладью. Ладья умещала немало десятков людей, плоское днище, высокий планшир. Десять гребущих ударили в вёсла — вздыбили воды, словно стрела. В итоге три дня миновало; вдаль развиднелось: меж вод-облаков по самой серёдке волн колыханий палаты-дворцы громоздят этажи, для торго-обмена пожаловал флот, запутанность, кучность — что у муравьёв. Чрез малое время достигли до стен городских, глядят — а на стенах тех каждый кирпич без изъята размера, как человеческий рост; подзорные вышки взмывают до самых Небесных путей³⁶. Ладью привязали и внутрь вошли да видят: всё то, чем завален базар, — жемчужных чудес, самоцветов предивных сиянье и блеск ослепляет глаза, а много таких, что и в мире людском не бывает.

(搜神記) Гань Бао (千寶, ?–336 гг.), *цзюань* 12, где рассказывается, что живут они в воде, как рыбы, но не оставляют и ткачества, а когда плачут, то из глаз их могут выкатываться жемчужины. Также упоминаются и во множестве других более поздних сводов удивительных историй.

³⁶ Небесные пути (雲漢 или 天漢) — Млечный путь.

Какой-то молодой господин вдруг верхом на коне благородном въезжает; базарный весь люд подчистую — мгновенно в сторонку, и вот, говорят, дескать, он Океана Восточного Третий Наследник³⁷. Наследник, когда проезжал, вдруг книжника³⁸ видит, заметив:

— Это ведь не из далёких краёв человек³⁹!

Тут пред конём расчищавший дорогу немедля идёт расспросить об уезде да списках⁴⁰; и книжник наш, кланяясь слева от тракта, всё изложил о державе и роде. Наследник в восторге тут и говорит:

— Коль осчастливился вашим визитом, значит, удача моя не мелка!

После того предлагает ему скакуна, просит совместно поводья сплести⁴¹. Тогда и покинули западный город, а островного как берега достигли — те, на ком ехали, с ржанием скок! — и в воде очутились. Книжник с великого страху тут крик испустил; да наблюдает: вода посередке раскрылась, вздыбилась — словно стеною стоит. Вдруг обозрел и дворцовый чертог: биссовый⁴² панцирь на балки пошёл, а черепица — чешуйки леща⁴³, четверо стен, как кристаллы, горят,

³⁷ Океана Восточного Третий Наследник (東洋三世子) — то есть третий сын Царя Драконов Восточного Моря, буддийского Сагара-Нагараджи, вошедшего со временем в китайские предания.

³⁸ Книжник (生) — обычное для обозначения героя именование в этой новелле до того не употреблялось; вдруг с этого места Пу Сун-лин начинает называть Ма Цзи книжником.

³⁹ Из далёких краёв (異域) — в данном случае комментаторы считают, что имеется в виду «из дальних захолустий», но в самом тексте это никак не обозначено. Столь же спорным кажется толкование этой реплики как вопроса — текст оригинала не даёт для этого оснований.

⁴⁰ Уезд и списки (鄉籍) — место проживания рода и официальной приписки, то есть происхождение и подданство.

⁴¹ Поводья сплести (連轡) — книжная формула, обозначающая отправиться вместе верхом.

⁴² Бисса (玳瑁) — редкий и крайне дорогой вид морских черепах, в настоящее время почти исчезнувший.

⁴³ Лещ (魴) — в китайской традиции один из наиболее почитаемых с древности видов рыб. В «Книге песен» (詩經), раздел «Нравы царств» (國風), песни царства Чэнь (陳風), песня «Дощатая дверь» (衡門), ушедший от княжеского двора герой задаётся риторическим вопросом: неужели, если хочешь отведать рыбы, то это непременно должны быть

блики зеркал застилают обзор. С коней спустившись, с поклоном вошли. Смотрит горé — а Драконий Правитель как раз наверху, к трону Наследник доклад обращает:

— Раб ваш, гуляя в торговых рядах, встретил премудрого мужа Цветущей Средины, свёл, чтоб предстать пред Великим Владыкой.

Книжник выходит с поклоном фигурным⁴⁴, и Царь Драконов тогда говорит:

— Вы, уважаемый, — муж написаний высоких. Верно бы, Цюй или Сун⁴⁵ вам годились лишь в секретари⁴⁶. Жажду встревожить могучую кисть вашу одой о рынке морском; чаю, что не поскупитесь на жемчуг-нефрит⁴⁷.

Книжник, склонясь до земли, наставление принял. Тут же несут ему камень хрустальный, чтоб тушь растирать⁴⁸; кисть подают из драконовой гривы; светом бумага исходит — что снег; тушь ароматная — как орхидея. Книжник тотчас же составил тысячу

лещи из Хуанхэ], которые подаются к княжескому столу]? Очевидно, древнее почтение к этому виду рыб и признание его роскошью объясняют, отчего дворец Царя Драконов крыт чешуёй леща.

⁴⁴ Фигурный поклон (拜舞) — особого вида придворный церемониальный поклон перед правителем; при его совершении требовалось исполнять особенные танцевальные фигуры.

⁴⁵ Цюй или Сун (屈宋) — то есть Цюй Юань (屈原, ~340~278 гг. до н. э.) и Сун Юй (宋玉, ~290~222 гг. до н. э.), два величайших поэта древности.

⁴⁶ Секретарь (衙官) — имеется в виду особый вид чиновника, секретарь военного губернатора. Таким образом, Царь Драконов хочет сказать, что по масштабу таланта Ма Цзи должен бы служить заместителем трона, а великие поэты древности годятся лишь быть у него на посылках.

⁴⁷ Жемчуг-нефрит (珠玉) — стандартная метафора для блестяще написанного и исполненного высоким талантом литературного произведения.

⁴⁸ Камень, чтоб тушь растирать (硯) — традиционная тушечница, делавшаяся из прочных материалов (чаще всего из камня) и особо отполированная, чтобы в ней удобно было растирать с водой твёрдые бруски туши. В данном случае в качестве материала Пу Сун-лин называет горный хрусталь, который в реальной практике никогда для тушечниц не использовался.

с лишним речений, подал наверх павильона⁴⁹. Царь же Драконий, такт отбивая⁵⁰, речёт:

— Вы, господин, — великий талант! Блеск и краса для всей Водной Державы, вот как!

Тут и собрал поголовно драконий народ, пир учинил во Дворце Благоизбранных Зорь⁵¹. Вина-жаркое не раз обошли — вот Царь Драконов, держа в руке кубок, гостю-то и говорит:

— Дочка, что так нами возлюблена, пары достойной никак не найдёт. Вас, господин, я привлечь бы мечтал; что ж, не смогло ль бы такое ваш интерес возбудить?

Книжник, оставив застолье, с ношей неловкости вторит согласно — и только. Тут Царь Драконов, глянув на присных своих, объявил им. Скоро совсем — и придворные девы многим числом вывели барышню, под руки взявши; кольца-подвески звенят при движении, бубны да дудки грянули вдруг. Кланяться кончили⁵² — искоса глянул: а ведь и вправду она божество! Барышня после поклонов тотчас удалилась; чрез малый срок завершили с вином, «парные кички»⁵³ несут фонари расписные, книжника препровождают в дворец боковой. Барышня в полном убранстве

⁴⁹ Наверх павильона (殿上) — книжная формула, обозначающая председательство в присутствии.

⁵⁰ Такт отбивая (擊節) — книжная формула, идущая от традиции древних текстов, например, встречается в «Записях о Трёх царствах» (三國志) Чэнь Шоу (陳壽, 233–239 гг.), где констатируется, что, восхищаясь прекрасной музыкой, нельзя удержаться от того, чтобы отбивать такт; впоследствии выражение становится метафорой восторга от прекрасного, чаще, литературного произведения, также писавшегося ритмически и исполнявшегося под музыку.

⁵¹ Дворец Благоизбранных Зорь (采霞宮) — очевидно, в оригинале должно было значиться «Дворец радужных зорь» (彩霞宮), но в известные варианты текста выражение вошло именно в этом виде.

⁵² Кланяться (拜) — в данном контексте может означать как приветственные поклоны, так и брачные церемонии со вручением ритуальных подарков.

⁵³ Парные кички (雙鬟) — молодые девушки-рабыни; по существовавшему порядку отроковицы убрали волосы в два пучка, отчего юные рабыни стали называться «двухпучковыми» или «друхкичковыми».

сидит, дожидаясь; вот из кораллов устроено ложе, а украшения — восьмёрка сокровищ⁵⁴. Полог снаружи подвесы струит, собраны те из жемчужин пресветлых мерою в ковш; покрывало, подстилка — оба душисты и мягки.

Небо лишь чуть развиднелось, как тут же девы молодые — престная челядь — резво вбежали, теснясь по краям. Книжник поднялся да вышел поспешно — трону челом бить. Службой назначили распорядителем над пристяжными⁵⁵. Также и оду его разослали на почтовых по морям. Со всех морей государи драконов вкупе особых посланцев стремят с поздравленьями, наперебой режут записки⁵⁶ — на пир пригласить «пристяжного». Книжник оделся

⁵⁴ Восьмёрка сокровищ (八寶) — можно понять это выражение как украшение, содержащее «восемь драгоценных материалов» — золото, агат, нефрит и пр. В то же время нельзя не учитывать, что дело происходит во дворце Царя Драконов Восточного Моря, старшего среди всех предводителей драконов — Сагары-Нагараджи (沙迦羅龍王), известного приверженца буддизма, описанного в Саддхарма-пундарики-сутре (妙法蓮華經, «Сутре Лотоса Благого Закона») и ряде других священных буддийских текстов (в «Сутре Лотоса Благого Закона», глава 12, описывается и достижение Полного и Окончательного Просветления дочерью Сагары). Тогда вполне можно предположить, что Восемь Драгоценностей здесь — это один из наиболее распространённых символов Дхармы — Аштамангала, восемь священных даров, преподнесённых Будде богами Индии; изображения этих даров украшают многие буддийские сооружения, картины и изваяния. Возможно также, что подобная многозначность прочтения использована Пу Сун-лином как художественный приём.

⁵⁵ Распорядитель над пристяжными (駙馬都尉) — древний придворный чин, означавший ответственного за императорский выезд. После Хань, в начале эпохи Шести династий императорские зятья во множестве получали именно этот чин, вследствие чего он стал нарицательным понятием для супругов принцесс, сократившись до понятия «пристяжной» (駙馬). Тем не менее в придворной практике этот чин номинально существовал вплоть до цинского времени, когда мужей принцесс стали официально именовать «высшими пристяжными» (額駙).

⁵⁶ Резать записки (折簡) — писать приглашительные записки на специально разрезанной для этого бумаге как дань особого уважения. См. примеч. 20 к новелле «Ван Шестой Молодец», *цзюань* 1, том 1.

в расшитый наряд, сидя на синем драконе⁵⁷, с криком-охраной⁵⁸ тогда и поехал. Воины-стражи — десятки таких верховых — луки на спинах резные, палицы взяли на плечи, в блеске-огне заграждают-теснят. Кто на конях — те на цитрах играют; те, что в повозках, — в нефрит ударяют⁵⁹. Так за трёхдневную между подробно объехать успел все моря, и вот поэтому имя «Драконий посланник»⁶⁰ по четырём морям гомоном шло.

А во дворце ещё произрастало дерево одно из нефрита; где-нибудь в полный обхват толщиной; ствол переливчат-прозрачен, как из глазури-стекла; да сердцевина внутри — бледного жёлтого цвета, малость потоньше, чем в локоть. Листья подобны нефриту зелёному и толщиной примерно с деньгу; мелкою дробностью плотную тень порождают. С девою часто совместно петь-возглашать приходили под ним. Полно цветы распускались по древу — формой с жасминной гортензией сходны; всяк лепесток там, когда опадал, «цян»⁶¹ — вот такой же он звук издавал. А подберёшь рассмотреть: он как будто из карнеола багрового резан, блеск да сиянье прелестны-милы. По временам и чудесная птица петь прилетала; перьев окрас золотисто-зелё-

⁵⁷ Дракон (虯) — здесь в тексте называется особый вид дракона *цю*, в некоторых текстах описываемый как безрогий, в некоторых — как рогатый. В поэме «Ли сао» (離騷) Цюй Юаня (屈原, ~340~278 гг. до н. э.) поэт возносится над миром, впрягши в колесницу именно этого дракона.

⁵⁸ Крик-охрана (呵殿) — идущие спереди перед выездом и криком расчищающие дорогу и охраняющие тылы процессии стражники; в целом означает многолюдное сопровождение официального выезда высокого вельможи.

⁵⁹ Кто на конях — те на цитрах играют, те, что в повозках, — в нефрит ударяют — вся фраза понимается как описание древней ритуальной музыки, производимой на древних сакральных инструментах: *чжэне* (箏), роде цитры, и *цине* (磬), особых билах из чистого нефрита.

⁶⁰ «Драконий посланник» (龍媒) — игра слов; с одной стороны, может обозначать здесь действительно посланца Царя Драконов, с другой стороны, оно обозначает невероятно быстрого скакуна, а Ма Цзи за четыре дня успел посетить все четыре великих моря, окружающих Поднебесную.

⁶¹ Цян (鏘) — звукоподражание звону металла или драгоценных камней.

ный⁶², хвост подлиннее, чем тулово, будет, голос — как будто нефрит опечален⁶³, скорбью до чрева-нутра пробирает. Книжник, услышав её, неизменно припоминал край родной. Деве поэтому и говорит:

— В дальней отлучке три года прошло, с милостью-ласкою⁶⁴ был разобщён. Завсе припомню я только — и вот: грудь вся в слезах, да и взмокла спина⁶⁵. Вы не могли бы со мной совокупно домой воротиться?

Дева в ответ:

— Горний с мирским несовместны пути, тут не способна служить вам опорой; но мне, презренной, снести нету сил ради любви, что меж рыбой с водою⁶⁶ бывает, вас «подле отчих колен»⁶⁷ обделить ликованьем. Дайте ж неспешно спланировать это.

⁶² Золотисто-зелёный (金碧) — метафора двух главных драгоценностей — золота и нефрита; отсюда поражающий богатством и роскошью убор описывается в классической китайской литературе как «сияющий золотом и нефритом» (金碧輝煌), многие архитектурные элементы (облившая глазурованная черепица, например) делались в жёлтых и зелёных цветах, изысканные декоративные пейзажи в танской живописи исполнялись в «золотисто-нефритовой» колористике. Неслучайно сказочная птица, прилетающая на нефритовое дерево, имеет роскошный золотисто-зелёный окрас.

⁶³ Нефрит опечален (哀玉) — выражение идёт от традиции исполнения возвышенных печальных мелодий на нефритовых идеофонах (см. примеч. 59). Впоследствии фраза становится стандартным описанием проникновенных и изысканных произведений (чаще всего поэтических). Здесь же голос сказочной птицы уподобляется звучанию благородного инструмента, трогающего душу возвышенной печалью.

⁶⁴ Милость-ласка (恩慈) — метафора родителей, относящихся к потомству с благодетельственной милостью и отчей любовью; распространённая формула в произведениях высокой литературы.

⁶⁵ Грудь вся в слезах, да и взмокла спина (涕膺汗背) — рыдания от печали и испарина от ужаса [при мысли о судьбе оставленных родителей]; это выражение из текста Пу Сун-лина впоследствии становится крылатым.

⁶⁶ Рыба с водою (魚水) — теснейшая неразделимая связь; здесь Дочь Дракона говорит так о супружеском союзе с Ма Цзи.

⁶⁷ Подле колен (膝下) — то же, что и «у колен», метафорическое обозначение родителей, у чьих колен ты вырос. См. примеч. 42 к новелле 126 «Пянь-пянь», цзюань 3.

Книжник, её услышавши, слёзы не в силах был остановить. Дева со вздохом тогда и речёт:

— Случай такой, что отнюдь невозможно, чтоб к обоюдной угоде его разрешить!

Днём наступившим — книжник, чуть после отлучки приходит, как Царь Драконов ему говорит:

— Слышал, что вас, главный распорядитель⁶⁸, гложет тоска по родимому краю. Утром грядущим спешно собираться — ладно ли будет?

Книжник признательно молвит:

— Взятый из пришлых ваш сирий слугитель всеу одарен был щедрым почётом — и верность в клюве награду принесшего⁶⁹ вечно в утробе моей и стремленьях. Дозвольте на время вернуться проведать⁷⁰, я справлюсь измыслить, чтоб внове быть вместе, — и только.

⁶⁸ Главный распорядитель (都尉) — название высокого военного чина; возможно, Ма Цзи здесь называют так, поскольку он носит чин «распорядителя над пристяжными».

⁶⁹ В клюве награду принесшего (銜報) — намёк на историю из «Записок о поисках духов» (搜神記) Гань Бао (幹寶, ?–336 гг.), *цзюань* 20, и почти полностью повторяющего её большей частью утраченного сборника «Продолжение записей Ци Се» (續齊諧記) литератора У Цзюня (吳均, 469–520 гг.), где говорится об отшельнике Ян Бао (楊寶), отце известного сановника Ян Чжэня (楊震, ?–124 гг.). Ян Бао в детстве спас сбитого совой и чуть не съеденного муравьями и медведками чижа. Мальчик выходил и выкормил птицу. Совсем поправившись, более чем через три месяца чиж улетел. Впоследствии как-то ночью к Ян Бао явился отрок в жёлтых одеждах и сказал, что он, посланник богини Си-ван-му, держа путь на остров бессмертных Пэнлай, был сбит совой и выжил только благодаря помощи Ян Бао. Отрок подарил Ян Бао четыре браслета белого нефрита, завещав, что потомки его будут чистыми, как этот нефрит, и займут высокие посты в государстве. Все четыре колена потомства Ян Бао были выдающимися эрудитами, занимавшими высшие посты. Новелла из «Продолжения записок Ци Се» сохранилась, поскольку была приведена в комментарии к «Позднеханьской истории» (後漢書), *цзюань* 54, «Биографии» (列傳), раздел 44, «Биография Ян Чжэня» (楊震列傳).

⁷⁰ Проведать (省) — Пу Сун-лин употребляет иероглиф, специально означающий «проведать старших родственников».

В вечер вступили — барышня ставит вино для прощальной беседы; книжник наметил грядущую встречу — барышня молвит:
— Доля любовная тут и иссякла.

Книжник зело удручился, а барышня вот что:

— Вернётесь, чтоб холить обоих родителей, — видно в том вашу сыновнюю доблесть⁷¹; в жизни людской встречи и расставанья — век пролетел, словно утро да вечер, и только; что же за прок учинять тут юначе-девичий горестный плач? С этой поры и вовек я, презренная, вам буду верной⁷², вы ж к недостойной останетесь честны⁷³. В двух разных землях единство сердец — это и вправду супругов чета! Что ж непременно с рассвета до ночи друг друга блюсти, только тогда назовут это «вместе состарились»⁷⁴ разве? Если ж нарушит кто этот союз — нашему браку успешным не быть. Буде решите: мол, дома, чтоб стряпать⁷⁵, рук не хватает — тогда вы служанку возьмите,

⁷¹ Сыновняя доблесть (孝) — сыновняя почтительность являлась одной из пяти важнейших добродетелей конфуцианца, поэтому неукоснительное ей следование (включая неустанную заботу в преклонных годах, выдерживание многолетнего траура по смерти и пр.) воспринималось как образец гражданской доблести, а нарушение её — как тягчайшая провинность.

⁷² Верная (貞) — в «Исторических записках» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145(135?)–86(85?) гг. до н. э), *цзюань* 82, «Биографии» (列傳), часть 22, «Биография Тянь Дая» (田單列傳), поясняется, что «преданный вассал не служит второму государю, верная жена не выходит вторично замуж». Согласно этому определению впоследствии понятие «верный» по отношению к жене предполагало невеступление вторично в брак.

⁷³ Честный (義) — в данном контексте это слово обозначает не женящегося повторно.

⁷⁴ Вместе состарились (偕老) — цитата из «Книги песен» (詩經), «Нравы царств» (國風), раздел «Песни царства Бэй» (邶風), песня «Бьёт барабан» (擊鼓), где воин, отправляясь на битву, сетует, что не сможет исполнить клятву и состариться вместе с супругой, потому что не выйдет живым из сражения.

⁷⁵ Дома, чтоб стряпать (中饋) — скрытая цитата на комментарий к «Книге перемен» (易經), гексаграмма 37 «Домашние» (家人), где разъясняется, что стряпанье — удел женский; в целом фразу можно понять «Если решите, что в доме не хватает женщины».

и ладно. Да и ещё будет дело одно вам поручаться: с самой поры, как одежду вручала⁷⁶, словно б счастливое есть предвещанье⁷⁷, вас озабочу наречь имена.

Книжник в ответ:

— Коли же дочь это будет, так и назвать её можно Лун-гун⁷⁸, коли же сын — так и назвать его можно Фу-хай⁷⁹.

Барышня просит вещицу любую как верности символ⁸⁰; книжник ту некогда в Царстве Ракшасском приобретённую лотосов пару, что из багряных нефритов⁸¹ сработаны были, тотчас достал, чтобы ей поднести. Барышня молвит:

— Вот, как три года минует, — так на четвёртой луне, в день восьмой, буде случится вам плавать ладьёй к островам полудённым, вам возвращу я родимую плоть.

Барышня из рыбьей кожи ладит мешочек тогда, полно набив самоцветами-жемчугом, книжнику дарит, сказав:

— Трепетно это храните, многим коленам на снедь да одежду не издержать до конца.

Небо лишь чуть посветлело — царь расставляет шатёр богу Цзу⁸², крайне обильно чинит подношенья. Книжник, с покло-

⁷⁶ Как одежду вручала (奉裳衣) — со времени свадьбы, когда невеста ритуально подносит жениху верхнюю накидку (衣) и нижнюю часть облачения (裳).

⁷⁷ Счастливое предвещанье (佳朕) — стандартная литературная формула, означающая беременность.

⁷⁸ Лун-гун (龍宮) — буквально: «Драконий дворец».

⁷⁹ Фу-хай (福海) — буквально: «Море счастья».

⁸⁰ Верности символ (信[物]) — предмет как знак заключённого договора, оставляемый на память и являющийся свидетельством перед высшими силами нерушимости обещания. Например, таким предметом в новелле 70 «А-бао» являются туфельки главной героини, унесённые попугаем; здесь — нефритовые лотосы.

⁸¹ Багряный нефрит (赤玉) — китайское название гиацинта.

⁸² Расставить шатёр богу Цзу (設祖帳) — первоначально означало разбить особый ритуальный шатёр для приношения богу дороги Цзу; впоследствии выражение приобретает значение «устроить пир при отъезде». Подробнее см. примеч. 26 к новелле 49 «Не Сяо-цянъ», цзюань 1, том 1.

ном простившись, дворец покидает — барышня едет в повозке на белых баранах⁸³, его провожает до берега морского. Книжник на берег поднялся и с лошади слез; барышня, вверив словам: «С драгоценным почтеньем»⁸⁴, — вспять на повозку — и тотчас же ехать, малое время — а уж и далече. Наново воды морские сошлись — вот и совсем потерялась из виду. Книжник тут к дому подался.

С тех пор, как моря бороздить направлялся, везде толковали, что он уже дух испустил. Добрался вот до дому — и нет таковских в семье, кто не дивился бы в ошеломлении. К счастью, почтенный с родимой⁸⁵ без всяких напастей; только жена вот уже отошла в мир иной. Тут-то и понял Дочки Дракона о сохранении чести речь — верно, об этом уж как-то заранее знала. Батюшка же возжелал книжника внове женить — книжник на то ни в какую, взял лишь служанку — и только. Строго в намереньях блюл о трёх годах урок, плывши в ладье посередь островов, видит — там два ребятёнка прямо расселись на глади воды; плещут потоком, шутят-смеются, только при том не смещаются, да и не тонут. Тут подплывает достать их — один ребятёнок со смехом схватился за книжника руки, прыг — и зарылся за пазуху прямо. Второй же из них разрыдался прегорько, как будто на книжника в сильной обиде, что не достал и его самого; — достал и его, да и наверх поднял.

⁸³ Ехать в повозке на белых баранах (白羊車) — буквально передвигаться в экипаже, запряжённом белыми баранами или козликами; образ, неоднократно встречающийся в классической поэзии Китая, например, в стихах танского поэта Ли Шэня (李紳, 772–846 гг.). Такая повозка должна быть весьма лёгкой и маневренной, чтобы с ней мог управиться даже ребёнок, поэтому образ призван передать ощущение лёгкости, невесомости повозки.

⁸⁴ С драгоценным почтеньем [к Вашему здоровью/благополучию] (珍重) — церемониальная формула при расставании, включающая в себя целый ряд связанных смыслов: заботу о здоровье собеседника, заверение в лучших чувствах и признательности и т. п. См. примеч. 24 к новелле 12 «Ван Шестой Молодец», *цзюань* 1, том 1.

⁸⁵ Почтенный с родимой (翁媼) — бабушка и матушка, особое именование родителей.

Тщательно их осмотрел — один мальчуган, а вторая — девчушка, обликом оба прелестны-милы. По надо лбами — в венки цветочные нефриты вплели, а это те самые красные лотосы будут! На спинке имелся мешок из парчи; раскрыв его, глянул — нашлось там письмо, что гласило:

— Чаю, что свёкра-свекровь — всех избегают напасти. Миг быстротечный лишь эти три года, — да пыль рудая⁸⁶ навек разделила; полна прозрачности плещет вода⁸⁷, — да синей птице⁸⁸ трудно добраться. Вяжутся думы⁸⁹, в сон перейдя; шею тянуть⁹⁰ уже так утомилась... Полна-бездребна лазурная синь, — а лишь досаду, что же ещё тут поделывать? Всё вспоминаю Хэн-э⁹¹, на Луну убежавшую, — так и пустынно в Коричном Чертоге⁹²; ловко

⁸⁶ Пыль рудая (紅塵) — так в буддийских текстах назывался мир людей, мирская суeta, застилающая взор, подобно стоящей столбом багряной пыли. В целом высказывание можно понять как: «Три года пролетели незаметно, но людская суeta навеки разделила нас с вами».

⁸⁷ Полна прозрачности плещет вода (盈盈一水) — цитата из «Девятнадцати древних стихотворений» (古詩十九首), включённых впоследствии в свод VI века «Вэнь сюань» (文選).

⁸⁸ Синяя птица (青鳥) — то же, что и лазурная птица, посланник богини Си-ван-му; в китайской культурной традиции также является символом замужества. Подробнее см. примеч. 44 к новелле 97 «Лянь-со», цзюань 3.

⁸⁹ Вяжутся думы (結想) — стандартная формула, означающая непрерывность воспоминаний о ком-либо или чём-либо.

⁹⁰ Шею тянуть (引領) — стандартная письменная формула, означающая «вытягивать шею, взирая с надеждой», «ждать и не дожидаться».

⁹¹ Хэн-э (姮娥) — более древнее именование Чан-э (嫦娥), жены баснословного стрелка И (羿), которая украла у мужа эликсир бессмертия, выпила его и вознеслась на Луну. Хэн-э её, в частности, называют в книге «Хуайнань-цзы» (淮南子).

⁹² Коричный Чертог (桂府) — Лунный дворец, в котором обитает улетевшая на Луну богиня Чан-э. Легенды говорят, что он огромен, в своде «Собрание разного с южного [склона горы] Ю[шань]» (酉陽雜俎) Дуань Чэн-ши (段成式, 803–863 гг.) его высота определяется в пятьсот китайских саженей, то есть около 1665 метров. Коричным дворец называется по поэтической традиции сравнивать полный лунный диск с коричневым деревом.

челнок направляя, Ткачиха⁹³ ропщет ещё у Реки Серебра⁹⁴. Что же тогда я за человек⁹⁵, я ль для любви бесконечной гожусь? Мыслью до этого только достигну — вновь неизменно я так через слёзы и рассмеюсь. Как мы расстались — спустя две луны вот, наконец, близнецов народила; нынче они ещё только на ручках гуляют пусть, смекая едва, когда я веселюсь, но сыщут и финик, и грушу ухватят, коль мамы не будет — всё ж смогут прожить; с почтением вам их хочу возвратить. Что вы дарили когда-то нефрита багряного лотосы — убор их украсила ими как знак. Когда ж у коленей вы будете нянчить малышек, — как будто б и я, недостойная, там подле вас окажусь. Слыхала, что вы ещё ладите следовать давним зарокам — и мысли-желанья утешились тем. Презренная, я в этой жизни двоиться не стану⁹⁶, до самой кончины не буду с другим⁹⁷. В ларце туалетном средь ценных вещей душистою мазью⁹⁸ я не запасусь, и, в зеркало глядя, убор

⁹³ Ткачиха (織女) — по легенде, внучка Небесного Императора, искуснейшая в мире Ткачиха, выделявавшая парчу из облаков, перестала ткать после замужества за Пастухом. Небесный император, чтобы вернуть внучку к ткачеству, разделил их и поместил по двум сторонам Серебряной реки (Млечного пути), дозволив видаться только раз в году на седьмой день седьмой луны. Эта легенда изложена в «Девятнадцати древних стихотворениях» (古詩十九首), включённых впоследствии в свод VI века «Вэнь сюань» (文選).

⁹⁴ Река Серебра (или Серебряная река, 銀河) — Млечный путь.

⁹⁵ Что... за человек (何人斯) — употреблённое в новелле выражение — цитата из «Книги песен» (詩經), «Малые оды» (小雅), песня «Что за человек» (何人斯).

⁹⁶ Двоиться не стану (不二) — широко употреблявшееся в классической литературе выражение, означавшее «оставаться цельным», «не предавать своих намерений».

⁹⁷ Не буду с другим (靡他) — чуть изменённая цитата из «Книги песен» (詩經), раздел «Нравы царств» (國風), «Песни княжества Бэй» (邶風), песня «Кипарисовый челнок» (柏舟), где молодая вдова клянётся оставаться верной скончавшемуся супругу.

⁹⁸ Душистая мазь (蘭膏) — вид благовонной субстанции, вырабатывавшейся из орхидейного масла и использовавшейся в качестве изысканной парфюмерии.

поправляя, давно я отбросила пудру да тушь. Вы сходны с мужами в далёких походах, я ж, низкая, стану скитальца женою⁹⁹. Коль так установлено — хоть бы и нет применения, но кто же на это посмеет сказать, мол, не цитра да лютя¹⁰⁰?! Единственно вот рассуждаю, что свёкор-свекровь уж доспели с внучками обняться, а с младшей снохой¹⁰¹ никогда ещё не выпадало свиданья, чтоб вышло судить о природе натуры; и это прискорбия только достойно. Но год пробежит — и свекровь отойдёт в непроглядную ночь¹⁰²; мне должно податься к могильному краю¹⁰³ и тем исчерпать долг невестки вполне. Минуя сей час и вовеки затем, — Лун-гун пусть избегнет напастей любых, немало прибудет мгновений, чтоб рядом быть — хоть ухватись¹⁰⁴; Фу-хаю пусть выпадет длительный век, а может, ещё и найдётся дорога уйти и вернуться. Склонясь, остаюсь с драгоценным почтеньем, и не исчерпать, что хотела сказать.

⁹⁹ Жена скитальца (蕩婦) — или 蕩子婦 — жена, оставленная уехавшим в дальние края и не вернувшимся супругом, упоминается в «Девятнадцати древних стихотворениях» (古詩十九首), включённых впоследствии в свод VI века «Вэнь сюань» (文選).

¹⁰⁰ Цитра да лютя (琴瑟) — два древних музыкальных инструмента для исполнения ритуальных мелодий. Являются метафорой супружеского единства. См. примеч. 9 к новелле 82 «Барышня Линь Четвёртая», *цзюань* 2, том 1.

¹⁰¹ Младшая сноха (新婦) — или «младшая /новая/ жена»; в данном случае: самоуничижительное обозначение себя самой; в буквальном смысле обозначает невесту на свадьбе или жену младшего подчинённого. О себе так говорят из вежливости, с целью возвысить собеседника.

¹⁰² Непроглядная ночь (窀穸) — погребальная пещера, могила. Подробнее см. примеч. 37 к новелле 31 «Студент Е», *цзюань* 1, том 1.

¹⁰³ Могильный край (臨穴) — цитата из «Книги песен» (詩經), «Нравы царств» (國風), раздел «Песни царства Цинь» (秦風), песня «Иволга» (黃鳥), где рассказывается о храбрых воинах, неустрашимых в битве, терявших самообладание и трепетавших, когда оказывались «на могильном краю» и должны были сопровождать в царство мёртвых усопшего государя.

¹⁰⁴ Хоть ухватись (把握) — выражение, встречающееся уже в древних текстах и означающее, в частности, быть в близкой достижимости.

Книжник, ещё да опять озирая посланье, слезу утирает; а два карапуза, обнявши за шею, твердят:

— Давай же, пойдём-ка домой!

Книжник ещё крепче тужит; рукой потрепавши, речёт:

— Детишки, не знаете, дом ваш в какой стороне пребывает?

Дети — рыдать, лепечут да гульгают только: «Домой». Книжник глядит — а воды морские безбрежны-бескрайни, до самого неба — и нету межи, не различить ту, с причёской туманной¹⁰⁵, и в дымке на волнах теряется путь. Детей приобнявши, вспять вёсла направил, досадуя, так и вернулся домой.

Книжник, узнавши, что дни его матушки будут недолги, утварь для тела полнейшую¹⁰⁶ начисто ей наперёд приготовил; среди могил насадил сосен-катальп больше сотни деревьев. Год миновал; матушка — верно, скончалась. Траурный выезд¹⁰⁷ достиг до дворца погребенья¹⁰⁸ — а там какая-то барышня в траурном платье возле могилы. Все изумлённо воззрились; тотчас внезапно ветер ударил, и гром разразился, вслед тому хлынул негаданный ливень. Миг, чтобы глазом моргнуть, — а уж исчезла она, где стояла. Из

¹⁰⁵ Туманная причёска (霧鬟) — образ, часто встречающийся в классической китайской поэзии; высокий узел волос, уподобляемых туману, то есть очень плотных, непроглядных (чёрных). Уподобление причёски красавицы туману обыгрывалось неоднократно, например, в стихотворении Ду Фу «Лунная ночь» (月夜). Когда же описывалось бедственное положение, в которое попала юная красавица, говорилось, что «узел волос [растрепал] ветер, а волосы на висках [намочил] дождь»; так описывается и вынужденная пасти овец Дочь Дракона в новелле «История Лю И» (柳毅傳) танского литератора Ли Чао-вэя (李朝威, 766–820 гг.).

¹⁰⁶ Утварь для тела полнейшая (周身物) — имеется в виду: погребальные одежды, внешний и внутренний гробы и т. п. Полный набор погребальных принадлежностей в Старом Китае был дорог и требовал времени для подбора.

¹⁰⁷ Траурный выезд (靈輿) — повозка с погребальными носилками; иногда так называли сами погребальные носилки.

¹⁰⁸ Дворец погребенья (殯宮) — особое строение для временного упокоения тела монарха; в обиходе так стали называть место для помещения гроба у могилы.

кипарисов да сосен посадки много засохло, а вот после этого ожили все.

Когда же Фу-хай понемногу подрос, бессменно по маме своей тосковал; а вдруг как-то раз самолично и бросился в море, да только чрез несколько дней возвратился. Ну а Лун-гун, поелику девица и ей негоже вовне отлучаться, всякий час, двери закрывши, рыдала. Как-то однажды день потемнел, Дочка Дракона тут входит внезапно, её, осаждая, речёт:

— Чадо, сама ты семью создавай, что ж за прибыток здесь плакать-рыдать?

Дарит ей тут же тогда корневище — восьмиаршинный коралл — и с «фимиаом драконьих извилин»¹⁰⁹ шкатулку, дивных жемчужин сотню числом, парные лари с восьмёркой сокровищ — вставки сработаны золотом — всё для замужества вено. Книжник услышал её и поспешно вбегает, за руку держит, рыдает да плачет. Через мгновенье гром ураганный крышу пробил, барышня тут же бесследно исчезла.

Автор этих строк добавит:

С личиной раскрашенной¹¹⁰ встретить гостей¹¹¹ — да, нравы житейские, как у чертей! И склонности эти — что к струпьям пристрастие¹¹², — на свете везде им одна колея. «Мало позо-

¹⁰⁹ Фимиаом драконьих извилин (龍腦香) — буквально «благовония из мозга дракона» — ароматическое вещество, получаемое из «дерева драконьего мозга», то есть борнейской камфоры. Кристаллы натуральной камфары применялись как редкое благовоние, воскурившееся на раскалённых углях, и были очень дороги.

¹¹⁰ Раскрашенная личина (花面) — в данном случае присутствует игра слов: «раскрашенная личина» — название ампула в китайской музыкальной драме, к которому, в частности, принадлежит Чжан Фэй, чей грим Ма Цзи воспроизвёл с помощью угля; с другой стороны, здесь это выражение можно понять как «выступать под чужой личиной».

¹¹¹ Встретить гостей (逢迎) — здесь игра слов: те же иероглифы означают также «заискивать», «втираться в милость к кому-либо».

¹¹² К струпьям пристрастие (嗜癩) — выражение идёт из книги «Истории южных династий» (南史), цзюань 15, «Биографии» (列傳), раздел 5,

ра — мало добра, много позора — много добра»¹¹³. Кабы в открытую — прямо: так, с бородою-бровями¹¹⁴ отбыл гулять он на рынок столичный, тех, кто его б не страшился и не бежал без оглядки, верно б, ничтожная малость нашлась. Ну а тогда что ж тот самый Линъянский безумец¹¹⁵ — к сердцу прижав свой нефрит, череде городов равноценный¹¹⁶, плакать куда же направиться сможет¹¹⁷?

«Биография Лю Му-чжи» (劉穆之傳), где рассказывается о внуке высокого сановника Лю Му-чжи (劉穆之, 360–417 гг.) по имени Лю Юн (劉邕), который имел пристрастие поедать человеческие струпья, считая, что они по вкусу подобны солёной рыбе. Впоследствии выражение «пристрастие к струпьям» стало устойчивым штампом для эксцентричных и отвратительных пристрастий. Здесь под этими словами подразумевается царившее в Ракшасской Державе пристрастие к уродству.

¹¹³ Мало позора — мало добра, много позора — много добра (小慚小好大慚大好) — несколько искажённая цитата из «Письма к Фэн Су с рассуждениями о словесности» (與馮宿論文書) великого танского литератора Хань Юя (韓愈, 768–824 гг.), где он говорит, что прекрасно написанные тексты у обывателей вызывают лишь порицание, и, стремясь угодить вкусам, приходится писать то, что у самого автора вызвало бы стыд; притом чем меньше этот стыд, тем меньше одобрение толпы, а чем стыд больше, тем больше тексты нравятся толпе.

¹¹⁴ С бородою-бровями (帶鬚眉) — то есть в подлинном мужском естестве; борода (бакенбарды) и густые брови считались признаками мужской стати.

¹¹⁵ Линъянский безумец (陵陽癡子) — описанный в книге «Хань Фэй-цзы» (韓非子) древний знаток нефрита Бянь Хэ (卞和), дважды преподносивший драгоценный камень чжоуским правителям, но вместо благодарности объявленный обманщиком и в наказание искалеченный. Назван Линъянским безумцем, ибо некогда был пожалован титулом Линъянского *хоу*. См. примеч. 56 к новелле 31 «Студент Е», *цзюань* 1, том 1.

¹¹⁶ Череде городов равноценный (連城) — отсылка к истории Борющихся царств (戰國, 475–221 гг. до н. э.), когда правитель Цинь предлагал в обмен на драгоценный нефритовый диск пятнадцать городов. См. примеч. 8 к новелле 104 «Лянь-чэн», *цзюань* 3.

¹¹⁷ Плакать куда же направиться сможет (向何處哭) — Бянь Хэ (см. примеч. 115), когда на трон взошёл Вэнь-ван, сидел под горой Чу-шань, обняв свой нефрит, и рыдал, говоря, что сожалеет не о полученных увечьях, а о том, что драгоценность не оценили,

У-ху! Честен и славен чтоб знатный-богатый — должно такого
среди устричных ярусов торга морского¹¹⁸ идти и разыскивать
разве что, да!

а честного человека опозорили. См. примеч. 56 к новелле 31 «Студент Е», *цзюань* 1, том 1.

¹¹⁸ Устричные ярусы морского торга (蜃樓海市) — аллюзия на древние легенды о гигантских устрицах, которые, выплёвывая воздух, создают миражи многоярусных теремов и морских базаров. В целом выражение означает «морской мираж», «призрачный мир».

133.

ТЯНЬ СЕДЬМОЙ МОЛОДЕЦ¹

田七郎

У Чэн-сю² был из Ляояна³, любил водить знакомства, все, с кем знал, — мужи известные, видные. Ночью приснилось, как некто ему и говорит:

— Ваши знакомства-связи простёрлись между морями⁴, но всё это якшанье без разбору, и только-то. Лишь с одним человеком сможете разом делить тугу-невзгоды, что же восупор вы с ним не знакомы?

Тот и спроси:

— Это кто же?

А в ответ:

— Так неужто ж не Тянь Седьмой Молодец?

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² У Чэн-сю (武承休) — говорящее имя; буквально «Удостоенный благоденствия».

³ Ляоян (遼陽) — в описываемое время: название области на территории современной провинции Ляонин.

⁴ Между морями (海内) — по представлениям древних китайцев Поднебесная окружена четырьмя морями; центральная её часть населена народом, обладающим истинной культурой (華), способной привести мир к процветанию. Таким образом, «между морями» — это по всей Поднебесной; в этом значении выражение употреблено уже в книге Мэн-цзы (孟子), глава 1 «Лянский Хуй-ван, часть 1» (梁惠王上).

田七郎 重金力
與脫羈
囚大德
拚將一死
酬若淨
龍門傳刺
客軼深
井里共
千秋

Проснулся да подивился тому. Следующим утром, встречаясь с приятелями, поголовно расспрашивал о Седьмом Молодце. Был среди них, кто знал, что тот в Восточной деревне промышляет охотой. У почтительно навестил его дома, конским хлыстом постучал в ворота.

Недолго прошло — некий человек и вышел: лет ему где-то двадцать с лихвой, барсовы⁵ очи, осиная талия, увенчан засаленной шапкой, в чёрный «телячий нос»⁶ облачён — многожды белым тот штопан-зашит; руки сложивши передо лбом, к гостю с вопросом: откуда, мол, сам? У называет фамилию-прозвище, да с отговоркой, что вот в пути вышло неладно, кров-де заимствует роздых устроить. Спросил о Седьмом Молодце, ну а тот отвечает:

— Это как раз я сам-то и есть!

Да приглашает гостя войти. Видит — покои убогие счётом некрупным, ветви древесные стены подпёрли; входят в одну небольшую закуту — шкуры тигриные, волчьи покровы виснут-растянуты между столбами, только вот нету скамейки-лежанки, чтобы присесть. Прямо Седьмой Молодец на полу стелет тигровую шкуру тогда. У с ним беседу заводит — фразы-реченья просты и прямы; — тем восхитился премного. Тотчас поднёс ему *цзинь*⁷ серебра на житейский расход — Седьмой Молодец не берёт; тот твёрдо вручать продолжает — Седьмой Молодец тогда принял, чтоб матушку лишь известить. Чрез малое время назад возвращает, в отказе упрям: отрывается братъ. У же его понуждает в обрат да по новой, матушка — что твой лунчжунский бамбук⁸ — тут выходит, с видом суровым речёт:

⁵ Барсовы (豹) — общее описание для некоего малоопределимого хищника из кошачьих, упомянутого ещё в словаре «Эръя» (爾雅), где говорится, что он подобен тигру, но размерами с собаку, а раскраской, как дикая кошка.

⁶ Телячий нос (犢鼻) — название древней одежды: коротких штанов или фартука до колен.

⁷ Цзинь (金) — здесь: мера веса, то же, что лян: ~37,3 г серебра.

⁸ Лунчжунский бамбук (龍鍾) — метафора старческой немощи и дряхлости. Происходит, очевидно, от раскраски бамбука, напоминающей старческие пятна. См. также примеч. 14 к новелле 49 «Не Сяо-цянь», *цзюань* 2, том 1.

— У меня, старухи, только и есть, что этот сын. Не желаю потакать, чтоб услуживал дорогому гостю!

У устыдился, да и назад. Дорогою к дому крутил да вертел, не постигая, какой же тут смысл. А получилось как раз, что прислужник по-за коморкой матушки слышал слова да вот о них-то У и рассказал. Так, поначалу Седьмой Молодец с *цзинем* в руках матушку извещает — а матушка молвит:

— Я тут как раз заприметила: княжич обзаведён несчастливым устроём⁹, впасть ему точно в нежданное лихо. Слышала так: кто от другого приемлет внимание — разделит его печаль, кто от другого приемлет щедроты — вывозит его из беды. Люди богатые платят другим своими деньгами, бедные люди платят другим собственной верностью. Нету причин, а вдруг получаешь весомый подарок — то не к добру; боюсь, что когда-то испросят смертельной отплаты с тебя за него, так-то вот!

У, это всё услышав, глубоко пленился премудростью матушки и большим почтеньем пронялся ещё пред Седьмым Молодцом.

На другой день устроил застолье, его пригласив, — тот отказал, не пришёл. У, что зовётся, взошёл в его зал¹⁰, сев, стал искать, чего бы испытать. Седьмой Молодец самолично вина преподнёс, подал оленьей сушнины, крайне и полностью с чувством и тактом. Днём наступившим У пригласил его на угощение — тогда уж явился; с дружбой-приязнью к премногой отраде. Жалует *цзинем* его — ан тот-то и не принимает. У — в отговорки: для купли, мол, шкуры тигриной; коль этак, то данное принял. Вернулся да смотрит, что запасено, смекая: не вдосталь тут, чтоб возместить; наметил изнову пойти на охоту, а после уж и поднести. В горы ушедши на целых три дня, охотою так ничего не добыл.

⁹ Несчастливый устрой (晦紋) — ряд признаков, свидетельствующий о злом предвестье, о несчастливой доле; словосочетание имеет отношение к традиции китайских гадательных практик, имевших широчайшее хождение.

¹⁰ Взойти в его зал (登其堂) — буквально выражение означает «взойти на возвышение» (в храме, присутствии и пр.), то есть «посетить святилище» или «вступить в высокое присутствие». В официальном языке эта формула приобрела значение «явиться [в чей-то уважаемый дом] с визитом».

Тут случилось — жена захворала; следил-наблюдал за отваром-лекарством¹¹, не вышло досуга за промысел браться. Минула декада — супруга нисходит внезапно в погибель; стал ладить-вершить жертвы и погребенье¹², и принятый некогда *цзинь* постепенно-помалу иссякнул-исчез. У лично пожаловал для утешения-проводов, обряд-ритуал щедрый-пышный устроил.

Ну вот, схоронили; Тянь, взяв арбалет, в горный лес удалился, всё пуще заботясь, чем У можно было б отблагодарить, но так ничего-то в итоге добыть не сумел. У, доискиваясь до причины того, неизменно уговаривал, мол, не к спеху, сердечно уповал, что Седьмой Молодец мог бы покамест зайти-навестить, да Седьмой Молодец, всё от бремени долга досадуя, явиться и не посмел. Тогда У, истребовав наперво старые запасы, тем его возвращенье и поторопил. Седьмой Молодец проверил-обсмотрел старые шкуры — ан червями поедены, порчей побиты, мех дочиста поистерся, нещадней ещё приуныл-опечалился. У прознал про то, примчал стремглав к нему во двор, с настойчивой силой его успокаивал-тешил. Вновь обсмотревши пропавшие шкуры, и говорит:

— Эти ещё ведь вполне хороши; что ваш слуга бы хотел получить — суть того вовсе не в мехе!

Лысые кожи скрутил — и на выход, да приглашает совместно идти; Седьмой Молодец не поладил на том, — У сам тогда к дому вернулся.

¹¹ Отвар-лекарство (湯藥) — выражение означает как непосредственно отвар лекарственных растений, так и квинтэссенцию принципа ухода за больными в простонародном китайском быту. При недомогании рекомендовалось пить больше тёплого (супов, бульонов, настоев или просто кипячёной воды) и употреблять декокты, вытяжки и пр. трав, корней и плодов, приготовление которых подробно описывалось в народных лечебниках. Специализированная врачебная помощь могла требовать значительных перемещений и средств.

¹² Жертвы и погребенье (齋葬) — жертвенные подношения божествам-охранителям, покровителям рода, а также монахам, участвующим в траурных обрядах, и непосредственно церемония захоронения; должное исполнение обеих частей этих траурных мероприятий в Старом Китае требовало существенных материальных вложений.

Седьмой Молодец, памятуя, что так и не достиг, чтобы возблагодарить У, назовём общо, свернувши провизию¹³, в горы ушёл, несколько выждал ночей — ан тут-то вдруг тигра охотой добыл да в целости в дар его и преподнёс. У взликовал, спроворил застолье, зовёт, чтоб остался гостить на три дня. Седьмой Молодец отклоняет призывы с упорством, — У двери-ворота закрыл на замок, так, чтобы тот выйти наружу не смог. Гости да званцы, видя: Седьмой Молодец безыскусен-незнатен, втайне решили, мол, княжича то беззаконная связь. У же с Седьмым Молодцом, скажем так, обращением-кружением¹⁴ крайне разнится с другими гостями. Сладил на смену новое платье — тот же в отказ, не берёт; приспело отправиться спать, — украдкой тогда уже и подменил; тому что ж осталось поделать, как только принять. Ну вот, удалился — тогда его сын с приказом от бабушки новое платье приносит вернуть, а ищет всё той перештопанной рвани; У же с улыбкой в ответ:

— Вернись и поведай почтеннейшей матушке: поскольку одежда совсем порвалась, пустили её на подкладку для туфель!

С этой поры Седьмой Молодец что ни день — зайцев, оленей в дар подносил, звали его — да больше повторно уж не приходил. Как-то однажды У прибыл для встречи с Седьмым Молодцом; тот,

¹³ Свернуть провизию (裹糧) — выражение восходит к «Цзо чжуаню» (左傳), цзюань 19, «Двенадцатый год Вэнь-гуна» (文公十二年), где военачальник и высокий цзиньский вельможа Чжао Чуань (趙穿, ?–607 гг. до н. э.), не догнав преследуемые циньские войска, в гневе воскликнул: «Свернувши провизию, восседаем в панцирях, ибо воистину стремимся [лицом встретить] врага! Враг подошёл и не напал — так чего же мы дожидались?!» Выражение «свернувши провизию» в обиходе стало обозначать «припасы на дороге»; в этом значении оно употреблено и в новелле.

¹⁴ Обращение-кружение (周旋) — выражение, восходящее к разделу «Правил женского поведения» (內則) «Записей ритуала» (禮記), где описывается особая церемония почтения старших, выражающаяся в специальных изящных движениях приветствия; впоследствии выражение вошло в обиход в значении «оказывать кому-либо церемониальный приём», «общаться с кем-то чинно и обходительно».

сталось, ушёл на охоту, ещё не вернулся. Матушка вышла, через ворота его наставляет:

— Больше сына моего не зови, да и не привлекай, зело «на душе в том хороших намерений нет»¹⁵!

У тут с учтивостью почести отдал и, устыдясь, воротился.

Через полгода иль около, домашние вдруг ему и говорят:

— Седьмой Молодец, вдавшись в раздор об охоте на барса, до самой смерти кого-то забил; схватили его и, за приставы взявши, свели.

У в неизмерном испуге мчится его повидать — а он уже примеряет колодки в темнице. Глядя на У, ни о чём не беседует, только сказав:

— С этой поры утружу вас заботой о старенькой матушке.

У, сокрушаясь, выходит оттуда; споро тогда он деньгами великими дарит уездных верховных, да и к тому ж сотню *цзиней*¹⁶ подносит старшему вражьего рода¹⁷. Месяц с лихвою — и дело утихло, отпущен до дому Седьмой Молодец. Матушка с чувством глубоким речёт:

— Сыну кто волосы-кожу пожаловал¹⁸ — так это будет уже княжич У; вовсе не то, что я, старая, лично доспела, ценю что и чем

¹⁵ На душе хороших намерений нет (不懷好意) — устойчивое выражение, восходящее к роману Ши Най-аня (施耐庵, 1296–1372 гг.) «Речные заводи» (水滸傳), где в 27 главе герой У Сун, услышав речи Людо-едки Сунь-второй, про себя подумал: «У этой бабы на душе хороших намерений нет». Фраза широко используется в обиходе как крылатое выражение, означающее «скрывать коварный замысел».

¹⁶ Сотня *цзиней* (百金) — буквально, сто *лянов* серебра; в данном случае, как и зачастую в литературе, означает просто «огромная сумма денег». См. также примеч. 16 к новелле 53 «Дин Цянь-си», *цзюань* 2, том 1.

¹⁷ Старший вражьего рода (仇主) — глава рода убитого; по неписанным правилам, в Старом Китае род должен был кровно отомстить обидчику, если суд не вынес смертного приговора.

¹⁸ Пожаловавший волосы-кожу (髮膚受之) — цитата из «Книги сыновней почтительности» (孝經), где в 1 *цзюане*, в главе «Выявление сущности» (開宗明義) говорится, что «Туловище, конечности, волосы и кожа — жалуют их отец с матерью». «Пожаловавший волосы и кожу» — родитель, и матушка Седьмого Молодца говорит здесь, что подлинный родитель, то есть человек, даровавший жизнь её сыну, теперь княжич У.

дорожу — это истинно так! Желаю лишь только, чтоб княжич до самой кончины за сотню лет не изведal невзгод и страданий, так уж и сыну тут счастье!

Седьмой Молодец возжелал У посетить с благодарностью; матушка молвит:

— Коли ступаешь — так уж и ступай. Когда же увидишь ты княжича У, то не исходи благодарностью: за малую милость вольно благодарствовать, за милость большую отблагодарить невозможно.

Седьмой Молодец тогда встретился с У; У ласковой речью его утешает-взбодряет, Седьмой Молодец — лишь с почтеньем: «Да, да». Домашние тут поголовно дивятся его небреженью, а У вот в восторге, что искренен он и правдив, и пуще ещё с ним поладил тогда. С этой поры постоянно по несколько дней он оставался у княжича дома; дары подносили — всегда принимал и больше уж не отрекался, а также и не говорил об отплате.

Тут У подошёл «самый час появления»¹⁹: гостей да прислуги докучно-обильно, в ночи у покоев всё туфлями полно²⁰. У вот рядочком с Седьмым Молодцом опочивают в каморке-чулане, а трое слуг подле них под кроватью порасстелили травы да соломы. Стража вторая²¹ стремится к исходу, слуги уж скопом ко сну отошли пого-

¹⁹ Самый час появления (初度) — день рождения; выражение восходит к цитате из поэмы «Лисао» (離騷) Цюй Юаня (屈原, ~340~278 гг. до н. э.), где говорится: «Государь обозрел и обмыслил меня в самый час появления».

²⁰ Туфлями полно (履滿) — цитата из книги «Чжуан-цзы» (莊子), *цзюань* 10, часть 1, глава 32 «Ле Юй-коу» (列禦寇), где говорится о том, что посетителей у Ле Юй-коу было столько, что «перед дверью всё было заполнено туфлями [пришедших]». Выражение стало крылатым и приобрело значение «полон дом народу», «слишком большое количество визитёров».

²¹ Вторая стража (二更) — время с 9 до 11 часов вечера, в Старом Китае — глубокая ночь. О ночных стражах см., например, примеч. 5 к новелле 34 «Новобрачный», *цзюань* 1, том 1, или примеч. 24 к новелле 49 «Не Сяо-цян», *цзюань* 2, том 1.

ловно, а эти двое всё не умолкают: «цы-цы»²². Седьмой Молодец свой клинок поясной пристроил висеть на стене — тот сам вдруг из ножен рванулся наружу на несколько целых вершков, даже больше; звон от того разошёлся «чжэн-чжэн», свет просиял, как зарницы огонь. У в потрясении вскочил, также вскочил и Седьмой Молодец, вопрошая:

— Те, что лежат под кроватью, — что это будут за люди?

У отвечает:

— Все челядинцы-холопы.

Седьмой Молодец говорит:

— Посреди них непременно имеется некий злодей.

У о причине пытается, Седьмой Молодец говорит:

— Этот клинок — был он приобретён в одной дальней стране, людей убивал — шелковинки и то никогда не намокло²³, до сего дня его три поколения носило. Голов отрубил он — достигнет до тысячи счётом, а всё такой же, как будто бы только из-под оселка. Увидит злодея — и тут же пускается петъ да бросаться; вестимо: уже от того, чтоб врагов убивать, недалече совсем. Что до вас, княжич, то сами сродни вы мужам совершенным²⁴, далёки от мелких людей, но, может, по случаю, лучше б беды избежать.

У же на то лишь кивает. Седьмой Молодец всё никак не утешится, елозит-крутит на кроватиной циновке. У говорит:

— Зло или добро — в том судьба, да и только; что ж так глубоко теперь убиваться?

²² Цы-цы (刺刺) — звукоподражание неумолкающей речи, трескотне.

²³ Шелковинки и то никогда не намокло (未嘗濡縷) — скрытая отсылка к «Историческим запискам» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145(135?)–86(85?) гг. до н. э.), цзюаню 86, «Жизнеописание» (列傳), главе 26, «Жизнеописание мстителей» (刺客列傳), где рассказывается о мстителе Цзин Кэ, который пробовал свой клинок, и лишь кровь смочит одежду, то все его жертвы непременно погибали. В новелле же говорится, что скорость и острота меча таковы, что он наносит смерть быстрее, чем кровь успевает намочить даже нитку.

²⁴ Совершенный муж (君子) — идеал конфуцианца, человек, наделённый высшей мудростью и добродетелью.

Седьмой Молодец отвечает:

— Я для себя ничего не боюсь — не пугаюсь; лишь оттого неспокоен, что мама-старушка со мной.

У говорит:

— Как же вы вдруг до такого дошли-то?

Седьмой Молодец ему:

— Не сбудется коли, так лучше ещё.

Ну а под оной кроватью те три человека — один прозывался Линь-эр, был давним, скажем так, Ми Цзы²⁵, умел доставлять хозяину радость; ещё один был отроком-слугою, лет двенадцати-тринадцати, которого У постоянно нагружал трудами; а ещё один был Ли Ин, самый строптивый и дремучий, по каждому пустяку княжичу перечивший, тараща глаза; У постоянно он в гнев приводил. Вот в ту же ночь, про себя размышляя, У заподозрил, что он это. Утром назавтра вызвал предстать, речами предобрыми твёрдо велел убираться.

Старший сын У по имени Шэнь женился на госпоже Ван. Как-то раз У отлучился, оставив Линь-эра следить за хозяйством. А в кабинете²⁶ цветы хризантемы как раз осияли; жена молодая, мысля: почтенный в отлучке, и зал кабинетный, поди, безмятежен, направилась лично собрать хризантемы. Линь-эр тут неожиданно ворвался — и ну соблазнять и заигрывать; жена наострилась бежать — Линь-эр же тогда её силой принудил в покоях укрыться.

²⁵ Ми Цзы[-ся] (彌子瑕) — пригожий фаворит вэйского Лин-гуна (衛靈公, 540–493 гг. до н. э.), вошедший в историю своей непочтительностью к государю, прощавшему любые выходки своему любовнику. Самый известный эпизод связан с прогулкой в саду, когда Ми Цзы-ся передал князю свой надкушенный персик, чтобы тот мог отведать, сколь он сочен и вкусен. Впоследствии имя стало нарицательным для смазливых баловней при дворе или в знатных домах, ценившихся не за учёность и талант, а за умение доставить интимную радость высокому покровителю.

²⁶ Кабинет (齋) — в данном случае имеется в виду не отдельная комната для учёных и финансовых дел, как в европейских домах, а флигель для научных занятий с садиком, где названные хризантемы и растут.

Жена — ну рыдать-отбиваться, с лица изменилась, и голос охрип. Шэнь опрометью тут влетает — Линь-эр лишь тогда выпускает из рук её и наутёк восвояси. У возвращается, слышит об этом, в гневе Линь-эра желает взыскать, да до конца и неясно, куда он тогда подевался. Вот миновало дня два или три — уж и дознались, что он обустроил себя у NN-ого цензора, в доме его. Цензор на службе в столице как раз, дела же домашние вкупе поверены мнению младшего брата. У из тех чувств, что даёт людям общность халатов²⁷, подал писание, в нём испрошая Линь-эра. Младший же брат насупор порешил и не выдал. У, ещё пуще огневан, жалобу подал в правленье уезда. Вызов табличкой²⁸ хотя испустили, приставы адли не стали хватать, ну а чины дознаваться не стали. У пребывал в исступлении гневном — тут и явился Седьмой Молодец. У говорит:

— Ваши слова воплощаются, да!

Тогда-то про всё ему и рассказал. Седьмой Молодец выраженьем лица помертвел-изменился и, больше ни слова уж не говоря, — а прямо сразу и прочь.

У повелел слугам самым бывалым дозором выслеживать, где там Линь-эр. Линь-эр среди ночи домой возвращался — вот же дозорным как раз и попался в добычу, свели, чтоб предстал перед У. У его и батогами, и розгами, ну а Линь-эр всё на У лишь

²⁷ Общность халатов (同袍) — обозначение для сослуживцев, прежде всего военных. Само выражение восходит к «Книге песен» (詩經), раздел «Нравы царств» (國風), «Песни княжества Цинь» (秦風), песня «Нет одежды» (無衣), где говорится: «Кто говорит, что одежды, мол, нет? Этот халат станет общим для нас». Впоследствии однополчане стали называться «делящимися халатами», то есть готовыми в походе всё разделить с товарищем по оружию. Потом это выражение стало обозначать вообще людей одного круга или одной профессии, как в отечественной традиции широкий смысл приобрело слово «сратники».

²⁸ Вызов табличкой (勾牒) — в судопроизводстве Старого Китая это обозначало ордер из официального присутствия на задержание, арест или препровождение в зал суда. Назван так по традиции применения: к вызываемому являлся приказный с прикрепленной к особой табличке бумагой с соответствующим предписанием.

бранится поносно. Дядя У, Хэн наречённый, будучи старше летами, боясь, что племянник от ярости гневной дойдёт до беды, советует: лучше управить всё так, как диктует формальный закон. У по совету и сделал — связал и направил казённым палатам²⁹; а тут-то из резиденции цензора почтой пришёл процарапанный лист³⁰ — правитель Линь-эра вот и отпустил, вручив доглядающим³¹, чтоб те его забирали. Ну а Линь-эр думам прибавил похабности, открыто вещая в скоплений людских средоточье враньё, что с женою хозяйина держит он тайную связь. У тут поделатъ был что-то не в силах; гневом окованный, смерти желал; мчался, вступить чтобы в цензоров двор, верху и долу крича и ругаясь³²; жильцы из квартала с утехой-советом направили к дому.

Миновала ночь, вдруг кто-то из домашних и сообщает:

— Линь-эра-то ломтями настругали, а тело бросили посреди открытой пустоши.

У поразился, ликуя; чувства и мысли помалу-то и проявились. Вдруг узнаёт, что семья цензора подала тяжбу на них с дядей вкупе, вот они обок с дядей и отправились на допрос. Правитель не допустил

²⁹ Казённые палаты (公庭) — в обиходе: название для присутственного места, но чаще всего — для суда.

³⁰ Процарапанный лист (刺書) — древнее и поэтичное название для письма; этимология восходит к старинным бамбуковым дощечкам, на которых иероглифы не писались, а процарапывались; ко времени же Пу Сун-лина, поскольку у входивших в выражение иероглифов в ходе истории появились другие коннотации, это сочетание приобрело уже ироничный оттенок.

³¹ Доглядающие (紀綱) — слово восходит к выражению из «Цзо чжуаня» (左傳), *цзюань* 15, «Двадцать четвёртый год Си-гуна» (僖公二十四年), где говорится об отправке трёх тысяч слуг, «доглядывающих за основными [заботами]», то есть для всяких повседневных нужд. Впоследствии домашние слуги стали в обиходе так именоваться.

³² Верху и долу кричать и ругаться (俯仰叫罵) — устойчивое выражение из классической литературы, то же, что и «тыкать в небо да по земле черкать» (指天畫地): необузданно разглагольствовать, помогая речи взмахами рук. См. примеч. 12 к новелле 51 «Землетрясение», *цзюань* 2, том 1.

словопрений, пожелал Хэну дать батоков. У протестующим голо- сом молвит:

— Убийство-то это не то «чтобы было наверное»³³. Что ж до хулы-поношенья носящего пояс³⁴, то это я, правду скажем, творил самолично, к дяде касательств оно не имеет.

Правитель, отторгнув, и слушать не стал. У тогда, очи тараща, подняться³⁵ хотел — охранники скопом его удержали, схвативши. Приказные, взявшие палки, — все были семьи поясного³⁶ охотными псами³⁷, а Хэн был к тому же и старым, и дряхлым; ударов числу ещё нет половины — поник в одночасье да и отошёл. Правитель глядит, что над дядюшкой У кончина нависла, тогда уже больше не стал дознаваться. У и кричит, и на ругань исходит — ну а правитель,

³³ Не то «чтобы было наверное» (莫須有) — цитата из «Сунской истории» (宋史), цзюань 365, «Биографии» (列傳), раздел 124, «Биография Юэ Фэя» (嶽飛列傳), где говорится о кознях при дворе, чинившихся против героя и патриота — генерала Юэ Фэя (嶽飛, 1103~1142 гг.). Когда его по ложному доносу посадили в тюрьму, генерал Хань Ши-чжун (韓世忠, 1090–1151 гг.) пошёл доискиваться правды к предателю-министру Цинь Гую (秦檜, 1090–1155 гг.), который стал уверять, что сын Юэ Фэя вёл преступную переписку, и хоть прямых доказательств нет и такое положение дел не то «чтоб наверное было», но исключить его нельзя, на что Хань Ши-чжун сказал: «Не то „чтобы было наверное“ — как этими тремя словами можно заставить верить [в то, что вы говорите] всю Поднебесную?!» Впоследствии выражение становится крылатым и приобретает смысл сфабрикованного, облыжного обвинения, в котором используется и в тексте новеллы.

³⁴ Носящий пояс (搢紳) — здесь: высокий сановник, то есть имеется в виду цензор.

³⁵ Подняться (上) — в данном контексте может означать как «подняться с колен» (а именно так он должен был предстать перед судом в Старом Китае), так и «податься к судебному возвышению», где, собственно, и происходили следственные действия; контекст позволяет понимать написанное в обоих смыслах.

³⁶ Поясной (紳) — имеется в виду цензор, чиновник «носящий пояс», см. примеч. 34.

³⁷ Охотный пёс (走狗) — устойчивое выражение, означающее «при- спешник», «клевет».

как словно бы вовсе и слыхом того не слыхал. Дядю домой на носилках принесши, в горе и гневе погряз, не в силах хоть что-то измыслить. Думал: хотел бы доспеть, что Седьмой Молодец тут предложит, только Седьмой Молодец не явился ни разу с визитом сочувствия. Так про себя и гадает:

— С Седьмым Молодцом обходился весьма я неплохо, что же мгновенно я стал ему словно с дороги прохожий?

И сомневался, что тот, кто Линь-эра убил, — непременно Седьмой Молодец. Потом всё ж подумал:

— Ну, коли уж так, чего бы тогда не разжиться советом?

Вот следом за тем и послал человека к нему, чтоб сыскал его в собственном доме; тот прибыл: засов только, тишь да безмолвье. Соседи все тоже нимало о нём не имеют вестей.

И вот однажды цензора брат как раз был в закрытых покоях управы, правителя частно о ком-то просил. Случилось всё утром — доставили хворост и воду. Внезапно тут из дровоколов один подаётся вперёд, кладёт свою ношу да, вытянув острый клинок, на брата тотчас и бросается. Тот в страхе метнулся, рукой остриё отражая; лезвие пало — срубило запястье, ещё один раз резанул — тогда уж и голову напрочь отсёк. Правитель в великом испуге укрылся-сбежал. А дровокол тот, как будто в смятении, по сторонам бросил взгляд: там все — охрана, приказные — споро замкнули ворота в управе, палки в руках да сурово кричат. Вот дровокол себе горло тут и перерезал до смерти. Все вразнобой собрались опознать, кто был знаком, — те-то и заявили, что это будет Седьмой Молодец. Правителя ужас унялся, решил он пойти ещё раз осмотреть и видит: Седьмой Молодец, коченея, лежит посредине кровавого пруда, руками всё так же сжимая клинок. И только пристал он поверх, чтоб взглядеться подробно, мертвец тут внезапно тотчас подобрался, вскочивши, восстал и срубил подчистую правителю голову, после чего сызнава распластался. Чины из управы искали его, было, сына и матушку, — так те запропали-исчезли тому уже несколько дней, так-то вот.

У, как услышал, что умер Седьмой Молодец, — мчался в рыданиях, безмерно скорбя. Сплошь говорили, что он заправлял, Молодца

подстрекая Седьмого; У все истратил богатства, удел продвигая³⁸ пути преграждающим³⁹, — вот и снискал неподсудность. Седьмого же Молодца прах распротёрли в степи-захолустье дней где-то на тридцать и даже поболе, да птицы и псы, окружив, охраняли его. У подобрал его, с пышностью похоронил. Сын его в дальних краях поселился — в Дэнчжоу⁴⁰, сменивши фамилию рода на Тун. Из рядовых начинал там, но за заслуги достигнул до порученца главы гарнизона⁴¹. В Ляо⁴² вернулся — У было в то время уж восемь десятков с лихвою, — тогда показал и направил его он туда, где могила отца.

Автор этих строк заметит:

И одну монету ему взять-то непросто, а уж и правда не сможет забыть единственной трапезы⁴³! Ох и мудра же та матушка, да!

³⁸ Продвигать удел (黃緣) — использовать связи, подкупом, интригами и пр. добиваясь чьего-то карьерного роста.

³⁹ Преграждающие пути (當路) — то же, что и «преграждающие путь», люди, облечённые властью. См. примеч. 26 к новелле 132 «Ракшасский морской базар».

⁴⁰ Дэнчжоу (登[州]) — во времена Цин название округа на территории нынешней провинции Шаньдун.

⁴¹ Порученец главы гарнизона (同知將軍) — при Цин первый помощник гарнизонного воеводы (звание присваивалось только представителям высшей маньчжурской аристократии).

⁴² Ляо — имеется в виду Ляоян, см. примеч. 3.

⁴³ Не сможет забыть единственной трапезы (一飯不敢忘) — отсылка сразу к двум эпизодам из «Исторических записок» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145(135?)–86(85?) гг. до н. э.), к *цзюаню* 92, «Жизнеописание» (列傳), главе 32, «Жизнеописание Хуайиньского хоу» (淮陰侯列傳), и к *цзюаню* 79, «Биографии» (列傳), часть 19, «Биографии Фань Цзюя и Цай Цзэ» (范雎蔡澤列傳). В первом повествуется о Хань Сине (韓信, ?–196 гг. до н. э.), военачальнике основоположника ханьской династии; когда тот в молодости был беден, то ночью повстречал на реке прачку-белильщицу, накормившую его; впоследствии, став Чуским *хоу*, Хань Синь не забыл её милости и щедро одарил. Во втором заявляется о непременном воздаянии за благо, пусть и единственной

Ну а Седьмой Молодец: гнев до конца не очистил ещё⁴⁴, умер — и снова спешит выправлять, этакий дух разве чем-то смиришь? Кабы Цзин-цин⁴⁵ был тогда на такое горазд, так уж на тысячу лет не оставалось бы в том сожаленья. Если б подобные люди нашлись, можно бы было в Небесных Тенётах с ними и течь залатать⁴⁶. Дольних путей⁴⁷ расплывчаты дали, жаль, что таких, как Седьмой Молодец, слишком мало. Печально-то сколь!

трапезы. См. также примеч. 18 к новелле 53 «Дин Цянь-си», *цзюань* 2, том 1 и примеч. 14 к новелле 120 «Громовой управитель», *цзюань* 3.

⁴⁴ Очистить гнев (雪憤) — устойчивое выражение, означающее «покарать за кривду», «выправить несправедливость».

⁴⁵ Цзин-цин (荊卿) — то есть Цзин Кэ (荊軻, ?–227 гг. до н. э.), мститель, стремившийся убить Цинь Ши-хуана (秦始皇, 259–210 гг. до н. э.), но потерпевший неудачу.

⁴⁶ Можно бы было в Небесных Тенётах с ними и течь залатать (可以補天網之漏) — намёк на два момента в истории китайской духовной культуры: на легенду о праматери Нюй-ва (女媧), латавшей течь в Небе, и на цитату из «Книги о Дао и Дэ» (道德經), *чжан* 73, где говорится о Небесных Тенётах, обширных-безграничных, не густых, но и не протекающих (то есть из них ничего не ускользнёт). Выражение «Небесные Тенёта», первоначально подразумевавшее высший закон, возвращающий намерение к его инициатору, в обиходе приобрело значение «справедливое возмездие», «сети для ловли злодеев», то есть «правосудие». Пу Сун-лин говорит, что с людьми, подобными Седьмому Молодцу, можно было бы воссоздать подлинное правосудие в Поднебесной.

⁴⁷ Дольние пути (世道) — устойчивое выражение, обозначающее мирские нравы, нравы в обществе.

134

РОЖАЕТ ДРАКОНА¹

產龍

В год под знаками Жэнь-Сюй² в нашем уезде, в селе Синцунь³ была некая супруга господина Ли; благоверный её помер, и пребывала она, что называется, с «оставленной утробой»⁴, которая то вдруг надуется, как чан, то вдруг скукожится, как горсть. Вот перед самым разрешением круглые день-ночь не могла родить. Глянули — видят драконью голову, только покажется — а сразу же и втянется. Домашние сильно перепугались, не решались и подступить. Сыскалась такая тётушка Ван — ну куренья возжигать, шагом *юевым*⁵ ходить, и жмёт на живот, и заклęcia речёт. Вскоре совсем

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Жэнь-Сюй (壬戌) — циклические знаки, обозначающие 59 год 60-летнего цикла. В данном случае имеется в виду 1682 год.

³ Синцунь (邢村) — или Синцзячжуан (邢家莊), деревня, располагавшаяся в северо-восточной части округа Цзычуань, где проживал сам Пу Сун-лин.

⁴ Оставленная утроба (遺腹) — выражение, восходящее ещё к тексту «Исторических записок» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145(135?)–86(85?) гг. до н. э.); означает беременность, длящуюся после смерти супруга. Этим же словосочетанием обозначался и ребёнок, появившийся на свет после смерти отца.

⁵ Юев шаг (禹步) — особая сложная система магических шагов, приписываемая легендарному основателю государства Ся.

и утроба осела, и уже больше не видно дракона, осталась лишь малость чешуек, и каждая будет размерами с плоску! Вослед же тому принесла она дочь — плотью прозрачна-чиста, как хрусталь, можно все органы аж перечесть!

По простонародному объяснению, устрояя Великий Потоп, Юй заработал заболевание ног и ходил особым образом, напоминающим приставные шаги, а духи и бесы, привыкшие повиноваться ему, стали слушаться тех, кто эту походку имитировал. В действительности *юев* шаг представляет собой, скорее всего, отклик древних шаманских практик и больше походит на танцевальные движения, чем на болезненную хромоту; как правило, сочетается он со складыванием особых пальцевых фигур (手訣 или 指訣) и начитыванием заклинаний (咒).

135.

БАО ЧЖУ¹

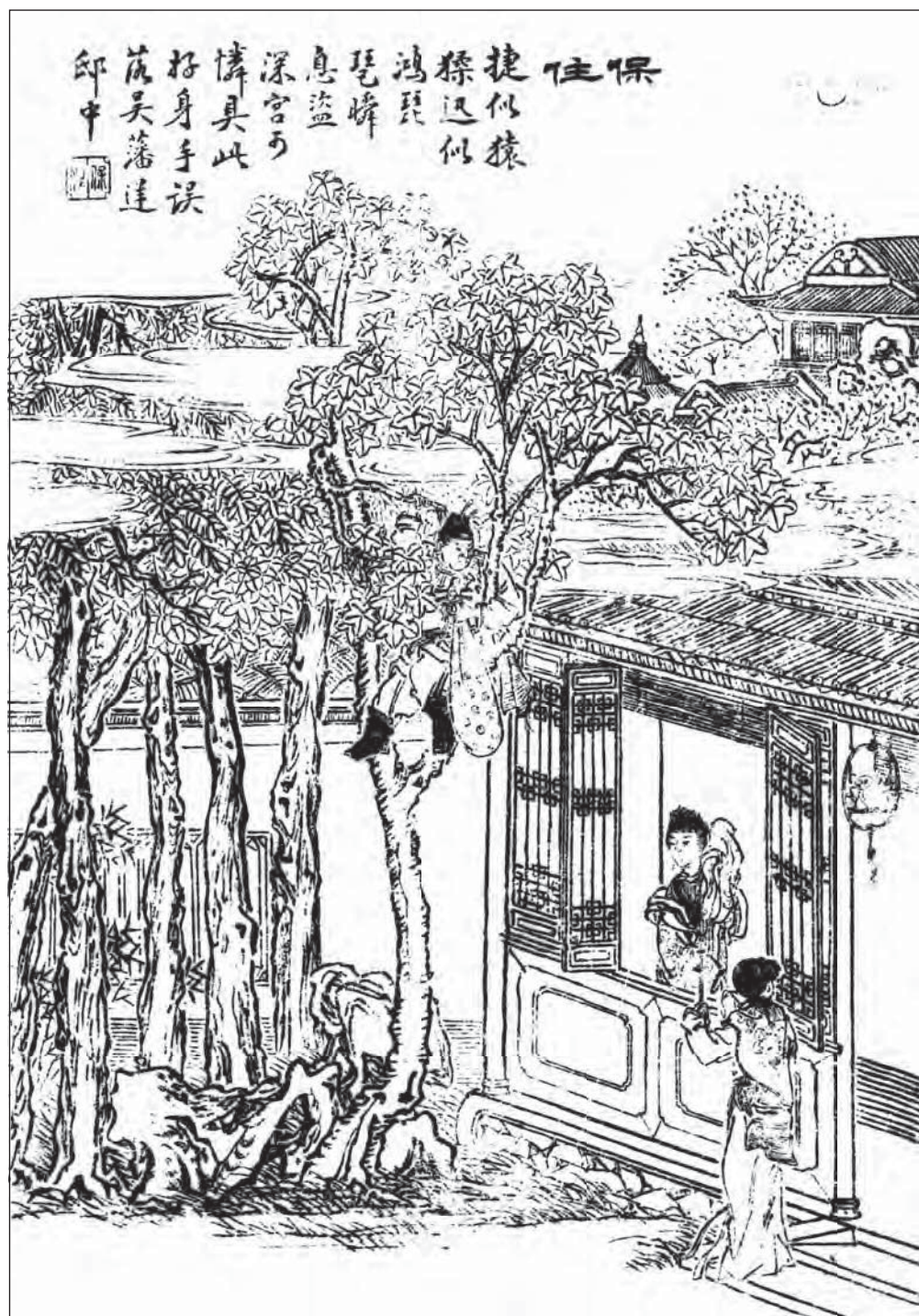
保住

Наместник У², пока ещё не поднял мятеж, некогда объявил командирам и солдатам: если найдётся такой, кто в одиночку исхитрится изловить тигра, то обильно будет пожалован пайком-содержанием и получит именование «Побивший тигра воевода». А среди командиров был один по имени Бао Чжу, крепкий и проворный, как обезьяна. Возводили в резиденции высокую башню, балки-перекладыны принялись устанавливать, а Бао Чжу по углу башни и полез, в одно мгновенье верхушки достиг, сверху вступил на коньковый

¹ Перевод А. Г. Сторожука

Бао Чжу — говорящее имя, в буквальном переводе означает «обеспечивать», «сохранять».

² Наместник У (吳藩) — имеется в виду У Сань-гуй (吳三桂, 1612–1678 гг.), генерал, открывший в 1644 году ворота Шаньхайгуаньской заставы для маньчжурских войск, что привело к падению минской империи. Получил от нового монаршего дома титул Пинси-вана (平西王, «Князя, умиротворяющего Запад»). В 1659 году был назначен наместником в провинции Юньнань, где в течение 14 лет правил как полновластный самодержец; в 1673 году был лишён поста наместника, что привело к бунту, в котором участвовали ещё двое привыкших к вольнице наместников, управлявших провинциями Гуандун и Фуцзянь. После смерти У Сань-гуя сопротивление продолжил его внук, противостоявший цинским властям до 1681 года.

прогон да со всех ног как припустит бежать: трижды-четырежды вдоль и назад, да, завершив, вдруг тут прынул всем телом — и вниз соскочил, прямёхонько вставши, подтянуто так.

Была у князя³ любимая наложница, что искусно играла на лютне *pipa*⁴; на той самой лютне, которой владели, «греющий нефрит»⁵ стоял наместо костяного порожка⁶; возьмёт её на руки — вся зала теплом и наполняется. Наложница берегла её, как сокровище, без княжьего предписания людям не показывала. Раз вечером сошлись на пир — гости и просят взглянуть на этакое диво, а князя лень забрала, откладывает это дело на завтра. Тут Бао Чжу как раз и случись подле, говорит:

— Коль и не будет приказа от князя, я б всё равно смог её раздобыть!

Князь тут людей посылает мчаться-уведомить всех во дворце, внутри и снаружи, чтоб бдели-сбирались, ну а уж после пустил и его.

Бао Чжу преодолел десяток с лишним, что называется, громоздящихся стен⁷, вот и достиг до двора той наложницы, видит: лампа сияет в глубинах палат, а на дверях всё засовы-запоры, этак никак не войти. Близ галереи как раз попугай обосновался себе на насесте; вот Бао Чжу тут-то и закричи кошкиным мявом, да вслед за этим

³ Князь — имеется в виду У Сань-гуй, получивший от цинов титул «Князя, умиротворяющего Запад»; см. примеч. 2.

⁴ *Pipa* (琵琶) или *пиба* — род лютни, первоначально заимствованный у народов Центральной Азии, но в танское время уже ставший одним из наиболее любимых ханьских музыкальных инструментов. Имеет грушевидную форму, четыре струны, звук извлекается плектром или специальными насадками на ногти.

⁵ Греющий нефрит (煖玉) — баснословный нефрит, согревавший зимой и холодивший летом. Описан, например, у танского литератора Су Э (蘇鶚) в сборнике «Разные сочинения с Дуанского [потока]» (杜陽雜編).

⁶ Костяной порожек (牙柱) — особый порожек на деке или грифе, на который опираются натянутые струны инструмента.

⁷ Громоздящиеся стены (重垣) — часть устойчивого выражения «громоздящиеся стены, сгруженные замки» (重垣疊鎖), означающего особо тщательно охраняемые секретные покои дворца.

давай подражать попугайному крику, вопя в исступлении: «Кошка пришла!» Звуки качанья-ударов силою всё напирают, слышна наложницы речь:

— Служанка Люй, быстро посмотри-ка, там попугайчика прибили!

Бао Чжу схоронился в тёмном уголке. Вдруг появляется барышня, в руке держит фонарь, и только сама отошла от дверей, как Бао Чжу тут и втиснулся внутрь. Да, увидав, что наложница, лютню *nina* на стол положивши, блюдёт, Бао Чжу хватъ — и стремительно прочь. Наложница в оторопи кричит:

— Грабители напали!

Охранники все поголовно вскочили, видят: Бао Чжу, держа лютню, удирает; погнались за ним, да так и не достигли, скопами стрел окатив, как дождём⁸. Бао Чжу взмыл-взобрался на дерево, а под стеной росли огромные софоры, стволов тридцать с лишним, Бао Чжу и двинул насквозь через кроны деревьев, будто бы птица, по веткам порхая; деревья иссякнут — на зданья взберётся, закончатся зданья — взовьётся на башню. Несётся-летит по строеньям дворцовым, неужто же крыл-оперенья доспел? В мгновение ока — и уж неизвестно, куда подевался.

Гости как раз возливали, а Бао Чжу тут к ним с лютней в руках слетел-приземлился у самых ступеней; засовы дверные стоят, как и прежде, и не слышать петухов да собак.

⁸ Скопами стрел окатив, как дождём (攢矢如雨) — точная цитата из новеллы «Куньлунский раб» (昆侖奴) танского литератора Пэй Сина (裴鋼, IX в.) где главный герой, уходя от преследования, также был атакован стрелами, но ни одна не достигла цели. В данном случае Пу Сун-лин не просто цитирует знаменитую новеллу, но и отсылает к весьма схожему эпизоду в ней.

136.

ДЕВА ГУНСУНЬ ДЕВЯТАЯ¹

公孫九娘

Связанных с делом Юя Седьмого², что круговой порукой³ казни предали, в Цися и Лайяне — двух этих уездах — народу как раз больше всех набралось. В один день схватили как-то несколько сотен да подчистую и казнили на Поприще Ратных Занятий⁴ — кровью нефритной⁵ исполнился дол, белые кости свод неба подпёрли.

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Юй Седьмой (于七) — Юй Сяо-си (于小喜, 1607–1701 гг.), впоследствии сменивший имя на Юй Лэ-у (于樂吾), по порядку в поколении был седьмым потомком мужского пола, отсюда и прозвище. Был одним из руководителей антицинских восстаний в Лайяне (萊陽), Цися (棲霞) и ряде других уездов в 1648, 1661 годах. В 1662 году, после подавления восстания, цинская администрация устроила кровавую расправу над участниками и членами их семей; самые жестокие репрессии проводились как раз в уездах Лайян и Цися.

³ Круговая порука (連坐) — здесь: существовавшая в традиционном Китае практика привлечения к судебной ответственности родственников, соседей и друзей преступника и назначения им такого же сурового наказания, как и непосредственным соучастникам. Описана уже в «Исторических записках» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145(135?)–86(85?) гг. до н. э.), *цзюань* 68, «Биографии» (列傳), часть 8, «Биография правителя Шана» (商君傳).

⁴ Поприще Ратных Занятий (演武場) — плац для отработки воинских упражнений, находившийся за южными воротами Цзинаня.

⁵ Нефритная кровь (碧血) — скрытая цитата из книги «Чжуан-цзы» (莊子), раздел «Разное» (雜篇), глава 26 «События в мире» (外物), где говорится о прославленном древнем учёном, государственном деятеле и педагоге Чан Хуне (荅弘, ~565–492 гг. до н. э.), считавшемся учителем Конфуция и посвящавшем его в тайны музыки. Был образцом

Тут высший чин в милосердии-жалости подал-пожертвовал им на гробы, и город Цзинань — мастерские да рынки — гробами как есть опустел подчистую. По этой причине, казнили кого из восточных чертей⁶, — всё в южных предместьях тогда хоронили.

В год Цзя-Инь⁷ некий цайянский книжник прибыл в Цзися⁸, имелось у него двое-трое близких друзей, также из числа казнённых; вот, сторговавши «бумажных шелков»⁹, жертвы свершил¹⁰ среди заросших

высокой морали, но погиб, оказавшись вовлечённым в заговор. Чжуан-цзы пишет, что кровь Чан Хуна хранили три года, и она превратилась в драгоценный зелёный нефрит. Впоследствии выражение «нефритная кровь» стало обозначать жертву во имя праведной цели.

⁶ Восточные черти (東鬼) — здесь: имеются в виду преступники из восточных областей провинции Шаньдун, в частности, из Цися и Лайяна.

⁷ Цзя-Инь (甲寅) — циклические знаки, обозначающие год Тигра, 51 год по 60-тиричному циклу. В описываемый период это 1674 год.

⁸ Цзися (稷下) — изначально название местности и находившейся в ней древней академии времён Борющихся царств. Располагалась эта академия в циской столице Линьцзы (臨淄), на месте нынешнего округа Цзыбо (淄博). Здесь же имеется в виду Цзинань, в 742 году получивший название округа Линьцзы (臨淄郡) и носивший это название до 746 года, когда после вторичного переименования стал называться Цзинань. Но ассоциация с Линьцзы осталась в истории, и впоследствии в различных текстах Цзися или Цзимэнь (稷門) служат обозначениями именно Цзинани.

⁹ Бумажные шелка (楮帛) — иносказание для жертвенных бумажных денег, особого рода церемониальных купюр для жертвоприношений, и бумажной утвари для поминовения. Эти купюры могут выглядеть или как более или менее точные подобию действительных ассигнаций, или как просто нарезанные куски бумаги — действенность жертвоприношения от этого не меняется, если совершать его по правилам, а сами деньги благословить у священнослужителя и получить на них особую печать. В этом случае приношение должно по сожжению сразу попасть на счёт покойного в одном из загробных банков, где аккумулируются средства на существование в мире мёртвых и последующие перерождения. Бумажная утварь повторяет действительные предметы быта или одежду и, будучи сожжённой, как и купюры, оказывается в обладании души покойного на том свете.

¹⁰ Жертвы свершил (酹奠) — имеются в виду не просто подношения, а особый ритуал с возлиянием вина.

холмов¹¹, а вослед этому стал на ночлег среди монахов в побочном ските¹². Днём наступившим в город отправился он по делам, уж свечерело, а всё не вернулся. Тут вдруг один молодой человек в покои явился визит нанести; глядит он, что книжника нету нигде, так шапку снимает — и шасть на постель, да прямо так в туфлях и навзничь залёг. Служители спрашивают, кто он такой, а он смежил очи и не отвечает. Когда же сам книжник вернулся назад, то в свете вечернем всё сделалось тусклым-неясным, не слишком-то что-нибудь и различишь. Он самолично подходит к кровати, того вопрошает, — тот, глаза вылупив, молвит:

— Я-то ведь, видишь, тут жду твоего господина; ты ж докучно допёк, наседая с вопросами, — право, неужто похож я на лютого гостя¹³?

Книжник с улыбкой ему:

— Так господин-то как раз пред тобою!

Молодой человек тут же вскочил, надел шапку¹⁴, приветственно сложил руки¹⁵ — и уселся. Стали болтать о жаре или стуже¹⁶ — вслу-

¹¹ Заросшие холмы (榛墟) — распространённая метафора безлюдной пустоши; здесь имеется в виду заброшенное кладбище.

¹² Побочный скит (下院) — отпочкование от большого монастыря, часто находившееся вдали от людных мест и представлявшее собою небольшое прибежище для живущих наособицу монахов.

¹³ Лютый гость (暴客) — стандартная книжная формула для обозначения злодея — убийцы, разбойника и пр.

¹⁴ Надел шапку (著冠) — показываться в общественном месте без шапки считалось в Старом Китае грубым нарушением этикета, и в древних текстах, говоря о крайней степени падения чьей-то нравственности, после описаний самых отчаянных безобразий со стороны охальника сообщалось, что он в конце концов ещё и потерял шапку, что выглядело последней каплей творимого бесстыдства. Фасон шапки в разные эпохи отличался; в самой глубокой древности это был лишь платок, покрывающий узел волос, собранный на темени.

¹⁵ Приветственно сложить руки (揖) — официальным приветствием в традиционном китайском этикете был поклон с особенно сложенными кистями рук; подробнее см. примеч. 7 к новелле 90 «Затаившийся дракон», *цзюань* 3.

¹⁶ Разговор о стуже и жаре (寒暄) — светская беседа о пустяках в Старом Китае. См. примеч. 15 к новелле 58 «Учёный муж из Фэнъяна», *цзюань* 2, том 1, и примечание 6 к новелле 113 «Лю Хай-ши», *цзюань* 3.

шался в голос его: как будто бы некогда были знакомы. Спешно кричит, чтоб огня принесли — а это земляк его, книжник Чжу, тоже погибший от невзгод из-за Юя Седьмого. В страхе великом — кругом да бежать, Чжу не пускает его, убеждая:

— Вас с вашим слугою покорным связуют изящной словесности узы, к чему же так дружество бедно ценить? Я ныне хоть правда и бес, но память о старом приятельстве нашем светла и чиста, не забылась. Коль днесь причинил вам какую обиду, то верить хочу, что презренье-опаска не тем рождены, что я гость замогильный.

Книжник садится тогда, да испрошает приказов¹⁷. Тот молвит:

— Племянница по материнской линии¹⁸ почтенного живёт одиноко, и пары ей нет. Слуга ваш мечтал бы навеститься главой для домашней стряпухи¹⁹; не раз через свах уговор заключали, да вечно, мол, нет уважаемых старших по роду, — тем и объясняла отказ. Так осчастливьте и не поскупились отдать похвале красноречье²⁰!

¹⁷ Испрошать приказов (請所命) — вежливая формула ведения беседы, аналог распространенной формулы: «Чем могу служить?»

¹⁸ Племянница по материнской линии (女甥) — родня в Китае традиционно делится на «клановую» (堂), идущую по отцовской линии, и «внешнюю» (外), идущую по материнской линии. Браки между «клановыми» родственниками запрещались вне зависимости от степени генеалогической отдалённости; браки между «внешними» родственниками разрешались даже между двоюродными братом и сестрой; поскольку в данном случае речь идёт о племяннице по «внешней» линии, родство с ней считалось хоть и близким, но непрямым.

¹⁹ Домашняя стряпуха (中饋) — парафраз на комментарий к «Книге перемен» (易經), гексаграмма 37 «Домашние» (家人), где поясняется женская доля как стряпня дома; «глава для домашней стряпухи», то есть муж для незамужней девушки, на роль которого Чжу предлагает себя самого. См. также примеч. 76 к новелле 132 «Ракшасский морской базар».

²⁰ Не поскупились отдать похвале красноречье (無惜齒牙余惠) — скрытая и слегка искажённая цитата из «Истории южных династий» (南史), цзюань 47, «Биографии», раздел 37, «Биография Се Тяо» (謝朓傳), где рассказывается о поэте Се Тяо (謝朓, 464–499 гг.), любившем восхвалять таланты тех, с кем встречался в жизни; так, убеждая друзей говорить лестно об одарённых молодых литераторах, он призывал «не скупиться отдать похвале красноречье», буквально — «[сточить]

А прежде так случилось, что была у книжника племянница по матери, рано «поддержки лишилась»²¹, к нему перешла на прокорм и уход, ну а пятнадцати лет в свою воротилась семью. Схватили когда и в Цзинань привезли, слышала, дескать, отец-то казнён, — от ужаса-скорби тут и опочила. Книжник речёт:

— Ведь есть же отец у неё у самой, чего же ко мне обращаться тогда?

А Чжу отвечает:

— Отца её гроб был племянником прочь увезён, разделили они погребенье, так что уж нынче и нет его здесь.

С вопросом:

— Племяннице кто-то нашёлся ли, чтобы могла опереться?

В ответ:

— С одной госпожою соседскою враз обитает.

А книжник робеет: живой человек не может служить замогильному жителю сводней. Чжу и говорит:

— Коль удостоюсь златым обещанием²², также к стопам из нефрита²³ склонюсь.

зубы в похвальбе», ведь эти таланты пока не достигли известности и не имеют стабильной репутации в кругах ценителей. Здесь Чжу, цитируя Се Тяо, просит друга поспособствовать за него сватовству племянницы, употребив для этого свой литературный дар.

²¹ Лишиться поддержки (失恃) — книжное выражение, означающее потерять мать. Восходит к цитате из «Книги песен» (詩經), раздел «Малые оды» (小雅), ода «Высока полынь» (蓼莪), где говорится, что при потере отца лишаешься опоры, при потере матери — поддержки.

²² Златое обещание (金諾) — намёк на историю с ханьским генералом Цзи Бу (季布), чьё обещание современники ценили больше, чем сто *цзиней* золота. Описывается в «Исторических записках» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145(135?)–86(85?) гг. до н. э.), *цзюань* 100, «Биографии» (列傳), раздел 40, «Биографии Цзи Бу и Лэ Бу» (季布樂布列傳). В обиходе выражение «золотое обещание» стало значить «ваше уважаемое нерушимое слово», превратившись в форму вежливости. См. также примеч. 4 к новелле 3 «Оживший труп», *цзюань* 1, том 1, и примеч. 17 к новелле 70 «А-бао», *цзюань* 2, том 1.

²³ Стопы из нефрита (玉趾) — обычно является метафорой изящной походки красавицы; в официальном диалоге так могут сказать о поступе уважаемого собеседника, что и сделано в тексте новеллы: «склоняясь

Вслед тому встал, книжника руку сжимает; книжник же — твёрдо в отказ, вопрошая:

— Куда мы идём?

В ответ же:

— Идёмте — и ладно!

Вот так и понудил с ним разом идти.

На север прошли где-то этак с версту — а там пребоольшая деревня-селенье, десятки иль сотня дворов, верно, будет. Достигли какого-то дома-жилища, Чжу в створку стучит — старушка возмись вот: тотчас же выходит да, настезь открыв обе створки дверные, у Чжу вопрошает, чего, мол. В ответ:

— Я вас потревожу уведомить барышню: дядюшка прибыл её.

Старушка тут вспять повернула, мгновением позже является снова, да книжника просит войти. На Чжу оглянувшись, речёт:

— Лачуга соломою крыта, на пару покоев, стеснённа чрезмерно; заботы добавится баричу, чтоб за воротами малость присел подождать.

Книжник за нею тут внутрь заходит, глядь: на *полму*²⁴ неухоженный двор в сорняках, да рядком разместились два малых строенья. Племянница прямо у двери встречает, рыдая со всхлипом, — тут книжник и сам зарыдал. В серёдке покоев от лампы огонь мерцает неярко; у барышни облик прелестен и чист, и, словно живая, уставилась пристально, слёзы смиряя, про тётушек сплошь учинила расспрос. А книжник в ответ:

— И вместе, и каждая — все без печали²⁵, а мой вот терновник²⁶ в былое ушёл, так-то вот!

к нефритовым стопам», Чжу говорит нечто вроде: «Побеспокою ваши бесценные ноги ходьбой», то есть попрошу отправиться куда-то пешком.

²⁴ *Полму* (半亩) — половина *му*, примерно 350 м².

²⁵ Без печали (無恙) — формула, идущая ещё от текста «Планов Борющихся царств» (戰國策), означающая «в добром здравии и благополучии».

²⁶ Терновник (荊人) — выражение означает «моя [недостойная] супруга» и является аллюзией на супругу ханьского поэта Лян Хуна (梁鴻), вместе с мужем ушедшую от света и ставшую отшельницей в горах; по преданию, она носила дерюжную юбку и шпильку из терновника. См. также примеч. 22 к новелле 47 «Прокурор Лу», *цзюань* 2, том 1.

Тут барышня всхлипнула снова да и говорит:

— Я в юные поры от дяди с супругой уход и опеку стяжала — так всё ещё ни на вершок воздаянья²⁷; негаданно первой меня схоронили в овраге-канаве²⁸, и паче от этого боль и досада. А в прошлом году старший брат из семьи отца увёз моего батюшку, а чтоб меня рядом — то даже о том и не вспомнил; на много сот вёрст от него в отдалении — мне сиро тут и одиноко, как ласточке осенью. Вы, дядюшка, вот не покрыли презреньем глубоко погрязшую душу, к тому ж удостоили даром — шелками и златом²⁹, и я получила уже эти ваши подарки.

Книжник тогда и поведал, что Чжу излагал; барышня голову свесила — и ни словечка. Старушка вещает:

— Некогда барич доверился матушке Ян — та три или пять раз сюда возвращалась; я же, старуха, считала, что это великое благо, только вот барышня не соглашалась — сама впопыхах, в небрежении вечно. Дядюшка прибыл управить дела — тут эти чаянья и утоленья достигнут!

²⁷ Воздаяние на вершок (寸報) — скрытая цитата из стихотворения танского поэта Мэн Цзяо (孟郊, 751–814 гг.) «Напев странника» (遊子吟), где говорится о матери, отправляющей сына в далёкое странствие и шьющей ему одежду, заботясь, чтобы хватило на долгий путь. «Кто скажет, что чувства травы, на вершок лишь отросшей, способны воздать за сиянье трёх месяцев вешних» — последние строчки стихотворения метафорически говорят, что неокрепшее чувство любви к родителям никак не сравнится с бесконечной любовью родителей к своим детям. Выражение «воздаяние [травы, высотой] с вершок» становится крылатым и обозначает любовь к тому, кто тебя взрастил и воспитал. Здесь героиня сетует, что даже своей слабосильной благодарностью не смогла отплатить за проявленную к ней милость и заботу.

²⁸ Схоронили в овраге-канаве (葬溝瀆) — намёк на пассаж из «Планов Борющихся царств» (戰國策), цзюань 21, «Планы Чжао, часть 4» (趙策四), где говорится, что после смерти человек не желал бы оказаться сваленным в овраг или канаву, то есть умереть в сирости, не удостоившись подобающего погребения. См. также примеч. 11 к новелле 120 «Громовой управитель», цзюань 3.

²⁹ Шелка и злато — имеются в виду «бумажные шелка», жертвенные подношения, которые совершил книжник, см. примеч. 9.

В пылу разговора девица — лет будет ей где-то семнадцать или восемнадцать — с прислужницей тёмноряженной³⁰ следуя, внезапно-нежданно заходит, лишь мельком взглянула на книжника — да и развернулась, намерившись скрыться. А барышня за полу тянет её, говоря:

— Не стоило б этак тебе! Ведь это же дядюшка мой, а не чужой человек.

Ей кланялся книжник учтиво, и дева тогда зарукавья оправила³¹ тоже. Племянница молвит:

— Девятая дева³² из рода Гунсуней, тех, что из уезда Цися. Там батюшка был именитого рода потомком; а ныне вот тоже она, словно перс обедневший³³, — одна-нелюдима, не так всё пошло, как хотелось. Лишь утром да к ночи³⁴ со мною — дитём вашим — знаться заходит.

За ней книжник тайно подметил: смеётся — бровь выгнет осенней луной, смутится — зардеет рассветной зарёй, и вправду создание небесное, верно! Да молвит:

— Известно дело — и точно из знатного рода! Жилища лачуги улиточной³⁵ разве смогла бы такую снискать красоту-утончённость?

³⁰ Тёмноряженная [прислужница] (青衣) — устойчивый литературный штамп: служанка в будничной тёмной одежде. См. примеч. 14 к новелле 70 «А-бао», *цзюань* 2, том 1.

³¹ Оправить зарукавья (斂衽) — то же, что и одёрнуть полы: совершить предписываемое этикетом церемониальное приветствие, перед которым полы одежды и рукава должны быть приведены в полный порядок. Чаше это выражение обозначает именно женское приветствие со сложенными рукавами, в которых спрятаны кисти рук. См. также примеч. 9 к новелле «Лянь-со», *цзюань* 3.

³² Девятая дева (九娘) — может восприниматься не только как указание на порядок появления в роду дочерей одного поколения, но и как говорящее имя: так иносказательно называют ночных бабочек.

³³ Перс обедневший (窮波斯) — персидские купцы традиционно торговали ювелирными украшениями, поэтому в старых китайских текстах часто выступают олицетворением большого богатства. «Обедневший перс», то есть тот, кто утратил своё бывшее финансовое могущество.

³⁴ Утром да к ночи (旦晚) — выражение, обозначающее появление изредка на короткий промежуток времени.

³⁵ Улиточная лачуга (蜗庐) — выражение из энциклопедического свода «Разъяснения о древнем и нынешнем» (古今注) цзиньского

Племянница же добавляет:

— К тому же она и великой учёности дама, стихи ли, напевы ли³⁶ — всё высочайших достоинств работы. В минувшем я малость вкушала её наставлений-уроков.

Девятая дева тут с лёгкой улыбкой вещает:

— Младая слуга ваша без оснований людей виноватит-порочит, — так верно, чтоб дядюшка, скажем так, зубы свои охладил³⁷!

Племянница тоже, смеясь, отвечает:

— У дядюшки лопнули струны³⁸, и нет продолжения. А что как, положим, такая младая девица — весьма ведь способна возрадовать мысли, не правда ль?

Девятая дева со смехом — стремглав прочь оттуда, сказавши:

— Слуга ваша крепко макушкой тронуться, верно, достигла!

И вслед тому скрылась. Речёное хоть и клонилось на шутку, а вышло, что книжник вельми к деве чувством-влеченьем проникся. Племянница будто бы это тайком уловила да и говорит:

— Девятая дева красой и талантом ни с кем не сравнится, а дядюшка, коли в стремленьях не станет гнушаться её, дескать, гниль земляная³⁹, то детище ваше у мамы взялось бы посватать её.

эрудита Цуй Бао (崔豹, IV в.), где в разделе «Рыбы и насекомые» (魚蟲) говорится, что дикие люди строят круглые жилища, подобные улиточной раковине. Впоследствии выражение «улиточная лачуга» стало обозначением хижин самого последнего разбора, в которых ютятся уже и вовсе подонки общества.

³⁶ Стихи и напевы (詩詞) — здесь: имеются в виду классические жанры китайской поэзии: [уставные] стихотворения *ши* и [написанные на мелодии, разномерные] стихотворения *цы*.

³⁷ Охладить зубы (齒冷) — усмехнуться с презрением, брезгливостью. Выражение восходит к цитате из «Истории южных династий» (南史), *цзюань* 73, «Биографии», раздел 63, «Биография Юэ Юя» (樂預傳).

³⁸ Лопнули струны (斷弦) — расхожая метафора вдовства. Традиционно супруги уподоблялись струнным инструментам *циню* и *сэ*, цитре и гуслям, поэтому утрата второй половины называлась «обрывом струн».

³⁹ Гниль земляная (糞壤) — цитата из письма великого поэта Цао Пи (曹丕, 187–226 гг.) поэту У Чжи (吳質, 177–230 гг.), где он рассуждает

В большом ликовании книжник, да всё же робеет, что бес с человеком не может быть парой, а барышня молвит:

— Помехи тут нет! Она с вами, дядюшка, давнюю прошлой судьбиной⁴⁰ союза.

Уж книжник и прочь устремился; его провожая, вот барышня учит:

— Пяток дней минует, — а после луна прояснится, и люди затихнут⁴¹ — тогда и пришлю человека, чтоб вас повидаться привёл.

Как книжнику тут выходить за ворота — а Чжу и не видно нигде. Главу приподнявши, на запад воззрися — луна затаила пол светлого круга, но в гуще тех сумерек жёлтых, как будто узнал он и прежнюю тропку. И глядь — вон по южному краю строение стало, и Чжу прямо там восседает на камне воротном⁴², поднявшись навстречу, речёт:

— Я вас ожидаю уж долго весьма, прошу утрудиться — лачугу худую визитом почтить!

Да так рука об руку-то и вошёл, обильно-взахлёб благодарность являя. Вот кубок из золота он достаёт, да *цзиньского* жемчуга⁴³ сотню числом, говоря:

о наследии покойных литераторов и говорит, что слова их снова звучат в этом мире, хотя имена давно внесены в списки замогильных видений, а тела превратились в земляную гниль.

⁴⁰ Прошлой судьбиной (夙分) — то есть судьбой прошлых рождений.

⁴¹ Луна прояснится, и люди затихнут (月明人靜) — несколько переделанное крылатое выражение «ветер стих, и луна прояснилась», то есть среди ночной тиши.

⁴² Воротный камень (門石) — то же, что воротный столбик (門墩), специальный парный каменный ограничитель, которые ставили по обеим сторонам створок с целью не допустить удара створки об угол проёма. Делались различных форм, но всегда довольно крупными и заметными; статус жилища, профессиональная деятельность и пр. диктовали ту или иную форму и размер воротного камня.

⁴³ Цзиньский жемчуг (晉珠) — ювелирные бусины, сработанные *шань-сийскими* мастерами; своей красотой славились с древности, особенно ценились работы *хошаньских* ювелиров.

— Других не имея богатых безделиц, хоть как-то восполню я птичьи дары⁴⁴!

Потом ещё вот что сказал:

— В доме найдётся лишь мутное пойло — только могильному склепу такое пристало, но не годится, чтоб потчевать важного гостя, как же тут быть!?

Книжник с почтением чинным — да и восвояси; Чжу провожал его аж до середины пути, тогда лишь расстались.

Книжник вернулся; слуги, монахи — все разом со спросом. Книжник, таясь, им на то отвечает:

— Про беса сказал я — так это нелепица, вот что! Случилось — отправился в гости я к другу, чтоб выпить, и только!

Вот, как пять дней миновало, глядь — а ведь Чжу-то и вправду явился, в справной обуви, да веером машет, мыслями счастлив-доволен весьма. Только во внутренний дворик вступив, пыль лишь завидел — и сразу поклон⁴⁵. Позже немного со смехом речёт:

— Ваше счастливое таинство⁴⁶ уж подготовлено, празднество вечером нынче случится; тем озабочу вас: благоволите ступить!

Книжник ему:

— Так как ответа мне не сообщили, я всё ещё и даров⁴⁷ не отправил, как же тут сразу чинить ритуал?

⁴⁴ Птичьи дары (禽儀) — ритуальный подарок, подносимый при помолвке. В древности в качестве такого дара выступал гусь, отсюда впоследствии подобные подношения получают именование «птичьих даров».

⁴⁵ Пыль лишь завидел — и сразу поклон (望塵即拜) — намёк на запись из «Истории Цзинь» (晉書), цзюань 55, «Биографии» (列傳), раздел 25, «Биография Пань Юэ» (潘嶽傳), в которой говорится о поэте и придворном Пань Юэ (潘嶽, 247–300 гг.) и его окружении, искавших покровительства у знатных и сильных и начинавших класть поклоны, лишь вдали покажется пыль от приближающегося экипажа возможного покровителя. Впоследствии выражение становится как метафорой заискивания перед властью имущими, так и образным описанием встречи кого-либо со всем возможным почётом.

⁴⁶ Счастливое таинство (嘉禮) — бракосочетание.

⁴⁷ Отправить дары (致聘) — здесь имеются в виду ритуальные подношения при помолвке.

Чжу говорит:

— Слуга ваш покорный уже всё отправил за вас!

Книжник был чувствами тронут глубоко, следом за ним сообщая и пошёл. Только достигли покойного крова⁴⁸ — племянница тут же в цветистом уборе с улыбкой навстречу выходит. Книжник с вопросом:

— Когда в мужнин дом перебраться успела?

Чжу отвечает⁴⁹:

— Да уж три дня как тому!

Книжник тут вынул жемчужины, те, что ему подарили, чтобы племяннице были приданым. Барышня, трижды отрекшись, лишь после взяла. Книжнику и говорит:

— Ваше дитя, как задумывал дядюшка, всё изложила подробно почтенной Гуньсунь-госпоже; и госпожа оттого в пребольшое пришла ликование. Но говорит, что-де в ветхости древней нету другой, скажем, плоти с костями⁵⁰, и не хотела б Девятую деву далече просватать, а ожидает, что нынешней ночью дядюшка в дом к ней как зять переехать изволит; в доме её никого из мужчин-то и нету, стало быть, можно туда с благоверным отправиться разом!

И Чжу тогда провожатым пошёл. Деревня вот-вот уже кончится — а в доме одном нараспашку ворота, — тут оба они поднялись прямо в главную залу. Да вдруг объявляют:

— Почтенная выйдет сейчас госпожа!

И две в тёмном платье⁵¹, взяв матушку под руки, вверх помогают взойти по ступеням.

Книжник хотел было кланяться в ноги, да госпожа говорит:

⁴⁸ Покойный кров (臥所) — так здесь называют жилище Чжу.

⁴⁹ Чжу отвечает... — в некоторых вариантах текста на этот вопрос отвечает сама племянница.

⁵⁰ Плоть и кости (骨肉) — метафора для кровного родства, близких людей.

⁵¹ Две в тёмном платье — две тёмноряженных, служанки в одежде тёмных тонов. См. примеч. 30.

— Ветха́ и стара, как лунчжунский бамбук⁵², уже не способна вершить ритуалы, так что отбросим, так скажем, кайму полотна⁵³.

И тёмноряженным тут указывает перстом — ставить вино для высокого пира. Чжу созывает тогда тех, кто в доме прислугой, — закусок опричь принести перемены; всё перед книжником ставят рядами. Да и к тому ж помещают ещё одну ёмкость, чтобы гостей обносить круговую. Что на застолье из яств подавалось, не отличалось от мира людского, только хозяева сами себе веселились, особо не потчуя, не поднося.

Вот подошло к завершению застолье, Чжу удалился; те, в тёмных платьях, книжника прочь повели, в спальню заходят — а там уж Девятая дева ждёт терпеливо с цветными свечами⁵⁴. Сошлись ненароком⁵⁵, объаты любовью, с предельным и высшим восторгом слиянья.

А в прошлом деву Девятую с матушкой вместе решили под стражей отправить в столицу; как прибыли в область⁵⁶, то матушка, тягот-страданий не сдюжив, из жизни ушла; Девятая дева себе тоже взрезала горло. Вот так на подушке делилась, припомнив былые дела, слезами давясь и никак задремать не сподобясь. Да устно к тому же сложила два четверостишья, гласивших:

⁵² Лунчжунский бамбук (龍鍾) — вид пятнистого бамбука, служащий распространённой метафорой старческой немощи, поскольку окрасом напоминает старческие пятна на коже. См. примеч. 14 к новелле 49 «Не Сяо-цянь», *цзюань* 2, том 1.

⁵³ Кайма полотна (邊幅) — распространённая метафора внешнего вида, благопристойности, декорума. В основе её лежит выражение «носить одежду из полотна с незаделанной каймой», то есть выглядеть небрежно, не придавая значения внешнему лоску и нарушая, таким образом, этикет.

⁵⁴ Цветные свечи (華燭) — особые свечи для брачной церемонии.

⁵⁵ Сошлись ненароком (邂逅) — цитата из «Книги песен» (詩經), раздел «Нравы царств» (國風), «Песни княжества Тан» (唐風), песня «Шёлком вью» (綢繆), где описывается взаимная крепкая любовь, возникающая, когда молодые люди негаданно встретились.

⁵⁶ Область (郡) — здесь имеется в виду областной центр, а именно Цзинань.

Шёлк на одежде ушедших дней весь превратился в прах;
 Всуе — за кармы отплаты⁵⁷ о прошлых рожденьях тужить в сердцах.
 Десять лет холодила росой луна средь кленового леса⁵⁸,
 А нынешней ночью впервой показалась весна в расписных теремах⁵⁹.
 Ветер с дождём средь осин белизны над хólмом забытым тяжёл.
 Кто б думал, что в Солнечной башне опять час игрища в тучку
 пришёл⁶⁰!

Коли открыть вдруг чеканного золота ларь, да взглянуть, что
 внутри, —

Кровью сыроу, как прежде, испачкан юбок изношенный шёлк.

Небо вот-вот рассветёт — так ну торопить, говоря:

— Вам надлежало б на время уйти, чтоб не пугать челядинцев
 да слуг.

С этих вот пор: что день — появлялся, что ночь — уходил, влече-
 нье и страсть до пределов достигли.

Вечером как-то у девы Девятой спросил:

— Как называется эта деревня?

В ответ же:

— Зовётся Селенье Лай-Ся. В нашем селении много недавно
 почивших из этих двух мест⁶¹, вот потому его так и назвали.

⁵⁷ Отплаты кармы (業果) — кармическое воздаяние, последствия поступков, совершённых в прошлом, в том числе в прошлых рожденьях.

⁵⁸ Кленовый лес (楓林) — распространённый в поэзии символ осени, а значит, угасания и смерти.

⁵⁹ Расписные терема (畫閣) — распространённый символ роскоши и полноты жизни.

⁶⁰ Игрище в тучку (作雲) — как и упомянутая в строке Солнечная башня (陽臺) — намёк на оду Сун Юя (宋玉, ~290–223 гг. до н. э.) «Гаотан» (高唐賦), в которой говорится об одном из древних царей, во сне снискавшем любовь небожительницы. Та, по её словам, поднимаясь к вершине хребта, обращалась тучкой, а спускаясь к подножию, проливалась дождём. Впоследствии выражение становится одним из самых популярных эвфемизмов телесной близости. См. также примеч. 24 к новелле 58 «Учёный муж из Фэнъяна», *цзяоань* 2, том 1.

⁶¹ Из этих двух мест — то есть из Лай[яна и Ци]ся; см. примеч. 2.

Книжник, услышав, что сказано, всхлипнул «си-сю». Дева ж вещает печально:

— Дух женский в тысяче вёрст от родных — сорняк перекатный, пристать неспособный; с матушкой обе мы сиры-бездомны, о том говорить — сеять скорбь-сожаленье. Чаю, что вспомните вечером как-то про верность-любовь, кости мои соберёте и дома схороните подле гробниц, — на сто веков это даст мне прибежище, чтобы прилечь-притулиться, в смерти тому никогда не исцahnуть.

Книжник на то согласился. Девушка молвит:

— Путь у людей и у бесов различен, вам бы не стоило здесь оставаться надолго.

Книжнику тут подарила шёлковых пару носков, слёзы смахнула, торопит расстаться. Книжник, весь скорбью объятый, выходит оттуда, в горе-тоске, словно жизни лишился. Сердцем подавлен-уныл, и домой возвращаться не в силах. Да и направился, дабы в пристанище Чжу постучаться в ворота. Чжу тут же вышел без обуви гостю навстречу, да и племянница встала — тучи височные⁶² сбиты-вздохмачены, в страхе явилась, чтоб порасспросить. Книжник в тоске и печали чрез малое время девы Девятой речения им изложил. Барышня ж вот что:

— Тётушка⁶³ этого не говорила, но ваше чадо сама днём и ночью о том размышляла. Здесь всё же не человеческий мир, длительно тут пребывать-то воистину не надлежало б.

Да после этого друг против друга ударились в слёзы. Книжник в черёд свой, смиряя рыдания, с ними простился. В обитель стучится: вернулся — и спать, в постели ворочался ночь до утра. Желал разыскать было, где же та девы Девятой могила, да позабыл расспросить, что за надпись на камне. Ночь наступила, отправился вновь — там тысячи хóлмов надгробных в избытке обильном, негаданно и потерял он к селенью дорогу, в досаде вздохнул лишь да и воротился. Из шёлка носки развернул посмотреть, лишь ветер

⁶² Тучи височные (雲鬢) — метафора взбитых локонов на висках красавицы.

⁶³ Тётушка (妯) — здесь племянница называет Девятую деву тётушкой, поскольку она официально стала супругой дяди по материнской линии.

подул — и на части распались, истлевшие, будто бы пепел-зола. Тогда уложил он одежду и отбыл к востоку.

Полгода минуло, а он всё не в силах себя отпустить; повторно тогда прибывает к Цзимэню⁶⁴, надеясь, что, может, там встреча случится. Достигнул-добрался до южных предместий, а время по солнцу уже свечерело. Коня привязав во дворе у деревьев, спешит он наведать скопление общих могил. Только глядит: могилы погоста по тысячам сходятся, теряется глаз в сорняковых чащобах, бесовские сполохи⁶⁵, зыки лисячьи испуг нагоняют на думы и зреньё⁶⁶. В печали и страхе вернулся к жилищу. Утратив решимость, блуждал да слонялся, подал вспять поводья и отбыл к востоку. Проехал версту или около — да издали видит какая-то дева идёт одиноко промежду могильных холмов. Манерой и черт глубиной благородной походит весьма на Девятую деву. Плёткой разыграл да, подъехав, взглянул — точно Девятая дева. С лошади спрыгнул, хотел говорить — дева негаданно прочь, словно бы с ним не знакома нимало. Снова вдогонку, приблизился к ней — в облике гнев её виден, взяла рукав, ими себя заслоняя. Топнувши, крикнул: «Девятая дева!» — канула тут же она и исчезла совсем.

Автор этих строк заметит:

Травы пахучие⁶⁷ в Ло погрузились⁶⁸ — кровь переполнила думы в груди; в Восточные горы надели

⁶⁴ Цзимэнь (稷門) — то же, что Цзися, см. примеч. 8.

⁶⁵ Бесовские сполохи (鬼火) — блуждающие огоньки на могилах.

⁶⁶ Думы и зреньё (心目) — воображаемое и видимое, постигаемое сердцем и глазом.

⁶⁷ Травы пахучие (香草) — здесь: намёк на произведения великого древнего поэта-патриота Цюй Юаня (屈原, ~340–278 гг. до н. э.), где этот образ часто выступает метафорой личностных качеств достойного мужа.

⁶⁸ В Ло погрузились (沉羅) — имеется в виду самоубийство Цюй Юаня, по легенде совершившееся на реке Мило[цзян] (汨羅江) на территории современной провинции Хунань. Причиной стало завоевание

подвеску⁶⁹ — и брызнули слёзы на ил и песок. Были в древности почтительные сыновья и преданные чиновники, которых до самой смерти не поняли правители и отцы. Девятая дева Гунсунь неужто из-за поручения перенести её бранные останки с обидой-враждою непреодолимой так в сердце своём и освоилась, а? Снасть меж селезёнкою и диафрагмой⁷⁰ нельзя ухватить, чтоб другому кому на показ предоставить, напрасно обидела, да!

родины поэта — царства Чу, к чему привело нежелание властителя прислушаться к советам Цюй Юаня. Впоследствии самоубийство в водах Мило стало символом гибели истинного патриота, неспособного принять порабощение своей родины врагами.

⁶⁹ Надели подвеску (佩玦) — здесь имеется в виду брелок-полукольцо *цзюэ*, в древности привешивавшийся к поясу. В тексте скрытая цитата из «Цзо чжуаня» (左傳), *цзюань* 11, «Второй год Минь-гуна» (閔公二年), где говорится о наследнике цзиньского трона Шэнь Шэне (申生, VII в. до н. э.), оклеветанном второй женой правителя. Отправляя сына напасть на *дунианей* в Восточных горах, правитель облачил его в «половинное платье» (偏衣), то есть в особую одежду, полагавшуюся официально посылаемым представителям трона: одна половина повторяла облачение князя, а вторая была такой, как и положено по рангу посланнику; также Шэнь Шэну к поясу привесили золотой подвес *цзюэ*. Впоследствии клевета на Шэнь Шэна не прекратилась, но он, не решившись разоблачить козни второй жены князя и тем причинить своему отцу душевные страдания, предпочёл, не возвращаясь ко двору, покончить с собой. Об этом говорится также в «Исторических записках» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145(135?)–86(85?) гг. до н. э.), *цзюань* 39, «Описания владетельных родов» (世家), часть 9, «Описание дома Цзинь» (晉世家).

⁷⁰ Снасть меж селезёнкою и диафрагмой (脾膈間物) — несмотря на несоответствие в плане анатомии, в данном случае имеется в виду сердце, средоточие мыслей.

137.
СВЕРЧОК¹
促織

В годы Сюань-дэ² при дворе весьма ценили сверчковую потеху³, что ни год — промеж незнатных реквизировали сверчков, и были те твари, вестимо, не на западе⁴ рождены. Сыскался хуайньский⁵ *лин*⁶, большим чинам хотел потрафить — поднёс такого одного; на пробу запустили в битву — талант! Вменили тогда подносить регулярно. *Лин* ту обязанность сложил на сельских старост.

Городские, скажем так, кавалерчики⁷, добудут удачного — растят его в клетке, задерут на него цену, придержат, чтоб сделался редким

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Сюань-дэ (宣德) — «Провозглашение добродетели» — девиз правления минского императора Сюань-цзуна (宣宗, 1399–1435 гг.); годы правления Сюань-дэ — 1426–1435.

³ Сверчковая потеха (促織之戲) — сверчковые бои.

⁴ На западе — в данном случае имеется в виду провинция Шэньси.

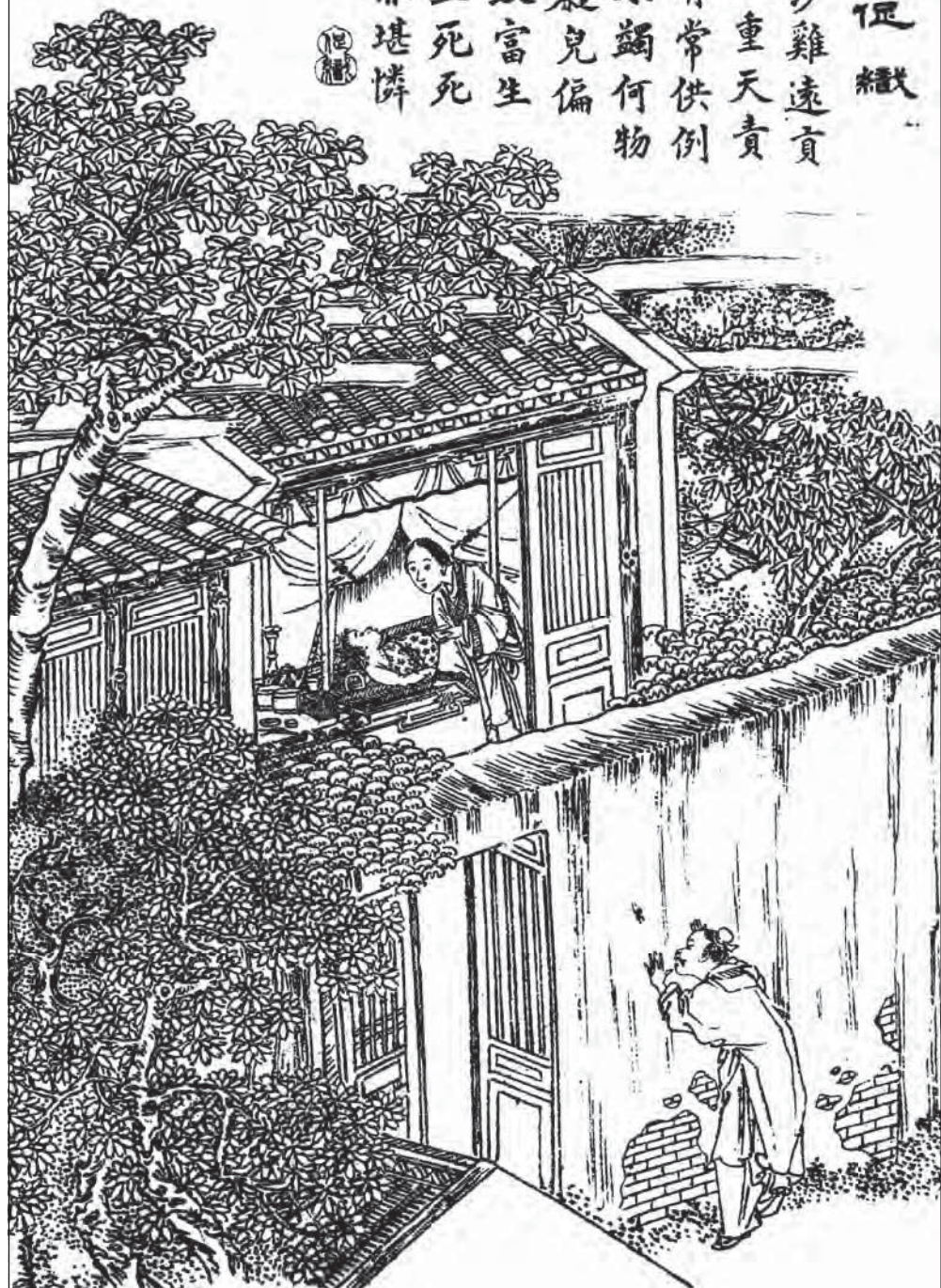
⁵ Хуайнь (華陰) — название уезда на территории провинции Шэньси.

⁶ *Лин* (令) — здесь: уездный начальник.

⁷ Кавалерчики (遊俠兒) — буквально «странствующие рыцарьки», праздные городские бездельники, не занятые ничем путным и прожигающие жизнь; своего рода пародия на ведущих привольную жизнь странствующих воинов прошлого, стремившихся отстаивать идеалы справедливости.

促織

莎雞遠貢
九重天貢
有常供例
不蠲何物
癡兒偏
致富生
生死死
亦堪憐

товаром. А сельские старосты ушлы-коварны: облыжно принудят собрать ото ртов да трудильцев⁸, вменяя, чтоб каждый нёс по одному, да тут и развалят у многих семей всё-то их состоянье.

А имелся в уезде один такой Чэн Мин, одолевал, так назовём, он отрочью стезю⁹, и долго без успеха. Нутром непрактичен и косноязычен — ну так чин лукавый и определил его к службе: чтоб старостой сельским по должности был. Сотнею способов планы выстраивал — а вот никак не отлынишь; год не истёк ещё полный — а все пожитки нехитрые в корень иссякли. Да и случись тут сверчковый побор; Чэн не решился вытягивать всё из дворов да насельцев¹⁰, но и, опять же, ведь не было чем возместить-оплатить; в грусти-унынии смерти желает. Жена говорит:

— В смерти какая уж выгода-польза?! Не лучше ль будет пойти самому посмотреть-поискать, надежда же есть маломальская, что раздобыть ухитришься?

Чэн расценил, что всё так. С утра уходил, ввечеру возвращался, таская сосуд из бамбука да клетку из медной сутуги. У сломанных стен или в зарослях трав непролазных упорно искался в камнях да раскапывал норы, таких нет задумок, чтоб не применил, а пользы всё так же не видно. Хотя и сумел отловить где-то трёх или двух, да хилых каких-то и слабых, тех, что не пойдут под искомый фасон. Начальство сурово урезало сроки взиманья — в декаду с лихвой батогов уж до ста набралось, промежду двух бёдер от этого гной вместе с кровью сочится-стекает, а даже букашки и то невозможно никак должным ладом поймать. Ворочался всё с боку на бок в постели, единственно мысля покончить с собой.

⁸ Трудильцы и рты (丁口) — податное население. Трудильцы (丁) — трудообязанные взрослые мужчины, рты (口) — женщины, дети, иждивенцы.

⁹ Отрочья стезя (童子業) — приготовление к экзаменам первой ступени в системе *кэцзюй*, подготовка к испытаниям на *сюцяя*. Те, кто ещё не сдал экзамен на *сюцяя*, назывались в Старом Китае «отроками» (童子).

¹⁰ Дворы да насельцы (戶口) — то есть домохозяйства и население подконтрольной местности.

А в это же время в деревню явилась с горбатой спиною одна ворожея, что может гадать при содействии духов. Вот Чэна жена, понабрав капиталов, явилась с вопросом и видит, что красные девы, старухи седые забили-заполнили двери да двор. Заходит к колдунье в покои — там тайный предел занавешен какою-то шторой, у шторы снаружи там стол для курений пристроен. С вопросом пришедшие жгут благовонья в сосуде треногом¹¹, кладут два поклона; колдунья же сбоку, смотря в пустоту, моления за них возглашает: так губы свои то сведёт, то раздвинет, — понять невозможно, что там за слова, а каждый и всякий стоит, обмирая, пытаюсь расслышать. Немного проходит — из-за занавески бросают наружу бумажный листок, и в нём разъяснение как раз того дела, что в мыслях имелось; ни на волосок там ошибки не будет. И Чэна жена, положив свои деньги на этот вот столик, сжигала и кланялась, как пред ней поступали. Через срок, чтоб поесть¹², занавеска качнулась — бумажный листок, что был брошен, упал. Его подняла и вгляделась — не письма вовсе там, а картина; в центре палаты да залы рисованы, что-то навроде кумирни¹³, сзади же под небольшою горой камни чудные лежат в беспорядке, иглы

¹¹ Треногий сосуд (鼎) — *дин*, один из видов наиболее древней магической утвари, применявшейся для подношений высшим силам. Представляет собой котёл на трёх литых подпорках. Согласно легенде, древний мифический правитель — Жёлтый император — перед тем, как подняться на небо, отлил магические треножники и оставил их людям. Из-за желания обладать наиболее сильными и намоленными треножниками во время эпохи Борющихся царств могли начинаться войны. В государственном ритуале подношения Небу совершались императором именно на сосудах *дин*. Здесь колдунья делает духам подношения также на треножниках, значит, она обращается именно к высшим могущественным божествам.

¹² Срок, чтоб поесть (食頃) — то же, что срок, чтобы потрапезничать, — короткое время. См. примеч. 27 к новелле 73 «Чжан Чэн», *цзюань* 2, том 1, примечание 37 к новелле 104 «Лянь-чэн», *цзюань* 3.

¹³ Кумирня (蘭若) — в тексте употребляется транскрипция санскритского понятия «араньяка»; см. примеч. 6 к новелле 3 «Оживший труп», *цзюань* 1, том 1. Судя по дальнейшему изложению событий, имеется в виду не лесной скит, а большой храм со многими павильонами, но Пу Сун-лин всё равно называет его кумирней.

топорщит терновника гуща, клубень лазурный¹⁴ как раз среди них притаился. Рядом какая-то жаба, словно б намерилась прыгать-плясать.

Вгядевшись-задумавшись, так и не может постичь; однако же, видя, что есть там сверчок, — в согласии тайном с секретом душевным — сложивши, листок прибрала; домой устремилась, показывать Чэну. Чэнь снова-наново сам себе так размышляет: «Не то ли здесь, что меня наставляют о месте, где можно козявку поймать?» Подробно всмотрелся в обличье пейзажа: к востоку идти от деревни — там будет храм Будды Большого, вот очень подобен-похож! Он тогда силою встал, опираясь на посох, взявши рисунок, наведалься по-за святыню. Старые холмы¹⁵ там есть — выникают чащобой, теми холмами-то он и пошёл. Видит: усажены камни подобно чешуйкам¹⁶, в точности сходно с тем, как на рисунке. Вот он тогда среди самых бурьяновых зарослей, слушая чутко, ступает небыстро, словно б зерно да иголку¹⁷ искал; сёрдца, и глаза, и уха усилия истощены все уже до предела,

¹⁴ Лазурный клубень (青麻頭) — название самого лучшего вида сверчков; в минском «Очерке столичных зарисовок» (帝京景物略), составленном литератором и придворным деятелем Лю Туном (劉侗, 1593–1636 гг.), приводится градация качества сверчков; самые лучшие — лазурные, после чего идут жёлтые, затем красные, затем чёрные и, наконец, белые, самый низший класс.

¹⁵ Холмы (陵) — имеются в виду могильные курганы.

¹⁶ Подобно чешуйкам (鱗) — этот образ в классической китайской литературе означает либо предельную скученность, напоминающую расположенные внахлест чешуйки на рыбьей коже, либо сверкание отражённых лучей, подобное искрящейся на солнце чешуе. Очевидно, Пу Сун-лин использует здесь оба эти значения.

¹⁷ Иголка и горчичное [зерно] (針芥) — сложный образ из классической литературной традиции Китая, в строгом смысле означающий что-то очень маленькое и труднонаходимое. Сложность обусловлена содержащимися в образе коннотациями: во-первых, игла, притягиваемая магнитом, и зёрнышко, притягиваемое янтарём, связаны с идеей взаимного влечения, поэтому уподобление игле и горчичному зерну вызывает ассоциации с крепким и гармоничным союзом (針芥之合), чем-то очень притягательным, желанным. Во-вторых, это восходящий к текстам «Махапаринирвана-сутры» (涅槃經) буддийский символ невероятной редкости: как труднодостижимо падение горчичного зерна на острие иглы, так редко и появление Будды в мире.

а нет никаких ни следа и ни отзвука. Шарить в потёмках ещё не закончил — жаба с паршой, усыпавшей голову¹⁸, тут вдруг скачками куда-то стремится. Чэн ещё больше опешил, срочно подался за нею. Жаба шмыгнула среди зарослей трав; следом их тихо раздвинул искательно, видит — а есть там жучок, к корню терновника никнет. Тотчас рванулся к нему — тот схоронился в щели среди камней. Поворошил там верхушкой травинки — не вылезает. Водой оросил из баклаги бамбуковой — только тогда появился. Видом предельно красив и силён. За ним вслед подался да и отловил, вгляделся подробно: могучее тулово, хвост протяжён, лазурная шейка, злачёные крылья. Зело взликовал да и в клетке принёс, семья вся сошлась праздновать-поздравлять, как если бы то оказался диск нефритный ценою в череду городов¹⁹ — не иначе! Вот в таз поселили тогда да и кормят находку — всё крабовой белью, каштановой желтью²⁰, предельною мерой хранят и лелеют, ждут: как придёт установленный срок, — он то, чем погасят пред властными долг.

Был у Чэна сын девяти лет, подметил, что батюшка нынче не дома, — украдкою таз и открыл. Жук тут же бросился-прыгнул — да вот и снаружи, резво так, что невозможно схватить. Когда тот рванулся и в руку поймал — нету стегна уж, утроба распорота, в то же мгновенье жук и околел. Мальчик в испуге, рыдая, поведал всё матери. Мать услышала о том — лицо посерело тотчас, как у мёртвой, ругательски сына ругает:

¹⁸ Жаба с паршой на голове (癩頭蟆) — стандартное именование крупных жаб с бородавчатыми выростами на голове и теле.

¹⁹ Нефритный диск ценою в череду городов (連城拱璧) — буквально кольцообразная подвеска, величиною в обхват и стоимостью в череду городов, намёк на эпизод из истории Борющихся царств, когда правитель Цинь предлагал в обмен на драгоценный нефритовый диск пятнадцать собственных городов (см. примеч. 8 к новелле 104 «Лянь-чэн», *цзюань* 3) и на упоминающийся в «Цзо чжуане» (左傳), *цзюань* 38, «Двадцать восьмой год Сян-гуна» (襄公二十八年), «нефритовый диск, размером в обхват».

²⁰ Крабовая бель и каштановая желть (蟹白栗黃) — самое нежное мясо краба и самые спелые ядра каштана, наиболее изысканный рацион для сверчка.

— Лиха проросток²¹, вот и погибель твоя подросла! Родитель вернётся — собственноручно с тобою он посчитается, да!

Мальчик в слезах тут направился прочь. Чуть погода возвращается Чэн, слышит жены сообщение — словно бы снегом да льдом замело; в ярости требует сына — с сыном же всё непонятно, и неизвестно, куда запропал. Вскоре затем отыскали тело их сына в колодце, — вот гнев тогда-то уже и переменили на скорбь, бьются-стенают чуть не до смерти. Оба супруга к углам отвернулись²², в лачуге убогой не слышится дыма²³, напротив друг друга в молчании сидят, нет больше, на что уповать-опираться.

День обращается к ночи — Чэн сына решил кое-как схоронить. Приблизился, тела коснулся — дыхание, пусть еле слышное, есть. Ликуя, тут сына кладут на кушетку, и где-то к полночи он вновь оживает, супругам на сердце становится чуть поспокойней. Однако же клетка сверчковая так и пуста²⁴, лишь взглянет разок на неё — дыханье прервёт, да и голос проглотит, но также ведь и не осмелится счёты с сынишкой сводить. С сумерек са-

²¹ Лиха проросток (業根) — в буквальном смысле «корень [дурной] кармы», то есть несчастливого предопределения вещей как расплаты за прошлые грехи. Сам термин берёт начало в буддийской терминологии, но впоследствии становится расхожим и употребляется как элемент высоколитературной брани.

²² Отвернуться к углу (向隅) — скрытая цитата из «Шо юаня» («Сада историй», 說苑), сборника исторических зарисовок, составленного Лю Сяном (劉向, 77–6 гг. до н. э.), где рассказывается, что, когда как-то собрался полный зал пирующих, и только один отвернулся к углу и заплакал, — всем в зале тут же стало невесело. Впоследствии эта история была изложена в «Фу об органчике шэн» (笙賦) Пань Юэ (潘岳, 247–300 гг.): «Скопом заполнивши зал, вместе вино возливают, Один лишь к углу отвернулся, горькие слёзы скрывая». Выражение становится распространённой метафорой одиночества и безысходности, потери надежд.

²³ В лачуге убогой не слышится дыма (茅舍無煙) — в крытой соломой хижине не разводят огонь для готовки пищи, то есть прервалась жизнь. Это выражение из новеллы Пу Сун-лина становится крылатым.

²⁴ Перед этими словами в Цинкэтинском собрании новелл Пу Сун-лина говорится: «Однако сыновние силы и дух свернулись к безмыслию; дыхание слабо, и мысли почили».

мых и вплоть до рассвета веки очей не смежает отнюдь. Зорька восточная уж запрягает²⁵ — мёртво лежит он в великой печали. Слышит негаданно: там за воротами стрёкот жучка. В смятении вскочил, чтоб тайком поглядеть. Жук же и в точности всё ещё здесь, не уходит; возликовал и тотчас его хватить! Тот — стрекотать да немедля и прочь ускакал, а поспешает к тому же преходко. Вот получилось ладонью накрыть — пусто под ней, будто нет ничего там. Только приподнял ладонь — тут же опять жук стремительно взмыл да и вскачь подался. Спешно вдогонку за ним; вот, завернувши за угол стены, тот и пропал, а куда — неизвестно. Вперёд да обратно: Чэн в стороны смотрит, глядь — а жучок притаился на самой стене. Детально его оглядел: короток-мал, чёрно-червонный окрасом, вовсе не тот, каким был предыдущий. Чэн оттого, что размерами мал, им погнушался. Только в раздумьях-сомненьях глядит, озираясь, ищет того, за кем гнался сюда, — мелкий жучок, что сидел на стене, прыгнул вдруг и приземлился прямо в полу рукава. Его обсмотрел — статью своею подобен медведке, крылья как сливовый цвет²⁶, череп квадратный, длинная шея; подумал, что вроде неплох. Духом воспрял да и принял его, решил поднести в государев приказ. Вот только в тревоге и страхе, что тот не придётся по вкусу, задумал обнову в бою испытать, чтобы к нему приглядеться.

А в деревне один юнец-приставала дрессировал тоже сверчка, сам называл его «Крабьего Панциря Синь», что ни день — мерился схватками с детками-братьями²⁷, — нет, чтоб кого не сразил. Желал придержать его около, дабы наживу собрать, да высоко ему цену

²⁵ Запрягать (駕) — намёк на разъяснение к книге «Хуайнань-цзы» (淮南子), в котором утверждалось, что солнце ездит на повозке, запряжённой шестёркой драконов.

²⁶ Крылья как сливовый цвет (梅花翅) — сверчок этого окраса также упоминается как один из подвигов благородных сверчков в Китае.

²⁷ Детки-братья (子弟) — молодёжь; как правило, выражение употребляется по отношению к сыновьям и младшим братьям богатых и именитых, так что словосочетание может носить коннотацию «золотая молодёжь».

задрал — и не нашлось, кто купил бы его. Прямо явился²⁸ к лачуге, чтоб Чэна проведать, видит, кого Чэн теперь взялся холить, рукою прикрывшись от хохота-смеха, — ан прыснул. И вынимает жука своего, сажает его в клетку для состязаний²⁹. Чэн поглядел на того — огромен размером, высок-впечатляющ, — да сам преисполнился срама-стыда и не решается с ним замеряться. Юнец же настойчиво в этом его вынуждает; вот Чэн и подумал: «Растить никчемушную тварь — не станет в том пользы вообще никакой, не лучше ли будет дерзнуть хотя бы разок, смеха ради?» Тогда, ему вторя, сверчка посадил в чан для схваток³⁰. Тут маленький жук вниз припал да и не шелохнётся, весь окоченел, как петух деревянный³¹. Ну а юнец-то опять только расхохотался. Пробует вот волоском из кабаньей щетины дразнить, теребя по сверчковым усам — по-прежнему не шелохнётся, ну а юнец тут опять хохотать. Многожды стал теребить — сверчок разъярился-озлился да прямо рванул: жуки друг на друга, взметнувшись, напали: вздымаясь-встрясаясь³², шум производя. Вдруг видят, что мелкий сверчок, высоко вверх подпрыгнув, расправивши хвост да усы распрямивши, прямёхонько

²⁸ Прямо явиться (徑造) — то есть прийти без приглашения и доклада, в старом Китае — верх неучтивости.

²⁹ Клетка для состязаний (比籠) — клетка, в которую помещались сверчки перед боем.

³⁰ Чан для схваток (鬪盆) — особая посуда, служившая ареной в сверчковых боях.

³¹ Окоченеть, как деревянный петух (蠢若木雞) — намёк на историю из книг «Ле-цзы» (列子), глава 2 «Жёлтый император» (黃帝) и «Чжуан-цзы» (莊子), внешний раздел (外篇), глава 19 «Постигший [сущность] жизни» (達生), где рассказывается о воспитании для государя бойцовского петуха. Когда тот был готов для поединка, то, осознавая своё совершенство, оставался недвижим, словно вырезанный из дерева, а другие поединщики бежали, не осмеливаясь принять вызов. Впоследствии выражение становится метафорой хладнокровного победителя. См. также примеч. 6 к новелле 127 «Чёрный зверь», *цзюань* 3.

³² Вздымаясь-встрясаясь (振奮) — это же словосочетание, кроме непосредственного описания картины боя, может означать «в воодушевлении, в душевном подъёме».

в шею вцепился врагу. Юнец от того преизбыточно струсил, мирит, понуждает, чтоб всё прекратили; сверчок разъял крылья — и знай горделиво стрекочет, как будто хозяину ладит доклад. Чэн был исключительно рад.

Пока сообща наблюдали потеху, какой-то петух появился внезапно, тотчас подошёл да и клюнул. Чэн в оторопи подскочил и от ужаса вскрикнул — на счастье, клевок не достиг назначения, сверчок же отпрыгнул долой на стопу, да ещё где-то с пядью³³; петух приближается бойко, преследует и нагоняет, и вот уж сверчок оказался под самою лапой его. Чэн от внезапности-спешки и не измыслит, как выручать, бьёт ногою о землю, лицом помертвев³⁴. А вскоре глядит: петух свою вытянул шею, качает-трясёт. Поближе взглянул — а это сверчок примостился на гребне поверх, с силою вгрызся и не отпускает. Чэн ещё пуще дивится-ликует, забрал да и в клетку его поместил.

На следующий день преподносит начальству; начальство глядит, что сверчок маловат, гневится да Чэна ругает. А Чэн рассказал, где диковина в нём, — начальник тому не поверил. Решили изведать в сражениях с другими жуками — жуки уступили вчистую. Тогда испытали его с петухом — и всё, правда, так, как рассказывал Чэн. Наградой пожаловав Чэна, тогда поднесли генерал-губернатору. Пришёл губернатор в великий восторг и в клетке золотой направляет наверх подношением, с детальным обзором талантов его. Так и попал он в дворцовый чертог, а там ведь со всей Поднебесной подносят отборнейших свойств «мотыльков», «жуков-богомолов», «лоснящихся быстрых охлёстов», «лазорево-шёлковых лбов»³⁵...

³³ Стопа с пядью (尺有咫) — китайская стопа (чи) равнялась ~0,3 м, пядь (чжи) ~26,6 см. Вместе получается, что сверчок отпрыгнул более чем на полметра.

³⁴ Ногой бить о землю, лицом помертвев (頓足失色) — распространённое выражение, обозначающее крайнюю степень смятения, паники.

³⁵ «Лоснящиеся быстрые охлёсты» (油利捷) и «лазорево-шёлковые [или смоляно-шёлковые] лбы» (青絲額) — названия пород сверчков, встречающиеся в литературе, но непонятно, существовавшие ли в действительности. Это же касается и упомянутых здесь же «мотыльков» и «богомолов», которые, очевидно, в данном контексте обозначают

и все, как один, небывалых статей. Со всеми подряд испытали, да вот не сыскалось таких, кто б его превзошёл. К тому ж всякий раз, как послышится цитры и гуслей звучанье, он музыке в такт принимался тотчас танцевать, что всех ещё больше дивило. Верховный премного ценил-ликовал, велел губернатору выдать награду — коня с доброй славой, атласный наряд. Да и губернатор не сдюжил забыть благодати причину: уж вскоре начальник уезда прославился как «выдающийся дивно»³⁶. Начальник на радостях с Чэна снимает повинность, к тому ж указывает учебной управе, зачислили чтобы в уездную школу. Прошёл с того год да чуть больше — и Чэна сынишка своим разуменьем стал снова, как прежде, да сам разъяснил:

— Я ведь тогда превратился в сверчка, подвижного-быстрого, лучшего в драке, а нынче вот только очнулся — и всё.

И губернатор тоже обильно пожаловал Чэна: нескольких лет не прошло, землі завелось сотня *цинов*³⁷, палат-теремов на тьму комнат, коров да баранов — каждого по тысяче в счёт по копытам-задам³⁸. Как за ворота поедут — шубы да кони³⁹ роскошнее, чем у сановных семей.

не самостоятельные виды насекомых, а отдельные породы сверчков: «богомолоподобные» и пр.

³⁶ Выдающийся дивно (卓異) — название первейшего из прошедших чиновничью переаттестацию в местной администрации.

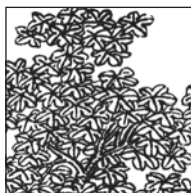
³⁷ Цин (頃) — китайская мера площади, ~6,66 га.

³⁸ По копытам-задам (蹄躐) — древняя система подсчёта копытных; у каждого животного объектом исчисления принимались ноги и филейная часть, поэтому полученный результат в современной системе должен быть в пять раз меньше: по тысяче «копыт и задов» коров и баранов означает, что их количество было по двести голов одних и других.

³⁹ Шубы да кони (裘馬) — то же, что «меха и скакуны», отсылка к «Беседам и рассуждениям» (論語), *цзюань* 6 «Юн таков» (雍也), где говорится о Цзы-хуа, разъезжающем на жирных скакунах и одевающемся в лёгкие меховые шубы, в то время как мать его бедствует. Впоследствии выражение «шубы и кони» (или «меха и скакуны») становится символом богатства. См. также примеч. 4 к новелле 128 «Юй Дэ».

Автор этих строк добавит:

Сын Неба, как случайно воспользуется чем-нибудь, нет вовсе непреложности, что не пойдёт дальше того и не позабудет, а те же, кто принимает к исполнению, — эти уж поставят правилом. Да добавить сюда чиновную жадность и приказное изуверство — народ и начнёт, что ни день, закладывать жён, продавать детей, и не станет тому конца-края! А потому у Сына Неба каждые полшага-шаг — все сказываются на народной судьбе, и тем невозможно никак пренебречь. Единственно, что отпрыск рода Чэн из-за древоточцев⁴⁰ обнищал, а из-за сверчков разбогател: шубы да кони — высоко парит, а в те поры, как был он сельским старостой и получал батоги в наказание, разве ж помышлял он, что достигнет до такого-то, а?! Небо поддерживает наградами пестующих великодушие, поэтому-то и позволило губернатору да уездному начальнику принять высшую милость за сверчка. Слышал такое: один человек вознёсся ввысь — так собаки и курицы бессмертными вознеслись⁴¹, и то верно!

⁴⁰ Древоточцы (蠹) — здесь имеется игра слов: тем же иероглифом обозначаются и чиновники-казнокрады, лихоимства которых и стали причиной бедствий героя новеллы.

⁴¹ Один человек вознёсся ввысь — собаки и курицы бессмертными вознеслись (一人飛升仙及雞犬) — намёк на фрагмент из «Жизнеописаний бессмертных», где говорится о вознесении на небо изучавшего даосизм Хуайнаньского князя Лю Аня (劉安, 179–122 гг. до н. э.); остатки снадобья бессмертия съели курицы и собаки и тоже взлетели на небо.

138.
СЮЦАЙ ЛЮ¹
柳秀才

В конце правления Мин² саранча народилась промеж Цин и Янь³, помалу скопилась она подле И⁴, и иский начальник в тревоге погряз. Пошёл и возлѣг под покровом управы⁵, и снится ему, что явился с визитом какой-то *сюцай*⁶, высокая шапка, зелёный наряд⁷, ви-

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Мин (明) — китайская империя, годы правления — 1368–1644.

³ Цин и Янь (青兗) — здесь: округа Цинчжоу и Яньчжоу в центральной части провинции Шаньдун.

⁴ И (沂) — здесь: уезд Ишуй на территории провинции Шаньдун.

⁵ Возлечь под покровом управы — в Китае традиционно существовала практика ритуальных снов в храме бога-покровителя города, в официальном присутствии и пр., когда главное должностное лицо данной административной единицы выспрашивало совета у высших сил; считалось, что во сне духи помогут советом и подскажут способ избежать беды.

⁶ *Сюцай* (秀才) — самая низшая учёная степень с Старом Китае. См., напр., примечание 8 к новелле 1 «Экзамен на Чэнхуана», *цзюань* 1, том 1.

⁷ Зелёный наряд (綠衣) — то есть неофициальное платье. Зелёный цвет как неподходящий для официального платья отмечен уже в «Книге песен» (詩經), раздел «Нравы царств» (國風), «Песни царства Бэй» (邶風), песня «Зелёный наряд» (綠衣).

дом-обличьем высок-величав, сам разъяснил: «Имею я план, как смирить саранчу». Его вопрошают — а он и в ответ:

— Завтрашним днём на юго-западной дороге появится женщина верхом на большебрюхой ослице, это дух саранчи. Разжалобить её — так можно и избавиться от беды.

Начальник тому подивился, собрал угощение и выехал к югу от города. Стерёг там порядком протяжно — а вот наконец-то и дама с высокой причёской да в бурой⁸ накидке, одна управляет седою и старой ослицей да медленной поступью к северу движет. Тут же куренья возжёт, винную чашу⁹ подносит, гнёт спину, приветствует слева от тракта¹⁰, осла ухватил — не пускает идти. Дама с вопросом:

— Почтенный сановник какое намеренье держит?

Начальник же тотчас — ну жалобить просьбой:

— Крошечно-мизерный мелкий уезд, я чаю, минует сочувственно ртов саранчи!

Женщина молвит:

— Вот же проклятый *сюцай* этот Лю — всё языком своим треплет, мой растрезвонил тайный расчёт! Пусть же тогда он за это своим естеством отвечает, а не попортить посевы-хлеба — можно такое.

Тогда, осушивши три полные чаши, в мгновение ока исчезла из глаз.

Потом саранча заявила, летит, застилаючи небо и солнце, да вот не садится отнюдь на посевы в полях, а всё лишь на тополи-ивы, и где пролетала — так листья у ив и смела подчистую. Тогда догадались, что этот *сюцай* как раз-то и был духом ивы¹¹. Кто-то сказал:

— Это уездный начальник заботой о людях растрогать сумел! А ведь и верно, однако!

⁸ Бурая накидка (褐帔) — из-за многозначности первого иероглифа то же словосочетание может обозначать и сермяжную накидку.

⁹ Чаша (卮) — в данном случае огромный кубок, вместимостью ~4 л.

¹⁰ Слева от тракта (道左) — почётных гостей в Старом Китае было принято встречать, стоя слева от дороги.

¹¹ Дух ивы — фамильный знак *сюцая* Лю (柳) в прямом смысле и обозначает «ива».

139.
 НАВОДНЕНИЕ¹
 水災

На двадцать первый год правления под девизом Кан-си² в Шань-дуне стояла засуха, с самой весны, достигая до лета, — голые земли, нигде ни зелёной травинки³. На тринадцатый день шестой луны пошёл мелкий дождь, и появились такие, кто сеять стал просо. На восемнадцатый день сильным дождём оросило обильно⁴, тогда стали сеять бобы. Но вот однажды — в деревне Шимэньчжуан был такой древний старик — вечером видел он, как два быка бодались вверх на горе, и говорит деревенским тогда:

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Кан-си (Прощающее Сияние, 康熙) — девиз правления четвёртого цинского императора Айсиньгёро Сюань-е (愛新覺羅玄燁, 1654–1722 гг.). Двадцать первый год Кан-си — 1682.

³ В «Описании уезда Цзычуань» (淄川縣誌) говорится, что в названном году весной и летом не было дождей, случился сильный неурожай пшеницы, но тринадцатого числа шестой луны начались дожди, в полнолуние превратившиеся в ливни, воды в реках стали переполняться; 21 и 22 числа дождь лил не престаивая днём и ночью, смывая дома и землю с полей, губя людей и скот.

⁴ Оросить обильно (沾足) — скрытая цитата из «Книги песен» (詩經), раздел «Малые оды» (小雅), ода «Воистину в южных горах» (信南山), где говорится, что обработанная земля теперь плодородна и влажна, будучи обильно орошена.

— Вскоре сюда подоспеет большая вода!

Да потащил всю семью, чтоб блуждать и скитаться. А деревенские скопом над ним посмеялись. По малом времени дождь разразился внезапно, ночь напролёт не уймётся никак, ровные земли вода затопила на много аршин, лачуги-жилища — все в ней потонули. Один отыскался крестьянин, который, оставив своих двух детей, с супругою вместе, взяв старую матушку под руки, укрыться бежал на высоком холме. Как вниз поглядели они на деревню — там всё превратилось в озёрное царство, да так, что уж нечего внове теперь вспоминать о двоих сыновьях. Вода отступила — вернулись домой. Глядят — а деревня, как есть, целиком претворилась в забытый погост. В ворота заходят да обозревают: а там из построек всего лишь одна уцелела, и оба сыночка, совместно усевшись себе на кровати, смеются да шутят без всякой потери. И все порешили, что это супругам отплата была за сыновнюю верность. Случилось то в двадцать второй день шестой луны.

На двадцать четвёртый год правления под девизом Кан-си⁵ в Пинъюане⁶ соделалось землетрясение, и из народа погибших тогда семь или восемь пришлось на десяток. Город-предмесья — сплошные руины; всего лишь одно уцелело жилище — почтительный сын там живёт из NN-ского рода. Среди бесконечных-безбрежных великих несчастий у отцелюбивых потомков лишь нету урона, — кто скажет тогда, что Небесный Владыка не ведаёт, чёрное где, а где белое?

⁵ Двадцать четвёртый год Кан-си — 1685; см. примеч. 2.

⁶ Пинъюан (平陽) — название округа на территории современной провинции Шаньси.

140.

НЕКТО N ИЗ ЧЖУЧЭНА¹

諸城某甲

Учитель² господин Сунь Цзин-ся³ рассказывал: в их городе был один некий N, как сделался татей бродячих мятеж⁴ — его и убили, голова повисла спереди груди. Тати убрались — домашние тело его получили, хотели снести его захоронить. Слышат — а он ещё дышит — тонкою прядкой как будто. Детально его осмотрели — нерассечённого горла осталось на целый палец. Тогда ему голову стали поддерживать, снесли на руках его прямо домой. Затем миновали ещё день да ночь — и начал стонать. Ложкою-палочками потихоньку-помалу дают питье да съестное, полгода минуло — и всё ж

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Учитель (學師) — в данном случае имеется в виду преподаватель училища уездного, областного или окружного уровня.

³ Сунь Цзин-ся (孫景夏), первое имя Сунь Ху (孫瑚) — происходил из уезда Чжучэн провинции Шаньдун, был *цзюйжэнем* — обладателем второй учёной степени традиционного Китая. Был назначен начальником учебных заведений уезда Цзычуань. Впоследствии дослужился до начальника уезда Цзинсянь. Был дружен с Пу Сун-лином, у последнего есть ряд посвящений ему.

⁴ Мятеж бродячих татей (流寇亂) — имеется в виду выступление повстанческих отрядов во время крестьянской войны 1628–1647 годов. См. примеч. 7 к новелле 110 «Гэн-нян», *цзюань* 3.

諸城
某甲

不死於刀死於笑可知
笑裏暗藏刀旅久
上九占多驗先笑居然
變後號

諸城某甲

исцелился. Проходит ещё лет десяток с лихвою — в компании двух или трёх человек совместно болтают, и кто-то из них рассказал анекдот, чтобы скулы разъять. Все разом тут гулом наполнили зал, и N тоже в смехе в ладони плескал. И вот среди качаний вперёд да назад разрез от клинка вдруг расселся неожиданно — глава тут свалилась, и кровь полилась; совместно глядят на него — а уж дыхание и прервалось. Отец подал иск на всех тех, кто смеялся; союзно собрали металла его подкупить, да N схоронили к тому же, — тогда отозвал.

Автор этих строк заметит:

Так хохотал — голова отлетела, — это на тысячи лет с самой древности первый великий такой будет смех! Держится шея на нитке одной — а он всё так и не помер, прямо вот ждал, что как минет десяток годов, сладят судебный процесс из-за смеха. Так не случилось ли, что эти два-три соседа его — сильно чего в прошлой жизни ему задолжать умудрились?

141

КАЗНАЧЕЙСКИЙ ЧИНОВНИК¹

庫官

Почтенный Чжан Хуа-дун² из Цзоупина³ по воле монаршей моленья творил на Южном пике⁴. Дорога лежала промежду Янцзы и Хуайхэ⁵, собрался встать на ночлег на почтовой станции. Переводные предупредили:

— На станции этой имеются престранные наваждения, там заночуете — непременно быть мороке-неурядице.

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Чжан Хуа-дун (張華東, ?–1641 гг.) — прозвище Чжан Янь-дэна (張延登), уроженца Цзоупина (см. примеч. 3), в 1596 году сдавшего экзамены на высшую учёную степень *цзиньши*, прошедшего карьерный путь от начальника уезда до министра и председателя контрольно-судебной палаты Нанкина.

³ Цзоупин (鄒平) — название уезда в провинции Шаньдун.

⁴ Южный пик (南嶽) — одна из Пяти священных гор, Хэншань (衡山), расположенная в провинции Хунань, священное место даосской школы Цюань-чжэнь (全真派).

⁵ Хуай[хэ] (淮[河]) — река, расположенная между Янцзы и Хуанхэ, длина 845 км.

Чжан слушать не стал, в самую полночь в шапке с мечом — да и воссел. Вдруг слышит: стук заходящих сапог, — а это старец с полуседой головой⁶: смоль кисеи, пояса чернь⁷; тот с удивленьем его обспросил. Старец, ударив челом, говорит:

— Я вот как раз — казначейский чиновник; для вашей милости официальный запас тут давно уж имеется, да! Счастлив, что жезл с алебардой⁸ достиг издалече: я, низкий, освобожусь от столь тяжкой обузы.

С вопросом:

— А сколько на складах тут припасено?

В ответ говорит:

— Двадцать три тысячи пятьсот *цзиней*⁹.

Почтенный размыслил, что множество мер — неподъёмное бремя, условился: как ворочаться — проверит-досмотрит. Поддакнул почтительно старец да прочь удалился.

Чжан достигает до южных земель, — в дар там подносят куда как обильно. Стал возвращаться — на станции заночевал. Старик же по новой с визитом приходит; как речь подошла о запасах на складе, речёт:

— Уж перевёл в Ляодунский¹⁰ военный оклад, так-то вот.

Чжан крепко дивился, что в прежнем и позжедоложенном виден разлад. А старец ему:

— На век человеческий доход установлен, на всё обустроены норма-число. Тут крохой и мелочью способа нет перебрать иль умень-

⁶ Полуседе́лая голова (頒白) — голова с седи́нами, упоминавшаяся Мэн-цзы в 1 *цзюане*, 1 главе «Лянский Хуй-ван, статьи, часть первая» (梁惠王章句上), где философ говорит о необходимости поддержки почтительности к старшим. См. примеч. 14 к новелле 103 «Старый прожора», *цзюань* 3.

⁷ Смоль кисеи, пояса чернь (皂紗黑帶) — то есть шапка из чёрной кисеи, одежда, подпоясанная чёрным, — типичный наряд приказного.

⁸ Жезл с алебардой (節鉞) — атрибуты посланника, облечённого военной властью.

⁹ *Цзинь* (金) — мера веса, соответствующая *ляну*, то есть ~37,7 г. Таким образом, казначей говорит, что на складе хранится 8765,5 кг серебра.

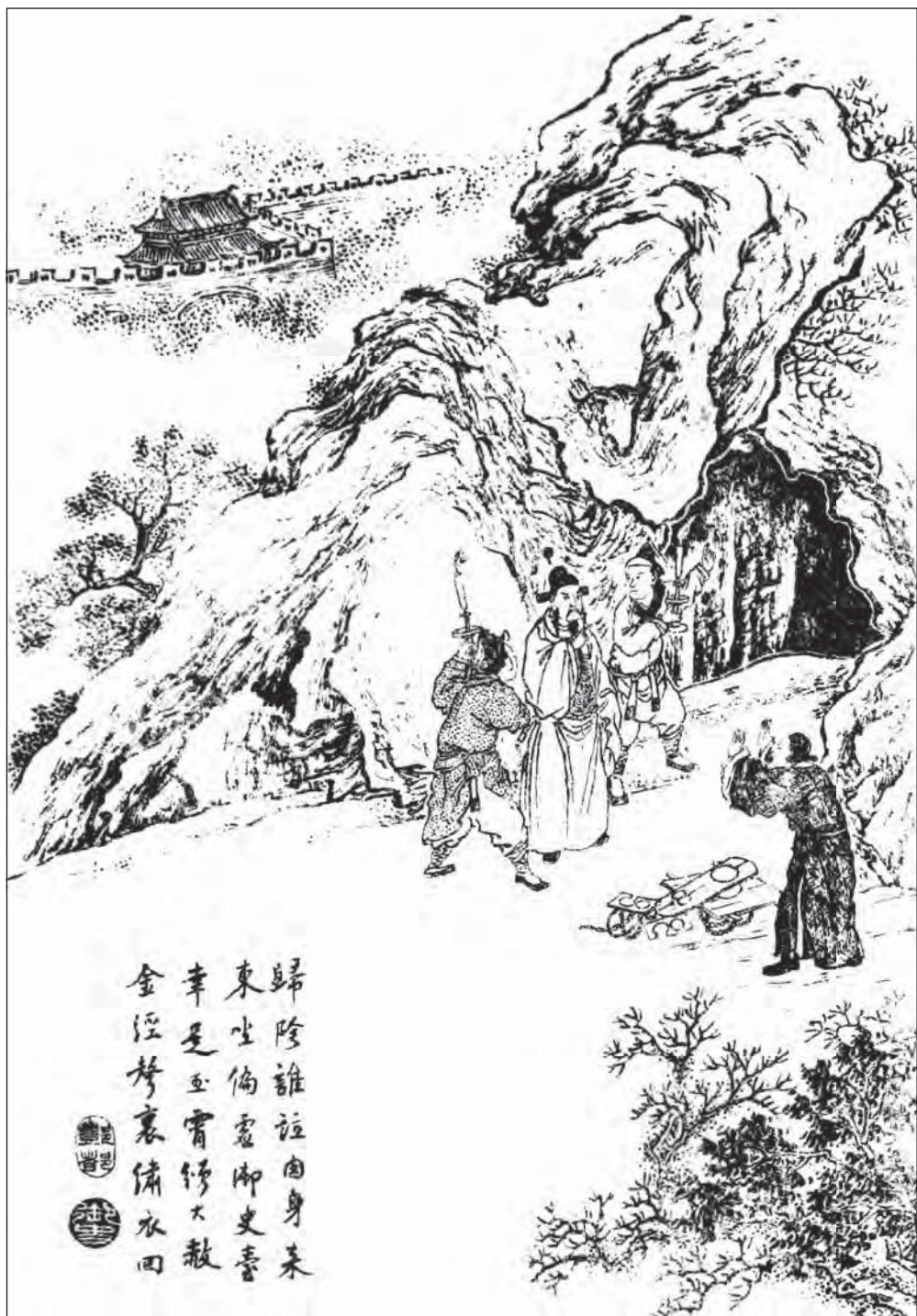
¹⁰ Ляодун (遼東) — восточная и южная области провинции Ляонин.

шить. Ваша же милость в этом походе — что надлежало доспеть по расчетам, так и доспели уже, о чём же просить тут ещё?

Договорил вот да и удалился. А Чжан тогда подсчитал всё, что в дар получил, — с тем, что имелось на складе, совпало всецело, в дословности полной. Только вздохнул: сколько пить да клевать¹¹ — всё установлено, и не годится тут опрометчиво требовать, да!

¹¹ Пить да клевать (飲啄) — скрытая цитата из книги «Чжуан-цзы» (莊子), «Внутренний раздел» (內篇), цзюань 2, часть 1, глава 3 «Важнейшее во возвращении жизни» (養生主), где разъясняется, что болотный фазан пройдёт десять шагов, чтобы склюнуть пищу, и сто шагов, чтоб напиться, но не станет жить в клетке, где кормить и поить будут вдосталь. Выражение становится крылатым и употребляется в обиходе в значении «принимать пищу».

142

ЦЕНЗОР ИЗ ФЭНДУ¹

鄧都禦史

За пределами столичного города уезда Фэнду имеется пещера, глубокая — невозможно измерить. Поговаривают, что в ней расположены управы Ямараджи². Там в них орудия пыток — все как одно человеческой работы. Сгниют да откажут колодки да блоки³ — извечно и бросят ко входу в пещеру, начальство ж уездное тотчас на новые им их в ту пору-то и поменяет, ночь минет с того — и исчезли, где были — уж нет. Снабженья-поставок объём и расчёт — их все покрывал генеральный стандарт⁴.

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

Фэнду (鄧都) — уезд в провинции Сычуань, где, по народным поверьям, находился вход в царство мёртвых.

² Управы Ямараджи (閻羅署) — департаменты загробного суда, возглавляемого владыкой ада Ямараджей (или его превращёнными телами — Ямараджами Десяти залов) и выносящего окончательный приговор по делу каждого новопреставленного. В зависимости от вариантов местных верований, таких департаментов могло насчитываться более 70.

³ Колодки да блоки (桎梏) — имеются в виду деревянные колодки для ног и рук.

⁴ Генеральный стандарт (經制) — система дополнительных налогов, учреждённая ещё во время Северной Сун.

Во время Мин раз почтенный Хуа, что по провинциям цензором был⁵, прибыв с инспекцией как-то в Фэнду, слышал о том пересуды, да не почёл, что им верить возможно, хотел в ту пещеру спуститься, чтоб разрешить все сомненья свои. Все неизменно твердили ему, что нельзя, — почтенный не стал их и слушать; так вот, ухвативши свечу, и пошёл, с двумя приказными в сопутствие. Ушёл в глубину на версту или больше — свеча вдруг внезапно погасла. Вгляделся, что там: а лестничный ход и просторен, и светел, есть также обширные залы — десяток с лихвою таких, да в ряд восседают большие чины: халаты-дощечки⁶ вельможны весьма, лишь только с восточного края⁷ одно там местечко пустует. Большие чины углядели, что прибыл почтенный, — сошли по ступеням, приветствия ладят, с улыбкой его вопрошая:

— А вот вы и прибыли, верно? С тех пор, как расстались, всё было ли благополучно?

Почтенный — с вопросом:

— А что ж это будет за место, за дом?

Большие чины отвечают:

— А это загробные будут вертепы!

Почтенного ужас объял, говорит, мол, уходит. Большие чины, указуя на место пустое, рекут:

— Это для вас предназначено место, как же возможно — опять восвояси?

⁵ Цензор по провинциям (御史行臺) — надзорный чин над провинциями, командированный из цензората Синтай.

⁶ Халаты-дощечки (袍笏) — официальное платье и специальные дощечки для письма, то есть атрибуты должностного облачения. Дощечки для письма были не только инструментом для ведения непосредственных записей (особым образом клались — одним концом в ладонь, вторым на плечо и служили подложкой для писчей бумаги), но являлись и важной частью церемониала; с их помощью совершалась процедура ритуальных приветствий и пр.

⁷ Восточный край (東) — в традиционной системе китайского мироописания говорящий помещается в условный центр Вселенной и обращён лицом на юг, поэтому понятие «восточный» в старых текстах часто обозначает «левый», а «западный» — «правый». Здесь говорится о месте по левую руку.

Почтенный всё в большей тревоге, настойчиво молит поблажки-потворства. Большие чины говорят:

— Удел предназначен, куда ж тут возможно теперь убегать?!

Тогда, доискавшись до свитка, дают, чтоб почтенный взглянул, а там сообщается вот что: «В такие-то месяц и день такой-то один во плоти в преисподнюю явится».

Почтенный, как это увидел, — трясётся-дрожит, как будто его полоскали в воде ледяной. Припомнил, что матушка дряхла, а детушки малы, — и, хлынувши, слёзы тотчас полились.

Вдруг заявляется в латах железных некий святой, держит с почтением грамоту жёлтого шёлка⁸, все купно, с фигурным поклоном⁹ её развернув, прочитали, и вот поздравительно молвят почтенному:

— У вас появилась возможность, чтоб к солнцу обратно вернуться, вот так!

Почтенный, ликуя, участливо их вопрошает, — в ответ:

— Как раз получили указ государя: амнистия общая в царстве загробном; и можно, почтенный, для вас присогнуть-приспособить исконный приказ, да и всё тут!

Тогда показали почтенному путь, — он и отправился. На несколько «воинских»¹⁰ лишь отошёл — а темень чернеет, как будто бы лак, и не распознаешь дороги-пути. Почтенного горе-страданье взяло. Вдруг некий божественный тут генерал повозкою правит, да прямо сюда; с багряным обличием, длинной бородой, сиянием вея

⁸ Жёлтый шёлк (黄帛) — имеется в виду императорский шёлк; особый оттенок жёлтого цвета был исключительной привилегией императора и членов монаршей семьи, поэтому письмо на жёлтом шёлке мог послать только правитель.

⁹ Фигурный поклон (拜舞) — особый церемониал с элементами танца, исполняемый перед государем. См. примеч. 44 к новелле 132 «Ракшасский морской базар».

¹⁰ Воинский [знак] (武) — шаг; в традиционном мироописании китайцев верхняя часть тела ассоциировалась с понятием «вэнь» (文) — ритуал, а нижняя — с «у» (武), война. Поэтому шаг в высокой литературе часто назывался «воинским знаком», см. примеч. 3 к новелле 17 «Заклинатель», цзюань 1, том 1.

на много аршин. Почтенный навстречу с поклоном ему — да ну его жалобить, ну а святой говорит:

— Буддийские сутры читай — тогда выбраться сможешь!

Закончил реченья — да и был таков. Почтенный себе размышляет, что сутры да мантры он большею частью не очень и помнит, единственно только «Алмазную сутру»¹¹ ещё кое-как некогда превзошёл. Так вот же: ладони сложил да читает себе. Вдруг видит — ан лучик один показался сиянья-огня, горит-освещает он путь впереди. Если же вдруг позабудет-упустит какую-то фразу — так сразу же перед глазами тут тьма и падёт. Подумает тщательно этому вслед — и снова читает — и снова светло. Таким вот манером и выход обрёл. А что относительно тех двух приказных — так насчёт них-то и спрашивать нечего, да!

¹¹ «Алмазная сутра» («Ваджраччхедика Праджняпарамита сутра», 金剛經) — один из важнейших текстов махаянского буддизма. См. примеч. 12 к новелле 82 «Барышня Линь Четвёртая», цзюань 2, том 1 и примечание 10 к новелле 84 «Дочь господина Лу», цзюань 3.

143.

ДРАКОН БЕЗ ГЛАЗ¹

龍無目

В уезде Ишуй заливал сильный дождь, и тут-то вдруг с неба свалился дракон: обоих глаз купно уж нет и в помине, лишь слабые слышно дыханья следы. Почтенный уездный начальник восьмёркой десятков циновок решился его укрывать, да полностью тело укрыть не сумел. Вдобавок ему средь полей учинили моления, — так даже ещё и не раз он хвостом по земле ударял, и звук от того словно комом катил.

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

144.

ЛИСА ОСТРИТ¹

狐諧

Вань Фу, по прозвищу Цзы-сян, житель Босина, в молодости занимался конфуцианской наукой. В доме были кое-какие достатки, но судьба его сильно захромала, и, прожив уже двадцать с лишком лет, он всё ещё, как говорится, не сумел «подобрать сельдерей»².

В этой местности был скверный обычай часто объявлять повинности за богатыми домами³. Люди солидные и честные доходили

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1928 года.

² «Подобрать сельдерей» — то есть пройти на первом экзамене. В книге древней поэзии (Шицзин, IV.2.3.1) читаем следующие строки:

«Как радостна вода Полупруда!
Ах, рву в ней сельдерей!»

Так как «Полупруд» находился возле царского дворца, в котором размещалось высшее государственное училище для преподавания теории и практики церемоний, а также книжной и даже военной премудрости, то это «собрание у Полупруда сельдерей» означает то же, что вхождение (достойного) «во дворец Полупруда» — образ, знакомый читателю ещё с прежних страниц «Лисьих чар» и «Монахов-волшебников».

³ ...объявлять повинности за богатыми домами — то есть заставлять богатых людей отвечать своим имуществом за недоимки, быть на ответственных должностях, с тем чтобы в случае недоимки, они отвечали своим имуществом.

чуть не до полного разрушения своих хозяйств. Как раз Вань был объявлен подлежащим повинности. Он испугался и бежал в Цзинань⁴, где снял помещение в гостинице.

Ночью прибежала какая-то девица, чрезвычайно с лица красивая. Вань пришел от неё в восторг и, так сказать, усвоил её. Попросил её назваться. Дева сказала сама же, что она, прямо говоря, лиса.

— Только, — добавила она, — я не буду для вас, сударь, злым наваждением!

Вань был очень доволен и не стал относиться к ней с недоверием. Дева не велела Ваню делиться помещением. А сама с этих пор стала появляться ежедневно, жила у него, лежала с ним. Вань же во всех ежедневных тратах жил всецело на её счет.

Так они прожили некоторое время. У Ваня завелось двое-трое знакомых, заходивших к нему и постоянно остававшихся ночевать, не уходя к ночи. Вань тяготился этим, но не решался отказать. Делать нечего, пришлось сказать гостям, что́ тут по-настоящему происходит. Гости выразили желание взглянуть хоть раз на святое лицо. Вань сообщил об этом лисе. Она тут же обратилась к гостям:

— Смотреть на меня? Зачем это? Я ведь как люди!

Гости слышали её голос, мило-мило звучащий, слово за словом, перед самими, казалось, глазами, а куда ни обернись, хоть на все четыре стороны, — никого не видно.

Среди гостей Ваня был некто Сунь Дэ-янь⁵, паяц и записной остряк. Он усердно просил Ваня дать ему свидеться с лисой.

— Вот удалось мне, — добавил он при этом, — слышать нежный её (ваш) голос. Вся, знаете ли, душа моя, всё моё существо так и полетело куда-то за все пределы. Зачем ей (вам) так скупиться на свою красоту? Зачем заставлять человека, услышавшего голос её (ваш), только и делать, что думать о ней (вас)?

⁴ Цзинань — главный город Шаньдунской губернии.

⁵ Переводчик рекомендует читателю запоминать встречающиеся в рассказе собственные имена.

— Послушай, добродетельный внучок⁶, уж не хочешь ли ты своей пра-пра-прабабушке писать, как говорится, «портрет грядущей в радости»?⁷

Все гости захохотали.

— Я лисица, — продолжала невидимка. — Да разрешат мне гости рассказать кое-что из истории лисиц. Очень желаете послушать или не очень?

— Мм... да, мм... да, — отозвались гости.

— В одной деревне, — начала лиса, — была гостиница, в которой давно уже водились лисицы. Они выходили и нападали на проезжих. Узнавая об этом, посетители предупреждали друг друга и не ночевали в ней. Через полгода в помещениях повеяло нежилым и страшным. Хозяин сильно затужил и более всего избегал говорить о лисе. Вдруг как-то появился проезжий издалека, говоривший о себе, что он иностранец. Увидел ворота гостиницы и решил заночевать. Хозяин очень обрадовался и пригласил его войти. Только что он хотел это сделать, как прохожие шепнули ему тихонько: «В этом доме водится лиса!» Проезжий испугался и сказал хозяину, что он хочет переехать в другое место. Хозяин принялся уверять его, что это сущий вздор, и тот остался.

Только что он вошёл к себе и прилёг, как увидел массу мышей, выползших из-под кровати. Проезжий сильно перепугался, бросился бежать, крича, что было сил, что тут лисица. Хозяин стал расспрашивать.

⁶ Внук (*сунь*) — один и тот же звуковой комплекс и одно и то же начертание со словом «Сунь», которое изображает фамилию спрашивавшего Сунь Дэ-яня.

⁷ Портрет грядущей в радости — фигурное древнее выражение понятия «портрет». Объясняется, вероятно, тем, что портреты обычно писались с мёртвых, так что слова «грядущая в радости» или «творящая радость» есть эвфемизм, то есть выражение, имеющее смысл, обратный действительности или же украшающий её, и употребленное из боязни или неприятности.

Вся соль этой остроты заключается в том, что лиса называет Суня своим внуком, то есть животным, дьявольским отродьем.

«Лисица здесь устроила себе целое гнездо! — кричал гость сердито. — Зачем было обманывать меня, говоря, что лисы нет?»

Тогда хозяин спросил, как выглядит то, что он видел.

«То, что я сейчас видел, — ответил гость, — тоненькое-тонюсенькое, маленькое, хорошенькое... Если это и не лисьи дети, то, конечно, лисьи внуки»⁸.

На этом и кончила рассказывать. Гости на креслах так и осклабились.

— Раз вы не удостоиваете нас свиданья, — сказал тут Сунь, — то мы останемся ночевать и ни за что не сочтём нужным уйти. Мы помешаем вашему, так сказать, Янтаю⁹.

— Ну что ж, — смеялась лиса, — оставайтесь ночевать, ничего! Только если против вас будет что-либо предпринято, то уж, пожалуйста, не давайте этому застрять в душе!¹⁰

Гости испугались, как бы она из злобы не выкинула с ними шутики, и все тут же разошлись. Однако каждые несколько дней обязательно приходили разок и требовали, чтобы лиса посмеялась и поругалась¹¹.

⁸ Лисьи внуки — *ху сунь цзы* — опять, в шарадном переводе, может значить «лисий Сунь», то есть опять острога над всё тем же Сунь Дэ-янем. Надо ещё отметить, что признака множественного числа здесь нет и, следовательно, *сунь* понимается как «внук и Сунь» (собственное имя) точно так же, как «внуки и Сунь».

⁹ Янтай — название горы (нынешняя губерния Хубэй), имеющей форму террасы (*тай*), обращённой к солнцу (*ян*). Древний князь видел во сне, что он слюбился с феей, которая сказала ему, что она бывает по утрам тучею, а по вечерам дождём у подножия этой самой горы. Оттуда в поэтическом языке Китая любовное слияние полов называется «тучей и дождём», то есть объятиями феи, в которые она заключила влюблённого князя. Сунь делает непристойный намёк, как бы отождествляя древнюю фею с лисой и велая ей воздержаться.

¹⁰ Не давайте этому застрять в душе — то есть не помните, забудьте.

¹¹ Посмеялась и поругалась — слово «ма» значит не только «грубо ругать», но и то, что у нас называется «язвить», «ставить шпильки» и т. п.

Лиса была остроумна до чрезвычайности. Что ни скажет, при каждом слове сейчас же укладывает гостей вверх ногами. Записные остряки не могли скрутить её. И вот публика в шутку стала называть её «Барынька-Лиса».

Однажды она поставила вина и устроила, так сказать, «высокое»¹² собрание». Вань занимал место хозяина пира. Сунь и ещё два гостя уселись налево и направо от него. На последнее место, вниз¹³, поставили диванчик и просили пожаловать лису. Лиса отнекивалась, сказав, что не умеет пить вина. Тогда все стали просить её сесть и беседовать. Она согласилась.

Вино обошло уже по несколько раз. Публика решила бросать кости, играя под вина в так называемые «усы тыквы»¹⁴. Один из гостей попал на тыкву и должен был, значит, пить. И вот он взял свою чарку, перенёс на хозяйское место и сказал:

— Барынька-Лиса, вы такая чистая и трезвая... Возьмите-ка вместо меня пока эту чару и пейте!

Лиса засмеялась.

— Я ж не пью, — сказала она. — Но хотела бы изложить одну историю, чтобы помочь вам, моим почтенным гостям, пить!

Сунь заткнул уши: ему неприятно было слушать. Гости же предложили хором:

— Кто будет ругать человека, того штрафовать!

Лиса захохотала:

— Ну а если, положим, я буду ругать лису — то это как?

— Можно, — сказала публика.

И стали слушать, склонив уши, а лиса рассказывала следующее:

¹² Высокое собрание — то есть парадное, чинное.

¹³ На последнее место, вниз... — туда, где сидит хозяин-распорядитель, пригласивший гостей.

¹⁴ Усы тыквы — образное выражение для понятия штрафа и наказания, поражающих не только виновного, но и всю его разросшуюся, как тыква, семью, даже невинных. По-видимому, игра состоит в сложной ответственности многих за неудачу одного, связанную с промахом соседа.

— В былые дни некий сановник выехал послом в государство красноволосых¹⁵ и надел на себя шапку из лисьих грудок¹⁶. Приехал и представился тамошнему царю.

Царь увидел эту шапку и удивился.

«Что это за шкура, — спросил он, — у неё такой нежный и густой волос?»

Сановник ответил, что это лиса.

«Об этой твари, — сказал царь, — мне во всю жизнь не приходилось ничего слышать! Этот знак *ху* — в каком роде будет его начертание?»

Посланник стал писать в воздухе¹⁷ и докладывать царю:

«Справа — большая тыква, слева — маленький пёс»¹⁸.

Гости и хозяин опять захохотали на весь дом.

¹⁵ Государство красноволосых — красноволосые, или рыжеволосые, — название, издавна присвоенное в Китае европейцам. Так как у всех без исключения китайцев (если не считать случайных альбиносов) волосы совершенно чёрные, то резкий контраст белокурых и особенно рыжих европейцев понятен. Прежде всех этот эпитет относится к голландцам, с которыми китайцы познакомились раньше, чем со многими другими европейцами. У Ляо Чжая есть рассказ «Ковёр красноволосых», крайне любопытный по сюжету, напоминающему миф о Дидоне.

¹⁶ Из лисьих грудок — считается самым дорогим мехом, тем более что нужно собрать его со многих шкур. Ценность этой роскоши давно уже вошла в поговорку.

¹⁷ Стал писать в воздухе — китайцы не воспринимают на слух большинства слов книжного, идеографически мыслимого языка и описывают их или при помощи указания составных частей (как сейчас будет видно), или начертанием на ладони, стене, в воздухе и т. п.

¹⁸ Справа — большая тыква, слева — маленький пес — знак *ху* («лисица») действительно состоит из знака «тыква» (*гуа*), который лишь напоминает чтение иероглифа безотносительно его значения, и знака «собака» (*цзюань*), определяющего общий сорт изображённого предмета («маленький пёс», то есть знак «пёс», написанный по требованиям китайской каллиграфии в уменьшенном виде, чтобы не портить пропорций целого иероглифа). Шараду эту надо, конечно, читать иначе, а именно: «Справа (от меня, лисы) сидит большая тыква (дурак), а слева — собака!» Compliments для гостей неважные, но сказанные с якобы невинным остроумием.

Двое из гостей были братья Чэни. Одного звали (Чэнь) Со-цзянь¹⁹, а другого — (Чэнь) Со-вэнь²⁰. Видя, что Сунь сидит сильно сконфуженный, один из них сказал:

— Куда, скажите, девался самец-лис, что он позволяет своей самке-лисе источать подобный яд?

Лиса продолжала:

— Только что рассказанная история ещё ведь не окончена, а меня уже сбил с толку этот ваш собачий лай... Позвольте ж кончить! Далее, значит, царь этой страны, видя, что посланник приехал на муле, тоже чрезвычайно изумился... Тогда посланник стал докладывать ему:

«Он рождён от лошади!»

Царь удивился ещё больше.

«В Срединном Царстве²¹, — продолжал посланник, — лошадь рождает мула, а мул рождает жеребёнка».

Царь стал внимательно расспрашивать, как это бывает.

Посланник докладывал:

«Лошадь родила мула — это слуга вашего величества видел. Мул родил жеребёнка — это слуга вашего величества слышал»²².

На всех креслах опять громко захохотали. Публика, зная теперь, что лису не переговоришь, решила после этого, что тот, кто первый начнёт над кем издеваться, да будет оштрафован и станет, так сказать, «хозяином восточных путей»²³.

¹⁹ Соцзянь — «то, что видано» (перевод собственного имени).

²⁰ Совэнь — «то, что слыхано». Переводчик просит запомнить эти два перевода собственных имён.

²¹ Срединное Царство — так издавна называют китайцы свою страну. «Срединный» значит «собственный, настоящий»; обратным этому будет название «внешний», то есть не наш.

²² Это слуга вашего величества видел — принимая во внимание, что одного из гостей зовут Чэнь Со-цзянь, а другого (брата) — Чэнь Со-вэнь, острота становится понятной в таком виде: «Лошадь принесла мула — это слуга В[ашего] В[еличества] (чэнь) видел (соцзянь); мул родил жеребёнка — это слуга В[ашего] В[еличества] слышал (совэнь)», то есть мул — это Чэнь Со-цзянь, а жеребёнок — это Чэнь Со-вэнь, оба — животные, скоты.

²³ ... «хозяином восточных путей» — то есть хозяином, приглашающим на свой счёт пировать гостей. Восточные пути по отношению к западному

Вскоре от вина стали хмелеть. Сунь, шутя, обратился к Ваню:
— Возьмём какую-нибудь двойную строку²⁴, — пожалуйста, подберите!

— Именно? — спросил Вань.

Сунь сказал:

— Публичная дева выходит из ворот, спрашивает о возлюбленном человеке. Когда приходит: «Миллион счастья!»²⁵ Когда уходит: «Миллион счастья!»

На всех креслах разом погрузились в думу, но подобрать не могли. Лиса засмеялась.

— А у меня есть! — сказала она.

Публика прислушалась. Лиса читала²⁶:

— Драконов князь²⁷ издаёт указ, ища прямого (честного) советчика. Черепаха-*пе* — тоже может сказать. Черепаха-*гуй* — тоже может сказать!²⁸

уделу Цинь преграждали ему распространение с завоевательными целями. Отсюда понятие хозяина.

²⁴ Возьмём какую-нибудь двойную строку... — китайцы сызмальства приучались подбирать, так сказать, соответствующие друг другу по разным причинам и признакам слова («небо-земля», «дождь-снег» и т. п.). В двойной фразе полагается подобрать соответствующие части с таким строгим расчётом, чтобы они укладывались ровно тем же порядком и в тех же грамматических значениях, но давали новый смысл, гармонирующий с первой строкой или фразой.

²⁵ «Миллион счастья!» — Ваня зовут, как мы видели, Фу, то есть Вань Фу, что значит «Миллион счастья!» (собственно, 10 000). Это обычное в древности приветствие женщины по адресу мужчины. Фразу, следовательно, надо внутренне понимать так: «Эта девка (лиса) только и знает, что своего возлюбленного Вань Фу. Вань Фу да Вань Фу — только и всего... А на нас, других, не обращает внимания. Тоже вкус!».

²⁶ Лиса читала — переводчик рекомендует сопоставить слово за словом с предыдущей строкой.

²⁷ Драконов князь — то есть повелитель подводного царства, который распоряжается рыбами, черепахами и т. п.

²⁸ Черепаха-*гуй* — тоже может сказать! — принимая во внимание, во-первых, что слово «черепаха» является самым поносным ругательством в Китае, где неприкосновенность брачного союза (с женской стороны)

В креслах, со всех четырёх сторон, не было человека, который бы не опрокинулся в изнеможении.

— Послушайте, — сказал рассерженный Сунь, — ведь только что мы заключили с вами условие... Как это вы опять не воздержались?

— Вина действительно за мной, — рассмеялась лиса. — Однако не будь этих слов, не удалось бы подобрать как следует. Завтра утром устрою обед, чтобы искупить свой грех!

Посмеялись — на этом и кончили.

Всех таких мастерских шуток и острот лисы никогда и никому не передать.

Через несколько месяцев она вместе с Ванем поехала к нему на родину. Добрались до границы Босина²⁹.

— У меня в этих местах, — сказала она Ваню, — есть кое-какая родня, с которой я давным-давно прервала отношения. Нельзя, однако, чтоб разок хоть к ним не зайти. Время сейчас, знаешь, позднее, так что мы с тобой вместе у них переночуем, а утром в путь. Так и ладно будет!

Вань спросил, где же они живут. Она показала, прибавив, что это невдалеке. Ваню это показалось странным, ибо раньше здесь никакого жилья не было, но он решил: будь что будет — и пошел за ней. *Ли* через два³⁰ действительно показалось село, в котором он отродясь никогда не бывал. Лиса подошла и постучалась в ворота. К воротам вышел какой-то сероголовый³¹. Они вошли — и увидели

оберегается самым суровым образом и где черепахой называют мужа, которому изменяет жена, а во-вторых, что имя Суня, предложившего шараду, Дэ-янь, то есть «может сказать», нужно внутренне понимать эту фразу так: «Этот Сунь Дэ-янь и так черепаха (дурак, простофиля, осел, скотина и т. д.), и этак не лучше!».

²⁹ Босин — уезд, в котором, как мы видели, жил Вань.

³⁰ *Ли* через два — около версты.

³¹ Сероголовый — то есть слуга. Ляо Чжай, по обыкновению, пользуется древним языком, на котором сероголовыми назывались слуги, повязывавшие себе голову серым, вернее, синим платком, чтобы отличаться от других людей, носивших на чёрных волосах чёрные шапки. Теперь таких различий, как и во времена Ляо Чжая, конечно, нет.

перед собой ряд дверей, друг за другом, и здания, громоздящиеся одно над другим. Красиво, замечательно — точь-в-точь как у именитых богачей!

Сейчас же их провели к хозяевам. Старик и старуха сделали Ваню приветственное движение и усадили его. Накрыли стол полным-полно всяческой роскошью и обращались с Ванем, как с зятем.

После обеда остались ночевать. Лиса явилась к Ваню рано и заявила:

— Если я сейчас же приду домой с тобой вместе, то, боюсь, как бы не напугать людские толки. Иди-ка ты вперёд, а я приду за тобой следом.

Вань поступил так, как она ему сказала, пришёл первым и предупредил домашних. Вскоре пришла и лиса. Она говорила и смеялась с Ванем, но все только слышали, человека самого было не видно.

Прошёл год, у Ваня опять были дела в Цзи³², и лиса опять пошла с ним вместе.

Вдруг появилось несколько человек, с которыми лиса вступила в беседу, с величайшим оживлением болтая с ними о холоде и тепле³³... Затем она обратилась к Ваню:

— Я, видишь ли ты, собственно-то говоря, живу в Шане³⁴. Так как у меня с тобой давнишняя связь судьбы, то я и была с тобой столько времени. А вот сегодня прибыли мои братья, и я хочу с ними поехать к себе, так что не могу уже тебе во всем угодить!

Вань удерживал её. Не согласилась и тут же ушла.

³² Были дела в Цзи... — в Цзинаньфу, где Вань с нею впервые встретился.

³³ Болтая с ними о холоде и тепле... — то есть о погоде и всяких интимных пустяках.

³⁴ ...в Шане — то есть в Западном Китае (губернии Шэньси). Без железных дорог расстояние, конечно, кажется большим.

145.
ДОЖДЬ МОНЕТ¹
雨錢

Некий студент из Баньчжоу сидел у себя в кабинете и занимался. Кто-то постучал в дверь. Открыл, смотрит — какой-то старик, весь белый, очень почтенной наружности. Студент, пригласив его войти, почтительно осведомился, как его зовут. Старик сказал, что его имя Янчжэнь (Питающий Истинное), а фамилия Ху².

— Сказать по правде, — говорил он, — я лис-волшебник. Восхищённый высотой и тонкостью вашего ума, я хотел бы проводить с вами всё время.

Студент был свободен от предрассудков, независим и с глубоким пониманием вещей, — так что он не счёл это за пугающую странность. Сел и начал говорить со стариком, споря обо всём, что когда-либо было в древние и новые времена.

Старик оказался исключительно образованным, очень начитанным. С его уст не сходили тонкие цветистые выражения, словно скульптурные фразы. Попробовал студент коснуться вещей посложнее, классиков — оказалось, старик знает и понимает их так глубоко и проникновенно, что студент с особенной силой почувствовал полную невозможность постичь такую мудрость. Он пришёл в крайнее изумление и, исполнившись большого почтения к старику, оставил его у себя и долго с ним жил.

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1922 года.

² Ху — созвучно с ху-лисица.

Однажды он тихо взмолился старику:

— Вы любите меня, по-видимому, очень сильно, а я, как видите, бедный человек. Ведь вам стоит лишь поднять руку, и золото и деньги сейчас же появятся по вашему мановению. Почему бы вам не оказать и мне такое щедрое внимание?

Старик молчал и, по-видимому, не думал, что это можно сделать, но через минуту он уже смеялся и говорил студенту:

— Это очень лёгкое дело. Мне нужно лишь с десяток монет, так сказать, на рассаду.

Студент дал, и старик пошёл с ним в комнату, где они заперлись. Там он начал ходить магическим шагом и творить заклятия. И вдруг миллионы монет зазвякали о пол. Они сыпались прямо с потолка, словно проливной дождь. Миг — и уже в деньгах вязли колена. Студент вытащил ногу, встал и опять увяз по щиколотку. Огромная комната наполнилась деньгами на три-четыре фута, если не более.

Старик тогда говорит, глядя на студента:

— Ну, как? Удовлетворены выше меры? Или, может быть, нет ещё?

— Довольно с меня, — отвечал студент.

Старик махнул рукой — и поток денег остановился, словно кто провёл черту запрещения. Они заперли дверь и оба вышли.

Студент был всей душой рад, считая себя разбогатевшим. Тут же он вошёл в комнату, чтобы взять денег на расход... И вдруг — вся комната ведь была полна этими милыми вещами, — а где же деньги? Остались лишь там и сям монеты, данные на рассаду — только и всего.

Надежды рухнули. Студент свирепо напустился на старика, браня его за обман.

— Я с вами был дружен по книгам, по знаниям, по литературе, — гневно возражал старик. — Я не думал, что для того, чтобы удовлетворить вас, мне придётся с вами вместе стать вором. Вам, знаете, надо найти этого, как говорится, синьора с балки³. Вот тогда вы и сдружитесь с ним как следует, а мне, старику, вам не угодить.

Отряхнулся и ушёл.

³ Синьора с балки — то есть вора.

146.

НАЛОЖНИЦА БЬЁТ ЗЛОДЕЕВ¹

妾擊賊

На западной окраине Иду в богатом семействе некоего N достаток был щедрый и средства огромны. Держал при себе он наложницу весьма грациозной красоты. Однако же, первая в доме², бесчестя, её изводила: порола-стегала бесстыдно и властно; наложница ж ей неизменно служила с послушным почтением. А N очень ей сострадал и часто — не раз говорил с глазу на глаз, её утешая; наложница же никогда совершенно в словах не являла обиды.

Как-то раз ночью несколько десятков человек перебрались через стену — да и входят, хватили по створке их комнатной двери — едва не сломали. N вместе с супругой от страха и жути чуть было души не лишились, трясутся-дрожат и не знают отнюдь, как же им поступить. Наложница встала, в молчании, так, что и вздоха не слышно, во мраке на ощупь по комнате движет, добыла себе деревянную палку — что воду таскают, — засовы сняла — да и тотчас наружу. Все скопом злодеи в смятенье пришли, словно встрёпанный лён. Наложница с лёгкостью посохом машет, ветер гудит лишь да крючья свистят, огрела четыре иль пять человек — те на землю свалились. Злодеи тут все расточились: в испуге-тревоге смятенно бежать, на

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Первая в доме (塚室) — главная, первая жена.

стену в сумятице не получилось забраться — лишь грянулись-грохнулись да и лепечут: «и-я», душа потерялась, да жизнь отлетает. Наложница посохом в землю упёрлась, озревши, со смехом речёт:

— Такого вот рода отребье да сброд не стоит того, чтобы руки прикладывать, лично участвовать в трёпке. Ан вот обучились злодеями стать! Я вас убивать потому и не буду, убью — так досадно себя опозорю.

Да всех их тут и отпустила, чтоб прочь удирали.

Н в потрясенье великом её вопрошает:

— Откуда ж уменье такое в тебе?

А вышло: наложницы папа был мастер-наставник на пиках да палках, наложница вцелe искусство его почерпнула; пожалуй, не станет препона и сотне врагов дать отпор, так-то вот. Жена же всю напугалась до смерти: жалеет, что в части её втянулась в обман её внешней красою. И с этой поры лишь с доброю миной её приветчает, наложница же и на волос тончайший — и то не была неучливой. Раз как-то соседка наложнице вот что сказала:

— Почтенная била злодеев, как будто свиней да собак; так что же тогда вы, в смиреннии свесивши голову, плети да розги снесли?

Наложница молвит:

— Такая уж доля моя, вот и всё тут, о прочем неужто осмелюсь вещать?

Спросившая нравственность-ум её пуще почтила.

Автор этих строк заметит:

Скрывала в себе несравненный талант, так несколько лет прожила, и, заметьте, никто из людей не дознался о том. В конце же концов, как стала сражаться — спасать от беды и несчастий, так сокола вдруг подменили на горлицу³. У-ху! Фазана убил и добычу

³ Сокола подменили на горлицу (化鷹為鳩) — несколько изменённая цитата из книги «Записей ритуала» (禮記), где говорится, что в середине весны сокол превращается в горлицу (согласно некоторым комментариям — в кукушку). Здесь содержится намёк на то, что злобная и жестокая жена моментально стала доброй и ласковой.

отдал — супруга тогда просияла улыбкой⁴, на фишках, как только победы достиг, — принцесса тотчас экипаж разделила⁵. Что ж, мастерство — невозможно, чтоб этак вот разом взять и порвать навсегда с ним, такие дела!

⁴ Фазана убил... — строчка намекает на историю из «Цзо чжуаня» (左傳), цзюань 52, «Двадцать восьмой год Чжао-гуна» (昭公二十八年), где говорится об уродливом сановнике Цзя, взявшем в жёны прекрасную девушку, которая из отвращения к мужу три года не смеялась и не разговаривала с ним. Тогда он отвёз её на фазанью охоту, добыл фазана и отдал ей, после чего она стала смеяться и разговаривать. Смысл фразы: искусность в чём-либо может помочь преодолеть неприязнь и семейные сложности.

⁵ На фишках, как только... — строка намекает на эпизод из «Новой [книги] танской истории» (新唐書), цзюань 83, «Биографии» (列傳), раздел 8 «Биографии всех принцесс» (諸帝公主列傳), «Девятнадцать дочерей Гао-цзу» (高祖十九女). Дочь Гао-цзу принцесса Дань-ян (丹陽) вышла замуж за генерала Сюэ Вань-чэ (薛萬徹), который был глупым и невежественным; принцесса стыдилась его и три месяца не разделяла с ним ложа. Сын Гао-цзу Ли Ши-минь (李世民, 599–649 гг., император Тай-цзун (太宗)) узнал об этом, пригласил зятя в гости и устроил игру в фишки, в которой нарочно проиграл и вручил победителю — Сюэ Вань-чэ — свой поясной меч. Принцесса обрадовалась и домой возвращалась с супругом уже в одном экипаже. Смысл фразы сходен с предыдущей (см. примеч. 4).

147.

[КАК ОН] ВЫГНАЛ
ПРИВИДЕНИЕ¹

驅怪

Чаншаньский Сюй Юань-гун был студентом ещё при прежней династии Мин. После того как треножки² были от неё отрешены³, он бросил конфуцианскую школу и обратился к даосизму. Мало-помалу он выучился искусству заклинать нечистую силу и приказывать ей, так что его имя было в ушах и у ближних, и у дальних жителей.

Некий господин Цзюй из какого-то города прислал ему вместе с шелками, как подарком, очень искреннее и приветливое письмо, приглашая его приехать на верховом коне. Сюй спросил, с какой целью он приглашается. Слуга ответил, что не знает.

— Мне, маленькому человеку, велено всего-навсего передать, чтобы вы обязательно дали себе труд удостоить нас своим посещением.

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1923 года.

² Треножник — это была древняя регалия, рано погибшая, но оставившая свой след в данном условном выражении.

³ После того как треножки были от неё отрешены — то есть с наступлением цинской (маньчжурской) династии в 1644 году.

И Сюй поехал. Когда он прибыл на место, то увидел, что среди двора был накрыт роскошный стол. Его встретили с большой церемонией и крайней почтительностью. Тем не менее так и не сказали, по какому случаю его так встречают. Сюй, наконец, не вытерпел и спросил:

— Чего, собственно, вы от меня хотите? Сделайте мне удовольствие — устраните из моей души сомнение!

Хозяин поспешил сказать ему, что ничего особенного нет, и сам взял чарку вина, заставил его пить — вот и всё. При этом речь его была вся ярко пламенная... Сюй решительно ничего не понимал.

За беседой не заметил он, как уже за вечерело. Хозяин пригласил Сюя пить в саду. В саду всё было устроено чрезвычайно красиво. Но бамбуки нависли густой сетью, так что картина получалась мрачная, словно лес! Было много разных цветов, которые росли сплошными купами и наполовину тонули в простой траве.

Сюй подошёл к какому-то зданию, с дощатого настила которого свисали пауки, ткавшие всякие узоры, то поднимаясь, то опускаясь, — крупные и мелкие, в неисчислимом множестве.

Вино обошло уже много раз, и день потемнел. Хозяин велел зажечь свечу, и они снова стали пить. Сюй отказался, уверяя, что не может больше справиться с вином. Хозяин сейчас же велел дать чай. Слуги торопились, метались с уборкой посуды, причём всю её они сносили на стол, находившийся в левой комнате того же самого здания.

Ещё не допили чай, как хозяин под предлогом какого-то дела неожиданно вышел, а слуга сейчас же со свечой в руке провёл Сюя на ночлег в левой комнате, поставил свечу на стол, быстро повернулся и вышел. Все это он делал как-то слишком суетливо. Сюй думал, что, быть может, он захватит с собой постель и придёт лечь с ним вместе, но прошло довольно много времени, а человеческие голоса совершенно замерли. Тогда Сюй поднялся, сам закрыл дверь и улегся.

За окном сияла светлая луна, входившая в комнату и падавшая на кровать. Разом закричали ночные птицы, осенние жуки. Сюю стало так грустно на душе, что сон от него бежал.

Минута — и вдруг по настилу топ-топ, как будто слышались шаги, стучавшие как-то очень грозно. Вот они сходят по спасательной лестнице, вот подходят к двери спальни...

Сюй испугался. Волосы стали ежом. Он быстро натянул на себя одеяло и закрылся с головой. А дверь уже тррах — открылась настежь. Сюй отодвинул угол одеяла и стал слегка поглядывать. Оказалось, что то была какая-то тварь с головой животного и телом человека. Шерсть шла вокруг всего тела, длинная такая, словно конская грива, и глубокого чёрного цвета. Зубы сверкали горными вершинами, глаза пылали двумя факелами.

Дойдя до стола, тварь припала и стала слизывать с блюд остатки кушанья. Пройдёт язык — и разом несколько блюд чисты, словно выметены.

Кончив лизать, тварь устремилась к постели и стала нюхать одеяло Сюя. Сюй сразу вскочил, повернул одеяло и накрыл им голову призрака, надавил и стал безумно вопить. Призрак, застигнутый врасплох, высвободился, открыл наружные двери и скрылся.

Сюй накинул одежду, встал и убежал. Двери сада оказались закрытыми с наружной стороны, так что выйти он не мог. Он пошёл вдоль забора, выбрал место пониже, перелез... Оказывается: хозяйские конюшни. Конюхи переполошились. Сюй рассказал им, в чем дело, и просил дать ему переночевать у них.

Перед утром хозяин послал подглядеть за Сюем. Сюя в комнате не было. Хозяин сильно перепугался. Наконец Сюя нашли в конюшне. Он вышел в сильном раздражении и сказал с сердцем:

— Я не привык заниматься изгнанием призраков. Вы, сударь, послали меня туда, держа дело в секрете и ни слова мне не сказав! А у меня в мешке был спрятан крюк, действующий по желанию! Мало этого, вы даже не проводили меня до спальни. Ведь это значило послать меня на смерть.

Хозяин принялся извиняться.

— Мне казалось, — бормотал он, — что если вам сказать, то как бы вы не затруднились... Да я и не знал вовсе, что у вас в мешке спрятан крюк! Дайте ж мне счастье и простите все десять смертных моих грехов!

Но Сюй все-таки был недоволен, угрюм, потребовал, чтобы ему дали лошадь, и поехал домой.

Однако с этих пор привидение исчезло, и когда хозяину приходилось собирать гостей на пир в своем саду, неизменно улыбался и говорил гостям:

— Я не забуду трудов студента Сюя!

Автор этих строк заметит⁴:

Жёлтая кошка иль чёрная кошка: ловит таящихся⁵ — и молодец! И это не пустые слова. Если представим: накрыл одеялом, истошно вопя, ну а после того от всех утаил, что так сильно его ужаснуло, прилюдно сказав, де, сбежало чудовище — так это своим он умением доспел, — и Поднебесная всенепременно стала б звать книжника Сюя исто святым человеком, чьей высоты невозможно достичь.

⁴ Перевод А. Г. Сторожука.

⁵ Ловит таящихся (得鼠) — здесь игра слов: в народной поговорке «жёлтая иль чёрная кошка» должна ловить мышь, а не неких «таящихся», но в китайском тексте употреблён иероглиф, ключом которого как раз и является «мышь» (鼠), поэтому высказывание приобретает дополнительный смысл: хороша кошка, которая ловит «притаившуюся мышь», и это многообразие смыслов достигается путём графической игры слов.

148

СЁСТРЫ МЕНЯЮТСЯ ЗАМУЖЕСТВОМ¹

姊妹易嫁

У почтенного министра Мао² из уезда Е³ семья была простой-убогой, отец его часто людям коров пас. На ту пору некто из знатного семейства⁴ Чжанов, что в уездной столице, обзавёлся новой дорожкой с могилами на южном склоне Восточной горы. Кто бы ни проходил рядом с ними, слышали, как в гробницах гневным окриком вещает голос:

— Все вы, а ну-ка живее ступайте отсюда, нечего вечно поганить знатных людей резиденцию!

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Почтенный министр Мао (相國毛公) — имеется в виду Мао Цзи (毛紀, 1463–1545 гг.), известный литератор и государственный деятель Минской империи, чьё жизнеописание включено в официальную «Историю Мин». В 1486 году был первым из всех претендентов, сдавших экзамен на высшую учёную степень *цзиньши*, служил главой Министерства церемоний (禮部), был советником императора, буквально «Великим учёным Восточных палат» (東閣大學士).

³ Уезд Е (掖縣) — название уезда в провинции Шаньдун; в настоящее время это городской уезд Лайчжоу.

⁴ Знатное семейство (世族) — здесь: род потомственных чиновников.

Чжан услышал, да не сильно-то в это поверил. Однако к тому ж многократно сподобился предупреждений во сне, разъяснявших:

— Семейных твоих похоронное место почтенному Мао в истоке дано усыпальницей рода, как можно, чтоб взятое долго столь не возвращали?

С той самой поры в семействе премного случалось несчастий. Спецы убеждали сменить погребенья для ладу — Чжан и послушался, переместивши могилы.

Как-то однажды министров родитель на выпасе был, и вышел он к прежним могилам фамилии Чжан. Внезапно под дождь угодивши, решил схорониться внутри позабытого склепа. Укрылся, однако же дождь ещё пуще — что таз обернули⁵; от ливня вода устремилась в пещеру, грохочет «бэн-хун», заливая-втекаая; вот так захлебнулся да и утонул. Министр как раз на ту пору ещё был подлетком-мальцом. Матушка лично наведалась к Чжану, хотела молить об аршине да пяди⁶ земли, чтоб можно отца схоронить. Чжан расспросил-разузнал про её родовое прозвание и страшно ему изумился. Пошёл посмотреть он на место, где тот захлебнулся, — и в точности там это, где собирались гробы размещать; так крепче ещё поразился да и разрешил, чтоб в этой вот самой могиле его схоронили; к тому ж приказал, чтобы с сыном своим она вместе явилась. Прошло погребенье — мать с сыном на пару являются к Чжану с поклоном. Его Чжан увидел — и по сердцу сразу; тогда оставляет его в своём доме да и обучает читать, с потомками-братьями в ряд один ставит. К тому ж испросил, чтобы старшую дочь за сына того выдать замуж. Мать в перепуге не смеет на это ответить — Чжана жена разъясняет:

— Коль слово о том уже сказано было, так разве возможно в пути поменять?

Тогда, наконец, согласилась.

Однако же дочь эта Мао семейство зело глубоко презирала, и мысли её об обиде-позоре весьма проявлялись и в облике внешнем.

⁵ Таз обернули (傾盆) — стандартное выражение, означающее «течь, как из обернувшегося/опрокинутого таза», то есть «лить как из ведра».

⁶ Аршин да пядь (咫尺) — здесь: ничтожное количество, чуть-чуть.

Когда кто-нибудь вдруг касался того в разговоре, то уши извечно себе зажимала и людям другим всякий раз говорила:

— Я лучше умру, а не выйду за сына того, кто коров выпасал!

Доходит до родственной встречи⁷, уж новобрачный заходит на пир, носилки цветистые⁸ подле ворот, а дочка как раз, рукавами закрывшись, к углу отвернулась⁹, прегорько рыдает. Торопят её наряжаться — а не наряжается, увещевают её — она всё не отходит. Вдруг новобрачный решает уже распрощаться и ехать, да грянула музыка громко весьма, а дочка по-прежнему: дождиком сеет из глаз, да к тому голова, как бурьян, разметалась, вот как! Зятя отец задержал, лично заходит упрашивать дочь — дочка рыдает, как будто бы слух потеряла. Тот в гнев приходит, давай вынуждать — пуще лишь плачет, и голос пропал. Тут и отцу ничего не поделать. Вновь из домашних является кто-то, чтоб передать, мол, новобрачный намерился ехать. Отец — торопливо на выход, речёт:

— С одеждой-убором пока не готово, молю, чтоб жених ещё малость пождал-погодил.

И тут же он снова в покои — бегом посмотреть, как там дочка. Туда да обратно метаясь, не даст даже роздыха туфлям. Тянули да длили так малое время, а дело ещё неотложней, от дочки же всё никакого ответа и нет; от сжавшей натуги желает с собой он покончить. А младшая дочка его тут же подле стояла, весьма осуждая сестрицу свою, усердно её торопя-побуждая. Сестрица гневливо речёт:

— Ты девка ещё недоросшая, а вот научилась уже, как болтать да галдеть! А ты отчего же тогда не решишься идти за него?

Та ей отвечает:

⁷ Родственная встреча (親迎) — один из древних обычаев, когда жених в день свадьбы лично является в дом невесты в церемониальном платье, чтобы, совершив положенные ритуалы (в том числе поучаствовав в специально устраиваемом пиршестве), встретить её и препроводить под отчий кров.

⁸ Цветистые носилки (彩輿) — специально убранный паланкин невесты.

⁹ Отвернуться к углу (向隅) — метафора одиночества и безысходности, восходящая к текстам «Шо юаня» («Сада историй», 說苑) и стихам Пань Юэ (潘嶽, 247–300 гг.); см. примеч. 22 к новелле 137 «Сверчок».

— Наш батюшка — искони не было, чтоб свою младшую дочь он обещал выдать замуж за сударя Мао. Если бы младшую сударю Мао он в жёны отдать обещался, — стало б заботы тогда, чтоб сестрицу упрашивать и подгонять?!

Отец же, услышав реченья её, просветлел-взвеселился, и, когда с матушкой их это дело тайком обсудили, старшую младшей решили сменить. Матушка тут своей дочке-то и сообщает:

— Строптивая коли чернавка уважить не хочет, как мать и отец ей велят, мы нынче решили, что можно тебя поменять на сестрицу твою; согласна ли ты на такое иль нет?

А дочка с подъёмом душевным в ответ:

— Коль батюшка с матушкой дочь наставляют пойти за кого, то будь он хоть нищий бродяга — перечить никак не посмею. Опять же, откуда тут видеть возможно, что сударь из Мао семейства кончину свою в самый раз обретёт от мора голодного, так ведь?

Мать и отец, речи такие услышав, весьма взликовали да, в облачение старшей сестры дочь обрядивши, быстро-поспешно в повозку сажают — и будь такова.

Но в двери вошед, те супруг и супруга с сердечностью всей стали нежной четою; у барышни вот из-за давней болезни плешины зияют, и то благоверного сердце смущало отчасти; со временем же понемногу проведаль он толки о давней подмене замужья, а после того почитать ещё пуще он начал жену, что его понимает¹⁰. Прожили вовсе не долго — муж получает тут степень «ученика эрудита»¹¹; участвуя в пробах «осенних палат»¹², дорогой минует он Лавки

¹⁰ Что его понимает (知己) — то есть близкого, задушевного товарища, за которого не жаль отдать жизнь. См. примеч. 23 к новелле 31 «Студент Е», *цзюань* 1, том 1, и примечание 17 к новелле 104 «Лянь-чэн», *цзюань* 3.

¹¹ Ученик эрудита (博士弟子) — в ханьское время так называли пятьдесят специально отобранных по стране казённокоштных студентов. В последующие эпохи так стали называть обладателей самой низшей из трёх учёных степеней Старого Китая — *шэньюаня* (生員) или *сюцяя* (秀才).

¹² Осенние палаты (秋闈) — название экзаменов провинциального уровня, проводившихся в годы под циклическими знаками *цзы* (子),

Придворного Вана¹³ уезд. Хозяин подворья — приезда того накануне — среди ночи во сне видит духа, рекущего:

— Между рассветом и ночью¹⁴ должен тут Мао явиться — первый по списку¹⁵; в будущем он непременно избавит тебя от беды.

Тот изнароком с рассветом поднялся, вчистую следит-караулит, с востока кто гостем прибудет. Вот, как дождался почтенного, — впал в радость крепко; всю утварь проворит особо богатую-ладную, и денег за это не надо, единственно только по сну-предсказанью всецело вверяет себя. Почтенный же тоже премного в себе утвердился, думает тайно: у хрупкой хозяйки¹⁶ волосы редки весьма; и рассудил: коль откроется — будут смеяться; станет богатым да знатным когда — мыслит, что нужно б её заменить.

у (午), мао (卯), ю (酉) осенью, в 8-й луне, обычно 15 числа. См. примеч. 8 к новелле 31 «Студент Е», цзюань 1, том 1.

¹³ Лавки придворного Вана (王舍人店) — название уезда в провинции Шаньдун, чьё именование уходит в глубь веков. Первоначально этот уезд называли Бао-чэн (鮑城) в память честного и принципиального государственного мужа времён Вёсен и Осеней Бао Шу-я (鮑叔牙, VII в. до н. э.), впоследствии в VI веке его переименовали в «Лавки разных товаров» (雜貨店), поскольку он находился на перекрестье торговых путей и в нём было множество заведений, продававших самые разные и необычные вещи. В танское время уезд переименовывают в «Лавки [придворного] шэжэня (один из придворных чинов — А. С.) [государственной канцелярии] Вана», таким образом увековечивая память об ушедшем от службы и поселившемся там в затворничестве Ван Си (王熙); потом уезд переименовывают в «Поселение придворного Вана» (王舍人莊), потом слово «поселение» заменяют на «округ» (鎮), но старое название неизменно остаётся в обиходе.

¹⁴ Между рассветом и ночью (旦夕) — то есть наступающим днём. Это выражение также в обиходе может обозначать и просто «очень скоро», «вот-вот».

¹⁵ Первый по списку (解元) — то есть первый среди выдержавших экзамен на степень цзюйжэня, присуждавшуюся на провинциальных экзаменах.

¹⁶ Хрупкая хозяйка (細君) — в древности так именовали жён владетельных князей; впоследствии название перешло в обиход для обозначения супруги вообще.

Так вот сложилось, а на рассвете, как доски открыли¹⁷, — в пику всему оказался он после Сунь Шаня¹⁸, охал да ахал, неверно шагая, горько досадовал в мыслях прискорбных, совестясь сердцем перед хозяином давешним, уж не посмел он повторно Вановым ехать подворьем, а возвращался дорогой другой.

Вот и три года минуло — сызнова едет на пробы. Хозяин подворья его привечает и холит всё так же, как раньше. Почтенный вещает:

— Что вы поведали — вовсе-то и не свершилось; особо стыжусь, что тогда принимал подношенья.

Хозяин на это в ответ:

— Поскольку тогда вы, *сюцай*, в мыслях тайных взалкали жену поменять, — за это в загробных приказах лишили вас чина-успеха. Так значит ли это, что сон ворожейный не сладил, чтоб осуществиться?

Почтенный в смятении пытается, откуда дознался, — а вышло, что после прощанья во сне снова видел, и вот говорит. Почтенный услышал об этом — в тревогу пришёл, сожалеет-робеет; как дерево врос, изваяния вроде. Хозяин ему объясняет:

— *Сюцаю* лишь нужно себя уважать и ценить — и станет в итоге он первым по списку на пробах.

Недолго прошло — и действительно в «списках духовных и мудрых»¹⁹ он первым стоял среди всех. И волосы тут у супруги

¹⁷ На рассвете, как доски открыли (曉榜既揭) — списки сдавших кандидатов вывешивались на специальных досках, которые открывали для обозрения на рассвете установленного дня.

¹⁸ Оказаться после Сунь Шаня (落孫山) — отсылка к истории из «Записей о прохождении через зал» (過庭錄) сунского литератора Фань Гун-чэна (範公偁, 1126–1158 гг.), где говорится о талантливом юноше Сун Шане, отправившемся сдавать экзамены в другой уезд, а вместе с ним испытания проходил и сын его односельчанина, не попавший в списки сдавших. Последним в списках значился Сун Шань, и, когда его спросили о результатах второго юноши, он ответил, что в списках он шёл после Сун Шаня. Таким образом, выражение означает «провалить испытания». См. примеч. 55 к новелле 31 «Студент Е», *цзюань* 1, том 1.

¹⁹ Списки духовных и мудрых (賢書) — упомянутые в книге «Чжоуского ритуала» (周禮) списки достойных талантов, представляемых правителю. Впоследствии это название стало употребляться для выдержавших экзамен провинциального уровня.

немедленно стали расти — как туча их узел, как зелени гуща²⁰; от той перемены она ещё краше.

А старшая вышла за сына богатого рода из той же деревни, настроен и нравом весьма была чванна-надменна. Супруг был разнуздан-ленлив, семья постепенно, что холм, уравнилась²¹, в пустых помещениях нет дыма-огня от стряпни. Слыхала, что младшая — нынче жена *сяоляня*²², и пуще ещё оттого устыдилась. Старшая с младшей, встречаясь, вечно сторонятся, чтобы пройти. Опять же, недолго минуло — а муж её тут и помер, семья захирела. Да вскоре вослед и почтенный возвысился, сдавши экзамен на *цзиньши*²³. Та, как прослышала, — кости скоблит²⁴ на саму себя ярость, от озлобления даже собой поступилась²⁵, ушедши в монахини. Вот же почтенный вернулся обратно державным вельможей — та силой шлёт монастырскую службу явиться в его резиденцию тотчас с визитом, надеясь, что, может быть, чем-то одарят. Она прибыла; супруга подносит в подарок узорных шелков ей, да газа-тафты — таких вот материй

²⁰ Гуща зелени (委綠) — глубокий чёрный цвет волос в Китае традиционно сравнивался с предельно сконцентрированной зеленью. Это выражение имело и ещё одну коннотацию — густоты и блеска, подобного буйно растущей траве или листве.

²¹ Уравниаться, что холм (陵夷) — сравняться с землёй, подобно старому холму; устойчивое выражение, означающее «сойти на нет», «полностью разориться».

²² *Сяолянь* (孝廉) — «почтительный и честный», иносказательное название второй учёной степени в традиционном Китае — *цзюйжэня*. См. примеч. 2 к новелле 26 «Три жизни», *цзюань* 1, том 1.

²³ *Цзиньши* (進士) — высшая учёная степень в традиционной экзаменационной системе Китая. См. примечания 1 к новелле 26 «Три жизни», *цзюань* 1, том 1; примечание 35 к новелле 47 «Прокурор Лу», *цзюань* 2, том 1; примеч. 4 к новелле 95 «Почтенный Тан», *цзюань* 3.

²⁴ Кости скоблит (刻骨) — первая часть выражения «проскоблить в костях и выгравировать в сердце» (刻骨銘心), то есть, отдаться какой-то идее полностью и навсегда. «Кости скоблит ярость на саму себя» — яростно, всей душой на себя сетовать и себя ненавидеть.

²⁵ Поступиться собой (廢身) — стандартная формула, означающая оставить дом ради духовного служения, то есть уйти в монастырь.

по несколько штук, спрятавши *цзини*²⁶ куда-то у них посередке, а служка про замысел этот и знать-то не знает отнюдь. Обратно снесла да явилась к наставнице. Наставница же, обманувшись в надеждах, гневливо речёт:

— Кабы вручили мне средств-капиталов, можно как раз было бы оплатить за рис и за хворост. Этого ж рода парадные штуки мне-то на кой бы приспичили, да!?

Вот и велит отнести всё назад. Почтенный с супругой немало возврату тому подивился, открыл поглядеть — ну а *цзини* все купно на месте, как было; тогда-то резон и осмыслил, с чего возвратили подарок. И, вытащив *цзини*, с улыбкой речёт:

— Наставнице, видно, твоей превозмочь нету сил, коль *цзиней* накопится больше, чем сотня; где бы уж статься там счастьем и благом, если б пошла за меня, старика министерского, да!

Тогда, отобрав пять десятков из *цзиней*, он их монашке в дорогу вручает, сказав:

— Ты отнеси это вашей наставнице, чтоб покрывала издержки. Больше — боюсь: коли счастье ледаще, трудно принять-устоять, вот и всё.

Послушница, как возвратилась, так полностью всё изложила; наставница только молчит, о себе лишь вздыхает, припомнив, что в целую жизнь, коли что и творила, то вечно, сама повернув наизнанку: бежала от доброго, льнула к дурному, и разве же это по чьей-то сторонней вине? А после хозяин подворья того, как дело возникло о чьём-то убийстве, был схвачен и забран в тюрьму под арест. Почтенный его всею силой спасал — и сняли вину.

Автор этих строк заметит:

Почтенного Чжана бывшие надгробия — Мао семьи усыпальница рода, одно уже это предивно весьма! Я же слыхал, что во время своё была у людей перегудка: «Старшей сестры благоверный сделался

²⁶ *Цзинь* (金) — здесь, мера веса, один *лян* серебра. См., например, примечание 13 к новелле 100 «Якшина держава», *цзюань* 3.

младшей сестры благоверным²⁷, давешний первый по списку сделался нынешним первым по списку²⁸». Это неужто же мудрый да хитрый какой-то этак вот смог рассчитать-сопоставить-то, а? У-ху! Небо, что всё синевой покрывает, искони порасспросить невозможно; что ж, как дойдёт до почтенного Мао, словно бы эхо оно откликается?

²⁷ Старшей сестры благоверный... (大姨夫作小姨夫) — трактат «Дела и записи, классифицированные по разрядам» (事文類聚), составленный сунским литератором Чжу Му (祝穆, 1198–1258 гг.) повествует, в частности, о том, что крупные государственные деятели и литераторы сунской эпохи Оуян Сю (歐陽修, 1007–1072 гг.) и Ван Гун-чэнь (王拱辰, 1012–1085 гг.) были женаты на родных сёстрах из семейства Сюэ. Оуян Сю был женат на старшей из трёх сестёр, Ван Гун-чэнь — на средней. После того, как супруга Оуян Сю скончалась, он женился на третьей, самой младшей сестре. Отсюда бытовавшая в то время присказка: «Прежний зять по дочери сделался новым зятем по дочери, старшей сестры благоверный сделался младшей сестры благоверным». В тексте новеллы эта присказка применяется к ситуации с Мао Цзи, собиравшемся жениться на старшей дочери, а женившемся, в результате, на младшей.

²⁸ Давешний первый... (前解元為後解元) — намёк на то, что Мао Цзи должен был стать первым по списку в прошлую сессию экзаменов, но стал таковым только в последующую.

149.

ПОКА ВАРИЛАСЬ КАША¹

續黃梁

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СТАРОЙ ИСТОРИИ)

Кандидат второй степени (*цзюйжэнь*) Цзэн из губернии Фуцзянь одержал на экзаменах в Южном Дворце столицы блестящую победу и сейчас же с двумя-тремя товарищами по экзамену, тоже только что получившими степень, отправился гулять за город. Совершенно случайно они узнали, что в храме Будды Вайрочаны живёт какой-то астролог, и вот сели вместе на коней, чтобы ехать туда погадать о своей судьбе.

Приехав, они вошли к астрологу в комнату и расселись. Тот, видя, каково их настроение, начал льстиво разглагольствовать. Цзэн сидел, обмахиваясь веером, и слегка улыбался.

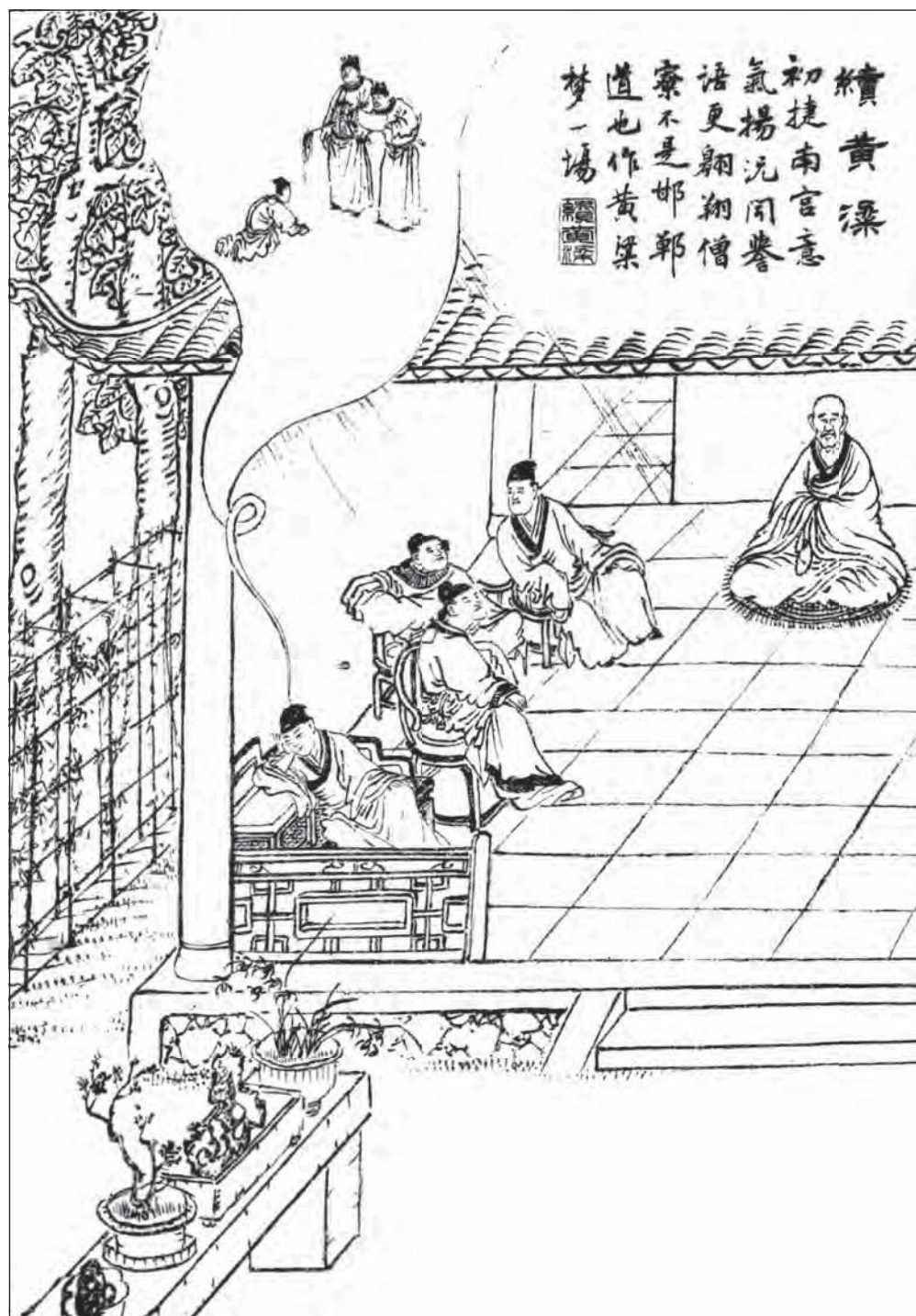
— Скажите, — спросил он прямо, — есть у меня в судьбе «змей и яшма» первого министра²?

Гадатель сделал важное, серьёзное лицо и сказал:

— Будете в течение двадцати лет первым министром в царствовании великого мира.

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1923 года.

² «Змей и яшма» первого министра — платье первого министра в древности расшивалось змеем, похожим на дракона, и пояс его застегивался яшмовою пряжкой.

Цзэн был очень рад.

Стал накрапывать лёгкий дождь. Цзэн с товарищами зашли укрыться от дождя в келью *хэшана*. Там был какой-то старый монах с глубоко посаженными глазами и высоким носом. Он сидел на молитвенном коврике, смотрел надменно и не обратил на вошедших никакого внимания. Те тоже, сделав ему кое-как приветствие, залезли на диван и стали разговаривать между собой, причём поздравили Цзэна со званием первого министра. Душа молодого человека была охвачена высочайшим подъёмом, и он, обращаясь к своим спутникам, говорил им:

— Когда я буду великим министром, знай, Чжан Нянь-вэнь, я тебя устрою в губернаторы на юг; тебя, свояк, — в генералы... Даже тебя, старина, моего слугу, и то устрою так, что у тебя будут тысячи. Тогда все мои желания будут удовлетворены. Довольно с меня!

Весь диван покотился со смеху... Дождь за дверями лил всё сильнее и сильнее. Цзэн устал и прилёг на диван. Вдруг он видит, что к нему являются двое императорских секретарей и вручают ему собственноручно подписанный указ государя, призывающего великого министра и наставника Цзэна к разрешению государственных задач. Цзэн, крайне удовлетворённый, сейчас же кинулся во дворец. Войдя к государю, он был принят лично и посажен пред его лицом. Государь говорил с ним очень долго и ласково и в заключение всего распорядился, чтобы все чины, начиная от третьего класса и ниже, зависели от его назначений и увольнений. Государь пожаловал ему расшитый змеей «ман» халат и яшмовый пояс, а также великолепного породистого коня. Цзэн облачился, поклонился государю и вышел.

Когда он пришёл к себе, то перед ним был уже не тот старый дом, в котором он жил ранее... Расписные балки, резные скульптурные перекладины — всё это было доведено до совершенства красоты и внушительной серьёзности. Цзэн думал и не мог понять, как всё это и с такой быстротой могло достичь такой чудесной перемены.

Однако, не подавая вида, он покрутил свою бороду, слегка крикнул — и сейчас же ему в ответ, как гром, прокатилось эхо ответных кликов свиты. Появились сановники всех степеней с подарками, состоящими

из заморских вещей. Согнувшись, с раболепными приветствиями входили они к нему и выходили шеренгами. Теперь, когда приходили главы министерств, то он, как говорится, спешил им навстречу, «надев туфли задом наперед»³. Когда приходили их секретари и помощники, он делал им простое ручное приветствие и сейчас же заговаривал. Тех же, кто был ниже их, он встречал кивком головы — не больше.

Шаньсийский губернатор прислал ему десять певиц, и все они были девственницы, честные девушки. Из них две особенно были хороши. Одну звали Няо-няо, а другую Сянь-сянь. Обе они были удостоены Цзэном особого фавора. И вот он с ними, непричёсанный, связав кое-как в узел волосы, сидел, развлекаясь и купаясь, проводя весь день среди пения и музыки.

Однажды ему пришло на память, что, когда он был ещё неизвестным ничтожеством, Ван Цзы-лян, влиятельный человек в его городе, оказывал ему всяческую помощь и содействие. Теперь, когда он вознесён, как говорится, до «тёмных туч», бедный Ван всё ещё топчется на мелких чиновничьих местах. Почему бы не протянуть ему руку? И вот в один прекрасный день Цзэн пишет доклад государю, представляя Вана к должности советника и контролёра при министерстве. Сейчас же получается на его имя указ, и Ван тут же назначен на должность.

Затем ему приходит на мысль, что шталмейстер Го в прежние времена, бывало, смотрел на него недоброжелательно. И вот он призывает к себе цензора Люя и государственного прокурора Чэнь Чана, сообщает им свои желания, диктует, что надо написать, — и через день оба чиновника уже сразу подают государю доклад, обвиняющий Го в преступлениях. Приходит на имя Цзэна указ о лишении Го чинов и должностей и об удалении его со службы. Таким образом, теперь его благоволение и его злоба получили определённое выражение, что доставило ему огромное удовольствие.

Однажды, когда он проезжал за городом, какой-то пьяный человек задел одного из его носильщиков, шедших впереди с его флагом. Сейчас же он распоряжается послать человека, веля ему связать

³ ... спешил им навстречу, «надев туфли задом наперед» — как древний добродетельный министр [Цай Юн (133–192 гг.)], не желавший заставлять ждать.

пьяницу и передать столичному градоначальнику. И преступник тут же под палками издыхает.

Соседи по дому и имению, боясь его силы и влияния, отдают ему теперь самые жирные уголья, и с этих пор его богатства могут сравняться только с царскими.

Вскоре одна за другой умирают любимые им Няо-няо и Сянь-сянь. Цзэн с утра до вечера предаётся горестной думе, но вдруг вспоминает, что когда-то давно, ещё в прежние годы, он видел у соседа необыкновенно красивую дочь и всё хотел её купить себе в наложницы. Но пока он был слаб и беден, от этого давнишнего желания приходилось отказаться. А теперь ему повезло, и он, значит, сейчас же может осуществить, что задумал. И вот он посылает своих наиболее опытных слуг и велит им насильно вручить соседу деньги. Через самое короткое время носилки с девушкой уже в его доме. Смотрит — а она стала куда красивее прежнего, когда он только что впервые её увидел. И вот, смотря на свою нынешнюю жизнь, он видит, что всё, чего он желал, исполнено и его удовлетворяет.

Прошёл год. У придворных чинов начались какие-то перешёптывания, как будто они в нём чего-то втайне не одобряли. Однако каждый из них стоял перед ним, словно игрушечный конь, и Цзэн, по-прежнему надменный и высокомерный, не задумывался над этим и не считался с ними.

Вдруг академик Бао, состоящий при дворцовом учреждении Лунтугэ, подаёт государю доклад, в котором, между прочим, говорит следующее:

«Позволю себе доложить вашему величеству, что известный Цзэн был раньше простой пьяница, картёжник, никуда не годный, ничтожный уличный шатун. Стоило одному его слову понравиться, как августейшее внимание вашего величества уже ответило ему возвеличением. Отец его облёкся в пурпур, а сын в ярко-красные одежды первого чина. Милость и высокое внимание вашего величества дошли в отношении к нему до самой крайней степени.

Однако он и не думал отдавать всю свою жизнь, рискуя, может быть, головой, чтобы хоть кое-как отблагодарить ваше величество, платя одним за десятки тысяч. Совсем наоборот, он дал полную волю

своим прихотям и стал злоупотреблять своей властью и счастливым положением. Преступлений, им совершённых, за которые надо казнить смертью, не сосчитать, если даже выдернуть все его волосы, волосок за волоском. В самом деле, он дворец и трон вашего величества обратил в дорогой товар и, сообразно тому, насколько место было хлебное или, наоборот, бедное, назначал то большую, то малую цену.

Тогда высшие сановники государства, военачальники и гражданские чины забегали у его ворот. Он стал теперь рассчитывать и торговать своей протекцией, совершенно как торговцы на базаре своим товаром. И тех, кто заискивал перед ним, подобострастно всматриваясь в его дыхание и следя за пылью от его ног, не сосчитать. Если же случалось, что какой-либо благородный и прямой человек или честный сановник не соглашались ему льстить и подчиняться, то он тут же, в зависимости от степени своего недовольства, их казнил: кому поменьше кары, тех он отстранял от должности за штат, кому побольше — тех прогонял со службы, снимал с них костюм учёного и превращал в простолюдинов. Дело доходило до таких совершенно невозможных вещей, что стоило чьей-либо руке не подняться за него, как он устраивал известную подлую историю с оленем и лошады⁴, ссылая такого смельчака в дальние места, в царство шакалов и волков. У всех придворных чинов при виде этого сердце застывало в ужасе. С этих пор двор вашего величества остался одиноким — как бы сиротой.

Далее, он с жадностью набрасывался на жир и соки народа, глотая и пожирая их. Он насильно сватал себе девушек из честных семейств... От этого злого воздуха преступлений и скверных паров человеческой обиды помрачено, государь, небо и солнце, их нет!..

⁴ ...устроивал... подлую историю с оленем и лошады... — всесильный министр III в. до Р. Хр. Чжао Гао, желая похитить трон, устроил следующее испытание. Он подарил молодому государю [Эрши-хуану] оленя и сказал: «Вот вам лошадь, государь!» Тот засмеялся и сказал: «Вы ошиблись, конечно, министр!» Потом посмотрел на окружающих трон сановников. Некоторые молчали. Некоторые же, из желания польстить Чжао, говорили, что это лошадь. Кое-кто, однако, сказал, что это олень. Этих последних Чжао велел посадить в тюрьму. С этих пор уже все сановники стали бояться Чжао.

Стоит лишь кому-либо из его слуг прийти в дом, как уже любой начальник и губернатор подобострастно засматривает ему в лицо. Достаточно одного его письма, чтобы какое угодно учреждение, какое угодно министерство нарушило тут же в угоду ему закон. Пусть то будет сын кого-нибудь из его домашних слуг или какая-нибудь самая дальняя родня, — стоит им выйти за ворота, как они уже садятся на курьерских лошадей, мчатся как ветер и разят всех как гром. Стоит какой-либо местности чуть-чуть запоздать с продовольствием, как плётка с лошади уже хлещет. И так отравляет он ядом народ, обращая в рабов и холопов весь чиновничий класс... Чуть только появится где-либо его свита, как в полях уже не зеленеет трава.

А этот самый Цзэн между тем преисполнен величия, сияет и блещет. Надеясь на высокое внимание вашего величества, он и не думает раскаиваться. Когда он получает от вас, государь, приказ явиться, чтобы дать ответ, он входит и стелется перед вами, как ползучая трава; но самодовольно виляет, как змея, когда от вас выходит. И стоит только ему выйти из дворца, как песни и куплеты уже начались в его дальних садах. И с этими песнями, и с этими женщинами, с собаками и с лошадьми он день за днём, ночь за ночью проводит в диком разврате. Государственные дела, жизнь народа совершенно в его голове не существуют. Где, где на свете может ещё быть подобный министр?

Весь Китай, и в столице, и в провинции, полон ужаса и омрачения. Людские сердца кипят негодованием. Если не учинить над ним сейчас же смертной казни, приложив топор к шее, то дело непременно придёт к страшному злу: будет то, что наделали в свое время Цао и Ман⁵!

Ваше величество, одержимый страхом день и ночь, я не смею себе позволить спокойного существования, и вот, рискуя жизнью, я излагаю всё вышесказанное, надеясь, что это дойдёт до вашего

⁵ Цао и Ман — Ван Ман (I в. по Р. Х.) и Цао Цао (III в. по Р. Х.) — два знаменитых временщика, которые, усилившись до необыкновенного могущества, постепенно забрали в свои руки всю власть, а затем убили законных государей и уничтожили законных претендентов. Их имена ненавистны китайской истории и литературе.

внимания. Падаю ниц и умоляю вас повелеть, чтоб отрубили голову подлому льстецу и конфисковали в пользу государства всё нажитое его алчной наглостью имущество. И тогда на небе отвратится гнев на нас, а на земле дадим радостно вздохнуть человеческим сердцам. Если же мои слова окажутся пустыми и лживыми, то пусть тогда ожидают меня нож, пила, горн и котел!»

Доклад пошёл к государю. Узнав об этом, Цзэн в ужасе, захватившем дух, весь затрясся и дрожал, словно глотнул ледяной воды. На его счастье, государь отнёсся к этому великодушно и снизошёл к Цзэну, оставив доклад у себя и не дав его распубликовать. Однако вслед за этим докладом все цензоры и высшие сановники с разных сторон, один за другим, явились к трону с обличениями по его адресу. И что же? Даже те самые люди, что раньше кланялись ему у ворот и стен его дома и называли его своим вторым отцом, вдруг отвернули от него лицо и показали спину.

Пришёл приказ конфисковать его имущество и сослать его в юньнаньские⁶ солдаты. К сыну его, занимавшему должность пиньянского префекта, тут же был послан чиновник для допроса по этому делу.

Узнав об указе, Цзэн впал в ужас и уныние. Но вот является несколько десятков солдат с саблями и пиками, идут прямо к спальне, срывают с него платье и шапку министра, связывают его и с ним вместе жену. Тут же он видит, как несколько человек выносят на двор его богатство: целыми миллионами золото, серебро, деньги. Целыми сотнями ведер жемчуга, дорогие цветные камни, яшмы и агаты. И всё, что было в альковах, за занавесями, на постелях — тысячи разных вещей, даже таких, как детские пелёнки и женские башмаки, — всё было выброшено на дворовые крыльца. Цзэн взглянет сюда, посмотрит туда — сердце щемит, колет глаза.

Ещё минута — и вот солдат вытаскивает красивую наложницу, которая, вся растрёпанная, тоненьким нежным голоском так и плачет, а яшмовое личико полно растерянности. Цзэн, весь пылая жалостью, сжигавшей душу, скрывает свой гнев и не смеет ничего сказать.

⁶ Юньнань — окраинная губерния Китая, состоявшая из непроходимых гор и населённая почти сплошь дикими племенами, еле признававшими китайское владычество и требовавшими военного присмотра.

Закрыли и запечатали все строения, здания, кладовые и амбары, а затем крикнули Цзэну, чтоб убирался. Приставленный к ним надсмотрщик, связав мужа и жену, потащил их к выходу. И вот они оба двинулись в путь, глотая звуки. Стали было просить дать им какую-нибудь клячу и хоть скверную телегу, чтобы как-нибудь избежать пешего пути, но и это оказалось невозможным. Так прошли вёрст пять. У жены Цзэна ноги ослабели, и она уже готова была свалиться, но Цзэн от времени до времени давал ей руку и так её поддерживал. Так прошли ещё верст пять, а то и больше. Теперь Цзэн и сам чрезмерно устал.

Вдруг перед ними высокие горы, прямо воткнувшиеся в небо, в Млечный Путь. Цзэн, с грустью сознавая, что у него не хватит сил подниматься на горы и переваливать через них, по временам, таща за собой жену, оборачивался и плакал. Но являлся надсмотрщик, свирепо смотрел на них и не позволял остановиться ни на минуту. К тому же Цзэн заметил, что косое солнце уже упало, а им негде искать пристанища. Но делать нечего, кое-как, шатаясь и ковыляя, шёл да шёл. Дошли до середины горы. Тут силы у жены Цзэна истощились, она села у дороги и стала плакать. Цзэн тоже сел отдохнуть, предоставив надсмотрщику кричать и браниться, сколько ему угодно.

Вдруг раздаются сотни голосов, кричащих все разом; появляется толпа разбойников, каждый с острым ножом в руке, и нападает на них. Надсмотрщик в ужасе бросается бежать, а Цзэн, стоя на коленях, говорит, что он осиротевший человек, сосланный в далекие места, и что в мошне у него ничего порядочного нет.

Говорил и слёзно просил сжалиться и не убивать его. Разбойники же, вытаращив от гнева глаза, кричали ему со всех сторон:

— Мы все беженцы, которых ты погубил. Нам ничего от тебя другого не нужно: мы желаем получить голову лстивого вора — и больше ничего!

Цзэн тут вскипел гневом.

— Эй, вы, — закричал он, — правда, что я отбываю наказание, но всё-таки я царский министр. Как вы смеее, негодяи?

Разбойники тоже осерчали и огромным топором ударили Цзэна по шее. И вот он чувствует, как голова падает со стуком на землю.

В ужасе, ничего не понимая, вдруг он видит перед собой двух чертей. Они связали ему руки, заложив их за спину, и погнали его.

Пройдя так некоторое время, он вошёл в какой-то большой город. Ещё миг — и он видит перед собой дворцы и залы. В одной из зал сидит какой-то безобразный с виду царь, который, склоняясь над столом, распределяет кары и блаженства. Цзэн пополз перед ним на коленях и просил дать ему приговор, сохраняющий жизнь. Царь стал проглядывать его книгу. С первых же строк он разразился громовым гневом:

— Здесь преступник, обманувший государя и морочивший всю страну! Положить его за это в котел с маслом!

Тысячи чертей разом отозвались, и голоса их напоминали раскаты грома. Сейчас же появился огромный чёрт, который схватил Цзэна и стащил вниз, под крыльцо. Цзэн увидел треножник-котёл, высотой футов в семь, а то и больше. Со всех сторон пылали угли, так что ноги котла были сплошь красны. Цзэн, бодаясь от страха из стороны в сторону, жалобно стонал и плакал, но скрыться было решительно невозможно. Чёрт ухватил его левой рукой за волосы, а правой за щиколотку ноги и бросил в котёл. Цзэн почувствовал, как всё его тело сжалось в комок и стало всплывать и тонуть вслед за движениями волн масла. Кожа и мясо горели и жарились с такой силой, что боль шла ему прямо в сердце. Вот кипящее масло попало в рот, и стали вариться лёгкие и все внутренности. Всем его помыслам овладело теперь желание поскорее умереть, но как он ни придумывал, не мог добиться смерти.

Так приблизительно через полчаса или час — время, нужное, чтоб поесть, — появился чёрт и огромной вилкой вытащил Цзэна и опять поставил его перед столом царя. Царь стал опять разбирать Цзэновы списки.

— Как? — вскричал он в гневе. — Пользоваться своей властью, чтобы угнетать народ? За это следует получить муки Ножовой горы!

Чёрт опять схватил его и унёс. Цзэн видит теперь перед собой гору, не очень большую и широкую, но откосы её и зубцы стоят стеной, а на них во все стороны торчат острые лезвия — целыми пачками здесь и там, словно густые ростки бамбуков. Цзэн видит также, как

несколько человек перед ним уже повисли на горе своими намотавшимися кишками и пропоротыми животами. Их стоны и крики разрывали скорбью всю душу и сокрушали глаза. Чёрт стал погонять Цзэна в гору, но тот зарыдал, попятился и весь съёжился. Тогда чёрт взял шило, намазанное ядом, и вонзил ему в мозг. Цзэн, весь подавленный страданием, умолял сжалиться, но чёрт рассвирепел, поднял Цзэна и бросил его в пространство. И вот Цзэн чувствует, как он летит куда-то за тучи, в небеса, и вдруг с головокружительной быстротой разом падает. Острия ножей одно за другим вонзаются ему в грудь, и муки боли так сильны, что их не выразить, не описать.

Прошло опять некоторое время. Тело стало свешиваться вниз своею тяжестью, раны от ножей стали понемногу всё шире и шире — и вдруг он сорвался и упал. Все члены тела у него скрючились, словно извивы червяка. Чёрт опять погнал его к царю. Царь велел сосчитать, сколько он за свою жизнь получил золота и денег от продажи чинов и своего имени, за нарушение закона, грубое присвоение имущества и так далее. Сейчас же явился бородатый человек с планками и счётами в руке.

— Три миллиона двести десять тысяч, — доложил он.

— Если он всё это накопил, — сказал, царь, — велим ему это выпить!

Тут быстро стали набирать золото и деньги и громоздить их в кучу. Получилось что-то вроде холма или даже горы. Затем стали мало-помалу бросать всё это в железный котел и расплавлять на сильном огне. Потом несколько чертей-подручных стали поочередно вливать ему расплавленное ложкой в рот. Полилось по щекам — кожа воняла и трескалась; вошло в горло; внутренности закипели, забурили. Пока был жив, Цзэн всё тужил, что этих самых вещей у него было мало, а теперь, наоборот, так скорбел, что их много! Целые полдня продолжалось дело, и только тогда всё, что было положено, вошло.

Царь велел теперь тащить его в Ганьчжоу и сделать женщиной. И вот, пройдя несколько шагов, Цзэн видит на подставке железную перекладину, в несколько футов обхватом, к которой привязано какое-то огромное колесо, не счесть даже, сколько сотен и тысяч вёрст в окружности. Оно всё в пламени, которое так и родит пятицветную

радугу, а свет сияет в тучи и небо. Чёрт ударил Цзэна, веля войти в колесо, и только что он, закрыв глаза, вскочил, как колесо тут же под его ногами завертелось, и ему показалось, что он как будто стремглав падает. Затем во всём его теле родилась какая-то прохлада. Открыв глаза, посмотрел на себя — он уже младенец, да к тому же девочка! Посмотрел на своих родителей — висят лохмотья, словно на крыльях перепёлки, торчит рваная вата... А в землянке висят ковши и стоят палки. Цзэн понял, что он теперь дочь нищих.

Каждый день девочке пришлось бегать за нищими мальчишками с чашкой в руках. В животе так и урчало от голода, но часто не приходилось поесть и разу. Одевалась она в рваное платье, и ветер часто пронизывал ей кости.

Четырнадцать лет её продали студенту Гу в наложницы. Теперь её платье и пища, хотя и были грубы, но их, в общем, ей хватало. Однако жена студента была очень злая женщина, и каждый день, с плетью и палкой в руках, заставляла её работать, а то иначе — гладила её раскалённым докрасна железным утюгом грудь и сосцы. На её счастье, хозяин очень жалел её и любил, так что она, в общем, могла несколько приободриться и утешиться.

Как-то неожиданно для неё сосед, скверный молодой человек, перелез через забор, подобрался к ней и стал принуждать её к сношению с ним. И вот вспомнила она, как за злые дела своей первой жизни она поплатилась, приняв от чёрта кару, — и подумала, как можно этакое повторить? Подумав так, она громким голосом закричала на весь дом. Хозяин с женой и все в доме проснулись. Тогда только мерзавец убежал и скрылся.

Вскоре после этого студент пришёл к ней в комнату ночевать. Тогда, лежа с ним на одной подушке, она начала рассказывать про своё горе и про свои обиды... И вдруг раздался потрясающий резкий крик. Двери комнаты распахнулись, и вбежали два разбойника с ножами в руках, желая, очевидно, отрезать студенту голову и набрать в узлы платья и других вещей. Женщина свернулась в клубок и притаилась под одеялом, не смея пикнуть.

Затем разбойники ушли, и она с громким воем побежала к жене студента. Та сильно испугалась и со слезами на глазах пришла

и стала осматривать. Потом она заподозрила женщину в том, что это она убила её мужа по подстрекательству подлого любовника, и подала на неё жалобу губернатору. Тот велел её строго допросить, и по допросу присудил её к жестокой казни, определив, что по закону полагается растерзать её на куски до смерти. И вот её связали и повели на место казни...

Обида захватила её грудь, закрыла дыхание, сжала её и сдавила её... Запрыгав, заскакав, она во весь голос кричала о своей обиде, кричала и сознавала, что во всех девяти мрачных странах ужаса и в восемнадцати адах мучений нет нигде такого тёмного мрака.

И вот, крича от горя и ужаса, Цзэн слышит, как попутчики его окликают:

— Послушай, друг, вставай — ты в кошмаре, что ли?

Цзэн открыл глаза, очнулся. Видит, старый *хэшан* по-прежнему сидит, подобравшись, на своём месте, а спутники наперерыв зовут его:

— Смотри, солнце уже к вечеру, в брюхе пусто, чего ты так долго спишь?

Цзэн поднялся с грустным и безучастным видом, а *хэшан* сказал ему, еле улыбаясь:

— Ну-с, как же? Сбылось гаданье о первом министре или нет?

Цзэн всё более и более дивился, ничего не понимал, пугался. Склонился перед *хэшаном* и просил наставить его.

— Питай в себе доброе начало и твори дела милосердия; тогда, даже среди огненной ямы, может появиться зелёный лотос Будды... Я только горный монах. Откуда мне это понимать?

Цзэн пришёл сюда с гордым и высокомерным видом; теперь же, незаметно для себя, потерял всё хорошее настроение и с убитым видом пошёл домой. С этого времени мечты о высоких хоромаш и террасах поблекли и сменились равнодушием.

Он ушёл в горы, и чем кончил жизнь — неизвестно.

Объяснение заглавия рассказа. Даосский святитель Люй зашёл раз в гостиницу и там повстречал юношу, который стал жаловаться ему на свою горькую жизнь. Поговорив, он задремал. Люй дал ему подушку, и вот юноша увидел во сне, как он, выдержав экзамены, добился самых высоких почестей и как, в конце концов, — только

умер. Пока он спал, хозяин гостиницы ещё не успел даже сварить гостям кашу. Бедный юноша не захотел богатства, а, получив от своего спутника внушение, стал таким же, как он, подвижником.

Автор этих строк добавит⁷:

Счастье благим и погибель порочным⁸ — это обычный ход дел для Небес. Лишь услышал он, что станет главою министров, и в тот же час всей серёдкою возвеселился — точно ведь не потому ликовал, что сам себя он щадить не намерен, это уж ясно, вот так! А в этот миг-то в квадратном вершке⁹ посереёдке — залы дворцовые, жёны-наложницы, и не найдётся такого, чтоб не было. Только, однако ведь, сны, как известно, рождают обман; то, что мечтается, — тоже неправда. Так что пустое он, знамо, изладил; дух отплатил ему мороком просто. Просо уже вот-вот станет готово¹⁰, — тут-то и снам таким быть надлежит непременно; кстати придётся, чтоб, следуя позадь, к «Сну из Ханьдани»¹¹ служить приложением.

⁷ Перевод А. Г. Сторожука.

⁸ Счастье благим и погибель порочным (福善禍淫) — цитата из «Шу-цзина» (書經), цзюань 8, глава 3 «Предписания Тана» (湯誥).

⁹ Квадратный вершок (方寸) — сердце; см. примеч. 20 к новелле «Дочь господина Лу», цзюань 3.

¹⁰ Просо (黃粱) — отсылка к тексту первоисточника истории, танской новелле Шэнь Цзи-цзи (沈既濟, ~750–800 гг.) «Записки о случившемся в изголовье» (枕中記), в котором мечтающий о карьере молодой студент Лу видит сон о возможном течении всей грядущей жизни и понимает ей тщетность за время, пока хозяин харчевни успевает лишь сварить просыаную кашу. См. «Объяснение заглавия рассказа».

¹¹ «Сон из Ханьдани» (邯鄲[夢]) — пьеса (второе название — «Записки о Ханьдане», 邯鄲記) минского драматурга Тан Сянь-цзу (湯顯祖, 1550–1616 гг.), написанная в 1601 году и основанная на истории о чудесном сне, привидевшемся студенту Лу, но на сей раз в гостинице округа Ханьдань (см. примеч. 3).

150.
ДРАКОН БЕРЁТ ВОДУ¹
龍取水

В народе говорят, что дракон берёт воду из рек и речушек, чтобы устроить дождь, такие разговоры сомнительны правдоподобием. Сюй Дун-чи² раз пустился на юг путешествовать³, к берегу речному он лодку причалил, глядь тут: какой-то лазурный дракон тулово свесил из внедрови туч, хвостом прилучает как раз из реки этой воду. Волны-валы в клочкотании подъявшись, прямо по телу дракона стремятся наверх. Издали глянешь — а водные блики сверкают-мерцают, шире, чем шёлка белёного троица штук⁴. Вскоре за этим драконовый хвост подтянулся да скрылся, да и вода тем же мигом пристала. Вдруг тут внезапно и дождь проливной обвалился потоком, каналы-отводы до верху сровняв.

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Сюй Дун-чи (徐東癡, 1611–1683 гг.), поэт, историк, государственный муж, предававший отшельничеству; уроженец уезда Синьчэн в провинции Шаньдун.

³ Пустился на юг путешествовать — Сюй Дун-чи дважды ездил путешествовать в южные провинции: в 1679 году в Чжэцзян, второй раз в 1683 году в Цзянси.

⁴ Троица штук (三匹) — штука (*пи*) была в древности не только счётным словом для отрезков шёлка, но и единицей измерения, равной четырём китайским саженьям *чжан* (丈), то есть ~13,32 м; три *пи* тогда будут равны ~40 м.

151.

МАЛЕНЬКИЙ ЛОВЧИЙ ПЁС¹

小獵犬

Государев советник Вэй², что с запада от гор³, в пору, как ходил «среди питомцев»⁴, утомившись от неотвязных помех, перешёл житьствовать⁵ в буддийский монастырь. Терзаясь тем, что в келье клопов, комаров, блох было превеликое множество, ночи напролёт не мог задремать.

После трапезы прилёг отдохнуть на кровать. Вдруг внезапно возникает тут какой-то крошечный вояка: в голову воткнувши хвост

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Государев советник Вэй (衛中堂) — Вэй Чжоу-цзо (衛周祚, 1611–1675 гг.), известный своей бескорыстностью сановник минского времени. Уроженец провинции Шаньси, сдавший экзамен на *цзиньши*, занимал посты главы нескольких министерств, был старшим наставником наследника престола. Государев советник — именование «Великого учёного Государственной канцелярии» (內閣大學士), то есть фактически советника императора.

³ С запада от гор (山右) — буквально «справа от гор» (в традиционной китайской космогонии правая сторона соответствовала западу), то есть из провинции Шаньси.

⁴ Среди питомцев (諸生) — то есть после получения первой учёной степени — *сюця*.

⁵ Житьствовать (齋) — здесь это слово обозначает проживать в странноприимном доме при монастыре.

фазана, будучи росточком о двух вершках или чуть побольше, конно едет на лошадке, ростом что, примерно, с саранчу. На его предплечии синий нарукавник — сокол там имеется, что размером с муху. Так он прямо — с улицы заехал, кружится да вертит посредине кельи, мерными шагами или вскачь.

Почтенный как раз, обмирая, следит, как тут в дополнение ещё человек заходит, статями своими на первого схож, привешены к поясу маленький лук со стрелами, и ловчего пса он ведёт, высотой — что большой муравей. Ещё через время короткое пешим ли ходом, конно ли едучи — один за другим прибывают по множеству сотен таковских людей, соколы тоже — на множестве сотен предплечий, а также и псы, коих множество сотен голов. Если комар или муха лишь только взлетит — сокола пустят, чтоб с лёту ударил, начисто всех перебили-избыли; а ловчие псы забрались на кровать, на стены вскарабкались, ищут, вгрызаются в блох и во вшей, из каждой прогалины-щели, где втихаря кто забился-укрылся, вынюхают, и не будет таковского, чтоб не достали. Так вот в течение краткого мига побили-сгубили их дочиста всех. Почтенный, прикинувшись спящим, тайком доглядает; а соколы сели, и псы так и рыскают прямо на теле его. Вот вслед за этим некто, одетый в жёлтое платье⁶ да плоской Небесной короной⁷ увенчанный, — вроде бы как государь — взошёл на другую лежанку, коня привязав посреди тростников и бамбуков⁸.

⁶ Жёлтое платье (黃衣) — одежда лимонно-жёлтого цвета была привилегией государя и членов его семьи.

⁷ Плоская Небесная корона (平天冠) — вид древнего императорского головного убора, представлявшего собой высокую тулью с прикреплённой сверху плоской горизонтальной пластиной прямоугольной формы, вытянутой спереди-назад. Передний и задний края этой пластины украшались многочисленными драгоценными подвесками, образовывавшими что-то наподобие короткой занавеси. То же, что и корона *мянью* (冕).

⁸ Тростники и бамбуки (葦簾) — здесь имеются в виду циновки из тростника и бамбукового лыка; тростниковыми циновками укрывали лежанки, особенно в северных регионах. Так печь-кровать *кан* круглый год покрывали такой циновкой, а летом сверху клали ещё особый тонкий коврик из бамбука. Действие в новелле разворачивается как раз летом.

Присные конные спешили все; — подносят летавших, подносят ходивших⁹, обильно сложили, края все заполнив; да вот непонятно о чём же таком они там говорят. Недолго минуло — правитель взбирается в крохотный выезд монарший, охранники же — в торопливости-спешности каждый велит, чтоб седлали коня; тут тьмища копыт припустилась совместно, в сумятице, словно горох раскатился; лишь дымка летит да туман воспаряет¹⁰, в мгновение одно — и рассеялось всё.

Почтенный, отчётливо-явственно это узревши, дивуется в ошеломлении, не зная, откуда взялись. Вот туфли надел поглядеть, что за дверью, — неясно там, нет ни следа и ни звука. Назад воротился, вокруг осмотревшись — а также и здесь ничего не видать, единственно там на стенном кирпиче остался один только крошечный пёс. Почтенный поспешно его изловил — а он-то ручной; припрятал в коробку от камня для туши¹¹, да часто — не раз озирает в удовольствии. Шёрстка до крайности тонкая-нежная, а на загривке есть маленькой меры кольцо. Кормит его зерном риса варёного — тот лишь понюхает, да сторонится, уходит. Вспрыгнул-взошёл на лежанку-постель, в швах поискался одежды — насмерть повыгрызши гнид всех и вшей, тут же вернулся обратно, улёгшись ничком. Ночь миновала — почтенному мнится, что тот-де уже убежал; пошёл поглядеть — а и вот он, свернувшись, плашмя пребывает, как прежде. Почтенный лишь ляжет — а пёс на циновку кровати залезет, чуть встретит козявку — тотчас же пожрёт-утичтожит; комар или

⁹ Подносят летавших, подносят ходивших (獻飛獻走) — подносят «птиц летавших и зверей ходивших» (飛禽走獸), распространённое выражение, означающее подносить высшему добычу с охоты. Здесь имеются в виду добытые комары, мухи, блохи и вши.

¹⁰ Туман воспаряет (霧騰) — те же иероглифы могут значить и «бешено нестись, скакать в дымке»; эта многозначность помогает Пу Сун-лину создать весьма выразительную картину мчащейся бескрайней реки всадников.

¹¹ Камень для туши (硯) — специальный сосуд для растирания (а иногда и хранения) туши, часто изготавливался из редких пород камня и специально шлифовался. Одно из четырёх «сокровищ кабинета учёного».

муха — никто не посмеет спуститься туда. Почтенный ценил его больше кольца из нефрита, размером в обхват¹². Да как-то однажды он днём задремал, а пёс, укрываясь, лежал у него прямо сбоку. Почтенный, очнувшись, на бок повернулся — а что-то и давит на низ поясницы. Почтенный почуял — чего-то там есть, да и заподозрил, что, верно, то пёс, немедля вскочил, поглядел на него — а тот весь раздавлен уже, да почил, и выглядит, будто бы кто из бумаги его вырезал. Однако же с этой поры средь козявок на стенах уж не было тех, что кормился¹³, и всё тут!

¹² Кольцо из нефрита, размером в обхват (拱壁) — баснословная драгоценность, чистый нефрит, размером в обхват, упоминающийся в «Цзо чжуане» (左傳). Метафора невиданного сокровища. См. примеч. 6 к новелле 17 «Заклинатель», *цзюань* 1, том 1.

¹³ Не было тех, что кормился (無噍類) — цитата из «Ханьской истории» (漢書), *цзюань* 1 «[Записи о] Гао-ди Лю Бане, часть 1» (高帝劉邦上): о полностью истреблённом населении города Сянчэн говорится, что там не стало таких, кто кормится, то есть ни осталось никого в живых. См. примеч. 15 к новелле 113 «Лю Хай-ши», *цзюань* 3.

152. ШАШЕЧНЫЙ ЧЁРТ¹ 棋鬼

Главного воеводы помощник² — достопочтенный Янчжоуский³ Лян — в отставку ушёл, поселился в деревне, там дни проводя за вином и за шашками⁴, бродя и гуляя промежду лесов и холмов. Случился девятый день — стал забираться на выси⁵ да в шашки

¹ Перевод А. Г. Сторожука

² Главного воеводы помощник (督同將軍) — существовавшая с минского времени войсковая должность, заместитель главнокомандующего.

³ Янчжоу (揚州) — название округа в провинции Цзянсу.

⁴ Шашки (棋) — имеются в виду облавные китайские шашки, известные у нас в своём японском варианте го.

⁵ Девятый день (九日) — имеется в виду праздник «двойной девятки» (重陽節), отмечающийся на девятый день девятой луны. В самой середине осени (в разгар *иньской* стихии) сочетания двойных *янских* чисел — девяток — должно было поддерживаться и другими действиями с *янской* символикой, чтобы противостояние первооснов не привело к противоречию, а, наоборот, гармонично уравнилось бы, поэтому во время «двойной девятки» нужно было непременно «взбираться на выси» — подниматься в горы (также символическое средоточие *янской* первоосновы), пить вино, настоящее на хризантемах (также средоточие *янской* силы, символ стойкости), втыкать в причёску ветки кизила или брать с собой измельчённый кизил (растение, также преисполненное *янской* силы, способной избавить от болезней).

棋
電

長日消磨一局茶
樓應名竟愆期劇
憐奇癖忘生死勝負
斷：未決時

с гостями играл. И вдруг тут внезапно является некая личность да мнётся на месте всё сбоку доски, в игру погрузился и вот не уходит. Его оглядели — а вид и наружность убоги да скудны, в узлах, в перепёлках висячих⁶ наряд, однако же мысли-манеры мягки и изящны, и слышится мужа учёного нрав. Почтенный с декорумом принял — тогда тот присел, и также с особою кропотью скромной. Рукой указуя на шашки, почтенный глаголет:

— Вы, сударь, конечно же, в этом должны быть отменно искусны, так что же не сесть вам с гостями друг другу противостоять?

А тот человек отрёкся из скромности, но ненадолго, — да вот и к доске подступил. Закончилась партия — ан проиграл, и духом да обликом в страшной досаде, как будто бы сам он не свой оттого. И вновь он за шашки — и вновь проиграл, да пуще стыдится-гневится. Подносят ему в угощение вина — а он вот, опять же, не пьёт, а только лишь тянет гостей поиграть. С рассвета начав, и, пока уж солнце склонилось на западе, — всё нету досуга до ветру сходить. Как раз по причине, что шашкой одной место отвоевали, там двое друг другу галдят-тараторят, а тут этот книжник, внезапно покинувши стол, в испуге поднялся — страданье-мучение в облике всё — да, чуть погодя, преклоняет колена он в сторону кресла почтенного и лоб расшибает, спасенья моля. Почтенный дивится, опешив; ему помогает подняться, сказавши:

— Забава ведь это, и как вы дошли до такого?!

А книжник на это в ответ:

— Молю, чтобы дали наказ своему вы конюшему, и мне, недостойному, шею не стягивал он.

Почтенный же снова тому подивился, спросивши:

— Да кто же такой тот конюший?

В ответ:

— А это Ма Чэн.

⁶ Висячие перепёлки (懸鶉) — латаные лохмотья нищего, чья пестрота ассоциировалась с перепелиным оперением. См. примеч. 20 к новелле 126 «Пянь-пянь», цзюань 3.

А прежде того было, что служивший у почтённого конюшим Ма Чэн стал живым У-чаном⁷, частенько через десять с чем-то дней наведывался в мрак загробный, имея предписание исполнять должность ловца⁸. Почтенный речениям книжника тут изумился немало да и посылает людей, чтобы шли поглядеть, как там Чэн, — а тот возлежит, коченеет; и два дня уже миновало, вот так. Почтенный тогда тут и крикни, что Чэну не должно бы было являть непочтение; да искоса глянул — а книжник в мгновение тут же на месте и сгинул бесследно. Почтенный вздыхал да кряхтел ещё долгое время да понял тогда лишь, что это был бес.

На завтрашний день вот Ма Чэн пробуждается только — почтенный его призывает с расспросом, а Чэн говорит:

— Книжник тот родом сам с Озера будет и с Сяна⁹, на склонности к шашкам рехнулся, все средства спустив подчистую. Отец же, горюя об этом, закроет его на замок в кабинете, — а тот через стену махнёт, да и прочь. Тайком всех подманит куда-нибудь в пустошь — да в шашки играют, и сблизилась так. Отец прознавал — оскорблял-поносил, а так до конца и не смог запретить-удержать. Отец от расстройства-печали да и от досады нахлынувшей помер. Тогда Ямараджа-правитель¹⁰, поскольку тот книжник

⁷ Живой У-чан (走無常) — как правило, в китайских преданиях это некто, побывавший на том свете и возвращённый обратно со специальным поручением загробных управ, ставший, таким образом, полчеловеком-полупризраком. У-чан — в традиционных верованиях китайцев дух, вытаскивающий души из тела новопреставленного. Предания о живых У-чанах многочисленны, и Пу Сун-лин неоднократно возвращается к этой теме в своих новеллах, см., например, примечание 8 к новелле 73 «Чжан Чэн», *цзюань* 2, том 1.

⁸ Ловец (勾) — то же, что *гоухуньгуй* (勾魂鬼), дух, достающий из тел души недавно умерших и препровождающий их на предварительное загробное следствие. Здесь, очевидно, он имеет право также и отлавливать сбежавшие души. См. примеч. 7.

⁹ Озеро и Сян (湖襄) — регион озера Дунтинху и реки Сянхэ — нижнего течения реки Хань.

¹⁰ Ямараджа-правитель (閻摩王) — то же, что и 閻羅王, здесь: буддийский правитель ада. См. примеч. 17 к новелле 19 «Собачий блуд», *цзюань* 1, том 1.

презрел самую добродетель, урезал его долголетия годы, карая, низвергнув в узилище духов голодных¹¹, и там он как раз по сю пору семь лет пребывал. Случилось вот: Фениксов терем Восточного пика¹² построен, и всем управлениям спускают команду — учёных мужей собирать, дабы надписи ладить на стелах. Правитель его из темницы, коль так, отпускает, чтоб он вслед призыву себя обелил. Внезапно-нежданно тот на полдороге затеял тянуть да топтаться, изрядно поправ временные пределы. Владыка Тайшаня, коль так, посылает дежурных чиновных правителя вызвать к ответу. Правитель во гневе ничтожных послал нас того изловить, отыскавши. Второго дня следовал вашему, сударь, велению, — и не посмел я тогда чёрным вервием¹³ спутать его, затащить и связать.

Почтенный с вопросом:

— А на сегодняшний день как его положение?

В ответ же:

— Снова вручили тюремным смотрителям, нету навек ему сроку, чтоб к жизни вернуться.

Почтенный со вздохом речёт:

— Пристрастие — вечно оно для людей вредоносно до этакой меры, вот так!

Автор этих строк добавит:

Как шашки увидит — так и позабудет о смерти своей; когда же он всё-таки подлинно помер, как шашки увидел — так и позабыл

¹¹ Голодные духи (餓鬼) — взятый простонародной религией из буддизма род демонов *претта*, страдающих от вечного голода и жажды, но неспособных ни есть, ни пить: горло у *претта* не вмещает даже рисинки, а любая пища и питье сжигаются непрерывно быющим из их рта пламенем.

¹² Фениксов терем Восточного пика (東嶽鳳樓) — дворец владыки Тайшаня, который является в китайской протонародной религии и главным управителем мира мёртвых.

¹³ Чёрное вервие (縲) — применявшаяся в древности специальная верёвка для связывания преступников.

он о жизни своей. Не может ведь стать, чтоб средь всех его пожеланий отыщется нечто, чего б он желал больше жизни! Однако же, если столь крепко имеешь пристрастие, а всё ещё не достигал до каких-то вершин мастерства, — напрасно дашь волю, внизу чтоб, где девять истоков¹⁴, завёлся такой вечно мёртвый, ожить неспособный николиже шашечный чёрт, это так! Куда как прискорбно подобное, да!

¹⁴ Девять истоков (九泉) — древнее обозначение мира мёртвых. См. примеч. 34 к новелле 49 «Не Сяо-цянь», *цзюань* 2, том 1.

153.

[ПОДВИГИ
СИНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ¹
辛十四娘

С студент Фэн из Гуанпина жил в годы Правой Доблести². Он смолоду отличался легкомыслием и свободолобием. Как-то раз, дав себе полную волю в вине, он шёл на заре и встретился с какой-то совсем молоденькой девочкой, одетой в красный плащ. Лицо её было женственно-привлекательно. За ней шла маленькая служанка. Она бежала по росе, и её башмачки и чулочки сильно намокли. В сердце Фэна закралась любовь.

Под вечер он возвращался домой пьяный. У дороги с давних пор стоял буддийский *ланьжо* (храм), который долгое время уже прорастал и разрушался. Из него вышла какая-то девушка. Оказалось,

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1928 года.

² Годы Правой Доблести — китайцы издавна привыкли не называть своих государей по именам, которые строго воспрещено писать и произносить, но титуловать их годы правления. Так, государь, о котором здесь речь, годы своего царствования от 1500 до 1522 г. н. э. называл, в силу тех или иных откровений, ему внушённых или же им самим воспринятых, Правую Доблесть, и это было официальное название. Однако, обращаться к государю с этими словами было также невозможно.

幸四十娘

了却夫
妻未了
情功成主婢好同行
教書舊地從天降曾
對天顏道姓名

та прежняя красавица. Вдруг она заметила приближение студента, повернулась и ушла в храм.

Студент подумал про себя, как это красавица могла очутиться в молитвенном дворе храма; привязал осла к воротам и пошёл взглянуть на этакое диво. Вошёл. Обломки стен разрушались и падали. На ступенях крылец тоненькая трава расстилала свой коврик. Студент стал бродить взад и вперед.

В это время вышел пожилой человек с проседью. Шапка и одежда у него были весьма приличны и опрятны. Он спросил гостя, зачем он сюда пришёл.

— Да случайно, знаете, зашёл в этот древний храм, чтобы взглянуть туда-сюда. А вы, старец, зачем здесь?

— Я — старик, видите ли, живу бродячей жизнью и определённого места не знаю. Здесь я лишь временно нашёл приют, чтобы передохнуть. Впрочем, раз я удостоен чести вашим лестным появлением, то у меня найдётся горный чай, который я и могу предложить вам вместо вина.

С этими словами он пригласил гостя зайти к нему. За храмовым приделом Фэн увидел двор с блестящей, яркой каменной дорожкой. Бурьянов и лопухов уже больше не было.

Затем вошёл в помещение. В этих комнатах и входные занавесы, и пологи над кроватями были окутаны пахучим туманом, который так и ударил в нос вошедшему.

Сели. Стали называться.

— Мне, старикашке, фамилия Синь, — сказал хозяин.

Студент был совершенно пьян.

— До меня дошли слухи, — сказал он, — что у вас есть барышня и что она до сих пор ещё не нашла себе приличной пары. Позволю себе нескромную самонадеянность и выражу желание представить вам самого себя вместе, как говорится, с «зеркалом и подставкой»³.

³ ...с «зеркалом и подставкой» — намёк на исторический анекдот о некоем Вэнь Цяо, который, овдовев, начал ухаживать за племянницей. Тётка поручила ему найти дочери жениха, но он, сам лелея эту мысль, представил себя в качестве жениха и подарил при этом невесте зеркало с яшмовой подставкой.

Синь улыбнулся.

— Разрешите, — сказал он, — посоветоваться с моей старухой.

Студент сейчас же попросил дать ему кисточку и написал следующие стихи⁴:

В тысячу золотом яшмовый пест разыщу,
С пылким усердьем сам я его представлю.
Если Юньин⁵ будет на это согласна,
Ей Первоиной⁶ сам тем пестом и столку.

В Китае любят иносказания и придают им огромное значение. Благодаря необыкновенной звуковой эластичности китайского языка, эти иносказания быстро превращаются в ребус. В данном случае слово «зеркало» (*цзин*) есть ребус слова «покой» (*цзин*), а слово «подставка» (*ань*) есть то же для слова «мир» (*ань*). Поставив эти вещи в доме брачующихся, думают этим сказать: «Аньцзин!», то есть «Мир вам и покой!».

⁴ ...написал следующие стихи — (по пяти слов в каждом). Прежде чем их читать, нужно знать, что их содержание тесно связано со следующим чудесным рассказом из мира бессмертных.

Некто Пэй Хан, встретясь с красавицей Юнь-цяо (Завиток Туч), получил от неё следующие стихи (по семи слов каждый):

Раз выпью бесценного напитка, — сотни чувств рождаются.
Истолку в порошок Первоиной, — увижу Юнь-ин.
Синий Мост, — это ведь гнездо святых духолюдей!
Зачем мне карабкаться по утёсам в Яшмовую Столицу?

Впоследствии ему пришлось проехать мимо почтовой станции у Синего Моста. Хотелось пить. У одного дома стояла какая-то старуха. Он приветствовал её и просил напиться. Старуха велела Юнь-ин принести кружку воды. Пэй Хан захотел на ней жениться. Старуха сказала ему на это, что у них есть волшебная пилюля бессмертия, но что надо достать яшмовый пест и ступу, чтобы пилюлю истолочь. Вот если ему удастся добыть эти вещи, то он получит и девушку. Пэй достал их. Старуха заставила молодых толочь пилюлю. Через сто дней старуха проглотила её, вошла в грот бессмертных и выслала им навстречу родню для совершения брачной церемонии. Пэй с женой вошли в грот и стали верховными духолюдми.

⁵ Юнь-ин — то есть ваша дочь, которую я сравниваю с феей фантастического, всем нам известного рассказа.

⁶ Первоиной — как и в европейской средневековой алхимии, древние китайцы называли продукты своей феерической индустрии самыми

Хозяин с улыбкой⁷ передал это слугам.

Вскоре явилась служанка и стала что-то говорить Синю на ухо. Тот поднялся и, успокоив гостя, просил его терпеливо пока посидеть. Затем отодвинул занавес, вошёл в соседнюю комнату, сказал там тихонько слова три и сейчас же быстро вышел.

Студенту казалось, что старик непременно принесёт прекрасную весть, но Синь уселся и начал улыбаться, посмеиваться, не заговаривая ни о чём таком прочем. Студент не мог утерпеть, чтоб не спросить:

— Я так и не знаю ещё как следует, что думает и велит передать ваша супруга. Сделайте мне удовольствие, разрешите сомнения, которые теснятся в груди.

— Вы, сударь, — отвечал Синь, — выдающийся и разносторонний учёный человек; я давно уже склонился перед вашей личностью. Однако у меня есть одно личное соображение, о котором я не решаюсь вам сказать.

Студент стал настойчиво упрашивать.

— Видите ли, — сказал Синь, — у меня, как говорится, слабого потомства⁸ всего девятнадцать человек, из которых двенадцать уже замужем. Распоряжаться свадьбами и обрядами я предоставил моей, с вашего позволения, старухе. А я по-стариковски уже не вмешиваюсь.

— Ваш покорнейший слуга хотел бы получить лишь ту, которая сегодняшним утром шла по росе, с маленькой служанкой за руку.

Синь не отвечал и сидел перед ним молча. Студент слышит, как там, в комнатах, кто-то, словно пташка, сочно так и выпевает. В пьяном раже он рванул дверной занавес и сказал:

прихотливыми именами, смотря на них как на волшебные индивидуальности.

Таким образом, студент этими стихами хочет посвататься к дочери старухи Синь, как и в самом волшебном рассказе.

⁷ ...с улыбкой — предполагая (и не без основания), что в стихах есть скрытая пьяная дерзость, позволяющая себе неприятную двусмысленность.

⁸ ...слабого потомства — вежливо-самоуничижительное выражение о своих детях.

— Если мне не суждено получить достойную подругу, дай же я хоть раз взгляну на её лицо и этим расплавлю свою досаду!

В комнате, услыша движение крюков, всей группой так и остались стоять, глядя в немом изумлении. Действительно, как и мог ожидать студент, там была девушка в красном⁹. Она взмахнула рукавом, наклонила причёску и стояла, прямая, стройная, перебирая пояс и в упор глядя на входящего студента.

Вся комната пришла в дикое смятение. Синь рассердился и велел слугам вытолкать студента. Тому вино ещё сильнее, прямо фонтаном бросилось в голову — и он повалился ничком в заросли бурьяна. Черепки и камни летели на него со всех сторон дождём. К счастью, в него не попали.

Полежав некоторое время, он прислушался — и услышал, как его осёл всё ещё жуёт у дороги. Встал, сел на осла и поплёлся шажком. Ночь была мутная, тёмная, наводящая тоску... Он забрёл, заблудясь, в овраг, где струился поток. Рыскали волки, кричали совы... У студента стали вздыматься волосы, и в сердце заглохло. Топчась в нерешительности на одном месте, оглянулся на все четыре стороны, так и не узнавая, что это за место. Лишь где-то вдалеке, там, в тёмном лесу, он увидел огонёк, который то светил, то угасал. Подумав про себя, уж не деревушка ли там какая-нибудь, решительно направился туда, чтоб заночевать.

Поднял голову. Перед ним были огромные строения. Постучал плетью в ворота. Изнутри кто-то спросил:

— Откуда это является сюда в полночь господин?

Студент сказал, что сбился с дороги.

— Подождите, я пойду доложить хозяевам, — сказал спрашивавший.

Студент стал ждать, нога к ноге, словно цапля. Вдруг он услышал движение ключа, и дверь открылась. Вышел рослый слуга и взял у гостя осла. Студент вошёл. Видит: в комнате очень красиво, приятно. В гостиной стоят лампы. Немного посидел. Тут вышла какая-то женщина и спросила у гостя его фамилию. Студент на-

⁹ ...девушка в красном — та самая, которую он встретил поутру.

звался. Не прошло и четверти часа, как вышли служанки, ведя под руки старуху.

— Госпожа области¹⁰ прибыла, — было сказано при этом.

Студент встал и, приняв церемонное положение, хотел было уже сделать большой поклон, но старуха остановила его и села.

— Ты не внук ли Фэн Юнь-цзы? — спросила она.

— Да, — сказал студент.

— Ты, значит, мой внучок-племянник! — сказала старуха. — Часы мои уже останавливаются и остаток годов идёт к концу. От плоти, что называется, и костей моих¹¹, очень уж пришлось мне жить вдали и отчуждении!

— Я ещё ребёнком потерял, как говорится, свою опору и надежду¹², — сказал студент, — и едва ли знаю одну десятую часть тех людей, кто жил с моим дедом. И вот мне так и не удалось иметь честь навестить их. Усердно прошу вас указать мне их и назвать.

— Сам узнаешь, — сказала старуха.

Студент не смел расспрашивать далее и сидел против неё, весь погружённый в воспоминания.

— Скажи, племянничек, — спросила старуха, — как это ты попал сюда в такую глубокую ночь?

Студент стал гордо хвастаться своею храбростью и одно за другим по порядку изложил всё то, что с ним случилось. Старуха смеялась.

— Ну что ж, — говорила она, — это дело великолепное. К тому же ты, племянничек, известный учёный, ничем не уступаешь невесте. Как может какая-то грубая лисица-оборотень возвышать себя над тобой? Ты, мой друг, не беспокойся: я сумею тебе её самым милым образом сюда доставить.

¹⁰ Госпожа области — женам и, особенно, матерям китайских сановников издавна присваивались жалуемые каждый раз государем почётные титулы, которые восходили и нисходили не менее сложную иерархией, нежели мужские чины. Данный титул очень высок, вроде фрейлины. Переводить, за неимением равнозначных русских терминов, остаётся лишь дословно.

¹¹ От плоти... и костей моих — то есть от близких родственников.

¹² ...потерял... свою опору и надежду — то есть отца.

Студент выразил свою благодарность и сказал:

— Хорошо, хорошо!

Старуха обернулась к служанкам.

— Я и не знала, — сказала она, — что дочь Синя вдруг окажется такую неподатливою и прекрасною!

Служанка заметила:

— У него девятнадцать дочерей, и все они как бы летят, порхают: в них есть жизнь и смысл! Не знаю только, которую из них по счету сватал себе барин?

— Ей, в общем, лет пятнадцать, — может быть, чуть больше, — описывал студент.

— Да это Четырнадцатая! — сказала служанка. — Всего три дня тому назад она вместе с матерью приходила сюда поздравлять вас и желать долгой жизни¹³. Как это вы так основательно забыли её?

— Да это уж не та ли, — засмеялась старуха, — что делает себе высокие резные «лепестки лотоса» (туфли) и наполняет их душистым порошком. Не та ли, что гуляет в газовой накидке? Эта, что ли?

— Она и есть, — отвечала служанка.

Старуха продолжала:

— Эта девчонка отлично умеет принимать тот или иной вид, кокетничать и жеманничать. Однако, надо сказать по правде, она, действительно, как говорится в древнем стихе¹⁴, «уединённая и скромная», достойная девушка, и ты, милый племянничек, обратив на неё своё благосклонное внимание, не ошибся. Пошли-ка, — командовала она служанке, — Лисенка, пусть позовёт её сюда.

Служанка ответила: «Слушаю-с», — и ушла. Через некоторое время она снова вошла в комнату, доложила:

— Синь Четырнадцатую позвали, она уже здесь.

Вслед за тем показалась девушка в красном. Она прямо направилась к старухе, пала ниц и стала делать перед ней поклоны. Старуха оттащила её:

¹³ ...поздравлять... и желать долгой жизни — [поздравлять] с днём рождения.

¹⁴ ...в древнем стихе — в древней книге од (Шицзин), где восхваляется достойная подруга лучшего человека.

— Ты станешь женой моего племянника, — сказала она, — не нужно делать этих церемоний прислуги перед госпожой!

Девушка поднялась и стояла, очаровательная, прелестная. Красные её рукава были опущены¹⁵ книзу. Старуха поправила ей локоны и волосы, притронулась к её серьгам и затем спросила её:

— Что ты за последнее время у себя делаешь?

— На досуге вышиваю наложке, и только, — ответила она, потупясь.

Затем повернула голову, увидела студента и от стыда вся съёжилась, испытывая беспокойство.

— Это мой племянник, — сказала старуха. — Он, видишь ли, весь полон желания вступить с тобой в брак; за что, спрашивается, было заставлять его сбиться с дороги и всю ночь рыскать по оврагам?

Девушка потупилась и молчала.

— Я послала за тобой, — сказала старуха, — не для чего иного, как для того, чтобы быть со стороны моего племянника, что называется, «вырубающей»¹⁶.

Девушка молчала, и только... Старуха велела обтереть кровать, настлать матрацы и тюфяки и тут же устроила им брачное соединение в чаше¹⁷. Девушка так и зарделась.

— Я пойду домой сказать отцу с матерью, — сказала она.

— Послушай, — сказала старуха, — я тебе, как говорится, служу льдом¹⁸... О каком тут недоразумении или ошибке может быть речь?

¹⁵ Красные её рукава были опущены — из церемонной почтительности.

¹⁶ «Вырубающей» — то есть свахой. Намёк на одно место из древней книги од (Шицзин), в котором говорится, что, как нельзя сделать топорика без топора, так нельзя и жениться без свахи. «Вырубающая топорик» и есть сваха.

¹⁷ ...брачное соединение в чаше — древний китайский брачный обряд, состоящий в том, что молодые едят из одного блюда и пьют вино из одной и той же чаши.

¹⁸ ...служу льдом — то есть свахой. Ляо Чжай пользуется здесь одним древним литературным рассказом о вещем сне, где стоящий на льду разговаривал с кем-то подо льдом. По снотолкованию оказалось, что лёд здесь изображает посредничество между светом над льдом, то есть началом солнечным и мужским, и светом подо льдом, то есть

— Повелению областной госпожи, — возразила девушка, — ни отец, ни мать не посмеют воспротивиться. Тем не менее делать всё это торопливо, наспех, кое-как... пусть я, девчонка, умру, но не посмею этого вашего приказания принять!

Старуха улыбнулась.

— Волю у этой девочки, — сказала она, — не отнимешь. — Настоящая жена моему племяннику!

С этими словами она взяла у девушки с головы золотой цветок и дала студенту. Затем велела ему с этим идти домой, чтобы заняться гаданьем о счастливом дне. На этот день и назначила брак. Наконец, она отправила служанку проводить девушку.

Вдали уже кричали петухи. Услыша их, старуха послала человека подать студенту осла и проводить его, показать, как пройти за воротами.

Едва студент сделал несколько шагов, как вдруг, обернувшись, увидел, что и село, и дом исчезли. Видны были только сосны и дикие акации, которые густо-густо чернели перед ним, да покрывали могилу кучи лопухов и пыреев... И больше ничего.

Студент стал сосредоточенно думать и вспоминать. Наконец он догадался, что на этом месте как раз находится могила министра Се, который доводился братом его бабке... Вот, значит, почему его называли племянником! Он понял уже, что был сейчас с мёртвыми духами¹⁹. Однако, что за человек Четырнадцатая, ему было неизвестно. Вздохнул и поехал домой.

началом мрачным и женским. Посредничество это ближайшим образом напоминает сватовство.

¹⁹ ...мёртвыми духами — может быть, теперь, после столь многократных появлений в рассказах Ляо Чжая этих духов, называвшихся в предыдущих переводах «бесами», будет уместно лишь отчасти выяснить точку зрения на них китайской древней теории и народной религии, последнюю доселе хранящей. *Гуй* — это дух мертвеца, блуждающий по земле в невидимых формах, а иногда и во всяком зримом виде. Это дух низшего разбора и потому злой, освобождённый от ответственности, делающий всё, что угодно. Переводчик называет *гуя* пока «мёртвым духом», с тем, чтобы возвратиться к этому вопросу при переводе следующего сборника рассказов Ляо Чжая.

Кое-как, без особенной энергии, принялся он за гаданье о счастливом дне, выбрал и стал ждать, хотя его и брало опасливое раздумье, что рассчитывать на обещание мёртвого духа — трудно.

Он ещё раз сходил в тот самый храм. Но его здания были в состоянии полной заброшенности, и от них веяло холодом нежилого. Студент стал расспрашивать у живущих около храма поселян. Ему сказали, что в храме постоянно являются лисицы.

«Ладно, — думал студент про себя, — если получу красавицу, то пусть она хотя бы и лисица, всё равно, — и это будет великолепно».

Когда настал этот день, студент убрал комнаты, подмёл дорожки и поочерёдно со слугой смотрел вдаль и ждал. Подошла полночь, но всё ещё было тихо. Студент уже потерял всякую надежду, но сейчас же за дверями раздались крики. Он бросился к туфлям, вышел взглянуть, а расшитая повозка уже стояла во дворе, и две служанки помогали молодой сесть в её зелёную комнату²⁰.

Среди её картонок и ящиков с нарядами лишних вещей, по-видимому, не было. Но двое слуг, с целой гривой волос на голове, принесли огромную, величиною с целый жбан, «разбей-полную» копилку, спустили её с плеч и поставили в угол гостиной.

Студент был так счастлив получить красивую подругу, что и не думал относиться к ней с подозрением, как к неестественному созданию и нечеловеку.

— Как это так, — спросил он, впрочем, её однажды, — один какой-то мёртвый дух²¹, а твой дом так усердно чтит его и так к нему словно прилип?

Жена отвечала:

— Да, но министр Се теперь занимает должность объездного уполномоченного всех пяти столиц²², и мёртвые духи вместе с лисицами

²⁰ ...зелёную комнату — древний брачный обычай велит молодой на всё время брачного пира сидеть в зелёной палатке и принимать поздравления, не выходя из неё.

²¹ Мёртвый дух — то есть старуха-сваха.

²² ...пяти столиц — Число «пять», излюбленное китайцами для очень многих сочетаний, прилагается (по числу стран света, к которым китайцы причисляют и то место, от которого все отсчитывается, то есть

нескольких сот *ли* в окружности бегут в его свите. Вот отчего он так редко возвращается к себе в могилу²³.

Студент не забыл, как говорится, о «выправительнице прихрамыванья»²⁴ и на следующий же день отправился на её могилу для принесения жертвы её духу. Вернувшись домой, он увидел у себя двух слуг, которые поздравляли его, держа в руках парчу с узорами раковин²⁵. Всё это они положили ему на стол и ушли.

Студент рассказал жене. Она взглянула на вещи и заметила:
— Да это же вещи областной нашей госпожи!

В городе, где жил Фэн, обитал также сын сановника «Серебряной Террасы»²⁶ Чу, который с малых лет был с Фэном товарищ по кисти и тушечнице²⁷ и обращался с ним в высшей степени бесцеремонно. Услыша теперь, что студенту удалось жениться на лисе, он послал ей разные подарки, а затем и сам пришёл с визитом в гостиную

центр) и к формуле столиц (чисто номинальной), которая в разные времена изменялась. Так как на том свете дела, в общем (по доверию народа), те же, что и на этом, то и столицы те же, и начальство должно быть то же и в том же количестве.

²³ ...редко возвращается к себе в могилу — вот отчего, значит, тебя принимала и устраивала его жена, — тоже, конечно, покойница и мёртвый дух.

²⁴ ...о «выправительнице прихрамыванья» — то есть, о свахе. В погоне за наиболее оригинальным образом и выражением, как мы уже неоднократно видели, Ляо Чжай не останавливается ни перед чем. В данном случае он намекает китайцу высшей (не шаблонно обычной) начитанности на одно место из древнего (IV в. до н. эры) поэта Цюй Юаня, который, в свою очередь, образ свахи заимствует из древних мифов. Перевод, таким образом, является только приблизительным, ибо архаичные слова могут, в конце концов, оказаться даже не китайскими.

²⁵ Парча с узорами раковин — особо ценная материя, воспеваемая ещё в древних китайских жертвенных одах.

²⁶ ...сановника «Серебряной Террасы» — то есть высшего чиновника, заведующего всем делопроизводством по поступающим из губерний докладам областных начальств. «Серебряная Терраса» было названием дворца, потом ворот внутри дворца и, наконец, как то принято в изысканном литературном китайском слоге, — высшей чиновничьей инстанции, пребывающей в пределах дворца-города.

²⁷ Товарищ по кисти и тушечнице — то есть по школе.

и поздравил с вином в чарке. Через несколько дней он, вдобавок к этому, «загнул визитный бланк»²⁸ и явился пригласить на выпивку.

Услыхав об этом, жена сказала:

— Когда намерен приходил этот господин, я сделала в стене отверстие²⁹ и взглянула на него. У этого человека обезьяньи глаза³⁰ и коршунов нос³¹. С ним долго жить нельзя. Тебе не следовало бы идти к нему!

Студент обещал. На следующий день Чу явился в дом и спросил объяснения причин, по которым он позволил себе нарушить слово. Тут же кстати он поднёс ему свои только что написанные стихи. Фэн стал их критиковать, допустив при этом насмешку и издевательство. Чу был сильно сконфужен и, недовольный, ушел.

Студент пришёл к себе и стал, смеясь, рассказывать об этой истории в спальне жены. Та заметила ему недовольным тоном:

— Этот господин — шакал, волк. С ним фамильярничать не приходится. Смотри, ты не слушаешь моих слов, как бы не дойти тебе до беды!

Студент улыбнулся и просил извинения, и с тех пор, как только встречался с Чу, то сейчас же льстил ему и поддакивал. Прежняя размолвка понемногу таяла.

Наступил местный экзамен, на котором Чу оказался первым. Он, стараясь быть корректным, всё же внутренне торжествовал

²⁸ Загнул визитный бланк — как и у нас, китайцы пишут приглашения на званый обед очень часто на своих визитных картах; только, вместо карточек, у них листы красной бумаги с проставленным чёрной тушью именем и фамилией. Их, собственно, не загибают, как у нас, а складывают в виде коленнопоклонённого человека.

²⁹ ...сделала в стене отверстие — это очень нетрудно, если принять во внимание, что стены состоят из резного деревянного переплёта, затянутого бумагой.

³⁰ Обезьяньи глаза — то есть непостоянные, перебегающие с предмета на предмет.

³¹ Коршунов нос — у китайцев, известных характерными для них плоскими носами, орлиный нос, вернее, нечто лишь очень отдалённо (нам, по крайней мере) это напоминающее, — редкость и вызывает кривотолк разных охочих физиогномистов.

и послал человека, приглашая студента на попойку. Тот отказался и пошёл только после неоднократных таких же приглашений.

Когда он явился, то узнал, что это день рождения хозяина. Гостей и присных была полна гостиная. Были роскошно накрыты столы с угощением. Хозяин достал своё экзаменационное сочинение и показал его студенту. Друзья-приятели теснились плечо к плечу, вздыхали и расхваливали.

Обошло по несколько раз вино, и в зале раздалась музыка, где смешались барабаны с флейтами. Гостям и хозяевам было очень весело.

Вдруг Чу обратился к Фэну:

— Вот, знаешь, пословица-то гласит: «На экзамене не судят о литературных достоинствах»³²... Теперь я понял, что эти слова неправильны. Я, к конфузу моему, очутился выше тебя... Но почему? Да потому, что несколько фраз в первой части моего сочинения, хоть на один, скажем, номер³³, да несколько выше твоих!

После этих слов хозяина вся зала единогласно выразила ему своё одобрение. Студент, который был уже пьян, не мог утерпеть, чтобы не расхохотаться.

— Как? — воскликнул он. — Ты до сих пор всё ещё думаешь, что добился этого успеха своими литературными качествами?

При этих словах студента у всех присутствующих с лица сошла вся краска, а хозяином овладели стыд и злость, так что даже спёрло дух. Гости стали понемногу уходить. Фэн тоже быстро исчез.

Проснувшись трезвым, он начал раскаиваться в том, что сделал, и пошёл сказать жене. Та стала невесёлой.

— Скажу тебе, знаешь, откровенно, — заявила она, — ты именно, как говорят, «повеса из деревенского переулка»³⁴. Ведь если ты

³² На экзамене не судят о литературных достоинствах — а исключительно о лицах, подающих сочинения и имеющих ту или иную протекцию. Всем известны фантастические строгости былых китайских экзаменов. Однако лучше верить пословице.

³³ Номер — *чоу*, означает бамбуковую палочку, употребляемую в качестве счётной единицы, бляхи, марки, номера и т. п.

³⁴ Повеса из деревенского переулка — из древнего мыслителя Сюнь-цзы

применишь ничтожно легкомысленное обращение к возвышенно-благородному человеку, то погубишь свою же нравственную личность. Если же применишь её к ничтожному, мелкому человеку, то убьёшь своё же тело... Да, знаешь, твоё несчастье уже недалёко. Мне не вынести, чтоб быть свидетельницей твоего разгрома и унылых блужданий. Позволь с этих пор от тебя отстать и проститься.

Студент перепугался, заплакал, сказал, что он раскаивается.

— Если ты хочешь, чтобы я осталась, — объявила она, — то я с тобой заключаю уговор, а именно: с сегодняшнего дня ты запрёшь ворота и прекратишь все сношения с друзьями-приятелями. Не смей также давать себе волю в выпивке.

Студент усердно внимал этим словам, как приказанию.

Четырнадцатая была как человек усердная, скромная в расходах и в то же время совершенно открытая, лишённая всяких предрассудков. Целые дни она проводила за шитьём и тканьем. Иногда она по собственному почину шла домой, чтоб «успокоить родителей»³⁵, но ни одной ночи вне дома не провела. Кроме того, она от времени до времени доставала золото и деньги на расходы. А если за день что-нибудь оставалось, она бросала в копилку. На целый день она запирала двери, а если кто-нибудь заходил проведать, то она приказывала слуге извиниться, но отказать.

На следующий же день пришло спешное письмо от Чу. Жена студента сожгла его, не сообщив ничего мужу. Ещё через день студент пошёл за город навестить семью умершего друга и встретил там Чу, который схватил его под руки и стал изо всех сил тащить к себе. Студент сказал, что у него есть дела, и отказывался идти, но Чу велел кучеру натянуть поводья, обхватил Фэна и помчался

(III в. до н. э.), где говорится о легкомысленном верхогляде, хотя и смыслённом, ратоватом.

³⁵ Успокоить родителей — древнее выражение, означающее обычай, по которому молодая, прожив с мужем день-два, возвращалась в свою семью на побывку, чтобы спросить о здоровье родителей и о том, спокойны ли (здоровы ли) они.

Перевести это выражение (*гуй нин*) двумя словами и в точности затруднительно.

с ним домой, где сейчас же велел подать, что называется, «очищенного и крепкого»³⁶, но Фэн сплошь отказывался и очень рано уже собрался уходить. Чу хотел даже загородить путь, но безрезультатно. Тогда он вызвал своих домашних женщин, которые ударили в гитары, — и началась музыка.

Студент всегда отличался несдержанным характером. Всё это время он сидел взаперти в своём же доме, чувствуя крайнюю тоску и болезненное угнетение. И вдруг ему выпал теперь случай отчаянно напиться! Воспрянув сейчас же духом и разойдясь вовсю, он уже перестал крутить свою беспокойную мысль. Напился всласть, потерял сознание и лёг тут за столом.

У Чу была жена из семьи Жуаней, отличавшаяся сварливостью и ревностью. Ни одна служанка, ни одна наложница не смела пользоваться румянами и притираниями. Как раз накануне этого одна из служанок прошла в кабинет Чу, но была ею накрыта и получила удар палкою по голове, от которого череп треснул, и она пала мёртвой тут же на месте.

Чу злился на Фэна за то, что тот насмеялся над ним и выказал своё пренебрежение. Целыми днями он измышлял способы ему отомстить и наконец решил напоить его пьяным и в чём-либо его оклеветать. Воспользовавшись тем, что студент пьян и спит, он перенёс труп убитой на кровать, прикрыл двери и быстро удалился.

В пятой страже³⁷ Фэн протрезвился, проснулся и, заметив, что лежит на столе, приподнялся, чтобы поискать подушку и постель. Но там вдруг оказалось что-то мягкое и жирное... Подтянув к себе туфли, он подошёл, пощупал — человек! Ему пришло на мысль, что это, вероятно, хозяин прислал мальчика-слугу, чтоб спать с ним, и давай его толкать. Человек был недвижим, лежал мертвецом.

В сильном испуге выбежал Фэн из комнаты и в диком иступлении заорал. Вся прислуга разом поднялась. Зажгли огонь, увидели

³⁶ «Очищенного и крепкого» — в классической книге о древности (Шуцзин: V, 10, 6), в главе, содержащей проповедь против вина, эти два слова, в исключительно редком их значении, употреблены для указания процесса добывания лучшего вина.

³⁷ В пятой страже — около пяти часов утра.

труп, схватили студента и стали грозно на него кричать. Чу вышел, осмотрел труп и клеветнически обвинил студента в том, что он, принуждая служанку к разврату с ним, убил её. Фэна арестовали и препроводили в гуанпинское управление.

Жена его только на следующий день узнала об этом, залилась слезами и сказала:

— Я давно уже знала, что сегодняшний день наступит!

И стала с этих пор ежедневно посылать мужу серебро и медные деньги.

Представ пред областным начальником, студент не мог дать ни одного настоящего показания для устранения своей беды, и его с утра до вечера били, колотили палками до того, что слезла кожа с мясом.

Жена пошла сама его проведать и расспросить. При виде её студенту горе сдавило душу, и он не мог ничего ей сказать. Поняв, что пропасть, в которую его ввергло несчастье, уже очень глубока, она посоветовала ему дать ложное сознание вины и этим путем избежать казни. Студент заплакал и выслушал её, как приказание.

Пока она ходила туда и обратно, никто её не замечал, даже на расстоянии полуфута.

Она вернулась домой, стеная и горюя. Сейчас же отправила от себя свою служанку и несколько дней жила одна. Затем с помощью старой свахи она купила девушку из хорошей семьи, которую звали Лу-эр. Она была уже в возрасте, когда зашпиливают причёску³⁸. Лицо у неё блистало самой яркой красотой. Фэн стала с ней вместе есть и с ней вместе спать, лаская, любя её и обращаясь с ней совершенно иначе, чем со всеми другими слугами.

Студент сознался, что нечаянно убил, и был присуждён к удушению. Слуга, получив об этом весть, прибежал домой и, полный горя, передал её, буквально не владея голосом. Фэн же выслушала с невозмутимым спокойствием, словно это её мыслей не задевало.

³⁸ ...в возрасте, когда зашпиливают причёску — то есть пятнадцати лет, когда, по древнему обычаю и законоположению Китая, девочке позволялось заплести косу в головную причёску и продеть шпильки.

Наконец, приближался уже срок осенних приговоров³⁹, и вот тут она наконец в беспокойстве заторопилась, заволновалась, засуетилась, забегала. Стала уходить утром, чтобы лишь к вечеру вернуться... Туфли её не знали отдыха. Но каждый раз, как она находилась где-нибудь в безлюдном месте, она принималась горько и жалобно рыдать от неизбывной печали. Дошло до того, что и сон её и аппетит сильно пострадали.

Однажды после полудня вдруг появилась лиса-служанка. Фэн так и вскочила, бросилась её уводить и что-то говорить, закрывшись от всех. Когда же вышла, то всё лицо её было полно улыбки, и она стала заниматься хозяйством, как в спокойное время.

На следующий день слуга пришёл в тюрьму, где студент передал через него жене, чтобы она пришла ещё раз перед вечной разлукой. Слуга исполнил приказание. Жена вяло обещала и вообще не потревожилась и не погоревала, оставив всё это без малейшего внимания, как нечто, её совершенно не касающееся. Домашние стали втихомолку осуждать её за злое равнодушие.

Вдруг по всем путям закипели слухи о том, что сановник Чу отрешается от должности и что Пиньянскому «наблюдателю и следователю» предписано высочайшим именным указом разобратить и окончить дело студента Фэна. Слуга, услыша это, полный радости побежал сказать своей госпоже. Та тоже выразила радость и сейчас же отправила человека в областное управление за справкой. А студента, оказывается, уже выпустили из тюрьмы. Увидел его слуга — горе и радость объяли обоих.

Сейчас же был схвачен Чу-сын, который при первом же допросе дал полные показания о деле, после чего студента сразу же отпустили с миром домой. Он пришёл, увидел жену в её комнате — слёзы у него так и покатились. Жена тоже, глядя на него, вся приуныла, но потом, забыв горе, они предались радости.

³⁹ Срок осенних приговоров — по древней теории китайских мыслителей, осень — пора умирания, и поэтому к осени приурочивались казни преступников. Это обыкновенно происходило в девятой луне (около ноября) на площадях столицы и, как зрелище, привлекало ещё в сравнительно недавнее время целые толпы европейцев.

Тем не менее Фэн так и не знал, как это удалось довести дело до сведения государя. Жена засмеялась и указала ему на служанку.

— Вот, — сказала она, — ваш государь, заслуженный министр!

Студент остолбенел... Стал расспрашивать, как это так. Оказалось следующее.

Когда жена отправила служанку, то велела ей ехать в Яньскую столицу⁴⁰ с тем, чтобы проникнуть во дворец и изложить несправедливость от имени мужа. Служанка прибыла ко дворцу, но там оказался сторожащий и охраняющий входы⁴¹. И вот ей пришлось несколько месяцев бродить лишь взад и вперед по Дворцовому каналу⁴², попасть же было невозможно. Она уже стала опасаться, как бы не опоздать и не погубить дела. Только что она собралась домой, чтобы поговорить на этот счет, как вдруг раздалась весть о том, что Сын Неба⁴³ готовится осчастливить Датун⁴⁴. Служанка побежала вперед и приняла вид странствующей гетеры. Государь зашёл, как говорится, в «кривую загородь»⁴⁵, где она удостоилась его самого

⁴⁰ Яньская столица — так в изысканном, литературном языке называется Пекин, коего местоположение приблизительно совпадает с древним княжеством Янь.

⁴¹ Сторожащий и охраняющий входы — с древнейших времён в Китае существует поверье, что нечистая сила старается проникнуть в жилой дом человека через двери. Следовательно, ей всегда нужно противопоставить силу светлую, которая могла бы остановить нежелательное проникновение. Одним из наиболее распространённых способов присвоить своему жилищу светлую силу является изображение на дверях двух воевод грозного вида, закованных в латы и мечущих стрелы в дерзких бесов. В данном случае, очевидно, было и ещё какое-то божество, чтимое во дворце и, поэтому, действительное против нечистой силы оборотня-лисицы.

⁴² Дворцовый канал — канал, ведущий из дворца за ворота и стену Пекина.

⁴³ Сын Неба — то есть император, приносящий жертву небу, как сын отцу.

⁴⁴ Датун — Датунфу в губ. Шаньси. Невдалеке расположен знаменитый буддийский Утайшаньский монастырь.

⁴⁵ Кривая загородь — как уже выяснено в предыдущих примечаниях, так в поэтическом языке именуется весёлый дом, хотя, собственно-то говоря, это название дворцовой ограды, а затем и дворца.

полного внимания и любовной ласки. При этом государь выразил ей своё сомнение, сказав, что она не похожа на человека из этого самого «праха в ветре»⁴⁶. Тогда она уронила голову и заплакала. Государь спросил, какое у неё горе или обида.

— Я, ваше величество, — отвечала она, — происхожу из Гуанпина; я дочь студента Фэна (такого-то). Мой отец по несправедливости посажен в тюрьму и уже близок к смерти, а меня продали в эту «кривую загородь».

Государь был тронут её горем, подарил ей сто *лян* серебра и перед отъездом расспросил её подробно о деле с начала до конца, причем кистью на бумаге записал имя и фамилию, добавив, что он хочет с ней делить богатство и почёт.

— Удалось бы только нам с отцом жить вместе, — сказала она на это, — я не хочу пышности и отборных яств!

Государь кивнул головой в знак одобрения и отбыл.

Служанка теперь обо всем этом докладывала Фэну; тот бросился бить поклоны, а слёзы в обоих глазах так и сверкали.

Прожив с ним недолго после этого, жена вдруг сказала ему следующее:

— Не будь, знаешь, это из-за моего чувства к тебе и роковой нашей связи, зачем бы мне обрекать себя на такие надоедливые хлопоты? Когда тебя схватили, я рыскала и носилась по всем твоим родственникам, и ни один, понимаешь ты, из них не дал мне никакого ответа. Как у меня тогда было кисло в душе⁴⁷, уверяю тебя, я не могу и высказать. И вот я теперь, глядя на этот мир праха и пошлой грубости, всё более и более тягочусь и мучусь... Для тебя я уже давно воспитала прелестную подругу, так что за всем этим можно будет с тобой проститься.

⁴⁶ Прах в ветре — то есть бренного мира, уподобляемого мутному воздуху, в котором кружится пыль, вздымаемая ветром. Выражение это буддийского происхождения, и поэтому содержит в себе смысл «суеты сует».

⁴⁷ Для китайцев кислота — символ боли, горькой печали и всяческой неудачи. В разговорном языке «пить уксус» значит ревновать. От этого самое слово уксус (*цу*) не любят произносить, а особенно женщины.

При этих её словах студент заплакал, повалился ей в ноги и не поднимался, пока она наконец не осталась.

Ночью она послала Лу-эр услужить ему при поживании, но он решительно воспротивился и не принял. Наутро, взглянув на жену, он увидел, что светлая красота её лица сразу стала спадать, а через месяц она начала стареть и дряхлеть. Через полгода она уже была темна, черна, словно деревенская старуха.

Студент почитал её, так и не замещая другой. Вдруг она опять заговорила о расставанье.

— Послушай, ведь у тебя же есть прелестная подруга, — добавила она при этом, — зачем тебе нужен этот Цзюбань⁴⁸?

Студент стал умолять её и плакать, как и в прошлый раз.

Так прошёл ещё месяц. Она внезапно захворала, перестала есть и пить и скелет скелетом лежала на своей половине. Студент подавал ей горячую воду и лекарства, служа ей, как отцу с матерью. Ни одно лекарство не помогало, и она отошла.

Студент загрустил и готов был, казалось, умереть. Затем на деньги, пожалованные государем служанке, он устроил ей похороны и монашеские службы.

Через несколько дней служанка тоже ушла. Тогда он сделал женой Лу-эр, которая через год принесла ему сына.

Однако, год за годом был неурожай, и дом всё падал и падал. Муж и жена не знали, что и предпринять. Сидели друг против друга, как тени, предавались печали.

Вдруг он вспомнил про копилку в углу комнаты, куда, как он часто видел, Четырнадцатая бросала деньги.

— Вот не знаю, — прибавил он, — существует она или нет?

⁴⁸ Цзюбань — страшный, безобразный демон, по буддийским рассказам. Здесь намёк на известный анекдот об одном муже, боявшемся жены. Когда над ним смеялись, он излагал следующее.

Есть три причины бояться жены. Когда она молода и обаятельна, бойся её, как живого бодисатву (будущего будду). Когда всё перед ней уже полно детьми, бойся, как мать Девяти Чертей. Когда же ей стукнет пятьдесят, а то и шестьдесят, а она всё ещё пробавляется румянами да белилами, становясь то синей, то чёрной, бойся её, как Цзюпаньгу (санскрит. Кхумбхандхас). Разве всё это не заставляет нас бояться жен?

Подошел к углу. Он был весь как есть заставлен чашками из-под бобовых консервов, плошками из-под соли и прочими вещами, наполнявшими комнату ряд за рядом. Всё это, одну вещь за другой, он сбросил прочь, взял палочки для еды и попробовал шарить в копилке. Оказалось, туго до того, что нельзя было проникнуть. Разбил копилку вдребезги. Оттуда волной хлынуло серебро и медь.

С этого времени Фэны вдруг сильно разбогатели. Впоследствии слуга Фэна как-то побывал у гор Тайхуа, где встретил Четырнадцатую. Она ехала на сизом муле, а её служанка трусила за ней на осле.

— Господин Фэн здоров? — спросила она и добавила: — Передай твоему господину от меня, что я уже занесена в книгу святых!

С этими словами она пропала из виду.

Автор этих строк добавит⁴⁹:

Пустые фривольные речи во множестве исходят от служилого сословия, и это заставляет благородных мужей печалиться-сокрушаться. Меня тоже, бывало дело, покрывала слава идущего против всяческих установлений⁵⁰; говорил, что обижен напрасно — так из-за непрактичности своей, однако ж, не случилось такого, чтобы со всей настойчивостью не побуждал я себя к усердию, алкая посредством стараний примкнуть к купе благородных мужей и рассуждениям о счастье и беде не предаваться, да! Что же касается книжника Фэна, то из-за мелочи в слово одно чуть не достиг, чтоб себя погубить; да, коль в жилище бы не оказалось бессмертной святой, кто бы доспел-то спастись-ускользнуть из темницы-тюрьмы или родиться вторично, да так, чтоб опять в ту же пору попасть? Оторопь прямо берёт!

⁴⁹ Перевод А. Г. Сторожука.

⁵⁰ Идти против всяческих установлений (冒不韙) — сокращённый вариант выражения «идти наперекор всему миру», «не считаться с установлениями всей Поднебесной» (冒天下之大不韙). Выражение восходит к несколько видеоизменённой цитате из «Цзо чжуаня» (左傳), цзюань 4, «Одиннадцатый год Инь-гуна» (隱公十一年), где говорится о пяти важнейших предписаниях для благородного мужа, и нарушивший их непременно потерпит поражение, чему и должно быть.

154.

ВЕРОУЧЕНИЕ
БЕЛОГО ЛОТОСА¹

白蓮教

Некий человек из Шаньси — забыл, как его звали по имени и фамилии, — принадлежал к вероучению «Белого Лотоса»² и, кажется, был приверженцем Сюй Хун-жу³, Своими «левыми

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1937 года.

² «Белый Лотос» — Буддизм, проникнув в Китай не позже I в. н. э. и сразу же наводнив китайскую литературу бесконечными переводами своих священных книг, породил ряд сектантских вероучений, одним из которых было «Вероучение Белого Лотоса». Уже в IV в. монах Хой Юань основал вместе со своими сподвижниками секту «Белого Лотоса» (*Болян шэ*), приняв символ священного для буддистов цветка за девиз чистоты «западного рая» Будды Амитабы. Ему удалось привлечь в число своих почитателей многих видных людей того времени, и среди них двух самых крупных поэтов — Се Лин-юня и Тао Цяня.

Народ, искавший в религии чуда, требовал зримых его эффектов, и, учитывая это, главари секты не брезговали ничем для создания о себе басен. Некоторые из этих басен приведены Ляо Чжаем как в этом, так и в других рассказах.

³ Сюй Хун-жу — один из первых главарей секты «Белого Лотоса».

путями»⁴ он волновал, будоражил народные массы, и те, кто восхищался его фокусами и проделками, большей частью чтили его, как чтут уважаемого учителя.

Однажды, куда-то уходя, он поставил в горнице таз, накрыл его другим и велел своему ученику сидеть и караулить, — не сметь открывать и смотреть.

Когда учитель ушёл, ученик открыл таз и увидел там чистую воду, по которой плавала лодочка, сделанная из соломы. На лодочке были и мачты и паруса — словом, всё-всё.

Подивившись лодочке, ученик тронул её пальцем, и она от прикосновения перевернулась. Ученик бросился её поднимать, чтобы вернуть в прежнее положение, но она снова перевернулась.

Вдруг входит учитель.

— Как ты смел меня ослушаться? — набросился он гневно на ученика.

Тот энергично утверждал, что ничего подобного не было.

— Что ты меня обманываешь? — кричал учитель. — Только что сейчас в море перевернулась моя ладья.

Ещё случай. Однажды вечером учитель зажёт в горнице огромную свечу и велел ученику смотреть за ней внимательно, чтобы её не задуло ветром. Пробило уже две стражи⁵, а учитель всё ещё не приходил. Ученик, изнеможённый усталостью, пошёл к кровати, прилёг...

⁴ Левые пути — учение Конфуция проповедует неотклонение человеческой стези от «прямого» центра истины, воплощённого в идеализированных личностях китайского прошлого. Тем более преследует оно уклонение в антидогматику, в исповедание крайних «левых» путей, иначе говоря — в увлечение религиозною эсхатологией какого бы то ни было типа, в том числе и всем сверхъестественным, необычным. В каноне «Церемоний» (глава «Ван чжи») увлечение «левыми путями» показано, по регламенту древних царей, наказуемым смертью, вместе с извращением законов, злостным смещением здоровой моральной номенклатуры и стремлением к замене существующих законов новыми.

⁵ Пробило уже две стражи — речь идёт о водяных часах; образное выражение.

Когда он очнулся, свеча уже погасла. Быстро вскочил, зажёл, и в это же время вошёл учитель. Ученику опять попало.

— Уверяю вас, — говорил он, — что я и не думал спать... Как это свеча могла вдруг так погаснуть?

— Ты ещё будешь тут говорить! — яростно кричал на него учитель. — Ведь ты меня заставил сейчас более десяти *ли*⁶ шагать в темноте!

Ученик был ошарашен.

Таких необъяснимых историй у него бывало бесконечное число, всего не опишешь.

В дальнейшем его любимая наложница вступила в связь с его учеником. Учитель это заметил, но не подавал вида и молчал. Раз он послал ученика кормить свиней. Только что тот вошёл в хлев, как тут же превратился в борова.

Учитель сейчас же послал за мясником. Тот зарезал борова и стал продавать мясо. Никто и не догадывался.

Видя, что сын не возвращается домой, отец ученика зашёл к учителю наведаться. Тот сказал, что ученик давно уже у него не бывал. Отец вернулся к себе, стал повсюду искать и спрашивать, но никаких следов сына не нашёл.

Тогда один из соучеников погибшего, разузнав потихоньку об этом деле, проговорился отцу его. Тот подал на учителя жалобу местному правителю. Правитель, боясь, что он убежит, не решился сам его задержать, донёс выше по начальству, прося прислать тысячу вооруженных людей.

Окружили дом, арестовали его жену и сына, и всех их заперли в клетку, чтобы в ней препроводить в столицу.

Дорога шла через горы Тайхан⁷. Вдруг из гор выскочил великан ростом с дерево. Глаза — словно плошки, рот — с лохань, зубы — больше фута. Солдаты, ошеломлённые этим зрелищем, остановились, не смея идти дальше.

⁶ Более десяти *ли* — около пяти километров. *Ли* — приблизительно полкилометра.

⁷ Тайхан — горы, возвышающиеся среди лёссового плато губернии Шаньси в Западном Китае.

— Это — оборотень, — сказал сектант. — Его может прогнать моя жена.

Послушались его слов, развязали жену, и та помчалась на великана с копьём в руках. Великан рассвирепел, втянул её в рот и проглотил.

Все бывшие тут ещё больше перепугались.

— Ну, раз он убил мою жену, надо, значит, идти сыну, — сказал сектант.

Выпустили сына. Но и тот был проглочен, как мать.

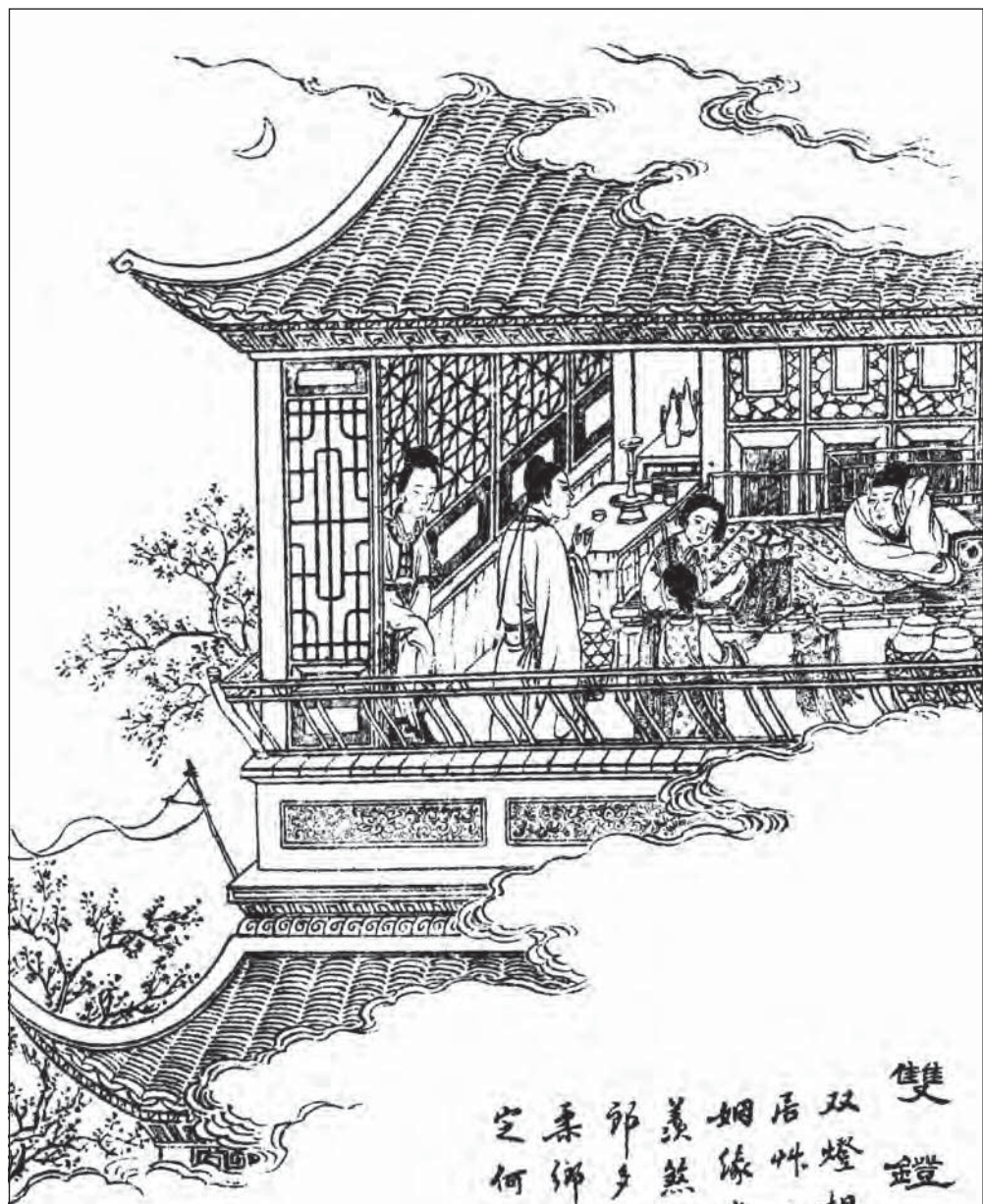
Все воззрились друг на друга, и никто не знал, что теперь делать. Сектант заплакал, разгневался.

— Ну, когда так, раз он убил и жену мою и сына, — кричал он, — мне хоть и не сладко, однако ничего не поделаешь: придётся идти против него самому мне.

Выпустили из клетки и его, дали в руки нож и направили на врага. Великан ринулся на него с большой яростью и вступил с ним в драку, борясь голыми руками. Минута — и великан схватил его и сунул в рот.

Потом вытянул шею и проглотил. Проглотив же, спокойно, как ни в чём не бывало, удалился.

雙
鑑

双燈相對酒樓

居畔

姻緣半載餘

羨然症

郎多難福溫

柔鄉味

定何如

155.
ПАРА ФОНАРЕЙ¹
雙燈

Вэй Юнь-ван из Пыньцюаня в Иду происходил из старинной и знатной семьи, которая, однако, впоследствии — увы — обеднела, так что у него не хватало уже средств на продолжение образования, и он ещё лет двадцати от роду прекратил занятия науками и вошёл в дело зятя по торговле вином.

Однажды вечером он лежал один в винном складе. Вдруг слышит стук чьих-то шагов. В испуге он вскочил и стал с замиранием сердца прислушиваться. Стук всё ближе и ближе, вот уже ищут лестницу, идут вверх, шаги перебивают друг друга... И сейчас же две прислуги с фонарями в руках очутились у его постели. За ними появился молодой человек, с виду из интеллигентных, который вёл за руку девушку. Он подошёл к постели Вэя и стал улыбаться. Вэй страшно испугался и ничего не понимал, но тут же начал догадываться, что это лисицы. Понял, и волосы на голове встали, словно деревья в лесу. Поник головой, не решаясь даже взглянуть.

— Не глядите на нас букой, — смеялся молодой человек. — Моя сестра с вами связана давней судьбой, ещё до рождения. Вот ей и следует за вами поухаживать!

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1922 года.

Вэй смотрит — молодой человек одет в расшитый шёлк и соболя, глаза горят... Застыдился своего грязного вида, покраснел и не знал, что на это сказать. Молодой человек и служанка оставили фонари и исчезли.

Вэй стал внимательно рассматривать девушку, которая была светла, свежа, словно фея. Она ему сильно понравилась, но он был совершенно сконфужен и никак не мог с ней заговорить в заигрывающем тоне. Дева смотрела и смеялась...

— Послушайте, — говорила она, — ведь вы же не из этих, зарывшихся в книги... К чему этот напыщенный вид книжника? — Подошла близко-близко к постели и сунула ему на грудь руку, чтобы погреть её.

Вэй теперь только оттаял, лицо разгладилось и, теребя её, начал с ней пошучивать, а затем привлек к себе и стал ласкать.

Ещё не пробил утренний колокол, а служанка с букольками уже пришла тащить её домой. Условились ночью опять свидеться, и действительно поздним вечером она пришла и говорила ему смеясь:

— Глупый мой, какое тебе счастье! Не затратил ни копейки, а получил такую красивую жену, которая каждый день к тебе сама бежит.

Вэй, обрадовавшись, что никого тут нет, поставил на стол вино и стал с ней пить. Играли в «спрятанные пальцы», причём дева выигрывала в девяти случаях из десяти.

— Не лучше ль будет, — смеялась она, — если я буду прятать пальцы, а ты будешь их угадывать? Угадаешь — выиграл, нет — проиграл! Если же заставишь меня отгадывать, то никогда не выиграешь.

Сделали так и забавлялись весь вечер, а затем пошли было спать, но дева сказала:

— Вчерашней ночью на твоём одеяле и матрацах было ужасно холодно, прямо нестерпимо.

И крикнула прислугу, веля принести одеяло. Развернули его на постели — тонко вышитый нежный шёлк был мягкий, душистый... Вэй развязал ей пояс, стал с ней любовничать... Её красные губы блуждали, метались — совсем как у «мягкого и тёплого царства»

ханьского государя², если даже не лучше. И с этой поры их отношения установились окончательно.

Прошло полгода. Вэй вернулся на родину. Раз ночью при луне он разговаривал с женой у окна. Вдруг видит, что его дева в роскошном наряде уселась на стене и машет ему рукой, зовёт его. Вэй подошел к ней. Она взяла его руку, перелезла к нему через забор и, не выпуская его руки, говорила:

— Сегодня я с тобой расстанусь. Пожалуйста, проводи меня несколько шагов, окажи мне этим внимание, заслуженное, надеюсь, за полгода нашей с тобой связи.

Вэй испуганно спросил, в чём дело.

— Брачная связь имеет свою определённую судьбу. О чём тут разговаривать?

Так они шли и беседовали, пока не пришли к окраине села, где её ждала служанка с двумя фонарями. Они направились прямо к южным горам, и, дойдя до возвышений, дева простилась с Вэем. Тот удерживал её, но бесполезно. Она ушла.

Вэй долго стоял, не сходя с места и устремив взор ей вслед. Он всё время видел пару фонарей, то мелькающих, то исчезающих, пока они не удалились настолько, что различить что-либо было уже невозможно. С болью в душе вернулся к себе Вэй.

В эту ночь, говорят, все крестьяне видели в горах огни фонарей.

² Который так выражался о нежном теле своей знаменитой наложницы.

156.

КАК ОН ХВАТАЛ ЛИСУ
И СТРЕЛЯЛ В ЧЁРТА¹

捉鬼射狐

Ли Чжу-мин был человек храбрый, открытый, не знавший не-удовлетворённости и не пугавшийся назад. Он был сводным братом Ван Цзи-ляна, у которого дом состоял из множества зданий, где постоянно видели разную чертовщину. Ли часто летом там жил, ему нравилось сидеть на вышке, когда наступала вечерняя прохлада. Ему говорили о причудах чертовщины, но он смеялся и не слушал, и даже наоборот — велел там поставить себе кровать. Хозяин дома исполнил его просьбу, но велел слугам спать вместе с барином. Тот отстранил это, сказав, что любит спать один и что всю жизнь не понимал, что такое вообще необыкновенное явление. Хозяин велел раздуть в жаровне потухшие курительные свечи, спросил, как ему постлать поудобнее постель, затем задул свечу, прикрыл дверь и вышел.

Ли лег на подушку. Через некоторое время он видит вдруг в лунном свете, что чайная чашка на столе то опрокидывается, то встает боком, то вертится и кружится, причём не падает, но и не перестаёт двигаться. Ли прикрикнул, и сейчас же возня прекратилась. Потом

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1922 года.

как будто кто-то взял курительную свечу и стал светить, помахивая ею в воздухе, то туда, то сюда, и образуя фигурные нити. Ли вскочил и закричал:

— Что за тварь, чёрт или дьявол, смеет тут быть?

Голый, он слез с кровати, желая сейчас же поймать беса. Стал ногой шарить под кроватью, ища туфли, но нашёл только одну. Некогда было дальше искать впотьмах, и вот он босой ногой хватил по тому месту, где было мелькание, и свечка сейчас же воткнулась в жаровню — стало тихо и спокойно.

Ли нагнулся и стал шарить повсюду, во всех тёмных углах...

Вдруг какая-то вещь прыгнула и ударила его по щеке, и ему почудилось, что это как будто туфля. Припал к полу, стал искать — нет её, так и не нашёл. Открыл дверь, спустился вниз, крикнул слугу, велел зажечь огонь и осветить... Пусто... И опять лёг спать.

Наутро велел нескольким слугам искать туфлю. Перевернули матрацы, опрокинули кровать — неизвестно, где туфля. Хозяин дал ему взамен потерянной туфли другую. Через день-два он как-то случайно поднял голову вверх и увидел туфлю, засунутую в балки; достали её оттуда, оказывается, это его туфля и есть.

Ли сам был из Иду, но снимал квартиру в доме некоего Суня в Цзы. Дом был огромный, просторный, все помещения были свободны, и Ли занимал только половину их. Южный двор примыкал к высокому дому, отделяясь от него всего одной стеной. По временам было видно, как в этом доме двери сами собой то открываются, то закрываются. Ли не обращал на это внимания.

Как-то раз он разговаривал со своими во дворе. Вдруг появился какой-то человек и уселся лицом к северу. Ростом он был весь фута три. Одет был в зелёный халат и белые чулки. Все тут бывшие стали смотреть на него, указывая пальцами, но тот не шевелился.

— Это — лисица, — сказал Ли, быстро схватил лук и стрелу, нацелил и хотел стрелять, но карлик, увидев это, охнул, словно дразня его, и стал невидим. Ли схватил нож, полез наверх, бранясь и ища, — но так-таки ничего и не увидел. Вернулся. Чертовщина после этого прекратилась, и Ли прожил здесь ещё несколько лет: всё было, как следует быть — без неприятностей.

Старший сын его, Ю-сань, мой свояк. Всё это он видел собственными глазами.

Послесловие рассказчика

Поздно, знаете, я родился. Не удалось самому послужить господину Ли. Но, послушать стариков, это, вероятно, был крупный человек, с большим темпераментом и решительный, что, впрочем, можно видеть хотя бы из этих двух его приключений. Раз есть в человеке живой и сильный дух, то чёрт там или лис — что они могут с ним поделать?

賽 償 債

夢中情事記分明
戴向
珍驢喚小名
戴角披毛
債主償世間
債帥應心驚

157.

ОДЁР ВОЗВРАЩАЕТ ДОЛГ¹

蹇償債

Достопочтенный Ли Чжу-мин² был щедрым да добрым, любил благотворствовать. Один из уезда — NN его звали³ — батрачил и жил у почтенного дома. А он был таким — с малолетства слонялся-ленился, не смог овладеть никаким он крестьянским трудом, семья жила вечно в нужде. Однако ж маленько таланты-способности были, часто услуги справлял да работы, и всякий раз награждали обильно. Случалось, что нечего стряпать на завтрак, — к почтенному шёл, чтобы жалобно кланчить, и вечно почтенный его оделял ковшом или мерой. Так вот он однажды почтенному и сообщает:

— Я, недостойный, что день — получаю изрядную помощь, и трёх-четырёх едоков вот по счастью голодная смерть не постигла. Однако же разве так может извечно тянуться? Молю, чтобы вы мне, хозяин, ссудили зелёных бобов⁴ полнотою в осьмину⁵, а я б на них создал себе капитал.

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Ли Чжу-мин (李著明) — реальный исторический персонаж, уроженец Шаньдуна, переселившийся в Цзычуань.

³ В Цинкэтинском собрании приводится имя этого персонажа — Ван Чжо (王卓).

⁴ Зелёные бобы (绿豆) — фасоль.

⁵ Осьмина (石) — здесь: мера объёма, равная ~103,5 л.

Почтенный тем возвеселился да тут же велел, чтобы дали ему. Вот N на спине утащил; год минул с лихвою — а долга-то так он и не возвращает. Дошло, что спросил у него — да деньги бобовые все уж исчезли вчистую, вот так. Почтенный тут бедность его пожалел, оставил и больше не требовал.

Почтенный предался учёным занятиям в Сяо-ските⁶. Потом уж три года с лихвой пробежало — вдруг видит во сне, что является N, говоря:

— Я, недостойный, хозяину должен давно был оплату бобов, сегодня явился, чтоб долг воротить.

Почтенный, его утешая, речёт:

— Коли с тебя бы я требовал долг — ведь что ни день занимал да одалживал ты у меня — как же всё это возможно б свести-подсчитать?

N тут со скорбью в лице отвечает:

— Это бесспорно. Обычные люди, коль малость да сделали что-то кому, за то получивши по тысяче *цзиней*⁷, то можно за это и не воздавать. Но коль без конца от кого-то всегда получаешь ты средства-поддержку — ни меры, ни ковшика здесь утаить уж нельзя совершенно, а что ж говорить, коли больше-то, да!

Вот речи закончил да прочь удалился. Почтенный сильнее лишь дивится.

Вскоре затем сообщают домашние новость почтенному, дескать:

— Ночью-то наша ослица как раз разродилась ослёнком, он очень высокий-большой.

Почтенный тут вдруг догадался и молвит:

⁶ Скит Сяо (蕭寺) — буддийский монастырь. Называется так в память об иероглифе Сяо, написанном по приказу Лянского У-ди (梁武帝, 464–549 гг.) великим каллиграфом Сяо Цзы-юнем (蕭子雲, 487–549 гг.) при постройке монастыря. Часто, сосредоточиваясь на учёных занятиях, китайские книжники проводили долгое время в стенах буддийских монастырей, где покой, тишина и близость к природе (монастыри часто строились в горах и имели прекрасные парки на своей территории) помогали достичь успехов в намеченном деле. Потом и понятие «кабинет учёного» стало в память о надписи Сяо Цзы-юня называться «закутом Сяо» (蕭齋). См. примеч. 32 к «Ляо Чжая собственному написанию», том 1.

⁷ Цзинь (金) — мера серебра, один лян.

— Не быть ли такому, что этот ослёнок как раз-то сам N?

Чрез несколько дней возвращается он, увидел ослёнка да в шутку позвал его именем N. Ослёнок со всех ног примчался, как будто бы понял и имя узнал. Вот с этих-то пор начиная, его называть так и стали.

Почтенный поехал-отправился как-то в Цинчжоу⁸, и тамошний евнух из Хэнских чертогов⁹, увидев осла, был в восторге большим да и возжелал высоченной ценою его приобрести. Торговля о плате ещё не сложилась, а вышло тут, что у почтенного дело домашнее срочное и промедленья не терпит — вот он и вернулся. Потом ещё год миновал; а этот ослёнок с конём как-то в стойле одном оказался, тот вгрызся — и переломилась берцовая кость, да так, что лечить невозможно. Нашёлся тут лекарь коровий — приходит к почтенному в дом, да видит осла и почтенному так говорит:

— Прошу вас я этого ослика вручить недостойному мне, с утра и до ночи я стану питать-врачевать, нужны будут годы да месяцы¹⁰; на случай, коль мы исцеленья достигнем, — им цену, добытую с вами, почтенный, распределим поровну, вот.

Почтенный и сделал всё, как тот просил. Прошло потом несколько месяцев — а лекарь коровий запродавал осла, стяжав за то тысячу и восемь сотен монет, из них половину доставив почтенному. Почтенный, как принял монеты, так вдруг осенило: количество их соответствует точно цене за бобы, вот же как! Эх! При жизненном свете-то всё занимал, из мрака загробного вот же теперь отдаёт, и это достойно, чтобы, так сказать, призывать¹¹!

⁸ Цинчжоу (青州) — в описываемые поры область на территории провинции Шаньдун.

⁹ Хэнские чертоги (衡府) — дворец Хэнского вана (первоначально — седьмого сына минского Сянь-цзуна (憲宗, 1447–1487 гг.)). См. примеч. 11 к новелле 82 «Барышня Четвёртая Линь», *цзюань* 2, том 1.

¹⁰ Годы да месяцы (歲月) — общее название для времени вообще, то есть фраза означает: «Понадобится некоторое время».

¹¹ Призывать (勸) — то есть «призывать к праведным поступкам» (勸人為善), служить примером для подражания; стандартная письменная формула классических текстов.

158.
ГОЛОВА КАТАЕТСЯ¹
頭滾

Почтенный батюшка² сяолян³ Су Чжэнь-ся⁴ дремал днём и видит — появляется прямо из земли человеческая голова величиной с осьмину⁵ — и ну кататься туда-сюда под кроватью без остановки. Был потрясён и впал в недуг, да и потом уже не встал. Затем его второй почтенный⁶, когда почивал с продажной девкой, угодил в смертельную беду, — не было ли это тому предвестником, а?

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Почтенный батюшка (封公) — в тексте употреблено выражение, в буквальном смысле значащее «владельческий предок», что бывало и просто вежливой формой именованя отца уважаемого человека. В данном случае отец Су Чжэнь-ся действительно был жалован титулами.

³ Сяолян (孝廉) — именование цзюйжэня, обладателя второй учёной степени в Старом Китае.

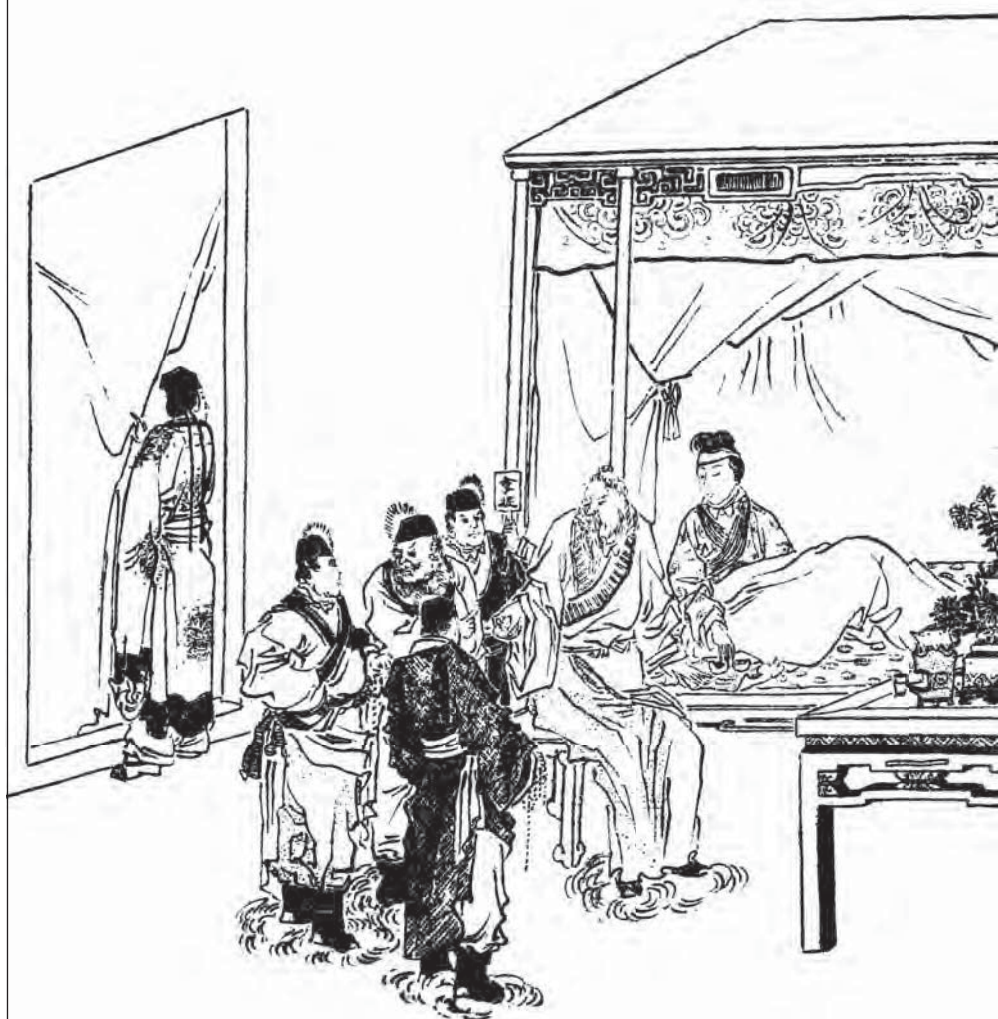
⁴ Су Чжэнь-ся (蘇貞下) — житель Цзы-чуаня, в 1678 году сдавший экзамен на цзюйжэня. Умер, не уходя в отставку.

⁵ Осьмина (斛) — здесь: мера сыпучих тел, равная примерно 10 ковшам, то есть ~103 л.

⁶ Второй почтенный (次公) — здесь имеется в виду младший брат Су Чжэнь-ся.

鬼位筵

兒掃居然
慶耳生而
翁靈語自
分明賓筵
物饌所宜
滿不信冥
中亦世情

159

ДУХ УСТРАИВАЕТ ПИР¹

鬼作筵

Усющая Ду Цзю-ваня² благоверная захворала. А случился праздник Двойной Девятки³, и вот же друзья пригласили его устроить совместно гулянье с кизилом⁴. Поднявшись с утра, совершив омо-венье, жене обсказал, куда в путь собрался, и в шапке да платье хотел выходить, да вдруг замечает — жена-то его не в себе: нудит бесконечно, как будто бы с кем говорила она. Ду поразился весь-ма, спросить подошёл у лежащей в постели — жена же всё время

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Ду Цзю-вань (杜九畹) — говорящее имя: означает буквально «девять [мер площади] вань», о которых древний поэт Цюй Юань (屈原, ~340–278 гг. до н. э.) в поэме «Лисао» писал, что засадил их орхидеями. Орхидея традиционно служила в Китае символом учёности, утончённости и жизненной силы, что и воплощено в имени главного героя новеллы.

³ Праздник Двойной Девятки (重陽) — девятое число девятой луны, традиционный праздник, во время которого предписывалось посредством ряда ритуальных мер усиливать *янское* начало. См. примеч. 5 к новелле 152 «Шашечный чёрт».

⁴ Гулянье с кизилом (茱萸會) — ритуальное восхождение в горы с распитием настоящего на хризантемах вина, устраиваемое на праздник Двойной Девятки; совершалось с привешенными или воткнутыми в причёску обломанными кизиловыми веточками для отвращения напастей (см. примеч. 3).

его называет «сынком». Домашние поняли в сердце своём, что дело престранное тут. В пору ту гроб с телом матушки Ду ещё же не захоронили⁵ — он и подумал, не дух ли её как раз проявился? Ду заклинательно молвит:

— Не стало ли так, чтобы это была моя матушка?

Жена же ругает его:

— Отродье ты скотское! Как же не смог распознать ты родного отца?!

Ду говорит:

— Коль это и правда родной мой отец, зачем же тогда возвращаться домой да чудиться сыну с женою?

Супруга, назвав его детское имя⁶, толкует:

— Я ведь нарочно, сынок, к благоверной твоей заявился, чего ж поперёк обижаться да сетовать? Твоя благоверная вскоре должна помереть, и есть уже четверо тех, кто прибудет хватать-забирать⁷. Над ними поставлен начальником Чжан Хуай-юй; я тьмою подходов его умягчал и молил и только тогда лишь согласья достигнуть сумел. И я обещал небольшие дары поднести — так должно немедленно их передать.

Ду тогда сразу же, выйдя за дверь, бумажные деньги⁸ давай возжигать. Жена затем снова вещает:

⁵ Ещё не захоронили — погребение в традиционном Китае могло производиться много позже смерти и положения в гроб, поскольку гаданиями определялся благоприятный срок и место для захоронения, достижение которых подчас требовало долгого времени и средств. Весь этот период гроб с телом усопшего помещался в место временного упокоения. См. примеч. 36 к новелле 31 «Студент Е», *цзюань* 1, том 1.

⁶ Детское имя (小字) — домашнее прозвище, употребляемое только самыми близкими людьми. См. примеч. 27 к новелле 97 «Лянь-со», *цзюань* 3.

⁷ Хватать-забирать (勾致) — по представлениям китайцев, после смерти специальные духи вытаскивают души из тела и препровождают к предварительному следствию, устраиваемому духом-покровителем города, к которому данная местность относится. См. примеч. 7 к новелле 152 «Шашечный чёрт».

⁸ Бумажные деньги (紙錢) — жертвенные деньги, изготавливающиеся из бумаги; могут быть в виде купюр или слитков серебра, иногда

— Те четверо уж удалились, вот так. Они не решились идти вперекор, чтоб смог я лицо сохранить⁹. Минует три дня — и тогда надлежит устроить застолье, их вознаградить. Твоя-то мамаша годами стара, как лунчжунский бамбук¹⁰, не сможет уже куховарить-готовить домашней стряпни¹¹; как время приспеет — так и утружу я супругу твою одною прогулкой.

Ду и говорит:

— У мрака и света разнятся пути, возможно ли тут стать заменой на кухне? Надеюсь, родитель простит за ошибку.

Жена же в ответ:

— Да ты не тревожься, сынок! Пройдётся себе — да тотчас и назад возвернётся, к тому ж для неё это дело чиним, не должно бы ей утрашаться забот.

Закончивши речь, тотчас и во мрак погрузилась¹². Прошло уж долгонько — тогда лишь очнулась. Ду ну её спрашивать, что говорила, — а всё, как в тумане, из памяти вон. Однако ж речёт:

— Как раз вот видала я — четверо к нам приходили, хотели схватить меня и увести. На счастье, тут свёкор почтенный смягчил-умолил, к тому же, кошель развязав, им подарок поднёс, тогда лишь ушли. Да видала я — у почтённого свёкра в куле для монет оставалось ещё

делаются очень похожими на реально существующие образцы ассигнаций. См. подробнее примечание 9 к новелле 136 «Дева Гуньсунь Девятая», *цзюань* 3.

⁹ Лицо ([面目]) — в данном случае понятие личной репутации, социального статуса, одна из базовых характеристик общественного положения человека в системе традиционной культуры Китая.

¹⁰ Лунчжунский бамбук (龍鍾) — пятнистый бамбук, метафора старческой немощи. См. примеч. 51 к новелле 136 «Гунсунь Девятая», *цзюань* 3, и примечание 14 к новелле 49 «Не Сяо-цян», *цзюань* 2, том 1.

¹¹ Домашняя стряпня (中饋) — отсылка к «Книге перемен» (易經), гексаграмма 37 «Домашние» (家人), где женская доля поясняется как готовка пищи дома. См., например, примечание 19 к новелле 136 «Гунсунь Девятая», *цзюань* 3.

¹² В Цинкэтинском своде новелл Ляо Чжая после «Закончивши речь» и перед «тотчас» значится ещё: «говорит: „Мне следует уж уходить“. Жена...».

два маленьких слитка, хотела присвоить да взять, один притащить такой слиток, — пошёл бы в зачёт нам, чтоб кинуть на зуб, а свёкор заметил-увидел, да ну распекать: «Ты что тут такое решилась творить! Штуковину эту да разве ж могла б ты когда-нибудь где-то использовать, а?» Я тут же тогда и отдёрнула руку, и двинуться-то не решалась.

Ду посчитал, что болезнь у жены обострилась, и веры с неверием тут пополам.

Три дня с этих пор миновало; как раз посреди разговоров да смеха внезапно как выкатит очи! — и этак надолго, да и говорит:

— Супруга твоя чрезмерно жадна, в тот раз увидала она мой-то белый металл¹³ — да тут же давай вожелеть-домогаться. Однако ж премного возможно, что всё это из нищеты, и нечему тут удивляться особо. Собрался свести я супругу с той целью, чтоб мне надзирать пособила по кухонным нуждам, не стоит тревожиться, да!

И только что речь завершила, как тут же внезапно и замертво пала. Примерно полдня пролетело иль около — тогда лишь очнулась, и Ду сообщает такое:

— Когда же мой свёкор почтенный меня призывал уходить, он так мне сказал: «Не нужно тебе самолично трудиться-работать, чтоб стряпать-готовить найдётся людей у меня самого, а надо лишь только, усевшись недвижно, командовать-править, и будет с того. Я среди загробного царства довольством обильно богат, и всякое кушанье-пища — всё это чтоб даже валилось из блюда, тебе это твёрдо бы нужно запомнить». На том я поладила. Как только пришли мы на кухню, то там увидала двух женщин — ножами на досках орудуют в самой серёдке, и обе в пурпурных¹⁴ оплечьях с отливом, с зелёной каймою на них, ко мне же они обращаются: «Тётушка». И вот: всякий раз нужно жареным полнить кандей¹⁵ — зовут

¹³ Белый металл (白金) — здесь: серебро.

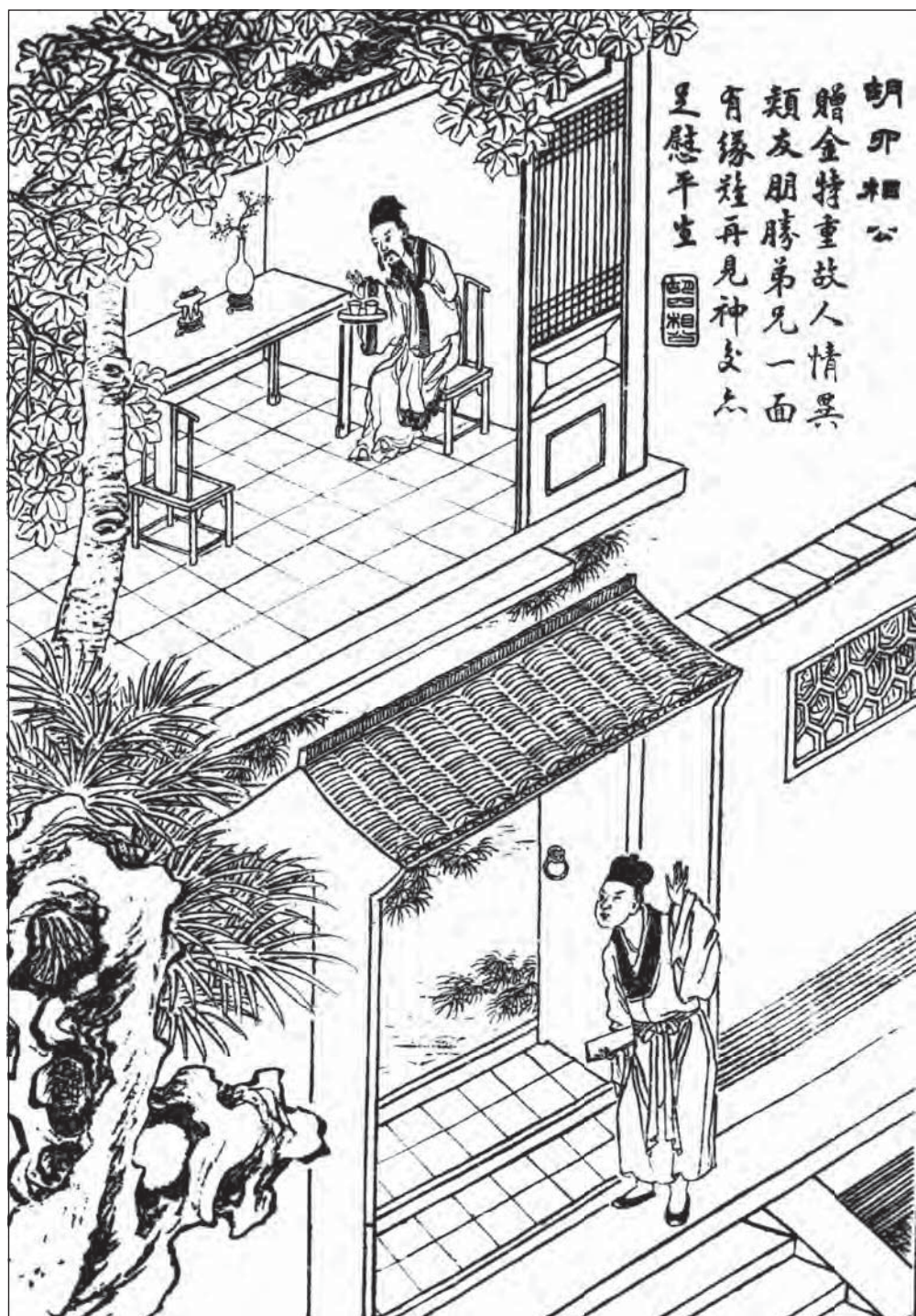
¹⁴ В некоторых комментариях цвет оплечий (紺) трактуется не как пурпурный, а как небесно-голубой.

¹⁵ Кандея (簋) — древний жертвенный сосуд (gui), название которого впоследствии стало применяться вообще для крупных чаш с яствами на пиру. См. примеч. 13 к новелле 128 «Юй Дэ».

непременно следить-наблюдать. А четверо, бывших в тот раз, — как один на этом пиру восседали; когда подносимые яства иссякли и винные чаши уж встали рядами промеж разных блюд, так свёкор тогда мне велел, чтобы я возвращалась.

Ду, впав в превеликий испуг-изумленье, о том всякий раз оглашал меж друзей.

160.

ЛИС-НЕВИДИМКА

ХУ ЧЕТВЁРТЫЙ¹

胡四相公

Чжан Сюй-и из Лайу был второй брат нашего инспектора Чжан Дао-и, человек характера независимого, свободолюбивого, ничем себя не стесняющий. Узнав, что в их городе есть дом, в котором поселились лисицы, он честь честью взял в карман свой визитный листок и пошёл знакомиться, рассчитывая повидать лису хоть раз. Подойдя к воротам, он сунул листок в дверную щель и стал ждать. Вскоре двери сами растворились, а слуга, увидав его, в сильном изумлении попятился и быстро ушёл. Чжан, оправив платье, вошёл в дом с вежливою почтительностью. Видит — в гостиной стоят столы и диваны, — красиво так, изящно, но никого не слышно и не видно. Чжан сложил руки в знак приветствия и сказал тоном мольбы или заклания:

— Я, ваш покорнейший слуга, прихожу сюда с полным благоговением и предварительно попостясь. Раз уже вы, бессмертный и блаженный, не отринули меня, как человека, не имеющего с вами ничего общего, то почему же, наконец, не угодно вам осчастливить меня своею светлой лучезарностью?

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1922 года.

В ответ на это он вдруг слышит, как кто-то в пустой комнате ему говорит:

— Изволили дать себе труд, сударь, завернуть ко мне! Вот уж можно сказать, как у Чжуан-цзы², что стук шагов ваших действует словно на отшельника в безлюдном горном ущелье. Прошу вас занять место и подарить меня своим поучительным словом.

И Чжан сейчас же увидел, как два кресла пододвинулись сами собой и стали друг против друга. Только что он сел, как тотчас же в воздухе перед глазами Чжана повис красный поднос из резного лака, на котором стояли две чашки с чаем. Гость и хозяин взяли по чашке и стали пить. Слышно было прихлёбыванье, но самого человека видно не было. Кончили чай, перешли на вино. Стали расспрашивать друг друга о чинах и службе. Невидимый сказал о себе, что его зовут Ху, среди братьев он четвёртый, а что здешние люди зовут его баричем. Угощая Чжана, он рассуждал с ним о том, о сём, и по мыслям, и по духу сильно ему нравился. А подавались все отменные яства, приготовленные из черепах, и оленина, приправленная душистым перцем и специями. Слуг, подававших вино и кушанье, было, повидимому, весьма много. После вина Чжану сильно захотелось чаю — и только что эта мысль начала чуть-чуть шевелиться, как душистый чай уже был подан на стол. И вообще, чего бы он ни пожелал, всё решительно подавалось сообразно его мысли. Чжан пришёл в полный восторг... Отправился домой только тогда, когда был совершенно пьян.

С этой поры он стал обязательно навещать Ху через каждые три-четыре дня. Ху тоже время от времени появлялся в доме Чжана, и вообще у них установилось взаимное гостеприимство.

Однажды Чжан спросил лиса насчёт старой колдуньи, живущей в южном городе, которая всё время занималась тем, что выуживала от больных деньги, уверяя их, что она действует силою лисьего божества. Чжан поинтересовался, не знает ли он эту волшебную лисицу, поселившуюся в доме колдуньи.

— Она всё врёт, — отвечал Ху, — на самом деле никакой там лисицы нет.

² Чжуан-цзы — китайский философ и поэт IV в. до Р. Хр.

Вскоре Чжан встал, чтобы пойти на двор, и вдруг слышит шёпот:

— Вы только что говорили о старухе из южного города, колдующей от имени лисицы. О ней вам ничего неизвестно, что она за человек, — не так ли? Мне хотелось бы сопровождать вас туда к ней и посмотреть, что там такое. Пожалуйста, не откажите замолвить словечко за меня перед хозяином, чтобы он разрешил.

Чжан понял, что ему говорит лис-слуга, и сказал:

— Ладно.

Затем, вернувшись к столу, он стал просить лиса:

— Я хотел бы взять одного или двух из ваших слуг, чтобы пойти с ними разузнать насчёт этой лисьей вещуньи. Усердно прошу вас дать им соответственное распоряжение.

Лис сказал решительно, что не стоит этого делать, но Чжан заговорил ещё и ещё раз об этом, и тогда лис дал согласие. Когда вслед за этим Чжан вышел, то увидел, как сама собой подошла лошадь, которую, однако, словно кто-то вёл. Чжан сел и поехал, а лис говорил ему по дороге:

— Вы, господин, заметите, что вам на одежду будет попадать мелкая пыль: это от нас — мы будем ехать сзади.

И так всё время они разговаривали, пока не приехали в город к старухе.

Старуха, увидев Чжана, вышла ему навстречу с улыбкой и сказала:

— Дорогой барин! Что это вы вдруг изволили пожаловать?

Чжан спросил её:

— Вот я слышал, что у тебя в доме завелась какая-то особенно чудотворящая лисица, которая по твоей молитве всё делает. Так это или нет на самом деле?

Старуха, сделав важный вид, отвечала ему:

— Барину не следовало бы говорить то, что мелет какой-нибудь простой человек на улице. Зачем вы вдруг так прямо и говорите: какая-то лисица? Боюсь, как бы не прогневалась Сестра-Цветочек в моём доме.

Не успела она окончить своей речи, как в воздухе появился обломок кирпича и ударил колдунью по руке. Та зашаталась и чуть-чуть не упала.

— Барин, ваша милость, за что вы ударили старуху? — спросила она его с ужасом.

— Ты, никак, ослепла, старая! — смеялся Чжан. — Где это видано, чтобы человеку разбили череп, а он обвинял бы в том постороннего человека, стоящего засунув руки в рукава?

Колдунья, в полном недоумении, не знала, что делать... Пока она озиралась да ахала, её снова ударило камнем. Она свалилась, а на неё полетела всякая мерзость и грязь, залепившие ей всё лицо, отчего оно стало похоже на чёрта. Она выла и стонала, умоляя Чжана велеть, чтоб это прекратилось. Чжан стал просить пощадить её, и действительно всё остановилось. Колдунья вскочила и убежала к себе в комнаты, закрылась и не решалась уже выйти.

— Ну что, — кричал ей туда Чжан, — твоя лиса похожа на мою или нет?

Колдунья принялась извиняться и каяться в своих проступках. Чжан поднял голову и, обратясь в пространство, велел больше старуху не бить. Та робко-робко вышла из комнаты, и Чжан шутливо отчитал её, а потом вернулся домой.

С этого дня каждый раз, как ему случалось идти куда-нибудь одному по дороге, он замечал сзади себя мелкую пыль, летящую на него лёгкими волнами. Тогда он громко обращался к лису, и тот сейчас же отвечал, так что ошибки никогда не было. И благодаря лису, Чжану теперь нечего было бояться ни волка, ни тигра, ни злодея.

Так прошло больше года. Чжан ещё теснее сдружился с лисом. Как-то он спросил лиса, сколько ему лет. Тот никак не мог вспомнить. Сказал только, что видел мятеж Хуан Чао³ и помнит его, словно это было вчера.

Как-то раз вечером они сидели и беседовали. Вдруг в стене послышался какой-то очень резкий свистящий шум. Чжан с удивлением спросил, что это такое.

— Это, наверное, мой старший брат, — отвечал Ху.

³ Лидер мятежников и кратковременный император Китая, потрясший всю страну и окончательно обессилевший великую династию Тан. Ум. в 884 г. Значит, до рассказа Ляо чжая прошло восемь с лишним веков.

— Почему же вы не приглашаете его с нами посидеть? — полюбопытствовал Чжан.

— Видите ли, — объяснил ему Ху, — его путь к вечному Дао ещё слишком нетвёрд. Пока он только и любит, что таскать кур и жрать их: пожрёт — и доволен.

Чжан говорит затем как-то лису:

— Про такую чудесную дружбу, как у нас с вами, можно действительно сказать, что она безоблачна, а ведь я так и не видел ни разу вашего лица. Знаете, очень уж мне это досадно!

— Пусть только будет крепка наша дружба, — отвечал лис, — этого и достаточно... К чему вам видеть моё лицо?

Однажды лис устроил выпивку, пригласил Чжана и сказал, что он с ним должен проститься.

— Куда это вы? — спрашивал Чжан.

— У меня имение в Шэнь, так я иду домой. Вот ещё что: вы часто жаловались, что не видели меня в лицо. Теперь прошу вас запомнить черты вашего многолетнего друга, чтобы как-нибудь потом вы могли узнать меня.

Чжан осмотрелся вокруг — нигде ничего не видно.

— Пожалуйста, приоткройте дверь в спальню: я там.

Чжан сделал так, как было сказано, приоткрыл дверь и взглянул: в спальне сидел красивый юноша, смотрел на него и смеялся. Он был великолепно одет, нарядный, как бабочка. Брови и глаза были у него словно на картине. Миг — и он стал опять невидимкой. Чжан повернулся и пошёл, а за собой слышал стук туфель, шаг за шагом его провожающих.

— Ну, сегодня я успокоил ваше неудовольствие, — слышался голос.

Чжан отвечал, что он так привязался к лису и так нежно его любит, что не вынесет разлуки.

— Разлука, как и сближение, имеет своё положенное время, — утешал его лис. — Можно ли давать волю своим чувствам, горящим независимо от присутствия или отсутствия друга?

Взял большой кубок вина и просил Чжана пить. Сидели и пили оба до полуночи, когда, наконец, лис проводил Чжана с нарядным шелковым фонарём в руках до самого дома. Чжан всё-таки утром

пошёл в дом посмотреть, но нашёл только пустые стены разрушенного дома — и больше ничего.

Впоследствии его дядя Чжан Дао-и был назначен инспектором по учёной части в Сычуань. Чжан, который был по-прежнему честен, но беден, узнав о его приезде, пошёл его навестить, сильно рассчитывая от него поживиться. Однако через месяц с небольшим вернулся домой в полном разочаровании, ибо пришлось от всех этих надежд отказаться. Он сидел на лошади и горько вздыхал, растерянный и убитый, словно у него погибли жена или друг. Вдруг его стал нагонять какой-то молодой человек верхом на сером коне. Чжан оглянулся. Видит, что шуба и конь у всадника отменно красивы, с виду это интеллигентный человек, и решил затеять с ним лёгкую беседу. Юноша, убедившись, что Чжан не в духе, спросил, что с ним, и тот со вздохом объяснил, в чём дело. Юноша стал его всячески утешать. Так они проехали вместе с полверсты до перепутья, где юноша, приветливо откланявшись, стал прощаться и сказал ему:

— Там впереди, на дороге, стоит человек, который вручит вам вещицу от вашего друга. Пожалуйста, примите её с улыбкой, не придавая этому особого значения.

Чжан хотел расспросить его, но тот стегнул лошадь и ускакал. Так Чжан и не понял, откуда всё это.

Через версту-две он увидел слугу с небольшой шкатулкой в руках, которую тот на ходу протягивал ему со словами:

— Барин мой, Ху Четвёртый, свидетельствует вам, господин, своё почтение и шлёт вот это.

Чжан вдруг всё понял, словно озарённый. Принял шкатулку, открыл — смотрит: полным-полно сияющего серебра. Только что обернулся к слуге, но того и след простыл.

161

ХИТРЫЙ МУХЛЁЖ¹

念秧

Автор этих строк заметит:

Натура людей — что у бесов да гадов, куда ни посмотришь — везде оно так; на трактах-дорогах же с юга на север пагуба эта лютее ещё. Те, скажем, чьи луки туги и чьи кони норовисты, да, как бы назвать, за вратами державными разному люду противостоят², — всем поголовно о них обывателям ведомо, так-то. А то ведь бывает: разрежут мешки, проколят кули да груз заграбастают в городе прямо, путник тут только кругом обернётся — деньги да вещи где? — пусто уже, это ль не будет лютее ещё, чем повелось между бесами-гадами?! А вот ещё как ведётся: встретят кого, словно ряска в воде³, речи медовые — что твой нектар⁴, и приближаются так потихоньку, да и втираются так

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Противостоят люду за вратами державными (禦人於國門之外) — игра слов: фраза «Противостоять врагу на вратах державных» (禦敵於國門之外) означает доблестно оборонять рубежи страны за пограничными заставами, то есть за пределами «государевых врат». Чуть изменённая Пу Сун-лином фраза приобретает значение «притеснять людей за пределами городов», то есть заниматься грабежом на большой дороге.

³ Встретиться, словно ряска в воде (萍水相逢) — случайно встретиться, завести случайное знакомство.

⁴ Нектар (醴) — здесь: особый род сладкого вина или чистой сладкой воды; чаще — сладкое молодое вино, бражка.

念 映
 裘馬輝煌動觀觀
 客途萍聚夜呼盧
 囊金盡入他人囊
 贏得便宜是僕夫

глубоко; ложно почтёт кто за дружбу, когда, мол, навес накреляют⁵ — а угодит в зоключенье, когда деньги все потеряет. Как случай управит — так ставят ловушку, и форма-характер отнюдь не одна. В миру же такая словами-речами пропитка-втеканье обычно зовётся по имени «Хитрый мухлёр». И нынче на северных трактах подобного водится много, и встретивших оное лихо предельно большое число.

Ван Цзы-сюнь⁶ из моего уезда был местным *сюцаем*. Имелся у них в роду из старших колен некто, в столице служивший Ханьлиньским академиком со знамённой припиской⁷, — вот ехать задумал: взглянуть-навестить. Одежду собравши, на север подался и едет он через Цзинань, уж несколько вёрст одолел, как выискивается тут один

⁵ Навес накреляют (傾蓋) — внезапно возникшие дружеские чувства со случайным знакомым в дороге; выражение восходит к общеизвестной истории из книги «Драгоценная сокровищница обучения малышей» (幼學瓊林), входившей в программу начального образования в Старом Китае, *цзюань* 2; там цитируется фрагмент из «Речений школы Конфуция» (孔子家語), памятника Ханьского времени, повествующего, что Конфуций однажды направился в княжество Тань и в пути повстречал мудреца Чэн-цзы (程子); они накренили навесы экипажей, чтобы те не мешали разговору, и беседовали целый день, преисполнившись взаимной приязнью.

⁶ Ван Цзы-сюнь (王子巽) — близкий друг Пу Сун-лина Ван Мин-жу (王敏入), *шэньюань*, то есть *сюцай* из уезда Цзычуань. Был из бедной семьи, но очень почтительно ухаживал за своими престарелыми родителями. Пу Сун-лин написал предисловие к литературному собранию его отца, часто обменивался с ним стихотворениями. На страницах «Станных историй из кабинета неудачника» Ван Цзы-сюань встречается не один раз: кроме этой новеллы он также является героем «Пения лягушек» и «Мышиных спектаклей» из этого *цзюаня*.

⁷ Ханьлиньский академик со знамённой припиской (旗籍太史) — высокий пост при *цинах*; Ханьлиньский академик — высшее учёное звание в Старом Китае, в цинское время пост *тайши* (придворного летописца) означал именно звание Ханьлиньского академика; знамённая приписка — принадлежность к маньчжурской аристократии, входившей в знамённые реестры. Здесь, скорее всего, имеется в виду Ван Цзю (王樛), уроженец Цзычуаня, занимавший высокие посты в столице и действительно имевший и знамённую приписку, и звание Ханьлиньского академика, так что многие произведения он так и подписывал «Ханьлиньский академик со знамённой припиской».

верхом на чёрном осле; догнал — и поехали вместе. По временам досужими речами вовлекает — Ван вельми с ним и разговорился. А тот человек себя и объяви:

— Фамилия Чжан, в уезде Цися⁸ я служу приказным, почтенным начальником вот я направлен поехать в столицу.

Зовёт-титует с почтеньем-смиреньем, тактичен-услужлив в любезном внимании; вместе проехавши вёрст не так много десятков, условились разом вставать на ночлег. Ван, коль вперед от него отъезжает, — тот гонит одра и настигнуть спешит; а коли отстанет — тогда непременно дождётся левее дороги⁹. Слуга посчитал это странным, поэтому с видом суровым его оттесняет долой, не позволяет, чтоб ехали вместе; Чжан же весьма этим сам устыдился, плетью взмахнул тут — да и был таков. Вечер спустился — Ван встал отдохнуть на дворе постоялом, случайно прогуливаясь подле врат, тут видит, что Чжан этот тут же во внешних покоях как раз возливает; и вот посреди изумленья-испуга Чжан издали Вана равно углядел, навытяжку скок да и руки сложил¹⁰, смиренен, как будто бы раб-челядин, да мало-помалу себе выпрашивает. А Ван-то всё так же верхами-беспечно с ним — вот как случилось! — сошёлся на равных, отнюдь не чиня подозрений; однако же Ванов слуга ночку всю напролёт его сторонился-стерёгся. И только петух прокричал, как Чжан заявляется звать, чтобы вместе они выезжали, слуга ему — цыц! — и не стал принимать; тогда тот уехал. Рассветное солнце уже поднялось — вот Ван и давай отправляться в дорогу; проехали где-то полдня или больше — а там впереди человек на белом осле восседает, примерно лет сорок ему, как-то так; одежда и шапка опрятны-чисты, да голову свесил к одру своему

⁸ Цися (棲霞) — здесь: уезд в провинции Шаньдун.

⁹ Левее дороги (道左) — скрытый намёк на цитату из «Книги песен» (詩經), раздел «Нравы царств» (國風), «Песни царства Тан» (唐風), песня «Одинокая груша» (有杕之杜), где говорится об одинокой груше, растущей слева от дороги. В данном случае означает одинокое ожидание. См. примеч. 12 к новелле 70 «А-бао», *цзюань* 2, том 1.

¹⁰ Встать, сложив руки (拱立) — церемониально почтить кого-либо, особым образом сложив кисти (см. примеч. 11 к новелле 49 «Не Сяо-цян», *цзюань* 2, том 1). Встать навытяжку — также проявление почтения.

и спит-почивает, вот-вот упадёт. То спереди он, а то сзади уже, да так и катился себе вёрст десяток с лихвой. Тут Ван и спроси удивлённо:

— Чего же он ночью-то делал, достигнув, чтоб прямо вот этак плутать-препинаться¹¹?

А тот человек услышал его речи да тут же, внезапно зевнув-потянувшись, вещает:

— Я сам буду из Цинъюаня¹², фамилия Сюй, над округом Линьцзы¹³ начальствующий Гао Цин¹⁴ — так это двоюродный брат мой. А старший мой брат вот раскинул шатёр¹⁵ при казённом присутствии — и я покати навестить-повидать, немного доспел я гостинцев-подарков, да в эту вот ночь на заезжем дворе случайно вселился с таким, кто использует хитрый мухлёж, в тревоге-опаске я так и не смел смежить очи, поэтому вплоть аж до белого дня плутал в помрачении.

Тогда Ван его и спроси:

— А «хитрый мухлёж» — это как понимать?

А Сюй отвечает:

— Видать, на чужбине вы жили недолго, не знали ещё вероломства-коварства. Есть ныне такой уже род лиходеёв, которые речью медовой заманят прохожего путника, вцепятся-тянут, чтоб с ним совокупно им где-то пристать, и вот уж тогда-то, как случай управит, надуют-обманут. Надысь и мой родственник — что в тростнике перепонка¹⁶ — таким же манером утратил все средства-богатства. Так вот нам тут всем и приходится бдительно остерегаться!

¹¹ Плутать-препинаться (迷頓) — выражение, означающее крайне усталый и невыспавшийся вид.

¹² Цинъюань (青苑) — название уезда на территории нынешней провинции Хэбэй.

¹³ Линьцзы (臨淄) — здесь: название округа на территории провинции Шаньдун. См. примеч. 8 к новелле 136 «Гунсунь Девятая».

¹⁴ Гао Цин (高榮) — реальный исторический персонаж, *цзюйжэнь* родом из Цинъюаня, назначенный на пост в 1672 году.

¹⁵ Раскинуть шатёр (設帳) — открыть частную школу. См. примеч. 5 к новелле 11 «Мороки в доме», *цзюань* 1, том 1.

¹⁶ Перепонка в тростнике (葭莖) — дальняя родня, седьмая вода на киселе.

Ван же на это кивнул. А в прежние поры правитель над округом Линьцзы вёл с Ваном давнишнюю крепкую дружбу, и некогда ездил к тому он в шатёр¹⁷, и знал, всех, кто жил на его изживении, и правда — там был некто Сюй по фамилии; тогда Ван уж дальше сомненья отверг. Дорогою стали болтать о погоде, да также расспрашивать, как там у брата дела. Сюй сговорился, что вечером разом к хозяину вселятся¹⁸, — Ван согласился на это. Слуге же всё время казалось, что это притворство, он тайно с хозяином план разработал, чтоб мешкать, и медлить, и не приближаться, из вида пропасть, — вот тот стал и невидим.

Днём наступившим, в полдень по солнцу отвесный снова встречает какого-то мужа молодого, лет ему где-нибудь будет шестнадцать-семнадцать, едет на сносливом муле, шапка да платье прекрасны-опрятны, внешностью очень красив. Вместе проехали долгонько так, не обменявшись и словом ни разу. Солнце на запад ушло — юноша этот тут и говорит:

— Там впереди уже будет от Лавок, что На Изгибе¹⁹, совсем недалече!

Ван же негромко на то отозвался. Юноша вслед тому вскрикнул печально да всхлипнул, вздохнувши, «си-сю»²⁰, как будто с собою не мог совладать. Ван осторожно к нему адресует вопросы, юноша же, повздыхав, отвечает:

— Покорный слуга ваш — цзяннанец²¹, фамилия Цзинь, три года огнём у светильника²² грелся, мечтал, что добуду учёную степень,

¹⁷ Шатёр (幕) — здесь: аналог командного пункта воеводы, то есть официальная ставка, присутствие.

¹⁸ Вселиться к хозяину разом (共主人) — остановиться в одной гостинице.

¹⁹ Лавки-На-Изгибе (屈律店) — записывается также 曲律店, название местности в провинции Шаньдун. Название дано по географическому признаку — местность находилась на изгибе Хуанхэ, южнее округа Дэчжоу (德州).

²⁰ Си-сю (歔歔) — звукоподражание всхлипыванию.

²¹ Цзяннанец (江南) — уроженец областей южнее Янцзы; в частности, во время Цин была учреждена провинция Цзяннань, включавшая в себя нынешние провинции Цзянсу и Аньхуй.

²² Огонь светильника (膏火) — под этим словосочетанием часто подразумевается усердная и напряжённая учёба с целью сдать госу-

да вот не рассчитывал после Сунь Шаня в итоге попасть²³. Брат старший — по службе делоправитель среди министерств²⁴; вот я и приехал, привёз своих малых да слабых²⁵, желая отвлечься, развеять тоску. Во всю свою жизнь не был я заобычан таскаться-бродить; здесь дуют в лицо мне всё пыль да песок — истинно это гневит-беспокоит.

Да тут вынимает он красный платок лицо утереть, вздыхает да фыркает без остановки. Речи послушал его — выговор южный слышать, сам же он хрупок и нежен, как будто девица. Вану он по сердцу очень пришёлся, мало-помалу утешил-помог, юноша и говорит:

— Вышло так: первым я мчался да и оторвался, и членов семейства уж долго я жду, а они всё не едут; да как же так: всякие слуги — и тоже никто не подъехал пока? День-то уже свечереет вот-вот, что же тут делать?

Медлит да мешкает, даль озирает, движется крайне неспешно. Ван потому-то вперёд поскакал, и вот всё дальше они друг от друга.

Вечером в заезжий двор притулился, и только заходит в покой — видит, что подле стены там имеется ложе, но прежде уже кто-то из постояльцев поверх него вещи раскинул. Ван тут давай у хозяина спрашивать — да в это время как раз некто входит снаружи, вещи берёт — и на выход пошёл, так сказав:

— Покорно прошу размещаться спокойно, а я сей же час перееду на место другое.

Ван на него поглядел — а это тот Сюй-то и есть; Ван — ну удерживать, вместе чтоб с ним расселиться, Сюй и остался тогда. Вслед тому сели друг с другом беседовать, вскоре за этим ещё некий

дарственные экзамены; так же называется и денежное пособие для учащихся.

²³ Оказаться после Сун Шаня (落孫山) — провалиться на государственных экзаменах. Подробнее см., например, примечание 18 к новелле 148 «Сестры меняются замужеством».

²⁴ Делоправитель среди министерств (部中主政) — неофициальное название делоправителя всех шести министерств, то есть центрального правительства.

²⁵ Малые да слабые (細小) — здесь: жена и дети.

путник свой тащит багаж и в покой к ним заходит, увидел, что Ван вместе с Сюем уже в помещении — назад развернулся, да тотчас и вон, говоря:

— А, вижу, что тут уже есть постояльцы.

Ван пригляделся как следует — это ж тот самый, дорогою встреченный юноша будет!

Ван ничего не сказал, а вот Сюй сразу вскочил да влечёт его, чтоб оставался. Юноша, коли так, тут и уселся, Сюй же давай тогда делать расспросы о месте и роде²⁶ — юноша наново все те же речи, что говорил на дороге, Сюю повторно поведал. Вскоре, внезапно раскрывши кошель, вытащил деньги — скоплено-ссыпано их там весомо — *лян*²⁷ даже с гаком отвесил да и хозяину шлёт; спроворить велит им вина и закусок, чтоб подавали к ночной их беседе; те двое — ну наперебой его унимать да удерживать, — он их и слушать не стал. Вскоре вино да поджарки — всё порасставили равно; во время застолья юноша тот речёт о писаньях весьма просвещённо-изящно. Ван вопрошает, мол, что там в Цзяннани за темы в палатах²⁸ случились — а юноша тот подробно ему и поведал, к тому ж возгласил самолично «вступленье» своё и «развитие»²⁹, а также те фразы из произведения, что лучше всего удались. Вот речи закончил, а мысли его беспокойны весьма, все купно запястья хватают³⁰ его. Юноша снова, на том основании, что вот, все домашние где-то пропали и ночью не сыщется слуг-челядинов, скорбит, дескать, сдюжить не сможет кормёжку скотины; тогда Ван слуге своему приказал, чтоб вместо них выдал бобов да соломы, а юноша очень за то глубоко благодарствовал.

²⁶ Место и род (邦族) — о родных местах и семье, то есть о происхождении.

²⁷ *Лян* (兩) — весовая мера, около 37,3 г.

²⁸ Темы в палатах (閤中題) — темы сочинений на государственных экзаменах.

²⁹ «Вступление» и «развитие» (承破) — две первые части восьмичленного сочинения «Багу вэнь», основного испытания на государственных экзаменах. См. примеч. 16 к новелле 31 «Студень Е», *цзюань* 1, том 1.

³⁰ Хватать запястья (扼腕) — здесь: касанием проявить сочувствие и дружеское расположение.

Недолго ещё посидели — вдруг топнул в досаде и так говорит:

— Вот так во всю жизнь — преткновенья-задержки, а выйдешь за двери — и там не приветит счастливый расклад. Мне в прошлую ночь на дворе постоялом как раз со злодеями выпал ночлег — метали всё зернь, голосили-вопили, лишь слух оглушили да всклучили мысли и не дали людям спокойно поспать.

А в говоре южном та «зернь» прозвучала, как будто бы «чернь», и Сюй ничего тут не понял; упорно о том вопрошает. Тогда этот юноша крутит руками, мол, с виду вот этак; теперь уж и Сюй рассмехался, из торбы своей сердцевины он тут вынимает игральную кость, спросивши:

— Такая ли штука имелась в виду?

И юноша то подтвердил. Тогда Сюй из кости игровой застолью чинит указанье³¹, и все приглашают возлить. Вино уже вот на исходе, тогда Сюй всех просит совместно метать, Хозяин Восточных Путей³² чтоб игрою добылся. Ван отрекается, мол, не умеет. Сюй тогда с юношей вместе на пару давай-ка друг дружке выкрикивать: «Чёрная фишка!»³³ Он же секретно ещё вот что Вану внушает:

³¹ Указанье (令) — то есть игра во время застолья, где проигравший обязан выпить чашу; см. примеч. 15 к новелле 128 «Юй Дэ».

³² Хозяин Восточных Путей (東道主) — скрытая цитата из «Цзо чжуаня» (左傳), цзюань, «Тридцатый год Си-гуна» (僖公三十年), где говорится о чжэнском сановнике Чжу Чжи-у (燭之武), пригласившем войска циньского Му-гуна (穆公) в своё царство. Поскольку Чжэн находилось к востоку от Цинь, то именование гостеприимного хозяина — Хозяин Восточных Путей — подразумевало сперва управителей этого княжества, а потом выражение стало употребляться в обиходе для обозначения радушного хозяина, устраивающего приём. В данном случае имеется в виду «хозяин пирушки», то есть тот, кто будет оплачивать застолье.

³³ Выкрикивать: «Чёрная фишка» (呼盧) — в древнем варианте китайской игры в зернь (другое название Пять колодок, 五木) одна сторона кости окрашивалась в чёрный цвет, вторая сторона окрашивалась в белый цвет. На костях изображались картинки: филин, фазан, телёнок, крепость. Старшинство комбинаций определялось, исходя из цвета и картинки. Самая старшая фишка делалась полностью чёрной, поэтому во время игры её название постоянно выкрикивали, подманивая, таким образом, удачу.

— Вы лишь о том никому не обмолвитесь: принц наш — из варваров южных — весьма изобильно заряжен; годами, опять же, малец. Не нужно глубокого вам пониманья секретов игры в Пять колодок³⁴, я выиграю нынче немного чего, назавтра же — к вам с подношением смиренным.

И оба те вместе тогда перебрались в отдельный покой. Вот вскоре послышался гомон игры чрезвычайно шумливый, Ван скрытным манером туда поглядел и видит: тот самый цисяский приказный — а тоже меж ними играть затесался. Весьма поражён, Ван постлал одеяло и лёг в одиночку. Недолгое время прошло — все скопом они тянут Вана ввязаться в игру; Ван твёрдо в отказ, потому как играть не умеет. Тогда Сюй желает его заменить в «фазанах да совах»³⁵ — Ван снова на то не ответил согласием; коль так — тот за Вана насильно уходит метать. Чрез малое время вернулся к лежанке и Вану вот так рапортует:

— Ты в партии выиграл несколько фишек уже!

А Ван в сновидении-дрёме на то согласился.

Тут несколько вдруг человек по створке наддали и внутрь заходят, заморскою речью бубнят «чжао-чжа»; а главный над ними назвался, мол, Тун по фамилии, и что он от войск от знамённых в дозоре и ловит чинящих игру. В то время на игры запрет был особо суров, и каждый весьма устрасался-робел. Тун громкими криками гнев изливает на Вана, а Ван же, однако, знамённой припиской того своего академика с ним уравнился. Гнев Туна тогда изошёл, и с Ваном он аттестовался-де, та же приписка. Со смехом он тут зазывает по новой играть для забавы, и все как итог возвратились к игре, и Тун тоже взялся играть. Ван Сюю тогда излагает вот так:

— Победа иль проигрыш — мне нету радости слушать, хотелось бы только поспать, не нужно меня будоражить.

Сюй же его и не слышит, по-прежнему сходит-вернётся и всё рапортует. Вот, скажем, игре распасться³⁶ — и каждый считает

³⁴ Пять колодок — см. примеч. 32.

³⁵ Фазаны да совы (梟雉) — другое название игры в Пять колодок.

³⁶ Игре распасться (散局) — заканчиваться партиям; выражение означает окончание игровой сессии и подведение итогов.

здесь фишки да бирки; у Вана ж в нехватке-долгу исключительно много. Тун — ну тогда перетряхивать Вана багаж да кошель, чтобы взять возмещение. Ван распалился с того и давай ополчаться. Цзинь Вана за руку тут схватил, тайно ему сообщает:

— Все они здесь лиходейные люди, и их натуру постигнуть нельзя. Мы же как раз будем с вами содружники по просвещённости, нету такого, что было бы врознь. В ходе игры этой я вот как раз себе выгадал некой поживы расчётно вполне; можно б и вас поддержать. Это ведь дóлжно изъять в возмещение лично почтенному Сюю; я ж попрошу нынче, чтоб поменяли: пусть тогда Сюй возместит что проиграно Туну — вы ж тогда мне возместите. Это не больше, чем временно людям глаза их да уши заткнуть: только минует — по-прежнему вам всё назад и верну. Разве могло бы случиться, чтобы в содружестве нашем — честном да верном — я в самом-то деле решился от вас возмещение принять?

Ван был натурой вельми благородной — из-за того и поверил ему. Юноша тут удалился, дабы о планах взаимной замены Туна как раз известить. Вот перед всеми огулом Вана пожитки-добро разложил, что причиталось в кошель свой сгрузил, Тун тот же час развернулся — и был таков, чтобы Сюя и Чжана сыскать.

Юноша же, завернувши постель, тут и является, с Ваном подушки чтоб соединить; матрас-одеяло — изысканы и превосходны. Ван при всём этом позвал и слугу, дабы возлёг почивать на лежанке; каждый в молчании себе на подушке лежит. Долго прошло этак — юноша тут изнароком на бок крутиться затеял, нижнюю частью с целью к слуге привалиться. Слуга подвигается да от него отступает, юноша сызнава близится — и привалился к нему; кожей касается бёдер предела — гладка-нежна она, словно помада. Сердце слуги и взыграло, пробует с ним поразвлечься, ну а уж юноша здесь с премногим стараньем и более даже: под вздохи и стон одеяло колеблет. Ван, преизрядно наслушавшись этого, хоть и зело изумился-смешался, но ни насколько не усомнился, что там творится чего-то другое. Тьма развиднелась — юноша тут же с постели встаёт, торопит, чтоб вместе пораньше уехать, да и говорит:

— Одёр ваш, почтенный, устал и измотан; а то, что средь ночи вы мне поручили, в дальнейшей дороге прошу разрешения я вам передать.

И, пока Ван ничего не ответил, юноша уж, всю поклажу навьючив, взлез да уселся верхом; Ван — как тут быть, ничего не попишешь — выступил вослед. Мул подвигается ходко, вдаль понемногу уходит. Ван полагал, что тот дальше в пути предлежащем его подождёт, и поначалу вниманья не тратил. Да расспросил он слугу обо всём, что среди ночи расслышал тогда, слуга же всю правду ему рассказал. Ван впал в смятение и говорит:

— Нынче, выходит, что нас провели чинящие хитрый мухлёж! Разве ж бывает известный учёный сановного рода, чтоб предлагал себя, как Мао Суй³⁷, холопу, что служит при стойле?!

Да вот, опять же, припомнил его утончённость-культуру в речах-разговорах — это ведь не по зубам учиняющим хитрый мухлёж. Споро вослед проскакал вёрст немало десятков — нет уж следов-отголосков совсем. Тут он и понял, что Чжан, как и Сюй вместе с Туном, — все-то они одна банда и есть, и — коль уловке какой не пройти — тотчас сменяют другою уловкой; тщательно сыщут такую, чтоб точно в неё угодил. Замена пожитков — долгов возмещение — таила в себе вероятность, что кто-то от этой уплаты сбежит; положим-де этот вот план присвоенья поклажи тут взял бы да и не сработал — тогда б непременно прибегли к тому, что уж сказано раньше: схватили б, отняли — и прочь. Добыть чтобы *цзиней*³⁸ немного десятков — вязаться, как будто бы, нитью³⁹ на много сот вёрст; боясь, что слуга разгадает твои начинанья, пойти самолично на то, чтобы с ним совокупно слюбиться — да, трудно воистину их ремесло, это так!

Потом через несколько лет да вот же и вышел ещё такой с книжником У один случай. В уезде был книжник — фамилия У,

³⁷ Мао Суй (毛遂, 285–228 гг. до н. э.) — клеврет при дворе чжаоского вана времён Борющихся царств, вызывавшийся для исполнения трудных поручений и сам себя рекомендовавший. Здесь это сравнение следует понимать в ироническом ключе.

³⁸ Цзинь (金) — здесь: весовая мера серебра, один лян.

³⁹ Вязаться нитью (委綴) — неотступно преследовать.

прозвание⁴⁰ имел он Ан-жэнь. Когда было тридцать ему — овдовел и жил одиноко в пустом кабинете. Вот раз и явился какой-то *сюцай* беседовать с ним, что вылилось в радость взаимного лада. При нём состоял один маленький раб, по имени звался Гуй-тоу⁴¹; со служкою У — Бао-эр его звали — он также прекрасно сошёлся. Подольше прошло — стало ясно, что оба они были лисы. У, коли вдаль отправлялся, — то с ними всегда непременно. Купно находятся в зале одной — люди другие их видеть не могут. У вот в столице как раз гостевал, думал домой возвращаться — слышит, что с книжником Ваном случилась беда — напоролся на хитрый мухлёрж; служку и предупреждает, чтоб бдительным был. Лисы, смеясь, поясняют: — Нет в том нужды. В этой поездке не будет убытка отнюдь.

Достигли до Чжо⁴² — а там некий один человек коня привязал и в курильне⁴³ сидит, и шуба-одежда изящны-опрятны. Увидел, что У проезжает — и сразу поднялся, вскочил на повозку⁴⁴ и двинулся подле. Помалу затеял он с У разговор, себя называет:

— Я сам из Шаньдуна, Хуан по фамилии, особый посланник палаты финансов⁴⁵. Решил на восток возвращаться да вот и ликую, что едем совместно, не буду уныл-одинок!

⁴⁰ Прозвание (字) — в данном случае имеется в виду второе имя. См. примеч. 4 к новелле 12 «Ван Шестой Молодец», *цзюань* 1, том 1 и примечание 41 к новелле 104 «Лянь-чэн», *цзюань* 3.

⁴¹ Гуй-тоу (鬼頭) — говорящее имя, буквально «Чёртова Голова».

⁴² Чжо[чжоу] (涿[州]) — в описываемое время административная единица (уезд, потом область) в провинции Хэбэй, сейчас город.

⁴³ Курильня (煙肆) — здесь: лавка, где продают и курят табак. Листья табака стали ввозиться в Китай во время династии Мин с Филиппинских островов, прежде всего, с острова Лусон. Пристрастие к табаку постепенно стало повсеместным.

⁴⁴ Вскочил на повозку — ряд комментариев предлагает понимать это место как «вскочил на коня».

⁴⁵ Особый посланник палаты финансов (提堂戶部) — то есть специальный эмиссар, служивший для постоянной связи столичных ведомств с представителями власти на местах. У каждого ведомства был свой посланник, доставлявший в оба конца важные документы и игравший роль связующего звена.

И с этой минуты: пристанет лишь У — и он тоже пристанет; а всякий раз, кушая вместе, он непременно за У возмещает затраты. У же при всех благодарствовал, ну а тайком его подозревал; скрытно об этом у лис расспросил, лисы же лишь отвечают:

— Не будет помех.

У тогда и поослабил раздумья. Вечер подходит — вместе сыскали пристанище-кров; а ещё раньше туда заявился юноша некий прекрасный — внутри восседает. Входит Хуан — и ему сразу, руки сложивши, приветствие ладит; радостно юношу он вопрошает:

— Когда же столицу покинули вы?

А тот отвечает:

— Вчерашнего дня.

Хуан тогда тянет его, чтобы с ними совместно селился, а У общает вот что:

— Ведь это же молодец Ши; двоюродный младшенький он мне братишка, а также муж знаний великих и мог бы вам, сударь, компанией быть в беседах про «Оды» с «Лисао»⁴⁶. Ночной разговор тогда стал бы не столь бесприютным-увядшим.

И тут достаёт он металл-капиталы, на стол чтоб собрали совместно возлить. А юноша тот — его ветер с потоком глубок-неразгадан⁴⁷, и вскоре у них с У возникла большая взаимная склонность-сим-

⁴⁶ «Оды» и «Лисао» (騷雅) — «Оды» (малые и большие) являются частями древнейшего стихотворно-песенного свода «Шицзин» (詩經) или «Книга песен», принадлежащего к Северной культуре Древнего Китая; «Лисао» — поэма древнего государственного деятеля и литератора Цюй Юаня (屈原, 340–278 гг. до н. э.), важнейшая часть свода «Чуские строфы» (楚辭), принадлежащего к Южной культуре Древнего Китая. И тот и другой поэтический свод порождают впоследствии новые литературные жанры, и оба они формируют собой фундамент всей последующей классической литературной традиции Китая и китайской учёности в целом. Поэтому «беседы об „Одах“ и „Лисао“» в данном контексте следует понимать как вообще разговоры, исполненные изящной возвышенности и учёности.

⁴⁷ Ветер с потоком глубок-неразгадан (風流蘊藉) — выражение восходит к «Истории Северного Ци» (北齊書), цзюань 31, «Биографии» (列傳), «Биография Ван Синя» (王昕傳), где так говорилось о матери крупного государственного деятеля эпохи Северных и Южных династий,

патия. Во время пирушки он вечно глазами намёки слал У, чтоб с чашей устроить проказу — заставить Хуана штрафной выпить кубок до дна; плеская в ладоши, смеялся тому — и У он тем больше ещё полюбился. Вот время пришло, что Ши и Хуан собрались тут затеять на деньги игру и У сообща вовлекают; тогда уже каждый из кошелька тащит монеты, чтоб сделать залог. А лисы велят Бао-эру тайком, чтоб он на замок запер створки дверей. И У наставляют, сказавши:

— Как только услышите — кто-то кричит — так тотчас же спать и не двигаться⁴⁸!

У согласился.

У всякий раз, как метнёт: мелкая ставка — так уж проиграет, ставка большая — всегда побеждает; за стражи шагнуло⁴⁹ — добыл, коль исчислить, он две сотни мер серебра. У Ши и Хуана узорный кошель уж обвис-опустел⁵⁰, толкуют, в залог чтоб поставить коней.

Вдруг услышали, что ломятся в дверь — звук небывало свирепый; У тут поспешно вскочил, фишки немедленно закинул в огонь; обвинил

известного своей прямоотой. Ветер и поток — сложная категория, относящаяся к культурной традиции «Сюань сюэ» (玄學), философского течения нового даосского толка; под этим словосочетанием обычно понимается духовное единение с *Дао* и наполненность *Ци*; в обиходе же это словосочетание зачастую обозначает исполненный внутренней чистоты и свободы подлинный талант. В приведённом выражении вполне в соответствии с даосской традицией талант этот характеризуется как таинственный и глубокий, то есть таящий абсолютную потенцию великих превращений, пронизывающих сущее. Впоследствии выражение стало стандартной литературной формулой, обозначающей свободу, глубину и масштаб чьего-то дарования.

⁴⁸ Спать и не двигаться (寢無吽) — скрытая цитата из «Книги песен» (詩經), раздел «Нравы царств» (國風), песня «Заяц медлителен» (兔爰), где лирический герой восклицает, что желал бы уснуть и остаться без движения, то есть умереть во сне. Поэтому совет «спать и не двигаться» следует понимать здесь «затаиться, как убитый».

⁴⁹ За стражи шагнуло (更餘) — время перевалило за 7 вечера — начало ночных страж.

⁵⁰ Узорный кошель уж обвис-опустел (錯囊垂罄) — почти точная цитата из стихотворения «В снегу» (對雪) великого танского поэта Ду Фу (杜甫, 712–770 гг.).

одеяло — фальшиво разлѣгся⁵¹. Долго прошло так — слышит: хозяин ищет ключи, да никак не осилит найти. Сломали запоры, подняли засов, — и несколько тут человек с галденьем и шумом заходят, взыскуют схватить, кто затеял игру. Ши и Хуан — оба толкуют, что нету таких. Один из пришедших, однако же, с У одеяло срывает и указывает, что вот, мол, игрок. У на него ну кричать и браниться. Несколько этих силой поклажу у У проверяют. Не получилось вот только их удержать да отпор оказать — чу, вдруг слышать: за воротами выезд с конями, крик расчищающих и охраняющих⁵². У тут немедленно и выскочил с воплями-криком — все тотчас перепугались, тянут вовнутрь его да умоляют, чтоб не голосил. У же тогда преспокойно-вольготно рогожки свернул⁵³ и вручает хозяину их. Жезлы охраны когда отделились — все сразу начали вон из дверей выходить. Ши и Хуан — вид у них у обоих исполнен как есть потрясенья-восторга, и друг за другом направились спать. Хуан повелел, чтобы Ши вместе с У постель меж собой разделили; У же сперва поясной кошелёк засунул вовнутрь подушки⁵⁴, тогда уже цап одеяло — и ну себе спать. Немного проходит — а Ши одеяло на У раскрывает да плотью нагою стремится в объятия, шёпотом так возвестивши:

— Мне старшего брата люб вышний удел, хотелось бы сладить слиянье тесней!

У в сердце своём понимает-де это обман, но, рассудив, что и выгода тут неплохая, тотчас прильнул да приобнял его. Ши всею силою разнo ему угождает, но кто же знал, что тот У был воистину мужем

⁵¹ Фальшиво разлечься (假臥) — устойчивое словосочетание, обозначает лечь спать, не снимая одежды.

⁵² Расчищающие и охраняющие (呵殿) — сопровождающие знатное лицо охранники, следующие сзади, и расчищающие дорогу дозорные, следующие впереди процессии.

⁵³ Рогожки свернул (芭苴) — здесь: упаковал багаж.

⁵⁴ Вовнутрь подушки — традиционные китайские подушки делались из фарфора или дерева, эргономически повторяя изгибы шеи и головы. Фарфоровые как правило были полыми с отверстиями по обоим концам, деревянные открывались как небольшие сундучки. Таким образом, в подушку можно было спрятать что-то небольшое, и так часто поступали в обиходе с самыми разными целями.

великим, сильно весьма шип наладил в гнездо; стонет-вздыхает тот, словно бы вынести не в состоянии, тихо-тайком прекратить умоляет, У же стремится настойчиво дело закончить. Тронул рукою его — в потоке кровавом дубина плывёт⁵⁵, так-то вот. Тогда отпустил, отослав восвояси.

Ну вот рассвело — Ши в утомлении не может подняться с кровати под той отговоркой, мол, лютая хворь; и только вызывает, чтоб У и Хуан наперёд отправлялись. У перед самым отъездом денег пожаловал, чтоб расплатиться он мог за лекарства-прокорм. Во время пути побеседовал с лисами, тогда и дознался, что ночью приспевшие жезлы охраны — всё лисами это подстроено было. Хуан же как раз по пути ещё больше угодничал, У ублажая. К закату опять ночевали совместно, каморка здесь выпала тесной ужасно, едва ли вмещавшей одну лишь лежанку, но тёплой и чистой весьма; однако же У её счёл узковатой. Хуан говорит:

— Тут если ложиться вдвоём почивать, то будет стеснённо; а если вы сами возляжете — будет просторно, за чем дело стало?

Закончили трапезу — тотчас он прочь. У торжествует, что вот: ночевать в одиночку, так можно позвать своих лисьих друзей. Ан долго вельми просидел, да лисы так и не явились. Вдруг слышит внезапно: по маленькой дверце, что в стенке как раз, вот будто бы пальцами щёлкает кто. У извлекает засов, подглядеть чтоб украдкой, — а барышня юная там в украшениях изящных: тотчас и заходит, замкнув самолично все створки дверей, улыбку свою прямо к У обращая; пригожей красою — бессмертной сродни. У, восхищённый, чинит выяснение-дознание — и так оказалось, что это хозяйского сына супруга и есть. Тогда с ней заигрывать стал, премного утеху-любовь разделяя. Да барышня вдруг слезами, как будто ручьём, залилась. У в потрясении её вопрошать — барышня молвит:

⁵⁵ В потоке кровавом дубина плывёт (血流漂杵) — выражение из «Шу-цзина» (書經), цзюань 6, глава 31 «Завершение войны» (武成), где У-ван, повествуя об одержанной победе над царством Инь, говорил, что кровопролитие было столь ужасным, что в потоках крови плавали [боевые] дубины. Впоследствии стало устойчивым литературным штампом со значением «реки крови».

— Я не осмелюсь скрываться-таить: меня, недостойную девку, хозяин, по правде сказать, ведь послал, чтоб я вас соблазнила. Я в прежние поры в покои войду — так сразу же к нам тут нагрянут и схватят; никак не пойму, что же нынешней ночью так долго, а всё не приходит никто?

Да также со всхлипами и добавляет:

— Я — ваша раба — из хорошей семьи, и всё это мне не по нраву совсем. А нынче я, уж всей душою своею к вам расположившись, молю снизойти: вытащить и спасти!

У услышал — оробел-испугался, план никакой не приходит на ум, разве что быстро долой отослать. Барышня только лишь, голову свесив, рыдает. Вдруг услышали: Хуан и хозяин совместно в створки закрытые бьют, как котёл закипая, да раздаются Хуана слова:

— Я всю дорогу учтиво тебе подносил, за человека тебя полагая, как после этого ты совратил благоверную брата?!

У ужаснулся, барышню силой неволит уйти. Вдруг услышали — за дверцей в стене тоже уже воздымаются звуки ударов; У в торопливости крайней потом, как будто потоком, облит, барышня тоже рыдает ничком. Равно внимают: нашёлся такой, кто прекратить убеждает хозяина, только хозяин не слышит его, двери толкает ещё оголтелей. Тот убеждающий молвит:

— Осмелюсь у вас я, хозяин, спросить: какое вы мыслите дальше безумство⁵⁶? Коль вы собираетесь их убивать, то есть тут подобные мне постояльцы изрядным числом, что точно не будут сидеть, созерцая неистовство зверское. Коли из этих двоих, например, один вдруг возьми себе да убеги чинить наказание — как вы объяснить это сможете? Коль вы собираетесь с тем обратиться в палаты судебные вдруг — так полог и шторы вы не выправляли⁵⁷, достойны

⁵⁶ Какое безумство (胡為) — игра слов; эти иероглифы в прямом смысле означают «что вы намерены делать», но у иероглифа 胡 имеется также значение «безрассудный, сумасбродный», что придаёт в данном случае высказыванию указанную коннотацию.

⁵⁷ Не выправлять полог и шторы (帷薄不修) — выражение из книги «Ханьской истории» (漢書), цзюань 48, «Биографии» (列傳), раздел 18, «Биография Цзя И» (賈誼傳), где так описывается нарушение

лишь, чтобы покрыться позором. К тому же ночлег вы даёте прохожим-приезжим, их — ясно уж видно — ввергая в обман; так что же, чтоб даму свою удержать, не найти вам других аргументов?

Хозяин тогда только вынул очи и слова не может сказать. У, услышавши, был тайно тем тронут весьма, да вот всё так и не знал, кто же это такой.

А до того — двери у лавок как раз закрывались — тут и явился какой-то *сюцай*, он со слугой своим купно приехал, во внешних покоях пристал на ночлег. Имел при себе ароматную брагу и всех угощал, кто с подворья его; и звал он Хуана, а также хозяина с самым недюжинным радушием. Эти-то двое прощаться хотят да вставать — ну а *сюцай* тянет за полы их, твёрдо никак уходить не велит. Позже по случаю всё же они убежали, палки схватив, устремились, где У приютился, ну а *сюцай* тут услышал галдёж да и пошёл наставлять-разъяснять. У, под окном распластавшись, за ним подсмотрел — а это друг его лисий и есть — сердце украдкой взыграло. После глядит — настроенья хозяина все понемногу бессилят, и ну бахвалиться с целью одной, чтоб его напугать. Да потом барышне и говорит:

— Что же молчите вы всё, не сказавши ни слова?

Барышня с плачем в ответ:

— Себя ненавижу — я людям не ровня, а только к другим подсылаема силой презренная тварь!

Хозяин лишь эти слова услышал — лицо, как у мёртвого, тут посерело. *Сюцай* тогда с криком и руганью так говорит:

— Всё, что свершила звериного-скотского братия ваша, — уже абсолютно-сполна прояснилось, и это у нас — постояльцев — совместно рождает лишь истинный гнев!

Хуан да хозяин, коль так, совокупно свои выпускают клинки да дубины, колена склонивши, беспречь умоляют. У тогда, двери открывши, наружу выходит, яро в большом возмущении бранит. Ну а *сюцай* также увещевает, чтоб У перестал, и вот уж две стороны замирились. Только здесь барышня — снова рыдать, лучше, мол,

всех норм домашнего обустройства и воцарение порока в быту; полог и шторы здесь — внутренние занавеси, разделяющие помещение на отдельные закуты, как того требует благопристойность.

смерть, а назад не пойду. Из женских комнат несутся служанки да мамки, барышню тянут домой воротить — барышня же разлеглась на земле, плачет ещё безотрадней. Тут уж *сюцай* убеждает хозяина, чтоб столковался продать её У дорогою ценою. Ну а хозяин, лишь голову свесив, в ответ:

— Как говорится, служил я себе тридцать лет повитухой, да вот сегодня младенчика запеленал вверх ногами⁵⁸, что же ещё тут возможно сказать?!

И поступил точно так, как *сюцай* посоветовал. У ни в какую не мог согласиться тратить большой капитал; так что *сюцай* и давай здесь улаживать торг меж хозяином с гостем. Сладилось всё полусотнею мер серебра. Как завершился обмен человека на деньги — утренний колокол⁵⁹ уж прозвонил — так сообща второпях уложились, барышню взяли с собой и отправились в путь.

Барышня прежде в седле никогда не сидела, быстрой ездой зело истрадалась. В полуденный час ненадолго пристали на роздых; вновь в путь собираются да Бао-эра зовут — а непонятно, куда подевался. Солнечный диск уже к западу клонит — так всё и нету следа-отголоска. Сильно в душе У терялся-дивился да и спросил он об этом у лис. Лисы в ответ:

— Не беспокойтесь, вскоре он лично прибудет сюда.

Звёзды с луною уже показались — тут Бао-эр-то и прибыл. У ну его вопрошать — а Бао-эр, хохоча, говорит:

— Вы, княжич⁶⁰, той полусотнею мер серебра озолотили коварную сволочь; я рассудил, что несправедно это. Мы благовременно вместе с Гуй-тоу наметили, как нам вернуться и их раздобыть.

⁵⁸ Служил тридцать лет повитухой... (作老娘三十年今日倒繡孩兒) — слегка изменённая цитата из сочинения сунского Вэй Тая (魏泰) «Записи кистью с восточной террасы» (東軒筆錄), *цзюань* 7, ставшая крылатой; смысл сентенции — « всю жизнь заниматься ремеслом и вдруг совершить непростительный, непрофессиональный промах ».

⁵⁹ Утренний колокол (晨鐘) — время окончания страж отбивалось ударами особого колокола и барабана.

⁶⁰ Княжич (公子) — здесь: вообще обращение к родовитому и богатому; см. примеч. 19 к новелле 122 «А-ся», *цзюань* 3.

Да вслед за этим он деньги и выложил прямо на столик. У потрясённо его вопрошает, как это; а вышло так, что Гуй-тоу дознался, дескать, у барышни лишь один брат: в даль как уехал — лет десять с лихвою, и не вернулся назад. Вот волшебством обернулся, этого брата и принял обличье, а Бао-эра послал представлять брата меньшого, чтоб в двери ввалился и ну искать, где сестрица. Тут уж хозяин ужасно струхнул, лживо кивает, мол, хворь погубила. Ан двое слуг те хотят обращаться к властям; ну тут хозяин всё пуще страшится да подкупает тогда их деньгами, так понемногу цена к сорока поднялась, — два челядина тогда и ушли. Как Бао-эр это дело в тот раз целиком изложил, У ему деньги те и подарил. У воротился; гусли и цитра⁶¹ верны исключительно, семья богатеет всё больше. Подробнее барышню он обспросил: а прежний красивый тот юноша — так это её был супруг, и вышло, что Ши — он и есть тот же самый, что Цзинь; вот раз завладел он накидкой из горного шёлка⁶², сказав, что обрёл он её у шаньдунца какого-то и что фамилию тот носит Ван. Так и выходит, что банда у них чрезвычайно ватажна и что хозяин двора постоянного — всё будет также из шайки одной. Как так случилось, что, с кем книжник У повстречаться сподобился, были ровнёхонько те, о которых дни напролёт возглашал свои жалобы-ропот сосед Ван Цзы-сюнь? Вот уж и правда — не радость ли это?! Сколь превосходно речение древнее: «Едущий конно легко упадёт!»⁶³

⁶¹ Гусли и цитра (琴瑟) — символ полнейшего супружеского согласия.

⁶² Горный шёлк (櫛網) — особый вид шёлка, производившейся исключительно в провинции Шаньдун.

⁶³ Едущий конно легко упадёт (騎者善墮) — несколько видоизменённое выражение из книги «Хуайнань-цзы» (淮南子), цзюань 1 «Наставление об Изначальном Дао» (原道訓), где говорится, что искусный в плаванье тонет, искусный в езде верхом падает, и каждый своими умениями готовит себе беду.

162.

ПЕНИЕ ЛЯГУШЕК¹

蛙曲

Ван Цзы-сунь говорил мне, что в бытность свою в столице он как-то увидел на базаре человека, делавшего следующий фокус. Он приносил с собой деревянный ящик с рамками, в которых было двенадцать отверстий и в каждом отверстии сидело по лягушке. Фокусник брал тонкую палочку и ударял лягушку по голове. Та сейчас же кричала свое «ва». Когда же ему давали деньги, он начинал ударять всех лягушек по головам, то здесь, то там, словно бил по «облачному гонгу»². И можно было ясно-ясно различить *гун* и *шан*³, театральные мелодии.

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1937 года.

² Облачный гонг — своеобразный китайский инструмент, состоящий из деревянной рамы с десятью отверстиями (3 + 3 + 3 + 1), в которых свободно укреплены маленькие медные гонги — тарелочки одинаковых размеров, но не одинаково утолщающиеся к середине, отчего происходит разница в нотах звучания. Эти ноты делятся на пять так называемых «прямых» и пять «чистых». Инструмент держат одной рукой, а другой бьют молоточком по тарелочкам. Он имел значение в обрядовой музыке дореформенного Китая.

³ Китайская гамма обозначается, конечно, иначе, нежели наша, при посредстве особых иероглифов.

163.

МЫШИНЫЕ СПЕКТАКЛИ¹

鼠戲

Ван Цзы-сунь мне рассказывал, как один человек на улицах Чанъани давал за деньги мышинные спектакли.

У этого фокусника на спине был мешок, в котором он держал с десяток, а то и больше маленьких мышей. Каждый раз, как собиралась густая толпа, он становился посреди неё и вынимал небольшую деревянную рамку. Устраивал её на плечах — и выходило точь-в-точь похоже на театральную сцену². Тогда он ударял в барабан и кастаньеты, а сам напевал разные древние арии³.

Только что звуки арий начинали раздаваться, как из мешка выползала мышь, надевала маску⁴ и платице актёра, потом со спины

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1937 года.

² ...похоже на театральную сцену — в Китае сцена с трёх сторон от зрителя совершенно открыта; закрыта только входная часть с дверями для актёров.

³ ...напевал древние арии — наиболее ценившиеся и часто исполнявшиеся пьесы в Китае — оперы, арии которых своим совершенно исключительным распространением почти вытесняли китайскую народную песню.

⁴ Маска — явление для китайского актёра крайне редкое; у мышей она, очевидно, заменяла грим.

вскарабкивалась на сцену. Там она вставала в позу человека и начинала делать мимические движения.

Изображала то мужчину, то женщину⁵, горе или радость — всё решительно, как следует по тексту пьесы.

⁵ Изображала то мужчину, то женщину — китайский актёр обычно пел и мужские и женские роли. Последние он исполнял положительно виртуозно, хотя это и требовало от него очень продолжительной и тщательной тренировки, делавшей его почти непригодным к исполнению мужских ролей.

164.

ГЛИНЯНЫЙ КНИЖНИК¹

泥書生

В деревне Лоцунь² был такой Чэнь Дай, смолоду тупой да омерзительный, а вот взял жену из рода Н на редкость пригожую. Сама она, поскольку благоверный достался не то что у других, грустила-тосковала, все надежды потеряв. Однако ж блюла добродетель-чистоту, и свекровь с невесткой мирно себе уживались. Как-то вечером почивала одна, вдруг слышит — порыв ветра двери распахнул, заходит какой-то книжник, снимает одежду и шапку да и ложится с нею купно. Барышня изумилась-перепугалась, упорно от него отбивается, а тут жилы да кости вдруг ослабели, слышит лишь, что он с ней сблизился скабрезно, да и был таков. С этой поры неизменно порожних ночей не случилось. Миновал месяц с лишком — вид да наружность увяли-обескровили; матушка поражается, спрашивает отчего, а та сперва из стыда-позора и не хотела говорить; настойчивее выспрашивает — та всё как есть и рассказала. Матушка в ужасе и говорит:

— Это ж нечистая сила, истинно!

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Лоцунь (羅村) — деревня, находившаяся в уезде Цзычуань провинции Шаньдун, к северу от места проживания Пу Сун-лина.

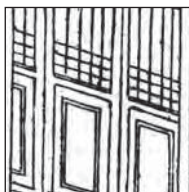

Сотней волхований творили сему отворотный заговор, а так до конца и не смогли изжить. Тогда отряжают Дая залечь да укрыться в спальне с дубиной в руках, чтоб выслеживал.

Вот ополуночи книжник и правда снова появился, шапку свою положил он на столик, да и халат тоже разоблачил и нацепил на одёжную вешалку; только собрался возлечь на кровать, вдруг говорит потрясённо:

— Ох-ох, духом живым человеческим несёт!

Споро одежду набросил опять — а тут как раз Дай во тьме вдруг как резво вскочи — ну колотить по бокам-пояснице, звуки доносятся только «та-жань»³; стал озирать все четыре стены⁴ — а того книжника уж и не видно; связал хворостины, зажёл посветить — одежда из глины — какой-то предмет — низвергнулась на пол, ну а на столе повязка⁵ из глины ещё возлегает.

³ Та-жань (塔然) — звукоподражание ударам.

⁴ Озирать четыре стены (四壁張顧) — всматриваться во все стороны.

⁵ Повязка (巾) — имеется в виду головная повязка, своеобразная шапка, без которой появляться на людях в Старом Китае мыслилось невозможным.

165.

СУПРУГА БОГА МЕСТНОСТИ¹

土地夫人

Некто Ван Бин из Дяоцяо², направляясь из деревни, углядел, что из храма бога местности выходит какая-то красотка, оборачивается и глядит на него весьма приветливо. Ну к ней подбиваться словами похабными — та в радости полной приемлет с весельем. Чтоб сблизиться-слиться приют не нашёлся, так вот и условились ночью случиться. Бин ей тогда назначает свиданье, где сам и живёт. Ночь наступила — и верно явилась, в крайнем восторге слюбились они. Вот испрошает фамилию-имя — та ж ни в какую не сообщает. И с того часа меж ними сплетение не прерывалось. Бывало, что Бин со своею женою совместно лежат — красавица тут непременно заявится, чтоб с ним соитье чинить, ну а жена и не ведает вовсе, мол, есть тут и кто-то ещё. Бин в изумлении её вопрошает, красавица же говорит:

¹ Перевод А. Г. Сторожука

Бог местности (土地) — одно из основных божеств простонародной религии Китая, покровитель всех начинаний над подконтрольной ему территории. В ранге божеств бог местности занимает отнюдь не высокую ступень, но популярность и востребованность его в обиходе чрезвычайно велика.

² Дяоцяо (窈窕) — название деревни в провинции Шаньдун, уезд Цзычуань.

— Я богу местности здешней супругой являюсь, вот так!

Бин впал в смятение великое, срочно намерился с нею порвать — да тут и сотня расчётов не в силах её отдалить. Поскольку тянулось всё это с полгода, слёг в измождённости и уж не встал. Красавица же заявлялась ещё непрерывнее, все поголовно домашние стали её замечать. Мало прошло — тут уж Бин наконец-таки помер. Ну а красавица та: что ни день — заявляется раз. Бина супруга её распекает словами:

— Бес похотливый, нисколько ж сама не стыдится! Ведь человек уже мёртвый лежит — снова припёрлась, к чему же такое?

Тут уж красавица вон подалась, больше и не возвращалась.

Бог местности хоть и маленькое, а всё-таки божество, неужто ж нашёлся бы такой, кто стерпит, когда его супруга сама на случайки бегают? В глупости-безрассудстве, наверное, до такого-то не дойдёт! Не знаю, что за тварь заблудила там до беспамятства, но теперь и через тысячу лет скажут, что в этой деревне имелся гнусный, презренный и бестолковый дух, и несправедливая обида в том, да!

166.

ФУЖУНЫ В МЕСЯЦ СТУЖИ¹

寒月芙蕖

Цзинаньский даос — не знаю, откуда он был, да и фамилия его не выяснена — зимой и летом одевался всего-навсего в какой-то простой, без подкладки, халат, подпоясанный жёлтой тесьмой, — помимо же этой одежды не имел ни штанов, ни зимней куртки. Он пользовался половинкой гребня, которым сначала причёсывался, а потом втыкал его в волосы наподобие шапки.

Целые дни бродил он, как говорится, красными ногами² по площадям, а ночью укладывался на улице, причем на расстоянии нескольких футов от его тела стаивали до конца и лёд и снег.

Когда он только что появился, то сразу же начал проделывать перед толпой морочащие людей фокусы, и все, кто бывал на площадях, наперерыв старались его задаривать.

Какой-то местный шалопай подарил ему вина и просил сообщить ему его искусство. Даос не соглашался. Тогда, воспользовавшись случаем, когда даос купался в реке у переправы, он быстро подбежал, схватил одежду даоса и стал вынуждать у него согласие.

Даос сделал ему вежливое приветствие и сказал:

¹ Перевод В. М. Алексеева. Текст приводится по изданию 1923 года.

Фужуны — лотосы.

² То есть босиком.

— Прошу вас, соблаговолите вернуть мне платье. Я уж не посплюсь на моё искусство!

Шалопай, боясь, что он обманет, ни за что не соглашался выпустить одежду из рук.

— В самом деле, не отдадите? — спросил даос.

— Нет.

Даос замолчал, больше уж не стал с ним разговаривать. Вдруг шалопай видит, что жёлтая тесьма превратилась в змею, обхватом в несколько ладоней, которая раз шесть, а то и семь обернулась вокруг его головы, сделала злые глаза, подняла вверх голову и высунула жало прямо на него.

Человек сильно перепугался, стал на колени и так стоял. Лицо позеленело, дыхание заторопилось. Стоял на коленях и умолял о жизни. Тогда даос взял от него тесьму, которая, как оказалось, вовсе и не была змеей. Но появилась действительно змея, особая, новая, которая, свиваясь и крутясь, вползла в город и там исчезла.

С этой поры слава даоса стала ещё ярче. Услыхав о всех этих его необыкновенных штуках, местная знать стала приглашать его к себе, и теперь он стал заходить в гости к господам, пользовавшимся, как старшие, во всей округе уважением. Начальник особого ведомства всей этой области, в ушах которого уже было имя даоса, привлекал его к себе всякий раз, как у него собирались гости.

Однажды даос, желая отблагодарить всех своих досточтимых знакомых за вино и угощение, пригласил их в беседку «Водно-го Лона»³. Когда наступил назначенный день, то каждый из них на своём письменном столе нашел пригласительное письмо даоса. Откуда оно появилось, было непонятно.

³ Располагая в дни, о которых речь, большим количеством времени, китайцы любили сидеть за обедом и попойкой чуть не весь день. В обычае было поэтому освобождаться от тесных комнат ресторана и выбирать для пира место среди природы, особенно знаменитое по своим красотам. Таковым является знаменитое Даминское озеро в Цзинаньфу, о котором здесь речь и на котором подобных беседок-островов было несколько.

Гости направились в означенное место к обеду. Даос, изогнувшись в приветливую позу, выходил им навстречу. Однако, войдя в помещение, они увидели лишь пустую беседку, совершенно безлюдную, в которой ещё не было поставлено ни диванов, ни столов. Всякий из них решил тогда, что даос позвал их зря.

— У бедного даоса нет прислуги, — сказал он, обращаясь к представителям местной власти, — позвольте утрудить вас просьбой одолжить мне на время пришедших с вами слуг, чтобы несколько сменить меня в суе и беготне!

Все сановники дали своё согласие. Тогда даос нарисовал на стене пару ворот, ударил в них рукой, и там появился сторож, который встал и загремел ключом. Все бросились смотреть. Видят — там суетливо и беспокойно бегают туда-сюда люди, а ширмы, пологи, диваны и столы уже все наготове. Сейчас же подошёл человек, который стал вещь за вещь передавать за дверь, а даос велел чиновничьим слугам принимать их и расставлять в павильоне. При этом он запретил им обмениваться словами с теми, кто был внутри, за дверью, и вот, одни подавали, другие принимали — посматривали, улыбались — и только. Прошло несколько минут — и мебель заполнила собой весь павильон; красота, роскошь превзошли все пределы возможности.

Затем стало распространять свой чудесный аромат превосходное вино, и от жаркого шёл вкусный запах. Всё это появлялось по передаче из стены. Ни один из сидевших гостей не мог удержаться, чтоб не ахнуть от изумления.

Павильон выходил своею задней стороной на озеро, и всегда в шестой луне десятки *цинов*⁴ были покрыты лотосами, так что куда ни глянь — нет конца. Пир происходил в самую острую пору зимних холодов. За окнами была безбрежная пустыня вод, туманно зеленело — и только. Один из чиновников как-то случайно вздохнул и сказал:

— Смотрите, какой сегодня чудный у нас день... А жаль, что ко всему этому вдобавок нет лотосов! Все присутствующие поддержали его.

⁴ *Цин* — около 5,5 десятин.

— Да, да, конечно, — восклицали они.

Мгновение — и человек в синем⁵ вбежал с докладом о том, что пруд уже полон листьями лотоса. Все были повержены в бесконечное изумление, раскрыли окно, стали всматриваться — и действительно, видят, что всё поле зрения занято зеленеющими луковицами лотосов. Миг — и на десятках тысяч стеблей разом раскрылись тысячи бутонов. На гостей подул северный ветер, и аромат лотоса всочился им в самый мозг. И все решили, что это — чудо.

Послали слугу на ялике рвать цветы. И вот видят, как он вдалеке въехал в гущу цветов. Через небольшой промежуток времени он повернул ялик и грёб обратно, пришёл и явился с белыми⁶ руками. Чиновник спросил, в чём дело.

— Ваш маленький человек поехал туда на лодке. Вижу — цветы там вдали, на горизонте. Стал это я потихоньку подъезжать к северному берегу, глядь, а они, наоборот, далеко-далеко, там, в южной заводи!

— Это, знаете ли, — смеялся даос, — пустые цветы миража-сна!

Вскоре вино кончилось. И лотосы тоже опали и завяли. Налетел северный ветер, смявший,ломавший лotosовые крыши, и от них ничего не осталось.

Дзидунский, генерал-надзиратель⁷, преисполнившись к даосу симпатии, взял его с собой в свою резиденцию и стал забавляться с ним каждый день.

Однажды генерал сидел с гостями и пил. У него было прекрасное вино, родовое наследие, для которого им была положена мера в *доу*⁸, и пить его много он не позволял. В этот день, о котором речь, гости, выпив этого вина, нашли его очень вкусным и настойчиво просили, чтобы хозяин им вылил все до дна. Генерал решительно отказал под тем предлогом, что вину уже конец. Даос засмеялся и сказал, обратясь к гостям:

⁵ Человек в синем — на древнем языке это было литературным обозначением слуги.

⁶ То есть с пустыми.

⁷ Важный провинциальный чиновник особых поручений.

⁸ *Доу* — мера ёмкости, около трёх фунтов жидкости. В Китае жидкости продавались, как и у нас, то по ёмкости сосуда, то по весу.

— Вы, господа, непременно хотите наполнить, как говорится, свои почтенные утробы. Потребуйте этого от бедного даоса — и он исполнит вашу просьбу.

Гости стали просить. Даос взял винный чайник, всунул его в рукав и через самое короткое время вытащил. Вытащил и стал наливать всем сидевшим за столом. Ни малейшей разницы с тем, что было запасено у генерала! Пили во всё своё удовольствие — и, наконец, кончили.

Генерала взяло подозрение. Он пошёл к себе посмотреть винный жбан. Оказывается, запечатано, как полагается, крепко-накрепко, но пусто — внутри ничего! Стало стыдно, разозлился; велел схватить даоса, считая его бесом, и дать ему палок. Но только что палки коснулись даоса, как генерал почувствовал внезапную боль в ляжках. Дали ещё — мясо на ягодицах готово было треснуть. И выходило так, что, хотя даос стоном ревел у крыльца, генерал исходил кровью у себя на троне.

Остановил, велел перестать бить и отпустил.

Даос после этого ушёл из Цзи в неизвестном направлении. Впоследствии кто-то повстречал его в Цзиньлине. Он был одет так же, как и раньше.

Человек стал было его расспрашивать, но даос только смеялся и ничего не отвечал.

167. ВИННЫЙ БЕЗУМЕЦ¹ 酒狂

Мяо Юн-дин был отобранным *гуниэном*² из Цзянси. По природе своей обладал неистовством к вину, и родичи-семья зело опасались и сторонились его. Как-то случаем оказался дома у дяди по отцу³. Мяо был человеком острословным-потешным, отличным шутником, гости, побеседовав с ним, приняли радостно, вот и стали совместно кутить-возливать. Мяо опьянел, что называется, дозволил вину бранить восседающих⁴, оскорблял гостей. Гости огневались, всею

¹ Перевод А. Г. Сторожука.

² Отобранный *гуниэнь* (拔貢生) — отобранный по результатам конкурса, проводившегося начальником учебными делами провинции, студент, представляемый для поступления в училище Гоцзыцзянь или для прохождения столичных экзаменов. Конкурсы для отбора проводились один раз в 10–12 лет.

³ Дядя по отцу (族叔) — термины родства в Китае предельно конкретны и практически не содержат общих понятий (брат, сестра, дядя), всегда точно указывая степень старшинства, линию родства и прочее. В данном случае имеется в виду младший брат отца.

⁴ Дозволил вину бранить восседающих (使酒罵座) — аллюзия на эпизод из «Исторических записок» (史記) Сыма Цяня (司馬遷, 145(135?)–86(85?) гг. до н. э.), *цзюань* 107, «Биографии», раздел 47, «Биографии Вэйциского и Уаньского *хоу*» (魏其武安侯列傳), где рассказывается о генерале Гуань Фу (灌夫, ?–131 гг. до н. э.), которому Уаньский *хоу*

толпою подняли шум; дядя самолично утрясал-улаживал, мирно разрешая. Мяо заявил, что тот, скажем так, ради гостей обнажил левое⁵, стал пуще ещё свою злость вымещать. Дядя же — делать тут нечего — срочно сообщил обо всём его домашним; домашние явились, взяли под ручки — да и восвояси. Лишь уложили его на кровать — а уж конечности все обезжизнили⁶; стали охлопывать — а он внезапно и дух испустил.

Как Мяо помер — и возмись тут человек в вороной шапке⁷, схватил — и прочь. В скором времени достигли до управы-присутствия, лазурный нефрит там замест черепицы⁸, в целом свете не сыщешь такой красы-великолепия. Довёл до самых ступеней, словно бы алчет дожидаться приёма у чина начальственного. Мяо думает себе: «В чём же моя вина состоит? Должно б то — гости донос написали про драку-побои».

Оборотился к тому в вороной шапке — он грозно таращится, словно бы бык, Мяо тогда и вопрошать не посмел. Да и сам рас-

пенял на то, что тот по своей прямой натуре и под действием вина ругательно ругал и не выказывал почтения к явившимся ко двору «восседающим». Впоследствии выражение стало крылатым и стало обозначать «во хмелю давать волю натуре, оскорбляя присутствующих».

⁵ Обнажить левое (左袒) — здесь: пристрастно принять чью-то сторону в споре.

⁶ Обезжизнить (厥) — термин из традиционной медицины Китая, обозначающий остановку тока жидкостей и дыхания; применительно к конечностям это похолодание, онемение, потеря чувствительности.

⁷ Человек в вороной шапке — судя по всему, здесь имеется в виду Чёрный У-чан (黑無常), один из двух духов, вытаскивающих души из тел новопреставленных и отправляющих их на предварительное загробное дознание. Описывается как крайне недоброжелательный и грозный страж, облачённый в чёрные длинные одежды и высокую чёрную шапку. В отличие от своего напарника — Белого У-чана (см. примеч. 12 к новелле 95 «Почтенный Тан», цзюань 3), Чёрный У-чан не склонен разговаривать с конвоируемыми или проявлять к ним какое-то снисхождение.

⁸ Лазурный нефрит там замест черепицы (縹碧為瓦) — слегка изменённая цитата из стихотворения ханьского литератора и государственного деятеля Лю Тао-ту (劉駒駘, ?–126 гг.), впоследствии ставшая расхожей метафорой для лазурной глазурованной черепицы.

судил, что, если *гуниэн* с кем-то, скажем так, и померился речью, то, пожалуй, это провинность небольшая. Вдруг на зальном возвышении какой-то приказный всенародно возглашает, что пусть по судебным пришедшие надобам назавтра пораньше заявятся ждать. Тут стоявшие под возвышением один за другим — кто куда без разбора, как птицы да звери, рванув врассыпную. Мяо тоже вслед за тем, кто в вороной шапке, вышел, да нет совершенно, куда возвращаться, вот, вжавши голову, и стал под стрехою какой-то лавки. Тот в вороной шапке гневно и речёт:

— Брагою свихнутый хамская рожа — бездельник! Солнце уже на закате, каждый отправился выискать, спать где и кушать; а ты куда наострился?

Мяо, дрожа-трепеща, отвечает:

— Я же вообще ещё знать-то не знаю, какое тут дело; да и к тому же домашним сказать не успел, поэтому нет ни на волос богатств-капиталов, куда же мне здесь направляться-идти?

А в вороной шапке и говорит:

— Брагою свихнутый изверг! Коль о винце, чтоб себя напиться, — ведь точно имеешь расходные средства! Станешь ещё отпираться — так разможжу кулачищем почтенным твой спятивший череп!

Мяо тут голову свесил, не смеет и голос подать.

Вдруг какой-то человек выходит из ворот, видит Мяо и, дивясь-изумляясь, говорит:

— А ты чего заявился?

Мяо поглядел на него — а это его дядя по матери. Дяде фамилия Цзя, и помер уже сколько-то лет тому. Мяо его увидал — да вдруг внезапно и постиг, что и сам уж помер, да сердцем всё больше робеет-печалится. Вот дяде, роняя слёзы, и возглашает:

— Дядя родимый, спасите меня!

Цзя, поглядевши на того, в вороной шапке, говорит:

— Дун-лина⁹ гонец — нам отнюдь не чужак, почтите ж визитом мой утлый домишко!

⁹ Дун-лин (東靈) — ниже в тексте назван Дун-лин [да ваном] (東靈 [大王]), по одной из версий, это Дун-ван-гун (東王公), правитель

И оба они тут к нему и зашли.

Цзя дважды раскланялся перед тем в вороной шапке да ну отсылать поручения, так скажем, с прямым взглядом¹⁰. Через короткое время подали вино и закуски — вот и уселись купно возливать; Цзи тут спрашивает:

— Что мой племянник такое содеял, что вас утрудили схватить-привести?

А тот в чёрной шапке ему отвечает:

— Великий правитель поехал с визитом к владыке Фу-ло¹¹; познав бесноватую ругань племянника вашего, послал меня, чтобы схватил и, добыв, притащил.

Цзя спрашивает:

— Предстали уже пред правителем?

В ответ:

— С владыкой Фу-ло разбирают совместно дела попрошаек и нищих¹², уехал — ещё не вернулся.

острова бессмертных Пэнляя. Скорее же всего, здесь имеется в виду не он, а Повелитель царства мёртвых — Государь Восточного Пика, Дуньюэ Дади (東嶽大帝), посыльные которого действительно препровождают души к загробному суду. Вместе с тем есть предположение, что в данном случае Пу Сун-лин приводит вообще имена божеств, выдуманные им самим.

¹⁰ С прямым взглядом (青眼) — здесь: с почтением и предупредительностью, глядя прямо в глаза. Во фразе содержится намёк на эпизод из «Цзиньской истории» (晉書), цзюань 49, «Биографии» (列傳), раздел 19, «Биография Жуань Цзи» (阮籍傳), где говорится, что великий поэт и государственный деятель Жуань Цзи (阮籍, 210–263 гг.), встречая по службе тех, кто был ему неинтересен, подкатывал глаза и обращал к ним лишь белки, а на тех, кто привлёк его внимание, смотрел прямо и заинтересованно.

¹¹ Владыка Фу-ло (浮羅君) — ряд комментаторов считает, что это может быть указание на Тай-Шан-Лао-Цзюня, Великого Высшего Владыку, то есть даосскую религиозную интерпретацию древнего мудреца Лао-цзы (老子, VI–V вв. до н. э.), но такая версия не кажется убедительной. Скорее всего, как и Дун-лин [да ван], это некий придуманный самим Пу Сун-лином святой.

¹² Попрошайки и нищие (花子) — разные комментаторы толкуют эту фразу по-своему: кто-то полагает, что двое святых правителей совмест-

Тот снова с вопросом:

— А что мой племянник — какую ему-то вменяют вину?

В ответ разъясняет:

— Да это пока я и сам не дознался. Однако ж Великий правитель гневится весьма на таких вот, подобных ему.

Мяо, сидя сбоку, послушав речения этих двоих, от трепета-ужаса потом залился, ни чаши, ни палочек не в состоянии поднять.

В скором времени тот в вороной шапке встаёт и с благодарностью речёт:

— Удостоился полною чашей, и уже, так случилось, совсем захмелел! И племянника сим драгоценного вам поверяю и препоручаю! Правитель вернётся — так снова дозволейте визит нанести.

Да с тем удалился.

Цзя тут-то Мяо и говорит:

— Нет у тебя ведь, племянник, братьев помимо; мать и отец так тебя обожали, как жемчуг, в ладони сокрытый¹³, часто снести не могли, чтоб хоть раз избранить. Было шестнадцать-семнадцать когда тебе лет, всякий раз после, как выпьешь три чаши, — бурчишь да бормочешь, ища у других недостатки; лишь малость не сходится где — так ломишься в двери извечно, сам голый и с бранью. Всё ещё мыслили — зелен годами. Да ведь не знали, что минет ещё лет десяток с лихвой, а ты, племянник, и вовсе вперёд не шагнёшь. Нынче вот что тут прикажешь поделаты!

Мяо ничком на земле возрыдал, всё лишь твердит, что раскаялся, да уже поздно. Цзя его тянет к себе, говоря:

— Дядя твой здесь промышляет, вино продавая, и вот снискал небольшое, но доброе имя, и соберёт непременно все силы. Тот,

но рассматривают дела нищих, обретших состояние бессмертных, кто-то считает, что так может звучать именование какого-то неустановленного божества. В свете сказанного выше, вполне возможно, что здесь упоминается некий вообще не существовавший в китайских верованиях святой, имя которого сочинено самим писателем.

¹³ Жемчуг (жемчужина) в ладони (掌上珠) — символ обожаемого ребёнка; сравнение восходит к стихотворению Цзянь Яня (江淹, ~404–505 гг.) «Фу скорби о любимом детище» (傷愛子賦).

с кем случилось сейчас возливать — это же личный посыльный Дун-лина, дядя нередко вином угощает его, и отношения их с дядей весьма неплохи. Великий правитель — что день — тьма с довеском¹⁴ забот, и тут никакой непереносимости нету, что в памяти будет держаться. А я же окольным путём с ним беседу построю, моля, чтоб под действием личных резонов племянника он отпустил; возможно, так станет, что он согласится.

Но тут же, вдобавок размыслив-подумав, речёт:

— Но эту задачу взвалить-превозмочь тяжело непомерно, и здесь без ста тысяч её разрешить никакой вероятности нет.

Мяо благодарит, решительно вызывается сам нести расходы, на том и поладили. Мяо тогда и остался ночевать у дяди.

На другой день тот в вороной шапке спозаранку прибывает проверить-обозреть. Цзя запросил у него личной беседы, поговорил недолгое время да и заходит, объявляя Мяо:

— Ну вот, сговорились. Чрез малое время сюда он зайвится снова, сначала отдам ему полно, чем сам обладаю, да также прибегну к залогу; и жду, что племянник, когда возвратится, достаточной мерою скопит и мне переправит.

Мяо радостно спрашивает:

— А общая стоимость будет какая?

В ответ:

— Сто тысяч.

А тот:

— Племянник откуда же сможет такую вот прорву достать?

Цзя говорит:

— Только лишь сотня обвязок бумажных монет золотых для сжиганья¹⁵ — и будет довольно.

¹⁴ Тьма с довеском (萬幾) — цитата из «Шуцзина» (書經), цзюань 4, глава 2 «Планы Гао Яо» (皋陶謨), где говорится о загруженности государственными делами. Впоследствии выражение становится крылатым, обозначая «тьма дел по управлению страной».

¹⁵ Бумажные золотые монеты (金幣錢紙) — один из видов приношений усопшим, представляющий собой выполненные из рыхлой бумаги и покрытые золотой и серебряной краской муляжи драгоценных

Мяо счастливо сообщает:

— Это как раз-то легко предпринять.

Ждали, пока установится полдень, а тот в вороной шапке так и не пришёл. Мяо захотел выйти на торг, немного прогуляться-поглазеть; Цзя велит, чтобы не отходил далеко, тот пообещал да и отправился. Видит: на улицах торгуют-переторговывают, всё точно, как и меж людей. Достиг какого-то места — шипастые стены отвесным обрывом, похоже, что это узилище тут. Ворота напротив — как раз винная лавка, и все наперебой входят и заходят весьма ватажно. А за лавкой раскинулся длинный поток, чёрные воды клокочут-текут, и глубоко — дна отнюдь не видать. Только пристал на ходу, чтобы досконально разглядеть, как слышит — кто-то в лавке и возгласи:

— Мяо почтенный, вы что ж заявились?

Мяо поспешно взглянул, кто такой, а это книжник Вэн из соседней деревни, прежде, десятью годами раньше, были они в литературном содружестве. Вышел поспешно и за руку жмёт¹⁶, радостен, как и при жизни бывало. И тут же они прямо в лавке учинили небольшое возлияние, каждый поведал, как жил, разлучившись. Мяо, ликуя, что всё удаётся, да ещё встретил старинного друга, мысли склонил, чтоб лишь вылакать чаши. Хмелем набрался да и забыл вдруг, что помер уже, всё повернувши на старую моду: стал постепенно нудить про пороки-изъяны у Вэна. Вэн говорит:

— Столько ведь лет уж, как мы не видались, что же ты наново всё за своё?

Мяо всегда ненавидел, коль кто-то про его винные подвиги скажет; слыша, что Вэн произнёс, пуще взъярился, по столу

слитков, монет и пр. После благословения и сжигания эти сокровища должны возникнуть в потустороннем мире в виде настоящих золотых слитков и тому подобного в точном соответствии их объявленному номиналу. В одной ритуальной связке предполагался эквивалент тысяче монет, соответственно сто связок — это как раз и будет искомые сто тысяч.

¹⁶ За руку жмёт (握手) — в Старом Китае не существовало рукопожатия как формы приветствия, но старые друзья из добрых чувств могли при встрече или расставании коснуться руки приятеля. См. примеч. 12 к новелле 1 «Экзамен на Чэнхуана», *цзюань* 1, том 1.

хватать! — и тотчас же браниться. Вэн на него покосился, взмахнул рукавами¹⁷ — да тут же и прочь.

Мяо погнался вослед, достиг берега потока и сорвал с Вэна шапку¹⁸; Вэн в гневе промолвил:

— Вот уж и впрямь нечестивец какой!

Да и толкнул Мяо, так что тот свалился-полетел прямо в поток. Воды потока-то отнюдь не то чтобы глубоки, однако же в водах тех лезвий точёных — что конопли сбилось, язвят-протыкают бока да голяшки; очень здесь трудно вихлять-продвигаться — боль пробирает до мозга костей. Чёрные воды перемешаны наполовину с дрызгом да помоями — вместе с дыханием в горло втекают, вытерпеть это ещё невозможней. На берегу люди глазают, смеются, стеною вставши, а вот никто не потянет — не вытащит. Время пришло опасно-е-лютое, — Цзя вдруг как раз прибежал. Глянул-узрел да весьма испугался, вытащил-вытянул — и возвращаться, сказав:

— Ты и вправду неизлечим! Помер, а всё так же ничего не понял, не заслуживаешь снова человеком стать. Испрошу паки от Дун-лина, чтоб заполнить тебе топор и плаху!

Мяо премного струхнул, плача, речёт:

— Признаю, что виновен!

Цзя тогда говорит:

— Только что был тот посыльный Дун-лина, ждал тебя, чтоб ты расписку оставил, а ты пошёл выпивать да распутничать и не вернулся; он же заботой теснился и ждать больше был не способен. Так что я сам ему отдал расписку, тысячу связок вручил, дабы он удалился. А остальное — так срок положили, пока десять дней не иссякнут. Ты, как вернёшься, обязан немедленно всё обустроить: полночью выйдешь долой за деревню, в заросли дикие ста-

¹⁷ Взмахнуть рукавами (拂袖) — уйти в негодовании. См. примеч. 26 к новелле 104 «Лянь-чэн», *цзюань* 3.

¹⁸ Сорвал шапку (掣帽) — поступок, в традиционном Китае являвшийся верхом оскорбления и неприличия, немислимый ни для кого, поскольку появление в присутственном месте без головного убора было потерей лица для конфуциански воспитанного человека и не имело оправданий.

нешь, — дядино имя кричи и сжигай подношенья, этот обет тогда можно исполнить, вот так!

Мяо всецело на то согласился; Цзя понуждает тогда отправляться и, проводивши до самых предместий, вновь наставляет, сказав:

— Ты нипочём своё слово не съешь¹⁹, чтоб меня не подставить!

Тут ему путь показал и велел возвращаться.

К этому времени Мяо лежал, окоченевши, уже три дня, домашние говорили, что это он от пьянства помер. Но дыхание у носа слабенько-украдкой держалось, словно на шелковинке подвешенное. В этот день и очнулся в великой дурноте, выблевал несколько ковшей чёрной влаги, смердящей — обонять невозможно. Как закончил изрыгать — потом промокли матрас да подстилка, в теле же стало свежеть и яснеть. Рассказал домашним о чудесах, повернулся — чувствует: места проколов болят и раздулись, а ночь спустя превратились в нарывы, да, на счастье, не слишком бурно гноем текущие. Десять дней — и понемногу смог уже с палкой продвигаться. Домашние купно умоляют его погасить загробный долг; Мяо прикинул затраты на это — без нескольких мер серебра не сдюжить, вот и взяли его скупость-скопидомство, молвит:

— Что случилось — то, видно, в хмельном сновидении мороков край показался, и только. А даже если оно и не так, он ведь тогда самовластно меня отпустил, нешто осмелится паки загробным владыкам о том объявить?

А что домашние молят его, он и не слушает. Впрочем, на сердце тревога-смятенье остались, вот и не смеет по новой распущенно пить. Сельское дружество всё восхитилось шагом его к добронравию да потихоньку и стало с ним бражничать разом.

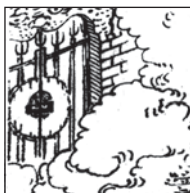
Год минул с лишним — долг замогильный забылся помалу, мысли растлились помалу, да так, что потом и в чертах проступили помалу. Однажды возливал он в семье кого-то из младших отпрысков да снова давай поносить хозяина и присутствующих. Хозяин выставил его вон, двери замкнул и тотчас удалился. Как Мяо начал галдеть ещё пуще — так его сын уж про это проведал, под руки взял и домой

¹⁹ Съесть слово (食言) — нарушить клятву.

проводил. Зашёл к себе в дом — встал на колени к стенке лицом, ну бить челом — не сочтёшь, сколько раз, говоря:

— Тотчас верну тебе взятое в долг! Тотчас верну тебе взятое в долг!

Речь завершив, повалился на землю. Стали смотреть — ну а дыханье уже отлетело.

Приложение

Фулу

附錄

В. М. АЛЕКСЕЕВ. ПРЕДИСЛОВИЕ [К СБОРНИКУ «МОНАХИ ВОЛШЕБНИКИ», 1923 Г.]

I

Монахи, о которых идёт речь в этих рассказах Пу Сун-лина, писавшего под псевдонимом Ляо Чжай, вмешиваются в человеческую судьбу на правах волшебников. В чарах их волшебства поток событий принимает совершенно обратное естественно-ожидаемому направление, и этим автор выигрывает в фабуле.

Народная фантазия, давшая Ляо Чжаю канву его рассказов, представляет себе монаха в двух видах: с одной стороны, это презренный тунеядец, обманщик и смешной человек; с другой — это святитель, знающий магические приёмы и потому опасный, заслуживающий всяческого почитания и не подлежащий оскорблениям. Ляо Чжай взял, конечно, вторую версию отношений народа к монахам, ибо рассказы его, считающиеся шедеврами литературного творчества, не анекдоты и не пасквили.

Китайский монах — это, прежде всего, монах буддийской религии, сэн, тамынь, на разговорном языке — хэшан. Он, как преемник и последователь учения Будды, малодоступного во всей своей сложности простому

человеку, идеализуется, главным образом, как святитель, вмешивающийся в тайны перерождения одной формы бытия в другую. Запутав фабулу рассказа до безвыходности, Ляо Чжай берёт монаха — сэна, как некоего *deum ex machine* античного театра, и заставляет его распутать весь узел событий, невидимая ткань которых была, как всегда, оказывается, единственно реальной. Омрачение же людей мира состояло в том, что они, отнесясь к монаху с насмешкой и пренебрежением, не усмотрели в нём проникновенной личности и чудотворца.

Затем, это монах даосской веры, начавшейся, как и буддизм, с философии отрицания мира и бога и вместе с ним превратившейся в служение миру и богу. Идеальная личность монаха этого толка предполагает, точно так же, постижение им тайн сверхбожества, отвлечённого и непостижимого простыми людьми Дао, а потому и вооружённого против зол жизни, которая для него проста, как для фокусника фокус. Этот монах, главным образом, фокусник и есть, хотя и компетенция в перерождении форм бытия ему не чужда.

Таким образом, вся группа рассказов, объединённых в этом томе, разрешает свою интригу вмешательством хэшана или даоса, святителей, чудотворцев, гипнотизёров и фокусников. Перед нами вопрос: как нам отнестись к этим рассказам и их автору? Верил ли он сам во всё это, — хотя бы и в начале XVIII века, — при какой обстановке и зачем он их писал?

II

Начать с этого самого слова: вера, верить. В одном и том же китайском слове *синь* совмещено два мировоззрения, вряд ли уживающиеся друг с другом. *Синь* конфуцианца-джентльмена означает пятое из основных достижений светлой конфуцианской личности: веру в людей, которым человек благородства служит и которых призывает к такому же служению. В это же самое время *синь* буддийское означает религиозную веру в Будду и его благодать, которая для простолюдина несложна: перерождение в лучшую форму бытия и подание земных благ. Следовательно, это *синь* есть нечто обратное первому: вера не в людей, а в бога; вера, соединённая, скорее всего, с презрением к людям и ищущая высших сил.

Ляо Чжай был учёный конфуцианского воспитания, и, поскольку он был искренний последователь этого учения, его *синь* была верою в людей,

не нуждающейся ни в какой сверхъестественной силе и санкции, а тем более — в суеверии (ми синь). Конфуцианство всегда было принципиальным атеизмом, презирало религии, возглавляемые (хотя бы и в поздней лишь стадии) божеством, как, например, буддизм, даосизм, христианство, и вело с ними жестокую борьбу, не останавливающуюся перед государственным преследованием. Следовательно, Ляо Чжаю, аспиранту на государственные должности и потому обязанному исповедывать конфуцианский символ веры без всяких компромиссов, было как будто не к лицу писать рассказы, переполненные лисьими и всякими иными оборотнями, бесами, наваждениями и, наконец, чудесами, исходящими от монахов.

И действительно, решаясь выступить с огромным сборником подобных рассказов, он написал очень интересное к нему предисловие, в котором, заранее учитывая все насмешки, которые конфуцианцы-ортодоксы будут в него направлять, он указывает, однако, на примеры крупных литературных имён, не чуждавшихся сверхъестественных тем, особенно в тех случаях, когда автору, знающему себе цену, совсем иную, нежели та, что ему давали другие, в жизни, говоря попросту, не везло. Он звал к себе все стихии, особенно незримые, и обращался к ним за справедливостью.

Всё предисловие есть как бы извинение перед читателем и сообщение ему оснований, по которым Ляо Чжай пал так низко. В Китае такое предисловие было необходимо. Вряд ли оно было бы необходимо у нас, где гоголевский «Вий», «Ундина» Жуковского, «Русалка» Пушкина не нуждаются в оправданиях. А между тем при переводе их на китайский язык пришлось бы китайскому читателю очень многое сказать по поводу этих тем и точно так же задать вопрос: верили ли наши писатели в то, о чём писали? В сущности говоря, вопрос одинаково нелеп как в первом, так и во втором случае, и на нём приходится останавливаться, исключительно чтобы избежать недоразумений, могущих мелькнуть в уме неподготовленного читателя.

III

Прекратив разговор о вере и неверии в бесов и оборотней, остановимся на уважении к человеческому вымыслу, который, по самой своей природе, должен быть безграничным. Наложить на него узду в том или ином виде

значит быть просто варваром, и, следовательно, такое крупное имя, как Ляо Чжай, живущее до сих пор на своей родине полной жизнью, в наших оправданиях и изъяснениях не нуждается. «Мои предшественники по литературному жанру, — говорит Ляо Чжай в своём предисловии — сами пели небесными свирелями, не выбирая нравящихся мелодий... И правильно, очень правильно!» Вымысел Ляо Чжая есть, таким образом, «небесная свирель», т. е. звук стихий, не подчиняющихся указке и воздействию человека.

Однако, не трудно видеть, что, давая полный простор этой самой свирели своего вымысла, Ляо Чжай увлекался ею не более, чем всякий другой новеллист. Самым ценным, как для него, так и для умеющих его читать, было мастерство литературного приёма, заключавшегося в обработке народного поверья на интеллигентский, литературский лад.

Для этого он, прежде всего, усилил, до необычайной яркости столкновение химеры с действительностью, сгладив, в то же время, эпизодические неровности, на которые сказка не обращает внимания.

Затем, он изложил сообщённое ему в разговорной форме на самом сложном и тонком литературном языке, отстоящем от разговорного чрезвычайно далеко, — так далеко, как не знающий китайского языка и представить себе не может. Так, например, заигрывая с очутившейся среди полей плачущей девушкой, которая, очевидно, не получила никакого образования, молодой студент произносит следующую фразу: «Цин, хэ чоую? Хо кэ сяоли — бу цы е!» В этой фразе нет ни одного разговорного слова, она не слышима уху и, потому, в карикатурном виде — ибо русский язык бессилен передать мысль в неслышимой версии — эта фраза может, приблизительно, звучать для безграмотной женщины «по-русски» так: «Синьора, á quoi bon детрессы и тритрессы? Эвентуально силу дэвлопировать — не откажусь; sic!» На самом деле, студент сказал, вероятно, так: «Сяо гуняр, ни выйшымма нэма булэи? Уо яошы нынчау бандзун, цзю бу цылоба!», иначе говоря, слова совершенно иные, и тогда смысл ясен: «Барышня, что это ты такая невесёлая? Если я могу тебе помочь, не — откажусь!»

Отсюда ясно, что язык Ляо Чжая непереводим, и вся его русификация — грубая подделка — вернее, перевод с предварительного перевода на разговорный язык насыщенной, литературной речи Ляо Чжая. Однако, в местах описаний, стихах, характерных письмах и т. д. можно до некоторой степени приблизиться к оригиналу, а так как, за исключением диалогов, таких мест едва ли не большинство, то это именно приближение

и можно принять за некоторый перевод, хотя и прерываемый поминутно примечаниями.

Этот литературный приём и есть, пожалуй, главное достоинство рассказов Ляо Чжая, написанных для учёных самой тонкой духовной организации, которым, например, не претит даже самая грубая эротика, раз она дана в двойственном языке. С утратой в переводе этого именно приёма и литературного достоинства, мы возвращаемся к фабуле талантливого рассказчика, сталкивающего химеру и действительность на протяжении двух-трёх строк с такою силой, какая вряд ли какому другому новеллисту была знакома.

IV

Однако, при переводе с восточных языков нужно, кажется, сильно разграничить области: область всечеловеческого воспринимаемого читателем легко и свободно, и область специфического, воспринимаемого с трудом и раздумием. В повестях Ляо Чжая первым элементом является фабула, говорящая сама за себя, хотя лишь в ничтожной, по сравнению с оригиналом, степени. Вторым — тот самый литературный приём неслышимого, условного языка, о котором только что шла речь, и который с оговорками и примечаниями в добросовестном переводе (а не беглом переложении) не усваиваем.

Есть, однако, ещё третий литературный приём, не менее важный, чем первые два, к которому нужно читателя точно также подготовить.

Конфуцианец Ляо Чжай, конечно, не удовлетворился бы простым преданием литературной гладкости народной сказки. Его далёкий учитель заповедал ему приобрести с классическим образованием углублённый и решительный критицизм, направленный к суждению человека по поступкам и тайным, непроявленным намерениям.

И Ляо Чжай от этой миссии не отступил. Он ввёл в свои рассказы, помимо суеверных простолюдинов, и учёного, который, таким образом, волею вымысла Ляо Чжая очутился во власти враждебной ему по духу образования стихии. Стихия эта, однако, — особенно в виде женщины-красавицы и волшебника с рогом изобилия — соблазнительна, так что конфуцианский, джентльменский устой подвергается самому серьёзному искушению.

И вот, психология борьбы страсти с заповедью и рассудком, словесная казнь, клеймление неустоявшего, — и, наоборот, хвала герою, — составляет третий литературный приём Ляо Чжая, выразившийся с особою выпуклостью в его «послесловиях» («Историк этих странностей скажет здесь так...»). Написанные особо изысканным языком, они точно так же принадлежат к специфическому элементу литературного произведения, и поэтому, усваиваются, — как в оригинале, так тем паче в переводе — не без труда и раздумия.

Однако, эти сопроводительные послесловия не везде налицо, и в этом нельзя не усмотреть некоторого чувства меры: иначе все рассказы пахли бы тематичностью. С другой стороны, иногда они разрастаются в огромные литературные тирады, превышающие своими размерами рассказ.

Здесь переводчику порой приходилось пасовать, ибо фраза у Ляо Чжая в этих случаях сплошной намёк, остроумие — в двойном смысле каждого слова, что при переводе дало бы сплошные загадки, сопровождаемые громоздкими примечаниями.

▼

Остаётся сказать ещё несколько слов о расположении материала.

В самом оригинале «Ляо Чжай чжи И» рассказы идут друг за другом, объединённые одним лишь И, т. е. причудливыми странностями всякого рода (главным образом, нечистой силой), этот порядок был бы, вероятно, наиболее нормальным.

Однако, в 1919 году, когда был начат перевод этих повестей, переводчик не был уверен в том, что ему удастся дать полный перевод всех 445 повестей. Тогда он решил объединить рассказы в серии сюжетов, вроде таких: «Лисьи чары», «Монахи-волшебники», «Гадатели-маги, вещие сны», «Феи» и т. д.

При этих условиях тематическое объединение является единственным способом сообщить каждому тому законченность, снабдить его объединяющим сюжеты предисловием. Впрочем, если в «Лисьих чарах» сплошная тема лисы могла утомлять читателя, то в этом томе, где монаху-волшебнику отводится иногда лишь краткая, эпизодическая, хотя и решающая роль, одна и та же тема сильно укрыта за очень сложной фабулой, что позволяет смотреть на сборник, как на необъединённый помимо оригинала.

В добавление к предыдущим словам о переводе и его отношениях к оригиналу, остаётся сказать, что в этом томе перевод ещё ближе к оригиналу, чем в предыдущем, а в связи с этим стоит и разросшееся количество примечаний.

Переводчик думает, что подобное решение задачи для него, по крайней мере, единственное.

Апрель 1923.

В. Алексеев

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	9
Предисловие	12

ЦЗЮАНЬ 3

83. На Реке	17
84. Дочь господина Лу	19
85. Даос [угощает]	33
86. [Оскорблённый] Ху	39
87. Фокусы	45
88. Нищий хэшан	49
89. Усмиряет лисицу	53
90. Затаившийся дракон	55
91. Бессмертная Су	59
92. Ли Бо-янь	63
93. [Нежный красавец] Хуан Девятый	71
94. Цзиньлинская барышня	87
95. Почтенный Тан	91
96. Ямараджа	99
97. Лянь-со	101
98. [Фокусы] даоса Даня	117

99.	[Чары и феи] Бо Юй-юя	119
100.	Якшина держава	135
101.	Маленький шиньон	147
102.	Монахи с запада	151
103.	Старый прожора	155
104.	Лянь-чэн	163
105.	Студент Хо	177
106.	Ван Ши-сю	181
107.	Шан Сань-гуань	187
108.	Юй Цзян	193
109.	[Чудеса] Второй Девочки	195
110.	Гэн-нян	209
111.	[Чародей] Гун Мэн-би	221
112.	Хохлатый скворец	235
113.	Лю Хай-ши	239
114.	Разъяняет чертям	245
115.	Глиняный чёрт	249
116.	Во сне расстались	253
117.	Фонарь-пёс	257
118.	Монахи-иноземцы	261
119.	Лиса-наложница	263
120.	Громовой управитель	271
121.	Талисман игрока	283
122.	А-ся	289
123.	Ли Сы-цзянь	299
124.	Великий муж Пяти Баранов	303
125.	Мохнатая лиса	307
126.	Пянь-пянь	311
127.	Чёрный зверь	323

ЦЗЮАНЬ 4

128.	Юй Дэ	329
129.	Цяньцзун Ян	336
130.	Тыквенная невидаль	338
131.	[Верная сваха] Цин-мэй	339
132.	Ракшасский морской базар	357

133. Тянь Седьмой Молодец	385
134. Рождает дракона	401
135. Бао Чжу	403
136. Дева Гунсунь Девятая	407
137. Сверчок	425
138. Сючай Лю	437
139. Наводнение	441
140. Некто Н из Чжучэна	443
141. Казначейский чиновник	447
142. Цензор из Фэнду	451
143. Дракон без глаз	455
144. Лиса острит	457
145. Дождь монет	467
146. Наложница бьёт злодеев	471
147. [Как он] выгнал привидение	475
148. Сёстры меняются замужеством	479
149. Пока варилась каша (Продолжение старой истории) ...	489
150. Дракон берёт воду	503
151. Маленький ловчий пёс	505
152. Шашечный чёрт	509
153. [Подвиги] Синь Четырнадцатой	515
154. Вероучение Белого Лотоса	537
155. Пара фонарей	543
156. [Как он] хватал лису и стрелял в чёрта	547
157. Одёр возвращает долг	551
158. Голова катается	555
159. Дух устраивает пир	557
160. [Лис-невидимка] Ху Четвёртый	563
161. Хитрый мухлёж	569
162. Пение лягушек	591
163. Мышиные спектакли	593
164. Глиняный книжник	595
165. Супруга бога местности	598
166. Фужуны в месяц стужи	601
167. Винный безумец	607

В. М. Алексеев. Предисловие
[к сборнику «Монахи волшебники», 1923 г.] 618

Научное издание

Пу Сун-лин

**Ляо Чжай чжи и
(Странные истории из Кабинета Неудачника)**

Полное собрание в 12 цзюанях

В 7 томах

В переводах с китайского
академика В. М. Алексеева и профессора А. Г. Сторожука

Том второй

Предисловие к сборнику: А. Г. Сторожук
Комментарии В. М. Алексеева и А. Г. Сторожука
Каллиграфия А. Г. Сторожука

Составление: А. Г. Сторожук
Отв. и науч. редактор Д. И. Маяцкий
Художественное оформление, вёрстка: Е. В. Владимирова
Корректор Т. В. Хорошавина

Подписано в печать с оригинал-макета

Формат $70 \times 100 \frac{1}{16}$.

Усл. печ. л. 51,03. Тираж 500 экз. Print-on-Demand. Заказ 671.

Издательство Санкт-Петербургского государственного университета
199004 Санкт-Петербург, 6-я линия В.О., д. 11/21. Тел. (812) 328-4422

Отпечатано в типографии Издательства СПбГУ
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5